Власть истории – История власти

Том 11. Часть 8. (№66)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 11. Issue 8. (№66)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 27,875

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2025

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481
Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482
Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department "Theory and History of State and Law" of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Far Eastern State University of Communications" (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Артаев С.Н., Каминова К.Ю., Сангаджи-Горяева Г.С., Джиоева Р.Р. Мимика и жесты в коммуникации.....14

Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Кормильцева Д.А., Даурова А.Б. Лингвострановедческий подход к художественному тексту (на материале имен собственных в романе Г. Свифта «Свет дня»).....24

Губин А.Ю. Влияние биографического контекста на понимание писателем роли и задач литературы: на примере Федора Гладкова.....32

Ермолова К.А. Восприятие театра в критических работах: диахронический и языковой аспекты.....41

Ильясов В.С. Искажение коранической картины мира в переводах Корана XVIII века на русский язык.....51

Науменко М.Г., Стратийчук Е.Ю. Косвенные речевые акты в англоязычном медиадискурсе.....59

Пакус В.О. Авто-образ США в военном конфликте с Афганистаном в президентском дискурсе.....68

Рашидова А.Д., Иманалиева Г.А. Выявление отношения студентов филологического факультета к использованию повествовательного текста на занятиях английского языка.....77

Содикова Р.А. Формальная эквивалентность и безэквивалентность грамматических единиц в английском и таджикском языках (на примере предлогов).....84

Усмонова М.Н. Семантико-функциональные особенности некоторых таджикских заимствованных междометий и их английских эквивалентов.....94

Артаев С.Н., Каминова К.Ю., Сангаджи-Горяева Г.С., Джиоева Р.Р. Вежливость в коммуникативном поведении.....102

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Смирнов А.В. Формирование новой стратегии изоляционизма правительством США. Дискуссии в конгрессе по вопросу нейтрального статуса СССР в европейском военном конфликте.....111

Кевинус Дженесис Взаимодействие между суверенитетом государства и международным обязательством по законам о беженцах: перспектива внешней политики.....128

Хакк Ш.А. Эволюция внешней политики республики Индонезия в отношении Туркменистана (1992-2024 гг.).....147

Осипов Е.А. Советско-Ливийские
отношения в 1969-1976 гг.: взгляд из Франции.....157
Мелик-Багдасаров А.С. Обострение
территориального спора Венесуэлы и Гайаны по Эссекибо.....167
Коломыц О.Г., Коломыц Д.М., Галеева М.А.
Война как закономерность развития капитализма:
Россия в межимпериалистическом соперничестве XIX-XX веков.....172
Кевинус Дженесис Возрождение России
в геополитическом ландшафте Африки.....182
Губайдуллин Р.Р. Формирование
«Сендеро Луминосо», её идеологические особенности
и первые шаги революционной деятельности.....198
Верховский И.А. Политика
Российской империи в Адриатическом регионе
накануне Первой мировой войны (1908-1914 гг.).....210
Алайчиев У.К. Киргизские религиозные общины
во время войны (1941–1945 гг.): государственный
контроль над религией, борьба с религиозной
идеологией и духовная опора общества; вклад мусульман.....220
Хошев А.Ю. Проблемы развития сербской
национальной культуры в социалистической Хорватии
и история создания в 1989 г. Сербского культурного общества «Зора»...227
Цао Ханьюань Кодекс власти и цивилизации в придворной
музыке династии Мин и его влияние на местную религию.....240

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Платонова Н.М. Целлюлозно-бумажная
промышленность Сахалинской области
в исторической ретроспективе (1905 – начало 2000-х гг.).....246
Карпенкова Т.В. К вопросу о тенденциях развития
наций и народностей в постсоветский период (1991-2025 гг.).....262
Аккиева С.И., Темmоев И.Ю.
Имперская и советская модернизация на Северном Кавказе.....270
Макарова Д.Д., Иванова Д.Е., Иванов К.С., Иванова А.С.
Советский быт 1930-х годов через призму
периодической печати и художественной литературы.....280
Бабенко О.В. Оперы М.И. Глинки в публикациях
русской театральной периодики конца XIX – начала XX в.....289
Билан О.А., Фирсов А.Г. Этапы переселенческой политики
России в конце XIX – начала XX вв. в отечественной историографии....295

Веселков И.Р., Денисюк К.В.,
Полтаракова К.М., Сергеева С.С., Шубина Е.И.
Противоэпидемические мероприятия осенне-зимнего периода
1942-43 г. и план мероприятий на 1943-44 г. в Архангельской области...303
Дарчиев А.В. Осетинский культ грозового
божества в рукописном наследии Е.Г. Пчелиной.....318
Денисов А.А. Быт дворян Пошехонского уезда
Ярославской губернии в 1830-1870е годы через призму
романа «Пошехонская старина» М.Е. Салтыкова-Щедрина.....326
Еремина-Соленикова Е.В. Петербургский
танцмейстер Франц Иозеф Финцент: опыт восстановления
биографии по делопроизводственным документам.....333
Ерошков К.Ю., Попова М.Б.,
Семёнова Э.Ю., Иванов К.С., Иванова А.С.
Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти.....341
Фидарова К.К., Калабекова С.В., Кулова М.Л., Погосова К.Л.
Философские основания и современные
вызовы образовательной инклюзии в высшей школе.....354
Куваева А.А., Кубова Р.А. Трансформация
демографической политики в регионах России: вызовы
и перспективы (на материалах Республики Адыгея) (2015–2025 гг.).....360
Петряева А.В., Пыхтин А.И.
От объявлений в газете до ЭВМ: эволюция набора
в советский вуз на примере Курского политехнического института.....369
Синицын О.В. О процессах цифровизации
в исторической науке и историческом образовании
в России (по материалам периодической печати).....384
Суслова А.А. «Подрывная литература»: революционные брошюры
в отчётах Главного управления по делам печати МВД России (1909 г.)...393
Салихов Р.Т., Гали Б.Т., Галиуллин Р.Р., Гатауллина Л.Н.
История и особенности формирования суфийских
тарикатов: всеобщего единства к региональному многообразию.....403

Аннотации.....409
Авторы.....440

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Artaev S.N., Kaminova K.Yu., Sangadzhi-Goryaeva G.S., Dzhioeva R.R. The role of mimic gestures in the communication of the Kalmyks.....14

Achaeva M.S., Pospelova N.V., Kormiltseva D.A., Daurova A.B. A cross-cultural approach to a literary text (based on proper names in H. Swift's "The Light of Day").....24

Gubin A.Yu. The influence of biographical context on a writer's understanding of the role and purposes of literature: the case of Fyodor Gladkov.....32

Ermolova K.A. Perception of theatre in critical works: diachronic and linguistic aspects.....41

Ilyasov V.S. Distortion of the Quranic worldview in 18th-century Russian translations of the Qur'an.....51

Naumenko M.G., Stratiychuk E.Y. Indirect speech acts in English-language media discourse.....59

Pakus V.O. Auto-images of America in military conflict in Afghanistan in the presidential discourse.....68

Rashidova A.D., Imanalieva G.A. Identification of the attitude of students of the faculty of philology to the use of narrative text in English classes.....77

Sodiqova R.A. Formal equivalence and non-equivalence of grammatical units in English and Tajik languages (on the example of prepositions).....84

Usmonova M.N. Semantico-functional features of some Tajik borrowed interjections and their English equivalents.....94

Artaev S.N., Kaminova K.Yu., Sangadzhi-Goryaeva G.S., Dzhioeva R.R. Politeness in communicative behavior.....102

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Smirnov A.V. The US government's development of a new isolationist strategy. Congressional debates on the issue of the USSR's neutral status in the European military conflict.....111

Kevinus Genesis The interplay between state sovereignty and international obligation on refugee laws: a foreign policy perspective.....128

Haqq S.A. Evolution of foreign policy
of the republic of Indonesia towards Turkmenistan (1992-2024).....147
Osipov E.A. Soviet-Libyan relations in 1969-1976: a view from France....157
Melik-Bagdasarov A.S. Exacerbation
of the territorial dispute between Venezuela and Guyana over Essequibo.....167
Kolomyts O.G., Kolomyts D.M., Galeeva M.A.
War as a pattern of capitalist development:
Russia in inter-imperialist rivalry (19th-20th centuries).....172
Kevinus Genesis The resurgence
of Russia in Africa's geopolitical landscape.....182
Gubaidullin R.R. The formation of Sendero Luminoso,
its ideological characteristics and the first steps of revolutionary activity.....198
Verkhovsky I.A. The policy of the Russian Empire
in the Adriatic region on the eve of the First World War.....210
Alaychiev U.K. Kyrgyz municipal
communities during the war (1941–1945):
state control over religion, the struggle with religious ideology
and the spiritual support of society; the contribution of Muslims.....220
Khoshev A.Yu. Problems of development
of Serbian national culture in socialist Croatia and the history
of the creation of the Serbian Cultural Society "Zora" in 1989.....227
Cao Hanyuan The code of power and civilization
in the court music of the Ming dynasty and its influence on local religion.....240

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Platonova N.M. The cellulose and paper industry
in the Sakhalin region in historical retrospective (1905 – early 2000s).....246
Karpenkova T.V. On the issue of trends in the development
of nations and nationalities in the post-Soviet period (1991-2025).....262
Akkieva S.I., Temmoev I.Yu.
Imperial and soviet modernization in the North Caucasus.....270
Makarova D.D., Ivanova D.E., Ivanov K.S., Ivanova A.S.
Soviet life of the 1930s through the prism of periodicals and fiction.....280
Babenko O.V. Glinka's operas in the publications
of the Russian theatrical periodicals of the late 19th–early 20th centuries.....289
Bilan O.A., Firsov A.G. Stages of Russia's resettlement
policy in the late 19th – early 20th centuries in Russian historiography.....295

Veselkov I.R., Denisyuk K.V., Poltarakova K.M., Sergeeva S.S., Shubina E.I. Anti-epidemic measures in the autumn-winter period of 1942-43 and the plan of measures for 1943-44 in the Arkhangelsk region...303

Darchiev A.V. Ossetian cult of the thunder deity in the manuscripts of E.G. Pchelina.....318

Denisov A.A. The everyday life of the nobility of Poshekhonsky district of Yaroslavl province in the 1830s-1870s through the prism of the novel Poshekhonskaya starina by M.E. Saltykov-Shchedrin.....326

Eremina-Solenikova E.V. St. Petersburg dancing master Franz Joseff Vincent: an experience in re-storing biography from office documents.....333

Yeroshkov K.Yu., Popova M.B., Semyonova E.Yu., Ivanov K.S., Ivanova A.S. The siege of Leningrad in individual and collective memory.....341

Fidarova K.K., Kalabekova S.V., Kulova M.L., Pogosova K.L. Philosophical foundations and modern challenges of educational inclusion in higher education.....354

Kuvayeva A.A., Kubova R.A. Transformation of demographic policy in the regions of Russia: challenges and prospects (based on the materials of the Republic of Adygea) (2015–2025).....360

Petriaeva A.V., Pykhtin A.I. From newspaper ads to computers: the evolution of enrollment in a Soviet university using the example of the Kursk Polytechnic Institute.....369

Sinitzyn O.V. On the processes of digitalization in historical science and historical education in Russia (based on materials from the periodical press).....384

Suslova A.A. "Subversive literature": revolutionary pamphlets in the reports of the main directorate for press affairs of the Russian ministry of internal affairs (1909).....393

Salikhov R.T., Gali B.T., Galiullin R.R., Gataullina L.N. History and specifics of the formation of Sufi Tariqas: from universal unity to regional diversity...403

Abstracts.....428

Authors.....443

Артаев С.Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Каминова К.Ю.

Магистрант направления филология, профиль русский язык и литература, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Сангаджи-Горяева Г.С.

Студент направления филология, профиль зарубежная филология, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Джиоева Р.Р.

Студент направления филология, профиль зарубежная филология, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Мимика и жесты в коммуникации*

Аннотация. Статья посвящена исследованию невербальных средств коммуникации в калмыцкой лингвокультуре. Они представляют собой жесты, мимику, позы, интонацию, тембр, темп. Мимика является одним из важных элементов невербального коммуникативного поведения, характеризующая менталитет, особенности характера калмыцкого народа. Среди мимических жестов особое внимание занимает улыбка. В калмыцком языке имеются лексемы, которые могут обозначать различные по качеству и степени интенсивности жесты-улыбки. В невербальном поведении калмыков выражение некоторых эмоций связано с состоянием лица, с его отдельными частями (смущение, нерешительность, недовольство, мнительность, пренебрежение, досада и др.). Взгляд также является сред-

* © Артаев С.Н., Каминова К.Ю., Сангаджи-Горяева Г.С., Джиоева Р.Р., 2025.

ством установления контакта между собеседниками. У разных народов различная характеристика взгляда, связанная с его направленностью. Монгольские народы с помощью взглядов передают значительно больше информации, чем европейцы. У них широко используются мимические проявления, связанные с «оттенком» взгляда, выражением глаз.

Ключевые слова: жесты, коммуникативное поведение, мимика, взгляд, калмыцкий язык.

Artaev S.N.
Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Kaminova K.Yu.
Master's student in philology, majoring in Russian language and literature of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Sangadzhi-Goryaeva G.S.
Student student in philology, majoring in Foreign Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Dzhioeva R.R.
Student student in philology, majoring in Foreign Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

The role of mimic gestures in the communication of the Kalmyks

Abstract. The article is devoted to the study of non-verbal means of communication in Kalmyk linguistic culture. They are gestures, facial expressions, postures, intonation, timbre, tempo. Mimicry is one of the important elements of nonverbal communicative behavior, characterizing the mentality, character traits of the Kalmyk people. Among the mimic gestures, a smile occupies a special place. The Kalmyk language has lexemes that can denote different in quality and degree of intensity of smile gestures. In nonverbal behavior of the Kalmyks, the expression of some emotions is connected with

the state of the face, with its separate parts (embarrassment, indecision, dissatisfaction, mistrust, disdain, annoyance, etc.). The gaze is also a means of establishing contact between interlocutors. Different peoples have different characteristics of a gaze related to its direction. Mongolian peoples with the help of looks transfer much more information than Europeans. They widely use facial expressions associated with the "shade" of the gaze, the expression of the eyes.

Key words: gestures, communicative behavior, facial expressions, gaze, Kalmyk language.

Невербальная коммуникация является одним из значимых элементов в общении. При устной коммуникации обязательно используются невербальные средства общения, которые представляют собой жесты, мимику, позы, интонацию, тембр, темп и др. Данные невербальные знаки непосредственно связаны со зрением и слухом человека.

Данная проблема представляет собой одну из актуальных и интересных тем, связанных с коммуникативным поведением народа. «Невербальная коммуникация играет важную роль в человеческом общении, так как данные средства общения не только дополняют смысл вербального сообщения, но и полностью характеризует личность говорящего. Более того, сопровождая слова, жесты, мимику и т.д. передают особенности этнического поведения носителей определенной культуры, определенного этноса» [2].

Цель данного исследования – определить роль мимических жестов, взгляда в коммуникации калмыков. Материалом исследования послужили данные художественной литературы калмыцкого народа, представленные в Калмыцком национальном корпусе и Калмыцкой электронной библиотеке.

Исследования невербальных средств общения в калмыцкой лингвокультуре нашли отражение в трудах таких ученых как Г.Ц. Пюрбеев, Е.Э. Хабунова, Т.С. Есенова, С.Н. Артаев [12, 15, 4, 5, 2, 3]. Невербальное коммуникативное поведение калмыков тесно связано с нормами, традициями, обычаями и религией калмыцкого народа.

Следует отметить, что менталитет калмыков устроен так, что при общении наблюдается некоторая сдержанность в поведении. Влияние на это оказали уклад и образ жизни калмыков. Даже по отношению к собственным детям сохранялась сдержанность, не проявлялись эмоции. Это все характеризует этнические особенности поведения.

Мимика является одним из важных элементов невербального коммуникативного поведения, характеризующая менталитет, особенности характера калмыцкого народа. К этнически отмеченным знакам невербального

общения относится улыбка, «мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства» [10].

Как было отмечено выше, калмыки, являясь сдержанным народом, старались не проявлять свои эмоции и чувства посредством мимики и улыбки. Это в равной мере касается как положительных, так и отрицательных эмоций. В воспитании калмыков сдержанность в мимике считается признаком хорошего воспитания, достоинства. Мимика и жесты, в основном, связаны с социальным статусом. Мимика дружеского разговора отличается от сдержанной мимики в официально беседе.

Справедливы слова А.А. Акишины, что «практически любой, даже самый «прозрачный» жест имеет национальную окраску, не говоря уже о жестах сугубо национальных, вовсе не понятных представителям других народов или понимаемых ими неправильно» [1].

В отличие от русского языка, в калмыцком языке слабо выражены эмоциональные жесты. Все это восполняется мимическими средствами выражения эмоций (движение бровей, уставиться глазами в одну точку, сузить глаза, сделать круглые глаза и многое другое).

Улыбка – стереотипный мимический жест, обладающий национальными особенностями определенной лингвокультуры. Улыбка у каждого народа, в том числе у калмыков, является самым выразительным жестом и «рассчитана на социально-ориентированное взаимодействие коммуникантов: адресанта и адресата» [2]. Именно улыбка играет важную роль в коммуникации людей, устанавливает контакты в различных речевых ситуациях.

В калмыцком языке имеются лексемы, которые могут обозначать различные по качеству и степени интенсивности жесты-улыбки. При этом семантика данных номинаций различна: слова, обозначающие не только простую улыбку, но и легкую усмешку, самодовольную ухмылку, гримасу.

Данные наименования представляют собой имена и глаголы: существительные *инәмсгл, маасхлзлһн, марзалһн, мишәлһн* с общим значением «улыбка, ухмылка», глаголы *инәмсглх, мишәәх* «улыбаться, усмехаться», *маасхлзх* «широко и доверчиво улыбаться», *мусхлзх* «слабо или *марзаһад инәх* «смеяться, оскалив зубы» криво усмехаться».

Одной из основных проблем, связанных с жестами-улыбками, является своеобразие их физиономических и психофизических признаков, определяющих их типологическую классификацию. Такую классификацию жестов-улыбок в монгольской лингвокультуре предлагает Г.Ц. Пюрбеев. «С точки зрения физиогномики, науки, изучающей лицо человека, его индивидуальный облик и отличительные черты, – выделяется несколько групп

соматических жестов-улыбок, формирование которых непосредственно обеспечивается мускульными движениями таких частей тела, как лицо, рот, губы, глаза, нос, брови, плечи», – пишет ученый [11].

И.М. Митриев в своем исследовании концепта «улыбка/инәмсклһн» в калмыцкой и русской лингвокультурах, проанализировав данное явление, отмечает: «Феномен улыбки осмысливается в калмыцкой лингвокультуре как знак расположения, средство выражения положительных эмоций, искренних чувств. Она не является дежурной, безадресной, как в культуре Запада, т.е. она не является этикетной. Разнообразие средств обозначения данного знака, тексты калмыцкой прозы, а также паремия подтверждают значимость феномена улыбки в лингвокультуре калмыков» [9].

В калмыцком фольклоре и художественной литературе встречается большое количество примеров жестов-улыбок, которые позволяют классифицировать их по физиономическим, психологическим и физическим признакам. Придерживаясь классификации Г.Ц. Пюрбеева, можно сделать вывод, что калмыцкая улыбка, так же как и монгольская, как невербальная единица общения очень важна в коммуникативном поведении носителей калмыцкой культуры.

Вербальные элементы этикета всегда были связаны с неречевыми компонентами. Большое внимание обращали на выражение лица собеседников, которое определяло эмоциональный настрой. Е.Э. Хабунова считает, что «от степени доброжелательности, открытости и приветливости хозяина или хозяйки дома зависит количество гостей и их расположение, настроение. Хмурое и безрадостное лицо, отсутствующий вид, неумение смотреть открыто на партнера по общению приравнивалось к оскорблению. В подобной ситуации коммуникант мог прервать беседу и уйти не попрощавшись. Калмыки до сих пор не доверяют людям, которые «прячут глаза» *(нүдән бултулдг күн)* и избегают общения с ними. Считалось, что за этим скрываются преступные замыслы и нечестные поступки собеседника. Спокойный и открытый взгляд, приветливая улыбка и уравновешенный вид ассоциировались с порядочностью, доброжелательностью и гостеприимностью человека, характеризовали его как искреннего и честного человека» [15].

В калмыцком невербальном поведении выражение некоторых эмоций, таких как смущение, проявление нерешительности обычно отражаются в сочетаниях, связанных с состоянием лица, например, *чирәһән үмгх* «морщить или корчить лицо»:

Эднд дәкҗ иим юмн үзгдх угаһинь кен медлә, – гиҗ Моматр төрт орлцад чирәһән үмгв [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Кто знал, что им такое встретится, – сморщив лицо, вступил в разговор Моматр».

Тегәд, хөвтә бәәҗич гиҗәнчи? – гиҗ Абушинов чирәһән үмгн келв [7.

Илүмҗин Николай. Абиль]. «Хочешь сказать, что ты счастливый?» – сказал Абушинов, сморщив лицо.

Словосочетание *чирәһән үмгх* «морщить или корчить лицо» также используется в состоянии радости:

Хургт суусн улсин баһчуднь тавр-тувр таҗрха альх ташлдв, медәтнриньчирәһән үмглдәд, нүдән арчлдад ормалдад, Бата Василий хойр тал байртаһар хәләлдҗ шууглдв [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Присутствовавшие на собрании молодые люди начали хлопать в ладоши, пожилые же, сморщив лица, удивленно протирали глаза и с радостью смотрели на Бату с Василием».

Словосочетания *чирәһән арнилһх, чирәһән атылһх* «морщить, хмурить лицо» или *миркһр чирә* «хмурое, мрачное лицо», в основном, употребляются в значении недовольства чем-либо. *Чирәһән атылһх* может переводиться еще и как «гримасничать»:

…Чирәһән арнилһәд, зовжах бәәдл һаһв [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Сморщив лицо, сделал страдальческий вид».

Зүгәр генткн сән тоолврт му тоолвр орҗ семргдсн болад, дотр бийинь догдлулад, чирәһән атылһәд оркв [8. Инҗин Лиҗ. Харалта өдрмүд]. «Вдруг просто так хорошие мысли сменились плохими, он, нахмурив лицо, стал испытывать волнение».

Йовхшв гичкәд, Арашан чирә миркиһәд, күмсгнь буугдад, орн деер һарад суув [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Не пойду, – сказав так, нахмурившись, опустив брови, Араша сел на кровать».

Выше отмечалось, что калмыки ярко не выражают свои эмоции. Считалось приличным скрывать свои чувства и эмоции. Некоторые ученые заметили, что выражение лица можно понять по губам. В коммуникативном поведении калмыков встречаются такие жесты как, *урлан коочилһх* «кривить губы», *урлан җимих (үмих)* «сжимать губы», *урлан дурдилһх* «надувать губы». Данные словосочетания означают сомнение, нерешительность или недовольство:

Медсән күүнд келдго, эс медсн болад урлан җимиһәд бәәдг [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «То, что знает, людям не говорит, сжимая губы, делает вид незнающего ничего».

Атаман урлан коочилһәд, көл доран нульмад авв, тиигчкәд, шүдн һатцас ууртаһар: «Әәмтхә улст дургов, геминь тәвж өгдгов!» [7. Илүмҗин Николай. Гвардейцнр]. «Атаман, скривив губы, плюнув под ноги, сквозь зубы со злостью сказал: «Не люблю трусливых людей, не прощаю!»

Теднәс би ямаран, үзг медхший? – гиһәд, маңнаһан буулһад, урлан дурдилһәд, наадкснь ю келхинь чиңнв [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «А я не такой как они, букв не знаю? – сказал он и, сморщив лоб, надув губы, стал слушать, что скажут другие».

Мнительность, недоверие или же пренебрежение можно увидеть, когда человек закусывает губы зубами или же он просто сильно их сжимает. Данное поведение выражают такие жесты, как *урлан зуух* «кусать губы» или *арапһан зуух* «стискивать зубы (букв. коренные)»:

Арвг гелң арапһан зууһад босхар седв [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Арваг гелюнг стиснув зубы, захотел встать».

Әмтнә ар зах тал суусн өргн ээмтә, өндр нурһта Бадм өвгн арапһан зууһад, шевг деер суух күн мет өвклзәд, доран хатрад өндлзәд бәәнә [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. Высокий, широкоплечий мужчина Бадма, сидевший в задней части, стиснув зубы, сидел как на иголках и все время приподнимался.

Һаза һарсн Басң, көләрн һазр теехәд, урлан цусн һартлнь зууһад, удан зогсад бәәв [8. Басңга Баатр. Булһна үкл]. «Вышедший на улицу Басанг, разгребая ногами землю, долго стоял, прикусив губы до крови».

Досада также может быть выражена таким мимическим способом, как *эмкәһән зуух* «кусать нижнюю губу»:

Бата багшин дур үзчкәд, байрлад, пиш хаһрад инән алдад, эмкәһән зууһад, нүдән дару-дарунь чирмәд зогсад бәәнә [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Бата увидев учителя, обрадовался и рассмеялся, прикусив нижнюю губу, стал моргать глазами».

Бата Василий тал нүдән ирмәд, эмкәһән зууһад, ду таср гисн докъя өгв [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Бата, посмотрев в сторону Василия, прикусив нижнюю губу, дал знак, чтобы он замолчал».

Если человек поджимает или кусает нижнюю губу, считается, что он что-то скрывает от вас. Человек старается не выдать свои эмоции и прилагает тотальные усилия для того, чтобы казаться равнодушным. Но мимику, в отличие от жестов, контролировать сложно. Нижняя губа человека отвечает за его искренность и демонстрацию чувств окружающим. Если человек намеренно или же ненамеренно поджимает губу, он старается сконцентрировать свои эмоции внутри и не дать им выйти наружу. Подобным образом легко определить внутреннее напряжение персоны, раздражение или же гнев, злость.

Такое же значение имеют и жесты *күмсгән буулһх, күмсгән арнилһх* «хмурить брови» или *маңнаһан буулһх* «хмурить лоб»: *Бата маңнаһан буулһад, үкс гиҗ дегтрән шүүрч авад, орн деер кевтәд умшв* [7. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл]. «Нахмурив лоб, Бата торопливо схватив книгу, лег на кровать и стал ее читать».

Взгляд также является средством установления контакта между собеседниками. У разных народов различная характеристика взгляда, связанная с его направленностью. «У одних взгляд при разговоре направлен в глаза собеседника. Это арабы, латиноамериканцы, европейцы (хотя дли-

тельность взгляда у них разная – так, шведы и русские смотрят дольше и больше, чем, например, англичане). У других народов невежливо смотреть прямо в глаза, а поэтому взгляд направлен в сторону. Если встречаются представители этих двух цивилизаций, то каждый понимает взгляд по-своему. Направленный прямо в глаза взгляд русских воспринимается многими восточными народами как невежливость, дерзость, а взгляд этих народов в сторону воспринимается русскими как стеснительность или нежелание быть искренними. Хотя как мы видим, это совсем не так. Таким образом, контакт начинается уже на несловесном (невербальном) уровне, и уже на этом уровне может начинаться взаимное непонимание людей разных культур» [1].

«Глаза и выражения глаз играют важную роль не только в невербальном отражении человеческих эмоций, но и в передаче другой, в смысловом отношении весьма разнообразной информации. Сегодня нет никаких сомнений в том, что в пределах одной культуры и одного языка жестов жесты глаз, или визуальные знаки, неизменны в том смысле, что имеют в них постоянное значение» [6].

Монгольские народы с помощью взглядов передают значительно больше информации, чем европейцы. У них широко используются мимические проявления, связанные с «оттенком» взгляда, выражением глаз.

Взгляд является одним из важнейших компонентов невербальной коммуникации калмыков. Посредством взгляда или того или иного состояния глаз передаются разнообразные по характеру устремления и цели, такие как, например, установление контакта, недовольство, выяснение отношений и т.д. Взгляд может характеризоваться и с помощью образных слов. Это могут быть одиночные или удвоенные образные слова, совпадающие по структуре и составу со звукоподражательными словами. Кроме многочисленных случаев употребления слов *хәләц, харц* «взгляд», *нүдн* «глаза», идентифицирующих ту или иную ситуацию, обнаружено большое количество словосочетаний, от простых синтаксических до фразеологически устойчивых.

Взгляд в коммуникативном поведении калмыков может быть веселым и радостным, доверчивым и чистым. В поведении калмыков можно наблюдать и прямой взгляд *ho хәләц.* «Такой взгляд выполняет важные социальные и коммуникативные функции. Адресат всегда обращает внимание на прямой взгляд в глаза, обычно трактуя его как взгляд вызова, как взгляд гипнотический или агрессивный», отмечает Г.Е. Крейдлин [6].

Таким образом, определяя роль мимических жестов, можно сделать вывод о том, что язык глаз является важнейшим средством общения и играет значимую роль в коммуникации. У каждого народа есть специфические особенности в коммуникативном проявлении невербальных средств. Не-

обходимо отметить то, что невербальные средства общения в современном обрамлении семиотики, как невербальная семиотика и ее новые направления, нуждаются в дальнейшем исследовании не только в отдельности, но и в сопоставлении с родственными и разнокоренными языками, так как тенденция современного языкознания и всей науки, образования идет по направлению интеграции, поликультурализации и интернационализации в единое мировое пространство.

Основываясь на рассмотренных выше примерах, можно сделать определенные выводы о роли мимических жестов в коммуникации калмыков. Сдержанная, неинтенсивная мимика является признаком достоинства и хорошего воспитания. Мимика и жестикуляция носят, главным образом, социально-статусный характер. Большое значение имело выражение лица, которое определяло эмоциональный настрой собеседников. Хмурое и безрадостное лицо, отсутствующий вид, неумение смотреть открыто на партнера по общению приравнивалось к оскорблению.

Библиографический список:

1. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановед. словарь. – М.: Русский язык. 1991. 144 с.
2. Артаев С.Н. Этнокультурная специфика вербального и невербального поведения калмыков: стереотипы коммуникации. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 272 с.
3. Артаев С.Н. Калмыцкий речевой этикет: лингвистический и социокультурный аспеты. Автореф дисс … канд. филол наук, – М.: 2001.
4. Есенова Т.С. Коммуникативное поведение калмыков в условиях межкультурного общения: самобытность и динамика // Русская речь в иннонациональном окружении. Вып. 8. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 181-191.
5. Есенова Т.С. и др. Коммуникативное поведение калмыков. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 139 с.
6. Крейдлин Г.Э. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение // Труды по культурной антропологии. – М.: Восточная литература, 2002. С. 236–251.
7. КНК – Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru (Дата обращения: 11.09.2021).
8. КЭБ — Калмыцкая электронная библиотека [электронный ресурс] // URL: http://halmglib.org/ (Дата обращения: 11.09.2021).
9. Митриев И.М. Улыбка // Коммуникативное поведение калмыков. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 118-124.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
11. Пюрбеев Г.Ц. Монгольские улыбки как невербальные средства общения // Исследования по языкам и культуре монгольских народов. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 354-362.
12. Пюрбеев Г.Ц. Речевой этикет и язык жестов у калмыков и монголов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. С. 117-123.
13. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: 2004.
14. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000.
15. Хабунова Е.Э. Формулы традиционного этикета калмыков или как стать «йоста хальмг». – Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2010. 48 с.
16. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.
17. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.
18. Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.

Reference

1. Akishina A. A., Kano H., Akishina T. E. Gestures and Facial Expressions in Russian Speech. Linguistic and Cultural Dictionary. – Moscow: Russian Language. 1991. 144 p.
2. Artaev S. N. Ethnocultural Specificity of Verbal and Non-verbal Behavior of Kalmyks: Communication Stereotypes. – Elista: Kalm. University Publishing House, 2020. 272 p.
3. Artaev S. N. Kalmyk Speech Etiquette: Linguistic and Sociocultural Aspects. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation, – Moscow: 2001.
4. Yesenova T.S. Communicative Behavior of Kalmyks in Intercultural Communication: Originality and Dynamics // Russian Speech in an Innonational Environment. Iss. 8. – Elista: Publishing house of Kalm. University, 2017. P. 181-191.
5. Yesenova TS et al. Communicative behavior of Kalmyks. – Elista: Publishing house of Kalm. University, 2015. 139 p.
6. Kreidlin GE. Eye gestures and visual communicative behavior // Works on cultural anthropology. – Moscow: Eastern Literature, 2002. P. 236-251.
7. KNK – Kalmyk National Corpus [electronic resource] // URL: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru (11.09.2021).
8. KEB - Kalmyk Electronic Library [electronic resource] // URL: http://halmglib.org/ (09.11.2021).
9. Mitriev I.M. Smile // Communicative behavior of Kalmyks. – Elista: Kalm Publishing House. Univ., 2015. P. 118-124.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., expanded. – M.: LLC "A TEMP", 2006. 944 p.
11. Pyurbeev G.Ts. Mongolian smiles as non-verbal means of communication // Research on the languages and culture of the Mongolian peoples. – Elista: Kalm Publishing House. Univ., 2015. P. 354-362.
12. Pyurbeev G.Ts. Speech etiquette and sign language among the Kalmyks and Mongols // National-cultural specificity of speech communication among the peoples of the USSR. – M.: Nauka, 1982. P. 117-123.
13. Sergeeva A.V. Russians. Stereotypes of behavior, traditions, mentality. – M.: 2004.
14. Sternin I.A. Models for describing communicative behavior. – Voronezh, 2000.
15. Khabunova E.E. Formulas of traditional Kalmyk etiquette or how to become a "josta khalmg". – Elista: JSC NPP "Dzhangar", 2010. 48 p.
16. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.
17. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.
18. Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.

Ачаева М.С.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации. Елабужский институт Казанского федерального университета.

Поспелова Н.В.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации. Елабужский институт Казанского федерального университета.

Кормильцева Д.А.
Студент Высшей школы филологии и педагогики. Елабужский институт Казанского федерального университета.

Даурова А.Б.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Межкультурная коммуникация», Северо-Кавказской государственной академии.

Лингвострановедческий подход к художественному тексту (на материале имен собственных в романе Г. Свифта «Свет дня»)*

Аннотация. В данной статье представлен анализ имен собственных на материале романа Г. Свифта «Свет дня» в лингвострановедческом ключе. Целью статьи является выявление национально-культурной специфики имён собственных в романе Г. Свифта. Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, систематизация, классификация, контекстологический анализ, семантическтй анализ и метод семантизации. Кроме того, авторы статьи уделяют внимание ключевому слову и символу романа, *light*. Далее представлены результаты этимологического, семантического анализа и лингвострановедческой интерпретация названий улиц, имена литературных персонажей, выявлена их национально-культурное своеобразие. Данный подход к анализу текста раскрывает содержательные глубины произведения «Свет дня».

Ключевые слова: Г. Свифт, «Свет дня», имя собственное, семантизация, лингвострановедческая интерпретация, национально - культурное своеобразие.

* © Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Кормильцева Д.А., Даурова А.Б., 2025.

Achaeva M.S.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Yelabuga Institute, Kazan Federal University.

Pospelova N.V.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Yelabuga Institute, Kazan Federal University.

Kormiltseva D.A.
Student, Higher School of Philology and Pedagogy, Yelabuga Institute, Kazan Federal University.

Daurova A.B.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, North Caucasus State Academy.

A cross-cultural approach to a literary text (based on proper names in H. Swift's "The Light of Day")

Abstract. This article presents an analysis of proper names in Henry Swift's novel "The Light of Day" from a linguocultural perspective. The article aims to identify the national and cultural specifics of proper names in Swift's novel. The research methods include analysis, synthesis, generalization, systematization, classification, contextual analysis, semantic analysis, and semantization. The authors also focus on the novel's keyword and symbol, "light." The article also presents the results of an etymological, semantic analysis, and a cross cultural study interpretation of street names and the names of literary characters, revealing their national and cultural uniqueness. This approach to textual analysis reveals the substantive depths of "The Light of Day".

Key words: H. Swift, "The Light of Day", proper name, semantization, linguistic and regional interpretation, national and cultural identity.

Вопросы комплексного лингвострановедческого анализа художественного текста вызывают устойчивый интерес у лингвистов, филологов, лингвокультурологов, лингвострановедов и методистов преподавания иностранных языков [2, 3, 6].

Большую роль в процессе понимания текста играет и осмысление содержаний слов с экспрессивно-эмоциональными оттенками – коннотациями. Художественное произведение – это продукт выбора художником любого

проявления окружающего мира и отражение индивидуального процесса его познания. Чуткий художник всегда улавливает наболевшие вопросы современности и ищет на них ответ. Идея его произведения подчинена влиянию субъективных и объективных факторов. С одной стороны, это сугубо личный ответ одного человека. С другой стороны, этот человек живет не в вакууме и испытывает воздействие выработанных обществом идейных и эстетических норм.

Лингвострановедческий анализ текста раскрывает содержательные глубины произведения через анализ воплощающих их образов, интерпретацию безэквивалентной и фоновой лексики, реалий и коннотативной лексики. Лингвострановедческий подход способствует обогащению собственного мира через постижение чужой языковой картины мира [2, 3, 6, 10].

Целью статьи является выявление национально-культурной специфики имён собственных в романе Г. Свифта «Свет дня».

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, систематизация, классификация, контекстологический анализ, компонентного анализ, и метод семантизации.

Материалом исследования послужил роман “The Light of Day”, один из лучших романов Грэхема Свифта, современного английского писателя, признанного мастера повествования.

Ключевым словом и символом романа является *light* – свет, которым назван роман“The Light of Day” . Это слово часто употребляется и завершает роман: “I want it to be like today…… my breath billowing before my eyes, when she comes back, steps out at last into the clear *light of day*” [11]. Свет несёт главную идею романа. Г. Свифт использует это слово и при описании внешности: “Cold outside, warm slabs of sun indoors. …It just touched her knees, making them look as if they couldn’t hide” [11]. Интересно и то, что слово light используется почти во всех случаях упоминания Сары, их отношений с Джорджем, который сравнивает свет с теплой ванной, подарком, этот свет всегда теплый, даже зимой, он всегда согревает.

Далее обратимся к именам собственным (далее ИС), которые в художественном тексте выполняют назывную, идеологическую, характеризующую, эстетическую, символизирующую функцию. Академик В. В. Виноградов указывает, что может показаться, что ИС являются простыми знаками (этикетками) и неинтересны для стилиста. Однако это не так, вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеристических функциях является очень важным [4].

ИС представляют собой разновидность реалий, и наряду с топонимами они являются неотъемлемой частью характеристики литературного персонажа. Имя и фамилия персонажа существенно дополняют инфор-

мацию о нем, которая содержится в описании не только его внешности, поведения, черт характера и т.д., но и его происхождения, социального положения и т.д. [1, 5].

Антропонимы часто остаются за пределами читательского внимания. Читатель, как правило, останавливается на имени и фамилии персонажа только в том случае, если внимание читателя привлечено тем или иным способом, например, если у литературного персонажа какое-либо «значащее» имя или оригинальное, нетрадиционное имя. Давая имя своему персонажу, автор может дать волю своему воображению и руководствоваться в выборе имени какими-то личными соображениями, не имеющими никакого отношения к реальному положению вещей [7, 8].

В отдельных случаях авторы могут очень подробно мотивировать выбор имени персонажа, связывая его с биографией последнего, особенностями характера, семейными традициями и отношениями. Мотивировка выбора имени содержится в тексте, будучи более или менее прямо или косвенно выражена. Часто восприятие читателя имени зависит от объема фонового знания, которое он имеет, и восприятие такого рода информации не составляет особого труда, т.к. факты, на которых основан выбор имени, бывают вполне явными.

Большое значение при выборе имен персонажей является противоположность между вымыслом и реальностью. Вследствие комбинации реальности и фантазии ИС могут иногда приобретать совершенно причудливое звучание. Читатель должен понять, в чем смысл имени; определить, какую роль вымысел и истинная правда играют в создании знакомого образа.

В процессе лингвострановедческого прочтения и анализа романа «Свет дня» лексика классифицирована по ономастическим категориям:

Антропонимы (женские имена): Rita (Reet) Sarah Kate Helen Jane Kristina Nora Rachel Bridget Clare Annie-Marie Carol, Pauline, Meera, Terry;

(мужские имена): Kenny, Lee, Robert (Bob), Nicolls, George, Ranjit, Michael, Joe, Ted, Donald, Roy, Dick, Frank, Charles [11];

(фамилии): Lucas, Nash, Webb, Lazic, Barret, Marsh, Freeman, Robinson, Pate, Dyson, Magic, Wolsey Heywood Rose, Winters, Warren, Citizen;

Микротопонимы (названия улиц): Wimbledon Broadway, Broadway, Fulham Street, Harley Street, Chislehurst High Street, Putney High Street, New Street, Southfields North Circular, White Horse Hill [11];

названия дорог: Worple, Road, Tibbet's Corner, Gifford Road, Fulham Palace Road, St. Mary's Road, Lilie Road, Fairacre Road, Collingwood Road, Davis Road, Beecham Close, Charing Cross;

названия районов города: Hammersmith,Fulham,Woodside, Southend, Safeway,

Lewisham, Parkside, Notting Hill;

названия поместей: Wimledon, St. Dunstan's Estate, Winslow, Callaghan Estate, Maynard;

названия пригородов: Petts Wood, Bromley, Chislehurst.

Для этимологического анализа отобранных лексических единиц послужил Словарь английских личных имен и фамилий А.И. Рыбакина. Результаты этимологического анализа можно представить в следующем виде:

Фамилии людей, встречающиеся в романе [11]:

Barret – Баретт / от Barrat.1) ст.- фр. barat означает торговля, обман. 2) ст.- фр. barrette – круглый плоский головной убор. Варианты: Barrat, Barrett, Barritt, Barrott.

Далее Citizen от нарицательного имени citizen (житель города, гражданин)

Dyson – Дайсон / от Dye – дериват личного имени Dionysia. Варианты: Dyason, Dyerson, Tyson.

Затем Freeman от др.- англ. Freomann – свободный, свободнорожденный гражданин.

Следующее ИС Heywood, от 1) топон. Heywood (Ланкашир) развилось из др. - англ. Heah (высокой, возвышенный) + Wudu (лес, дерево).

2) топон. Heywood (Уилтшир) из др.- англ. Haeg (изгородь, луг, огороженное место) + Wudu (лес). Варианты: Highwood.

Затем Lucas, от личного имени Lucas.

ИС Nash – Наш / от топон. Nash (Бакингемшир, Херефордшир, Шропшир) развилось из др.- англ. Aet (при, у) + thaem,tham (дат. п. ед. ч. указ. мест. se – тот) + Aesc (ясень, копье, лодка). Варианты: Naish, Nayshe.

Далее ИС Robinson – Робинсон – дериват личного имени Robert. Варианты: Robbins, Robens, Robeson, Robison, Robin, Robyn [9].

Имена собственные:

ИС Annie, Anne / др.-евр. Hannah – миловидная, симпатичная. Варианты ИС Annie: Anitta, Annetta, Nan, Nana, Nancy, Nanetta, Nina, Ninon, Ninette.

ИС Bridget – Бриджет ранее Бриджит, Бригитта / ирл. Brighit, Brigit < кельт. brigh – сила. Варианты: Briddie , Biddy, Brita.

ИС Carol – Кэрол, Карол / лат.Carolus от Caroline / фр. < ит.Carolina / ит. Carlo / Carl / нем. ил. < др.-вн. Karl (= др.-англ. ceorl) – человек, муж.

Charles – Чарльз трад. Карл / фр. Charles нем. Karl < др.-вн. kart муж, человек, перен. мужественный, сильный.

ИС Clare от Clarence (фам. Clarence). Варианты: Clare, Clarry.

Dick – Дик, дер. от Richard / ср.-англ. Ricard < ст.-фр. Richard <герм. / ср. др.-вн. Richi - могущественный государь + hart - сильный, смелый. Варианты: Dick, Dickie, Dikon, Dicky; Rich, Richie, Rick, Rickie, Ricky, Ritchie.

Donald - гаэльск. Domhnall, Domnall – властелин мира, могущественный во всем мире. Варианты: Don, Donnie, Donny.

Frank от Frances, Francis / ст.-фр. Franceis < позд.-лат. Franciscus – франк-

ский, свободный.

ИС George от фр. George, Georges < позд. лат. Georgius < др.-греч. Georgios < georgos - земледелец. Варианты: Dod, Doddy, Geordie, Jody, Geordie.

ИС Helen от др.-греч. Helene - букв. светлая. Варианты: Ella, Lala, Ellie, Nell, Nellie, Nelly.

ИС Jane от фр. Jeanne < среднев.-лат. Johanus < др.-греч. Ioannes < др.-евр. Yohanan - букв. бог даровал.

ИС Joe -Джоу от Johan, Joseph - Джоузеф библ. Иосиф / лат. Josephus < др.-греч. Ioseph < др.-евр. yoseph - букв. он добавит, он приумножит. Варианты: Jo, Joey, Jos, Jose.

ИС John - Джон библ. Иоанн < среднев.-лат. Johanus < др.-греч. Ioannes < др.-евр. Yohanan - букв. бог даровал. Варианты: Jacr, Johnie, Johny, Jonny.

ИС Kate от Katherine вар. ил. Catherine трад. Екатерина / фр. Catherine < лат. Catherina Katerina < др.-греч. Aikaterina, Aikaterine < Katharos – чистый. Варианты: Cathie, Catty, Cathy.Kate, Kathie, Katie, Kay.

Kenny или Kenneth / гаэльск. Caioneach – статный, красивый. Варианты: Ken, Kennie, Kenny.

ИС Kristina или Christina употребляется главным образом в Австралии, США, Канаде, от Christian / лат. christianus < др.-греч. christianos – христианин, принадлежащий Христу. Варианты: Kristi, Kristy.

ИС Lee 1)вар. ил.Leigh от фам. Leigh употребляется главным образом в Австралии, 2) дер. ил. Leo / лат. leo, leonisc др.-греч. leon – лев.

ИС Michael библ. / поздн.-лат.<др.-греч. Michael < др.-евр. Mikha'el букв. – кто подобен богу? Варианты: Mick, Mickey, Micky, Micke, Mikey, Miles, Mogga, Spikes, Mick .

ИС Milos, Milo / предпол. от герм. Milo < др.-слав. milu – миловидный, милосердный.

ИС Nicholls от Nicholas / фр. Nicolas < лат.Nicholus < др.-греч. Nicholaos < nike - победа, + laos - люди, народ. Варианты: Collin, Colley, Nicco, Nichol, Nickie, Nicol, Nicky.

ИС Nora от Eleonor / ст.-фр. Elienor, Alienor, Alianore, вар. ил. Helen / др.-греч. Helene букв. светлая. Варианты: El, Ella, Ellie, Nell, Nellie, Nora, Nelly.

ИС Rita от Margaret / ст.-фр. ил. Margarette < лат. margareta – жемчужина, перл. Варианты: Greta, Gretchen, Madge, Mae, Maisie, Megan, Meta, Maggie, Mag, Mog, Peggy.

ИС obert от ст. фр. ил. Rodbert, Robert < герм. / ср. др.-вн. Hrodebert, Hruodpercht < hrod, hruod – слава + beracht – яркий, блестящий. Варианты: Bert, Bob, Rob, Dob, Pop, Robin.

ИС Rose – Роуз трад. Роза / совр. англ. rose - роза. Варианты: Rosetta, Rosie, Rosy.

Roy – Рой / гаэльск. rhu - красный, рыжий. Употр. гл. обр. в Великобритании.

ИС Sarah – Сэра, трад. Сара, библ. Сарра / др.-евр. Sarah - букв. княгиня или властная. Варианты: Sal, Sadie, Sari, Salie, Saly [9].

После определения этимологии фамилий и личных имен, нами было предположено, что для построения художественных образов автор отобрал и использовал намеренно данные в романе имена собственные. Возьмем, к примеру, имя Sarah. Этим именем названа главная героиня романа, имя обозначает "княгиня", "властная". Такой выбор имени автором, вероятно, связан с симпатией и высокой оценкой данного персонажа. Для Джорджа Сара самая любимая, желанная женщина и он боготворил ее. Для него она стала королевой. Фамилия Сары – Nash (от древнеанглийского слова копье). Напомним, что Сару осудили за убийство с применением холодного оружия.

Далее рассмотрим имя Carol (от древнеанглийского «муж»). У Хелен и Кэрол однополая любовь.

Использование названий улиц, парков, скверов, магазинов, дорог, районов играет немалую роль в создании реальной атмосферы современного Лондона. На протяжении всего романа мы прослеживаем дорожные маршруты детектива, что создает эффект реальности, конкретности. Мысленно попадаешь в Лондон, ходишь по всем этим улицам, кафе, магазинам.

Исследуемые в данном романе лексические единицы не просто указывают на объект, но и несут в себе дополнительные значения. Роберт, муж Сары, работает на известной улице Harley. Харли Стрит – улица, где находятся приемные ведущих врачей-консультантов. А сами Нэш живут на улице Beecham Close, улице крупной фармацевтической фирмы и состоятельных людей. Даже Кристина живет беззаботно на улице Fulham, очень фешенебельной и роскошной улице. Для иностранных читателей оригинальная версия романа будет представлять сложность для понимания и по всей вероятности, необходимо разработать изъяснения для таких слов.

Выводы. Ономастическая лексика исследуемого произведения систематизирована и классифицирована по следующим категориям: антропонимы (мужские и женские имена, фамилии), микротопонимы (названия улиц, дорог, названия районов, поместий, пригородов). Кроме того, представлены результаты этимологического анализа, что обогащает активный и пассивный словарь, развивает осмысление закономерностей развития языка, углубляет знания о культуре страны изучаемого языка в целом и более иммерсионное прочтение романа. «Распредмечивание» ономастической лексики имеет немалое значение для эффективного текстового погружения в роман Г. Свифта «Свет дня».

Для автора данного романа не стояло главной целью намеренное использование определенных ономастических единиц. Если даже встречаются такие случаи, то они единичны. Ономастические единицы, использованные в произведении, соответственно подобраны и подходят по сюжету. Это

позволяет читать произведение легко, увлеченно и быстро. Имя и фамилия персонажа существенно дополняют информацию о нем, которая содержится в описании не только его внешности, поведения, черт характера и т.д., но и его происхождения, социального положения и т.д.

Библиографический список:

1. Ахманова И.В. Микротопонимия / И. В. Ахманова. – М.: Наука, 1986.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. 357с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1983. 269с.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов В.В. – М.: Учпедгиз, 1947. 642 с.
5. Горбаневский М. В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М.: Знание, 1987. 245с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. 208с.
7. Поспелова Н.В. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте / Н.В. Поспелова, М.С. Ачаева, Н.С. Субботина, Е.П. Саламатова // Журнал «Власть истории - История власти». 2025. № 5 (63). Т. 11. С. 12-17
8. Поспелова Н.В. Лингвокультурный потенциал аллюзивного имени собственного Ахав в художественном тексте / Н.В. Поспелова, Н.С. Субботина, А.Б. Даурова // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции, Елабуга, 10 октября 2025 г. / под ред. В.М. Панфиловой, Зиятдиновой А.М. – Елабуга: Елабужский институт Казанского федерального университета, 2025. С. 243-246.
9. Рыбакин, А.И. Словарь английских личных имён: 4000 имён / А.И. Рыбакин – М.: Астрель, АСТ, 2000. 224 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М: Высшая школа, 2000. 262 с.
11. Swift Graham. The Light of Day / G. Swift. – London: Penguin Books, 2004. 325p.
12. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.
13. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

Reference

1. Akhmanova I.V. Microtoponymy / I. V. Akhmanova. – M.: Nauka, 1986.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Linguistic and cultural theory of the word. – M.: Russian language, 1980. 357 p.
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. – M.: Russian language, 1983. 269 p.
4. Vinogradov V.V. Russian language. Grammatical doctrine of the word / V.V. Vinogradov V.V. – M.: Uchpedgiz, 1947. 642 p.
5. Gorbanevsky M. V. In the World of Names and Appellations / M.V. Gorbanevsky. - Moscow: Znanie, 1987. 245 p.
6. Maslova V. A. Lingvoculturology: A Textbook / V.A. Maslova. – Moscow: Academy, 2001. 208 p.
7. Pospelova N. V. Allusive Proper Names with the Common Semantics of "Small Size" in a Fiction Text / N.V. Pospelova, M.S. Achaeva, N.S. Subbotina, E.P. Salamatova // Journal "The Power of History – The History of Power". 2025. № 5 (63). Vol. 11. P. 12-17
8. Pospelova N. V. The Lingvocultural Potential of the Allusive Proper Name Ahab in a Fiction / N.V. Pospelova, N.S. Subbotina, A.B. Daurova // Modern Problems of Philology and Methods of Teaching Languages: Theoretical and Practical Issues: Collection of Scientific Papers of the IX International Scientific and Practical Conference, Elabuga, October 10, 2025 / edited by V.M. Panfilova, A.M. Ziyatdinova. – Elabuga: Elabuga Institute of Kazan Federal University, 2025. P. 243-246.
9. Rybakin, A.I. Dictionary of English Personal Names: 4000 Names / A.I. Rybakin – Moscow: Astrel, ACT, 2000. 224 p.
10. Ter-Minasova, S.G. Language and Intercultural Communication / S.G. Ter-Minasova. – M: Higher School, 2000. 262 p.
11. Swift Graham. The Light of Day / G. Swift. – London: Penguin Books, 2004. 325p.
12. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.
13. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.

Губин А.Ю.
Аспирант, Литературный институт имени А.М. Горького.

Влияние биографического контекста на понимание писателем роли и задач литературы: на примере Федора Гладкова*

Аннотация. Статья анализирует влияние биографического опыта Федора Гладкова (1883 – 1958) на его понимание роли литературы как инструмента социальной трансформации и созидания новой реальности. На основе архивных материалов и исторического контекста прослеживается эволюция взглядов писателя от натуралистического изображения народных низов до классики социалистического реализма. Это развернутая аннотация подчеркивает ключевые этапы жизни Гладкова и их отражение в творчестве. Биография писателя предстает навигационной картой эпохи революций, Гражданской войны и советского строительства, определяя задачи литературы как отражение и изменение реальности. Детство в крестьянской семье, революционная деятельность, ссылка, участие в восстановлении заводов и война формируют приверженность «правде факта», героике труда и коллективной энергии. Анализ романов «Цемент» и «Энергия», автобиографической трилогии показывает, как личный опыт диктует художественные решения и редакции текстов для доступности рабочему читателю. Гладков следует горьковской традиции «инженеров душ», упрощая форму для массы, реагируя на критику (диспут 1926 г.), борясь с пьянством коллег и влияя на грамматику русского языка. Его этика – смелое высказывание позиции, где общественная функция превалирует над формой. Заключение подчеркивает биографию как смыслообразующую структуру мифа о советском созидателе.

Ключевые слова: Федор Гладков, жанр биографии, биографический контекст, социалистический реализм, роман «Цемент», роль литературы, героика труда, автобиографическая трилогия, этика писателя, РГАЛИ.

Gubin A.Yu.
Postgraduate student, A.M. Gorky Literary Institute.

The influence of biographical context on a writer's understanding of the role and purposes of literature: the case of Fyodor Gladkov

* © Губин А.Ю., 2025.

Abstract. This article analyzes the influence of Fyodor Gladkov's (1883–1958) biographical experience on his understanding of the role of literature as a tool for social transformation and the creation of a new reality. Using archival materials and historical context, this article traces the evolution of the writer's views from a naturalistic depiction of the lower classes to the classics of socialist realism. This detailed annotation highlights the key stages of Gladkov's life and their reflection in his work. The writer's biography serves as a navigational map of the era of revolutions, the Civil War, and Soviet construction, defining the tasks of literature as reflecting and transforming reality. Childhood in a peasant family, revolutionary activity, exile, participation in the restoration of factories, and the war shaped a commitment to the "truth of fact," the heroism of labor, and collective energy. An analysis of the novels "Cement" and "Energy," an autobiographical trilogy, demonstrates how personal experience dictates artistic decisions and textual revisions to make them accessible to working-class readers. Gladkov follows Gorky's tradition of "engineers of souls," simplifying form for the masses, responding to criticism (the 1926 debate), combating the drunkenness of colleagues, and influencing Russian grammar. His ethic is a bold statement of a position where social function prevails over form. The conclusion emphasizes biography as the meaning-forming structure of the myth of the Soviet creator.

Key words: Fyodor Gladkov, biography genre, biographical context, socialist realism, novel "Cement," role of literature, heroism of labor, autobiographical trilogy, writer's ethics, Russian State Archive of Literature and Art.

Жанр биографии известен с античных времен. До нас дошли жизнеописания выдающихся личностей древности, принадлежащие Тациту, Плутарху, Светонию. Примечательно, что биография как жанр была востребована и на Востоке. Выдающемуся китайскому историографу Сыма Цяну принадлежит не только масштабный труд по истории страны, но и жизнеописание ее двенадцати праведных владык. Биография изначально служила ключом к пониманию творческой позиции анализируемой фигуры, позволяла. Она снизу, от самых корней, естества природы, что подкрепляется ее названием, где био- идет от древнегреческого βίος, означающего жизнь, рассматривала предмет своего исследования.

Каждый новый исторический виток менял ракурс зрения. Трансформировалась и биография. Она переставала быть литературным портретом героя, а превращалась во все более усложняющийся оптический прибор: очки, линзу, микроскоп. Чем богаче был опыт человечества, тем совершеннее становился этот прибор, и тем затейливее оказывались действия с ним. Например, в него, как в телескоп, можно было попытаться разглядеть целую цивилизацию. Биография, подобно фонарику, помогала разглядеть темные закоулки других источников. Постмодернисты превратили биографию в зеркало.

Любая биография, жизненный путь какого-либо человека, она бы ни

раскрывала, неизбежно превращалась в навигационную карту и по той области деятельности, в которой он себя проявил, и по тому пространству, где проявлялась его активность. И чем масштабнее была личность героя биографии, тем более точные подсказки давала такая карта, тем не только шире распахивалась панорама социальной реальности, но оказывалось возможным с помощью биографии понять прошлое и заглянуть в будущее.

Жанр библиография служит убедительным доказательством, что ни одно литературное произведение не возникает в вакууме. Жизненный опыт, социальная среда и исторические обстоятельства формируют мировоззрение автора, его эстетические принципы и понимание задач своего творчества. Этот тезис особенно наглядно подтверждается на примере Федора Васильевича Гладкова (1883 – 1958) – писателя, чья биография и литературная карьера оказались неразрывно спаяны с эпохой русских революций, Гражданской войны, становления Советского государства и его борьбы за Победу в Великой Отечественной войне. Фонд писателя, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ранее ЦГАЛИ), насчитывает более двух тысяч единиц хранения за 1897 – 1989 гг., включая воспоминания, письма, рукописи литературных произведений, заметки о социалистическом строительстве, о Великой Отечественной войне, материалы к биографии и пр. Поэтому анализ его жизни позволяет проследить эволюцию от писателя-правдоискателя до классика социалистического реализма, чьи произведения стали инструментом созидания новой реальности.

Жизненная дорога Гладкова невольно формировала комплекс ключевых тем и установок, определивших его творчество. В первую очередь необходимо выделить народные истоки произведений этого автора, предопределившие то, что можно назвать приверженность Гладкова «правде факта». Родившись в семье крестьян-старообрядцев в селе Чернавка Саратовской губернии, он с детства столкнулся с тяжелым физическим трудом. Работа на рыбных промыслах, в лавке, в типографии, позволила ему глубоко познать жизнь социальных низов. Такой уникальный опыт заложил основу для его пожизненного интереса к судьбе «униженных и оскорбленных» и стремления к документальной, почти натуралистической достоверности в ранних произведениях, посвященных крестьянской бедноте, босякам и каторжникам.

Следующий жизненный шаг связан с учительством и революционной активностью. Гладков, получив профессию учителя, не хотел ограничиваться лишь педагогической деятельностью. С 1905 г. он непосредственно включился в революционную деятельность, стал членом РСДРП. Был арестован и отбывал трехлетнюю ссылку в Верхоленском уезде с суровым сибирским климатом. Именно тот сложнейший период его жизни укрепил

в Гладкове веру в преобразующую силу идеи и коллектива. Позже это убеждение стало основным пафосом его романов. Литература для него с этого момента стала осознаваться не только как отражение жизни, но и как орудие ее изменения.

Часто бы встречаем писателей, которые существуют в «башне из слоновой кости». Гладков не относится к их числу. Он имел непосредственный опыт созидания. После Гражданской войны, участником которой он был, в Новороссийске Гладков лично участвовал в восстановлении цементного завода и редактировал газету «Красное Черноморье». Этот исключительный опыт прямого участия в строительстве нового мира изнутри предоставил ему не только ценный материал, а внутреннее право говорить от имени нового строя, сделав певцом индустриализации.

Поучительно, что основные этапы биографии Гладкова корреспондируются с формировавшимися задачами литературы в его понимании, демонстрируя эволюция его жизненного опыта и литературных задач. Так, детство и юность (1883 – 1905), определяемые крестьянским происхождением, скитаниями, трудом, учебой, сформировали познание и документально точное изображение «правды жизни» народных низов, убедили в настойчивой необходимости поиска социальной справедливости. Все это проявилось уже в ранних рассказах («К свету», «Удар») и повести «Изгои» о политических ссыльных.

В турбулентный период Отечественной истории 1905 – 1917 гг. его революционная деятельность привела к вступлению в РСДРП, аресту, ссылке. Тогда он понял, что литература есть часть революционной борьбы. Но это потребовало осмысления жертвенности и веры в идею. Непосредственно в те годы обозначилась тема политической борьбы и испытаний в ранней прозе.

Новый этап биографии пришелся на Гражданскую войну и восстановление (1918 – 1921). И здесь диапазон опыта Гладкова был ошеломляющим: от службы в Красной Армии до работы на цементном заводе. Из этого вытекало, что литература должна быть неотъемлемой частью строительства нового мира, воспевать героику труда, что составило базу для романа «Цемент» (1925).

В эпоху «больших строек» 1930-х гг. предпринимались поездки на Днепрострой, шла работа над романом «Энергия» о строительстве Днепрогэса, где мы видим воспевание коллективной энергии масс как ведущей движущей силы истории и прогресса.

Поздний период творчества Гладкова охватывает 1940 – 1950-е гг. Великая Отечественная война предъявила счет к каждому, потребовала более глубокого осмысления исторических корней, что пригодилось во время руководства Литинститутом. Ответом на этот социальный запрос стала авто-

биографическая трилогия, включающая «Повесть о детстве», «Вольницу», «Лихую годину».

На всех перечисленных этапах жизни и творчества Гладкова биографический контекст не просто сопровождал, а напрямую диктовал художественные решения Гладкова. В частности, роман «Цемент» можно расценивать как литературный манифест эпохи. Это произведение неслучайно стало программным не только для самого автора, но и для всей формирующейся литературы социалистического реализма. Его главная тема звучит в духе «цементирования» новых общественных отношений героическим трудом. Наблюдения Гладкова позволили ему представить тяжелый труд не фоном, а главным героем и драматургическим стержнем сюжета романа. Современная критика все же увидела в нем внутренние противоречия. С одной стороны, автор выражал стремление к предельной фактографичности событий, а, с другой стороны, он не мог обойтись без демонстрации революционно-романтического пафоса. Но ведь Гладков не был здесь единственным, мы помним «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», поэтически переданный Владимиром Маяковским. В «Цементе» Гладков это противоречие советского быта и героики пытался разрешить через героизацию образов и метафоричный, мажорный стиль. Такое сочетание точно отразило понимание Гладковым задачи главной социалистической литературы: служить молотом и цементом в деле строительства нового мира.

Сейчас, когда мы словно заново открываем собственную историю, невозможно не отметить тот факт, что в творчестве Гладкова есть этот опыт возвращения к истокам, прежде всего в вышеупомянутой автобиографической трилогии, созданной в поздний период творчества, отмеченный Сталинскими премиями. Тогда биографический контекст вышел на первый план уже не как источник материала, а в роли главной темы. Писатель, следуя горьковской традиции, обратился к изучению сложных путей формирования народного характера в дореволюционной России. Если в «Цементе» он показывал, как строится новый мир, то в трилогии для него стало значимым раскрыть то, из какого человеческого «материала» этот мир вырос. Он видел смещение задачи литературы в сторону глубоко национальной, почвеннической эпопеи, раскрывающей истоки народной силы и стойкости, прошедшего через испытание революцией и войнами. Оказалось, что этот тяжкий путь на самом деле был полон поэзии, насыщен энергией русской природы.

Гладков считал общественную роль искусства и литературы главной и определяющей художественную форму произведений. Одной из основных задач в творческой работе Гладкова была задача простоты, того, чтобы текст был совершенно понятен читателю. Может показаться, что первые

редакции его произведений большой формы, такие как романы «Цемент» и «Энергия», противоречат такому тезису, но стоит обратить внимание на реакцию Гладкова на критику романа «Цемент», а именно на диспут, посвященный роману, который проходил в присутствии автора в 1926 г., а также на более поздние свидетельства о его работе над последующими редакциями романа.

Выступающие на том диспуте читатели, согласно протоколу диспута, высказывались единодушно о том, что роман «Цемент» это значительное явление в советской литературе, первый роман для рабочих и о рабочих, который работники завода с удовольствием и интересом могут прочитать. К протоколу диспута в архиве также прикреплены читательские анкеты рабочих Шлиссельбургского порохового завода, в которых они делятся впечатлениями от чтения романа. Участники диспута из писателей и педагогов, из рабочих завода тогда отмечали, что хотя роман и интересно читать, часто язык малопонятен даже совершенно грамотным читателям. Они, в частности, жаловались на обилие жаргонизмов, грубых слов, которых заводчане достаточно слышат ежедневно и на работе, а также на непростые для понимания сравнения.

Представляется, Гладков воспринимал мнения читателей серьезно как инструкцию по тому, как можно улучшить текст романа, потому что «Цемент» для автора стал не столько произведением искусства, сколько средством коммуникации с читателями, и это, по мнению писателя, важнее художественной формы. Действительно, изучая историю редакций романа «Цемент» может сложиться типичное впечатление, что автор под давлением партии «испортил» сложное и интересное художественное произведение. У литературоведов есть полное право считать именно так. Действительно, с каждой новой редакцией из «Цемента» автор вычищал непростые для понимания места, переписывал текст, убирая просторечия, делая текст более «стерильным» и, следовательно, менее ярким.

При этом упускается мнение самого Гладкова о его работе. А оно о переписывании романа «Цемент» было необычным. Он считал такую работу необходимой и правильной. Подтверждения данной точке зрения мы находим в немедленной реакции на выступления читателей романа на диспуте, с полным одобрением замечаний. Если в 1926 г. одобрение критики Гладковым вполне можно списать на давление политической обстановки, прежде всего, давление компартии, а также на давление цензуры, то его высказывания о работе над романом уже в 1950-х гг. в период «оттепели» и десталинизации, был очень трудно опровергнуть давлением каких-либо обстоятельств.

Его окончательная авторская воля воплощена в последнем прижизненном издании основных произведений, вошедших в восьмитомное

Собрание сочинений, составленное и просмотренное им самим».В предисловии к собранию сочинений писателя 1983 г. можно найти его цитату, что он считает совершенно верной и критику и собственную работу над редакциями «Цемента». При жизни Гладкова раздавались голоса в пользу первых, журнальных редакций. Особенно это касалось романа «Цемент», главного его детища. Однако писатель решительно восставал против этого мнения, всякий раз настаивая на правомерности и необходимости авторской правки. Из его писем и устных высказываний было видно, насколько Гладков был убежден в своей правоте. Как чуткий художник, он всегда слушал время. Вся последующая работа над произведениями воспринималась им как веление жизни.

Гладков «в высшей степени честный автор, – говорил о своем современнике Александр Серафимович, – то, что пишет, он пишет так потому, что так чувствует, так видит. Он не подыгрывается, ибо ему нет в этом надобности, – то, что он пишет, это кусок его сердца». Гладков считал общественную роль искусства наиболее важной, и если художественная форма «мешает» читателю понимать текст, необходимо упростить форму. Он был убежден, что и у самих писателей есть важная общественная роль. Здесь он исходил из логики фразы Максима Горького, о том, что писатели – инженеры душ, и из того, что образ писателя в обществе очень важен для поддержания морали этого самого общества.

Гладков во второй половине 1950 г. написал неопубликованное открытое письмо «Об этике писателя». Этика – это прямое и смелое высказывание своей позиции, даже если она кому-то неприятна, кого-то бьет. Так, в том письме этот старейший советский писатель, учитель молодого поколения советских авторов, называя конкретные фамилии, всерьез пишет о том, что советским писателям надо меньше пить. Гладков рассуждал о проблеме пьянства исключительно эмоционально, видимо, считая и эту беду, и свое письмо о ней важными в общественном отношении. Представляется, крупный советский автор в возрасте, мог бы не обращать внимания на образ жизни молодых коллег, на то, как они проводят время в Доме Литераторов на Поварской. Однако для Гладкова это было важным. Сказывалось и его видение и искусства, и взгляд на людей, его создающих, а именно – общественное значение наиболее важно. Он как советский писатель считал своим долгом обратить внимание читателей и коллег-писателей на эту проблему.

Также отметим его открытое письмо о грамматике, написанное в 1952 г. Составители учебника по русской грамматике обратились к Гладкову как к авторитетному советскому писателю, чтобы он высказал свое мнение о новом пособии. Он выразил одобрение новой грамматике, но и предложил критику, ссылаясь на авторитеты Владимира Ленина и Иосифа Сталина в

вопросе коннотаций слова «учеба»: «В нормативной грамматике, на мой взгляд, совсем не должно быть дискуссионных утверждений. <…> Ленин придавал ему (прим. слову «учеба») отрицательный смысл: (неразб.) на с'езде Комсомола он выразился так: «Старая школа была школой учебы, школой зубрежки, школой муштры». Значит, он отождествлял «учебу» с зубрежкой и муштрой». Слову «учеба» сам Ф. Гладков предлагает замену в виде «ученья» (изучения, обучения, просвещения). Далее Ф. Гладков приводит мнение Сталина о слове «учеба»: «Не употреблял этого грубого слова и Иосиф Виссарионович. В поздравительном письме пионерам по поводу их 30-летнего юбилея он пожелал им успехов в ученье (а не в «учебе»)».

Гладков мог бы написать одобрительное письмо, но решил высказаться с критических позиций, причем привлекая авторитетные мнения Ленина и Сталина. В этом понимании роли писателя в обществе мы видим желание Гладкова продолжать линию Горького в том, чтобы писатель был учителем народа, рабочих, ученых. Именно отсюда проистекает его острое восприятие как общественных проблем, так и появления новых пособий для народного просвещения. Если, например, Корней Чуковский высказывался о свойствах современного ему русского языка в «Беседах о русском языке», то Гладков писал о моральном состоянии конкретных советских авторов и пьянстве. Гладков мог бы не уделять внимания таким мелочам, но решил открыто заявить о своем недовольстве обликом молодых советских писателей, что говорит о том, что роль писателя как педагога масс воспринималась Гладковым совершенно серьезно. Конечно, желанием быть приемником фигуре Горького в советской литературе, такой образ действий и мыслей Гладкова не исчерпывается.

Жизненный путь Федора Гладкова можно назвать яркой и убедительной моделью тотального слияния биографии писателя с историей его времени. Представления писателя о роли литературы эволюционировали от натуралистического свидетельства о народных страданиях – через агитационное воспевание революционного подвига и героики труда – к эпическому осмыслению национальных корней. Каждый новый этап этой эволюции был напрямую обусловлен его личным опытом: крестьянина, учителя, революционера, ссыльного, строителя, солдата, наставника молодых литераторов. Гладкова следует считать одним из главных конструкторов мифа о советском человеке-созидателе. Сила этого мифа во многом проистекала из того, что он был выкован на наковальне его собственной, подлинно прожитой жизни. Его творчество наглядно демонстрирует, что биографический контекст нельзя воспринимать как только внешний фон. Это – смыслообразующая структура, определяющая самую суть литературного высказывания о мире и о себе в нем в прошлом, настоящем и будущем.

Библиографический список:

1. Афанасьев И.В., Терновая Л.О. Понимание особенностей российского социального пространства сквозь призму философского наследия Иммануила Канта // Проблемы современного образования. 2025. № 2. С. 9-19.
2. Биографии университетских архивов: монография / Н.С. Алмазова, Т. Амалу, Е.А. Вишленкова и др.; пер с фр. П.Ю. Уварова; пер. с итал. Ю. В. Ивановой ; пер. с польск Д.А. Добровольского; под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 306 с.
3. Буровский А.М. Биография британской цивилизации: научно-популярное издание. – М.: КМК, 2023. 553 с.
4. Воложенин А.П. Федор Гладков: жизнь и творчество / Белова Л.А., редактор; Быков Л.С., художник); Татура, Г.Л., технический редактор, типограф. – М.: Просвещение, 1969. 212 с.
5. Григорьев С.В. Биография субъекта и принцип культуросообразности в психологических исследованиях // Субъект действия, взаимодействия, познания. Отв.ред. Э.В. Сайко. – М.-Воронеж, 2001, С. 189-207.
6. Досс Ф. Жиль Делез и Феликс Гваттари. Перекрестная биография / пер. с франц. И. Кушнаревой; под науч. ред. М. Маяцкого. – М.: Дело (РАНХиГС), 2021. 672 с.
7. Пахомова М.Ф. Автобиографические повести Ф.В. Гладкова и традиции М. Горького. – Л.: Наука, 1966. 199 с.
8. Раренко М.Б. Биография: эволюция и гибридизация жанра. Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М.: 2017. 68 с.
9. Терновая Л.О. Геопоэтика: международные отношения и искусство: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. 591 с.
10. Терновая Л.О. Связь геопоэтики и геополитики Шекспира // Государственная служба. 2016. № 6 (104). С. 98-101.
11. Черепанов А.В. Сибирская кровь. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2018. 443 с.
12. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.
13. Муталимов А.Э. Многоязычный Дагестан: социально-философские размышления о научной версии возникновения языкового многообразия // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 64-70.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Источники изучения истории повседневности: Европа глазами Федора Михайловича Достоевского // Власть истории и история власти. 2022. Том 8. Часть 4. (№ 38). С. 83-93.

Reference

1. Afanasyev I.V., Ternovaya L.O. Understanding the Peculiarities of Russian Social Space through the Prism of Immanuel Kant's Philosophical Heritage // Problems of Modern Education. 2025. № 2. P. 9-19.
2. Biographies of University Archives: monograph / N.S. Almazova, T. Amalu, E.A. Vishlenkova, et al.; trans. from French by P.Yu. Uvarov; trans. from Italian by Yu. V. Ivanova; trans. from Polish by D.A. Dobrovolsky; edited by E.A. Vishlenkova, K.A. Ilyina, V.S. Parsamov; National Research University "Higher School of Economics". 2nd ed. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 306 p.
3. Burovsky A.M. Biography of the British Civilization: a popular science publication. – Moscow: KMK, 2023. 553 p.
4. Volozhenin, A.P. Fyodor Gladkov: Life and Work / Belova, L.A., editor; Bykov, L.S., artist); Tatura, G.L., technical editor, typographer. – Moscow: Prosveshchenie, 1969. 212 p.
5. Grigoriev, S.V. Biography of the Subject and the Principle of Cultural Conformity in Psychological Research // Subject of Action, Interaction, Cognition. Ed. – Moscow-Voronezh, 2001. P. 189-207.
6. Doss, F. Gilles Deleuze and Felix Guattari. Cross Biography / translated from French by I. Kushnareva; under the scientific editorship of M. Mayatsky. – Moscow: Delo (RANEPA), 2021. 672 p.
7. Pakhomova, M.F. Autobiographical Stories of F.V. Gladkov and the Traditions of M. Gorky. – Leningrad: Nauka, 1966. 199 p.
8. Rarenko, M.B. Biography: Evolution and Hybridization of the Genre. Analytical Review / Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences. Center for Humanitarian Scientific and Information Research. Department of Linguistics; Ed. by N.N. Troshina. – Moscow: 2017. 68 p.
9. Ternovaya L.O. Geopoetics: International Relations and Art: Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2023. 591 p.
10. Ternovaya L.O. The Connection between Shakespeare's Geopoetics and Geopolitics // Public Service. 2016. № 6 (104). P. 98-101.
11. Cherepanov A.V. Siberian Blood. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. 443 p.
12. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.
13. Mutalimov A.E. Multilingual Dagestan: socio-philosophical reflections on the scientific version of the emergence of linguistic diversity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 64-70.
14. Ryabova, E.L., Ternovaya, L.O. Sources for the Study of the History of Everyday Life: Europe Through the Eyes of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky // The Power of History and the History of Power. 2022. Volume 8. Part 4. (№ 38). P. 83-93.

Ермолова К.А.

Аспирант. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения». AuthorID: 1273373 / SPIN-код: 3716-4554 / ORCID: 0009-0005-8938-0103

Восприятие театра в критических работах: диахронический и языковой аспекты*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей восприятия театра в советской и современной критике в сопоставительном диахроническом аспекте. В работе представлены семантические аспекты, отражающие смысловые доминанты в интерпретации театра и театрального искусства советского и современного периода, а также рассмотрены языковые средства их вербализации с учетом принципов лексической сочетаемости русского языка.

Ключевые слова: театр, восприятие, искусство, работа, диахронический аспект, языковой аспект, анализ.

Ermolova K.A.

Postgraduate student. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education". AuthorID: 1273373 / SPIN-код: 3716-4554 / ORCID: 0009-0005-8938-0103

Perception of theatre in critical works: diachronic and linguistic aspects

Abstract. This article examines the specifics of theater perception in Soviet and contemporary criticism from a comparative diachronic perspective. The work presents semantic aspects reflecting the semantic dominants in the interpretation of theater and theatrical art of the Soviet and contemporary periods, and also examines the linguistic means of their verbalization, taking into account the principles of lexical compatibility in the Russian language.

Key words: theatre, perception, art, work, diachronic aspect, linguistic aspect, analysis.

* © Ермолова К.А., 2025.

Театральная критика ставит своей целью изучение смыслов и образов, театральных знаков и их вербализацию посредством соответствующих языковых структур. При реализации театральной критики создается образ и описание театрального действа, творчества режиссера, актера. Она носит рефлексивный характер и является продуктом восприятия театральной постановки специалистом в сфере театрального искусства (что отличает театральную критику от зрительского впечатления о постановке) [9: 199]. То есть, формирование критической публикации о спектакле должно учитывать не только информативный фактор, но также и должно соответствовать этическим требованиям, проявляемым в отстраненности критика и отсутствии собственных авторских эмоций в тексте. Л.И. Гинтельман указывает, что ключевая задача театральной критики – «дать объективную оценку спектакля, аналитически «договорить» то, что выражено языком художественной образности» [2: 100]. Речь идет о том, что в критической работе о театре на первый план выходит выражение оценки постановки, отстраненность критика, а также его ответственность за свои слова и избегание неуместных языковых конструкций.

В.И. Максимов указывает, что современная театральная критика значительно трансформировалась и не отвечает тем требованиям, которые предъявлялись к ней в прошлом. Исследователь акцентирует внимание на том, что «в отсутствии научного театроведения критика бросается в другую крайность: она только констатирует приемы постановки. Декларируется отказ от анализа спектакля, так как его автор, якобы, не имеет замысла, а совершает высказывание» [9: 200]. То есть, прослеживается трансформация театральной критики от научного осмысления и стремления к объективности в выражаемой оценке театральной постановке к предоставлению личных впечатлений о театре, работе актеров и режиссеров, без анализа спектакля как произведения искусства.

С.И. Лукашина, рассматривая диахронные трансформации в театральных рецензиях, делает акцент на том, что они отражают как изменения в форме репрезентации информации о театре в критических работах (специализированные журналы и монографические работы в меньшей степени популярны среди публики) в пользу Интернет-публикаций и блогов о театре. Этот экстралингвистический аспект, характеризующий трансформации, происходящие в каналах потребления и распространения информации, сказывается на выборе языковых средств, применяемых в театральной критике, на ее содержательной и лингвопрагматической составляющих [8: 304]. Как отмечает А.С. Кириллова, за счет трансформации формы и сути театральной критики в современном информационном пространстве, были преобразованы и функции театральной критики: познавательно-рефлексивная природа критических работ была заменена

на рекреацию, и именно стремление к развлечению аудитории как функциональная доминанта критических работ о театре характеризует их языковое наполнение сегодня [5: 4].

Ключевая прагматическая задача театральной критики традиционно – оценка. Именно привнесение оценочного компонента в текст о театре позволяет сформировать представление о том или ином театральном событии у публики. Т.В. Маркелова акцентирует внимание на том, что «как универсальная лингвистическая категория, оценка антропоцентрична, ибо не может существовать без человека, вне его деятельности, так как именно он оценивает объект в своей познавательной ментальной деятельности, характеризует его с точки зрения ценности/антиценности» [10: 62]. При интерпретации оценочного компонента в тексте на первый план выходят коммуникативные установки автора, а также его восприятие описываемого оцениваемого феномена. С точки зрения Т.В. Маркеловой, «оценка формируется комплексом элементов: субъект, объект, характер и основание оценки, семантика которых формирует ценностное отношение говорящего» [11: 274], что подчеркивает когнитивно-ментальную природу оценки и отражает тот факт, что именно ментальные и аксиологические характеристики личности автора являются первоосновой вектора выражаемой оценки и применяемых для ее воплощения языковых средств.

С.М. Колесникова указывает на системность языковых средств, применяемых для актуализации того или иного феномена в тексте, с учетом влияния личностного субъективного фактора, его ценностной парадигм [6: 32], что применимо также и к проведению анализа текста театральной рецензии, которая характеризуется такими критериями как смысловая завершенность, наличие фигуры автора, подчиненность используемых языковых средств преследуемой коммуникативной цели.

Изучение языковых особенностей и семантических аспектов публикаций театральной критики в диахронном аспекте направлено на понимание специфики трансформации текстов этого типа под влиянием технического прогресса и изменений в средствах передачи информации массовой аудитории. Для проведения диахронического анализа использованы работы советских театральных критиков (Н.П. Акимова «Не только о театре» и Д.И. Золотницкого «Академические театры на путях Октября»), а также современные труды театральных критиков – статьи Григория Заславского в «Литературной газете» и современная интерпретация фигуры К.С. Станиславского Р.П. Кречетовой «Станиславский».

Обратимся к семантическим аспектам и языковым средствам восприятия театра в работах советского периода.

В первую очередь, выделяется семантический аспект ‘Театр – динамичный феномен’. Он отражает вывод театральной критики о том, что театр

подвержен трансформациям с течением времени, так как он стремится к поиску новых смыслов и форм. Как отмечает Н.П. Акимов, интерпретация театральной постановки наиболее полна в контексте эпохи, а смена эпох, преобразования в общественно-политическом контексте влияют на изменения форм подачи материала в театре: «*Драматурги прошлого — это великие писатели, воплощавшие свои произведения в формы* ***современного им театра****. Величие мысли и творчества этих писателей актуально для нас и по сей день,* ***формы*** *же* ***современного им театра умерли*** *и для нас недействительны*» [1: 18]. Посредством словосочетания «формы театра умерли» отражается тот факт, что у каждого поколения – собственные формы и смыслы в театре. Метафора, опирающаяся на глагол «умерли», позволяет театральному критику описывать театр как живой организм. В то же время, неизменную актуальность и своевременность театра подчеркивает семантика, выражаемая словосочетанием «современный театр».

Динамизм театра напрямую связан с драматургическими и режиссерскими ходами, которые формируют специфику театра на разных отрезках времени: «*Источником* ***нового содержания*** *по праву должна являться драматургия, и в тех случаях, когда она действительно несет нам* ***новые мысли****, по-новому показывает жизнь, с особой остротой возникает вопрос о* ***новаторстве театральной формы****, о новых приемах режиссерского искусства, искусства театрального художника*» [1: 26]. Употребление однородных лексем с корнем «-нов-» - «новое», «новаторство» - подчеркивает ориентированность театра на движение вперед вслед за развитием общества. Для подчеркивания этой идеи применяется и словосочетание «театральная форма», которое используется для подчеркивания дифференцирования театрального искусства.

Свойственная театру динамичность показывается критиком на примере того факта, что в театре ярко проявляется различие между современным контекстом и смыслами и образами, связанными с классическими постановками: «*Когда мы* ***ставим в театре классическую пьесу****, достаточно удаленную от нас по времени, перед нами возникают живые образы ее героев, ради которых* ***мы и пытаемся воскресить к жизни произведение, посыпанное пылью веков»*** [1: 78]. Эта идея усиливается за счет метафорического образа «посыпанное пылью веков», которое указывает на устаревший характер взглядов, смыслов, которые заложены в классических произведениях по сравнению с актуальным контекстом. Кроме того, подчеркивается и специфика деятельности, связанной с театром – «ставить в театре».

Динамизм театра проявляется и в актерском составе: в тот момент, когда меняется поколение актеров, весь репертуар видится и чувствуется по-другому со стороны зрителей: «*Как ни расценивать реформы Петрова, трудно отрицать, что с ними — в «петровскую эпоху» —* ***лицо старого***

театра помолодело и оживилось» [4: 83]. Для выражения этой идеи театральный критик использует метонимию «лицо театра», она подразумевает описания лиц актеров, которые в театре выступают. Более того, словосочетание «старый театр» применяется для дифференциации между театром современным и театром старым, что также подчеркивает динамические изменения в театральной жизни как части искусства.

В рассмотренных образцах театральной критики прослеживается и идея о том, что театральное искусство должно выглядеть органично и естественно, что указывает на наличие семантического аспекта 'Театральное искусство гармонично'. Подчеркивается идея о том, что настоящее искусство в театре не допускает чрезмерности и напыщенности, что позволяет избегать театральности и буффонады на театральной сцене: «*На всякий случай, если кому не понравится, есть хорошее иностранное слово, которым все можно оправдать:* ***гротеск****. Убытки, причиненные* ***искусству театра*** *этим термином, неисчислимы*» [1: 27]. Для Н.П. Акимова проявления гротесковости и балаганности в театральном искусстве неуместны, так как они имеют деструктивный потенциал для театра. Применено словосочетание «искусство театра», которое отражает идею о том, что для автора критической работы театр – это в первую очередь именно искусство, что накладывает отпечаток на выбор форм его воплощения.

Схожая идея находит свое воплощение и в следующем примере: «*И суть результата определялась попыткой* ***оттолкнуться от знаемого и пройденного, от литературщины и театральщины****, чтобы выразить неповторимое сегодня, живое нынешнее я студии*» [4: 51]. Критик употребляет лексемы «литературщина» и «театральщина» с выраженными негативными коннотациями, что подразумевает критическое отношение к театральности в театральном искусстве. Используется словосочетание «оттолкнуться от театральщины», которым подчеркивается акцент на потребности отхода от чрезмерности формы в театре.

В советской театральной критике распространена идея о том, что театр как феномен искусства и как форма подачи образной информации оказывает воздействие на общество: прослеживается наличие семантического аспекта 'Театр как фактор воздействия на общество'. За счет этой идеи подчеркивается представление о том, что театральное искусство не только встраивается в контекст эпохи, но и формирует взгляды общества, создает систему ценностей и ориентиров за счет своего художественно-выразительного образного потенциала: «*… используя и пространство и время,* ***театр располагает средствами для наиболее сильного воздействия на зрителя»*** [1: 105]. Речь идет о том, что театр как система форм и образов, как совокупность приемов, обеспечивающих выражение искусства, характеризуется ярким выразительным потенциалом, обеспечивающим воздействие

на массового зрителя. Посредством словосочетания «воздействие театра» напрямую подчеркивается мысль о значимости театрального искусства в выражении информации и привлечении внимания аудитории.

Помимо вышеперечисленных, в советской театральной критике находит свое отражение и семантический аспект 'Ожидания от театра и реальность'. Критик делает акцент на том, что театр как феномен искусства, как образно-выразительная среда по-разному воспринимается изнутри, актерами и режиссерами, и зрителями как публики, у которой есть собственные ожидания от представлений: «*Очевидно, следует установить, что* ***несогласия между театром и реальным зрителем начались не сегодня***» [1: 194]. В этом примере делается акцент на конфликтогенности театра как сферы деятельности, как инструмента для выражения художественных смыслов. Прослеживается семантика противопоставления в словосочетании «несогласие между театром и реальным зрителем».

Для советской театральной критики характерна также и идея о том, что театр может быть успешным, популярным и знаковым для искусства в целом за счет усилий, прилагаемых его создателями и сотрудниками. По этой причине, уместно выделить аспект 'Театр – люди, его создающие'. При этом, Н.П. Акимов замечает важность сочетания усилий единомышленников, направленных на достижение требуемого результата, на достижение успеха театра как объединения людей, создающих искусство: «***Хороший театр*** *возникает тогда, когда труппа является коллективом* ***творческих единомышленников****, собравшихся во главе с данным режиссером для того, чтобы работать именно под его руководством*» [1: 62]. Чтобы подчеркнуть ценность поиска единомышленников для достижения успеха театра, театральный критик употребляет словосочетание «хороший театр», в котором прилагательное с положительными коннотациями выражает позитивное отношение автора к театру как к коллективу творческих единомышленников.

Более того, в рассмотренной театральной критике делается акцент и на том, что театр – особенная среда, не похожая на мир обычных людей. По этой причине, формируется семантический аспект 'Театр как особенное пространство и среда'. Этот аспект проявляется при интерпретации роли и места театрального искусства для зрителей, театр для массовой аудитории во многом напоминает магическое действо: «***Волшебное свойство театра*** *— это тоже, конечно, не* ***мистика***» [1: 50]. В процитированном фрагменте употребляется словосочетание «волшебное свойство театра», которое подчеркивает, что театр – это волшебный мир. Н.П. Акимов противопоставляет мир театра и мир обычного человека.

Н.П. Акимов при этом подчеркивает, что особое пространство театра связано с тем, что средства создания театральных постановок сами по себе

настолько необычны, что привносят в театр ощущение волшебства как ирреальности происходящего: «*С другой стороны, я пытался доказать необходимость такой режиссерской методики, которая ставит перед собой задачи высокие и* ***делает искусство театра поистине волшебным***» [1: 162]. В рассматриваемом примере для выражения этой идеи употребляется эпитет «волшебный», цель которого состоит в указании на необычность театрального мира в восприятии зрителей. Формируется словосочетание «волшебное искусство театра».

Далее, следует обратиться к особенностям интерпретации театра в современной театральной критике.

В критике прослеживается идея о том, что театр имеет устойчивую основу, без которой он существовать не может. Формируется семантический аспект 'Театр создается на крепком фундаменте': театр строится на значимом фундаменте, на определенной основе, и не может быть создан на пустом месте, без подготовки и предпосылок: «*Потому что* ***театр****, в отличие от, к примеру, нового йогурта или новой модели автомобиля,* ***не может появиться по одному хотению и чьему-то ещё велению***» [3]. Критик сравнивает театр с потребительскими продуктами и указывает на то, что театральный мир и театральная среда – это нечто принципиально иное, чем обычный рынок товаров и услуг.

В критике прослеживается также и идея о том, что театр – это закрытое сообщество. Выявляется семантический аспект 'Театр как закрытое сообщество'. Критик делает акцент на том, что театральный мир закрыт от внимания и влияния посторонних, специалисты сцены не склонны вовлекать в свой мир простых обывателей: ***«Театральная среда по-прежнему живёт разговорами и слухами****, и если на одной из маленьких сцен Вахтанговского театра выходит интересный спектакль о Сулержицком, эта весть стремительно облетает* ***театральную Москву***» [3]. В этом примере для выражения этой идеи использована метонимия, в рамках которой существительное «среда» как средство описания людей, связанных с театром, употребляется в переносном значении. За счет словосочетания «театральная среда», «театральная Москва» делается акцент на том, что театр и заложенные в него смыслы обладает потенциалом для формирования закрытых сообществ.

Прослеживается также и идея о том, что существует некоторая театральная общественность, которая противопоставлена обычной общественности: «*Станиславский отказывался от не только обдуманного, но и созданного им Общества искусства и литературы, уже замеченного и оцененного* ***театральной общественностью***» [7]. Критик делает акцент на том, что мнения специалистов в сфере театра и обычных людей в той или иной степени различаются. Словосочетание «театральная обществен-

ность» применяется для указания на то, что театр создает отдельные группы людей в обществе, заинтересованные в театральном искусстве.

Динамизм, присущий театральному искусству и творчеству театральных коллективов, выражается и в современных работах театральных критиков, что подразумевает наличие семантического аспекта 'Театр как динамический феномен' и на этом этапе театральной критики.

Этот аспект схож с идеями, выражаемыми в театральной критике советского периода. Идея реформаторства в театре – важный компонент восприятия театра как динамической системы: «*В самом деле, первоначальный «материал», из которого произрос* ***великий театральный реформатор****, был и «первобытным», и «сырым»* [7]. Критик описывает Станиславского и его роль в запуске динамических процессов и преобразований в театре как системе и культурном феномене. Словосочетание «театральный реформатор» отражает как динамизм театра, так и роль личности в становлении и развитии театра. Употребление эпитетов «сырой» и «первобытный» отражает наличие выразительных и контекстуально спорных оценок творчества Станиславского.

На современном этапе театральная критика напрямую связывает динамическое развитие театра с ролью личности в нем: «*Другое дело —* ***режиссерский театр****. Он с самого начала оказался* ***театром динамичным, экспериментирующим****, готовым решительно порвать со сложившимися представлениями публики*» [7]. Для подчеркивания свойственной театру динамичности автор критической работы употребляет словосочетания «режиссерский театр», «динамичный театр», «экспериментирующий театр». Разговорная лексема «порвать» указывает на свойственную современной театральной критике эмоциональность текстов.

Семантический аспект 'Театр как фактор воздействия на общество' также находит свое воплощение в работах современных театральных критиков. Присутствие этого аспекта отражает сохранение восприятия театра как общественного феномена. Театр и свойственные ему изменения могут рассматриваться и как символы наступающей эпохи: «*Новый театр в единичном своем воплощении, как Художественный Общедоступный, и в историческом смысле, как* ***театр наступавшего века****, возникал удивительно радостно*» [7]. Прослеживается идея том, что смена эпох – источник смены образов в театре. Данная идея выражена словосочетанием «театр наступавшего века», что подчеркивает связи театра с общественно-политическим контекстом.

Влияние общественно-политических процессов на театр проявляется и в этом примере, что отражает связи театра и общества, политики, ценностных ориентиров: «*Им начиналась* ***новая полоса*** *российской, и не только российской,* ***театральной истории***» [7]. Метафорическое словосочетание

«новая полоса» указывает на то, что смена эпох лежит в основе радикальной смены театральных образов. Используется словосочетание «театральная история», которым указывается, что история трансформаций театра связана с историей развития страны.

Критик подчеркивает также, что театр как отражение общественно-политического контекста подразумевает их влияние на драматургию: *«**Театр, принимавший перемены в своей художественной природе как дар извне**, зависящий от **новых тенденций в драматургии**, теперь самостоятельно менял эстетические параметры спектакля, сам диктовал направление творческих поисков»* [7]. Тем самым, речь идет о том, что при смене эпох в обществе меняются смыслы и контексты, ценности и принципы. Они влияют на содержательное наполнение театральных постановок, на формирование театральных образов. Используется словосочетание «художественная природа театра», «перемены в художественной природе театра».

В театральной критике делается акцент и на том, что театр влияет на жизнь человека и может определить его путь. Критик, описывая личность и становление известного театрального деятеля Станиславского, делает акцент на том, что даже первое знакомство с театром может изменить жизненный путь человека: *«**Театр** стал для Кости той **страстью**, которая удивительным образом изменила его статус в семье»* [кречетова]. Тем самым, театр описывается с позиций эмоций и воздействия на человека. Эмоциональное восприятие театра строится на метафорической номинации его как страсти, что отражает заинтересованность человека в театральном искусстве.

Таким образом, диахронный анализ показал, что в восприятии театральных критиков советского и современного периодов прослеживаются сходства и различия. Сходства состоят в том, что в обоих периодах представлены семантические компоненты ‘Театр как динамический феномен’ и ‘Театр как фактор воздействия на общество’. Они указывают на то, что театр неизменно воспринимается как феномен искусства, который адаптируется к трансформациям окружающей действительности, и при этом обладают значительным воздействующим потенциалом на общество, так как выразительность формы подачи информации обладает продуктивностью при воздействии на общество. Прочие семантические аспекты в театральной критике современного и советского периода представлены по-разному. Прослеживаются изменения в восприятии театра, в отходе концентрации на театральном искусстве как основе театра в сторону общественно-организационных аспектов, связанных с учреждением и функционированием театра. Говоря о языковых особенностях публикаций театральных критиков, в диахронном аспекте прослеживается нарастание образности текстов при тяготении к разговорным лексемам и отходу от нарочитой книжности, свойственной советским критическим работам о театре.

Библиографический список:

1. Акимов Н.П. Не только о театре. Л.; – М.: Искусство, 1966. 427 с.
2. Гительман Л.И. Письмо Г.Р. Тростянецкому // Памяти Льва Иосифовича Гительмана. – СПб.: Изд-во СПб. гос. акад. театр. искусства, 2012. 281 с.
3. Заславский Г. Тайное становится явным // Литературная газета. // URL: https://lgz.ru/article/taynoe-stanovitsya-yavnym/ (Дата обращения: 14.11.2025).
4. Золотницкий Д.И. Академические театры на путях Октября. – Л.: Искусство, 1982. 343 с.
5. Кириллова А.С. Есть ли будущее у театральной критики? К проблеме цифровизации дискурса о театре // Русская филология и национальная культура. 2024. № 4 (13). С. 1-12.
6. Колесникова С.М. Роль средств русского языка в формировании морально-нравственного облика личности и его ценностной парадигмы: категории «долг» - «честь» - «совесть» // Русский язык как средство педагогического воздействия и взаимодействия в школе и вузе. – М.: МПГУ, 2024. С. 30-36.
7. Кречетова Р.П. Станиславский. // URL: https://www.rulit.me/books/stanislavskij-read-695995-5.html (Дата обращения: 14.11.2025).
8. Лукашина С.И. Новые способы выражения современной театральной критики // Журналистика в глобальном мире. – Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2022. С. 303-306.
9. Максимов В.И. К проблеме теоретических оснований современной театральной критики // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2019. № 2 (61). С. 197-206.
10. Маркелова Т.В. Рациональное и эмоциональное в контексте лингвоаксиологии // Лекантовские чтения. 2024. – М.: ГУП, 2024. С. 59-66.
11. Маркелова Т.В. Триада аксиологических знаков - функция, прагмема, коннотация - как семиосфера оценочной лексики // Аксиология и когнитивная лингвистика. – М.: Государственный институт РЯ им. А.С. Пушкина, 2024. С. 272-278.
12. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.
13. Березовская А.А., Сабурова Н.А. Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 12-19.

Reference

1. Akimov, N.P. “Not Only About the Theatre”. Leningrad; – Moscow: Iskusstvo, 1966. 427 p.
2. Gitelman, L.I. “Letter to G.R. Trostyanetsky”. In Memory of Lev Iosifovich Gitelman. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg State Academy of Theatre Arts, 2012. 281 p.
3. Zaslavsky, G. “The Secret Becomes Clear”. Literary Gazette. // URL: https://lgz.ru/article/taynoe-stanovitsya-yavnym/ (14.11.2025).
4. Zolotnitsky, D.I. “Academic Theatres on the Paths of October”. Leningrad: Iskusstvo, 1982. 343 p.
5. Kirillova, A.S. Does Theatre Criticism Have a Future? On the Problem of Digitalization of Theatre Discourse // Russian Philology and National Culture. 2024. № 4 (13). P. 1-12.
6. Kolesnikova S.M. The Role of Russian Language Means in Shaping the Moral and Ethical Character of an Individual and Its Value Paradigm: the Categories of “Duty” - “Honor” - “Conscience” // Russian Language as a Means of Pedagogical Influence and Interaction at School and University. – Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2024. P. 30-36.
7. Krechetova R.P. Stanislavsky. // URL: https://www.rulit.me/books/stanislavskij-read-695995-5.html (11.14.2025).
8. Lukashina S.I. New ways of expressing contemporary theater criticism // Journalism in the global world. – Rostov-on-Don: AkademLit, 2022. P. 303-306.
9. Maksimov V.I. On the problem of theoretical foundations of contemporary theater criticism // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2019. № 2 (61). P. 197-206.
10. Markelova T.V. Rational and emotional in the context of linguaxiology // Lekantovskie readings. 2024. – Moscow: GUP, 2024. P. 59-66.
11. Markelova T.V. Triad of axiological signs - function, pragmeme, connotation - as a semiosphere of evaluative vocabulary // Axiology and cognitive linguistics. – Moscow: State Institute of the Russian Academy of Sciences named after A.S. Pushkin, 2024. P. 272-278.
12. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.
13. Berezovskaya A.A., Saburova N.A. Mitigation in a lawyer’s speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 12-19.

Ильясов В.С.

Докторант Болгарской исламской академии. Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия».

Искажение коранической картины мира в переводах Корана XVIII века на русский язык*

Аннотация. В статье дается характеристика коранической картины мира в призме религиозной картины мира. В работе дается определения и анализ переводов Корана XVIII века на русский язык. Анализируется внутренняя форма переводов, которая позволяет сделать некоторые выводы об коранической языковой картины мира (ЯКМ), связанной с отражением религиозной картины мира (РКМ) и принципов идеологических, языковых и культурологических аспектов.

Ключевые слова: Коран, перевод Корана, арабский язык, языковая картина мира, кораническое мировоззрение, религиозная картина мира, история перевода Корана.

Ilyasov V.S.

Doctoral candidate at the Bulgarian Islamic Academy. Muslim religious organization, spiritual educational organization of higher education "Bulgarian Islamic Academy".

Distortion of the Quranic worldview in 18th-century Russian translations of the Qur'an

Abstract. The article provides a description of the Quranic worldview in the light of the religious worldview. The work provides definitions and analysis of the 18th century translations of the Quranic worldview into Russian. The internal form of the translations is analyzed, which allows us to draw some conclusions about the Quranic YKM associated with the reflection of the RCM and the principles of ideological, linguistic and cultural aspects.

Key words: Quranic worldview, translation of the Quranic worldview, Arabic language, linguistic worldview, Quran, religious worldview, history of the translation of the Quranic worldview.

* © Ильясов В.С., 2025.

Главная установка ниспослания Священного Корана заключается в направлении людей на путь духовного очищения и нравственного совершенствования, к которому люди испытывают естественную потребность[1]. Предписания и нравственно-этические ценности Корана на протяжении многих веков определяют быт, поведение и образ мышления мусульман, обуславливают их поступки в тех или иных жизненных положениях.

На заре XVIII века существовало несколько востоковедческих школ, среди которых такие как итальянская, немецкая и французская. Все востоковедческие школы были сильно взаимосвязаны между собой в научном европейском сообществе.

Интерес к Священной Книге Ислама с каждым веком возрастало во всех кругах, как европейского, так и российского общества по причине геополитических изменений в мире. Первой ласточкой изменения по отношению религиозного сознании европейского общества началось в начале XVI. Если верить историкам, все началось с бумажки, которую 31 октября 1517 года дюжий профессор богословия Мартин Лютер приколотил к дверям замковой церкви в Виттенберге. Бумажка была пространная. В 95 пунктах текста профессор подверг сокрушительной и совершенно справедливой критике теорию и практику католической церкви. Тезисы Лютера стали той спичкой, что зажгла пожар Реформации. Европейское общество было уже готово сбросить путы средневековых догм и ограничений, одним из которых был авторитет окончательно зарвавшейся в стяжательстве католической церкви. Поднимающейся буржуазии нужна была эффективная и дешевая церковь, а крепнущим национальным государствам – независимость от корыстных амбиций римского первосвященника[2]. Эти и многие другие изменения в теолога - богословского характера в сознании научного сообщества способствовали появлению первых переводов Корана в Европе на европейские языки в начале XVI .

Европейское направление перевода Корана начинается с его первого перевода на латинский язык монахом Робертом Катенезисом в XII веке. Существенно меняется отношение западного общества к Корану и мусульманской культуре после публикации Арривабене в 1547 году «Alkorano di Macometto», представляющей собой очерк о Мухаммаде и Исламе с отрывками из Корана. В 1630 году появляется перевод Корана Андре дю Рие (1580-1660) французского консула в Каире. В 1647 году Коран впервые публикуется на французском языке, а затем с французского переводится на английский, немецкий, нидерландский языки. Эти произведения противоречат другой тенденции, появившейся во второй половине XVII века. Она

1 И пусть поднимутся средь вас те люди, что призовут к добру, и праведное возгласят, и запретят дурное, - таким в блаженстве пребывать (Коран; 3:104).

2 https://www.library.ru/2/liki/sections.php?a_uid=93

представлена неизданным переводом на латинский язык монаха-францисканца Жермена Силезского (1650-1665 гг.), и переводом Людовико Маррачи, с арабским текстом (1698 г.). Оба произведения соответствуют традиции толедской школы, потому что опровергают некоторые положения исламской религии[3].

На территории современной России, Священный Коран в оригинале, на арабском языке появился в VII-VIII вв., а в Поволжье в начале X века[4].

В 1720 Петр I издал указ об «Определении Коллегии иностранных дел», в которой значилась «экспедиция турецких и других восточных языков». В нее были приглашены лица, знающие языки стран Ближнего Востока. Некотоые из них, например Г.Я. Кер и В.М.Бакунин делали переводы восточных рукописей. В 1797 в составе Коллегии иностранных дел был учрежден «особый Департамент для отправления дел, касающихся азиатских народов». В 1823 царским манифестом было учреждено Министерство иностранных дел, а в нем в январе 1820 – Азиатский комитет. В 1823 при нем было образовано Учебное отделение восточных языков, готовящее специалистов для министерства. Принимали в него молодых людей, православных, имеющих хорошее образование. Срок обучения был определен в пять лет[5].

Влияние европейской школы перевода на российскую востоковедческую школу неоспоримый факт. Первым российским академиком-востоковедом был немец Готлиб Зигфрид Байер, уроженец Кёнигсберга (1694-1738)[6]. Следует отметить, что осуществленные в течение этих веков русские переводы Священной Книги мусульман делались преимущественно на основе западноевропейских языков – французского, английского и с других[7]. Как и любая наука, востоковедение, в начальных своих стадиях развития имела характер практической, государственно- политического оттенка и религиозно- миссионерского аспекта[8].

Общеизвестно, что российская востоковедческая школа, которая считается одной из ведущих мировых школ, за счет колоссальной научно-религиозной, культурно-национальной и этнографической базы выстроила для себя очень хорошую научную почву. Основатель российской индологической школы проф. И.П. Минаев писал: «У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлеченного характера. Мы слиш-

3 *Фролова Л.Н.* Лексико-семантические особенности перевода Корана. УДК 81'37;ББК 81.032; Ф 91

4 *Шарипов У.* О переводах Корана – Священной книги Ислама на русский язык. «Родная Ладога», – СПб.: 2016. № 2. С. 238-250.

5 https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html

6 https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html

7 *Шарипов У.* О переводах Корана – Священной книги Ислама на русский язык. «Родная Ладога», – СПб.: 2016. № 2. С. 238-250.

8 https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html

ком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлеченно. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а поэтому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения»[9].

Как и любая наука, востоковедение, развивалась за счет усиления геополитической влияния Российской империи на Востоке и углублялась в разных направлениях. Особую роль в развитии ориенталистики имеет русская православная церковь. Церковь основала духовные миссии в раде стран Востока, в Африке в Аддис-Абебе (Эфиопия)[10].

Данное исследование рассматривает переводы Корана на русский язык в аспекте коранической картины мира (далее – ККМ)[11]. Любая изданная научная работа влияет на общество с позитивной или негативной стороны. Искажение ККМ у переводчиков Корана XVIII веке из-за отсутствие прямой связи с арабским языком, ярко выражается в их трудах. Рассмотрим данный аспект известных четырех переводах Корана на русский язык в XVIII веке:

1. Алкоран о Магомете, или Закон турецкий[12]. Перевод с французского П.В. Постникова[13].

Первый перевод Корана на русский язык, как целостная книга, изданный по распоряжению Петра I выполнен с французского перевода Андрэ дю Рие (1647)[14]. Систематические пропуски отдельных слов и целых фраз. Следует рассматривать в качестве перевода самостоятельного французского произведения, поскольку в тексте дю Рие допущено много неточностей.

2. Алкоран, или Закон магометанский. Переведенный с арабского на французский язык через господина дю Рие.

Анонимный перевод. Время написания - первая четверть XVIII века. Более точный и ясный, чем перевод Постникова. В основном сохраняются

9 https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html

10 https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html

11 Карти́на ми́ра (образ мира, модель мира; англ. world view, нем. Weltanschauung), система представлений о реальности (от мироздания в целом до ближайшего окружения, сиюминутного контекста деятельности), характерных для индивида или социальной группы (профессиональной, этнической, религиозной, сословной, языковой и др.). https://bigenc.ru/c/kartina-mira-7ad88d

12 Сведения о документе: Место издания- Санкт-Петербург; Издательство- в Санктъпитеръбургской типографии; дата издания- 1716; объем издания- 350 с.; Размер набора- 230x137 мм.; Владелец- ФГБУ «Российская национальная библиотека»; Шифр хранения: П-219. https://kp.rusneb.ru/item/material/5ddedd837d52b05595d65e33

13 По́стников Пётр Васи́льевич , российский дипломат и переводчик, первый дипломированный врач – выходец из России. Учился в Славяно-греко-латинской академии ; за успехи в учёбе награждался патриархами Московскими и всея Руси Иоакимом (1687, 1687/1688, 1688) и Адрианом (1691, 1691/1692) «золотыми». Окончил Падуанский университет со степенью доктора медицины и философии. Владел древнегреческим, латинским, итальянским и французским языками. https://bigenc.ru/c/postnikov-piotr-vasil-evich-starshii-63ca4b

14 https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%8E_%D0%A0%D1%8C%D0%B5,_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5

недостатки, свойственные труду последнего.

3. Книга Аль-Коран аравлянина Магомета[15], который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих. Автор перевода М.И. Веревкин[16]. СПб., 1790.

Выполнен с французского перевода Андрэ дю Рие, неточен, хотя отличается доступностью и простотой языка. Широкое использование церковнославянской лексики. Сохраняются все ошибки, допущенные дю Рие.

4. Ал Коран Магомедов[17]. Перевод с английского А.В. Колмакова[18]. СПб., 1792. Выполнен с английского перевода Джорджа Сэля (1734). Добросовестный перевод с английского со всеми ошибками, допущенными Сэлем. Более точный, чем предыдущие переводы, содержит комментарии к тексту Корана, составленные Сэлем на основе обширных исследований известного итальянского арабиста Лодовико Мараччи.

Искажение ККМ из-за отсутствие у упомянутых переводчиков Корана знания арабского языка выражено ярко проявляется в их трудах. Как известно, перевод – это личное видение переводчика, его субъективное понимание того смысла, который вложен в оригинале, поэтому говорят, что переводчик – это, по сути, второй автор. Для того, чтобы максимально точно понять смысл сказанного, недостаточно хорошо знать правила языка и обладать словарным запасом. Также не достаточно быть носителем языка, ведь часто в языке присутствуют аллегории, фразеологизмы, афоризмы, которые не должны восприниматься буквально. Эти правила относятся к первичному переводу, так о чем же следует говорить, когда перевод производится со второго языка, и дело касается первоисточника Ислама?!

Появление идеологических ошибок в данных переводах Корана свя-

15 Сведения о документе: Место издания- Санкт-Петербург; Издательство- в Типографии Горного Училища; дата издания- 1790; объем издания- [4], XXXIV, [2], 224 с.; Размер набора- 4° (25,4 x 20,7 x 5,8 см).; Владелец - ГКБУК «Пермская государственная ордена «знак почета» КУБ им. А.М.Горького»; Шифр хранения: 09Г. https://kp.rusneb.ru/item/material/kniga-al-koran-aravlyanina-magometa

16 Веревкин Михаил Иванович (1732—21.03[1.04].1795), драматург, переводчик. Родился в с. Покровское Московской губ. в дворянской семье. Воспитывался в Шляхетном корпусе. С 1743 служил во флоте. В 1756 назначен асессором при Московском университете. В 1759—1761 — директор гимназии в Казани, член-корреспондент Российской академии наук. Переводом Веревкина пользовался Пушкин при написании своих «Подражаний Корану». http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/verevkin_mi.php

17 https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=476948&shelfbrowse_itemnumber=840745

18 Алексей Васильевич Колмаков (?-1804) – российский интеллектуал, литератор, переводчик. В 1776 году был послан в Англию для обучения агрономии. По возвращении в Россию (1784) служил переводчиком в Адмиралтейской коллегии, затем был направлен на юг России. Воспользовавшись англ. Переводом с комментариями Дж.Сейля перевел «Ал Коран Магометов» (1792, ч. 1-2). Умело стилизовал язык перевода (использование архаизмов, славянизмов, характерных для церковных книг синтаксических построений). http://e-heritage.ru/Catalog/ShowPers/539

зано с некоторыми причинами: Во первых, все авторы переводов Корана XVIII века не были носителями арабского языка и исламской культуры. Все они были правоверными православными христианами, имеющие теологическое и богословское образование в аспекте христианского мировоззрения, что сильно оставило свой отпечаток на переводы, начиная с разъяснением идеологических вопросов, так с внедрением новых терминов, чуждых для теологического и богословского направлений для мусульманского сообщества в целом. Во вторых, авторы переводили со второго языка, что несомненно отразилась на потерю смысловых нагрузок в тексте. В третьих, авторы не были знакомы с толкованиями Корана, что отразилась на выбор библейских разъяснений при переводе. А все выше упомянутые пункты в совокупности меняют и искажают ККМ.

Одним из немаловажных фактов, это религиозно политическое положение государственного строя России в XVIII веке. Научно идеологическое состояние высшего научного сообщества зиждилась на православной христианской мировоззрении. На протяжении первой половины XVIII в. верховная власть пересмотрела свой взгляд на положение «ясачных иноземцев» в социально-экономической системе формирующейся Российской империи. Важнейшие шаги в этом направлении предприняты в период проведения реформ Петра I. Была развернута массовая христианизация народов Сибири. Задача социальной мобилизации и религиозной консолидации российского общества, сформулированная царем, нашла поддержку у сибирских митрополитов – выходцев из Малороссии, получивших богословское образование и воспитание в Киево-Могилянской академии. Они были сторонниками активной миссионерской политики, распространения школ и образования. В этом согласованном устремлении двух ведущих сил – государства и церкви кроются основные причины столь масштабного миссионерского движения в Сибири первой половины XVIII столетия[19].

Проведем языковой и идеологический анализ первой суры Корана из «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета». На тридцать восьмой странице приводится перевод суры Аль-Фатихи:

Глава Предсловная. Писанная в Мекке. Содержащая в себе семь стихов.

Во имя Бога благоутробнаго и премилосердаго. Бог благоутробный и премилосердый да будет препрославлен. Царь дне суднаго! Тебе токмо покланяемся, от тебя единаго просим помощи, направляй нас на путь истинный, на путь избранных тобою, коими не прогневляешися, и не развращимся[20].

19 *Конев А.Ю.* Правовое положение «новокрещеных иноверцев» Сибири XVII-XVIII века.

20 https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-al-koran-aravlyanina-magometa-kotoryy-v-shestom-stoletii-vydal-onuyu-za-nizposlannuyu-k-nemu-s-nebes-sebya-zhe-poslednim-i-velichayshim-iz-prorokov-bozhiih-perevod-s-aravskago-na-francuzskiy-yazyk-andrey-dyuryuera-de-la-gard-malezera-odnogo-iz-komnatnyh-dvoryan-korolya-francuzskago-dostohvalno-i-chrez-mnogie-gody-sluzhivshago-otechestvu-svoemu-pri-porte-ottomanskoy-sniskavsha-

Во первых, отсутствие нумераций аятов в суре. В некоторых переводах Корана действительно могут отсутствовать номера аятов, чтобы передать текст как единое целое, сохранив его литературные и смысловые особенности. Это подход может помочь читателю лучше понять контекст и взаимодействие между строками без отвлечения на номерные указатели. Этот подход часто используется в литературных произведениях и переводах для сохранения целостности текста и эстетического восприятия. Однако, данный подход отдаляет читателя от коранического текста в узком понимании, т.к. коранический текст в виде отдельных аятов имеет индивидуальный характер восприятия и понимания. И игнорировать этот факт не приемлемо в переводах священных писаний.

Во вторых, использование автором «библейских терминов», это стремление понимания ислама через призму христианского мировоззрения , или предать окрас заимствования. Что сильно отражается на выбранный автором мнения, что Коран – это слова Мухаммада (мир ему) называя «лжепророком».

В третьих, использует «библейские термины», «*благоутробнаго*» два раза, «*премилосердаго*» два раза, автор подтверждает выбранным им направления в переводе Корана. Например, слово «*Премилосердый*» используется при толковании Псарлтырь 33:5:3, Исаия12:6, 1-е послание Иоанна 1:9 и т.д.[21]. Слово «*Благоутробный*» используется при толковании от Матфея 15:22, Бытие 13:17, 4-я книга Царств 21:2:1[22].

В заключении хотелось бы отметить, что религиозные книги в целом, и Священные Писания в частности, отражают религиозную картину мира для своих последователей. Предвзятое, или пренебрежительное отношение к переводам данных книг приводит искажению религиозной картины мира и цели ниспосланий. В Исламе ККМ является основополагающей частью жизни мусульман, и пересмотр переводческой деятельности Корана на русский язык должен быть соответствующим по всем параметрам, т.е. идеологической, языковой, культурологической.

Библиографический список:

1. Шарипов У. О переводах Корана – Священной книги Ислама на русский язык. «Родная Ладога», – СПб.: 2016. № 2. С. 238-250.
2. Фролова Л.Н.Лексико-семантические особенности перевода Корана. УДК 81'37; ББК 81.032; Ф 91.
3. Конев А.Ю. Правовое положение «новокрещеных иноверцев» Сибири XVII-XVIII века. УДК 394.91.
4. http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/verevkin_mi.php
5. http://e-heritage.ru/Catalog/ShowPers/539

go-tolikuyu-doverennost-sultana-amurata-tretiyago-chto-byl-ot-nego-posylan-k-ludoviku-tretemu-na-desyat-s-vazhnymi-preporucheniyam-chast-per

21 https://bible.optina.ru/start?do=search&id=%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8B%D0%B9+

22 https://bible.optina.ru/start?do=search&id=%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%83%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9

6. https://bigenc.ru/c/postnikov-piotr-vasil-evich-starshii-63ca4b
7. https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=476948&shelfbrowse_itemnumber=840745
8. https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-al-koran-aravlyanina-magometa-kotoryy-v-shestom-stoletii-vydal-onuyu-za-nizposlannuyu-k-nemu-s-nebes-sebya-zhe-poslednim-i-velichayshim-iz-prorokov-bozhiih-perevod-s-aravskago-na-francuzskiy-yazyk-andrey-dyu-ryuera-de-la-gard-malezera-odnogo-iz-komnatnyh-dvoryan-korolya-francuzskago-dostohvalno-i-chrez-mnogie-gody-sluzhivshago-otechestvu-svoemu-pri-porte-ottomanskoy-sniskavshago-tolikuyu-doverennost-sultana-amurata-tretiyago-chto-byl-ot-nego-posylan-k-ludoviku-tretemu-na-desyat-s-vazhnymi-preporucheniyam-chast-per
9. https://bible.optina.ru/start?do=search&id=%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8B%D0%B9+
10. https://bible.optina.ru/start?do=search&id=%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%83%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

11. Борисов В.М. Русско-арабский словарь. В 2-х т. –12-е изд. – М.: Русский язык, 1981. 1982.
12. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – 6-е изд. – Москва: Русский язык, 1984. 986 с.
13. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – В 2 т. – 11- е изд., стереотип. – М.: Живой язык, 2006.
14. Борисов В.М. Русско-арабский словарь / – М.: Валерий Костин, 2008. 1120 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1935 – 1940.
16. Ушаков В.Д. Фразеология Корана: (Опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка). – М.: 1996
17. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Reference

1. Sharipov U. On the Translations of the Quran – the Holy Book of Islam into Russian. “Rodnaya Ladoga”, St. Petersburg: 2016. № 2. P. 238-250.
2. Frolova L.N. Lexical and Semantic Features of the Translation of the Quran. UDC 81’37; BBK 81.032; F 91.
3. Konev A.Yu. Legal Status of “Newly Baptized Infidels” in Siberia in the 17th-18th Centuries. UDC 394.91.
4. http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/verevkin_mi.php
5. http://e-heritage.ru/Catalog/ShowPers/539
6. https://bigenc.ru/c/postnikov-piotr-vasil-evich-starshii-63ca4b
7. https://koha.lib.tsu.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=476948&shelfbrowse_itemnumber=840745
8. https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-al-koran-aravlyanina-magometa-kotoryy-v-shestom-stoletii-vydal-onuyu-za-nizposlannuyu-k-nemu-s-nebes-sebya-zhe-poslednim-i-velichayshim-iz-prorokov-bozhiih-perevod-s-aravskago-na-francuzskiy-yazyk-andrey-dyu-ryuera-de-la-gard-malezera-odnogo-iz-komnatnyh-dvoryan-korolya-francuzskago-dostohvalno-i-chrez-mnogie-gody-sluzhivshago-otechestvu-svoemu-pri-porte-ottomanskoy-sniskavshago-tolikuyu-doverennost-sultana-amurata-tretiyago-chto-byl-ot-nego-posylan-k-ludoviku-tretemu-na-desyat-s-vazhnymi-preporucheniyam-chast-per
9. https://bible.optina.ru/start?do=search&id=%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8B%D0%B9+
10. https://bible.optina.ru/start?do=search&id=%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%83%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

11. Borisov V.M. Russian-Arabic Dictionary. In 2 volumes. – 12th ed. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1981. 1982.
12. Baranov H.K. Arabic-Russian Dictionary. – 6th ed. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1984. 986 p.
13. Baranov H.K. Arabic-Russian Dictionary. – In 2 volumes. – 11th ed., stereotype. – Moscow: Zhivoy Yazyk, 2006.
14. Borisov V.M. Russian-Arabic Dictionary / – Moscow: Valery Kostin, 2008. 1120 p.
15. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes / Ed. D.N. Ushakova. – M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940.
16. Ushakov V.D. Phraseology of the Koran: (An Attempt at Comparing Phraseological Sayings of the Koran and Classical Arabic). – M.: 1996.
17. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space, Time, and Perception). – M.: Gnosis, 1994. 344 p.

Науменко М.Г.

Кандидат филологических наук, доцент. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 8711-7610

Стратийчук Е.Ю.

Кандидат филологических наук, доцент. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 6311-5839

Косвенные речевые акты в англоязычном медиадискурсе*

Аннотация. В данной статье рассматривается природа косвенных речевых актов (смешанных (переходных) коммуникативных типов предложения), в ней анализируются случаи использования конвенциональных и неконвенциональных косвенных речевых актов в межличностном общении в современном англоязычном медиадискурсе. Необходимость исследования определяется соотнесением его темы с одним из ведущих в современном языкознании направлением – прагмалингвистическим, суть которого заключается в изучении языковых явлений в аспекте человеческой деятельности. Косвенный речевой акт – это способ выражения значения высказывания косвенно, используя дополнительную семантику, подразумеваемую контекстом общения. Говорящий намеренно формулирует предложение таким образом, чтобы слушатель воспринял скрытый смысл помимо буквального содержания сказанного. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью целостного подхода в выявлении особенностей употребления косвенных речевых актов в современном англоязычном медиадискурсе с учетом контекста.

Ключевые слова: речевой акт, косвенный речевой акт, смешанные коммуникативные типы предложений, прагматический смысл, иллокутивная цель, конвенциональные речевые акты, неконвенциональные (окказиональные) речевые акты, медиадискурс.

Naumenko M.G.

PhD in Philology, Associate Professor. Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 8711-7610

* © Науменко М.Г., Стратийчук Е.Ю., 2025.

Stratiychuk E.Y.
PhD in Philology, Associate Professor. Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 6311-5839

Indirect speech acts in English-language media discourse

Abstract. This article examines the nature of indirect speech acts (mixed (transitional) communicative sentence types), and analyzes the use of conventional and non-conventional indirect speech acts in interpersonal communication in modern English-language media discourse. The need for research is determined by the correlation of its topic with one of the leading trends in modern linguistics – pragmalinguistics, the essence of which is the study of linguistic phenomena in the aspect of human activity. An indirect speech act is a way of expressing the meaning of an utterance indirectly, using additional semantics implied by the context of communication. The speaker intentionally formulates the sentence in such a way that the listener perceives the hidden meaning in addition to the literal content of what was said. The relevance of this study is due to the need for a holistic approach in identifying the features of the use of indirect speech acts in modern English-language media discourse, taking into account the context.

Key words: speech act, indirect speech act, intermediary (mixed) communicative types of sentences, pragmatic meaning, illocutionary goal, conventional speech acts, unconventional (occasional) speech acts, media discourse.

Введение

Предложение как основная единица коммуникации характеризуется прежде всего коммуникативной целью – установкой, определяющей реакцию адресата. Традиционная грамматика выделяет три базовых коммуникативных типа: повествовательные (констатируют факт); побудительные (стимулируют действие); вопросительные (запрашивают информацию). Каждый тип может реализовываться в утвердительной или отрицательной форме [1, 2000].

Помимо трёх классических типов существует группа смешанных (переходных) конструкций, в которых происходит трансфер коммуникативных признаков между основными типами. М. Я. Блох предлагает расширенную классификацию, включающую шесть промежуточных типов: вопросительно-повествовательные; побудительно-повествовательные; повествовательно-вопросительные; побудительно-вопросительные; повествовательно-побудительные; вопросительно-побудительные [1, 2000: 75].

Эти модели формируются на основе устойчивых предикативных струк-

тур и требуют включения в развёрнутую коммуникативную типологию. В итоге система охватывает девять коммуникативных типов, чётко разграниченных по синтаксико-парадигматическим признакам.

В прагмалингвистике центральным понятием выступает речевой акт – целенаправленное речевое действие, реализуемое в соответствии с социокультурными нормами общения. Речевой акт представляет собой трехуровневую структуру (по Дж. Остину и Дж. Серлю):

локутивный акт – произнесение высказывания (языковой уровень);

иллокутивный акт – реализация коммуникативной цели (прагматический уровень);

перлокутивный акт – достижение желаемого эффекта (результативный уровень) [2], [3].

Прямой речевой акт характеризуется совпадением буквального значения высказывания и коммуникативного намерения говорящего. В косвенных речевых актах (КРА) наблюдается расхождение между формой предложения и иллокутивной целью [4]. Например:

I wonder who broke my cup (по форме – повествование, по функции – вопрос);

How can you believe me? (по форме – вопрос, по функции – упрек);

You must close the door (по форме – утверждение, по функции – побуждение) [5].

Косвенность достигается за счёт: синтаксических трансформаций (вопросительные формы для побуждения: Could you…?); лексических маркеров (модальные глаголы: should, ought to); контекстуальной зависимости (интерпретация возможна только с учётом ситуации); прагматических импликатур (подтекст, выводимый на основе общих знаний) [6], [7].

При этом косвенные речевые акты подразделяются на конвенциональные и неконвенциональные [8]. Конвенциональные КРА представляют собой устоявшиеся формулы вежливости:

Are you sure you don't need help? (скрытое предложение помощи);

It's getting late… (намёк на завершение встречи).

Неконвенциональные (окказиональные) КРА – требуют контекста для интерпретации:

The window is open. (в ситуации холода – просьба закрыть)[9].

Среди основных функций косвенных речевых актов можно выделить:

вежливость – смягчение директива (Would you mind…?);

манипуляция – скрытое воздействие на адресата (Don't you think it's time…?);

избегание ответственности – уклонение от прямой оценки (It depends…);

экспрессивность – передача эмоций через иронию (Oh, fantastic!);

фатическая функция – поддержание контакта (How's it going?).

Использование КРА позволяет соблюдать принцип вежливости (минимизация угрозы «лицу» собеседника); избегать прямолинейности в критике или просьбах; учитывать социокультурные нормы общения; достигать коммуникативной цели через импликации, а не прямые указания [8], [9].

Косвенные речевые акты представляют собой ключевой механизм гибкой коммуникации, позволяющий балансировать между прямотой и тактичностью; реализовывать сложные иллокутивные намерения; адаптироваться к контексту и ожиданиям адресата.

Их изучение важно для понимания прагматических аспектов языка, особенно в медиадискурсе, где косвенность часто служит инструментом манипуляции или смягчения высказываний. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей функционирования косвенных речевых актов в английском медиадискурсе, их прагматического потенциала, а также анализ способов их реализации и реакции собеседника.

Теоретическая база и методология

Теоретическая база исследования включает работы по лингвистике (М.Я.Блох), лингвистической прагматике (Дж. Серль, Дж. Остин), исследования косвенных речевых актов (Г. Кларк, Дж. Мейбауэр). Были использованы методы лингвистического анализа: описание и классификация косвенных речевых актов, выявление их структурных и семантических особенностей; прагматический анализ: изучение иллокутивной силы и коммуникативных интенций косвенных речевых актов, контекстуальный анализ: учёт ситуативных и дискурсивных факторов, влияющих на интерпретацию косвенных речевых актов.

Эмпирическую базу исследования составляют англоязычные медиатексты (реплики персонажей сериалов), отобранные методом сплошной выборки.

Основные результаты

Рассмотрим примеры употребления косвенных речевых актов в медиадискурсе современного англоязычного сериала.

1. Смешанные конструкции повествования:

а) вопросительно-повествовательные

1. How can you, of all people, bear to be in the same room as him? (Lockerbie: a search for truth, 2025). Этот риторический вопрос главный герой сериала Джим Свайр (Jim Swire) слышит от полицейского (Alisdair) в ожидании свидания с заключённым под стражу виновником крушения самолёта авиакомпании Pan American, на котором погибла его дочь. Полицейский стремится показать, что он понимает боль отца, сопереживает ему и восхищается его мужеству. Ответом служит сдержанное молчание

Джима, так как это не вопрос по своей сути, а выражение сочувствия, и собеседник это понимает.

2. What do you look like? – Stop being so annoying. (Lockerbie: a search for truth, 2025). Брат подтрунивает над фотографией сестры в заграничном паспорте, который она только что получила для транс-атлантического перелёта. Его реплика не содержит вопроса по своей сути, а выражает насмешку, подразумевая «выглядишь нелепо». Понимая это, Флора (Flora) не даёт прямого ответа на вопрос. Она вырывает документ из его рук со словами «не доставай».

3. В следующем примере риторический вопрос выражает упрёк, а реплика собеседника – не ответ, а тактичное извинение за действия властей. Джим Свайр критикует власти за отсутствие возможности убедиться лично, увидеть своими глазами погибших и опознать родственника. They bring us here to sing hymns and listen to sermons and we're expected to leave without even saying goodbye? It's inhumane. – It was a psychiatrist's recommendation. He advised the Lord Advocate against letting any of you see the bodies. (Lockerbie: a search for truth, 2025).

4. Where do you think you're going, pal? – Hold on! Just one question. (Towards Zero, 2025). Мистер Тейлор не пропускает журналиста к автомобилю, увозящему адвоката с его подзащитным. Вопрос из его уст звучит скорее как угроза и приказ остановиться. В свою очередь ответная реплика репортёра не выражает прямого ответа на вопрос. Он продолжает добиваться возможности пообщаться, выкрикивая вслед машине.

б) побудительно-повествовательные

1. We've put all that behind us now. Let bygones be bygones, I say. (Towards Zero, 2025). Мистер Стрендж оправдывает перед тётушкой своё нахождение под одной крышей втроём вместе с новой и бывшей женой тем, что они помирились – пусть всё старое останется позади. Пословица звучит как побудительное предложение, но не требует ответных действий, а лишь создаёт ассоциацию со старыми добрыми традициями.

2. Смешанные конструкции вопроса:

а) повествовательно-вопросительные

1. Oh, hello. I hope you've done your homework. (Lockerbie: a search for truth, 2025). В ситуации на рождественском катке учительница интересуется, успела ли её ученица выполнить домашнее задание. Полувопрос подразумевает предположение-опасение, что за предпраздничной суетой и всеобщим весельем об уроках позабыли.

2. I was hoping to see you at the town hall, Mr. Nelson. – Not my thing. I was at the service. (Lockerbie: a search for truth, 2025). Первое повествовательное

предложение содержит на самом деле вопрос-удивление, что житель маленького города, потрясённого трагедией, не пришёл на всеобщее собрание в ратушу. Ответная реплика объясняет причину отсутствия.

3. В телевизионной адаптации детективного романа А. Кристи – сериале «По направлению к нулю» судья допрашивает известного теннисиста по имени Нэвил Стрендж.

Mr Coles: Mr Strange, you and Mrs Strange, you were married?

Mr Strange: Nine years ago.

Mr Coles: And not for the first time, I believe.

Mr Strange: No. No, the, erm, first time, we eloped. We ran away to Gretna Green. We were 16. (Towards Zero, 2025).

Судья хорошо знаком с материалами дела. Демонстрируя осведомлённость присутствующим в суде, он использует повествовательно-вопросительные предложения. Утверждая факт из биографии ответчика, судья одновременно просит прокомментировать или опровергнуть его. Смешанная конструкция вопроса позволяет это сделать с наибольшей экономией слов и времени. В первой реплике судьи (Mr Coles) из приведённого выше примера, предложение с прямым порядком слов характерно для повествовательного коммуникативного типа высказываний. Но звучит оно с вопросительной интонацией, о чём сигнализирует вопросительный знак. В своей следующей реплике судья использует утвердительную интонацию, но по сути это тот же вопрос. Мистер Стрендж подтверждает информацию.

Аналогичным типом смешанной конструкции вопроса ведётся допрос новой возлюбленной теннисиста.

Mr Coles: Miss Elliot, you first met Mr Strange at a tennis match.

Kay Elliott: Yes, the Championships at Wimbledon. (Towards Zero, 2025).

И в такой же повествовательно-вопросительной манере судья говорит со слугой главного героя.

Mr Coles: You worked for Mr Strange, Mr Taylor?

Mr Taylor: For three years, sir. (Towards Zero, 2025).

4. You want me to spend our honeymoon, my honeymoon Mm. with your ex-wife?

HE CHUCKLES Yes, well, when you put it like that Yeah. (Towards Zero, 2025). Новая жена мистера Стренджа не может поверить, что её муж приглашает поехать в дом, где будет гостить его бывшая супруга. Она констатирует факт вслух, но он настолько не укладывается в её голове, что звучит с негодованием и недоумением (знак вопроса). Ответом служит проявление эмоций собеседника – мистер Стрендж усмехается и лишь затем подтверждает своё намерение.

5. I don't think I've seen you here before. – No, sir, I'm new to this hotel.

(Towards Zero, 2025). Инспектор приезжает с проверкой в отель по жалобе леди Тресилиан. Встретив в салоне незнакомца, он пытается выяснить его личность. Вопрос, оформленный как повествовательное предложение звучит по-деловому серьёзно и даже жёстко. Собеседник также считывает его как вопрос. Об этом можно судить по отрицательному ответу, который он даёт.

6. There's an anticipation of trouble? (House of Guinness, 2025). Полуутверждение-полувопрос произносится Эдвардом Гиннесом в тяжёлый момент для семьи – во время похорон отца. Во время похорон поднимается бунт и беспорядки в городе. Эдвард скорее констатирует факт. Но вопросительная интонация выдаёт его растерянность и желание, чтобы его убедили в обратном.

б) побудительно-вопросительные

1. Tell me, when were you first unfaithful to your wife? (Towards Zero, 2025).

Рассматривая бракоразводный процесс, судья провоцирует ответчика рассказать как можно больше подробностей его семейной жизни. Вначале звучит побуждение к действию, затем вопрос. Такое оформление предложения делает вопрос более требовательным. Вместе с императивной интонацией и детальным запросом (when?), очевидно намерение застать мистера Стренджа врасплох. Как будто сам факт измены не вызывает сомнения, осталось только выяснить, когда это произошло.

2. Допрашивая слугу мистера Стренджа, судья формулирует вопрос менее провокационно. В побудительной части высказывания местоимение множественного числа напоминает о многолюдности собрания. Точка в конце предложения передаёт более спокойную деловую интонацию.

Tell us, Mr Taylor, what you found in Mr Strange's car. (Towards Zero, 2025).

3. Смешанные конструкции побуждения:

а) повествовательно-побудительные

1. Come on, they must have this at home. Come on. (Lockerbie: a search for truth, 2025). Повествовательное предложение, прозвучавшее в диалоге между Флорой и соседним пассажиром на борту самолёта содержит побуждение создать домашнюю атмосферу, спев традиционную рождественскую песню – призыв звучит особенно убедительно благодаря модальному глаголу "must".

2. I've seen doctors going in and out of the ice rink constantly. If you want to see your daughter, I know what I'd do. (Lockerbie: a search for truth, 2025). Во втором повествовательном предложении содержится побуждение воспользоваться служебным положением доктора в личных целях и пройти в закрытое для доступа общественности помещение с телами погибших.

Доктор Свайр незамедлительно переходит к выполнению рекомендации.

б) вопросительно-побудительные

1. Um, have you been offered tea or coffee? - No, thank you. (Lockerbie: a search for truth, 2025). Приглашение-побуждение выпить чашечку чая или кофе, прозвучавшее в учреждении, оформлено в виде вопроса, а пассивный залог добавляет предложению официальный тон. Ответом служит отказ.

2. Excuse me, sir. There's a side entrance, if you'll come with me? (Towards Zero, 2025).

Мистер Тревес, адвокат и давний друг тётушки мистера Стренджа, предлагает ему после судебного заседания выйти через боковой ход, чтобы укрыться от репортёров и избежать лишних расспросов. Мистер Тревес не уверен, что подзащитный будет ему слепо доверять. Это сомнение звучит в вопросительном оформлении побуждения.

3. «I miss England. Would you help me, Mary?" (Towards Zero, 2025) Томас Ройд в письме уговаривает Мэри Олдин поспособствовать его приезду в дом тётушки. Ему необходимо иметь соратника в доме, где все настроены против него. Пытаясь заручиться её поддержкой, Томас давит на чувство сострадания. Его просьба в форме вопроса звучит подходяще жалобно.

Заключение

Таким образом, косвенные речевые акты – это высказывания, в которых формальная структура не соответствует иллокутивной силе, то есть цели, преследуемой говорящим. Говорящий говорит одно, а имеет в виду другое. Косвенные речевые акты представляют собой важный аспект коммуникации, состоящий в том, что высказывания могут иметь значения, выходящие за их буквальные границы. Выделяются шесть основных типов косвенных речевых актов на основании того, какие коммуникативные типы предложений они представляют собой по форме и по функции. Также косвенные речевые акты бывают конвенциональные (как правило, однозначно воспринимаемые слушающим) и неконвенциональные (или окказиональные), иллокутивная сила которых может быть понята только в контексте. Во всех случаях, как показал анализ фактического материла, основными причинами их использования являются стремление к большей вежливости, избегания навязывания, стремление добиться желаемого поведения без принуждения, выразить свои мысли деликатно и аккуратно. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в курсах по теоретической грамматике, стилистике и прагматике.

Библиографический список:

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики : учебник / М.Я. Блох. – 2-е изд., испр. – Москва: Высшая школа, 2000. 160 с.
2. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1986. Вып. 17. С. 67-84.
3. Серль Дж.Л. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.
4. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. С. 32-45.
5. Grice H.B. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. – New York, 1975. Vol. 3. C. 56-78.
6. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – Москва: Гнозис, 2006. 345 с.
7. Meibauer J. What is indirect speech act? Reconsidering the literal force hypothesis // Pragmatics & Cognition. 2019. Vol. 26. № 1. P. 61-84.
8. Allan K. Meaning and speech acts / K. Allan. – Monash University: Monash University Library, 1998. // URL: http://users.monash.edu.au/~kallan/papers/Speechacts.html#s1. (Дата обращения: 05.11.2025).
9. Clark H. Responding to Indirect Speech Acts // Cognitive Psychology. 1979. Vol. 11. № 4. P. 430-477.
10. Английский по фильмам и сериалам // URL: https://2sub.movie/ (Дата обращения: 17.09.2025).
11. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.
12. Мокина Л.С. Зарубежные модели цифровизации экономики и возможность их применения в российской практике // Альманах «Крым». 2025. № 47. С. 71-75.
13. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.
14. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.

Reference

1. Blokh M.Ya. Theoretical Foundations of Grammar: A Textbook / M.Ya. Blokh. 2nd ed., corrected. – Moscow: Vysshaya shkola, 2000. 160 p.
2. Austin J. Word as Action // New in Foreign Linguistics. – Moscow, 1986. Issue 17. P. 67-84.
3. Searle J.L. Classification of Illocutionary Acts // New in Foreign Linguistics. – Moscow: Progress, 1986. Issue 17. P. 170-194.
4. Searle J.R. Indirect Speech Acts // New in Foreign Linguistics. Issue 17: Theory of Speech Acts. Moscow: Progress, 1986. P. 32-45.
5. Grice H.B. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. – New York, 1975. Vol. 3. P. 56-78.
6. Dementyev V.V. Indirect Communication / V.V. Dementyev. – Moscow: Gnosis, 2006. 345 p.
7. Meibauer J. What is indirect speech act? Reconsidering the literal force hypothesis // Pragmatics & Cognition. 2019. Vol. 26. № 1. P. 61-84.
8. Allan K. Meaning and speech acts / K. Allan. – Monash University: Monash University Library, 1998. // URL: http://users.monash.edu.au/~kallan/papers/Speechacts.html#s1. (05.11.2025).
9. Clark H. Responding to Indirect Speech Acts // Cognitive Psychology. 1979. Vol. 11. № 4. P. 430-477.
10. English from Films and TV Series // URL: https://2sub.movie/ (17.09.2025).
11. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.
12. Mokina L.S. Foreign models of economic digitalization and the possibility of their application in Russian practice // Almanac “Crimea”. 2025. № 47. P. 71-75.
13. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.
14. Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.

Пакус В.О.
Кандидат филологических наук, ассистент. Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: **7273-2269**

Авто-образ США в военном конфликте с Афганистаном в президентском дискурсе*

Аннотация. Актуальность данной статьи заключается в необходимости исследования способов формирования различных авто-образов государства в политическом дискурсе на фоне одной и той же проблематики представителями разных идеологий. В данном исследовании рассматривается изменения авто-образ Америки в президентском дискурсе в ситуации военного конфликта с Афганистаном. Проводится сравнительный анализ двух авто-образов, формируемых Дж. Бушом, представителем республиканской партии, и демократом Б. Обамой во время их нахождения на посту президента. В связи с разностью идеологической ориентации и отношением к проблематике Афганистана данных президентов, формируются два авто-образа государства, ориентирующиеся на интенции и политические действия каждого автора. Проводится сравнительный анализ этих образов с учётом политической обстановки и идеологической составляющей каждого политика. Также описываются языковые средства, участвующие в их формировании.

Ключевые слова: политика, военный конфликт, партия власти, политический дискурс, президентский дискурс, авто-образ государства, политическая модализация, саморепрезентация.

Pakus V.O.
Candidate of Philological Sciences, Assistant. Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 7273-2269

Auto-images of America in military conflict in Afghanistan in the presidential discourse

Abstract. The relevance of this article lies in the need to study the ways of forming different auto-images of the state in political discourse against the background of the same problem by representatives of different ideologies. This study examines the changes in America's auto-image in presidential discourse in the context of the military conflict with Afghanistan. A comparative analysis of two auto-images formed by George W. Bush, a representative of the Republican Party, and Democrat Barack Obama during their time

* © Пакус В.О., 2025.

as president is carried out. Due to the difference in ideological orientation and attitude to the problems of Afghanistan of these presidents, two auto-images of the state are being formed, focusing on the intentions and political actions of each author. A comparative analysis of these images is carried out, taking into account the political situation and the ideological component of each politician. The language tools involved in their formation are also described.

Key words: politics, military conflict, party of power, political discourse, presidential discourse, auto-image of the state, political modalization, self-representation.

В динамично развивающемся современном мире политика становится неотъемлемой частью жизни каждого человека и имеет на неё огромное влияние – будь то повседневные решения, которые мы принимаем каждый день, или же более масштабные изменения – всё это так или иначе связано с политическими действиями разных стран. Политики, в свою очередь, готовы использовать любые прецеденты для достижения своих интенций. Не становится исключением и столь резонансное явление, как военные конфликты. Несмотря на тонкость данного вопроса, каждый политик готов использовать его в своих целях.

Так, политики США, известные не только своим вмешательством во множество военных конфликтов, но и их разжиганием, могут использовать их для обеления себя и очернения других.

Одним из таких прецендентов является военный конфликт в Афганистане, ставший самым длительным в американской. Вследствие террористической атаки, произошедшей 11 сентября 2001 года, правительство Америки и их союзники разворачивают полномасштабную антитеррористическую военную кампанию [10, С. 106].

Так, 7 октября 2001 года Дж. Буш официально объявляет о начале первого этапа военного конфликта.

Используя военную метафору, президент провозглашает Америку *врагом*, противостоящую *внешнему Другому* [7, С. 945], представленному существительными с однозначно отрицательной коннотацией:

(1) ***The United States of America is an enemy of those who aid terrorists and of the barbaric criminals*** *who profane a great religion by committing murder in its name* (G. W. Bush, October 7, 2001, Operation Enduring Freedom in Afghanistan Address to the Nation).

В то же время, в связи несправедливостью данного решения [8], Дж. Буш стремится смягчить авто-образ Америки и обозначить присущее ей *великодушие* в отношении простых людей:

(2) *At the same time, the oppressed people of Afghanistan will know* ***the generosity of America*** *and our allies.* (G. W. Bush, October 7, 2011, Operation

Enduring Freedom in Afghanistan Address to the Nation).

Для образа миролюбивого государства, насильно втянутого в военный конфликт на религиозной основе, используется метафора социального индивида:

(3) *The United States of* ***America is a friend*** *to the Afghan people, and we are the friends of almost a billion worldwide who practice the Islamic faith* (G.W. Bush, October 7, 2001, Operation Enduring Freedom in Afghanistan Address to the Nation).

А военные, отправленные в Афганистан, с помощью метафоры родства представляются для Америки драгоценными детьми, которых государство, конечно же, не хочет терять:

(4) *A Commander-in-Chief sends* ***America's sons and daughters*** *into battle in a foreign land only after the greatest care and a lot of prayer* (G. W. Bush, October 7, 2001, Operation Enduring Freedom in Afghanistan Address to the Nation).

В первый год конфликта администрация Америки достигла некоторых результатов, однако нехватка ресурсов [1] и приближающиеся выборы, на которых Дж. Буш рассчитывал на своё переизбрание, заставили правительство сместить фокус внимания на построение более дружеских отношений с Афганистаном. Целью стала реконструкция страны, носившая в основном формальный характер [3], а потому требовавшая построения наиболее «дружелюбного» образа Америки.

Так, во время одной из первых официальных встреч с правительством Афганистана Дж. Буш использует метафору социального индивида, представляя Америку и Афганистан как друзей и долгосрочных партнёров:

(5) ***the United States will continue to be a friend*** *to the Afghan people in all the challenges that lie ahead* (G. Bush, January 28, 2002, President Meets with Afghan Interim Authority Chairman).

Так как террористические акты на территории Америки, ставшие официальным поводом для введения войск, были совершены в основном приверженцами Ислама, Дж. Буш не упускал возможности добавить к образу Америки терпимость ко всем религиям с помощью ментальной метафоры:

(6) ***America respects*** *religion, and we respect the right for people to worship the way they see fit* (G. Bush, September 27, 2006, President Bush Hosts Presidents of Pakistan and Afghanistan at the White House).

Строительные метафоры помогает ему укрепить образ Америки, которая готова строить, а не разрушать:

(7) ***The United States*** *is committed* ***to building a lasting partnership*** *with Afghanistan. We'll help the new Afghan government provide the security that is the* ***foundation for peace****. Today, peacekeepers from around the world are helping provide security on the streets of Kabul. The United States will continue to work closely with these forces and provide* ***support*** *for their mission* (G. Bush, January

28, 2002, President Meets with Afghan Interim Authority Chairman).

(8) ***It's a big, solid, permanent structure****, which should represent the commitment of the United States of America to your* ***liberty*** (G. Bush, March 1, 2006, President and Mrs. Bush Dedicate U.S. Embassy Building in Afghanistan).

(9) *The main thing I was looking forward to talking about is how the United States government and the people of the United States can* ***help*** *these two countries provide* ***a foundation for hope*** (G. Bush, September 27, 2006, President Bush Hosts Presidents of Pakistan and Afghanistan at the White House).

В последующие годы, несмотря на постоянное присутствие военных сил Америки в Афганистане и неизменную интенсивность вооружённого противостояния [2], Дж. Буш продолжал настаивать на положительном авто-образе своей администрации и государства.

Чаще всего для этого президент использовал глагол *help* с положительной коннотацией, тем самым представляя военное присутствие Америки как способ помочь во всех начинаниях Афганистана, а не завоевать:

(10) *whether or not America has got the will to do the hard work necessary to* ***help*** *you* ***succeed*** (G. Bush, September 26, 2006, President Bush Welcomes President Karzai of Afghanistan to the White House)

(11) *the United States is watching, measuring and trying to* ***help*** *eradicate poppy cultivation* (G. Bush, August 6, 2007, President Bush Participates in Joint Press Availability with President Karzai of Afghanistan).

(12) *it's in the interest of the United States to* ***help*** *you develop that national army and local police that will send a clear message to the people of Afghanistan that the governments can help provide an* ***opportunity*** *for children to raise their children in a* ***peaceful world*** (G. Bush, August 6, 2007, President Bush Participates in Joint Press Availability with President Karzai of Afghanistan).

А контраст, выстраиваемый с помощью слов с противоположной коннотацией, стремится наглядно продемонстрировать перспективы стран в зависимости от того, откажутся они от сотрудничества с Америкой или примут:

(13) *It's in the interests of the United States of America for there to be examples around the world of what is possible, that it's possible to replace* ***tyrants*** *with a* ***free*** *society in which men and women are* ***respected****, which young girls can go to school to realize their full* ***potential****, in which people are able to realize their* ***dreams*** (G. Bush, March 1, 2006, President and Mrs. Bush Dedicate U.S. Embassy Building in Afghanistan).

Таким образом, присутствие Америки в Афганистане становится символом свободы и главным условием на пути к ней. Помогают в этом и механистические метафоры:

(14) *It's in the interests of the United States to be on the -- tip the scales of* ***freedom*** *your way* (G. Bush, August 6, 2007, President Bush Participates in Joint

Press Availability with President Karzai of Afghanistan).

Так или иначе, Дж. Буш не был переизбран на третий срок. В 2009 году, придя к власти, представитель демократической партии Б. Обама избрал более мирную стратегию в отношении Афганистана [6], что послужило основой его политической кампании, и сосредоточился на изменении юридических институтов страны [4, С. 37].

Как следствие, авто-образ Америки претерпел некоторые изменения. Создавался упор на создание образа государства, как изначально нежелающего участвовать в военных сражениях:

(15) *it's important to recall why America and our allies* ***were compelled*** *to fight a war in Afghanistan in the first place.* ***We did not ask for this fight*** (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

(16) ***America has no interest in fighting*** *an endless war in Afghanistan* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

Отсылка к первоначальной причине военного конфликта представлялась с помощью морбиальной метафоры, призванной продемонстрировать страдания Америки и оправдать последующие действия администрации:

(17) ***America suffered*** *the worst attack on our shores since Pearl Harbor* (B. Obama, June 22, 2011, The Troops in Afghanistan: A Prime-Time Address to the Nation).

Цели военной кампании в Афганистане сводились Б. Обамой исключительно к защите и превентивному устранению угрозы:

(18) *America, our allies, and the world were acting as one to destroy al Qaeda's terrorist network, and to* ***protect*** *our common security* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

(19) *to* ***prevent*** *its capacity to* ***threaten*** *America and our allies in the future* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

При этом Америка принимает на себя обязательства по обеспечению безопасности всего мира и главенствующую роль во всех мировых событиях:

(20) ***the United States of America has underwritten global security*** *for over six decades* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

(21*) Like generations before, we must embrace* ***America's singular role in the course of human events*** (B. Obama, June 22, 2011, The Troops in Afghanistan: A Prime-Time Address to the Nation).

А контраст помогает Б. Обаме показать какое будущее ждёт весь мир без участия Америки:

(22) *We will go forward with the confidence that right makes might, and with*

the commitment to forge an America that is safer, a world that is more secure, and a future that represents ***not the deepest of fears but the highest of hopes*** (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

В создании более яркого и доступного образа и формирующего его контраста ему помогают световая метафора:

(23) *And we must make it clear to every man, woman, and child around the world who lives under the dark cloud of* ***tyranny*** *that America will speak out on behalf of their* ***human rights****, and tend to* ***the light of freedom****, and* ***justice****, and* ***opportunity****, and respect for the* ***dignity*** *of all peoples. That is who we are. That is the source, the moral source of America's authority* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

А также контрасты, выстроенные с помощью строительных и социоморфных метафор:

(24) *And we will seek a* ***partnership*** *with Afghanistan grounded in mutual respect --* ***to isolate those who destroy, to strengthen those who build****, to hasten the day when our troops will leave, and to forge a lasting friendship in which* ***America is your partner, and never your patron*** (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

Выступаю перед американскими военными, работающими в Афганистане, президент фокусируется на ещё одной важнейшей ценности – человеческих правах, представляя их главным интересом Америки наряду с безопасностью страны с помощью ориентационной метафоры:

(25) *That's why you put on that uniform, because in an uncertain world, the* ***United States of America will always stand up for the security of nations and the dignity of human beings*** (B. Obama, March 28, 2010, Address to the Troops in Afghanistan).

Однако, несмотря на необходимость проведения военной операции в Афганистане, по мнению Б. Обамы, президент всё же настаивает на том, что Америка стремится закончить эту войну:

(26) *America* ***seeks*** *an end to this era of war and suffering* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

Такие намерения Б. Обама представляет как силу, а не поражение:

(27) *America will have to show our* ***strength*** *in the way that we end wars and prevent conflict* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

С помощью мифологем, известных в данной культуре и имеющих яркую аксиологическую окраску [5, С. 57] президент смещает акцент своих интенций на воплощение и поддержание таких ценностей Америки, как свобода, демократия и процветание:

(28) *Let us responsibly end these wars, and reclaim the* ***American Dream*** *that is at the center of our story* (B. Obama, June 22, 2011, The Troops in Afghanistan:

A Prime-Time Address to the Nation).

(29) *let us go about the work of extending* ***the promise of America*** *– for this generation, and the next* (B. Obama, June 22, 2011, The Troops in Afghanistan: A Prime-Time Address to the Nation).

При этом он не исключает силу Америки, что помогает ему смягчит его решение о переходе к стратегии «выхода» [4]:

(30) *In all that we do, we must remember that what sets America apart is not solely* ***our power*** *– it is the principles upon which our union was founded* (B. Obama, June 22, 2011, The Troops in Afghanistan: A Prime-Time Address to the Nation).

Несмотря на изменения вектора действия Америки, Б. Обама продолжает настаивать на образе Америки как «помощника», готового помочь в борьбе за те ценности, которые поддерживает её правящая партия и которые представляются для неё наиболее положительными:

(31) *America is also providing substantial resources to* ***support*** *Pakistan's* ***democracy*** *and* ***development*** (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

(32) *America will remain* ***a strong supporter*** *of Pakistan's* ***security*** *and* ***prosperity*** *long after the guns have fallen silent, so that the great* ***potential*** *of its people can be unleashed* (B. Obama, December 1, 2009, Speech at West Point on Troop Increase in Afghanistan).

Позже, поняв несостоятельность своей армии в вопросах Афганистана, Б. Обама метафорически изображает Америку, как человек, вынужденного принять важное решение:

(33) *So America is* ***at a crossroads*** (B. Obama, May 23, 2013, Address on Drones and Terrorism at the National Defense University).

Тем не менее, перенося действия администрации на страну, президент подчёркивает законность и правильность принятых до этого решений:

(34) *Moreover,* ***America's actions are legal*** (B. Obama, May 23, 2013, Address on Drones and Terrorism at the National Defense University).

А также подчёркивает дружественные отношения между двумя государствами с помощью метафору социального индивида:

(35) *America will always keep our commitments to* ***friends*** *and* ***partners*** *who step up* (B. Obama, May 27, 2014, Statement on Afghanistan).

Однако, снимает с Америки любую ответственность за дальнейшую судьбу Афганистана:

(36) *We have to recognize that Afghanistan will not be a perfect place,* ***and it is not America's responsibility to make it one*** (B. Obama, May 27, 2014, Statement on Afghanistan).

Следует отметить, что одним из важнейших типологических признаков президентского дискурса становится «идеологически и политически детер-

минированное имаготворчество, направленное на создание в президентском дискурсе положительного образа государства» [9, С. 134]. Однако в столь остром вопросе, как военный конфликт, положительный авто-образ правящей партии может претерпевать изменения.

Так, в пиковой стадии конфликта Америка под правлением Дж. Буша предстаёт великодушной, миролюбивой страной, втянутой в этот конфликт только из-за стремления помочь Афганистану как долгосрочному партнёру. В этом ему помогают военные, ментальные, строительные метафоры, а также метафоры родства и социального индивида. Контраст двух противоборствующих сил, формируемый с помощью противопоставления существительных с противоположной коннотацией *terrorists, barbaric criminals, tyrants – peace, hope, freedom, liberty, potential, dreams*. А также глаголы, призванные положительно окрасить действия Америки – *help, support, respect*.

Придя к власти и изменив вектор развития конфликта с Афганистаном, представитель демократической партии ожидаемо изменяет авто-образ Америки, однако конечно же оставляет его позитивно окрашенным. Несмотря на то, что Америка остаётся насильно втянутой в конфликт страной, вынужденной бороться не только за свою безопасность, но и безопасность всего мира, теперь она больше ориентирована на окончание войны, так как сама страдает от последствий, а также желает больше сосредоточиться на своих извечных ценностях. В создании такого образа Б. Обаме помогают морбильные, световые, строительные и социоморфные метафоры. В построении ядра главных ценностей участвуют мифологемы *American Dream* и *the promise of America,* слова с положительной коннотацией – *democracy, development, security, prosperity, strength, legal*, контраст на основе противопоставления языковых единиц *freedom, justice, opportunity, dignity, human rights – tyranny*.

Следует подчеркнуть, что вне зависимости от интенций автора, продиктованных стадией конфликта, авто-образ Америки не только остаётся положительным, но и представляет страну как миролюбивого и дружелюбного лидера, который готов встать на борьбу с тиранией и защитить весь мир от нападок варваров и террористов.

Библиографический список:

1. Afghanistan Reconstruction: Deteriorating Security and Limited Resources Have Impeded Progress. Improvements in U.S. Strategy Needed. Government Accountability Office (GAO) Report № 04-401. – Washington D.C.: GAO, 2004. // URL: http://www.gao.gov/new.items/d04403.pdf; Dobbins J. et al. Op. cit. P. 96-97.
2. Cronin R. Afghanistan: Challenges and Options for Reconstructing a Stable and Moderate State. – Washington D.C.: Congressional Research Service, 2002. P. 2.
3. Hill M. Exploring USAID's democracy promotion in Bosnia and Afghanistan: a 'cookie-cutter approach'? // Democratization. V. 17. № 1. 2010. P. 98-124; Suhrke A. Op. cit. P. 630-648.
4. Public Law № 107-327. 4 December 2002. // URL: https://www.congress.gov/107/plaws/publ327/PLAW-107publ327.pdf
5. Давыдов А.А. Непрерывная война США в Афганистане // ИМЭМО РАН. 2019. № 2 (57). // URL: https://

cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnaya-voyna-ssha-v-afganistane (Дата обращения: 23.11.2025).
6. Иванова С.В. Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект) // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 54-59.
7. Коргун В.Г. США в Афганистане: миссия невыполнима? // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-v-afganistane-missiya-nevypolnima (Дата обращения: 24.11.2025).
8. Марков Г.В. Образ России как Другого в политическом дискурсе Э. Макрона // Регионология. 2022. Т. 30. № 4 С. 945-960.
9. Набат М.М. Война США в Афганистане: справедливая война? // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 4 (37). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-ssha-v-afganistane-spravedlivaya-voyna (Дата обращения: 23.11.2025).
10. Пакус В. О. Контрастная репрезентация образа США в американском политическом президентском и оппозиционном дискурсе XXI века : дис. … канд. филол. наук : 5.9.6 : защищена 26.12.23 / Пакус Виктория Олеговна. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2023. 179 с.
11. Пойя Самеулла Анализ развития отношений США и афганистана. перспектива сотрудничества Афганистана с региональными организациями // Восточная аналитика. 2020. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-otnosheniy-ssha-i-afganistana-perspektiva-sotrudnichestva-afganistana-s-regionalnymi-organizatsiyami (Дата обращения: 22.11.2025).
12. Department of State and USAID Strategic Plan. – Washington D.C.: Department of State, 2003. P. 3. // URL: https://www.state.gov/documents/ organization/24299.pdf
13. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

Reference

1. Afghanistan Reconstruction: Deteriorating Security and Limited Resources Have Impeded Progress. Improvements in U.S. Strategy Needed. Government Accountability Office (GAO) Report № 04-401. – Washington D.C.: GAO, 2004. // URL: http://www.gao.gov/new.items/d04403.pdf; Dobbins J. et al. Op. cit. P. 96-97.
2. Cronin R. Afghanistan: Challenges and Options for Reconstructing a Stable and Moderate State. – Washington D.C.: Congressional Research Service, 2002. P. 2.
3. Hill M. Exploring USAID's democracy promotion in Bosnia and Afghanistan: a 'cookie-cutter approach'? // Democratization. V. 17. № 1. 2010. P. 98-124; Suhrke A. Op. cit. P. 630-648.
4. Public Law № 107-327. 4 December 2002. // URL: https://www.congress.gov/107/plaws/publ327/ PLAW-107publ327.pdf
5. Davydov A.A. The US's Continuous War in Afghanistan // IMEMO RAS. 2019. № 2 (57). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnaya-voyna-ssha-v-afganistane (23.11.2025).
6. Ivanova S.V. Mythologemes of the American Political Media Discourse in the Era of D. Trump (Typological Aspect) // VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2018. № 1. P. 54-59.
7. Korgun V.G. The USA in Afghanistan: Mission Impossible? // Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics. 2011. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-v-afganistane-missiya-nevypolnima (24.11.2025).
8. Markov G.V. The Image of Russia as the Other in the Political Discourse of E. Macron // Regionalology. 2022. Vol. 30. № 4. P. 945-960.
9. Nabat M.M. The US War in Afghanistan: A Just War? // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2015. № 4 (37). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-ssha-v-afganistane-spravedlivaya-voyna (23.11.2025).
10. Pakus V.O. Contrasting Representation of the Image of the United States in the American Political Presidential and Opposition Discourse of the 21st Century: Dis. … Cand. Philological Sciences: 5.9.6: defended on 26.12.23 / Pakus Victoria Olegovna. - Rostov-on-Don: SFedU, 2023. 179 p.
11. Poya Sameullah Analysis of the Development of US-Afghanistan Relations. Prospects for Afghanistan's Cooperation with Regional Organizations // Eastern Analytics. 2020. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-otnosheniy-ssha-i-afganistana-perspektiva-sotrudnichestva-afganistana-s-regionalnymi-organizatsiyami (22.11.2025).
12. Department of State and USAID Strategic Plan. – Washington D.C.: Department of State, 2003. P. 3. // URL: https://www.state.gov/documents/ organization/24299.pdf
13. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 21-33.

Рашидова А.Д.

Кандидат филологических наук. Доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Иманалиева Г.А.

Кандидат педагогических наук. Доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Выявление отношения студентов филологического факультета к использованию повествовательного текста на занятиях английского языка*

Аннотация. Резюме. Цель. Целью данного исследования является выявление отношения студентов филологического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова к использованию повествовательного текста на уроках английского языка. Целью этого исследования является описание и анализ ряда видов деятельности, которые используются во время преподавания с использованием повествовательного текста и которые позволяют студенту быть в центре обучения благодаря его вовлечению в разнообразные виды деятельности в более естественном и семейном контексте, где интерес студентов к использованию иностранного языка обеспечивается использованием аутентичных текстов стимулируется. **Методы.** Используемые методы заключаются в следующем: изучение соответствующей литературы. Информация, которая была использована для этого исследования, включает научные исследования в различных публикациях, в Интернете, экспериментальные исследования, применяемые в средних школах, публикации различных зарубежных и отечественных авторов о влиянии повествовательного текста на лучшее и эффективное овладение английским языком во время занятий. **Результат.** В настоящее время цель преподавания состоит в том, чтобы вооружить студентов методами обучения, поощряя их быть максимально активными и находиться в центре урока. Это исследование направлено на изучение мотивации, вклада и создания позитивного отношения к изучению иностранного языка, реализуемого с помощью повествовательного текста при изучении иностранного языка. Была проанализирована научная литература по этому вопросу. Были определены объекты исследования, образцы, методы исследования, инструменты исследования, процедура сбора и анализа данных. Инструменты проведения исследования. Анкета включает выборку из 30 студентов, ни позволили собрать количественные данные. **Вывод.** В настоящее время преподаватели иностранных языков используют ряд методик для более эффективного овладения языком. Одним из методов, который оказывается очень эффективным, является использование повествовательного текста.

* © Рашидова А.Д., Иманалиева Г.А., 2025.

Ключевые слова: повествовательный текст, иностранный язык, овладение языком, метод, анкета, английский язык, текст, исследования, мотивация, позитивное отношение, Интернет, анализ, аутентичный текст.

Rashidova A.D.

Candidate of Philological Sciences. Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching them, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala.

Imanalieva G.A.

Candidate of Pedagogical Sciences. Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching them, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala.

Identification of the attitude of students of the faculty of philology to the use of narrative text in English classes

Abstract. Resume. Goal. The purpose of this study is to identify the attitude of students of the Philological Faculty of the D. Gamzatov State Pedagogical University to the use of narrative text in English lessons. The purpose of this study is to describe and analyze a number of activities that are used during teaching using narrative text and that allow the student to be at the center of learning through his involvement in a variety of activities in a more natural and family context, where students' interest in using a foreign language is ensured by the use of authentic texts is stimulated. **Methods.** The methods used are as follows: study of relevant literature. The information that was used for this study includes scientific research in various publications, on the Internet, experimental studies used in secondary schools, publications by various foreign and domestic authors on the influence of narrative text on better and effective English language acquisition during classes. **Result.** Currently, the purpose of teaching is to equip students with learning methods, encouraging them to be as active as possible and to be at the center of the lesson. This research aims to explore the motivation, contribution, and creation of a positive attitude towards learning a foreign language, realized through narrative text when learning a foreign language. The scientific literature on this issue was analyzed. The objects of research, samples, research methods, research tools, and the procedure for data collection and analysis were identified. Research tools. The questionnaire includes a sample of 30 students, which allowed us to collect quantitative data. **Conclusion.** Currently, foreign language teachers use a number of techniques to master the language more effectively. One of the methods that proves to be very effective is the use of narrative text.

Key words: narrative text, foreign language, language acquisition, method, questionnaire, English, text, research, motivation, positive attitude, Internet, analysis, authentic text.

Введение.

Согласно Ребекке, повествовательный текст - это текст, который логически связывает серию событий в хронологическом порядке, которые произошли или были пережиты [12]. Ключом к пониманию истории является понимание содержания, темы и персонажей, событий и того, как они связаны. Кроме того, Джереми Хармер объясняет, что повествование - это текст, который рассказывает историю и при этом развлекает аудиторию. Изучение английского языка стало необходимостью для каждого гражданина Европы, а также нашей страны [4]. Изучение иностранного языка все чаще распространяется на младший возраст. Маленькие дети изучают иностранный язык, но в то же время знакомятся с иностранной культурой, чтобы позже в будущем они выросли более знающими и терпимыми гражданами к другим культурам. Изучение иностранного языка в этом возрасте требует от учителей использования привлекательных и приятных методов обучения.

Преподавание - сложная профессия, хотя она может показаться легкой для тех, кто не увлекается преподаванием. Хороший и успешный урок нельзя назвать таковым, если он вырван из контекста и преподнесен учащимся в качестве рецепта для подражания. Как учителя, нас беспокоят следующие важные вопросы: как мы можем стать лучшими учителями для наших учеников? Как мы можем облегчить процесс обучения? Какие методы мы должны использовать, чтобы превратить практику в значимый опыт?Преподавание иностранных языков - это сложный и требовательный процесс для учителя. Такое преподавание требует от учителей компетентных в своих лингвистических и методических знаниях, обладающих творческими навыками в поиске, адаптации и представлении учебных материалов, а также в использовании методов, способствующих мотивации и изучению иностранного языка [12].

Цель. Цель исследования - показать важность повествования в овладении английским языком и выявление отношения студентов второго года обучения ДГПУ им. Р. Гамзатова к использованию повествовательного текста на занятиях английского языка.

Исследовательский вопрос, гипотеза и методология статьи. В данном исследовании представлены эти гипотезы:

- использование повествовательного текста способствует использованию конструктивного подхода (теории) в класс
- учащиеся быстрее овладевают языковыми навыками (чтение, аудирование, письмо, разговорная речь)
- использование повествовательного текста мотивирует студентов использовать язык в аутентичных и реальных контекстах
- использование повествовательного текста создает эмоциональную связь между языком и учащимися.

Цель изучения иностранного языка состоит в том, чтобы уметь использовать, понимать и воспроизводить иностранный язык в наиболее эффективном и подходящем контексте, а также взаимодействовать с использованием иностранного языка наиболее правильным образом.

Методы.

Используемые методы заключаются в следующем: изучение соответствующей литературы. Информация, которая была использована для этого исследования, включает научные исследования в различных публикациях, в Интернете, экспериментальные исследования, применяемые в средних школах, публикации различных зарубежных и отечественных авторов о влиянии повествовательного текста на лучшее и эффективное овладение английским языком во время занятий. Была проанализирована научная литература по этому вопросу. Были определены объекты исследования, образцы, методы исследования, инструменты исследования, процедура сбора и анализа данных.

Учебные группы были отобраны из числа студентов второго года обучения филологического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова. Мы собрали данные с помощью анкет и интервью, направленных на сбор информации об убеждениях, установках и знаниях студентов по использованию повествовательного текста, с помощью интервью будут выявлены и сделаны выводы об эффективных методах и стратегиях обучения.

Инструменты проведения исследования. Анкета включает выборку из 30 студентов второго года обучения филологического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова. Они позволили собрать количественные данные. Интерпретация этих данных была основана на гипотезах, выдвинутых в начале. Целью анкеты было: анкеты для студентов, что они думают об использовании текста и какие типы текстов им нравятся больше всего. Наблюдения за обычными занятиями и типовыми занятиями, на которых используются различные виды деятельности для использования повествовательного текста.

В настоящее время преподаватели иностранных языков используют различные методики для более эффективного овладения языком. Одним из методов, который считается очень эффективным, является использование повествовательного текста. Преподавание английского языка с помощью историй - привлекательный метод для студентов. Использование повествовательного текста является общепринятым подходом к преподаванию английского языка на занятиях. Она представляет собой целостный подход к преподаванию языка, основанный на принципе, согласно которому учащиеся должны взаимодействовать с богатыми, аутентичными и разнообразными примерами иностранного языка. Использование повествовательного текста подчеркивает содержание и смысл. Это восполняет тот информационный пробел, который есть у студентов, поощряя их ис-

пользовать эту новую информацию в процессе обучения, используя свои предыдущие знания для понимания аутентичных текстов. Кроме того, в центре внимания обучения становится сам процесс обучения, а не его продукт. Использование повествовательного текста при изучении иностранного языка эмоционально вовлекает студентов. Истории приятны не только малышам, но и взрослым [1].

Обсуждение.

Использование повествовательного текста - эффективный метод, потому что студенты испытывают к ним врожденную любовь. Использование повествовательного текста создают волшебство и учат нас жизни, о нас самих и о других. Использование повествовательного текст на занятиях создают тесную связь между учителем и слушателем, учеником. Учитель персонализирует повествовательный текст, ученик чувствует себя избалованным, потому что эта история о нем, в отличие от историй по телевидению или радио, которые предназначены для более широкой публики. Это исследование фокусируется главным образом на использовании повествовательного текста, на помощи, которую он оказывает студенту в легком и естественном овладении английским языком. Это исследование рассматривает повествовательный текст как метод обучения, который уделяет «систематическое внимание как структурным, так и функциональным аспектам языка, позволяя учащемуся правильно использовать языковые навыки, то есть правильно использовать язык». Этот подход делает больший акцент на том, как язык может быть усвоен более легким и приятным способом, чем другие подходы к преподаванию.

По словам Крашена, студенты могут развивать навыки владения вторым языком либо путем изучения, либо путем приобретения их [6]. Обучение считается сознательным процессом, и внимание студентов сосредоточено на структуре языка. Между тем, присвоение рассматривается как процесс, аналогичный процессу овладения нашим родным языком, и представляет собой ответственную деятельность, поскольку акцентирует внимание на послании. Обучение - это естественный способ изучения иностранного языка. Крашен считает, что продуктивные навыки (говорение и письмо) развиваются на основе навыков аудирования и чтения, и, следовательно, им следует придавать гораздо большее значение. Он считает, что овладение вторым языком лучше всего достигается с помощью чтения. «Овладение языком не требует сознательного широкого использования грамматических правил и не требует утомительного обучения» [7]. По его словам Стивена Крашена: «овладение требует осмысленного взаимодействия на данном языке - естественного общения, - при котором говорящие заботятся не о форме своих высказываний, а о передаваемых сообщениях и понимании» [5]. Лучшими методами по этой причине являются те, кото-

рые предоставляют понятные данные «в ситуациях низкой тревожности», содержащие сообщения, которые учащиеся действительно хотят услышать. Эти методы не ускоряют раннее воспроизведение на втором языке, но позволяют учащимся производить, когдааони «готовы», признавая, что улучшение достигается за счет предоставления коммуникативных и понятных данных, а не за счет принуждения к воспроизведению языка или постоянного исправления учащихся. Использование историй для преподавания английского языка создает благоприятную атмосферу в классах и помогает учителям быть учителями «качественной школы» (quality school teachs).

Согласно Уильяму Глассеру и его теории выбора, качественный школьный учитель должен создавать теплую, поддерживающую обстановку в классе [11]. Учащиеся чувствуют себя хорошо, потому что они являются активной частью обучения и не видят в учителе лидера, но они взаимодействуют друг с другом. Используя истории, учащиеся усваивают полезный материал, они не конкурируют, но сотрудничают друг с другом. «Подростки, если они вовлечены, обладают большой способностью к обучению, большим творческим потенциалом и страстной приверженностью тому, что вызывает у них интерес». Нет почти ничего более захватывающего, чем занятие, в котором молодые люди участвуют и с энтузиазмом следят за занятием [11]. Наша задача - спровоцировать вовлечение студентов интересным и исчерпывающим материалом. Джереми Хармер полагает, что частое повторение позволяет усвоить определенные лингвистические аспекты, одновременно усиливая другие лингвистические аспекты [4].

Изучение английского языка с помощью повествования историй содержит естественное повторение лексики и ключевых структур. Это помогает учащимся запомнить каждую деталь, чтобы они могли постепенно научиться предсказывать, что должно произойти дальше в истории. «Повторение также поощряет участие в повествовании историй». Почему истории используются при изучении иностранного языка?

Эллис и Брюстер приводят несколько причин, по которым учителям следует использовать истории: эти истории обогащают учебный опыт студентов; истории мотивируют и развлекают и помогают выработать позитивное отношение к иностранным языкам; сказки развивают воображение и являются полезным инструментом в соединении фантазии и воображения с реальным миром; разучивание историй ребенком в классе - это обычный социальный опыт; дети любят слушать истории; прослушивание историй развивает слух ребенка и способность сосредотачиваться; истории создают возможности для развития преемственности в обучении детей [13].

Заключение.

Это исследование основано на 30 анкетах, заполненных студентами второго года обучения филологического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова.

Изучение английского языка стало необходимостью для каждого гражданина Европы, а также нашей страны. Преподавание иностранных языков - это сложный и требовательный процесс для учителя. В настоящее время преподаватели иностранных языков используют ряд методик для более эффективного овладения языком. Одним из методов, который оказывается очень эффективным, является использование повествовательного текста. Использование повествовательного текста является общепринятым и часто используемым подходом при изучении английского языка. Эта методика представляет собой целостный подход к преподаванию языка, основанный на принципе, согласно которому учащиеся должны взаимодействовать с богатыми, аутентичными и разнообразными примерами иностранного языка. Истории очень мотивирующие, сложные и веселые, поэтому вполне естественно изучать иностранный язык с их помощью. С помощью использования повествовательного текста преподаватель пытается донести до студентов некоторые аспекты языка, жизни и культуры. Студенты, если они вовлечены, обладают большой способностью к обучению, большим творческим потенциалом и приверженностью тому, что вызывает у них интерес.

Список литературы

1. Бал М. «Нарратологическое введение в теорию повествования» Университет Торонто. 1985.
2. Бруннер Пресс, «Культура образования». Издательство Гарвардского университета. 1997.
3. Дьюи Дж. «Опыт и образование» Пробный камень. 1997.
4. Джереми Хармер. «Практика преподавания языка». – Пирсон. 2005.
5. Крашен С. Овладение вторым языком и изучение второго языка. – Оксфорд: Пергамское издательство. 1981.
6. Крашен С. Принципы и практика овладения вторым языком. – Оксфорд: Пергамское издательство. 1982.
7. Крашен С. Исходная гипотеза. – Харлоу: Лонгман. 1985.
8. Леви-Стросс. «Дикие умы». Либрайри Плон. – Париж. 1966.
9. Лонгман К.П. «Арсими и Дженерат Тьетер». – Сара. 2014.
10. Майкл Ф. Фундаментальные изменения. 2005.
11. Пирсон Л.Г. «Качественный школьный учитель». Harper Perennial. 1992.
12. Ребекка Дж.Л. Критический справочник по детской литературе. – Массачусетс: Пирсон. 2003.
13. Эллис Джи и Брюстер Дж. «Расскажи это еще раз! Руководство по повествованию историй для учителей английского языка начальных классов». 2002.

Reference

1. Ball M., "A Narratological Introduction to Narrative Theory," University of Toronto. 1985.
2. Brunner "The Culture of Education," Harvard University Press. 1997.
3. Dewey J. "Experience and Education," Touchstone. 1997.
4. Jeremy Harmer, "The Practice of Language Teaching," Pearson. 2005.
5. Krashen S. Second Language Acquisition and Second Language Learning. Oxford: Pergamon Press. 1981.
6. Krashen S. Principles and Practice of Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon Press. 1982.
7. Krashen S. The Original Hypothesis. Harlow: Longman. 1985.
8. Levi-Strauss, "Savage Minds," Library of Paris. 1966.
9. Longman K.P. "Arsimi and Generat Tieter." – Sarah. 2014.
10. Michael F. Fundamental Change. 2005.
11. Pearson L.G. "The Quality Schoolteacher." Harper Perennial. 1992.
12. Rebecca J.L. A Critical Handbook of Children's Literature. – Massachusetts: Pearson. 2003.
13. Ellis Gee and Brewster J. "Tell It Again! A Storytelling Handbook for Elementary Teachers of English." 2002.

Содикова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Формальная эквивалентность и безэквивалентность грамматических единиц в английском и таджикском языках (на примере предлогов)*

Аннотация. В данной статье рассматривается сопоставительный анализ предлогов в английском и таджикском языках в рамках теории эквивалентности. Исследование проводится в контексте сравнительного языкознания и переводоведения, где точная передача грамматических отношений так же важна, как и перевод лексического значения. Основная цель — выявить и систематизировать явления формальной эквивалентности и неэквивалентности предлогов, определить причины неэквивалентности и наметить стратегии их адекватного перевода. В статье рассматриваются простые, сложные и составные предлоги, давая подробное сравнение их употребления с примерами из литературных источников. Анализ показывает, что, хотя основные предлоги часто имеют прямые формальные эквиваленты (например, from – az, with – bo), во многих случаях наблюдается частичная эквивалентность или полная неэквивалентность в силу структурных, семантических и контекстуальных факторов. Результаты исследования имеют значительную теоретическую ценность для сравнительного языкознания и практическое значение для практики перевода, лексикографии и языковой педагогики, подчеркивая необходимость приоритета функциональной и коммуникативной адекватности над формальным соответствием.

Ключевые слова: лингвистика, сопоставительный анализ, эквивалентность, безэквивалентность, предлоги, теория перевода, английский и таджикский языки, грамматические единицы, формальное соответствие, грамматические связи.

Sodiqova R.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan Republic.

* © Содикова Р.А., 2025.

Formal equivalence and non-equivalence of grammatical units in English and Tajik languages (on the example of prepositions)

Abstract. The given article dwells on the comparative analysis of prepositions in English and Tajik within the framework of the theory of equivalence. The study is situated in the context of comparative linguistics and translation studies, where the accurate rendering of grammatical relationships is as crucial as translating lexical meaning. The primary objective is to identify and systematize the phenomena of formal equivalence and non-equivalence of prepositions, determine the causes of non-equivalence, and outline strategies for their adequate translation. The article examines simple, complex, and compound prepositions, providing a detailed comparison of their usage with examples from literary sources. The analysis reveals that while core prepositions often have direct formal equivalents (e.g., from – az, with – bo), many cases exhibit partial equivalence or complete non-equivalence due to structural, semantic, and contextual factors. The findings have significant theoretical value for comparative linguistics and practical implications for translation practice, lexicography, and language pedagogy, highlighting the necessity of prioritizing functional and communicative adequacy over formal correspondence.

Key words: linguistics, comparative analysis, equivalence, non-equivalence, prepositions, translation theory, English and Tajik languages, grammatical units, formal correspondence, grammatical relationships.

1. Introduction

Language, as the primary means of communication, serves not only to express human thoughts and ideas but also holds an important place in shaping worldview, national thinking, and the culture of a society. The comparative study of languages provides an opportunity to understand their structural, semantic, and stylistic features more deeply. In this process, the analysis of grammatical units, particularly auxiliary grammatical elements, is of particular importance, as they consistently regulate the logical and syntactic relationships between independent units of speech.

Regarding the issue of equivalence, the renowned American researcher Eugene Nida first drew attention and distinguished two main types of equivalence: formal and dynamic (or functional). While formal equivalence relies on the form and structure of the grammatical unit, dynamic equivalence is focused on the semantic and communicative effect of the text [14, P. 234].

In comparative linguistics, the issue of equivalence is important not only for lexical units but also for grammatical units, especially for auxiliary parts of speech. Although this group (conjunctions, prepositions, particles, etc.) lacks independent meaning, they play a key role in organizing syntactic and grammatical relationships. It is precisely this characteristic that causes significant difficul-

ties in translation. For instance, many prepositions or particles in one language may not have direct equivalents in another. Thus, the study of equivalence and non-equivalence in auxiliary parts of speech has theoretical and practical importance for understanding the systemic differences of the compared languages and the ways of their usage.

The purpose of the given article is to analyze the concepts of equivalence and non-equivalence of grammatical units within the auxiliary parts of speech, using prepositions as an example, to identify the reasons for the emergence of non-equivalence, and to demonstrate ways of expressing them in English and Tajik languages.

2. Theoretical frameworks

Prepositions and postpositions are auxiliary words; they accompany nouns, pronouns, and other substantivized parts of speech and indicate their syntactic relations with other words. Prepositions and postpositions in sentences and phrases express relationships of space, time, object, cause, purpose, means, manner of action, similarity, etc. Prepositions and postpositions serve to connect sentence elements, as well as to specify the syntactic functions of verbs and nominal parts of speech [3, P. 372]; [8, P. 28].

Linguist V.V. Vinogradov explains the preposition as follows: "The parts of speech used to express spatial, temporal, causal, purposive, belonging, limitation, and other types of relations between objects and between actions, states, and qualities are called prepositions." On the one hand, prepositions are words that do not have independent meaning, i.e., their meaning is revealed only in relation to another word. On the other hand, they are grammatical means that indicate the relationship between words [2, P. 555].

It should be noted that some grammatical features of prepositions were first brought into the scope of research by the Russian linguist R.L. Nemenova. Therefore, this treatise is one of the first attempts in understanding Tajik language prepositions, comprehensively showing the features of these auxiliary elements with compelling evidence [4, P. 38].

S. Halimov, while examining the use of prepositions in the poetic works of the 10th century, saw the reason for the interchangeable use of this group of auxiliary elements in the fact that "in poetic language, the function of the prepositions ba, bo, bar is not so differentiated (they do not differ), one comes in place of the other" [6, P. 75].

Among Iranian researchers, M.T. Bahar has made interesting notes regarding the non-standard function of some such prepositions in works of the Samanid period. For example, he wrote about one of the functions of the preposition ba sūi: "The use of ba sūi was both in today's meaning and in the meaning of baroi (for), and this meaning, except in the poetry of the following century, only Nāsir Khusraw used in prose, has since disappeared" [1, vol.2, P. 76].

A. Homayunfarrokh, has also expressed useful observations regarding the functions of simple primary prepositions like dar, bo, to, be and the ezāfe and compound nominal prepositions nazdi (near), baroi (for), bahri (for), sūi (towards), peshi (in front of), boloi (above), daruni (inside), miyoni (between), nazdiki (close to), zeri (under), zabari (?), ba soni (like), girdi (around) and the like [7, P. 725-750].

Linguist K. Usmonov has also directed his attention to this auxiliary element, emphasizing that "the preposition in both of these languages (Tajik and English – S.R.) belongs to the category of non-independent parts of speech. Some prepositions have a certain lexical meaning, but some of them are devoid of lexical meaning and serve as grammatical units" [5, P. 197].

3. Main results and discussion

In particular, we establish the equivalents of the main prepositions of the Tajik language in English, classifying prepositions based on their morphological structure in the two compared languages into the following groups:

Simple prepositions: to - ba, from - az, till - to, with - bo, for - baroi, etc.

Complex prepositions: within - dar dakhili, dar hududi (inside, within), into - ba dakhili, ba darun (into), upon — bar, boloi, ba'di (upon, on, after), throughout - dar tamomi, dar har jo (throughout).

Such prepositions do not exist in Tajik: Derived prepositions: baroyat, peshat; considering, concerning, regarding.

Compound prepositions: by means of – ba vasitai (by means of), in front of – dar peshi (in front of), on account of – az hisobi (on account of), with regard to – dar khususi (with regard to).

In many cases, the English preposition "to" is equivalent to the Tajik preposition "ba".

He went to the door and opened it quietly [15, P. 57] - Ū ba nazdi dar raft va onro oromona kushod. (He went to the door and opened it quietly.)

The preposition"to" indicates the direction of movement. In Tajik, it is fully equivalent to the preposition "ba". In both languages, "to" and "ba" indicate the direction of movement or the recipient of the action.

Although sometimes the preposition "to" is used in English, there is no need to use this preposition in Tajik.

Listen to music. - Ba musiqī gūsh kun. (Listen to music.) In Tajik, it is sometimes said: "musiqī gūsh kun" (listen music), i.e., it is translated without a preposition.

The preposition "from" - "az" is usually equivalent to the Tajik preposition "az".

Letters from Netherfield had been received [9, P. 102]. - Nomaho az Netherfield girifta shudand. (Letters from Netherfield were received.)

The preposition"from" indicates the source of the action or the starting

point. In Tajik, it completely corresponds with “az”. Sometimes the preposition “from” has the meaning of the source of the action, but in Tajik it is expressed with other forms. Protect someone from danger. - Kasero az xatar hifz kardan. (To protect someone from danger.) Here “az” is retained, so this case is equivalent. But in some sentences, “from” becomes part of a compound or verb, like “differ from - farq kardan” (to differ), which can appear in Tajik without a preposition.

The preposition “till / until” — “to” in most cases is fully equivalent to “till/ until”.

He waited till the lights were out before he moved [11, P. 203]. - Ū intizor shud to charogho xomūsh shavand. (He waited until the lights went out.)

The prepositiontill (or until) expresses a time limit or the end of an action. In Tajik, the preposition “to” fully takes on this meaning. In some expressions in Tajik, “to” is replaced by other time forms. Till now - “to hol” (until now) is equivalent, but until recently - “nazdikī” (recently) comes without a preposition, as a compound.

The preposition “with” in Tajik means “bo” and often this preposition is a full equivalent of “with”.

She looked at him with silent tears in her eyes [10, P. 145]. - Ū bo ashki xomūsh dar chashmonash ba vay nigoh kard. (She looked at him with silent tears in her eyes.)

The preposition”with” expresses means or accompaniment. In Tajik, it is equivalent to the preposition “bo”. In some cases, the preposition “with” in English has the meaning of “having” or “in a state of,” which is translated in Tajik without a preposition. A girl with blue eyes. - Dukhtari chashmakabud. (A blue-eyed girl.) In Tajik, the preposition “bo” is not used because it expresses an adjectival characteristic.

The preposition “for” — “baroi” in many sentences is a full equivalent of “for”.

This above all: to thine own self be true and it must follow, as the night the day, thou canst not then be false for any man [16]- Pesh az hama, ba xudat sodiq bosh; on goh hech goh baroi yagon kas durūgh naxohī guft. (This above all: to thine own self be true; then thou canst not be false for any man.)

The preposition”for” implies the purpose or reason for an action. In Tajik, it is equivalent to the preposition “baroi”. In some instances, “for” is used with the meaning of “for a duration” or “because of,” which is replaced by other words in Tajik. I’ve lived here for five years. - Man panj sol ast, ki dar in jo zindagī mekunam. (It is five years that I have been living here.) In Tajik, the preposition “baroi” does not come and this preposition is omitted.

The preposition “by means of” in Tajik means “ba vasitai”:

He had no doubt that he could reach the truth by means of patience and steady work – [11, P. 257]. - «Ū shubha nadorad, ki haqiqatro ba vasitai sabr va

kori payvasta yofta metavonad». ("He had no doubt that he could reach the truth by means of patience and steady work.")

In this case,"by means of" is fully equivalent to the Tajik preposition "ba vasitai," as both express the means of achieving a goal. It is necessary to recall that in Tajik, the relatively abbreviated equivalent of this compound preposition, in the form of "tavassuti," is also used.

The English preposition "in front of" — "dar peshi" expresses location, and if "pesh az" is used, it expresses temporal meaning and loses this characteristic.

Elizabeth found herself in front of Pemberley House, unable to move from admiration [9, P. 197]. - Elizabet xudro dar peshi xonai Pemberli yoft, az sheftagī natavonist junbad. (Elizabeth found herself in front of Pemberley House, unable to move from admiration.)

The preposition "on account of"— "az hisobi / ba sababī". The English preposition "on account of" is primarily translated as "ba sababī" / "az sababī" and is used in English to express reason. In Tajik, its simple and equivalent translation is often "ba sababī," sometimes "az sababi". However, aspects of equivalence and non-equivalence vary depending on context. When translating a simple phrase that clearly shows the reason, "on account of" - "ba sababī" / "az sababī" is fully equivalent.

The match was postponed on account of the heavy rain. - Bozī ba sababi boroni shadid ba ta'khir aftod. (The match was postponed on account of the heavy rain.)

Here, the meaning of the reason and its effect on the action fully correspond in both languages. If "on account of" is used in a financial or accounting sense, Tajik does not have a direct translation. For example, in English "on account of the budget" means "bar asosi buja" (based on the budget) or "az hisobi buja" (on account of the budget).

The project was funded on account of the government. - Loiha az hisobi hukumat mablaghguzorī shud. (The project was funded from the government's budget.)

In this case, the meaning of the English phrase (funded/establishing something) must be changed grammatically and lexically in Tajik. A word-for-word translation is incorrect: "Loiha ba sababi hukumat mablaghguzorī shud" – this does not convey the original meaning.

The match was postponed on account of the heavy rain [12, P. 245]. - Bozī ba sababi boroni shadid ba ta'khir aftod. (The match was postponed on account of the heavy rain.)

Here, "on account of" has the meaning of "ba sababi," not "az hisobi". In terms of non-equivalence, the preposition "az hisobi" in Tajik usually has a financial meaning (e.g., az hisobi buja - from the budget).

"With regard to" — "dar khususi / dar robita ba": With regard to your letter,

I am unable to grant your request [13, P. 213). - Dar khususi nomai shumo, man nametavonam xohishi shumoro ijro kunam. (With regard to your letter, I am unable to grant your request.)

Both phrases in the compared languages express relation to a topic, and in case of non-equivalence, in Tajik it is also used with the meaning of "bo nazar ba" (with regard to), but it has a formal and less impactful style.

The preposition "ba" - "to" is one of the frequently used prepositions in Tajik and English languages, and the meanings and equivalents of the preposition "ba" in English are as follows: it indicates the direction of action: "He went to the window and looked out."- «Ū ba nazdi tireza raft va ba berun nigarist» [11, P. 27]; it indicates the target of action: He advanced towards her. - Ū ba samti ū qadam guzosht» [10, P. 145]; it expresses purpose and in this meaning is used with an infinitive and is translated into English via the infinitive form: ba didani mehmondon omadan - to come to see the guests.

The preposition "dar" expresses the basic meaning of location, an event inside something, time, or conditions of an action. The equivalent of the preposition "dar" in English is the preposition "in," but depending on meaning and context, it can also be: "at, on, inside, during," etc. In terms of equivalence, the preposition "dar" is easily replaced by a single English preposition, e.g.: dar xona - in the house; dar shahr - in the city, dar kitob - in the book; from the aspect of location in enclosed space meaning "dar" - inside: dar quttī - inside the box; equivalent of general time: "dar" - "in"; dar bahor - in spring; dar soli 2020 - in 2020. In terms of non-equivalence, the preposition "dar" does not fully correspond to a single English preposition, "dar" - "at", but not the preposition "in". In English, for specific places or precise points, the preposition "at" is used, not "in": dar daromadgoh ist - stand at the entrance; dar istgoh intizor shav - wait at the station. In Tajik, the preposition "dar" is always used, but in English, the preposition "at" is used. In another case, the Tajik preposition "dar" is translated into English as "on," meaning "surface, on top of something": dar miz kitob ast - the book is on the table; dar devor rasm ast - there is a picture on the wall.

The preposition "bar" indicates the direction of action and is translated into English via the prepositions "to" or "on": bar dil nazdik giriftan – to take close to the heart; bar kitf nihodan – to put on the shoulder. There is no single English preposition that covers all the meanings of "bar". Its equivalent is chosen depending on the context. The main equivalents of the preposition "on" - the most common counterpart, expresses being on a surface: bar miz - on the table; bar devor - on the wall; the preposition "onto" expresses movement onto a surface: bar zamin aftod - fell onto the ground; the preposition "against" conveys the meaning of opposition: bar dushman hamla kard - attacked against the enemy / attacked the enemy; the preposition "based on / according to" means based on: bar asosi qonun - based on the law; bar poyai dalelho - according to the evidence;

the preposition "upon / on" – upon and responsibility: bar dūshi ū mas'uliyat ast - responsibility is upon him / on him. Aspects of equivalence of the preposition "bar" - "on" are easily translated with one English preposition, which can come with the meaning of movement onto a surface: bar qator jahid - jumped onto the train. In this case, stable equivalence exists.

In terms of non-equivalence, the preposition "bar" does not have a direct translation: "bar" with the meaning of opposition – comes as against; bar ziddi ū baromad - spoke against him. In English, the preposition "against" is always used to express the meaning of opposition. In other cases, the preposition "bar" can come with the meaning of basis, foundation - based on, according to: bar asosi qonun - Based on the law, where the translation "on the law" is incorrect and does not have a direct meaning in English. In English, it appears without a special preposition, i.e., some Tajik phrases come with the preposition "bar," but in English, it does not take a preposition: bar ū xandid - people laughed at him (not "on him"); bar man ta'sir kard - it affected me (without a preposition), here structural non-equivalence occurs.

The preposition "to" in Tajik is one of the polysemous prepositions, most often expressing "limit, boundary, time, distance, and purpose." In comparison with English, the preposition "to" has both clear equivalents and cases of structural non-equivalence. The preposition "to - until / till" – "for time" is translated both in Tajik and into English: to shab kor kardam - I worked until evening; to imrūz namedonistam - I didn't know until today. In these sentences, full equivalence is observed. "To" - as far as for distance: to xona raftam - I went as far as the house; to daryo raft - He went as far as the river. In some cases, the preposition "to" in English does not have a direct preposition, i.e., it is non-equivalent. The preposition "to" - "to" can come with the meaning of limit, but not always: to maktab rasidam - I reached the school. (Without the preposition "to"), which in English sometimes does not take a preposition. "To" with the meaning of degree - compound translation: to in daraja - to this extent: to joe - to some extent, which do not have direct equivalents. The preposition "To hol" – "so far" is fully non-equivalent, as it cannot come with the meaning of "to now". These translations do not have the direct meaning of the preposition; the structure of purpose in English is different.

The preposition "bo" in Tajik is one of the basic and polysemous prepositions. It most often expresses meanings of accompaniment, means, manner of action execution, and relation. In English, however, the use of "bo" does not correspond to a single preposition; its equivalent varies depending on context. Below we provide a detailed explanation with aspects of equivalence and non-equivalence. Equivalents of the preposition "bo" in English depending on meaning: with - accompaniment, means, relation; by - means, instrument; especially concerning transport; using - use of a means; in - in some cases of

manner; together with - for emphasis. The preposition "with" - accompaniment is a direct and clear equivalent: bo dūstam raftam - I went with my friend; bo ū man majlis raftam - I attended the meeting with him, which is a case of complete equivalence.

Preposition with / using – means: bo qalam navishtam - I wrote with a pen. / I wrote using a pen. Bo kord burid - Cut it with a knife. In this case, relatively stable equivalence occurs. Preposition "by" meaning "bo": bo avtobus raftam - I went by bus; bo mohin meoyam - I come by car.

In aspects of non-equivalence, the preposition "bo" with the meaning of manner comes as a compound translation: bo ehtiyot roh rav - Walk carefully (without the preposition "with"); Bo ehtirom suhan gū - Speak respectfully. When translating sentences from Tajik to English, an adjective or adverb is used, not a preposition, because in this case non-equivalence exists. With abstract means: bo muhabbat navisht - He wrote with love. Sometimes it is translated as "with," but it is not always natural: bo umed zindagī mekunad - He lives in hope (not "with hope"), where partial non-equivalence occurs.

The preposition "be" expresses absence and its English equivalent is the preposition "without": choi be shakar - Tea without sugar. Be man narav - Don't go without me. Be ijozat daromadan - Enter without permission. The preposition "be" having its counterpart "juz" - which implies exceptive meaning and is translated into English via the preposition "except": ba juz tu kase nadoram – I have nobody except you.

4. Conclusion

Finally, the analysis and comparison of the presented examples led us to the following conclusions:

1. The study of grammatical structure and the relationships between language elements is of great importance for understanding its nature.

2. The equivalence and non-equivalence of grammatical units in different languages is a significant issue in comparative linguistics, especially in translation theory.

3. Auxiliary parts of speech, including prepositions and postpositions, do not have independent meaning but play an important role in organizing syntactic and grammatical relationships.

4. The difficulty of translating prepositions and postpositions stems from the fact that many of them do not have direct equivalents in other languages and their usage is highly context-dependent.

5. The main equivalents of prepositions in Tajik and English languages are as follows, such as "az" – "from", "ba" – "to", "dar" – "in/at/on", "bo" – "with", etc., but sometimes the equivalence is not complete and free translation is necessary.

6. The analysis of prepositions allows us to understand the systemic dif-

ferences of the compared languages and to identify appropriate ways of expression.

Библиографический список:

1. Бахор М. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввури насри форсӣ. – Техрон: Заввор, 1386. Ч. 2. 436 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. Пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. 640с.
3. Забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1973. 445 с.
4. Неменова Р. Предлог в таджикском языке / Р. Неменова. – Сталиноград, 1954. 38с.
5. Усмонов К. Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К.Усмонов. – Хуҷанд, Нури маърифат, 2017. 372 с.
6. Ҳалимов С. Осор (аз асрҳои IX-X то ибтидои асри XX. Васоити таълим) / С. Ҳалимов. Ҷилди II. – Душанбе: Суфра, 2022. 595 с.
7. Ҳумоюнфаррух А. Дастури ҷомеи форсӣ / А. Ҳумоюнфаррух. – Теҳрон: Муассисаи матбуоти илмӣ, 1364. 1207 с.
8. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
9. Austen Jane. Pride and Prejudice. London: T. Egerton, 1813. 538 p.
10. Brontë Emily. Wuthering Heights. Thomas Cautley Newby, 1847. 654 p.
11. Dickens Charles. Bleak House. London: Bradbury & Evans, 1853. 348 p.
12. Doyle Arthur Conan. The Adventure of the Naval Treaty. In The Memoirs of Sherlock Holmes. London: 1893. 432 p.
13. Hardy Thomas. Tess of the d'Urbervilles. London: James R. Osgood, McIlvaine & Co., 1891. 650 p.
14. Nida E. A. Toward a Science of Translating. Leiden: E.J. Brill. 1964. 425 p.
15. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. Bloomsbury, 1998. 384 p.
16. Shakespeare, William. Hamlet. London: N. Ling and J. Trundell, 1603. 500 p.
17. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.

Reference

1. Bahor M. The Grammatical Doctrine of the Word. – Techron: Zavvor, 1386. Part 2. 436 p.
2. Vinogradov V.V. Russian Language (Grammatical Theory of the Word): Textbook for Universities / Ed. G.A. Zolotov. – 3rd ed., corrected. – Moscow: Higher School, 1986. 640 p.
3. The Prepositions of the Tajik Language. – Dushanbe: Irfon, 1973. 445 p.
4. Nemenova R. Preposition in the Tajik Language / R. Nemenova. – Stalinograd, 1954. 38 p.
5. Usmonov K. Grammar and mucoisavia zabongoi English va tokiki / K. Usmonov. – Khukhand, Nuri marifat, 2017. 372 p.
6. Khalimov S. Osor (az asrҳoi IX-X then ibtidoi asri XX. Vasoiti tallim) / S. Khalimov. Gildi II. – Dushanbe: Sufra, 2022. 595 p.
7. Humoyunfarrukh A. Dasturi homei forsi / A. Humoyunfarrukh. – Tehon: Muassisai matbuoti ilmi, 1364. 1207 p.
8. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
9. Austen Jane. Pride and Prejudice. London: T. Egerton, 1813. 538 p.
10. Brontë Emily. Wuthering Heights. Thomas Cautley Newby, 1847. 654 p.
11. Dickens Charles. Bleak House. London: Bradbury & Evans, 1853. 348 p.
12. Doyle Arthur Conan. The Adventure of the Naval Treaty. In The Memoirs of Sherlock Holmes. London: 1893. 432 p.
13. Hardy Thomas. Tess of the d'Urbervilles. London: James R. Osgood, McIlvaine & Co., 1891. 650 p.
14. Nida E. A. Toward a Science of Translating. Leiden: E.J. Brill. 1964. 425 p.
15. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. Bloomsbury, 1998. 384 p.
16. Shakespeare, William. Hamlet. London: N. Ling and J. Trundell, 1603. 500 p.
17. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.

Усмонова М.Н.

Кандидат философских наук, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Семантико-функциональные особенности некоторых таджикских заимствованных междометий и их английских эквивалентов*

Аннотация. В данной статье представлен сопоставительный анализ семантических и функциональных особенностей ряда заимствованных междометий в таджикском языке и их английских эквивалентах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения влияния межъязыкового заимствования на семантическую и прагматическую структуру данного класса языковых единиц. Для достижения поставленных целей и задач были применены следующие методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный и функциональный метод. Эмпирическим материалом послужил роман С. Айни «Гуломон». Используя описательный, сравнительно-сопоставительный и функциональный методы, автор анализирует, как заимствованные таджикским языком (преимущественно из арабского и персидского) междометия адаптируются к его нормам и приобретают новые культурно обусловленные коннотации. Результаты исследования показывают, что, несмотря на универсальность некоторых эмоциональных реакций, заимствованные в таджикском языке междометия часто имеют дополнительные коннотации, обусловленные культурно-историческим контекстом, что отличает их от прямых английских эквивалентов.

Ключевые слова: семантические и функциональные особенности, сравнительный анализ, заимствованные междометия, таджикские междометия, английские эквиваленты, английский и таджикский языки, дополнительные и обусловленные коннотации, описательные, сравнительные и функциональные методы, культурно-исторический контекст, семантическая и прагматическая структура.

Usmonova M.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan Republic. ORCID: 0009-0001-9453-3830

* © Усмонова М.Н., 2025.

Semantico-functional features of some Tajik borrowed interjections and their English equivalents

Abstract. The given article presents a comparative analysis of the semantic and functional features of several borrowed interjections in the Tajik language and their English equivalents. The relevance of the study stems from the need to examine the influence of interlingual borrowing on the semantic and pragmatic structure of this class of linguistic units. To achieve the stated goals and objectives, the following research methods were used: descriptive, comparative, contextual, and functional. S. Aini's novel "Gulomon" served as empirical material. Using descriptive, comparative, and functional methods, the author analyzes how interjections borrowed by the Tajik language (primarily from Arabic and Persian) adapt to its norms and acquire new culturally conditioned connotations. The results of the study show that, despite the universality of some emotional reactions, interjections borrowed into the Tajik language often have additional connotations due to the cultural and historical context, which distinguishes them from their direct English equivalents.

Key words: semantic and functional features, comparative analysis, borrowed interjections, Tajik interjections, English equivalents, English and Tajik, additional and conditioned connotations, descriptive, comparative and functional methods, cultural and historical context, semantic and pragmatic structure.

1. Введение

Язык, представляя собой многоуровневую коммуникативную систему, оперирует разнообразными средствами выражения, среди которых особое место занимают междометия. Данный класс единиц является уникальным, поскольку функционирует на стыке лексики, грамматики и фонетики, обеспечивая непосредственную экспрессию эмоциональных состояний, волеизъявлений или имитацию звуков без их номинации [2; 4; 6; 7; 8].

В условиях интенсификации межъязыковых контактов, характерных для современной глобальной среды, процесс заимствования охватывает не только лексические единицы, но и элементы других частей речи, включая междометия. Таджикский язык, исторически сформировавшийся под значительным влиянием арабского, персидского и, в более поздний период, русского языков, содержит обширный пласт заимствованных междометий. Интеграция этих единиц в языковую систему сопровождается их адаптацией к фонетическим, морфологическим и семантическим нормам языка-приемника, что зачастую приводит к приобретению ими новых коннотаций и функциональных значений [11, С. 235; 3, С. 96].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью углубленного изучения универсальных и специфических аспектов языковой вербализации эмоций и волеизъявлений, а также влияния процесса

заимствования на семантико-функциональную структуру междометий. Проведение сравнительного анализа позволяет выявить национально-культурную специфику кодирования эмоционального мира в языке.

Целью данной работы является проведение сравнительного анализа семантико-функциональных особенностей ряда заимствованных междометий таджикского языка и их эквивалентов в английском языке на материале романа С. Айни «Гуломон».

2. Материалы и Методы исследования

В качестве основного эмпирического материала для исследования был использован роман Садриддина Айни «Гуломон» (в русском издании, либо соответствующем ему по пагинации таджикском издании, или с условным обозначением при цитировании). Выбор данного художественного произведения обусловлен его репрезентативностью в отношении живой разговорной речи, насыщенной эмоционально-экспрессивными элементами, включая междометия. Эти единицы отражают языковую практику таджикского общества начала XX века, когда заимствованные элементы уже прочно вошли в узус.

Для достижения поставленных целей и задач были применены следующие методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный и функциональный метод.

3. Основные результаты и обсуждение

Междометия, как категория языковых единиц, занимают особое положение в языковой системе. Их функциональная специфика заключается не в номинации объектов, признаков или процессов, а в непосредственной экспрессии чувств, эмоций или волеизъявлений [13; 9; 5]. С точки зрения генезиса междометия подразделяются на первичные (непроизводные, например, ой, ах) и вторичные (образованные путем конверсии из других частей речи, например, ужас, батюшки). Однако особый научный интерес представляют заимствованные междометия. При инкорпорации в новый язык они, как правило, сохраняют элементы исходной семантики, но при этом подвергаются семантической и прагматической адаптации под влиянием норм языка-реципиента и принимающей культуры, приобретая новые коннотации и функции [10; 12].

В таджикском языке существенная доля междометий имеет арабское или персидское происхождение, что является следствием длительных историко-культурных контактов. Данные междометия активно функционируют как в бытовой коммуникации, так и в художественном дискурсе, составляя неотъемлемую часть национального языкового колорита. Для целей настоящего сравнительного анализа из романа С. Айни «Гуломон»

были отобраны несколько распространенных заимствованных междометий, обладающих функциональными и семантическими эквивалентами в английском языке.

3.1. Междометие оҳ и его английский эквивалент oh

Междометие *оҳ* является одним из наиболее частотных заимствованных междометий в таджикском языке (от персидского «ٱه»). Оно чрезвычайно многофункционально и выражает широкий спектр эмоций, чаще всего негативных: боль, страдание, сожаление, тоску, разочарование, вздох облегчения, удивление: *Оҳ,* чӣ қадар хаста шудаам аз ин зиндагӣ! [1, С. 78] - *Oh,* how tired I am of this life!

В данном контексте *оҳ* выражает глубокое эмоциональное состояние – усталость и отчаяние.

Английский эквивалент: *Oh.* Это междометие также очень многозначно и используется для выражения самых разных эмоций: удивления, понимания, разочарования, боли, облегчения, просьбы о внимании.

Оба междометия, *оҳ* и *oh,* универсально используются для выражения широкого спектра эмоций, связанных как с негативными (боль, разочарование), так и с нейтральными или позитивными (удивление, понимание, облегчение) реакциями. Их основные функции – экспрессивная (выражение чувств) и апеллятивная (привлечение внимания). Таджикское *оҳ* зачастую несет более глубокий, меланхоличный или драматический оттенок, особенно когда выражает сожаление, тоску или боль. Это может быть связано с влиянием персидской поэтической традиции, где «ٱه» часто встречается в контексте страдания и любви. Английское *oh* может быть более легким, повседневным, выражая простое удивление или незначительное разочарование. Например, в русском переводе *Ох!* или *Ах!* часто передают оттенки таджикского *Оҳ,* которые не всегда полностью покрываются только *Oh.*

3.2. Междометие эҳ и его английский эквивалент ah

Междометие *Эҳ* (часто арабского происхождения, от «ٱه») в таджикском языке используется для выражения широкого спектра эмоций, чаще всего связанных с разочарованием, сожалением, безнадежностью, иногда усталостью, равнодушием или ностальгией: *Эҳ,* акнун чӣ гӯям, ҳамааш гум шуд! [1, С. 203] - *Ah,* what can I say now, all is lost!

В этом случае *эҳ* выражает глубокое разочарование и смирение с неизбежным, оттенок безнадежности.

Английский эквивалент: *Ah.* Это междометие также многофункционально: понимание, удовлетворение, разочарование, боль, сочувствие.

Оба междометия, *эҳ* и *ah,* могут выражать разочарование, сожаление и даже легкое удовлетворение (хотя для *эҳ* это реже). Они часто используются для выражения внезапного осознания или реакции на событие. Таджик-

ское *эҳ* часто имеет более выраженный оттенок фатализма, безысходности или глубокого вздоха разочарования, особенно когда оно произносится медленно и протяжно. В английском языке *ah* может быть более нейтральным и часто указывает на *понимание* (Ah, I see). В таджикском *эҳ* реже используется для выражения понимания, чаще это вздох сожаления или безразличия. Присутствие заимствованного *эҳ* в таджикском контексте может также указывать на смирение перед судьбой или предопределением, что является важным культурным аспектом.

3.3. Междометие ҳой и его английский эквивалент hey

Междометие *ҳой* (от персидского «ای‌اه») в таджикском языке является призывным междометием, используемым для привлечения внимания, оклика, иногда для выражения удивления или возмущения: *Ҳой*, кучо меравӣ? Ист! [1, С. 45] - *Hey,* where are you going? Stop!

Здесь *ҳой* служит для оклика, призыва к остановке, привлечения внимания.

Английский эквивалент: *Hey.* Это междометие также призывное, используется для привлечения внимания, приветствия, выражения удивления, раздражения [10]. Функционально *ҳой* и *hey* очень близки. Оба используются для привлечения внимания, оклика, начала разговора или выражения реакции на неожиданное. Они могут нести как нейтральный, так и негативный (раздражение, возмущение) оттенок в зависимости от интонации. Таджикское *ҳой* может использоваться с более выраженным оттенком властности или строгости, особенно в контексте обращения к подчиненным или в ситуации, требующей немедленного ответа. В английском *hey* чаще используется в неформальной обстановке, как приветствие или дружелюбный оклик, хотя оно также может выражать недовольство.

3.4. Междометие вой и его английский эквивалент alas / ouch

Междометие *вой* (от персидского «وای») в таджикском языке выражает сильную эмоциональную реакцию, чаще всего боль, страдание, ужас, отчаяние, горе, испуг, сожаление. Это очень экспрессивное междометие, часто используемое в драматических ситуациях: *Вой,* чӣ қадар дарднок! [1, С. 158] - *Alas,* how painful!

Английские эквиваленты: для *вой* нет одного прямого универсального эквивалента. В зависимости от контекста используются:

Alas: (архаичное, но часто используется в художественной литературе) выражает горе, сожаление, печаль, безнадежность.

Ouch: выражает физическую боль.

Oh dear / Oh no: выражают беспокойство, разочарование, сожаление о негативных событиях.

Вой совпадает с *ouch* в выражении физической боли. С *alas* оно совпа-

дает в выражении глубокого горя и сожаления, хотя *alas* сегодня менее употребительно в разговорной речи, чем *вой* в таджикской. Главное различие в том, что *вой* охватывает весь спектр сильных негативных эмоций – от физической боли до глубочайшего горя и паники – одним словом. Английский язык требует выбора более специфического междометия или фразы в зависимости от точной эмоции. *Вой* несет в себе часто более архаичный, или даже, в некоторых случаях, театральный оттенок в современном таджикском, передавая драматизм ситуации, который в английском языке потребовал бы большего словесного описания или более сильного выражения.

3.5. Междометие баҳ! и его английский эквивалент wow!

Междометие *Баҳ!* (от персидского «به!») в таджикском языке выражает восхищение, одобрение, удивление, удовлетворение, иногда легкое пренебрежение: *Баҳ!* Какая красота! [1, С. 199] - *Wow!* What beauty!

Английский эквивалент: *Wow!*. Это междометие выражает сильное удивление, восхищение, изумление. Также могут использоваться *Bravo!* (одобрение), *Phew!* (облегчение). *Баҳ!* и *Wow!* очень близки в выражении сильного восхищения, изумления и удивления. Оба могут использоваться как реакция на что-то впечатляющее или неожиданное. Таджикское *Баҳ!* может также нести оттенок иронии или даже легкого пренебрежения (хотя это реже и зависит от интонации), когда говорящий показывает, что он *не удивлен* или *ожидал чего-то большего*. В английском языке *Wow!* обычно несет только позитивные или нейтральные коннотации сильного удивления/восхищения. Если нужен оттенок пренебрежения, английский язык использовал бы другие междометия или конструкции (например, Pfft!). *Баҳ!* также может выражать удовлетворение от решения проблемы, что в английском языке ближе к *Phew!* или *Finally!*.

4. Заключение

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ семантико-функциональных особенностей ряда таджикских заимствованных междометий и их английских эквивалентов позволяет сформулировать ряд ключевых выводов.

Во-первых, междометия, несмотря на их универсальную функцию экспрессии эмоций, демонстрируют выраженную национально-культурную и языковую специфику. В таджикском языке заимствованные междометия не являются прямыми кальками, а проходят процесс адаптации, в результате чего приобретают уникальные семантические и прагматические оттенки, детерминированные как языковой системой, так и культурным контекстом.

Во-вторых, анализ показал, что такие междометия, как *оҳ, эҳ, ҳой, вой*

и Бах!, заимствованные преимущественно из арабского и персидского языков, активно используются в таджикском дискурсе (на материале романа С. Айни «Гуломон») для выражения широкого спектра эмоций и волеизъявлений. При наличии общих базовых семантических соответствий с английскими эквивалентами *(Oh, Ah, Hey, Alas/Ouch, Wow!),* выявлены существенные различия в их коннотативном содержании, интенсивности и прагматических условиях функционирования.

В-третьих, установлено, что таджикские заимствованные междометия часто обладают более широким функциональным потенциалом или специфическими культурно-историческими коннотациями (например, отражая оттенки фатализма или глубокого страдания). Это подтверждает тезис о том, что заимствованные междометия в таджикском языке проявляют уникальные семантико-функциональные нюансы по сравнению с английскими эквивалентами, что требует комплексного и контекстно-ориентированного подхода при их интерпретации и переводе.

Библиографический список:

1. Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.
2. Азимова У.А. Сопоставительный анализ семантических особенностей некоторых междометий в таджикском и английском языках // In Situ. 2025. № 3. С. 121-123.
3. Азимова У.А. Сравнительный анализ морфологических особенностей некоторых междометий в таджикском и английском языках // A Posteriori. 2024. № 4. С. 96-98.
4. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе, 1985. Ч. 1. 355 с.
5. Anderson J.A., Agbaglo E., Thompson R. G. A. Exploring Ghanaians' usage of ei, ehe, eh, and eish in Global Web-Based English Corpus // Corpus Pragmatics. 2024. Vol. 8. № 2. P. 131-148.
6. Ashrapov B.P., Huseynova M.F. Comparative analysis of semantico-functional peculiarities of the Tajik modal particle Mabodo and its English equivalents // Sukhanshinosi. 2025. № 3 (52). P. 92-102.
7. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30.
8. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle гӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123.
9. Hamawand Z. The status of interjections in Cognitive Grammar //Cognitive Linguistic Studies. 2024. Vol. 11. № 2. P. 274-295.
10. Ibragimova R.A., Usmonova M.N. Comparative analysis of lexico-morphological peculiarities of interjections denoting sorrow in Tajik and English // The Power of History – The History of Power. 2024. Vol. 10. № 8 (58). P. 59-67.
11. Maklakova E.M., Magfurova S.O. Comparative analysis of teaching zoonyms phraseological units in the function of interjection (English, French and Russian languages) // Revista Conrado. 2020. Vol. 16. № 77. P. 234-238.
12. Stephanie K., Ardianto A. Interjections Used in the Novel "The Midnight Library": Types, Functions, and Translation Strategies // International Journal of Translation and Interpretation Studies. 2025. Vol. 5. № 3. P. 01-08.
13. Unuabonah F.O., Mabena M.I. "Eish it's getting really interesting": borrowed interjections in South African English // Multilingua. 2024. Vol. 43. № 4. С. 553-575.
14. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.
15. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.
16. Mikhailov V.A., Nazarov I.I. The essence and socio-economic content of strategic planning in the system of public administration // Etnosotsium and international culture. 2019. № 11 (137). P. 9-17.
17. Беляева Е.А. Особенности социологического изучения образования (к постановке проблемы взаимодействия вузов) // Межконфессиональная миссия. 2019. Том 8. Часть 5. № 40. С. 571-580.

Reference

1. Аупӣ S. Ғуломон. Roman. Dushanbe: Adabiyoti bachagona, 2019. 488 p.
2. Azimova U.A. Comparative analysis of semantic features of some interjections in the Tajik and English languages // In Situ. 2025. № 3. P. 121-123.
3. Azimova U.A. Comparative analysis of morphological features of some interjections in the Tajik and English languages // A Posteriori. 2024. № 4. P. 96-98.
4. Grammatical examples of interjections in the Tajik language. Dushanbe, 1985. Part 1. 355 p.
5. Anderson J.A., Agbaglo E., Thompson R. G. A. Exploring Ghanaians' usage of ei, ehe, eh, and eish in Global Web-Based English Corpus // Corpus Pragmatics. 2024. Vol. 8. № 2. P. 131-148.
6. Ashrapov B.P., Huseynova M.F. Comparative analysis of semantico-functional peculiarities of the Tajik modal particle Mabodo and its English equivalents // Sukhanshinosi. 2025. № 3 (52). P. 92-102.
7. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30.
8. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological- syntactical peculiarities of the Tajik modal particle rӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123.
9. Hamawand Z. The status of interjections in Cognitive Grammar //Cognitive Linguistic Studies. 2024. Vol. 11. № 2. P. 274-295.
10. Ibragimova R.A., Usmonova M.N. Comparative analysis of lexico-morphological peculiarities of interjections denoting sorrow in Tajik and English // The Power of History – The History of Power. 2024. Vol. 10. № 8 (58). P. 59-67.
11. Maklakova E.M., Magfurova S.O. Comparative analysis of teaching zoonyms phraseological units in the function of interjection (English, French and Russian languages) // Revista Conrado. 2020. Vol. 16. № 77. P. 234-238.
12. Stephanie K., Ardianto A. Interjections Used in the Novel "The Midnight Library": Types, Functions, and Translation Strategies // International Journal of Translation and Interpretation Studies. 2025. Vol. 5. № 3. P. 01-08.
13. Unuabonah F.O., Mabena M.I. "Eish it's getting really interesting": borrowed interjections in South African English // Multilingua. 2024. Vol. 43. № 4. C. 553-575.
14. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.
15. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.
16. Михайлов В.А., Назаров И.И. Сущность и социально-экономическое содержание стратегического планирования в системе государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 9-17.
17. Belyaeva E.A. Features of the sociological study of education to the formulation of the problem of interaction between universities) // Mission confessions. 2019. Volume 8. Issue 5. № 40. P. 571-580.

Артаев С.Н.
Доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Каминова К.Ю.
Магистрант направления филология, профиль русский язык и литература, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Сангаджи-Горяева Г.С.
Студент направления филология, профиль зарубежная филология, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Джиоева Р.Р.
Студент направления филология, профиль зарубежная филология, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия.

Вежливость в коммуникативном поведении*

Аннотация. В соблюдении речевого этикета большую роль играют лексические и грамматические средства вежливости. К лексическим средствам относят слова и выражения, используемые для того, чтобы показать свою деликатность в обхождении с людьми почтенного возраста и высокого социального ранга, в обращении со старшими употребляют изысканно-почтительные слова из высокого стиля. Почтительное и вежливое отношение у калмыков также может быть выражено не только лексическим способом, но и средствами грамматики, а именно с помощью форм глагольного наклонения.

Ключевые слова: речевой этикет, лексические и грамматические средства языка, вежливость, глагольное наклонение.

* © Артаев С.Н., Каминова К.Ю., Сангаджи-Горяева Г.С., Джиоева Р.Р., 2025.

Artaev S.N.
Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Kaminova K.Yu.
Master's student in philology, majoring in Russian language and literature of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Sangadzhi-Goryaeva G.S.
Student student in philology, majoring in Foreign Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Dzhioeva R.R.
Student student in philology, majoring in Foreign Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia.

Politeness in communicative behavior

Abstract. Lexical and grammatical means of politeness play a major role in speech etiquette. These include words and expressions used to demonstrate delicacy when dealing with people of advanced age and social rank; when addressing elders, refined and respectful words of high style are used. Respectful and polite attitudes among Kalmyks can also be expressed not only lexically but also grammatically, specifically through verb mood.

Key words: speech etiquette, lexical and grammatical means of language, politeness, verb mood.

Владение речевым этикетом предполагает умение правильно выбирать формы общения и способы речевого воздействия, в соответствии с типом ситуации, социальным статусом коммуникантов, характером отношений между ними и характером самих собеседников. В связи с общей прагматической направленностью на успешную реализацию языковой коммуникации особый интерес представляют формы побуждения, а именно такие

жанры как извинение, просьба, очень характерные для повседневного общения [1, 2, 3,].

Ситуация извинения – словесное искупление вины, какого-либо проступка. В этой ситуации непременно присутствует оттенок значения просьбы (иногда вербально выраженный). Вина, проступок могут быть большими или меньшими, с чем связаны и различные выражения извинения [14].

Извинение принадлежит к речевым действиям универсального характера, т.е. таким, которые присущи речевому поведению носителей различных языков. Извинения играют важную роль в речевом общении коммуникантов в качестве речевого акта, регулирующего межличностные отношения [5, 12].

Дж. Серль и Д. Вандверкен считают целью акта извинения выражение сожаления или раскаяния в связи «с данным положением дел». Такая формулировка определяет мотивировку извинения более широко, т.е. включает возможность будущего действия, которое имеет отношение к данному положению дел, как и возможность совершения чего-либо неприятного по отношению к адресату со стороны третьих лиц [10].

Соблюдение этих условий приводит к успешности осуществления акта извинения, что помогает сохранить вежливое, доброжелательное отношение между коммуникантами.

В калмыцком речевом этикете наиболее распространенной, нейтрально-вежливой формулой является высказывание, содержащее существительные *гем* «вина» или *буру йовдл* «неправильный поступок» + глагол *тәвх* «отпустить» в повелительно-желательном наклонении [7]: – *Бичә уурлтн, гемим тәвҗ өгтн, – гиҗ күүкн бичгтән бичҗ* [ҖХ] «Не сердитесь, простите меня, – написала девочка в своем письме»; – *Дава Басангович,... гемим тәвҗ өгтн, – гиҗ Манжиков сурв* [УБ] «Дава Басангович,... простите меня (букв.- отпустите мою вину), – попросил Манжиков»; – *Санл, буруһим тәвич, – болҗ Церн Санлыг теврв* [ТХ] «Санал, извини меня, – Церен обнял Санала».

Грамматическая система калмыцкого языка требует употребления глагола в постпозиции. Центральный предикатный компонент формулы извинения может выражаться также глаголами *сурх* или *эрх* «просить, умолять» и *хәәрлх* «помиловать, смиловаться»: – *Нина, мини гемиг тәвҗ өгхитн эржәнәв, – гиҗ эн эклв* [УБ] «Нина, прошу Вас отпустить мою вину, – начал он»; – *Буйн болтха, тәв һарим. Буруһан эржәнәв, – болв Кермн* [ТХ] «Пожалуйста, отпусти руку. Прошу прощения, – сказала Кермен»; – *Буйн болтха, таднас гемән эржәнәв! ... – гиҗ Гернзл келв* [ҺХ] «Пожалуйста, извините меня!... – сказала Герензел»; – *Буруһим тәвҗ хәәрлтн, Борис Эммануилович, – болҗ адъютант толһаһан гекв* [БТ] «Простите за проступок,

Борис Эммануилович, – склонил голову адъютант».

В речевом поведении калмыков имеется еще один тип извинений, не очень распространенный, встречающийся в основном у людей преклонного возраста *Мини гем* «моя вина» или *Мини буру* «мой проступок». Эти фразы могут сопровождаться просьбой *Бичэ му сантн* «Не подумайте ничего плохого».

В недавнем прошлом у калмыков существовал даже целый обычай *Буруһан сурх* «Просить прощения». Этот обычай нередко был началом всего свадебного обряда. Происходило это после того как молодой человек (скорее всего по договоренности с девушкой) без разрешения родителей (и своих и ее) приводил домой девушку. Это называлось *выкрасть* невесту. После этого родители жениха брали определенное количество водки, баранину, подарки и ехали к родителям девушки просить прощения за поступок, совершенный их сыном. Здесь обговаривалось время, когда можно было присылать сватов и т.д.

На основании вышеизложенного можно заключить, что ситуация извинения в калмыцком речевом этикете выражается в основном словосочетанием *гемим тәвтн* «отпустите мою вину» + глагол *эржҗәнәв, суржҗанав* «прошу».

Очень близкая к извинениям, но имеющая несколько другой смысл ситуация, связанная с выражением просьбы входит в состав таких речевых актов, в которых используются выражения, рассматриваемые в общем функционально-семантическом поле речевого этикета. Применительно к ситуации просьбы, в коммуникативной компетенции говорящего есть представление о том, что попросить надо вежливо, т.е. определенным речевым способом выразить уважительное отношение адресату, иначе может не реализоваться коммуникативное взаимодействие собеседников, факт вербальной просьбы не обретет должной силы, и за ним не последует действия со стороны адресата для удовлетворения просьбы [9, 11].

Множественность способов выражения просьбы предопределяют правила вежливости, которые относятся к общим постулатам коммуникативных взаимодействий (лексемам общения) и, естественно, варьируются применительно к разным сферам общения, в разных стилях и жанрах, в обстановке официальной или неофициальной, с хорошо и мало знакомым собеседником, при разных ролевых и личных отношениях и т.д [15].

Стилистическая окрашенность выражений просьбы варьируется по экспрессивно-стилистической шкале в широкой гамме, передавая тональность общения от официальной и холодной до дружеской и теплой. При этом их синонимические варианты отражают степень вежливости, с одной стороны, и степень важности просьбы – с другой [8].

Синтаксическая структура предложений – высказываний, в которых

воплощается смысл «просьба», самая разнообразная: здесь предложения повествовательные, побудительные и вопросительные; предложения простые и сложные; нераспространенные и распространенные. Однако все они обладают силой побуждения адресата и призваны вызывать его реакцию в виде действия (и/или речи) [13].

В калмыцком коммуникативном поведении наиболее часто просьба оформляется при помощи вежливых формы глагола *Сурҗанав* «Прошу», *Эрҗәнәв* «Умоляю», сопровождаемых актуализатором вежливости *Буйн болтха* «Пожалуйста», например: – *Хәрү суухитн эрҗәнәв, күүндврән чилəх кергтə,– гив* [УБ] «Прошу вас присесть, нужно закончить разговор, – сказал он»; – *Булһн, би эрҗәнәв чамаг, күрəд ир, – болҗ Санл Булһниг үүднднь күргв* [ТХ] «Булгун, я прошу тебя, приходи, – Санал довел Булгун до дверей»; – *Коля, буйн болтха, тиим үг бичə келтн, – гиҗ Гернзл сурв* [ҺХ] «Коля, пожалуйста, не говорите так, – попросила Герензел»; – *Буйн болх, би келҗəсн үгəн чилəчксв, – гиҗ Маргарита Николаевна сурв* [УБ] «– Пожалуйста, дайте же мне договорить, – попросила Маргарита Николаевна»; – *Буйн болтха, орцхатн, таниг күлəҗənə, – гиҗ сегləтрин кабинетин үүд секв* [ҺХ] «– Пожалуйста, заходите, Вас ждут, – сказал он, открывая дверь кабинета».

В соблюдении речевого этикета большую роль, как уже отмечалось, играют лексические и грамматические средства вежливости. К лексическим средствам относят слова и выражения, используемые для того, чтобы показать свою деликатность в обхождении с людьми почтенного возраста и высокого социального ранга, а в обращении со старшими употребляют изысканно-почтительные слова из высокого стиля.

Почтительное и вежливое отношение у калмыков также может быть выражено не только лексическим способом, но и средствами грамматики, а именно с помощью форм глагольного наклонения, частиц.

Формы глагольного наклонения в калмыцком языке в выражениях речевого этикета реализуются в контактивах (приветствие, прощание, благодарность, извинение, поздравление, и др.), в директивах (просьба, приглашение и др.) и в обращении для привлечения внимания.

Исходная форма повелительного наклонения (императива), равная форме 2-го лица единственного числа, совпадающая с основой глагола, всегда выражает побуждение к действию, направленное говорящим непосредственно к собеседнику. Для этикетных выражений характерен тип смягченного побуждения в значениях просьбы, упрашивания и т.д. Зависимость говорящего от собеседника подчеркивается наличием в контексте глаголов типа *сурх* «просить», *эрх* «умолять, упрашивать», смягчающих побуждение глаголов речи *гих* «говорить», *келх* «сказать», глаголов просьбы *нөкд бол* «помоги», *дөңгн* «поддержи» и т.д.

Также в определенных контекстуальных и интонационных условиях вежливое, смягченное побуждение может реализовываться формой множественного числа повелительного наклонения на – *тн*, например, простое обращение с оттенком непринужденности или просьба: *Сурһульчнр, көдлмшән шулуһар чиләтн* «Ученики, заканчивайте поскорее работу», *Көдлмшчнр, тәрәнә көдлмшән эртәс эклтн* «Рабочие, заранее начинайте работу по посадке»; приглашение, совет, пожелание: *Оютнр, мана сурсиг күцәтн, манур дарунь иржәятн* «Студенты, выполните нашу просьбу, приходите почаще к нам», *Өрк-бүләрн, элгн садтаһан цуһар менд бәәтн* «Всей семьёй, со всеми родными живите в здравии».

В современном калмыцком общении формулы *Менд бәәтн* «Живите в здравии», *Сән бәәтн* «Живите хорошо» являются самыми употребительными и универсальными формами прощания. Форма на - *тн*, называемая также «формой вежливого обращения», применяется и при обращении ко 2-му лицу единственного числа и представляет собой прием вежливой или официальной речи: *Багш, дегтрән нааран өгтн* «Учитель, дайте свою книгу», *Аав, та бас маңһдур иртн* «Дедушка, Вы тоже завтра приходите»: *– Сууһад хот эдлтн! – гиҗ Болха столур дуудв. Герт орҗ ирсн хөөн, хотынь уулго бәәҗ болшго, стол эргәд сууцхав. – «Ундинь өгәд, учринь сур» гидг хальмг үлгүр бәәдмн. Ундан уусн болхла, учран келтн. Сөөни өрәллә ямаран кергтә ирләт? – гиҗ Болха хотынь уулһҗаһад сурҗана* [БЦ] «Присядьте, отведайте наших угощений! – пригласила к столу Болха. Если вошли в дом, нельзя выйти, не притронувшись к угощениям. – «Вначале накорми, а потом спрашивай причину визита» гласит калмыцкая пословица. Говорите, зачем пришли среди ночи? – спросила Болха».

Присоединение к форме императива утвердительной частицы - *л* с последующим наращением лично-предикативных частиц 2-го лица единственного и множественного чисел усиливает некоторые модальные оттенки побуждения, содержащиеся в действиях, выраженных формами повелительного наклонения, в таких вариантах как просьба, приглашение [4]: *Көвүн, бичә альвллчн, экдән нөкд боллчн* «Мальчик не балуйся, помогика матери», *Көдлмштән эрт һарлтн, өвсән хадлтн* «Выходите-ка пораньше на работу, косите-ка сено»: *– Босха, нанд үг өглчн. Я, ях, ях! – гиһәд аав зүн сувәһән бәрәд, ормасн босхар седв. – Гем уга, сууҗаһад келтн, - гиҗ Сергей зөв өгв. – Сууһад ормасн келтн, - гиһәд эндәснь баһчуд дөңнв* [УБ] «Босха, дай мне сказать. Я, ях, ях! – дедушка хотел встать, держась за левый бок. – Ничего, ничего говорите сидя, – сказал Сергей. – Говорите с места, – поддержала молодежь».

Из форм повелительно-желательного наклонения частица - *л* присоединяется:

1) к форме обращеиия ко 2-му лицу: *соңсийл* (послушаем-ка), *сурийл*

(спросим-ка). При этом частица - *л* придает данной форме оттенок уступки и вежливого согласия 2-го лица принять участие в каком-либо действии;

2) к форме обращения к 3-му лицу: *келгл* (пусть же говорит, говорят), *өгтхәл* (пусть же даст, дадут). Частица - *л* сообщает данной форме экспрессивный оттенок, смягчая в известной мере волеизъявление говорящего: его повеление, приказание, позволение;

3) к повелительной форме, совпадающей с основой глагола с обязательным сопровождением лично-предикативных частиц 2-го лица: *бос* (вставай) – *босл-т* (вставай-ка, встаньте же), *сер* (проснись) – *серл-т* (проснись, проснитесь же). Наличие частицы - *л* сводит на нет прямое категорическое приказание, поэтому формы типа *босл, серлч* и подобные им выражают просьбу и увещевание.

В разговорной речи часто встречаются выражения просьбы с формами повелительного наклонения, образованными с помощью частиц - *и,* - *хн*, которые передают разновидности оттенков смягченного и нейтрального типов побуждения – убедительной просьбы, настойчивого увещевания, приглашения, предложения и т.д.: *Холас йовсн күүнд хот өгхнтн* «Накормите же человека, идущего издалека», *Та хургин тускар шулун зәңглит, цугтаднь күргҗ келит* «Сообщите же поскорей о собрании, скажите же всем» [4]. Приведем примеры из художественной литературы:– *Айдтн, цә уухад йовхнтн, – гиҗ инәмсклҗ келв* [НХ] «Погодите, выпейте хоть чаю, – сказал он с улыбкой»; – *Төрл, наарит, – гиһәд күүкн Басңгиг дуудв* [БО] «Дядя, идите же сюда, – позвала девочка Басанга»; – *Келх үгән илднь келчкит, Арвн Викторович, – гив* [УБ] «Скажите же открыто, что вы хотели, Арвн Викторович, – сказал он».

Желательное наклонение выражает желание и намерение говорящего осуществить действие самому, либо пожелание, просьбу, совет, позволение 2-му лицу или 3-му, чтобы действие было совершено. Это может быть выражено с помощью аффиксов - *с,* - *ий,* - *ия,* причем два последних аффикса используясь после основ глагола на согласный -*й* и после основ на гласный звук, с большим оттенком приглашения, просьбы выражают призывы говорящего ко 2-му лицу или к группе лиц принять участие в совместном действии: *Гериннь даалһврaн эндү угаһар күцәцхәй* «Вы полним же домашнюю работу без ошибок», *Альков, түүгичн хәләй* «А ну-ка, посмотрим на него». Очень часто такие выражения можно услышать из уст дикторов калмыцкого радио и телевидения в ситуации прощания: *Менд амулң харһцхай* «Встретимся в здравии и благополучии», *Сән менд харһҗай* «Встретимся в хорошем здравии».

На основании вышеизложенного можно заключить, что этикетные отношения калмыков могут быть выражены следующими грамматиче-

скими средствами: специальной вежливой формой глагола с суффиксами *- тн, - хнтн, - хнчн: ортн, орнтн* «войдите же»; эмфатическими суффиксами в сочетании с частицами второго лица - *ч* и - *т*: *йовыч* «иди же», *өргит* «поднимите же»; употреблением при имени собственном или нарицательном лично-притяжательной частицы *минь*; различными частицами и междометиями: *не, нә* «ну, ладно», *альков* «ну-ка»; нарочито-уничижительным отзывом о своих близких, например: *мини му күүкн* «моя плохонькая дочь».

Также, следует отметить, что рассмотрение реализации речевого акта просьбы в речевом поведении калмыков просьба выражается глаголами повелительно-желательного наклонения, которые благодаря модальным суффиксам подвергаются различным модификациям, формула просьбы в калмыцком языке расширяется за счет факультативных распространителей, в основном, повышающих степень вежливости.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Жанры общения. // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: 1992.
2. Вежбицка А. Речевые акты. // НЭП. вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: 1985.
3. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола. // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: 1992. Вып. 5.
4. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. – Элиста, 1983.
5. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971.
6. Пюрбеев Г.Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Сборник избранных статей. – Элиста, 2015.
7. Пюрбеев Г.Ц. Речевой этикет и язык жестов у калмыков и монголов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: 1982.
8. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
9. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: 2004.
10. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандверкен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М.: 1986. С. 242-263.
11. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.– М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
13. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: 1998.
14. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1982.
15. Чойдон З. Сопоставительное описание русского и монгольского речевого этикета (с позиции категории вежливости). – Улаанбаатор, 2000.
16. Балакан А.Б. Алтн бумб. Роман. – Элст, 1974. 294 с.
17. Эрнҗәнә А.К. Аңһучин көвүн. – Элст, 1974. 138 с.
18. Басңга Б.О. Бумбин орн. Наадд, келврмүд, шүлгүд. – Элст, 1981. 431 с.
19. Эрнҗәнә Константин. Һалан хадһл (хойр ботьта роман). – Элст, 1972. 622 с.
20. Җаңһр. Хальмг баатрлг эпос. 3-гч һарц. – Элст, 1990.
21. Шугран Вера. Түрүн хоңх. Түүк. – Элст, 1979. 159 с.
22. Җимбин Андрей. Таслгч эргц. Түүк. – Элст, 1980. 281 с.
23. Доржин Басң. Чик хаалһ. Роман. Негдгч дегтр. – Элст, 1973. 253 с.
24. Бадмин Алексей. Усна экн – булг (роман). – Элст, 1969. 350 с.
25. Аминов И.Р. Модели мирного урегулирования этнополитических конфликтов: поиск альтернатив // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 9. (75). С. 15-19.
26. Щупленков О.В. Проблема возрождения казачества в политических условиях современной России // Альманах Казачество. 2015. №11 С. 21-28.

Reference

1. Arutyunova N.D. Genres of communication. // The human factor in language. Communication, modality, deixis. – Moscow: 1992.
2. Vezhbitska A. Speech acts. // NEP. issue XVI. Linguistic pragmatics. – Moscow: 1985.
3. Glovinskaya M.Ya. Russian speech acts and verb type. // Logical analysis of language. Models of action. – Moscow: 1992. Issue 5.
4. Grammar of the Kalmyk language. Phonetics and morphology. – Elista, 1983.
5. Brief etymological dictionary of the Russian language. – Moscow: Prosveshchenie, 1971.
6. Pyurbeev G.Ts. Studies in the languages and culture of the Mongolian peoples. Collection of selected articles. – Elista, 2015.
7. Purbeev G.Ts. Speech Etiquette and Sign Language of the Kalmyks and Mongols // National and Cultural Specifics of Speech Communication of the Peoples of the USSR. – Moscow: 1982.
8. Sedov K.F. General and Anthropocentric Linguistics. – Moscow: Publishing House YASK, 2016.
9. Sergeeva A.V. Russians. Behavioral Stereotypes, Traditions, Mentality. – Moscow: 2004.
10. Searle, J. Basic Concepts of Speech Act Calculus / J. Searle, D. Vandwerken // New in Foreign Linguistics. Issue XVIII. – Moscow: 1986. pp. 242-263.
11. Sternin I.A. Models for Describing Communicative Behavior. – Voronezh, 2000.
12. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. – Moscow: Progress, 1986. Vol. 2.
13. Formanovskaya N.I. Communicative-pragmatic aspects of communication units. – Moscow: 1998.
14. Formanovskaya N.I. Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects. – Moscow: Russian language, 1982.
15. Choydon Z. Comparative description of Russian and Mongolian speech etiquette (from the standpoint of the category of politeness). – Ulaanbaatar, 2000.
16. Balakan A.B. Altn bumb. Novel. – Elst, 1974. 294 p.
17. Ernҗənə A.K. Aңhuchin kөvүn. – Elst, 1974. 138 p.
18. Basnga B.O. Bumbin orn. Naadd, kelvrmud, shulgud. – Elst, 1981. 431 p.
19. Ernҗənə Konstantin. Halan hadl (khoyr botta novel). – Elst, 1972. 622 p.
20. Жанр. Halmg baatrlg epic. 3-gch harts. – Elst, 1990.
21. Shugran Vera. Turun khongh. Knock. – Elst, 1979. 159 p.
22. Gimbin Andrey. Taslgch ergts. Knock. – Elst, 1980. 281 p.
23. Dorhin Basn. Chick haal. Novel. Negdgch tar. – Elst, 1973. 253 p.
24. Badmin Alexey. Usna ekn – bulg (novel). – Elst, 1969. 350 p.
25. Aminov I.R. Models of peaceful settlement of ethnopolitical conflicts: search for alternatives // Etnosotsium and international culture. 2014. № 9. (75). P. 15-19.
26. Shuplenkov O.V. The problem of the revival of the Cossacks in the political conditions of modern Russia // Almanac Cossacks. 2015. № 11. P. 21-28.

Смирнов А.В.

Магистр. Новосибирский Национально-Исследовательский Государственный Университет.

Формирование новой стратегии изоляционизма правительством США. Дискуссии в конгрессе по вопросу нейтрального статуса СССР в европейском военном конфликте*

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс формирования новой политики нейтралитета правительства США. В связи с началом Второй Мировой войны на специальной сессии 76-го Конгресса США в октябре-ноябре 1939 года состоялось длительное обсуждение предлагаемых сенаторами от обеих партий политических преобразований. Особая роль в дискуссии американских сенаторов отводилась позиции Советского Союза. Стоит рассмотреть оценки различных политических группировок Демократической и Республиканской партий нейтральной позиции СССР на начальном этапе Второй Мировой войны как с точки зрения изоляционистских, так и интернационалистских позиций в американском обществе.

Ключевые слова: Конгресс США, специальная сессия Конгресса, Вторая Мировая война, Закон о нейтралитете, Рузвельт Ф.Д., Демократическая партия, Республиканская партия, Советский Союз, изоляционисты, интернационалисты.

Smirnov A.V.

Master's degree from Novosibirsk National Research State University.

The US government's development of a new isolationist strategy. Congressional debates on the issue of the

* © Смирнов А.В., 2025.

USSR's neutral status in the European military conflict

Abstract. This article examines the process of forming a new policy of neutrality of the U.S. government. Due to the outbreak of World War II, a special session of the 76th U.S. Congress in October-November 1939 held a lengthy discussion of the political reforms proposed by senators from both parties. A special role in the discussion of the American senators was assigned to the position of the Soviet Union. It is worth considering the assessments of various political groups of the Democratic and Republican parties of the neutral position of the USSR at the initial stage of World War II, both from the point of view of isolationist and internationalist positions in American society.

Key words: US Congress, special session of Congress, World War II, Neutrality Act, F.D. Roosevelt, Democratic Party, Republican Party, Soviet Union, isolationists, internationalists.

Специальная сессия 76-го Конгресса США проходила с двадцать первого сентября по третье ноября 1939 года. Она была посвящена выработке нового законодательства о нейтралитете, вызванного к жизни резким изменением внешнеполитической ситуации в связи с началом Второй Мировой войны. На совместной сессии Сената и Палаты представителей 21 сентября 1939 года в Конгрессе выступил перед сенаторами и конгрессменами с речью 32-й президент Франклин Д. Рузвельт, тем самым очертив повестку заседания. Характеризуя, выступление американского лидера отечественный исследователь Малюков В.Л. писал: «…это был мастерски составленный документ, констатирующий, существует закон о нейтралитете, введённый соответствующим образом от 5 сентября 1939 года фактически помогает германскому агрессору и поэтому Соединённые Штаты могут быть втянуты в войну»[1]. Параллельно с этим 32-й президент Соединённых Штатов Франклин Д. Рузвельт в тот период поддерживал общеполитические тенденции Америки строго национального характера «…не позволяющее втянуть Америку в ненужную ей войну»[2]. Президент подчеркивал, ссылаясь на своё январское обращение, высказывал следующие: «…когда мы намеренно пытаемся узаконить нейтралитет, наши законы о нейтралитете могут действовать неравномерно и несправедливо – могут фактически оказывать помощь агрессору и отказывать в ней жертве»[3].

1 *Мальков В.Л.* Великий Рузвельт: «Лис в львиной шкуре» / Виктор Мальков. – Москва: Эксмо: Яуза, 2018. С. 337.

2 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 10. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 13.09.2025)

3 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 1356. // URL: https://www.congress.gov/bound-congression-

После серии напряжённых дебатов в Сенате между группой Л. Винтерберга (республиканца-консерватора) и сторонниками Дж. Барли (демократ-прогрессист) была одобрена инициатива пересмотра закона нейтралитете (63 голоса «за» и 30 – «против»). Со своей стороны конгрессмены Палаты представителей проголосовали «за» проголосовали – 243 законодателя «против» - 127 конгрессмена, также был введён специальный принцип «cash and carry»[4]. Четвёртого ноября 1939 года президент-демократ США Франклин Д. Рузвельт подписал распоряжение касаемо Таможенной службы США ввести в действие «закон о нейтралитете» (1939 года) разрешающие закупку невоюющими сторонами оружия.

Таким образом, был подписан новый четвертый по счёту с 1935 года Правительство Соединённых Штатов объявило Северную Атлантику «зоной боевых действий», в которых запрещалось хождение американских судов. По-прежнему, в полном объёме займов воющим странам и передвижения американских торговых судов, но впервые на законодательном уровне было разрешено продавать оружие американского производства воющим сторонам, при определённых условиях: если вся военная продукция оплачена заранее, если её доставляют непосредственному заказчику под флагом других государств. Стоит подчеркнуть, что продажа оружия по системе «cash and carry» являлась, прежде всего, выгодным бизнесом для американского правительства. Однако вторым аспектом данной стратегии было удержать на европейском ТВД Англию и Францию как можно дольше, поскольку победа государств-лидеров Европы «…в полной мере отвечала интересам Соединённых Штатов»[5].

В Советском Союзе внимательно следили за ходом дискуссии в Конгрессе США. Советский дипломат Дмитрий Степанович Чувахин, исполняющий обязанности чрезвычайного уполномоченного по делам Советского Союза в Соединённых Штатах в своём письме заместителю народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкину подчёркивал антигерманскую направленность политической инициативы президента-демократа Ф.Д. Рузвельта: «Борьба, которая сейчас разгорелась в Конгрессе вокруг отмены эмбарго на вывоз оружия, является лишним признаком того, что Рузвельт, боясь поражения англо-французской коалиции немцами, что создало бы реальную угрозу интересам США в странах Латинской Америки, решил встать на путь активной помощи Англии и Франции. Ведь то, что сейчас предлагает Рузвельт (пересмотр акта о нейтралитете и эмбарго), это, в конце концов, направленно против Германии, которая, не будучи

al-record/1939/09/21 (Дата обращения: 13.09.2025)

4 Ibid. 1359.

5 История США в 4 т. / Редколлегия: Севастьянов Г.Н. и др. – Москва, 1985. Т. 3 (1918-1945). С. 319.

в состоянии платить наличными и вывозить продукцию на собственных судах, по существу теряет американский рынок»[6]. Дипломаты советского посольства также обратили внимание на развитие советско-германских отношений, а так же их влияние на потенциальную позицию части сенаторов-республиканцев. «После соответствующего заявления правительств СССР и Германии о том, что в связи с распадом бывшего польского государства они предпримут реальные шаги для прекращения войны в Европе, некоторые сенаторы, возглавляемые старшим сенатором Х. Джонсоном (нынешним лидером оппозиции), заявили, что самая надёжная гарантия для США – это воспользоваться создавшимся удобным моментом и принять меры, вместе с другими нейтральными странами, к прекращению войны в Европе. Какой успех будет иметь эта резолюция в Сенате, сейчас ещё сказать трудно. Никаких комментариев политических групп от обеих партий ещё нет. А печать ограничивается простым заявлением сенатора-республиканца Генри Джексона»[7].

Конгресс США, имея широкий выход на прессу, как следствие играл не малую роль в формировании представлений американцев о СССР. Все сенаторы и конгрессмены, находясь в определённой рейтинговой зависимости от своего электората, выступали зачастую не как выразители интересов своих избирателей, но и как «архитекторы» для американской нации своих политических предпочтений в виду общепартийной идеологии. Наиболее либеральной в лице левого крыла Демократической партии. Наиболее консервативные взгляды были реализованы в рядах Республиканской партии. Взгляды американских законодателей активно продвигались с позиции СМИ. Именно поэтому слово сенаторов играло огромную роль в формировании общественного мнения граждан Америки.

В процессе проведения вышеупомянутой дискуссии в Конгрессе активно обсуждался вопрос взаимоотношений с Советским Союзом, осуществлялась оценка внешнеполитического курса СССР и анализ его внутренней политики. Во многом жаркие дискуссии были вызваны подписанием 23 августа 1939 года Советско-Германского договора о ненападении и дружбе. А также последующее введение советских войск на

6 Письмо исполняющего обязанности поверенного в делах СССР в США Д.С. Чувахина заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкину о циркулярной ноте Государственного департамента США по вопросу регистрации представителей иностранного правительства в США, 5 октября 1939 г. // Советско-американские отношения. 1939-1945 / Под ред. Н.Г. Севастьянова. Москва, 2004. С. 9.

7 Письмо исполняющего обязанности поверенного в делах СССР в США Д.С. Чувахина заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкину о циркулярной ноте Государственного департамента США по вопросу регистрации представителей иностранного правительства в США, 5 октября 1939 г. // Советско-американские отношения. 1939-1945 / Под ред. Н.Г. Севастьянова. Москва, 2004. С. 10.

территорию Польши 17 сентября 1939 года. Но следует учитывать, что в американском общественном сознании на протяжении двух десятилетий формировался определенный политический, социальный и культурный интерес к новому «государству-эксперименту». Данной тенденции способствовал ряд факторов. Во-первых, экономические связи США и СССР были довольно прочными, начиная с середины 1920-х годов: поездки как советских учёных-физиков, инженеров, педагогов и т.д. в Америку за новаторским научным опытом, а также ответные визиты американских специалистов для знакомства с советской наукой. Во-вторых, американское общество интересовал непосредственно сам социально-культурный опыт Советского Союза на фоне недавнего большого краха собственной сугубо либеральной экономической модели, вылившейся в Великую депрессию. Последившая за этим реализация рузвельтовской политики «Нового курса» отчасти напоминала им советский опыт, включающие в себя элементы плановой экономики и принципы государственного регулирования. В-третьих, резко возросшая политическая и социальная активность в виду экономического кризиса 1929-1933 года усилила в некоторых социальных слоях американского общества интерес к социалистическим концепциям, в том числе марксизму и другим видам философских учений фундаментом, которых являлся социализм. Крах гуверовской системы «крепкого индивидуализма», падение идеологических установок Республиканской партии открывало политическую дорогу основным конкурентам «Великой старой партии» - демократам. Однако сами демократы не спешили учесть, начавшееся ещё в 1928 году (поражение республиканцев на промежуточных выборах в Конгресс) резкое полевение общественных настроений. Стоит подчеркнуть, что демократическая фракция в Конгрессе в 1929-1930 году не выдвигала какие-либо альтернативные идеи для решения социально-экономических проблем, которые могли бы служить потенциальной альтернативой стратегии администрации президента Г. Гувера. В это время наиболее активно голоса оппозиции звучали в группе двухпартийных прогрессистов. В данной межпартийной коалиции демократы занимали позицию «младших братьев-партнёров», существенно уступая таким «гигантам» республиканской политической мысли, как Рассел Д. Рафоллет-младший, Уильям Бора, Х. Джексон и Джеймс К. Норрис. Национальный комитет Демократической партии на пике «Великой депрессии» продолжал навязывать конгрессменам-демократам и сенаторам абсолютно безрезультатные и неактуальные дискуссии об отмене «сухого закона», о сокращении государственных расходов и о политических правах штатов. Хотя многих прогрессисты из «гвардии» Франклина Д. Рузвельта, такие как его главный советник, Джеймс Фарли, прекрасно понимали, что для большинства американских граждан «…вопрос состоит не в том, чтобы

было что выпить, а в том, чтобы было, что поесть»[8]. Однако не стоит забывать, что «эпоха Красных тридцатых» породила не только значительный идеологический кризис внутри Республиканской партии, потерявшей свой политический авторитет в политическом сознании американской нации, но также глубокий экономический кризис способствовал полевению взглядов американских интеллектуалов. Многие из них в данной связи старались проанализировать опыт Советского Союза, посещая это государство в составе рабочей делегации для обмена опытом в различных отраслях или в качестве туристических групп.

Общественный запрос на информацию об СССР удовлетворялся в массе своей периодической печатью. Левые взгляды формировались коммунистической прессой, то есть такими изданиями как «The New Masses», «The Daily Worker», «Partisan Review» (издание, иллюстрирующие троцкистские взгляды). Леволиберальное направление было представлено главным образом еженедельниками - «The Nation», «The New Republic». Консервативное направление с чисто право-консервативную часть общества формировали и поддерживали республиканские издания «Херста», «Джон Скриппс-Говард и друзья», «Газета Гарри Люса» и еженедельник «Пятница у Мистера К. Маккормика» - все эти издания отличались последовательной критикой политики Нового Курса президента-демократа Франклина Рузвельта и выступали в жёсткой оппозиционной повесткой в отношении выстраивания взаимовыгодных и доверительных отношений с Советским Союзом. Именно данные издательства оказывали в 1939 году значительное влияние на формирование американского общественного мнения о СССР, в первую очередь, акцентируя внимание потенциальных читателей на моментах, связанных с подписанием Пакта Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 года, вступлением советских войск в Польшу, началом Второй Мировой войны, созданием в октябре 1939 года на территории прибалтийских государств советских военных баз и началом 30 ноября 1939 года советско-финской войны.

В тот же период ещё в апреле 1939 года в американских СМИ стала появляться информация о возможном и взаимовыгодном сближении между Германией и СССР. Американские публикации выражали обеспокоенность «вялыми действиями» Англии и Франции в ходе заключения союзных соглашений с Советским Союзом. Журналист Майкл Д. Бредли в «Вашингтон Пост» писал: «…мы вынуждены констатировать, что переговоры с Советским Союзом со стороны Англии и Франции очень затягиваются и не ведут к определённым результатам»[9].

8 *Aikman D.* Big Jim Farley // The American Politician / Ed. by J. Salter. Chapel Hill, 1938. P. 238.

9 Washington Post. «Who will America be friends with? » Michael D. Bradley - Wednesday, April 12th, 1939. P. 7.

Данное обстоятельство возбудило многие круги американского общества, заключение советско-германского пакта поменяло политическую ситуацию в мире. В связи с этим моментом возникли серьёзные политические проблемы, возникшие в коммунистическом, либеральном, антифашистских движений Соединённых Штатов заставили многих американцев размышлять о причинах и последствиях советско-германского Пакта, но в очередной раз задуматься над политико-философской сущностью социалистического государства. В этой связи активно работала Специальная комиссия Комитета Палаты Представителей Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности под председательством Мартина Дайса-младшего, сенатора-демократа от штата Техас и его заместителя Джона С. Бокса (демократ от штата Джорджия) «…вся стратегия расследования была построена на привлечении к ответу американских коммунистов на слушаниях в Сенате»[10].

Таким образом, характеризуя сдержанное отношение к Советскому Союзу политических соратников президента-демократа Франклина Д. Рузвельта в Конгрессе, следует также не выпускать из поля зрения позицию непосредственно самого президента. В качестве долгосрочной внешнеполитической стратегии вывода США из глубокого социально-экономического кризиса, как писал российский историк-американист В.В. Согрин: «Рузвельт избрал лучшей стратегией экономические договоры с заинтересованными государствами. Среди них оказался и СССР. Феномен советско-американских отношений 1930-х годов объясним конкретно историческими реалиями 1930-х годов и личной позицией Ф.Д. Рузвельта, продемонстрировавшего незаурядную волю в преодолении американских стереотипов в отношении Советского Союза»[11].

По мнению американского историка У. Гербердинга, президент Франклин Д. Рузвельт и после заключения советско-германского договора о ненападении и дружбе продолжал верить, что СССР в конечном итоге «… окажется в политическом лагере демократических стран»[12]. Также стоит отметить, что президент Рузвельт считал, что Нацистская Германия представляет большую опасность интересам США на мировой арене в перспективе, чем Советский Союз или любое иное государство. Кроме того, необходимо пояснить, что ввод советских войск в Польшу не изменил стратегии президента-демократа. Согласно, воспоминаниям и личной де-

10 *Ogden A.R.* The Dies Committee. A study of Special House Committee For the Investigation of Un-American Activities, 1938-1944. Washington (D.C), 1945. P. 156.

11 *Согрин В.В.* Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена – Москва, 2022. С. 105.

12 *Gerberding W.P. Franklin D.* Rooseveit`s Conception of the Soviet Union in the World Politics. A. Diss. / University of Chicago Press, Chicago. 1959. P. 50.

ловой переписке между Франклином Д. Рузвельтом и госсекретарём Соединённых Штатов Корделлом Хэллом: «…президент не желал официально реагировать на польские события и тем самым ещё больше толкать СССР в германские объятия»[13]. Президент также не счёл нужным реагировать на создание советских военных баз в Латвии, Литве и Эстонии[14].

Второго ноября 1939 года в Сенате началась специальная сессия об обсуждении закона о нейтралитете, которые были разработаны группой сенаторов из комитета по международным отношениям, председателем которого являлся сенатор-демократ от штата Невада Кея Питтмена. Центральной частью дискуссии развернувшейся после его выступления вопроса о том, какие страны можно справедливо считать нейтральными. Советский Союз был, в ходе этих дебатов между сенаторами из различных комитетов Сената США Кей Питтмен в своих выступлениях, поставил СССР в один ряд с Югославией, Румынией, Венгрией и Болгарией, чей нейтральный статус играл на руку германской агрессивной политике в Европе. «Позволяя Германии получать военную технику и другие военные технологии для продолжения военных действий»[15]. В данной дискуссии принял активное участие один из идеологических лидеров Республиканской партии сенатор Уильям Эдгар Бора, выступающий с твёрдой изоляционистской позицией. Прошла большая дискуссия между Уильямом Э. Борой и Кеем Питтменом о нейтральном статусе Советского Союза. После продолжительных дебатов сенатор-республиканец от штата Айдахо Уильям Э. Бор вызвал взрыв смеха в Сенате своей позицией в отношении СССР и его нейтралитета: «Мы действительно воплотили в международное право весьма необычную конструкцию. Вы помните, уважаемые джентльмены, что недавно русский генерал вторгся в глубь Польши примерно на 100 миль, захватив территорию с большим количеством польского населения и объявил всему миру, что Россия полностью нейтральна»[16].

Попытка, определить какие, государства являются действительно нейтральными, вызвала определённые сложности, поскольку под действием изменившегося законодательства о нейтралитете Сенат США попытался разработать определённые схемы взаимодействия Соединённых Штатов с воюющими и невоюющими странами Европы. Попытка группы демократов-интернационалистов во главе с сенатором от штата Невада Кеем Пит-

13 The Memoirs of Cordell Hall: 2 volumes. Volume 1 / Hodder & Stoughton, London. 1948. P. 685.

14 Ibid. P. 66.

15 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 53. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 13.09.2025)

16 Ibid. P. 68.

тменом определить статус Советского Союза как нейтральной державы вызвало довольно резкую критику со стороны блока республиканцев-изоляционистов во главе с Уильямом Э. Бором (штата Айдахо): «Сенатор думает, что Россия не воюет? К. Питтмен со своей стороны ответил: «Я не знаю, сражается ли она?» Уильям Э. Бора: «Народ Польши знает это». К. Питтмен: «Я думаю, что борьба в старой бедной Польше будет продолжаться». Уильям Э. Бора: «Да, и Россия помогает этому делу»[17]. Сенатор-республиканец от штата Айдахо Уильям Э. Бора со своей позиции предполагал, что если война затянется на довольно долгий срок, то «…Россия может в перспективе стать своеобразным резервуаром, из которого Германия сможет черпать нужные ей ресурсы»[18].

Выступая в Сенате 4 октября 1939 года с весьма художественно красивой речью, сенатор-демократ Томас Т. Конналли (штат Техас) активный сторонник резолюции К. Питтмена, указывал на значительные возможности Советского Союза оказывать поддержку Германии. Сенатор задался вопросом «…является ли Россия той великой империей, которая технически всё ещё нейтральная сторона, но и обладает огромным запасом продовольствия, оружия и боеприпасов она может стать ресурсной базой для Гитлеровской Германии. Если Россия станет активно помогать Германии, то почему Соединённые Штаты не могут помогать другим воюющим сторонам»[19]. Сенатор-демократ южанин Томас Терри Коннэли долго и очень скрупулёзно искал аргументы в пользу отмены эмбарго на протяжении всех дней долгих дискуссий. Таким образом, 14 октября на очередном слушании Сената. Сенатор Т. Коннэли не снимал с повестки дня вопрос отмены эмбарго на поставку вооружений, сенатор Томас Т. Коннэли начал своё выступление следующими словами: «Господин Президент, было уже неоднократно сказано, что в случае отмены эмбарго нам придётся выбирать, на чьей стороне воюющие государства. Эмбарго действительно выбирает стороны. Невольно и непреднамеренно когда мы отменили эмбарго, мы приняли чью-то сторону, мы выбрали сторону Гитлера и Сталина. Я больше не желаю быть партнёром такого рода. Я предлагаю отменить закон об эмбарго и вернуться к тому, чем мы были раньше»[20]. Томас Т. Коннэли и К. Питтмен выразили сомнение

17 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 69. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 24.09.2025)

18 Ibid. P. 71.

19 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 87. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 26.09.2025)

20 Ibid. P. 438.

в целесообразности действия нынешнего закона об эмбарго. Сенатор-демократ Томас Т. Коннэли в беседе с председателем комитета Сената США по Международным отношением Кеям Питтменом и президентом США Франклином Д. Рузвельтом указывал на изменившийся вектор в сфере МО и о трансформации экономических интересов самих Соединённых Штатов: «Сенатор от Невады прав, мистер президент… мы приняли этот закон об эмбарго неосознанно и без должной предусмотрительности, не имея достаточно ясного видения, не имея перспективы на будущее; мы приняли его как красивый жест мира, но теперь мы обнаруживаем, что действие этого внутреннего закона, закона исключительно за нашими действиями. Наши граждане и наши корабли, поставили нас в положение, когда мы не являемся нейтральными в этой войне, но, по сути, мы помогаем Гитлеру и Сталину. Теперь у нас есть полное право отменить это регулирование и вернуться к тому положению, в котором мы находились в соответствии с международным правом»[21]. Согласно действующему законодательству США о нейтралитете и в полном соответствии с рассматриваемой Сенатом резолюцией Питтмена-Коннэли в отношении торговли с Советским Союзом как «нейтральной державой» вызвали живой интерес сенатора-демократа от штата Миссури Беннета Чампа Кларка придерживающегося сугубо изоляционистских позиций. В своей продолжительной дискуссии сенатор-демократ Б. Кларк обратился к Т. Коннэли: «Может ли сенатор объяснить членам Сената, почему Россия является формально нейтральной страной, поскольку правительство Соединённых Штатов по-прежнему признаёт Польскую республику, которая подверглась бессмысленному вторжению России в партнёрстве с Германией»[22].

В свою очередь однопартиец Беннета Чампа Кларка заместитель председателя сенатского комитета по Международным отношениям Томас Терри Коннэли попытался разъяснить коллеге-сенатору содержание данного термина: «С Вашего позволения я поясняю Вам, господин сенатор, насколько я правильно это понимаю. Россия вступила в войну после того как Германия завоевала Польшу, а затем Россия и Германия разделили Польшу. Насколько я знаю, Россия не проводила никаких реальных военных операций. Она никого не убивала, не осаждала города. Но независимо от этих факторов, формально она по-прежнему придерживается нейтралитета. Она не объявляла никому войны, и никто не объявлял войну России»[23].

Однако стоит подчеркнуть, что сенатор-демократ от штата Техас То-

21 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 438. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 26.09.2025)

22 Ibid. P. 438.

23 Ibid. P. 438.

мас Т. Коннэли был серьёзно обеспокоен потенциалом той экономической поддержки, которую Советский Союз мог оказать Германии в ближайшей перспективе, характеризуя экономический потенциал Нацистской Германии, сенатор-демократ Т. Коннэли утверждал, что кроме доступа к рынку Чехословакии, Польши, Голландии, Бельгии, Дании и потенциально Франции и Англии у Германии «…есть потенциальный доступ к большому ресурсному резервуару России, простирающейся от Балтики до Тихого Океана и Центральной Азии с огромным количеством различных металлов и отличных вооружений»[24]. Сенатор Томас Коннэли принципиально подчёркивал, что в Советском Союзе в ходе индустриализации появилось много хороших военных заводов, которые могут производить конкурентоспособную продукцию.

Весьма примечательно в этой связи, что идеологический вопрос того или иного государства не являлся принципиальным и решающем аргументом, по мнению сенатора-демократа от штата Техас Томаса Т. Коннэли в решении вопроса эмбарго. В своём втором официальном большом выступлении в Сенате заместитель председателя комитета по Международным отношениям подчеркнул, что его ни каким образом не волнует вопрос идеологи – американским гражданам безразлично какое сейчас правительство в Германии. Это вопрос германского правительства и народа Германии. Аналогичную мысль сенатор высказывал и в отношении СССР, «…хотя мы могли бы пожелать, чтобы их политическая система была отчасти похожа на нашу, то есть была основана на конституции, судах, имели место демократические процессы, свобода слова, печати, митингов и собраний, вероисповедания, но мы не в праве навязывать им свою волю силой…Беспокойство должно вызывать лишь нарушение этими странами границ и Международного права»[25].

Один из Идеологических лидеров Республиканской партии Уильям Э. Бора большой скептик относительно политики Нового Курса Франклина Д. Рузвельта 12 октября 1939 года неожиданно поддержал речи Томаса Тедии Коннэли по вопросу отношения к политическим режимам других государств: «Если люди в России хотят жить при коммунистической форме правления, пусть они так и делают. Если народ Италии хочет жить при фашистском правительстве – это их дело. Если народ Германии хочет жить при Гитлере пусть так и будет, пока немцы сами, не устанут от этого. Придёт время и великий германский народ восста-

24 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 88. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 26.09.2025)

25 Ibid. P. 94.

нет и сбросит ярмо гитлеризма, так или иначе, это их дело, а не наше»[26].

Также сенаторы давали далеко не однозначные характеристики внешней политике Советского Союза. Таким образом, пятого октября сенатор-демократ Льюис Бакстер Швеленбах (штат Вашингтон) и его друг Уильям Джон Блоу сенатор-демократ от штата Северная Дакота, будучи единомышленниками президента Ф.Д. Рузвельта относились крайне негативно к Советскому Союзу: «Тридцать советских дивизий, насчитывавших около 450 000 солдат, были сосредоточены вокруг Ленинграда в 25 милях от Финской границы. Пресса сообщает также о концентрации советских военно-морских и военно-воздушных сил в районе Кронштадта, который расположен недалеко от побережья Финляндии»[27]. Сенатор-демократ от штата Вашингтона Льюис Б. Швеленбах, ссылаясь на материалы продемократической прессы «The Washington Evening Star» от 9 октября 1939 года, обратил внимание на соответствующую консервативную и антисоветскую информацию прессы: «…наблюдается стремление СССР к политическому господству в Балтийском регионе»[28]. Сенатор-демократ имел ввиду ситуацию вокруг «нейтральных» в отношении Советского Союза прибалтийских государств Латвии, Литвы и Эстонии. Используя правоконсервативные формулировки, сенатор называл прибалтийские государства «вассалами» СССР. Несколько дней спустя, 14 октября сенатор-демократ выступил с речью, в ходе которой говорил о возможных претензиях советской стороны на группу Аландских островов, которые территориально-политически принадлежали Финляндии, и в отдалённой перспективе на территорию Швеции, Дании и Норвегии. В подтверждении своих тезисов сенатор ссылался на материалы периодической печати: «Газеты каждый день пишут, что Россия настроена решительно контролировать, Балтику, захватить Аландские острова, а потом идти и контролировать Данию, Швецию, Норвегию»[29]. В качестве подтверждения своих умозаключений, высказанных в зале Сената, сенатор-демократ от штата Вашингтон Льюис Б. Швеленбах привёл материалы периодической Великобритании. А именно лондонского телеграфного агентства «The Daily Telegraph», заголовки которой изобиловали антисоветской риторикой: «Русские войска концентрируются

26 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 88. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 26.09.2025)

27 The Washington Evening Star «Soviet-Finnish negotiations and the situation on the Soviet-Finnish border». Wednesday, October 4, 1939. P. 4, P. 8, P. 10. // URL: https://archive.org/details/18820121washingtoneveningstaroscarwilde (Дата обращения: 26.09.2025)

28 Ibid. Monday, October 9th, 1939.

29 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 1. Washington (D.C), P. 417. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)

вблизи финской границы», «Финны ищут поддержки», «Красные солдаты в Эстонии». Так, подробности советско-эстонского договора о взаимопомощи и дружбе трактовались изданием «The Telegraph» следующим образом: «Советские войска численностью около 25 000 человек начали сегодня вечером марш по Эстонии, чтобы занять стратегические острова Эзель и Даго и чтобы создать советские военные базы в соответствии с советско-эстонским договором о военном сотрудничестве и взаимопомощи. В донесениях из Таллина сообщается, что силы «Красной армии» с наступлением темноты пересекли границу у реки, и что 25 000 солдат будут находиться в Эстонии на постоянной основе, что приведёт к постепенному установлению на эстонской земле русского военного протектората»[30].

Палата представителей Конгресса США обсуждала законопроект о нейтралитете в очень сжатые сроки 17 октября и 1-3 ноября 1939 года. Аргументация со стороны конгрессменов была во многих аспектах идентична позиции сенаторов. Однако члены нижней палаты американского парламента использовали более агрессивную и вызывающую риторику. В немалой степени этому способствовала изменившаяся обстановка в Европе в течение октября 1939 года. А также активизация советского внешнеполитического курса в отношении Эстонии, Латвии и Литвы. В этой связи следует обратиться к материалам выступления В.М. Молотова, народного комиссара иностранных дел и председателя Совнаркома на заседании Верховного Совета Союза ССР. Советский руководитель в процессе своего выступления перед депутатами Верховного Совета дал комплексную и конструктивную оценку внешней политики СССР, охарактеризовал политическую ситуацию в Европе, тем самым обозначив нейтральный статус Советского Союза в условиях разгорающейся войны в Европе. Определённые тезисы из речи наркома иностранных дел В.М. Молотова были на следующий день опубликованы в советской прессе и скором времени стали доступны американским сенаторам и конгрессменам[31]. Кроме того, в дебатах упоминалось американское судно «The City of Flint», перевозившее английский груз военного значения и было захвачено немцами 9 октября 1939 года. Советское правительство, несмотря на ряд запросов американского посла Лоуренса Штейнгардта, «…отрицало причастность Советского Союза в какой-либо форме к данной акции»[32].

В целом ряде выступлений конгрессменов, которые давали оценки внешнеполитической деятельности Советского Союза, шло строго «в ногу»

30 The Daily Telegraph «Red army in Estonia» Monday, October 9th 1939. P. 8.

31 Правда «Выступление товарища В.М. Молотова на сессии ВС СССР» 9 ноября четверг, 1939 г. С. 4.

32 *Langer W.L., Gleason S.E.* The Challenge to Isolation, 1937-1940 – New York, 1952. P. 328.

с трактовкой деятельности Гитлеровской Германии. Данную трактовку изложил в своей речи Джон Ричард Мэрдок, конгрессмен-демократ от штата Аризона. Ярко убеждал своих коллег принять соответствующие корректировки в закон о нейтралитете. Однако конгрессмен в первую очередь уточнил, что он не каким образом не является союзником Французского и Английского империализма и не отравит ни одного американского мальчика в Европу умирать за интересы Великобритании и Франции. Далее конгрессмен продолжал: «Однако, если мы дадим свободу этим сумасшедшим гиенам из Европы и не снабдим средствами для ведения войны, то мы не выполним свой долг перед собой и человечеством и нашей демократией и мы увидим как Россия оставаясь «нейтральной» снабжает нацистскую Германию средствами для войны. Таким образом, мы предадим нашу истинную веру в закон и порядок, если бы поощряли господство в этом мире антихристианских сил, представленных гитлеризмом и сталинизмом»[33].

Позиция группы изоляционистов имела сходную аргументацию, отрицающую нейтральный статус Советского Союза и делающие акцент на политическом взаимодействии СССР и Германии. Республиканец Р. Грант, конгрессмен от штата Индиана, выступая с длинной речью против редактирования и дополнения закона о нейтралитете подчеркнул, что «…порывы патриотизма и все соображения подлинного американизма и друга нации побуждает меня против отмены эмбарго на различные виды оружия, боеприпасов и военное снаряжения»[34]. Конгрессмен утверждал, что данный конфликт не является войной американской нации. Это война сугубо европейская, порождённая рядом социально-политических (классовых) конфликтов, взаимными пограничными спорами и религиозными противоречиями. Европа, по мнению конгрессмена – «бурлящий котёл» дипломатических интриг и политико-территориальной агрессии. Если Америка вступит, в этот конфликт то на столетие, погрузится в политические противоречия, которые могут подорвать свободу и демократию самих Соединённых Штатов. Конгрессмен Роберт Г. Грант дал характеристику событиям сентября 1939 года как весьма жестокую агрессию Германии и России как «…одно из величайших международных преступлений в истории человечества»[35]. Настоящий долг Америки перед нацией является возможность оказать помощь «жертвам этого преступления» самым существенным образом, а именно, в первую очередь одеждой, юридической защитой и защитным вооружением, что возможно благодаря огромному производ-

33 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 2. Washington (D.C), P. 1244. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)

34 Ibid. P. 1220.

35 Ibid. P. 1220.

ственному потенциалу Соединённых Штатов. Если США вступят в войну, то данный индустриальный потенциал быстро сойдёт на «нет».

Критикуя позицию группы Томаса Т. Питтмена, Роберт Г. Грант попытался убедить своих коллег-конгрессменов, что соответствующие поправки в Закон о нейтралитете могут предоставить карт-бланш Германии и СССР как державам, у которых есть преимущество в нынешнем военном конфликте. В частности, конгрессмен прокомментировал: «Каковы бы не были наши симпатии, мы не можем позволить себе ввергнуть страну в европейскую войну. Своим участием мы ничего не урегулируем, но многое потеряем»[36]. Конгрессмен допустил, со своей стороны резкие высказывания по поводу внешней и внутренней политики советского государства, поставив его в один ряд с Нацистской Германией: «Гитлера и Сталина нельзя успокоить предложениями компромиссов. Польша, опустошена и распятая, стала жертвой бессмысленной агрессии. Богемия и Моравия, Австрия были захвачены, а их народы подверглись, самому варварскому и бесчеловечному обращению… Индивидуальная свобода исчезла и в Германии и в России»[37].

Весьма, показательно, что и сторонники, и противники изменения статуса закона о нейтралитете и отмены эмбарго, в сущности, опирались на одни и те же аргументы. Джек Чарли Шафер конгрессмен-республиканец от штата Висконсин, вступив в дебаты со сторонником президента-демократа Франклина Д. Рузвельта конгрессменом-демократом от штата Массачусетс Джеймсом У. Маккормиком, напомнил своему оппоненту «…если вы возражаете, против отмены эмбарго я запишу, Вас в «друзья коммунистов» Я в течение многих лет в Конгрессе и вне его стен активно выступал против коммунистической деятельности в Америке и разоблачал её»[38].

Таким образом, нейтральный статус Советского Союза осенью 1939 года стал важным предметом дискуссии американских законодателей в течение специальной сессии 76-го Конгресса США в октябре-ноябре 1939 года Советский Союз как важный фактор европейской и, в общем, мировой политики. Соратникам курса президента-демократа Франклина Д. Рузвельта было важно подчеркнуть нейтральный статус СССР, даже определив его как «технический» или «экономический». В свою очередь изоляционисты обращали внимание на растущую политическую активность «нейтраль-

36 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 2. Washington (D.C), P. 1244. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)

37 Ibid. P. 1275.

38 Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Vol. 85. Part 2. Washington (D.C), P. 1275. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)

ных» государств, включая СССР. Дебаты в Сенате и Палате представителей Конгресса США отражали различные представления американского общества о внешнеполитическом курсе советского правительства и его внутренней политике, которые были использованы американскими сенаторами и конгрессменами для отстаивания своих позиций по поводу изменения законодательства о нейтралитете. В целом можно сделать выводы, что сам факт принятия изменений в Закон о нейтралитете свидетельствует, что большая часть американских сенаторов, несмотря на резкие оценки внешнеполитической активности Советского Союза, звучавшие в ходе дискуссии полагала, что нейтралитет СССР в сложившейся ситуации не представляет сколько-нибудь значимой угрозы для Соединённых Штатов и для стран противостоящих гитлеровской Германии.

Библиографический список:

1. История США в 4 т. / Редколлегия: Севастьянов Г.Н. и др. – Москва, 1985. Т. 3 (1918-1945). С. 319.
2. Мальков, В.Л. Великий Рузвельт: «Лис в львиной шкуре» / Виктор Мальков. – Москва: Эксмо: Яуза, 2018. 415 с.
3. Согрин В.В. Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена / В.В. Согрин – Москва, 2022. 212 с.
4. Gerberding W.P. Franklin D. Rooseveit`s Conception of the Soviet Union in the World Politics. A. Diss. / University of Chicago Press, Chicago. 1959. 720 p.
5. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 10 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 13.09.2025)
6. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 1356 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 13.09.2025)
7. Письмо исполняющего обязанности поверенного в делах СССР в США Д.С. Чувахина заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкину о циркулярной ноте Государственного департамента США по вопросу регистрации представителей иностранного правительства в США, 5 октября 1939 г. // Советско-американские отношения. 1939-1945 / Под ред. Н.Г. Севастьянова. – Москва, 2004. С. 9.
8. Письмо исполняющего обязанности поверенного в делах СССР в США Д.С. Чувахина заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкину о циркулярной ноте Государственного департамента США по вопросу регистрации представителей иностранного правительства в США, 5 октября 1939 г. // Советско-американские отношения. 1939-1945 / Под ред. Н.Г. Севастьянова. – Москва, 2004. С. 10.
9. Aikman D. Big Jim Farley // The American Politician / Ed. by J. Salter. Chapel Hill, 1938. P. 238.
10. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 2. P. 1244. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)
11. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 417. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)
12. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 88. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 26.09.2025)
13. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 88 //URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 26.09.2025)
14. The Washington Evening Star «Soviet-Finnish negotiations and the situation on the Soviet-Finnish border». Wednesday, October 4, 1939. P. 4, P. 8, P. 10. // URL: https://archive.org/details/18820121washingtoneveningstaroscarwilde (Дата обращения: 26.09.2025)
15. The Daily Telegraph «Red army in Estonia» Monday, October 9th 1939. P. 8
16. Langer W.L., Gleason S.E. The Challenge to Isolation, 1937-1940 – New York, 1952. P. 328.
17. Ogden A.R. The Dies Committee. A study of Special House Committee For the Investigation of Un-American

Activities, 1938-1944. Washington (D.C), 1945. P. 156.
18. The Memoirs of Cordell Hall: 2 volumes. Volume 1 / Hodder & Stoughton, London. 1948. 1759 p.
19. Правда «Выступление товарища В.М. Молотова на сессии ВС СССР» 9 ноября четверг, 1939. С. 4.
20. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 2. P. 1275. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (Дата обращения: 27.09.2025)
21. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

Reference

1. History of the United States in 4 volumes / Editorial board: Sevastyanov G.N. et al. – Moscow, 1985. Vol. 3 (1918-1945). P. 319.
2. Malkov, V.L. The Great Roosevelt: "A Fox in a Lion's Skin" / Viktor Malkov. – Moscow: Eksmo: Yauza, 2018. 415 p.
3. Sogrin, V.V. American Bipartisanship. From George Washington to Joe Biden / V.V. Sogrin – Moscow, 2022. 212 p.
4. Gerberding W.P. Franklin D. Rooseveit`s Conception of the Soviet Union in the World Politics. A. Diss. / University of Chicago Press, Chicago. 1959. 720 p.
5. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 10 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (13.09.2025)
6. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 1356 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (13.09.2025)
7. Letter from the Acting Chargé d'Affaires of the USSR in the USA D.S. Chuvakhin to Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR V.P. Potemkin regarding the circular note of the US State Department regarding the registration of representatives of a foreign government in the USA, October 5, 1939 // Soviet-American Relations. 1939-1945 / Ed. N.G. Sevastyanov. – Moscow, 2004. P. 9.
8. Letter from the Acting Chargé d'Affaires of the USSR in the USA D.S. Chuvakhin to Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR V.P. Potemkin regarding the circular note of the US State Department regarding the registration of representatives of a foreign government in the USA, October 5, 1939 // Soviet-American Relations. 1939-1945 / Ed. N.G. Sevastyanov. – Moscow, 2004. P. 10.
9. Aikman D. Big Jim Farley // The American Politician / Ed. by J. Salter. Chapel Hill, 1938. P. 238.
10. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 2. P. 1244. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (27.09.2025)
11. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 417. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (27.09.2025)
12. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 88. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (26.09.2025)
13. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 1. P. 88 //URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (26.09.2025)
14. The Washington Evening Star «Soviet-Finnish negotiations and the situation on the Soviet-Finnish border». Wednesday, October 4, 1939. P. 4, P. 8, P. 10. // URL: https://archive.org/details/18820121washingtoneveningstaroscarwilde (26.09.2025)
15. The Daily Telegraph «Red army in Estonia» Monday, October 9th 1939. P. 8
16. Langer W.L., Gleason S.E. The Challenge to Isolation, 1937-1940 – New York, 1952. P. 328.
17. Ogden A.R. The Dies Committee. A study of Special House Committee For the Investigation of Un-American Activities, 1938-1944. Washington (D.C), 1945. P. 156.
18. The Memoirs of Cordell Hall: 2 volumes. Volume 1 / Hodder & Stoughton, London. 1948. 1759 p.
19. Pravda "Speech by Comrade V.M. Molotov at the session of the Supreme Soviet of the USSR," November 9, Thursday, 1939. P. 4.
20. Congressional Records proceedings and debates of the 76th congress, second session. Washington (D.C), Vol. 85. Part 2. P. 1275. // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1939/09/21 (27.09.2025)
21. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Кевинус Дженесис
Аспирант, кафедра истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
ORCID: 0009-0001-5137-0349

Взаимодействие между суверенитетом государства и международным обязательством по законам о беженцах: перспектива внешней политики*

Аннотация. Государства часто используют иммиграционные и миграционные соглашения как мощные инструменты в сложной сфере международных отношений, используя их как разменную монету для продвижения различных стратегических целей, включая дипломатию, помощь в развитии и даже введение санкций. Растущий поток мигрантов, вызванный пересечением экономических императивов, политической нестабильности и экологической деградации, создал сложные вызовы, связанные с управлением границами, защитой прав человека и содействием социальной интеграции, что потребовало активного дипломатического взаимодействия между странами. Миграция, вместо того чтобы быть исключительно гуманитарной проблемой, стала тесно связана с национальными интересами и вопросами безопасности, что даёт государствам рычаги влияния в переговорах. Цель данной статьи — оценить стратегические маневры государств в миграционной политике как инструмент внешней политики, чтобы получить геополитические преимущества, способствовать экономическим партнёрствам или оказывать влияние на внутренние дела других стран. Разрыв между развитыми и менее развитыми странами, с вопросами прав человека и миграции, также выявляет слабости международных норм, обязывающих государства соблюдать эти нормы, поскольку они часто упускаются из виду по ряду причин, таких как суверенитет и анархический характер международной системы. В статье отмечается, что международные правовые рамки обычно уважаются государствами, когда понятия суверенитета и самоопределения нереалистичны для менее могущественных стран. Государства часто используют миграционную и правозащитную политику как инструмент внешней политики для развития сближения с целевой аудиторией, стратегически смягчая визовые требования для укрепления доброй воли и улучшения экономического и культурного обмена. Автор использует качественный метод научного анализа, который оценивает начисленные данные для объяснения смысла и нюансов, раскрывающих мотивацию государств в их подходе к формулировке внешней политики и стратегиям. Данные берутся из национальных и международных документов, институтов, включая договоры и конвенции.

Ключевые слова: право беженцев, внешняя политика, суверенитет, миграция, геополитика, международная приверженность, права человека, мировые войны, убежище.

* © Кевинус Дженесис, 2025.

Kevinus Genesis
Postgraduate Student, Department of History of International Relations and Foreign Policy. Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0009-0001-5137-0349

The interplay between state sovereignty and international obligation on refugee laws: a foreign policy perspective

Abstract. States frequently wield immigration and migration agreements as potent instruments in the intricate arena of international relations, leveraging them as bargaining chips to advance diverse strategic objectives encompassing diplomacy, development aid, and even the imposition of sanctions. The escalating flows of migrants, driven by a confluence of economic imperatives, political instability, and environmental degradation, have presented intricate challenges related to border management, the protection of human rights, and the facilitation of social integration, thereby necessitating robust diplomatic engagement among nations. Migration, rather than being solely a humanitarian concern, has become deeply intertwined with national interests and security considerations, thus providing states with leverage in negotiations. This paper aims to evaluate states' strategic maneuvering in migration policies as a foreign policy tool, to attain geopolitical advantages, foster economic partnerships, or exert influence on the domestic affairs of other nations. The gap between developed and less developed countries, with issues concerning human rights and migration, also reveals the weaknesses of international norms that obligate states to commit to these norms, as they are often overlooked due to several reasons, such as sovereignty and the anarchic nature of the international system. The paper finds that international legal frameworks are usually respected by states when the concepts of sovereignty and self-determination are not realistic for less powerful countries. States frequently employ migration and human rights policies as a foreign policy tool to cultivate rapprochement with target countries, strategically relaxing visa requirements to foster goodwill and facilitate enhanced economic and cultural exchange. The author employs a qualitative method of scientific analysis, which assesses non-numerical data to explain the meaning and nuances that reveal states' motivations in their approach to foreign policy formulation and strategies. The data are sourced from national and international documents, an institution including, treaties, and conventions.

Key words: refugee law, foreign policy, sovereignty, migration, geopolitics, international commitment, human rights, world wars, asylum.

Introduction

The global refugee regime, established by the 1951 Refugee Convention, defines refugee status and rights, with UNHCR overseeing state obligations[1]. Inter-

1 Betts A. (2015). The Normative Terrain of the Global Refugee Regime. Ethics & International Affairs, 29(4), 363–375. https://doi.org/10.1017/s0892679415000350

national norms significantly influence EU asylum and immigration policies, with more robust norms leading to easier agreement on legislation[2]. The Convention can be viewed as an agreement among states to provide refugee protection as a global public good, but increased economic migration has led to states shirking their obligations. The refugee regime has evolved since the 1648 Treaty of Westphalia, with significant changes occurring after World War I and World War II, and during the Cold War. In the post-Cold War era, UNHCR faces challenges in adapting to emerging global concerns, necessitating a shift towards global governance for more effective implementation of refugee policies at the national level.

Global displacement due to climate-related disasters, particularly river flooding, is projected to increase significantly in the coming decades. Both global warming and population growth contribute to this rise, with the risk of displacement increasing by approximately 50 percent for each degree of global warming and potentially reaching a 350 percent increase by the end of the 21st century, when accounting for population changes. While conflict-induced displacement is also receiving increased attention, accurately quantifying its scale and dynamics remains challenging. Current estimates suggest around 65 million forcibly displaced persons globally, but data on internally displaced persons are exceptionally unreliable. Significant gaps exist in data collection, especially regarding returnees and displacement-affected host communities.

Furthermore, there is a lack of comprehensive data on the socioeconomic vulnerabilities of displaced populations and the impacts on host countries and communities, hindering effective long-term development planning. The intersectionality necessitates a strong normative foundation when theorizing and implementing global refugee policies, especially when addressing transboundary issues[3]. This foundation is crucial for understanding the evolving dynamics between state interests, international obligations, and the protection of displaced populations[4]. State sovereignty, while a cornerstone of international law, is continually tested by refugee crises, which necessitate cooperative governance frameworks. These frameworks must reconcile the tension between a state's right to control its borders and its responsibility to provide refuge. The rise in forced migration has resulted in over 12,500,000 displaced children globally, highlight-

2 *Roos C., & Zaun N.* (2014). Norms Matter! The Role of International Norms in EU Policies on Asylum and Immigration. European Journal of Migration and Law, 16(1), 45–68. https://doi.org/10.1163/15718166-00002048

3 *Pandey D.* (2022). Refugees in host countries: A comparative study between Uyghurs in Turkey and Tibetans in India. Asian Journal of Comparative Politics, 8(1), 400-421. https://doi.org/10.1177/20578911221128880 (Original work published 2023)

4 *Ng Yan Chao I.* (2020). Cosmopolitanism and Nationalism: A Critique of the Effectiveness of the International Refugee Regime. Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal, (6), 159–176. https://doi.org/10.18523/kmlpj220747.2020-6.159-176

ing the urgent need for robust policy and practice[5]. Refugee law and foreign policy are inherently intertwined, and state sovereignty both shapes and is shaped by refugee governance. The surge in refugees as a contemporary phenomenon stems from the disintegration of multinational empires and the emergence of nation-states, compelling individuals to flee for survival[6]. This dynamic interplay is further complicated by increasing social hostility and polarization, which influence perceptions of refugees as potential threats[7]. The formation of refugee labels reflects complex causes of forced migration, diverging from past homogeneous connotations, with governments playing a crucial role in shaping these labels to align with their interests[8].

History of the evolution of refugee law

Throughout history, states have opened their doors to diverse individuals and groups, just as the Romans received fleeing barbarians. The evolution of refugee law from 1920 to 1950 was marked by a gradual shift from a broad, individualist approach toward more precise legal definitions driven by geopolitical realities. In the immediate post-World War I period, international responses to mass displacements centred on facilitating the movement of refugees, primarily stateless and undocumented persons fleeing persecution, economic hardship, or political upheaval. Initially, the concept of refugeehood was relatively flexible, emphasizing the individual's need for protection without strict legal parameters.

However, as the number of displaced persons increased, especially with the Russian Revolution and subsequent migration waves, states and international organizations began to formalize procedures to identify and assist refugees, focusing on their legal status and the protection of their rights. During the 1920s and into the 1930s, the legal framework for refugees became more defined, primarily emphasizing juridical criteria, effective deprivation of state protection, statelessness, and external verification of claims. International accords, such as the Certificates of Identity issue for Russian refugees in 1922, aimed to regulate and limit uncontrolled migration while providing essential protections. Yet, despite these measures, divergent views persisted within the international community. Many countries were reluctant to adopt broad definitions, preferring criteria that re-

5 *McIntyre J. and Neuhaus S.* (2021), Theorising policy and practice in refugee education: Conceptualising 'safety', 'belonging', 'success' and 'participatory parity' in England and Sweden. Br Educ Res J, 47: 796-816. https://doi.org/10.1002/berj.3701

6 *Çelik Ç.* Immigrants and refugees, tourists and vagabonds: why and how they integrate differently. CMS 11, 14 (2023). https://doi.org/10.1186/s40878-023-00339-y

7 *Rousseau C.* Addressing Mental Health Needs of Refugees. The Canadian Journal of Psychiatry. 2017;63(5):287-289. doi:10.1177/0706743717746664

8 *Roger Zetter, More Labels,* Fewer Refugees: Remaking the Refugee Label in an Era of Globalization, Journal of Refugee Studies, Volume 20, Issue 2, June 2007, Pages 172–192, https://doi.org/10.1093/jrs/fem011

quired concrete, verifiable prejudice or threats, which reflected prevailing political attitudes and national interests. As a result, refugee status was often narrowly construed, focusing on specific groups fleeing persecution or danger, with an emphasis on external validation rather than subjective or personal factors.

Following the advent of World War II and the subsequent displacement crises, international refugee law evolved further, driven by the recognition that existing legal definitions needed adaptation to address new global realities. Postwar efforts saw an increasing emphasis on individualism, whereby refugee status was based on the personal characteristics and convictions of claimants, rather than solely on group or geopolitical considerations. This period witnessed the beginnings of a more humanitarian approach, with a focus on ensuring the safety and well-being of refugees rather than merely regulating their movement. Overall, between 1920 and 1950, refugee law transitioned from a loosely defined, politically influenced concept to a more structured legal paradigm centred on individual rights and protections, laying the groundwork for modern international refugee regimes.

The period from 1920 to 1950, international law began to systematically codify refugee protections through a series of treaties, agreements, and organizational frameworks that aimed to define and uphold the rights of displaced persons[9]. Early efforts focused on establishing specific criteria for refugee status, such as the deprivation of state protection and the recognition of statelessness or persecution as qualifying conditions. For instance, the 1922 agreement concerning certificates of identity for Russian refugees was one of the first concrete steps, providing formal recognition of the need for legal documentation and protection for refugees fleeing political upheavals. The League of Nations and other international bodies developed comprehensive approaches during the interwar period, though no universal legal instrument existed, definitions and protocols were drafted to address mass migrations from political and economic crises. These efforts created common legal language for protecting individuals without government support and enabling their resettlement, while acknowledging states' sovereignty concerns, and after World War II, institutional frameworks were established to codify refugee protections. The most significant development was the establishment of the International Refugee Organization (IRO) in 1946, which drafted a detailed definition of a refugee and laid out responsibilities for international support and protection[10].

The IRO's constitution marked a milestone by providing the most precise

9 *Chetail V.* (2021). Moving Towards an Integrated Approach of Refugee Law and Human Rights Law (p. 202-C11.P64). Oxford University. https://doi.org/10.1093/law/9780198848639.003.0012

10 *Sachs C.* (2025). A Looming Crisis: Exploring the Precarious Legal Status of 'Climate Refugees' Under International and Human Rights Law . Consilience, (27). https://doi.org/10.52214/consilience.vi27.12557

formal delineation of refugee status and setting standards for assistance and repatriation. These codifications showed a conscious move toward embedding refugee protections within international law, transitioning from ad hoc arrangements to more structured, legally binding frameworks that sought to balance state sovereignty with humanitarian responsibilities.

After World War II, human rights gained importance. When the Universal Declaration of Human Rights (UNHDR) was proclaimed in 1948, it laid the basis for an international standard of applications for human rights protection, including the right to ask for asylum under Art. 14 of the Declaration[11]. Paired with the 1948 Convention on the Prevention of Genocide, which indicates that potential victims of genocide can flee and be protected by other states, and the Geneva Conventions, which regulated the means of war, refugees emerged as internationally protected persons[12]. These developments exhibit the close relationship between international refugee law and human rights law, a relationship that has evolved over the years.

According to Article 1(a)(2) of the 1951 Refugee Convention, a refugee is defined as an individual who is unable or unwilling to return to their country of origin due to a well-founded fear of persecution based on race, religion, nationality, membership in a particular social group, or political opinion.

The 1951 Convention has changed and evolved, together with human rights have expanded their interpretation, but it remains limited. International refugee law, for instance, extends protection solely to individuals who successfully exit their country, while internally displaced persons are governed by different regulations, regardless of the severity of their circumstances within national borders[13]. These and other shortcomings stem from the intrinsic conflict between state sovereignty and the imperative for protection. The significance of state sovereignty in international refugee law is frequently minimized or disregarded. Conventional interpretations of refugee law underscores the necessity of humanitarian protection as a fundamental driver for the evolution of the refugee framework[14]. Whilst the need for humanitarian assistance is undoubtedly an essential factor in the development of international law and human rights, it is not the only no-

11 *Vrdoljak A.F.* (2009). Human Rights and Genocide: The Work of Lauterpacht and Lemkin in Modern International Law. European Journal of International Law, 20(4), 1163–1194. https://doi.org/10.1093/ejil/chp090

12 *Helton A.C., Schachter O., Henkin L., & Bayefsky A.F.* (2000). Protecting the World's Exiles: The Human Rights of Non-Citizens. Human Rights Quarterly, 22(1), 280–297. https://doi.org/10.1353/hrq.2000.0009

13 *Ayata B., & Yükseker D.* (2005). A Belated Awakening: National and International Responses to the Internal Displacement of Kurds in Turkey. New Perspectives on Turkey, 32, 5–42. https://doi.org/10.1017/s089663460000409x

14 *Pobjoy J.M.* (2017). The Child in International Refugee Law. Cambridge university. https://doi.org/10.1017/9781316798430

ble motivation that shaped the system of international protection. If it were, the framework would look very different from what it does today. We should aim to read the Convention from a different point of view, one that does not consider migratory flows a problem to be managed but instead centres the human dignity and rights of those forced to flee[15].

As **Karl Loewenstein** posits;

'*Political realities have forever been at variance with the rigid legal formalism of state sovereignty. Actually the assumptions of both the equality and the independence of states are fictions. States never have been, nor are they now, equal. They differ widely in their power potential and, consequently, also in the degree of their independence.'*

Sovereignty is best describe as the supreme right and power of a state to determine its internal political and legal order. Originating from Roman-Byzantine theory, sovereignty historically signified absolute internal control and independence from external influence. Over time, it has been reinforced as the cornerstone of international law, emphasizing equal status among states and the right to self-determination, including choosing their forms of government and controlling their territory. Nonetheless, Loewenstein highlights that sovereignty is not an absolute or static concept; it is subject to limitations through international law, such as the prohibition of war and intervention, which serve to constrain state autonomy in Favor of collective international interests.

Post-World War II, the landscape of international cooperation fundamentally challenged traditional notions of sovereignty[16]. The United Nations and other international organizations aimed to foster collaboration among states to maintain peace and security. Loewenstein notes that sovereignty has gradually shifted from a purely negative attribute freedom from external interference toward a more positive quality, involving active participation in international endeavours. This evolution has meant that states often voluntarily accept restrictions on their independence, such as submitting disputes to international courts or participating in collective security arrangements, thereby transforming sovereignty into a capacity for constructive cooperation rather than absolute independence. However, Loewenstein emphasizes that this increasing interconnectedness and collaboration have not entirely eliminated sovereign equality. Instead, it has exposed a tension: in practice, the bipolarized international order of the Cold War period created a reality where sovereignty was often conditioned and limited, especially for more minor or dependent states.

15 *Gammeltoft-Hansen T.* (2014). International Refugee Law and Refugee Policy: The Case of Deterrence Policies. Journal of Refugee Studies, 27(4), 574–595. https://doi.org/10.1093/jrs/feu030

16 *Makovetska N., Dubov G., Didych T., Malyshev B., & Varych O.* (2024). Global challenges to state sovereignty in the 21st century. Salud, Ciencia Y Tecnología - Serie De Conferencias, 3, 661. https://doi.org/10.56294/sctconf2024.661

Larger powers, like the U.S. and USSR, preserved their sovereignty more fully, while others had to accept restrictions due to their economic or military reliance on these hegemonial states[17].

As a result, sovereignty post-WWII became more nuanced while legally rooted in equality, in practice it was often subordinate to the realities of power politics and international cooperation. The Cold War tension significantly alters the traditional notion of sovereignty by introducing limitations on a state's self-determination through international cooperation. Traditionally, sovereignty implies complete, independent control over internal and external affairs. However, during the Cold War, the bipolarization of world power, primarily between the United States and the Soviet Union led to a situation where sovereign states within each bloc increasingly experienced restrictions on their autonomy. These restrictions often manifested as interdependence in military, economic, and political fields, with the hegemonial states (the U.S. and USSR) maintaining their sovereignty more robustly than more minor or dependent states, which often had to accept limitations on their self-determination to remain within their respective blocs. As Loewenstein notes, this environment caused sovereignty to evolve from a primarily negative concept, freedom from external interference toward a more positive role involving active participation in international cooperation, at the expense of complete internal independence. In essence, the Cold War elevated shared interests and alliances to a level where sovereignty was often exercised conditionally, and sometimes compromised, to achieve collective security and political aims within the bipolar structure.

Early examples of foreign policy-refugee interdependence

The league of nations, refugee protection and laws were essentially ad hoc and inconsistent, with no systematic international approach. The backdrop of the global refugee law is dated back during after War I and the Russian Revolution, when Europe faced unprecedented refugee movements. In 1921, the League of Nations appointed Fridtjof Nansen as High Commissioner to aid Russian political refugees, which marked a significant step toward codifying refugee protections. Nansen introduced the Nansen passport, a diplomatic document that provided stateless individuals with a legal identity and facilitated their international movement. This passport served as a practical tool that combined the needs of refugees for recognition and mobility with the cooperation of states, establishing an early form of international legal protection for stateless persons and setting a precedent for subsequent refugee legal frameworks.

17 *Steinberg Richard H.* 'The Rise and Decline of a Liberal International Order', in David L. Sloss (ed.), Is the International Legal Order Unraveling? (New York, 2022; online edn, Oxford Academic, 20 Oct. 2022), https://doi.org/10.1093/oso/9780197652800.003.0002, accessed 9 Aug. 2025.

The Evian conference 1938

In the summer of 1938, representatives from thirty-two nations convened at the French resort of Evian. President Roosevelt opted not to dispatch a high-ranking official, such as the Secretary of State, to the Evian Conference(Gehlbach et al., 2010)[18] . Instead, Myron C. Taylor, a businessman and close associate of Roosevelt, represented the United States at the conference. Throughout the nine-day meeting, numerous delegates expressed sympathy for the refugees. However, the majority of countries, including the United States and Britain, provided justifications for their reluctance to admit more refugees (Stern & Marrus, 1986)[19]. In response to the conference proceedings in Evian, the German government expressed satisfaction, noting the "astounding" nature of foreign countries criticizing Germany for its treatment of the Jews, yet none were willing to open their doors to them when "the opportunity offered." Efforts by some Americans to rescue children were also unsuccessful: the Wagner-Rogers bill, which sought to admit 20,000 endangered Jewish refugee children, did not receive support from the Senate in 1939 and 1940 (Lafreniere Tamez et al., 2023)[20] . Pervasive racial prejudices among Americans including antisemitic attitudes held by officials within the US State Department contributed to the failure to admit more refugees.(Wright et al., 2021)[21] (Turner, 2009) [22]

The IRO was responsible for organizing the care, maintenance, and eventual resettlement of Polish refugees who fled Eastern Poland during the Soviet invasion in 1939, and those released from Soviet captivity in 1941.

Many of these refugees, including civilians and soldiers, found temporary shelter in British colonies, notably in India, which at the time was still under British rule[23]. In India, the British authorities actively collaborated with the IRO to manage this refugee population. The British government's broader colonial strategy prioritized stabilizing their colonial possessions and managing regional security amid post-war uncertainties. Specifically, Britain aimed to use the Polish

18 *Gehlbach S., Sonin K., & Zhuravskaya E.* (2010). Businessman Candidates. American Journal of Political Science, 54(3), 718–736. https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00456.x

19 *Stern F., & Marrus M.R.* (1986). The Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century. Foreign Affairs, 64(4), 883. https://doi.org/10.2307/20042734

20 *Lafreniere Tamez H.D., Anastasio N., & Perliger A.* (2023). Explaining the Rise of Antisemitism in the United States. Studies in Conflict & Terrorism, ahead-of-print(ahead-of-print), 1–22. https://doi.org/10.1080/1057610x.2023.2297317

21 *Wright G., Volodarsky S., Hecht S., & Saxe L.* (2021). Trends in Jewish Young Adult Experiences and Perceptions of Antisemitism in America from 2017 to 2019. Contemporary Jewry, 41(2), 461–481. https://doi.org/10.1007/s12397-021-09354-6

22 *Turner B.* (2009). United Nations (UN) (pp. 3–8). palgrave macmillan uk. https://doi.org/10.1007/978-1-349-58632-5_1

23 *Jochen Lingelbach,* Before 1951, Outside Europe: The pre-history of the Refugee Convention, the IRO, and European refugees in Africa and Asia, Völkerrechtsblog, 06.04.2021, doi: 10.17176/20210406-194642-0.

refugees as part of its broader geopolitical considerations, including maintaining good diplomatic relations with Poland and the Soviet Union, and preparing for possible future alliances or strategic advantages during the Cold War period.

The IRO's role was to oversee the welfare of these refugees and to facilitate their departure from India, primarily towards resettlement in other countries like Australia, Canada, or South Africa. The British authorities were motivated by a desire to neutralize potential unrest or dependence among these refugees within the colony, which could complicate colonial governance, especially amid rising tensions surrounding partition and independence movements in South Asia[24].

Furthermore, the handling of Polish refugees was directly impacted by Britain's partition politics in South Asia. When India gained independence in 1947 and was partitioned into India and Pakistan, the refugee flows from these regions and the management of displaced persons became central to British strategic considerations. Britain's efforts to relocate and resettle Polish refugees away from India aligned with their colonial goal of consolidating control and reducing refugee populations within their colonies, anticipating localized stability during a period of significant political transition. In practice, the British administration, in cooperation with the IRO, closed Polish refugee camps in East Africa and India by arranging for most of the refugees' departure. Some Poles emigrated to Australia and other Commonwealth countries, while a few remained in Africa with permanent residence status. These decisions were influenced not only by humanitarian concerns but also by Britain's imperial foreign policy goals, including maintaining regional stability and projecting an image of managing refugee crises without extensive international intervention.

Key norms, obligations, and legal instruments of the refugee law
The 1951 Refugee Convention and 1967 Protocol

The 1951 refugee conventions and the protocol to it of 1967, it referenced the universal declaration of human rights article 14, which gives recognition to the persons to seek asylum in other countries when facing persecution. The 1951 Refugee Convention is a cornerstone legal instrument in refugee law that consolidates previous international efforts to define and protect refugees. It establishes a comprehensive framework outlining the rights of refugees and the legal obligations of states towards them. Central to its provisions is the definition of a refugee, which is based on well-founded fear of persecution due to race, religion, nationality, membership of a particular social group, or political opinion. The Convention enshrines fundamental principles such as non-discrimination, the right to work, education, and access to legal recourse, as well as protections

24 *Jochen Lingelbach,* Before 1951, Outside Europe: The pre-history of the Refugee Convention, the IRO, and European refugees in Africa and Asia, Völkerrechtsblog, 06.04.2021, doi: 10.17176/20210406-194642-0.

against refoulement returning refugees to a territory where they face danger. As the primary instrument of international refugee protection, it imposes binding obligations on states that are party to it, requiring them to respect and ensure these rights and protections. The 1967 Protocol complements the 1951 Convention by removing the geographical and temporal limitations that initially confined its scope. Whereas the original Convention was limited to events occurring before 1951 and primarily European refugees, the Protocol extended its relevance globally and indefinitely. It underscores that the substantive protections outlined in the Convention apply to all persons falling within the refugee definition, regardless of when or where their flight occurred. The Protocol is an independent instrument, meaning that accession to it is open to all states, irrespective of whether they are parties to the original Convention. Together, these instruments establish a normative framework that obligates states to uphold the rights of refugees, to cooperate with international organizations like UNHCR in supervising their implementation, and to adhere to core principles such as non-refoulement, which is now recognized as customary international law.

Principle of non-refoulment

The European Union for Agency Asylum, 2024 asylum report (EUAA) defines the principle of no-refoulement as security of the rights of individuals not to be returned to the country where they face persecution, especially during the application and process of getting and asylum[25]. It mandates that Member States must permit applicants to remain within their territory to exercise the right to appeal, and, once this right is exercised, to stay pending the appeal's outcome. Courts and tribunals must adhere to this when determining whether an applicant can remain in the Member State's territory. Additionally, it safeguards against decisions of return or extradition that could lead to direct or indirect refoulement, thereby violating the international and EU obligations of that Member State. It also provide protection in case of attempt to extradite individual, which may result as a direct or indirect refoulement, and this violets international obligations member states. OAU convention 1969, on 'governing the specific aspect of refugee problems in Africa' article 5, reiterate on the essentiality of voluntary character of repatriation, and obliged the members to respect it, in all cases and prohibits members from repatriating refugees against his will[26].

OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, adopted by the Assembly of Heads of State and Government at its Sixth Ordinary Session, Addis-Ababa, 10 September 1969

25 EUAA, 'Box 4. The principle of non-refoulement' in Asylum Report 2024, June 2024.

26 UNHCR https://www.unhcr.org/media/oau-convention-governing-specific-aspects-refugee-problems-africa-adopted-assembly-heads

The Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, adopted in 1969, constitutes a pivotal regional legal instrument that establishes a comprehensive framework for the protection, management, and treatment of refugees within the African context. It delineates the criteria for refugee status based on persecution, external aggression, or disturbances in public order, while emphasizing the principles of non-discrimination, voluntary repatriation, and the respect for refugees' rights. The Convention highlights the obligations of member states to receive refugees, grant asylum, prohibit subversive activities, and collaborate with regional and international entities such as the Organization of African Unity (OAU) and the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR)[27]. Additionally, it provides mechanisms for dispute resolution, signature, ratification, and amendments, thereby reinforcing regional solidarity and a humanitarian approach to refugee issues. Overall, it complements the 1951 UN Refugee Convention by addressing challenges specific to Africa and fostering cooperation among states.

Directive 2011/95/Eu Of The European Parliament And Of The Council 2011

The Directive 2011/95/EU constitutes a pivotal legal framework for establishing uniform standards regarding the qualification, recognition, and content of international protection within the European Union[28]. It consolidates and revises previous asylum directives to create a cohesive framework that ensures consistent criteria for granting refugee status and subsidiary protection, emphasizing the principles of non-refoulement and respect for human rights as delineated in the Geneva Convention. The Directive seeks to harmonize procedures across member states, enhance the quality and fairness of asylum systems, and promote the protection of vulnerable groups, thereby fostering a coherent and effective regional approach to refugee protection and ensuring equal treatment for beneficiaries throughout the EU[29].

The utility of refugee policy as a foreign policy tool

Refugee policy, traditionally viewed as a humanitarian initiative, can be strategically utilized by states to further their foreign policy goals. This instrumentalization manifests in various forms, reflecting the complex interplay between

27 *Coddington K.* (2018). Landscapes of refugee protection. Transactions of the Institute of British Geographers, 43(3), 326–340. https://doi.org/10.1111/tran.12224

28 *Byrne R., Noll G., & Vedsted-Hansen J.* (2020). Understanding the crisis of refugee law: Legal scholarship and the EU asylum system. Leiden Journal of International Law, 33(4), 871–892. https://doi.org/10.1017/s0922156520000382

29 *Vedsted-Hansen J.* (2025). European governance of deterrence and containment. A legal perspective on novelties in European and Danish asylum policy. Journal of Ethnic and Migration Studies, 51(8), 1–18. https://doi.org/10.1080/1369183x.2024.2441599

humanitarian concerns and geopolitical ambitions (Ozerim, 2017)[30]. States may manipulate refugee status determination, asylum processes, and resettlement programs to signal diplomatic alignment or disapproval, reward or penalize certain behaviours of other states, or project an image of moral leadership on the global stage. The manipulation of refugee flows can serve as a coercive tool, destabilizing rival nations by orchestrating mass exoduses or burdening them with an influx of asylum seekers (Rousseau, 2017)[31]. Conversely, offering refuge to dissidents and persecuted groups from authoritarian regimes can symbolize ideological opposition and undermine the legitimacy of those regimes (Weiner, 1992)[32]. Furthermore, refugee policies can be intricately linked to trade agreements, security alliances, and development aid, serving as bargaining chips in international negotiations or as conditions for receiving preferential treatment. The convergence of refugee policy with national security agendas underscores the multifaceted nature of this phenomenon (Mandel, 1997)[33]. Constructivist international relations theory provides a framework for analysing how norms, identities, and discourses shape refugee policies (Wendt, 1992)[34]. States' actions regarding refugees are not solely driven by material interests but also by their adherence to international norms, their self-defined identities as humanitarian actors, and the prevailing discourses surrounding migration and asylum (Gorlick, 2001)[35].

The case of Greek coalition government foreign policy strategies during the migrant crisis in 2015

To help explain more broadly how states use refugee crisis as leverage during negotiation to attract incentive or achieve a specific goal, the author gives an instance of the 2015- 16 European migrant crisis, with a focus on Greece, an EU member state that serves as both host and transit state for refugees and is particularly affected by forced migration. The SYRIZA–ANEL coalition government ad-

30 *Ozerim M.G.* (2017). Stretching, Opening or Sealing the Borders: Turkish Foreign Policy Conceptions and their Impact on Migration, Asylum and Visa Policies. Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 20(2), 165–182. https://doi.org/10.1080/19448953.2018.1379751

31 *Rousseau C.* (2018). Addressing Mental Health Needs of Refugees. The Canadian Journal of Psychiatry. https://doi.org/10.1177/0706743717746664

32 *Weiner M.* (1992). Security, Stability, and International Migration. International Security, 17(3), 91–126. https://doi.org/10.2307/2539131

33 *Mandel R.* (1997). Perceived Security Threat and the Global Refugee Crisis. Armed Forces & Society, 24(1), 77-103. https://doi.org/10.1177/0095327X9702400104

34 *Wendt A.* (1992). Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics. International Organization, 46(2), 391–425. doi:10.1017/S0020818300027764

35 *Gorlick Brian, Shifting Priorities,* Attitudes and Institutional Change: Reflections on UNHCR at the Crossroads (June 1, 2001). REFUGE, Vol 19, No 5 (2001), Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2745884 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2745884

opted a two-phased foreign policy approaches that some expert termed as '*blackmail*' and '*backscratching*'. The adoption of the coercive approach, threatening that the country would collapse if it did not receive adequate support, effectively leveraging its strategic position as a transit point for migrants, due to its strategic geopolitical position in relation to the European Union has resulted in its role as the initial point of the *Balkan corridor*[36]. Additionally, the suspension of transfers of asylum seekers to Greece under the Dublin Regulation has further reinforced the country's status as a 'transit' rather than a 'host' state. Since 2016, Greece changed its approach to negotiations, and started using a more cordial method to attract economic benefits. This was because Greece became less critical to the EU in geopolitical terms.

Following the implementation of policies such as the EU-Turkey Statement and border closures, which resulted in a reduction of refugee inflows, Greece adopted a more cooperative approach, referred to as 'backscratching'. This approach involved seeking economic benefits and support through collaboration with the European and transitioning from a strategy of threats to one of negotiations based on mutual interests. This strategic shift illustrates how Greece adapted its tactics in response to its altered geopolitical position and the flow of migrants, utilizing refugee management as a leverage point in negotiations with its European partners[37]. The 2016 EU-Turkey Statement led to a significant drop in the number of refugees coming in. Also, the closing of the Balkan route and the restart of Dublin transfers turned Greece into a country that hosts migrants[38].

Discussion on Sovereignty and International obligation

The complex interplay between state sovereignty and international commitment serves as a fundamental aspect of contemporary international law and relations, necessitating a nuanced understanding of its implications across various political and legal contexts. Sovereignty, often perceived as the supreme authority of a state within its territory, is not an absolute and unchanging concept but a dynamic principle influenced by historical, political, and legal factors[39]. The emergence and persistence of contested states have redefined the

36 *Jordan J., & Moser S.* (2020). Researching migrants in informal transit camps along the Balkan Route: Reflections on volunteer activism, access, and reciprocity. Area, 52(3), 566–574. https://doi.org/10.1111/area.12614

37 *Carlson M., Linos K., & Jakli L.* (2018). Rumors and Refugees: How Government-Created Information Vacuums Undermine Effective Crisis Management. International Studies Quarterly, 62(3), 671–685. https://doi.org/10.1093/isq/sqy018

38 *Kourachanis N.* (2018). From camps to social integration? Social housing interventions for asylum seekers in Greece. International Journal of Sociology and Social Policy, 39(3/4), 221–234. https://doi.org/10.1108/ijssp-08-2018-0130

39 *Parmar Swati Singh,* Understanding the Concept of Sovereignty (January 18, 2017). Inter-

traditional relationship between sovereignty and territoriality, underscoring the evolving nature of statehood in the international sphere. Analysing the interaction between legal sovereignty, which pertains to the formal recognition and rights of a state under international law, and practical sovereignty, which denotes the actual capacity of a state to exercise control and authority within its borders and on the international stage, reveals the complexities inherent in balancing national interests with international obligations. Historically, the concept of territorial sovereignty has been regarded as the foundation of modern international law[40].

The concept of sovereignty is multifaceted, not only absolute power but also embodied and institutional power, further complicating its application in modern international relations (Braun and Hummel, 2024). As states increasingly engage in international treaties, agreements, and organizations, they voluntarily cede certain aspects of their sovereign rights to achieve common goals such as economic integration, security cooperation, or environmental protection. This creates tension between the desire to maintain autonomy and the necessity of collaboration in an increasingly interdependent world (Pohle & Thiel, 2020).

The United States, with its long-standing tradition of constitutionalism and its role as a global superpower, provides a compelling case study of how nations navigate the complexities of sovereignty and international commitments. The U.S. demonstrates a pragmatic approach to international law, selectively engaging with treaties and international organizations based on its national interests and constitutional principles. The U.S. has historically been cautious about ceding sovereign authority to international bodies, particularly when it perceives a threat to its national interests or constitutional principles. This is evident in the U.S.'s approach to international agreements on climate change, trade, and human rights, where it has often prioritized its domestic policies and legal frameworks. The European Union exemplifies a distinctive model of pooled sovereignty, wherein member states have delegated substantial powers to a supranational entity to facilitate deeper economic and political integration.

The EU's endeavour towards digital sovereignty, which aims to safeguard citizens' data and promote technological independence from non-EU technology conglomerates, underscores its commitment to striking a balance between national interests and collective action (Hulka, 2025; Santaniello, 2025). This integration initiative has led to the establishment of new state-like institutions,

national Journal of Law Volume 3; Issue 1; January 2017; Page No. 31-35, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3483335

40 *Sebastian Schmidt.* To Order the Minds of Scholars: The Discourse of the Peace of Westphalia in International Relations Literature, International Studies Quarterly, Volume 55, Issue 3, September 2011, Pages 601–623, https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00667.x

including the European Commission, the European Parliament, the Court of Justice of the European Union, and the European Central Bank (Kahn, 2014). The EU's experience illustrates the potential for states to amplify their collective influence and address shared challenges through the voluntary pooling of sovereignty, while also underscoring the difficulties of reconciling diverse national interests and maintaining democratic accountability within a supranational framework (Glasze 2022).

The emergence of non-state actors and transnational networks has further blurred the traditional boundaries of state sovereignty, as these entities operate across borders and challenge the state's monopoly of power. Sovereignty remains the prevailing logic for organizing political life, even when actions contradict its fundamental principles (Krasner 2010). Despite the increasing significance of concepts such as human rights and security, the notion of sovereignty continues to pose a challenge to their global practical application (Jang et al., 2016). Despite the growing impact of technology on state power, legal sovereignty remains a cornerstone of international law and the foundation of the modern state system. The exercise of self-determination in the digital era underscores individuals' growing awareness of the need to retain meaningful control over their personal data (Cheung, 2022).

Geopolitical dynamics significantly influence the implementation of refugee law and the balance between state sovereignty and international human rights obligations.

Russia and Ukraine tensions

The geopolitical dynamics between Russia and Ukraine significantly impact the implementation of refugee law and the balance between state sovereignty and human rights obligations. The conflict in Ukraine has led to a massive refugee flow, challenging conventional refugee law application (Nesi, 2023)[41]. While international law aims to uphold peace and protect human rights, its effectiveness is influenced by international relations, as seen in both the Syrian and Ukrainian conflicts (Almohawes, 2025)[42]. The tension between state sovereignty and refugee protection is evident, with increased border controls and security concerns impeding protection requests (Krivenko, 2012)[43]. However, the Ukrainian refugee crisis has created a new paradigm, with developed European countries hosting the majority of refugees, unlike previous crises where developing countries

41 *Nesi G.* (2023). The Conflict in Ukraine and its Implications for International Refugee and Migration Law. The Italian Yearbook of International Law Online.

42 *Almohawes M.* (2025). International relations and its effect on enforcement of international law: the case studies of Ukraine and Syria. Access to Justice in Eastern Europe.

43 *Krivenko E.Y.* (2012). Hospitality and Sovereignty: What Can We Learn From the Canadian Private Sponsorship of Refugees Program? International Journal of Refugee Law, 24, 579-602.

bore the brunt of the burden. This situation presents an opportunity to examine whether European host countries are meeting international refugee law standards and potentially contribute to the evolution of international refugee law.

The Russo-Ukrainian tensions has significantly impacted the geopolitical scene, shifting the power dynamics in Europe and revealing major weaknesses in the international system. The tensions has resurfaced longstanding issues such as food insecurity, energy reliance, and regional instability, while also fostering new powers and alliances that challenge the traditional supremacy of the Western countries. Far from being a purely European matter, the tensions has had extensive repercussions, altering international relations and highlighting vulnerabilities in regions such as the Middle East, Africa, South Asia and East Asia. This conflict highlights the fragility of globally established norms and legal frameworks, such as international humanitarian law, Institutions such as the United Nations, North Atlantic Treaty Organization, Gulf Cooperation Council (GCC), and South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) have struggled to tackle the complex challenges posed by the war, demonstrating their limitations in preventing and managing large-scale global crises. Their inability to provide practical solutions to the war's outcomes, ranging from food insecurity to political instability, underscores the need to reassess their roles in a rapidly evolving world order.

In conclusion the disparity between the concept of state sovereignty and international obligation underscores a persistent struggle between self-determination and collective humanitarian accountability. While international legal frameworks such as the 1951 Refugee Convention seek to institutionalize states' moral and legal commitments toward displaced populations, these obligations are frequently subordinated to strategic foreign policy interests. States exploit migration policies as a tool, using asylum and visa policies to negotiate economic cooperation, political alignment, and geopolitical leverage. This approach reveals that adherence to refugee norms often depends less on legal compulsion and more on strategic convenience within the anarchic international system. Ultimately, the interplay between sovereignty and obligation exposes both the fragility of global governance in migration affairs and the enduring primacy of state interest in shaping humanitarian outcomes.

Библиографический список / Reference

1. Betts A. The Normative Terrain of the Global Refugee Regime. Ethics & International Affairs, 2015. № 29 (4). P. 363-375. // URL: https://doi.org/10.1017/s0892679415000350

2. Roos C., & Zaun N. Norms Matter! The Role of International Norms in EU Policies on Asylum and Immigration. European Journal of Migration and Law, 2014. № 16 (1). P. 45-68. // URL: https://doi.org/10.1163/15718166-00002048

3. Ginsburg G. Westphalia as the Perfection of Westphalia. Indiana Journal of Global Legal Studies, 2010. № 17 (1). P. 27. // URL: https://doi.org/10.2979/gls.2010.17.1.27

4. Pandey D. Refugees in host countries: A comparative study between Uyghurs in Turkey and Tibetans in India.

Asian Journal of Comparative Politics, 2022. № 8 (1). P. 400-421. // URL: https://doi.org/10.1177/20578911221128880 (Original work published 2023)
5. Ng Yan Chao I. Cosmopolitanism and Nationalism: A Critique of the Effectiveness of the International Refugee Regime. Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal, 2020. № 6. P. 159-176. // URL: https://doi.org/10.18523/kmlpj220747.2020-6.159-176
6. Othman Z. Navigating Borders: The Impact of Migrant Networks on Citizenship and Security in Sabah, Malaysia. Journal of Eco humanism, 2024. № 3 (7). P. 3924-3934. // URL: https://doi.org/10.62754/joe.v3i7.4513
7. McIntyre J. and Neuhaus S. Theorising policy and practice in refugee education: Conceptualising 'safety', 'belonging', 'success' and 'participatory parity' in England and Sweden. Br Educ Res J, 2021. № 47. P. 796-816. // URL: https://doi.org/10.1002/berj.3701
8. Çelik Ç. Immigrants and refugees, tourists and vagabonds: why and how they integrate differently. CMS, 2023. № 11. P. 14. // URL: https://doi.org/10.1186/s40878-023-00339-y
9. Rousseau C. Addressing Mental Health Needs of Refugees. The Canadian Journal of Psychiatry. 2017. № 63 (5). P. 287-289. // URL: doi: 10.1177/0706743717746664
10. Roger Zetter, More Labels, Fewer Refugees: Remaking the Refugee Label in an Era of Globalization, Journal of Refugee Studies, June 2007. Volume 20. Issue 2. P. 172-192. // URL: https://doi.org/10.1093/jrs/fem011
11. Vrdoljak A.F. Human Rights and Genocide: The Work of Lauterpacht and Lemkin in Modern International Law. European Journal of International Law, 2009. № 20 (4). P. 1163-1194. // URL: https://doi.org/10.1093/ejil/chp090
12. Helton A.C., Schachter O., Henkin L., & Bayefsky A.F. Protecting the World's Exiles: The Human Rights of Non-Citizens. Human Rights Quarterly, 2000. № 22 (1). P. 280-297. // URL: https://doi.org/10.1353/hrq.2000.0009
13. Ayata B., & Yükseker D. A Belated Awakening: National and International Responses to the Internal Displacement of Kurds in Turkey. New Perspectives on Turkey, 2005. № 32. P. 5-42. // URL: https://doi.org/10.1017/s089663460000409x
14. Pobjoy J.M. The Child in International Refugee Law. Cambridge university. 2017. // URL: https://doi.org/10.1017/9781316798430
15. Gammeltoft-Hansen T. International Refugee Law and Refugee Policy: The Case of Deterrence Policies. Journal of Refugee Studies, 2014. № 27 (4). P. 574-595. // URL: https://doi.org/10.1093/jrs/feu030
16. Makovetska N., Dubov G., Didych T., Malyshev B., & Varych O. Global challenges to state sovereignty in the 21st century. Salud, Ciencia Y Tecnología - Serie De Conferencias, 2024. № 3. P. 661. // URL: https://doi.org/10.56294/sctconf2024.661
17. Steinberg Richard H., 'The Rise and Decline of a Liberal International Order', in David L. Sloss (ed.), Is the International Legal Order Unraveling? (New York, 2022; online edn, Oxford Academic, 20 Oct. 2022) // URL: https://doi.org/10.1093/oso/9780197652800.003.0002 (9 Aug. 2025)
18. Gehlbach S., Sonin K., & Zhuravskaya E. Businessman Candidates. American Journal of Political Science, 2010. № 54 (3). P. 718-736. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00456.x
19. Stern F., & Marrus M.R. The Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century. Foreign Affairs, 1986. № 64 (4). P. 883. // URL: https://doi.org/10.2307/20042734
20. Lafreniere Tamez H.D., Anastasio N., & Perliger A. Explaining the Rise of Antisemitism in the United States. Studies in Conflict & Terrorism, ahead-of-print(ahead-of-print), 2023. P. 1-22. // URL: https://doi.org/10.1080/1057610x.2023.2297317
21. Wright G., Volodarsky S., Hecht S., & Saxe L. Trends in Jewish Young Adult Experiences and Perceptions of Antisemitism in America from 2017 to 2019. Contemporary Jewry, 2021. № 41 (2). P. 461-481. // URL: https://doi.org/10.1007/s12397-021-09354-6
22. Turner B. United Nations (UN). 2009. P. 3-8. https://doi.org/10.1007/978-1-349-58632-5_1
23. Jochen Lingelbach, Before 1951, Outside Europe: The pre-history of the Refugee Convention, the IRO, and European refugees in Africa and Asia, Völkerrechtsblog, 06.04.2021 // URL: doi: 10.17176/20210406-194642-0.
24. Jochen Lingelbach, Before 1951, Outside Europe: The pre-history of the Refugee Convention, the IRO, and European refugees in Africa and Asia, Völkerrechtsblog, 06.04.2021 // URL: doi: 10.17176/20210406-194642-0.
25. EUAA, 'Box 4. The principle of non-refoulement' in Asylum Report 2024, June 2024.
26. UNHCR // URL: https://www.unhcr.org/media/oau-convention-governing-specific-aspects-refugee-problems-africa-adopted-assembly-heads
27. Coddington K. Landscapes of refugee protection. Transactions of the Institute of British Geographers, 2018. № 43 (3). P. 326-340. // URL: https://doi.org/10.1111/tran.12224
28. Byrne R., Noll G., & Vedsted-Hansen J. Understanding the crisis of refugee law: Legal scholarship and the EU asylum system. Leiden Journal of International Law, 2020. № 33 (4). P. 871-892. // URL: https://doi.org/10.1017/s0922156520000382
29. Vedsted-Hansen J. European governance of deterrence and containment. A legal perspective on novelties in European and Danish asylum policy. Journal of Ethnic and Migration Studies, 2025. № 51 (8). P. 1-18. // URL: https://doi.org/10.1080/1369183x.2024.2441599

30. Ozerim M.G. Stretching, Opening or Sealing the Borders: Turkish Foreign Policy Conceptions and their Impact on Migration, Asylum and Visa Policies. Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 2017. № 20 (2). P. 165-182. // URL: https://doi.org/10.1080/19448953.2018.1379751
31. Rousseau C. Addressing Mental Health Needs of Refugees. The Canadian Journal of Psychiatry. 2018. // URL: https://doi.org/10.1177/0706743717746664
32. Weiner M. Security, Stability, and International Migration. International Security, 1992. № 17 (3). P. 91-126. // URL: https://doi.org/10.2307/2539131
33. Mandel R. Perceived Security Threat and the Global Refugee Crisis. Armed Forces & Society, 1997. № 24 (1). P. 77-103. // URL: https://doi.org/10.1177/0095327X9702400104
34. Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics. International Organization, 1992. № 46 (2). P. 391-425. // URL: doi: 10.1017/S0020818300027764
35. Gorlick, Brian, Shifting Priorities, Attitudes and Institutional Change: Reflections on UNHCR at the Crossroads (June 1, 2001). REFUGE, 2001. Vol 19. № 5. // URL: https://ssrn.com/abstract=2745884 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2745884
36. Jordan J., & Moser S. Researching migrants in informal transit camps along the Balkan Route: Reflections on volunteer activism, access, and reciprocity. Area, 2020. № 52 (3). P. 566-574. // URL: https://doi.org/10.1111/area.12614
37. Carlson M., Linos K., & Jakli L. Rumors and Refugees: How Government-Created Information Vacuums Undermine Effective Crisis Management. International Studies Quarterly, 2018. № 62 (3). P. 671-685. // URL: https://doi.org/10.1093/isq/sqy018
38. Kourachanis N. From camps to social integration? Social housing interventions for asylum seekers in Greece. International Journal of Sociology and Social Policy, 2018. № 39 (3/4). P. 221-234. // URL: https://doi.org/10.1108/ijssp-08-2018-0130
39. Parmar Swati Singh, Understanding the Concept of Sovereignty (January 18, 2017). International Journal of Law. January 2017. Volume 3. Issue 1. P. 31-35. // URL: https://ssrn.com/abstract=3483335
40. Sebastian Schmidt, To Order the Minds of Scholars: The Discourse of the Peace of Westphalia in International Relations Literature, International Studies Quarterly, September 2011. Volume 55. Issue 3. P. 601-623. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00667.x
41. Nesi G. The Conflict in Ukraine and its Implications for International Refugee and Migration Law. The Italian Yearbook of International Law Online. 2023.
42. Almohawes M. International relations and its effect on enforcement of international law: the case studies of Ukraine and Syria. Access to Justice in Eastern Europe. 2025.
43. Krivenko E.Y. Hospitality and Sovereignty: What Can We Learn From the Canadian Private Sponsorship of Refugees Program? International Journal of Refugee Law, 2012. № 24. P. 579-602.
44. Chowdhury N.I. War in Ukraine and Observance of International Refugee Law throughout the Europe: A Critical Scrutiny. SSRN Electronic Journal. 2022.
45. Perga I. The International Implications of the Russo-Ukrainian War. In: Shinoda, H., Fedorchenko-Kutuyev, P. (eds) The Impacts of the Russo-Ukrainian War. SpringerBriefs in International Relations. Springer, Singapore. 2025. // URL: https://doi.org/10.1007/978-981-96-2295-5_3 s

Хакк Ш.А.
Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Эволюция внешней политики республики Индонезия в отношении Туркменистана (1992-2024 гг.)*

Аннотация. Работа посвящена исследованию эволюции внешней политики Республики Индонезия в отношении Туркменистана. Статья подробно рассматривает ключевые этапы истории двусторонних отношений, а также основные направления сотрудничества между двумя странами. Особое внимание уделяется официальным межгосударственным соглашениям.

В ходе исследования применяются методы анализа документов государственных органов Республики Индонезия и Туркменистана. Статистические данные демонстрируют тенденцию роста в экономическом сотрудничестве между рассматриваемыми странами. Исследование выдвигает тезис о том, что индонезийско-туркменские отношения можно разделить на три ключевых периода: период установления дипломатических отношений, период застоя и замораживания сотрудничества, а также период возрождения и расширения сотрудничества.

Отмечается, что политическое сотрудничество между Индонезией и Туркменистаном значительно опережает экономическое и гуманитарное сотрудничество. При этом взаимодействие рядовых граждан остаётся крайне ограниченным.

Ключевые слова: соглашения, дипломатия, торговля, туризм, спорт, образование, Центральная Азия.

Haqq S.A.
PhD student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg.

Evolution of foreign policy of the republic of Indonesia towards Turkmenistan (1992-2024)

Abstract. The work is dedicated to the study of the evolution of Indonesia's foreign policy towards Turkmenistan. The article examines in detail the key stages of the history of bilateral relations, as well as the main areas of cooperation between the two countries. Special attention is given to official intergovernmental agreements.

The research employs document analysis methods from the governmental bodies of Indonesia and Turkmenistan. Statistical data demonstrate a growing trend in economic

* © Хакк Ш.А., 2025.

cooperation between the two countries. The study posits that Indonesian-Turkmen relations can be divided into three key periods: the period of establishing diplomatic relations, the period of stagnation and freezing of cooperation, and the period of revival and expansion of cooperation.

It is noted that political cooperation between Indonesia and Turkmenistan significantly outpaces economic and humanitarian cooperation. Meanwhile, interactions between ordinary citizens remain extremely limited.

Key words: agreements, diplomacy, trade, tourism, sports, education, Central Asia.

Введение

На текущий момент в российской и международной литературе не имеется ни одного глубокого исследования на эту тему. Данная работа представляет собой первую попытку детального анализа эволюции внешней политики Республики Индонезия по отношению к Туркменистану, что и подчеркивает новизну этого исследования.

Индонезия в своей внешнеполитической практике стремится поддерживать дружественные отношения со всеми странами, и активно ищет возможности для взаимовыгодного сотрудничества. Это подход согласуется с Конституцией 1945 года, которая служит основой внешней политики Индонезии. В ней говорится, что внешняя политика должна быть направлена на обеспечение мира на глобальном уровне, поддержание национальной независимости и реализацию национальных интересов. Таким образом, это подчеркивает реалистичный подход, ориентированный на получение реальной выгоды для страны [3].

Отношения Индонезии и Туркменистана нельзя назвать застойными; они были скорее изменчивыми и динамичными. На протяжении всей своей истории их отношения можно разделить на три основных периода, каждый из этих этапов отражает изменения в политическом и экономическом контексте. Во-первых, это годы установления дипломатических отношений в 1990-х годах. Далее, перерыв и замораживание связей с начала 2000-х до 2010 года. Наконец, период возобновления и интенсификации сотрудничества в различных сферах с 2011 года по настоящее время.

В прошлом взаимодействие Индонезии и Туркменистана было довольно ограниченным. Это объяснялось не только значительным географическим расстоянием, но и отсутствием интереса с обеих сторон к установлению партнерских отношений, а также тем, что каждая из стран была сосредоточена на решении внутренних политических проблем.С приходом к власти президента Джоко Видодо в период с 2014 по 2024 год Индонезия начала серьезно трансформировать свою внешнюю политику, уменьшая акцент на АСЕАН и активизируя сотрудничество с нетрадиционными вне

региональными партнерами [1, с. 113].

Состав участников двусторонних отношений между Индонезией и Туркменистаном претерпел изменения. Ранее взаимодействие ограничивалось лишь главами государств и дипломатами Министерства иностранных дел. Однако в настоящее время, хотя число участников всё ещё остается относительно небольшим, рядовые граждане и различные учреждения также играют важную роль в укреплении и расширении связей между двумя странами.

С учетом того, что Центральная Азия, включая Туркменистан, приобретает статус одного из наиболее привлекательных новых стратегических партнеров для Индонезии, важно тщательно проанализировать историю взаимодействия этих стран — от момента установления дипломатических отношений до настоящего времени.

Материалы и методы исследования

В этой статье использованы методы качественного анализа и систематизации для изучения внешнеполитической стратегии Республики Индонезия в контексте ее отношений с Туркменистаном. Эмпирическая база исследования охватывает открытые источники, такие как официальные правительственные документы, статистические отчеты Центрального статистического агентства Индонезии, меморандумы о сотрудничестве, а также публикации МИД и Министерства экономики Индонезии. Также были проанализированы экспертные оценки и отчеты о визитах и мероприятиях. Метод контент-анализа применялся для обработки информации, касающейся продвижения индонезийских интересов в Туркменистане. Хронологический подход позволил выявить динамику и особенности взаимодействия между двумя странами в период с 1992 по 2024 год, что дает возможность интерпретировать официальные и публичные дискурсы в контексте международных отношений.

Результаты и обсуждения

28 декабря 1991 года Индонезия признала независимость Туркменистана, а почти годом позже, 10 декабря 1992 года, в Москве было подписано Совместное коммюнике, которое стало началом дипломатических отношений между двумя странами.

В 1993 году указом Президента Республики Индонезия дипломатические связи с Туркменистаном были переданы посольству Индонезии в Ташкенте. Позднее эти функции были переданы посольству в Москве. Начиная с 2004 года, поддержание отношений с Туркменистаном закреплено за посольством Индонезии в Тегеране.

Туркменистан на протяжении долгого времени активно исследует возможности открытия новых дипломатических представительств в различ-

ных странах Юго-Восточной Азии, включая Индонезию. Тем не менее, на данный момент все дипломатические отношения Туркменистана с этим регионом осуществляются лишь через посольство в Малайзии.

Между Индонезией и Туркменистаном состоялись два значимых визита глав государств. Первый — государственный визит президента Сапармурата Ниязова в Индонезию, который проходил с 1 по 3 июня 1994 года, и второй — ответный визит президента Индонезии Сухарто в Туркменистан с 10 по 12 апреля 1995 года.

Три из пяти соглашений, заключенных между правительствами Индонезии и Туркменистана, были подписаны во время визита президента Ниязова в Индонезию. Эти соглашения включают Соглашение о поощрении и защите инвестиций, Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, а также Соглашение о банковском обслуживании между Банком Индонезии и Центральным банком Туркменистана. Совместная декларация о принципах отношений и сотрудничества между Республикой Индонезия и Туркменистаном была подписана в 1995 году во время визита президента Индонезии в Туркменистан [4, с. 55].

Несмотря на подписанные 2 июня 1994 года в Джакарте экономические соглашения, реальных попыток экономического сотрудничества между правительствами двух стран не наблюдалось до 2011 года. В феврале 1993 года был подписан Меморандум о взаимопонимании между индонезийскими компаниями PT. Wijaya Karya и PT. Proma Comexindo и министром промышленности Туркменистана Халмаухамедом Оразсахатовым. Соглашения предусматривали строительство ряда заводов по производству железнодорожных шпал, бетонных свай и установок для генерации солнечной энергии. В качестве оплаты Туркменистан планировал расплачиваться хлопком и другими товарами. К сожалению, этот проект остался лишь на бумаге и не был реализован [4, с. 83].

Несмотря на культурную близость, поскольку большинство населения Индонезии и Туркменистана исповедует ислам, гуманитарное сотрудничество и межлюдные связи двух стран не достигли должного уровня. За пределами дипломатического корпуса рядовые граждане Индонезии и Туркменистана крайне редко пересекают границы друг друга. По данным посольства Индонезии в Тегеране, на октябрь 2011 года в Туркменистане находился всего лишь 21 гражданин Индонезии. Большинство из них работали как неформальные трудовые мигранты, а лишь трое трудились в нефтяных компаниях страны [5, с. 94].

В период установления дипломатических отношений между Индонезией и Туркменистаном, который начался в 1992 году и продолжался до начала Азиатского финансового кризиса в конце 1990-х годов, правительства обеих стран прилагали значительные усилия для создания надежной базы

для сотрудничества. Этот этап характеризовался ярким политическим взаимодействием, о чем свидетельствуют визиты лидеров стран и подписание ряда официальных соглашений. Тем не менее, в то время экономическое и социальное сотрудничество оставалось почти на нулевом уровне.

Азиатский финансовый кризис конца 1990-х годов вынудил Индонезию пересмотреть свою внешнюю политику. Экономический коллапс и высокая инфляция, сопровождающиеся внутриполитическими конфликтами и борьбой за власть после падения 32-летнего режима президента Сухарто, заставили страну сфокусироваться исключительно на внутренних вопросах, что привело к отказу от всех внешнеполитических инициатив. Этот второй период отношений между Индонезией и Туркменистаном, который длился с конца 1990-х и до 2010-х годов, ознаменовался резким разрывом с прежними формами сотрудничества.

После избрания Сусило Бамбанга Юдхойоно президентом в 2004 году и наступления внутриполитической стабильности в его 10-летний срок, Индонезия смогла воспользоваться возможностью для расширения внешнего сотрудничества со всеми своими партнерами, включая Туркменистан. Этот период создал фундамент для интенсификации взаимодействия между Индонезией и Туркменистаном во время президентства Джоко Видодо с 2014 по 2024 год.

С 2011 года двусторонние отношения между Индонезией и Туркменистаном значительно улучшились. Это подтверждается многочисленными визитами между государственными органами двух стран, встречами на международных форумах, а также расширением экономического сотрудничества и культурных связей между людьми.

На протяжении 10 лет президентства Джоко Видодо внешняя политика Индонезии была сосредоточена на Формуле 4+1, которая включала четыре ключевых направления: экономическая дипломатия, защита индонезийских граждан за границей, суверенная дипломатия, а также укрепление роли Индонезии в международном и региональном контекстах. В свою очередь, также акцентировалось внимание на усилении дипломатической инфраструктуры страны [2, с. 4].

Механизм двусторонних отношений между Индонезией и Туркменистаном реализуется через регулярные консультационные встречи, организуемые министерствами иностранных дел обеих стран. Первая из таких встреч состоялась сравнительно поздно — 11 августа 2023 года в виртуальном формате. В ходе обсуждений стороны оценили текущее состояние и перспективы сотрудничества в различных областях, после чего пришли к соглашению о продолжении диалога на более высоком уровне между заместителями министров иностранных дел.

4 ноября 2013 года заместитель министра иностранных дел Туркмени-

стана Вепа Хаджиев совершил официальный визит в Индонезию. В ходе встречи стороны обсудили значительный потенциал для сотрудничества между двумя странами в различных областях. Особое внимание было уделено вопросам безопасности, включая совместную борьбу с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Также была рассмотрена возможность обмена передовым опытом в решении пограничных вопросов [6].

В кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 25 сентября 2016 года состоялась встреча министров иностранных дел Индонезии и Туркменистана. В результате переговоров был подписан Меморандум о взаимопонимании, который стал основой для дальнейшего двустороннего сотрудничества и регулярных консультаций между странами [4, с. 71].

В экономической сфере Туркменистан представляет собой ключевого игрока для Индонезии в области энергетики и продовольственной безопасности. Обладая значительными запасами нефти, Туркменистан способен существенно способствовать энергетической независимости Индонезии. С целью расширения сотрудничества в данной области делегация министра энергетики и минеральных ресурсов Индонезии приняла участие в роуд-шоу по нефти и газу Туркменистана, которое проходило с 3 по 4 марта 2011 года в Сингапуре [5, с. 94].

Кроме того, индонезийская делегация, состоящая из высокопоставленных представителей Министерства экономики, Министерства энергетики и Национальной нефтегазовой компании Pertamina, приняла участие в 16-й конференции «Нефть и газ Туркменистана», которая прошла в ноябре 2011 года в Ашхабаде. Директор Pertamina выразил стремление компании более глубоко изучить возможности для инвестирования в нефтяной сектор Туркменистана [4, с. 89].

Несмотря на рост взаимной торговли в последние годы, объем импорта Индонезии из Туркменистана остается нулевым. Намерение Индонезии получить выгодные нефтегазовые продукты из Туркменистана пока еще не было реализовано. К числу основных индонезийских товаров, экспортируемых в Туркменистан, относятся резиновые изделия, цинк, пальмовое и животное масло, маргарин, мыло и чистящие средства. В свою очередь, большую часть импорта из Туркменистана составляют хлопок, железо и сера.

В феврале 2024 года Индонезия и Туркменистан провели переговоры о расширении взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества и реализации совместных бизнес-проектов. Во время онлайн-встречи стороны были представлены представителями Государственного концерна «Туркменхимия», Союза промышленников и предпринимателей Туркменистана, а также индонезийскими дипломатами, находящимися в Туркменистане [9].

Таблица 1. Ежегодный товарооборот между Индонезией и Туркменистаном.

Год	Экспорт Индонезии в Туркменистан	Импорт Индонезии из Туркменистана	Товарооборот (в милл. долл.)
2020	2.8	0.0	2.8
2021	1.5	0.0	1.5
2022	4.0	0.0	4.0
2023	4.1	0.0	4.1
2024	4.4	0.0	4.4

Источник: Министерство торговли Республики Индонезия [8].

С 8 по 9 декабря 2023 года индонезийская делегация приняла участие в Специальной конференции медицинских и санитарных учреждений, проходившей в Ашхабаде. Темой конференции стало «Сотрудничество стран-членов Движения неприсоединения по обеспечению готовности и устойчивости к возникающим угрозам в области общественного здравоохранения» [7, с. 101].

Индонезия и Туркменистан активно участвуют в международных туристических форумах, таких как Азиатско-Тихоокеанская туристическая ассоциация (PATA) и Всемирная туристская организация ООН. Посольство Индонезии в Тегеране играет важную роль в продвижении индонезийского туризма в Туркменистане, нацеливаясь на привлечение большего количества туристов из этой страны. В рамках этой программы проводятся показы индонезийских фильмов и демонстрация рекламных видеороликов в общественных местах Туркменистана.

Количество туристов из Туркменистана, путешествующих в Индонезию, значительно варьируется. После падения во время пандемии COVID-19 наблюдается ежегодный рост числа туркменских туристов. Тем не менее, по сравнению с другими странами Центральной Азии, этот показатель остаётся самым низким.

Таблица 2. Количество туристов из Туркменистана, посетивших Индонезию в разные годы.

2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
233	426	356	127	12	127	281	384

Источник: Центральное статистическое агентства Республики Индонезия [10].

В начале 2025 года, при новом президенте Сердаре Бердымохамедове, правительство Туркменистана предпринял значительные шаги по развитию туризма. Теперь граждане Индонезии могут посещать Туркменистан по электронной визе, в то время как раньше им требовалось официальное приглашение от Государственной миграционной службы Туркменистана [11].

По состоянию на октябрь 2011 года в Туркменистане проживало всего 21 гражданин Индонезии. Такое малое количество способствует тому, что межличностные контакты за пределами официальных дипломатических каналов и государственных учреждений остаются на крайне низком уровне [5, с. 94].

Наиболее перспективными областями сотрудничества в гуманитарной сфере являются спорт и образование. 14 марта 2017 года делегация Туркменистана посетила Индонезию с целью укрепления спортивных связей и предложила включить соревнования по традиционному туркменскому боевому искусству «гореш» в программу Азиатских игр 2018 года. В последние годы страны также активно исследуют возможности сотрудничества в области конного спорта [12].

Несмотря на отсутствие партнерских отношений между индонезийскими и туркменскими университетами, множество туркменских студентов получали образование в Индонезии благодаря различным стипендиям, предоставляемым правительством страны. Среди них особую популярность приобрели программы «Дармасисва» (Dharmasiswa) и «Партнёрство с развивающимися странами» (Kemitraan Negara Berkembang, KNB). Однако на сегодняшний день ни один индонезийский студент не обучался официально в Туркменистане.

Выводы

Индонезия придерживается внешнеполитического курса, направленного на установление дружественных отношений и взаимовыгодное сотрудничество. Отношения с Туркменистаном развивались в три основных периода: установление дипломатических связей в 1990-х, замораживание контактов в 2000-х и возобновление активного сотрудничества с 2011 года. С приходом к власти президента Джоко Видодо Индонезия сместила акцент в экономической дипломатии, что привело к увеличению числа участников двусторонних отношений и вовлечению рядовых граждан и учреждений в укрепление связей с Туркменистаном.

Индонезия и Туркменистан установили дипломатические отношения в 1992 году, однако реальное экономическое сотрудничество начало развиваться лишь с 2011 года. За этот период обе страны подписали несколько соглашений, но значительный прогресс в торговле и культурном

взаимодействии остается ограниченным. В последние годы отношения улучшились благодаря встречам на высоком уровне и совместным усилиям в области безопасности и энергетики, хотя объем взаимной торговли пока что не соответствует потенциалу. Туркменистан является стратегическим партнером для Индонезии в области энергетической безопасности, но практическая реализация совместных проектов требует дальнейшего развития.

В феврале 2024 года Индонезия и Туркменистан обсудили возможность расширения торгово-экономического сотрудничества и реализации совместных бизнес-проектов. Несмотря на недостаточное количество индонезийских граждан в Туркменистане, активное участие обеих стран в международных мероприятиях, таких как туристические форумы и медицинские конференции, способствует улучшению двусторонних связей. Переход на электронные визы для граждан Индонезии в Туркменистане также предоставляет новые возможности для туристов и потенциального экономического взаимодействия. В области образования и спорта имеются перспективные направления сотрудничества, несмотря на ограниченное число студентов и отсутствие партнерских отношений между университетами.

Библиографический список:

1. Куклин Н.С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. – М.: Издательство Аспект Пресс, 2023. 152 с.
2. Стратегические планы Министерства иностранных дел на 2020-2024 годы. Джакарта: МИД Республики Индонезия, 2020. 198 с.
3. Суть международных отношений и внешняя политика Индонезии [Электронный ресурс] // Секретарь Кабинета министров Республики Индонезия. // URL: https://setkab.go.id/esensi-hubungan-internasional-dan-kebijakan-politik-luar-negeri-indonesia/#:~:text=Dalam%20pelaksanaannya%2C%20Indonesia%20menjalankan%20politik,dasar%20hukum%20tertinggi%20negara%20Indonesia. (Дата обращения: 10.12.2025)
4. Независимое исследование: Индонезия и Центральная Азия: усилия по укреплению экономической дипломатии. Джакарта: Министерство иностранных дел Республики Индонезия, 2016. 173 с.
5. Индонезийская дипломатия 2011 года. Джакарта: Министерство иностранных дел Республики Индонезия, 2012. 264 с.
6. Индонезийско-туркментарские двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Индонезия. // URL: https://share.google/GaQJd30I2AdgkkDbf. (Дата обращения: 10.12.2025)
7. Отчет о деятельности Управления по социально-культурным вопросам и международным организациям развивающихся стран за 2023 год. Джакарта: Министерство иностранных дел Республики Индонезия, 2023. 55 с.
8. Торговый баланс с торговыми партнерами [Электронный ресурс] // Министерство торговли Республики Индонезия. // URL: https://satudata.kemendag.go.id/data-informasi/perdagangan-luar-negeri/neraca-perdagangan-dengan-mitra-dagang (Дата обращения: 10.12.2025)
9. Туркменистан и Индонезия развивают торговые отношения [Электронный ресурс] // Новости Арзува. // URL: https://arzuw.news/turkmenistan-i-indonezija-razvivajut-torgovye-otnoshenija (Дата обращения: 10.12.2025)
10. Количество иностранных туристических визитов по месяцам по национальностям (визиты), 2024 г. [Электронный ресурс] // Центральное статистическое агентство. // URL: https://www.bps.go.id/id/statistics-table/2/MTQ3MCMy/jumlah-kunjungan-wisatawan-mancanegara-per-bulan-menurut-kebangsaan.html (Дата обращения: 10.12.2025)
11. Туркменистан внедряет цифровые технологии и принимает новую электронную визу. [Электронный ре-

сурс] // Паспортный указатель. // URL: https://discover.passportindex.org/policy-and-regulations/turkmenistan-e-visa/ (Дата обращения: 10.12.2025)
12. В преддверии Туркменского Гореша семь туркменских делегатов встретились с INASGOC. [Электронный ресурс] // Общественная информация // URL: https://infopublik.id/kategori/sorot-sosial-budaya/428200/pendekatan-untuk-turkmen-goresh-tujuh-delegasi-turkmenistan-temui-inasgoc?show= (Дата обращения: 10.12.2025)
13. Сетиаван А., Суластри Е., Априанто Е., Маулана І. Экономическая дипломатия Индонезии в Цен тральной Азии. 1-е изд. Джокьякарта: Леутикаприо, 2020. 105 с.
14. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.

Reference

1. Kuklin N.S. Conceptual Foundations of Indonesia's Foreign Policy. – Moscow: Aspect Press Publishing House, 2023. 152 p.
2. Strategic Plans of the Ministry of Foreign Affairs for 2020-2024. Jakarta: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia, 2020. 198 p.
3. The Essence of International Relations and Indonesian Foreign Policy [Electronic Resource]. Cabinet Secretary of the Republic of Indonesia. // URL: https://setkab.go.id/esensi-hubungan-internasional-dan-kebijakan-politik-luar-negeri-indonesia/#:~:text=Dalam%20pelaksanaannya%2C%20Indonesia%20menjalankan%20politik,dasar%20hukum%20tertinggi%20negara%20Indonesia. (10.12.2025)
4. Independent Study: Indonesia and Central Asia: Efforts to Strengthen Economic Diplomacy. Jakarta: Minis try of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia, 2016. 173 p.
5. Indonesian Diplomacy 2011. Jakarta: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia, 2012. 264 p.
6. Indonesian-Turkmenistan Bilateral Relations [Electronic Resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia. // URL: https://share.google/GaQJd30I2AdgkkDbf. (10.12.2025)
7. 2023 Performance Report of the Directorate of Socio-Cultural Affairs and International Organizations of Developing Countries. Jakarta: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Indonesia, 2023. 55 p.
8. Trade Balance With Trading Partners [Electronic Resource]. Ministry of Trade of the Republic of Indonesia. // URL: https://satudata.kemendag.go.id/data-informasi/perdagangan-luar-negeri/neraca-perdagangan-dengan-mitra-dagang (10.12.2025)
9. Turkmenistan and Indonesia are developing trade relations [Electronic Resource]. Arzuw News. // URL: https://arzuw.news/turkmenistan-i-indonezija-razvivajut-torgovye-otnoshenija (10.12.2025)
10. Number of foreign tourist visits by month by nationality (visits), 2024 [Electronic resource]. Central Statistical Agency. // URL: https://www.bps.go.id/id/statistics-table/2/MTQ3MCMy/jumlah-kunjungan-wisatawan-mancanegara-per-bulan-menurut-kebangsaan.html (10.12.2025)
11. Turkmenistan Embraces Digital Transformation with New E-Visa [Electronic resource]. Passport Index. // URL: https://discover.passportindex.org/policy-and-regulations/turkmenistan-e-visa/ (10.12.2025)
12. Approaching Turkmen Goresh, Seven Turkmen Delegates Meet INASGOC [Electronic resource]. Info Publik. // URL: https://infopublik.id/kategori/sorot-sosial-budaya/428200/pendekatan-untuk-turkmen-goresh-tujuh-delegasi-turkmenistan-temui-inasgoc?show= (10.12.2025)
13. Setiawan A., Sulastri E., Aprianto E., Maulana I. Indonesia's Economic Diplomacy in Central Asia. 1st ed. Yogyakarta: Leuticaprio, 2020. 105 p.
14. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.

Осипов Е.А.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Советско-Ливийские отношения в 1969-1976 гг.: взгляд из Франции*

Аннотация. В статье на основе материалов из Архива МИД Франции представлен взгляд французских дипломатов на развитие советско-ливийских отношений в первые годы после прихода к власти в Ливии Муаммара Каддафи. На начальном этапе в Париже скептически оценивали перспективы сближения между Москвой и Триполи. Однако, начиная с 1974-1975 гг. на фоне сближения соседнего с Ливией Египта с США и отказа западных стран от продажи оружия Ливии произошла интенсификация советско-ливийских контактов.

В основе советско-ливийских отношений лежало сотрудничество в военной сфере, масштаб которого оценивался французами как весьма значительный. В экономической же сфере СССР не мог конкурировать за ливийский рынок с западными странами, изначально имевшими гораздо более сильные позиции в стране. В целом, советская политика на ливийском направлении оценивалась как осторожная и прагматичная. Не тратя значительных ресурсов, Москва умело пользовалась слабостями и ошибками западных стран и расширяла зону своего влияния там, где это было возможно.

Ключевые слова: СССР, Ливия, Франция, Каддафи, Холодная война, Африка, Арабский мир, Магриб.

Osipov E.A.
PhD in History, Institute of World History of RAS.

Soviet-Libyan relations in 1969-1976: a view from France

Abstract. This article, based on materials from the French Foreign Ministry Archives, presents French diplomats' views on the development of Soviet-Libyan relations in the first years after Muammar Gaddafi's rise to power in Libya. Initially, Paris was skeptical about the prospects for rapprochement between Moscow and Tripoli. However, beginning in 1974-1975, amidst Libya's neighboring Egypt's rapprochement with the United States and Western countries' refusal to sell arms to Libya, Soviet-Libyan

* © Осипов Е.А., 2025.

contacts intensified.

Soviet-Libyan relations were based on military cooperation, the scale of which was assessed by the French as quite significant. In the economic sphere, however, the USSR was unable to compete for the Libyan market with Western countries, which initially enjoyed a much stronger position in the country. Overall, Soviet policy toward Libya was assessed as cautious and pragmatic. Without spending significant resources, Moscow skillfully took advantage of the weaknesses and mistakes of Western countries and expanded its sphere of influence where possible.

Key words: USSR, Libya, France, Gaddafi, Cold War, Africa, Arab world, Maghreb.

Север Африки традиционно входит в сферу интересов Франции. Ливию обычно не относят во Франции к понятию «Магриб», однако она имеет самое протяженное побережье Средиземного моря среди всех африканских стран, что, учитывая значимость средиземноморья для Парижа, автоматически делает ливийское направление одним из главных во внешней политике Пятой республики.

В статье представлен взгляд французских дипломатов и экспертов на развитие советско-ливийских отношений в первой половине 1970-х гг. Текст основан на материалах архива МИД Франции, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Прежде всего, речь идет о справках, аналитических записках, которые готовились посольством Франции в Ливии. Хронологические рамки статьи объясняются тем, что с приходом к власти в Ливии в 1969 г. Муаммара Каддафи начался новый этап в развитии советско-ливийских отношений. Верхняя же граница (1976 г.) связана с тем, что в середине 1970-х гг. в связи с успешными действиями Советского Союза в Анголе [5, 7, 8], произошло заметное повышение авторитета Москвы в Африке и, соответственно, активизация советской политики на африканском континенте, что не осталось без внимания на Западе, в тои числе и во Франции. Летом 1976 г. МИД Франции разослал во французские посольства в африканских странах опросник по советской политике в Африке, на основе которого они должны были подготовить свои аналитические справки. Одна из самых объемных была подготовлена 18 августа 1976 г. посольством Франции в Ливии, она и стала главным источником для этой статьи [10].

Первые контакты между Москвой и Триполи установились вскоре после получения Ливией в декабре 1951 г. независимости. В январе 1956 г. в Триполи было открыто советское посольство. В период правления Идриса I влияние Советского Союза на Ливию оценивалось французами как «скромное» и «скрытное» [10, p. 1]. В основном оно осуществлялось через посольство Египта и через средства массовой информации.

В октябре 1958 г. между странами было подписано первое соглашение. Оно предполагало советскую помощь в сельскохозяйственной сфере и геологии, выделение средств на строительство заводов, подготовку кадров. В ноябре того же года Москва предложила Триполи соглашение о поставках оружия, но оно было отклонено ливийской стороной. На тот момент арабская страна получала достаточно военной помощи от западных стран. Сотрудничество в других сферах при этом продолжало развиваться. В Триполи открылся ливийско-советский клуб. Обсуждалось взаимодействие в области здравоохранения (строительство больниц в Ливии, подготовка медицинского персонала). В целом же, по оценкам французских экспертов, обе страны относились с подозрением друг к другу. Впоследствии, вплоть до ливийской революции 1969 г. уровень двусторонних контактов по-прежнему был незначительным. В частности, Москва оказалась не вовлечена в «нефтяной бум» [10, p. 2], который определял развитие арабской страны в те годы.

После прихода к власти в Ливии Муаммара Каддафи в 1969 г [1, 6]. в советско-ливийских отношениях наметилась позитивная тенденция. Каддафи несколько раз назвал Советский Союз «другом арабов» [10, p. 2]. В феврале-марте 1972 г. состоялся визит в СССР Абделя Салама Джеллуда, одного из ближайших соратников Каддафи, в ходе которого было подписано первое двустороннее соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.

Во Франции скептично оценивали реальные результаты советско-ливийского сближения в первые годы нахождения Каддафи у власти: «…Но эти кажущиеся хорошие начинания в конечном итоге мало способствуют значительному расширению советского влияния в Ливии. Обмен визитами и миссиями, особенно в областях сельскохозяйственного, промышленного или нефтяного сотрудничества, приводит лишь к небольшому эффекту» [10, p. 3].

Отметим при этом, что даже такое незначительное оживление контактов между Москвой и Триполи заметно повлияло по ливийскую политику Франции. В январе 1970 г. стало известно о покупке Ливией 110 французских военных самолетов «Мираж». Со стороны Франции решение о продаже самолетов арабской стране вскоре после поражения коалиции арабских стран в Шестидневной войне с Израилем, даже несмотря на то, что Ливия не была участницей конфликта, было очень смелым решением, последствия которого сказались на всей арабской политике Франции и даже на отношениях с США, традиционной рассматривавшими Израиль в качестве своего главного союзника на Ближнем Востоке.

При короле Идрисе I внешняя политика ливийского государства имела ярко выраженную англосаксонскую направленность. Для Франции, всегда

претендовавшей на особую роль в арабском мире и особенно в Средиземноморье, приход Каддафи к власти в Ливии открывал новые возможности. Президент Франции Жорж Помпиду при принятии решения о поставках оружия в Ливию исходил из нескольких факторов. Прежде всего, это было выгодно для французского военно-промышленного комплекса. Министр обороны Мишель Дебре отмечал, что военная промышленность, если она хочет быть конкурентноспособной и технологичной, обязана экспортировать свою продукцию [4, с. 215].

Естественно, знаковую роль сыграл и нефтяной вопрос. Франция зависела от поставок ближневосточной и североафриканской нефти: в 1970 г. из 100,1 млн тонн импортированной Францией нефти 44,1 тонн были куплены у стран Ближнего Востока, 44,5 млн тонн у государств Северной Африки и только 11,4 тонн из других регионов мира [11, p. 91]. Франция была заинтересована в расширении поставок ливийской нефти [2, 3].

Однако, помимо экономических соображений, был еще и геополитический фактор, связанный напрямую с Советским Союзом и его проникновением в Ливию и другие африканские и арабские страны. В Париже прекрасно понимали, что приход Каддафи к власти в Ливии и ослабление влияния Великобритании и США на молодую арабскую страну было выгодно не только Франции, но и СССР. Помпиду в феврале 1970 несколько раз обращал внимание на советский фактор. В интервью 2 февраля он сказал: «Никто не может отрицать тот факт, что Советская Россия проникает сегодня в Средиземноморье, что у нее есть там интересы, что она готова их защищать. Это новый элемент, которого не было раньше. Царская Россия пыталась играть роль в Средиземноморье, но у нее это не получилось. Сегодня же Россия присутствует в Средиземноморье, это правда» [12, p. 122]. А 10 февраля в интервью Нью-Йорк Таймс французский президент сказал: «Почему мы должны отказываться от предложений стран, которые не являются участниками конфликта? Чтобы уступить место другим?» [12, p. 127]. На прямой уточняющий вопрос журналиста, имеется ли виду конкуренция с СССР, Помпиду ответил, что в том числе речь идет о СССР [12, p. 128]. Вариант с покупкой Ливией советских военных самолетов в случае отказа Франции от продажи «миражей» выглядел очень реальным, и такая возможность активно обсуждалась тогда в западной прессе. Таким образом, несмотря на скептическое отношение французов к развитию советско-ливийских отношений в начале 1970-х гг., советский фактор стал одним из главных в решение о продаже французского оружия Триполи.

С 1974 г. сближение Москвы и Триполи приобрело более акцентированный характер. В мае 1974 г. Абдель Салам Джеллуд, ставший к тому времени премьер-министром Ливии, совершил еще один визит в СССР.

Он проходил на фоне заметного улучшения отношений между Египтом и США, что подталкивало Каддафи к сближению с Советским Союзом в качестве противовеса растущему влиянию Вашингтона в регионе. Несмотря на то, что по мнению французских экспертов визит не привел к прорыву в двустороннем сотрудничестве, именно тогда стороны предметно обсудили возможность закупки Москвой ливийской нефти (согласно французским источникам, речь шла о 10 млн тонн в течение пяти лет), а также отправке в Ливию советских военных экспертов для подготовки к поставкам и обслуживанию танков, военных самолетов и тяжелого вооружения, что уже говорило о принципиально ином уровне сотрудничества.

В мае 1975 г. состоялся визит А.Н. Косыгина в Триполи, а через две недели после него – поездка высокопоставленной ливийской делегации в Москву. Стороны обсудили сотрудничество в военной и промышленной сферах. Обсуждалось строительство заводов по производству сборных строительных конструкций, создание газовой промышленности, развитие сталелитейной индустрии, разработки в области геологии. Был также подписан Протокол между правительством СССР и правительством Ливийской Арабской Республики по вопросам сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях, предполагавший, что Москва создаст в Ливии Центр атомных исследований. Речь шла о строительстве исследовательского реактора мощностью 2 Мвт с перспективой его расширения до 10 Мвт, лаборатории для получения радиоактивных изотопов, ускорителя элементарных частиц. Советская сторона брала на себя обеспечение центра запчастями, топливом и специалистами. Планировалась и подготовка ливийских кадров на территории СССР. Впоследствии, в марте 1983 г., был подписан двусторонний протокол о расширении советско-ливийского сотрудничества в области атомной энергии, предполагавший создание в Ливии пилотной установки по производству до 120 тонн шестифтористого урана в год с последующим его обогащением в СССР. Отдельно в документе подчеркивалось, что все технологии, оборудование, материалы не будут использоваться для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств и будут находиться под контролем МАГАТЭ.

Особое внимание, как уже говорилось выше, во Франции уделяли советско-ливийским контактам в военной области. Началось оно в мае 1974 г. после уже упоминавшейся поездки премьер-министра Ливии и высоких представителей ливийской армии в СССР. Именно тогда ливийская сторона сформулировала свои конкретные пожелания в области вооружений, которые, по французским оценкам, «были почти полностью одобрены Кремлем» [10, p. 6]. В декабре 1974 г. и апреле 1975 г. две советских военных делегации побывали в Ливии. Почти сразу после этого глава народного комитета оборо-

ны Ливии генерал Абу Бакр Юнис Джабер прибыл в Москву для уточнения деталей будущих соглашений. Уже упоминавшийся выше визит А.Н. Косыгина в Ливию в 1975 г. был призван констатировать выход двусторонних отношений на новый уровень. По оценке французских дипломатов, этот визит «сам по себе был проявлением готовности СССР оказать Ливии помощь во всех областях, включая вооружение и оборону» [10, p. 7].

Поставки советского вооружения в Ливию начались в июле 1974 г., когда в арабскую страны прибыли советские танки. Незадолго до этого в Ливию приехали технические специалисты из СССР, ГДР и Польши [10, p. 7]. В сентябре 1974 г. были поставлены радары и средства ПВО, в мае 1975 г. – самолеты МИГ-23, в сентябре – бомбардировщики Ту-22, в октябре – оборудование для реконструкции военного порта в Тобруке.

К 1976 г. общий объем поставок советского оружия в Ливию имел уже внушительный масштаб: 2000 колесных или гусеничных бронемашин, 30 самолетов МИГ-23, 12 бомбардировщиков ТУ-22, тысячи тонн боеприпасов разных калибров, тяжелая и зенитная артиллерия, ракетные катера [10, p. 8].

Помимо поставок вооружений Москва осуществляла подготовку ливийских военных. В 1974-1975 гг. в СССР 20 ливийских пилотов проходили обучение на самолетах МИГ-23, еще 10 пилотов на самолетах Ту-22. А также около 900 ливийских офицеров и три бригады военных проходили подготовку в ракетных войсках [10, p. 7-8].

Обсуждался и вопрос появления в Ливии полноценной советской военной базы. Выгодное географическое положение, а также факт вывода советских военных с территории соседнего Египта превращали его в один из приоритетных для Советского Союза. В 1975 г. председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин находился с визитом в Триполи и, как докладывали французские дипломаты, одной из главных тем переговоров была как раз возможность создания в Ливии полноценной советской военной базы. Вывод по итогам визита был следующий: «На настоящий момент, ничто не говорит о каких-то уступках лидера Ливии в этом вопросе. В настоящее время в Ливии не существует ничего похожего на советскую военную базу. В Ливии нет советских баз — ни на бывших американских базах Уилус и Ватия (недалеко от границы с Тунисом), ни в Тобруке, ни на побережье Киренаики, где, как утверждается, российские специалисты проводят реконструкцию старой базы подводных лодок. Маловероятно, что полковник Каддафи, верный принципам нейтрализма и движения неприсоединения, уступит в этом вопросе СССР…» [10, p. 13].

Что касается экономической составляющей советско-ливийских отношений, то в мае 1974 г. в Москве за подписью первого заместителя Министра внешней торговли СССР И.Ф. Семичастнова и государственного

секретаря Министерства экономики и коммуникаций Ливии Ахмеда аль Атраша было заключено торговое соглашение. В нем прописывался режим наибольшего благоприятствования во взаимоотношениях [10, p. 5].

Ливийцы покупали у СССР, помимо различных видов оружия, машины, транспортные средства, сталь, а также оборудование для строительства заводов, расширения и модернизации дорожной сети, развития портов и аэродромов [10, p. 6]. В основном, сотрудничество касалось советского вклада в развитие или обустройство инфраструктуры в области транспорта и связи; участие в текущих геологических исследованиях для разведки минеральных ресурсов Ливии; расширение высоковольтной электросети. Советский Союз, как уже упоминалось выше, взял на себя обязательство по закупке ливийской нефти, что было вызвано не потребностями Москвы в сырье, а скорее необходимостью выравнивания двустороннего баланса для дальнейшего развития контактов. В цифровом выражении после прихода Каддафи к власти двусторонние отношения развивались позитивно. В 1973 г. по сравнению с 1970 г. общий объем товарооборота вырос с 17,5 млн. рублей до 44,5 млн [10, p. 5]. Однако, эти показатели роста обманчивы.

В действительности, несмотря на кратный рост двусторонней торговли, на момент 1974 г. импорт товаров из СССР и стран народной демократии составлял всего 6% от общего ливийского импорта, в то время как из стран Общего рынка (ЕЭС) – 56% [10, p. 14]. Что касается экспорта, то даже закупки Москвой ливийской нефти не могли сильно повлиять на ситуацию. В 1973 г. Советский Союз купил 1,3% ливийской нефти, а в 1974 г. и вовсе перестал это делать [10, p. 14]. Болгария и Румыния в 1974 г. закупили, соответственно, 0,2 и 0,3% от проданной Триполи нефти. Например, Италия закупила 33%, а ФРГ – 22%. Именно, конкуренция с западными странами, по мнению французских экспертов, была главным препятствием для дальнейшего развития советско-ливийских отношений [10, p. 15].

Италия сохраняла очень сильные позиции на ливийском рынке. За ней следовали ФРГ, Франция и Испания. Каддафи стремился дистанцироваться от англосаксонского мира, прежде всего от Великобритании. Это было связано с обострением британо-ливийских отношений после революционный событий 1969 г. и сложных переговоров о национализации активов «Бритиш Петролиум» в Ливии. В противовес влиянию Лондона Ливия при Каддафи стремилась к усилению связей с Италией, ФРГ и Францией [10, p. 15]. Сильным оставалось влияние США на ливийскую экономику, несмотря на серьезные политические разногласия между странами. Более 50% добычи нефти в Ливии по-прежнему осуществлялось американскими компаниями, 51% из которых были национализированы или получили контракты на участие [10, p. 17].

В Париже противоречиво оценивали развитие торговых отношений между Москвой и Триполи. С одной стороны, закупки ливийской нефти странами соцлагеря, несмотря на желание Каддафи выйти на рынок стран Восточной Европы, были явно недостаточными. Да и в целом, СССР в силу объективных причин не мог конкурировать с западными странами, имевшими намного более выгодные исходные позиции, за ливийский рынок. С другой стороны, СССР играл ключевую роль в оснащении ливийской армии современными видами вооружений, что, безусловно, было важнейшей составляющей двустороннего товарооборота.

Помимо экономических были еще политические и идеологические препятствия для развития советско-ливийских отношений. Доктрина Каддафи про «третий путь» сама по себе не соответствовала советскому варианту социализма. Ливийский лидер неоднократно публично осуждал и американский империализм, и советский материализм. Посол Франции в Ливии Жан-Пьер Кабуа писал по этому поводу: «Масштабы и ставки противостояния двух сверхдержав на Ближнем Востоке и в Африке затрагивают в достаточной мере и Каддафи, и других арабских лидеров. Они все убеждены, что являются объектом попыток как одной, так и другой стороны включить их в свой лагерь» [10, p. 14].

Не менее важную роль играл и религиозный фактор. Ислам как основополагающая и, по сути, экзистенциальная философия для Ливии и других арабских стран не способствовал сближению позиций с Москвой, о чем постоянно писали французские эксперты. Вернемся снова к французскому послу в Ливии, отмечавшему взаимное недоверие Москвы и Триполи: «Главное препятствие к развитию отношений или более прочному альянсу двух стран, угрожающее среди прочего стабильности всей Африки, это взаимное недоверие. Недоверие мусульманского идеалиста к могущественному защитнику, чья идеология еще более грозна; недоверие лидеров великой державы, реалистичных и опытных, к режиму и молодым лидерам, чья зрелость и стабильность кажутся им недостаточными, особенно учитывая, что их опыт в арабском мире слишком часто был разочаровывающим, чтобы надежно поддержать их» [10, p. 20-21].

Что касается исламского фактора, то в тот момент, в середине 1970-х гг., французские дипломаты не только в Ливии, но и в других странах (особенно в Алжире) постоянно обращали внимание на несовместимость советского марксизма с традиционным исламом и регулярно указывали это в качестве одного из главных препятствий для расширения сферы советского влияния в арабском мире. Между тем, в 1978-1979 гг., после Исламской революции в Иране, во Франции резко возрос интерес к изучению ислама и его влияния на страны Ближнего Востока. В сентябре 1978 г. Департамент Северной Африки и Леванта МИД Франции разослал циркуляр во фран-

цузские посольства в разные страны с заданием подготовить аналитические записки о роли ислама в них. В том числе аналитические справки были подготовлены и в посольстве Франции в СССР. Главная из них была подписана Жаком Дюпоном, временным поверенным в делах посольства Франции в СССР, 4 сентября 1979 г., и называлась «Влияет ли исламское возрождение на СССР» [9]. И на этот раз французские эксперты пришли уже к другим выводам. В справке отмечалось, что Москве удалось выстроить систему взаимоотношений между исламом и государством, при которой религия выступила даже стабилизирующим фактором для национальной политики СССР. Более того религиозные деятели Центральной Азии и Кавказа стали еще и проводниками советских интересов в исламском мире [9].

Если говорить про успехи Советского Союза на ливийском направлении, то, по мнению французской стороны, прежде всего они касались военной сферы и были связаны с умением Москвы пользоваться слабостью западной политики на африканском и арабском направлениях. Советско-ливийское военное сотрудничество началось в феврале 1974 г. после того, как западные Каддафи не смог договориться с западными странами о поставках оружия [10, p. 6].

Еще одной сильной стороной ливийской политики Советского Союза была деятельность советских информационных агентств, прежде всего ТАСС. Французы подчеркивали «ограниченный» характер воздействия советских СМИ на ливийское население. В основном они передавали «с мест» информацию для советских газет и радиостанций. Что же касается использования советских источников информации ливийскими СМИ, то это происходило редко. Тем не менее, после приостановки работы Агентства «Франс пресс» в Ливии, ТАСС осталось единственным иностранным агентством, имевшим в Ливии постоянную аккредитацию [10, p. 10].

В целом, советская политика на ливийском направлении оценивалась французскими экспертами как осторожная и прагматичная. В первые годы после прихода Муаммара Каддафи к власти в Ливии в советско-ливийских отношениях наметилась позитивная динамика, однако, каких-либо крупных соглашений подписано не было, Москва и Триполи по-прежнему были далеки от того, чтобы стать привилегированными партнерами друг для друга. В экономическом смысле СССР не мог конкурировать за ливийский рынок с западными странами, изначально имевшими гораздо более сильные позиции в Ливии. Заметная интенсификация советско-ливийского сотрудничества произошла в 1974-1975 гг. и касалась в основном военной сферы. Как и в целом на африканском направлении, в Ливии Москва, не тратя значительных ресурсов, умело пользовалась слабостями и ошибками западных стран и расширяла зону своего влияния там, где это было воз-

можно. Так, масштабное военное сотрудничество между СССР и Ливией началось в тот момент, когда западные страны отказали Каддафи в дальнейшей поддержке.

Библиографический список:

1. Егорин А.З. Ливийская революция. – М.: Наука, 1989. 264 с.
2. Зверева Т.В. Саркози vs. Каддафи // Международная жизнь. 2011. № 5. С. 79-94.
3. Зверева Т.В. Средиземноморский проект Парижа // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 56-66.
4. Осипов Е.А. Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969-1974 гг.). – М.: 2013. 254 с.
5. Осипов Е.А. Признание Францией Народной Республики Ангола в 1976 г. По материалам архива МИД Франции // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4. С. 47-53. – DOI: 10.25730/VSU.2070.24.057
6. Товмасян С.А. Ливия на пути независимости и социального прогресса. – М.: Наука, 1980. 205 с.
7. Хазанов А.М. Агостиньо Нето. – М.: 1985.
8. Шубин В.Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960-1990 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2013.
9. Archives du ministère des affaires étrangères de France. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973-1979. 379. Ambassade de France en URSS. Jacques Dupont. Le renouveau islamique affecte-t-il l'URSS ? № 297/EU. 4 Septembre 1979.
10. Archives du ministère des affaires étrangères de France. Europe. 1976-1980. URSS. 4805. Ambassade de France en Libye. L'U.R.S.S. et l'Afrique. № 489/DAM. 18 Août 1976.
11. Balta P., Rulleau Cl. La politique arabe de la France de De Gaulle à Pompidou. Paris, 1973. 219 p.
12. Pompidou G. Entretiens et Discours. – P., 1975.
13. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

Reference

1. Egorin A.Z. The Libyan Revolution. Moscow: Nauka, 1989. 264 p.
2. Zvereva T.V. Sarkozy vs. Gaddafi. International Affairs. 2011, No. 5, pp. 79–94.
3. Zvereva T.V. Paris's Mediterranean Project. World Economy and International Relations. 2014. № 8. P. 56-66.
4. Osipov E.A. France's Foreign Policy During the Presidency of Georges Pompidou (1969–1974). Moscow: 2013. 254 p.
5. Osipov E.A. France's Recognition of the People's Republic of Angola in 1976. Based on Materials from the Archives of the French Ministry of Foreign Affairs. Bulletin of Humanitarian Education. 2024. № 4. P. 47-53. – DOI: 10.25730/VSU.2070.24.057
6. Tovmasyan S.A. Libya on the Path to Independence and Social Progress. – Moscow: Nauka, 1980. 205 p.
7. Khazanov A.M. Agostinho Neto. – Moscow: 1985.
8. Shubin V.G. Hot "Cold War": South Africa (1960-1990). – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2013.
9. Archives du ministère des affaires étrangères de France. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973-1979. 379. Ambassade de France en URSS. Jacques Dupont. Le renouveau islamique affecte-t-il l'URSS ? № 297/EU. 4 Septembre 1979.
10. Archives du ministère des affaires étrangères de France. Europe. 1976-1980. URSS. 4805. Ambassade de France en Libye. L'U.R.S.S. et l'Afrique. № 489/DAM. 18 Août 1976.
11. Balta P., Rulleau Cl. La politique arabe de la France de De Gaulle à Pompidou. Paris, 1973. 219 p.
12. Pompidou G. Entretiens et Discours. – P., 1975.
13. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Мелик-Багдасаров А.С.

Аспирант факультета гуманитарных и социальных наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Обострение территориального спора Венесуэлы и Гайаны по Эссекибо*

Аннотация. В работе рассматривается обострение во взаимоотношениях Боливарианской Республики Венесуэлы и Кооперативной Республики Гайаны в связи с освоением Гайаной спорных территорий и прилегающего к ним морского шельфа. Отдельное внимание уделено анализу, проведенному в 2023 г. в Венесуэле общенародного референдума, вызвавшего международный резонанс. Проанализирован его смысл и значение в контексте проводимой внешней политики родины Боливара.

Ключевые слова: Венесуэла, Гайана, территориальный спор, Эссекибо, Стабрук, Женевское соглашение, референдум, Боливарианская Республика, Кооперативная Республика.

Melik-Bagdasarov A.S.

Graduate student of the Faculty of Humanities and Social Sciences at the Peoples' Friendship University of Russia.

Exacerbation of the territorial dispute between Venezuela and Guyana over Essequibo

Abstract. The study examines the aggravation in the relations between the Bolivarian Republic of Venezuela and the Cooperative Republic of Guyana in connection with Guyana's explotation of disputed territories and the adjacent offshore shelf. Special attention is paid to the analysis of the national referendum held in Venezuela in 2023, which caused an international outcry. The article examines its meaning and significance in the context of the foreign policy pursued by the homeland of Bolívar.

Key words: Venezuela, Guyana, territorial dispute, Essequibo, Stabroek, Geneva Agreement, referendum, Bolivarian Republic, Cooperative Republic.

Проблема территориальных споров одна из самых острых и актуальных в современных международных отношениях, в частности, как и бóльшая

* © Мелик-Багдасаров А.С., 2025.

их часть, конфликт Венесуэлы и Гайаны по территории реки Эссекибо является результатом процесса деколонизации, в конкретном случае, безответственно проведенного Великобританией.

До недавнего времени вопрос принадлежности Гуаяны-Эссекибы нельзя было отнести к категории актуальных для мировой общественности. Несмотря на приоритетность вопроса для венесуэльской стороны, данный спор скорее носил характер полузамороженного конфликта.

Всеобщий резонанс вызвал организованный в Венесуэле в 2023 году общенародный референдум по признанию Эссекибо частью страны[1]. Важно отметить, что главной целью проведенного референдума было получение своеобразного «мандата от народа» по территориальной претензии к Гайане. Для точной оценки сути референдума стоит рассмотреть его подробнее.

На голосовании гражданам Боливарианской Республики выдавался бюллетень, содержащий 5 вопросов[2]:

1. Согласны ли вы всеми средствами в соответствии с законом оспорить решение, обманным путём навязанное Парижским арбитражным судом в 1899 году, которое направлено на то, чтобы лишить нас нашей Гуаяны-Эссекибы?

Данный вопрос стоит рассматривать, как окончательный, общенациональный отказ от принятия решения парижского суда 1899 года, установившего территориальное разграничение между Венесуэлой и, тогда еще колонией Соединенного Королевства, Британской Гвианой. А также приверженность Венесуэлы разрешить конфликт дипломатическим путем в соответствии с международным правом.

2. Поддерживаете ли вы Женевское соглашение 1966 года, как единственный действительный юридический инструмент для достижения практического и удовлетворительного решения для Венесуэлы и Гайаны спора по территории Гуаяны-Эссекибы?

Второй вопрос отражает признание Женевского соглашения 1966 года о процессе и способах урегулирования территориального спора по Эссекибо между Венесуэлой и обретшей независимость Гайаной, как единственную основу дальнейшего взаимодействия и ведения переговоров по спорной территории.

3. Согласны ли вы с исторической позицией Венесуэлы, которая не признает юрисдикцию Международного суда ООН по разрешению территори-

1 Официальная Веб-страница Национальной Ассамблеи Венесуэлы. // URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/an-convoca-a-referendum-consultivo-para-que-el-pueblo-refuerce-defensa-del-esequibo (Дата обращения: 01.05.2024).

2 Официальная Веб-страница Министерства иностранных дел Венесуэлы. // URL: https://mppre.gob.ve/2023/10/23/presidente-saluda-aprobacion-preguntas-referendum-territorio-esequibo/ (Дата обращения: 01.05.2024).

ального спора по поводу принадлежности Гуаяны-Эссекибы?

Третий вопрос призван утвердить направленность Венесуэлы, учитывая ее негативный опыт с международным арбитражем, решить территориальный спор исключительно на двусторонней основе.

4. Согласны ли вы всеми законными способами противостоять требованию Гайаны об одностороннем незаконном распоряжении спорной морской территорией в нарушение международного права до её делимитации?

В четвертом пункте Венесуэла ставит вопрос не только о сухопутной территории Эссекибо, но и о немаловажном, богатом на природные ресурсы, прилегающем морском шельфе. Здесь кроется основная причина обострения конфликта по Эссекибо, которая далее будет рассмотрена отдельно.

5. Согласны ли вы с созданием штата Гуаяна-Эссекиба и разработкой ускоренного плана комплексного покровительства над нынешним и будущим населением этой территории, который включает, среди прочего, предоставление гражданства и паспорта в соответствии с Женевским соглашением и международным правом, и приведёт к включению указанного штата в состав территории Венесуэлы?

Пятый пункт призван получить упомянутый ранее «мандат от народа» на создание нового территориального субъекта для дальнейшей его интеграции в состав Венесуэлы.

В референдуме приняло участие более 10,5 млн. человек, среди которых «за» по каждому из упомянутых вопросов проголосовали 95,93%[3]. Таким образом Венесуэлой был получен «народный мандат» на конкретный путь включения в свой состав территории Эссекибо.

При подробном рассмотрении вопроса, затронутого в пункте 4, стоит отметить, что главной причиной обострения конфликта можно считать начавшуюся в 2019 году разработку морского шельфа на блоке Стабрук[4], прилегающего к спорной территории. Исследования морского дня начались еще в 2015 году, именно с того момента ситуация начала нагнетаться, но из-за тяжелой внутриполитической обстановки Венесуэла не смогла предпринять никаких действий для урегулирования спора по принадлежности Гуаяны-Эссекибы, хотя Президент Венесуэлы Николас Мадуро неоднократно призывал компании, ведущие работы по геологоразведке на

3 Официальная Веб-страница Национальной Ассамблеи Венесуэлы. // URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/cne-anuncia-abrumadora-victoria-del-si-con-participacion-superior-a-10-millones#:~:text=Amoroso%20inform%C3%B3%20que%20el%20S%C3%AD,-Guayana%20Esequiba%2C%20con%2095.93%20%25. (Дата обращения: 01.05.2024).

4 OE / Guyana dice que se realizó otro 'descubrimiento significativo' en el bloque Stabroek. // URL: https://es.oedigital.com/news/guyana-dice-que-realiz%C3%B3-otro-descubrimiento-bloque-295738 (Дата обращения: 01.05.2024).

нефтяном блоке Стаброек, учитывать право Боливаринской Республики на морской шельф.

К 2023 году политико-экономическая ситуация в Венесуэле значительно укрепилась, позволив сфокусироваться на проблеме территориального спора и права использования природных ресурсов Эссекибо. Вероятным триггером к действиям для Венесуэлы послужило заявление Президента Гайаны Ирфаана Али о планах по увеличению добычи нефти на морском шельфе до 1,2 млн. баррелей в сутки к 2027 г.[5].

Основная проблема для Венесуэлы заключается в примененных к ней незаконных односторонних ограничительных мерах со стороны коллективного запада. Нефтяной блок Стабрук располагает значительными запасами нефти, сопоставимыми с запасами самой Венесуэлы, и в случае, если Боливарианская Республика не будет препятствовать добыче нефти на нефтяном блоке, входящим в состав спорной территории, то рискует остаться под санкциями на неопределенно продолжительное время, наносящими серьезный ущерб экономике страны, который с 2015 г. составил порядка 642 млрд. долларов[6].

Важным аспектом политики проводимой Родиной Боливара относительно спора по территории Эссекибо является приверженность дипломатическому пути урегулирования и отказу от применения силы или угрозы ее применения. Подтверждением тому служит подписанная декларация Президентами Венесуэлы и Гайаны от 14 декабря 2023 г.[7], в которой стороны согласились, что «не будут прямо или косвенно угрожать или применять силу друг против друга ни при каких обстоятельствах, включая те, которые возникают в результате любого спора между двумя государствами».

Обострение территориального спора Венесуэлы и Гайаны по Эссекибо является закономерным следствием проводимой Гайаной при поддержке коллективного запада политики игнорирования интересов Венесуэлы, что

5 SWI/ La producción de petróleo de Guyana alcanzará los 1,2 millones de barriles por día en 2027. // URL: https://www.swissinfo.ch/spa/la-producci%C3%B3n-de-petr%C3%B3leo-de-guyana-alcanzar%C3%A1-los-1-2-millones-de-barriles-por-d%C3%ADa-en-2027/48663920 (Дата обращения: 01.05.2024).

6 Neftegaz.ru – «В Венесуэле арестовали министров нефти и газа по подозрению в отмывании денег» // URL: https://neftegaz.ru/news/finance/829487-v-venesuele-arestovali-ministrov-nefti-i-gaza-po-podozreniyu-v-otmyvanii-deneg/#:~:text=%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%80%D0%B1%20%D0%B2,%D0%A1%D0%A8%D0%90. (Дата обращения: 10 мая 2024)

7 Официальная Веб-страница Министерства иностранных дел Венесуэлы. // URL: https://mppre.gob.ve/2023/12/14/declaracion-conjunta-dialogo-guyana-venezuela/#:~:text=Guyana%20y%20Venezuela%20declararon%20lo,controversia%20existente%20entre%20ambos%20Estados (Дата обращения: : 01.05.2024).

в свою очередь может привести к еще бóльшей эскалации в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна.

Библиографический список:

1. Neftegaz.ru – «В Венесуэле арестовали министров нефти и газа по подозрению в отмывании денег» // URL: https://neftegaz.ru/news/finance/829487-v-venesuele-arestovali-ministrov-nefti-i-gaza-po-podozreniyu-v-otmyvanii-deneg/#:~:text=%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%80%D0%B1%20%D0%B2,%D0%A1%D0%A8%D0%90. (Дата обращения: 10 мая 2025)
2. OE / Guyana dice que se realizó otro 'descubrimiento significativo' en el bloque Stabroek. // URL: https://es.oedigital.com/news/guyana-dice-que-realiz%C3%B3-otro-descubrimiento-bloque-295738 (Дата обращения: 01.05.2024).
3. SWI/ La producción de petróleo de Guyana alcanzará los 1,2 millones de barriles por día en 2027. // URL: https://www.swissinfo.ch/spa/la-producci%C3%B3n-de-petr%C3%B3leo-de-guyana-alcanzar%C3%A1-los-1-2-millones-de-barriles-por-d%C3%ADa-en-2027/48663920 (Дата обращения: 01.05.2025).
4. Официальная Веб-страница Министерства иностранных дел Венесуэлы. // URL: https://mppre.gob.ve/2023/10/23/presidente-saluda-aprobacion-preguntas-referendum-territorio-esequibo/ (Дата обращения: 01.05.2025).
5. Официальная Веб-страница Министерства иностранных дел Венесуэлы. // URL: https://mppre.gob.ve/2023/12/14/declaracion-conjunta-dialogo-guyana-venezuela/#:~:text=Guyana%20y%20Venezuela%20declararon%20lo,controversia%20existente%20entre%20ambos%20Estados (Дата обращения: 01.05.2025).
6. Официальная Веб-страница Национальной Ассамблеи Венесуэлы. // URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/an-convoca-a-referendum-consultivo-para-que-el-pueblo-refuerce-defensa-del-esequibo (Дата обращения: 01.05.2025).
7. Официальная Веб-страница Национальной Ассамблеи Венесуэлы. // URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/cne-anuncia-abrumadora-victoria-del-si-con-participacion-superior-a-10-millones#:~:text=Amoroso%20inform%C3%B3%20que%20el%20S%C3%AD,Guayana%20Esequiba%2C%20con%2095.93%20%25 (Дата обращения: 01.05.2025).
8. Аджиева З.И., Чомаева З.М., Батдыева А.М. Административно - правовые механизмы информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации и субъектах РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 50-61.

Reference

1. Neftegaz.ru – "In Venezuela, oil and gas ministers were arrested on suspicion of money laundering" // URL: https://neftegaz.ru/news/finance/829487-v-venesuele-arestovali-ministrov-nefti-i-gaza-po-podozreniyu-v-otmyvanii-deneg/#:~:text=%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%80%D0%B1%20%D0%B2,%D0%A1%D0%A8%D0%90. (May 10, 2025)
2. OE / Guyana dice que se realizó otro 'descubrimiento significativo' en el bloque Stabroek. // URL: https://es.oedigital.com/news/guyana-dice-que-realiz%C3%B3-otro-descubrimiento-bloque-295738 (05.01.2024).
3. SWI/ La producción de petróleo de Guyana alcanzará los 1.2 millones de barriles por día en 2027. // URL: https://www.swissinfo.ch/spa/la-producci%C3%B3n-de-petr%C3%B3leo-de-guyana-alcanzar%C3%A1-los-1-2-millones-de-barriles-por-d%C3%ADa-en-2027/48663920 (05.01.2025).
4. Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of Venezuela. // URL: https://mppre.gob.ve/2023/10/23/presidente-saluda-aprobacion-preguntas-referendum-territorio-esequibo/ (01.05.2025).
5. Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of Venezuela. // URL: https://mppre.gob.ve/2023/12/14/declaracion-conjunta-dialogo-guyana-venezuela/#:~:text=Guyana%20y%20Venezuela%20declararon%20lo,controversia%20existente%20entre%20ambos%20Estados (Accessed: 01.05.2025).
6. Official Website of the National Assembly of Venezuela. // URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/an-convoca-a-referendum-consultivo-para-que-el-pueblo-refuerce-defensa-del-esequibo (01.05.2025).
7. Official Website of the National Assembly of Venezuela. // URL: https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/cne-anuncia-abrumadora-victoria-del-si-con-participacion-superior-a-10-millones#:~:text=Amoroso%20inform%C3%B3%20que%20el%20S%C3%AD,Guayana%20Esequiba%2C%20con%2095.93%20%25 (01.05.2025).
8. Adzhieva Z.I., Chomaeva Z.M., Batdyeva A.M. Administrative and legal mechanisms of information security for minors in the Russian Federation and its subjects // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 50-61.

Коломыц О.Г.
Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Коломыц Д.М.
Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галеева М.А.
Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Война как закономерность развития капитализма: Россия в межимпериалистическом соперничестве XIX-XX веков*

Аннотация. В исторической и публицистической литературе часто встречается мнение, что в 1914 году никто не хотел войны, но по причинам безответственного поведения политиков, она началась. И остановить её оказалось уже невозможно. Это мнение ошибочно. Европейские элиты того времени, за исключением российской, стремились к войне. Она стала итогом столетнего пути, пройденного Европой со времени Венского конгресса. Дальнейшее развитие европейского империализма показало, что войны стали неотъемлемой частью существования мирового капитализма вплоть до XXI века. Россия оставалась единственной страной, стремящейся к миру, и предотвращению войн. Со времён Венского конгресса это стремление России было постоянным и открытым.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, Российская империя, Россия, СССР, Венский конгресс, Крымская война, колониальные войны, империализм, капитализм.

Kolomyts O.G.
Institute of International Relations, History and Orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Kolomyts D.M.
Institute of International Relations, History and Orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

* © Коломыц О.Г., Коломыц Д.М., Галеева М.А., 2025.

Galeeva M.A.
Institute of International Relations, History and Orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

War as a pattern of capitalist development: Russia in inter-imperialist rivalry (19th-20th centuries)

Abstract. In historical and publicist literature it is often found that in 1914 no one wanted war, but for reasons of irresponsible behavior of politicians, the was is started. And it was already impossible to stop her. This opinion is erroneous. The European elites of that time, with the exception of the Russian one, were eager for war. It was the result of a century-long journey taken by Europe since the Congress of Vienna.
Key words: World War I, World War II, Russian Empire, Russia, USSR, Congress of Vienna, Crimean War, colonial Wars, imperialism, capitalism.

В исторической и публицистической литературе часто встречается мнение, что в 1914 году никто не хотел войны, но по причинам безответственного поведения политиков, она началась. И остановить её оказалось уже невозможно. Это мнение ошибочно. Европейские элиты того времени, за исключением российской, стремились к войне. Она стала итогом столетнего пути, пройденного Европой со времени Венского конгресса.

Как известно, на Венском конгрессе был создан «Священный союз» - союз европейских монархий, призванный предотвращать войны между европейскими государствами. Священный союз определяется в исторической литературе как реакционное объединение европейских монархий с целью предотвращения революций [1]. Как было сказано в учебнике истории для ВУЗов «для борьбы с прогрессивными идеями и ради удушения народных восстаний» [5, С. 488]. Такой подход распространён в литературе марксистской и либерально-демократической направленности. Марксисты видят события в Европе начала XIX века как борьбу прогрессивного капитализма и регрессивного уходящего феодализма. Поэтому Россия, как олицетворение феодальных порядков ничего, кроме реакционной борьбы с прогрессивным революционным капитализмом, предложить Европе не могла. С либерально-демократической точки зрения Россия также мешала общественному прогрессу, но уже как архаическая монархия, мешавшая утверждению демократических порядков. В статье И.З. Фархутдинова, посвящённой, в том числе и Священному союзу, собраны прогрессистские тезисы о роли наполеоновских войн, согласно которым «новая Франция

не только завоёвывала другие страны, но и стремилась любыми способами экспортировать по своей сути прогрессивные ценности за пределы страны. Последнее способствовало разрушению феодально-монархических порядков на континенте» [12]. С точки зрения линейных прогрессистов «Великая Французская революция нанесла серьёзный удар по европейской династийной системе. А наполеоновские войны вконец расшатали её» [12]. Кроме того считается, что ещё и «Гражданский кодекс, который император французов принёс в Европу на штыках, оказал огромное влияние на разработку и кодификацию гражданского права, развитие политико-правовых систем всего континента» [12].

В отечественной марксистской литературе мнение о реакционности «Священного союза» дополнило распространяемое в Европе в XIX веке мнение о России как «жандарме Европы». Мнение европейцев о России как надсмотрщике возникло ещё в ходе Венского конгресса на основе недовольства европейских правителей усилением влияния России в Европе [9]. Как написал по поводу «Священного союза» западнически настроенный историк Ключевский, «ход важнейших событий поставил» Александра I «в упорную борьбу с последствиями французской революции, волей или неволей сделал его представителем консерватизма в международных отношениях, восстановителем и охранителем законного порядка, основанного на предании старины» [6, С. 377].

Если же взглянуть на наполеоновские войны из России, то, прежде всего, мы видим какой стороной обернулся для неё «прогрессивный капитализм». Россия оказалась перед лицом 720- тысячной армии вторжения (430 тыс. сначала, а остальные переходили границу позже в качестве подкреплений) так называемой Великой армии под руководством Наполеона. И прежде общение с Европой заканчивалось для России войнами, но внутриевропейские войны – дело привычное. Наполеоновское вторжение было иным. Это было объединение всей Европы против России. Это было главной причиной, по которой император Александр I стремился к созданию союза европейских государств. Поэтому Священный союз был создан с целью предотвращения войн в Европе, благодаря чему удалось избежать крупных военных столкновений в течение 40 лет – до Крымской войны (1853–1855 годы). А то, что он стал союзом монархий следовало из того простого факта, что республик в Европе того времени и не было.

Более того, вопреки распространённому утверждению о России как жандарме, надо заметить, что одним из самых либеральных правителей Европы был российский император. Неприязнь к российскому императору вызывало его ясное видение своей цели и средств её достижения – добиться союза европейских государств, опираясь на русскую армию. В этой связи Меттерних и Талейран видели в Александре I «второго Наполеона»,

а министр иностранных дел Великобритании лорд Каслри сказал, что «разум императора не вполне здоров» [11, С. 4]. Недовольство русским царём было таким, что правители Франции, Великобритании и Австрии заключили военный союз, намереваясь начать с Россией (и Пруссией заодно) войну. Но стоило только Наполеону вернуться в Париж, их тайный сговор против России стал известен императору Александру I, а заговорщики от него отказались, испугавшись остаться с Наполеоном без российской поддержки. Фархутдинов приводит слова Генри Киссинджера о событиях 1814 года: «Царь Александр закончил войну с Наполеоном, войдя в Париж во главе русской армии, и в честь победы был устроен беспрецедентный парад: 160 000 русских солдат прошли в строю на равнине вблизи французской столицы - более наглядной демонстрации силы, вселившей беспокойство даже в союзников, сложно и представить» [12]. Киссинджер, верный себе, перенёс идеологический посыл политики Запада XX-XXI века о сдерживании России на начало XIX века.

Вопреки расхожему мнению Император Александр предлагал утвердить либеральные режимы в немецких государствах. Предложил даже сделать Францию республикой. Польша, после присоединения к Российской империи, получила конституцию [11, С. 6]. Александр I смог противодействовать предложению Меттерниха о защите Турецкой империи. Но противодействие российской политике было очень серьёзным. Никто не хотел видеть Россию ещё более сильной, чем до наполеоновских войн. Великобритания начала антирусскую пропаганду в Европе ещё во время Венского конгресса, стремясь не допустить присоединения герцогства Варшавского к Российской империи.

Не удалось российскому императору создать коалицию по защите христиан в Турции, имея в виду, прежде всего, греков. Не вмешивался он в борьбу Австрии и Франции в Италии.

Так что увидеть в России «жандарма Европы» можно только проявив полную пристрастность к политике России, обвиняя её во всех европейских событиях вплоть до 1853 года.

Но наполеоновские войны оказались только началом новых войн. Считается, что после них весь последующий XIX век был временем относительно мирного развития европейского капитализма. В 1823 году стотысячная французская армия вторглась в Испанию и разгромила войска противников испанского абсолютизма. Отданная по итогам Венского конгресса Голландии, Бельгия начала освободительную борьбу против голландцев в 1831 году и с помощью французской армии, вошедшей в Бельгию, добилась независимости от Голландии.

В Испании во время первой карлистской войны (1833–1839 гг.) сторонники испанской монархии Великобритания, Франция, Испания и

Португалия 22 апреля 1834 г. заключили Четверной союз, поддержавший малолетнюю королеву Изабеллу, а Австрия, Пруссия и Россия, напротив, поддерживали карлистов. В 1835 г. Франция отправила в Испанию часть своего Иностранного легиона на помощь Марии Кристине, регенте королевы, но, как считается, в военном отношении эта помощь не сыграла большой роли [3].

Однако Дон Карлос, брат короля Фердинанда VII, глава карлистов, объявивший себя Карлом V, после поражения бежал к своему противнику – во Францию. Продолжением гражданской войны стал военный переворот 1843-1844 годы и подавление восстаний. Во второй карлистской войне (1872–1876 гг.) Франция поддержала Карлоса младшего, провозгласившего себя Карлом VII. При этом дону Карлосу удалось убедить консервативные европейские правительства в необходимости войны против либеральной Испании [4 Испания во второй половине XIX века]. Причём баски и каталонцы непременно участвовали в восстаниях на стороне противников центральной власти. Испания вела и колониальную войну в Марокко (1859–1860). Бесславно закончилась англо-франко-испанская интервенция в Мексику 1861 - 1867 годах, и первая тихоокеанская война Испании против (1864 - 1871 г.г.) против Чили, Перу, Эквадора и Боливии.

В 1848-1850 годах произошла датско-прусская война, в которой Россия не позволила Пруссии одержать решающую победу над противником.

Итоги Венского конгресса были перечёркнуты результатами Крымской войны (1853-1855 годов). Война эта была неудачной для всех основных участников – России, Франции и Великобритании. Великобритания почти ничего не выиграла, кроме передачи Курил от России Японии, понесла огромные потери и не приобрела никакой военной славы. Во Франции, кроме удовлетворения Наполеоном III своего тщеславия взятием половины Севастополя и признанием за собой общей победы, никакого выигрыша тоже не увидели. Россия утеряла место первой державы Европы и показала свою техническую отсталость. Но главным итогом Крымской войны стала возможность европейских государств безнаказанно развязывать войны. Уже в 1859 году произошла австро-итало-французская война, закончившаяся поражением Австро-Венгрии. Первым шагом Пруссии на пути к империи стала победа в Австро-датско-прусская войне 1864 года. 1866 год – австро-итало-прусская война, где Австро-Венгрия снова потерпела поражение, и, победив в которой, Пруссия смогла отстранить Австро-Венгрию от борьбы за объединение Германии. С этого времени Пруссия встала на путь агрессии как основного орудия государственного развития. 1870 год произошла франко-прусская война, в которой поражение Франции сделало Германию империей. Великобритания вела многочисленные войны за колонии: англо-зулусская война 1879 года, в ходе которой произошло, по

крайней мере, 8 сражений, а в 1883-1887 и 1906 годах произошли зулусские восстания; 1814-1816 годы - англо-непальские войны; войны за Пенджаб с сикхами 1845-1846 годы; третья англо-маратхская война 1817–1818 годов, и к 1859 году Индия была полностью завоёвана после подавления восстания сипаев 1857-1859 годах; англо-бирманские войны 1824-1826 годов, 1852-1853 годов, 1885-1887 годов (сопротивление продолжалось вплоть до 1895 года); англо-бутанская война 1864-1865 годов; англо-афганские войны 1838–1842 1878–1880, 1919 годов; англо-эфиопская война 1867-1868 годов; 1897-1898 гг. – махдистские войны в Судане; 1880-1881 гг. – первая, а в 1899-1902 гг. – вторая англо-бурские войны; 1897-1903 гг. – завоевание халифата Сокото в Нигерии.

Не отставала в колониальных войнах и Франция. Она захватила Алжир в 1830 году, и подавляла там сопротивление ещё 50 лет; вела войны за Марокко в войнах 1844 и 1907-1912 годов; войну с Тунисом и осуществила его захват за 1881-1883 годы; война за Чад продолжалась с 1899 по 1911 годы; завоевание Индокитая - 1858-1884 годы; франко-китайская война 1884-1885 годов; 1897 год - война Франции с махдистами; 1883–1885 гг. разразилась первая франко-малагасийская война, 1894 г. – вторая.

Война определяла развитие человеческой цивилизации на протяжении всей его истории. Эпохи и формации сменяли друг друга, а война оставалась неизменным спутником движения цивилизаций. Капитализм задал войне некоторые новые закономерности. Главная выразилась в том, что войны приобрели вид новой системы. Первоначальные войны грабежа и увода в рабство сменились феодальными войнами за землю и власть, не исключая грабёж. Были редкие случаи геноцида, но это отдельный вопрос.

Капитализм перевёл вопрос войны на иной уровень. Она стала способом развития экономики за счёт систематического ограбления других стран. Кроме того, война англичан в Ирландии XVII века стала первым примером этногеноцида в новой истории, когда с помощью истребления населения пытались всего лишь увеличить прибыли английских капиталистов. Наполеоновские войны подтвердили значимость для растущего капитала подобного подхода. Это были войны, во-первых, за политическое мировое господство, во-вторых – за экономическое. Победа Наполеона должна была сделать из Европы единое государство с единым рынком, для чего и применялся Кодекс Наполеона. Продолжением тенденции расширения рынка сбыта стали опиумные войны: 1840-1842 гг. – первая опиумная война; 1857-1869 гг. – вторая англо-франко-китайская опиумная война. По поводу этой войны есть мнение, что «в апреле 1840 года началась, пожалуй, первая в мировой истории война, которая велась не за территориальные приобретения, а за новые рынки сбыта. Это была война нового типа» [8].

То, что новая война будет необычная, более разрушительная, понима-

лось европейцами. По этому поводу министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй сказал: «Огни погасли по всей Европе, мы не увидим, как они зажгутся вновь» [10, С. 17]. Борьба за новый миропорядок в эту эпоху отмечается в исторической литературе. В.П. Алексеев по этому поводу отметил, что «противоречия между державами, особенно между капиталистически развитой Англией, внешнюю политику которой диктовала буржуазия, и менее развитыми в промышленном отношении странами, где сильны были ещё полуфеодальные отношения, расшатывали основы "Священного союза"» [2]. Только речь шла о том, что феодальные режимы не стремились к войнам как необходимости, в отличие от класса буржуазии, для которого безостановочное поступление всё увеличивающегося потока прибыли стало способом существования.

Всего в XIX веке- «эпохе европейской стабильности» произошло 150 войн, охвативших Европу, обе Америки, Азию и Африку [14].

XX век начался с войн, но уже для передела мира. Это испано-американская война 1898 года; англо-бурская война 1899-1902 годов; русско-японская война 1904-1905 годов; итало-турецкая война 1911-1912 годов за Ливию, давшая толчок к началу двух Балканских войн 1912-1913 годов.

Первая мировая война не разрешила межимпериалистические противоречия. Для этого понадобилась ещё более разрушительная мировая бойня – Вторая мировая война. Считается, что она проходила с 1939 по 1945 годы. Но если посмотреть на количество войн в это время, то видно, что они шли почти беспрерывно. Для СССР новый виток войн начался с конфликта с китайцами на КВЖД в 1928 году. В 1931 году Япония вторглась в Китай, 1936 год – завоевание Италией Эфиопии и начало войны в Испании. Причём то, что называется «гражданской войной» в Испании, было вторжением итало-германских войск, которые, совместно с местными фашистами, воевали против республиканцев и добровольцев интербригад. Это была уже мировая, но ограниченная по размерам война. 1938 год - захват Австрии и раздел Чехословакии, Красная армия громит японцев на о. Хасан и на р. Халхин-Гол. 1939-1940 годы – «зимняя война» СССР и Финляндии.

Вышеприведённые данные нужны для того, чтобы показать, что война стала не просто политикой, ведущейся иными средствами по мысли Клаузевица, а часто становилась единственным способом решения всех политических проблем. Вторая мировая война стала закономерным итогом превращения политики в войну. Снова все ведущие державы мира стремились к войне.

Ещё одним важным явлением, отличавшим войны времён империализма, начиная с колониальных, стал крайний национализм и шовинизм. С начала века европейский социал-дарвинизм, нацеленный первоначально

на оправдание колониальной политики, охватил отношения между самими империалистическими государствами. В 1920-е годы складывается политический социал-дарвинизм, вышедший на арену как фашизм. Шовинизм развалил социал-демократическую идеологию II Интернационала. Он стал одним из важнейших инструментов подготовки населения стран к войне [7, С. 15; 13, С. 9]. Ненависть на этническом уровне проявилась уже в Первую мировую войну, когда геноциду подверглись русские в Австро-Венгрии и армяне в Турции. А затем в ходе интервенций в Советскую Россию, геноцид по отношению к русским проводили поляки и североамериканцы, участвовали англичане, японцы и финны. По этому, уже перед началом Второй мировой, в идеологии фашизма речь шла заведомо о войне на уничтожение народов. Так и случилось в тотальной войне против СССР, Китая, западных славян – поляков и южных – сербов. Проявилась важная закономерность – развитие капитализма привело к тому, что война приобрела новые черты. Во-первых, система капитализма включила в войну геноцид как часть своей системы. Во-вторых, войны XVIII века перемежались миром, а с XIX века этого уже не случалось – войны стали постоянными.

Вполне правомерно утверждать, что к началу XX века в мире сложилось три силы: союз Великобритании и Франции, США, Россия и блок Тройственный союз. Показательным примером того, что Россия оставалась геополитическим противником Великобритании служит Берлинский конгресс 1878 года. Уже до конгресса Великобритания и Австро-Венгрия предъявили России ультимативные требования по ограничению её влияния на Балканах. А в 1905 году, по настоянию англо-саксов, Россия заключила крайне невыгодный, даже позорный мир с Японией, отдав ей часть о. Сахалин. То, что Россия оказалась в Антанте союзником Великобритании и США, было вызвано стечением обстоятельств, а именно тем, что элиты Германии и Австро-Венгрии самоуверенно решили разгромить сразу всех геополитических противников в одной быстрой войне. Руководители Антанты, прежде всего англичане, напротив, считая Россию геополитическим противником, решили отложить борьбу с ней до лучших времён. И эти времена, как они подумали, скоро настали. В России случилась Февральская революция 1917 года, как многие считают при непосредственном участии Великобритании и Франции. И это позволило вывести Россию из числа победителей в войне. А после Октябрьской революции, случившейся в том же году, начать интервенцию уже в советскую Россию.

К началу XX века мир оказался поделён между четырьмя империями – Российской, английской, французской и неоколониальной империей США. И оказалось, что только для этих империй хватает, как казалось в то время, ресурсов всей планеты. Это уголь, металлические руды, нефть, лес. Ущемлённые империи – Германская, Австро-Венгерская и Турецкая, стремились

восполнить недостаточность ресурсов. Оба блока, за исключением России, с помощью войны должны были решить примерно следующие задачи:

- уничтожение геополитических конкурентов;
- захват рынков в Европе и Азии;
- окончательное утверждение милитаристского колониализма как миропорядка;
- раздел мира между тремя государствами (Великобританией, США, Францией, или Германией, Австро-Венгрией и Турцией).

России там не должно было быть при любом раскладе. Только при выполнении этих условий мировой капитал того времени мог добиться стабилизации своего положения. Но этого не произошло. Возникновение Советского Союза, то есть России в новом качестве, спутало карты победителям. Да и сам капитализм оказался, как система без войны, не способным решить экономические задачи мирным путём. Империализм снова пошёл по пути милитаризации, что и привело к новой войне. Только после Второй мировой войны, благодаря ядерному оружию и политике СССР, удалось удержать мир в относительно мирном сосуществовании государств вплоть до начала XXI века. При этом со времён Венского конгресса вплоть до Первой мировой войны Россия оставалась единственной страной, стремящейся к миру и предотвращению войн. Это стремление России было постоянным и открытым.

События конца XX- начала XXI веков, произошедшие после распада СССР, подтверждают закономерность, что империализм в виде глобализма, как системы капиталистического способа производства, рассчитывает на войну как единственный способ укрепления своей власти.

Библиографический список:

1. Алексеев В.С. «Европейская идея» и Венский конгресс 1814 г. // URL: https://history.wikireading.ru/278263 (Дата обращения: 17.08.2020)
2. Алексеев В.С. «Священный союз» и его роль в международной политике. // URL: https://history.wikireading.ru/278264 (Дата обращения: 17.08.2020)
3. Испания во второй половине XIX века. // URL: https://promotour.info/spain/history/history39.php (Дата обращения: 6.11.2020)
4. Испания в первой половине XIX века // URL: https://promotour.info/spain/history/history36.php (Дата обращения: 6.11.2020)
5. История СССР. С древнейших времён до 1861 года. – М.: Просвещение, 1983. 576 с.
6. Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Т. 3. – СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1902. 539 с.
7. Левицкий Н.А., Быков П.Д. Русско-японская война. – М.: Изд-во Эксмо, Изографус; Спб.: Terra Fantastica, 2003. 672 с.
8. Портал История.РФ. // URL: https://histrf.ru/biblioteka/b/opiumnyie-voiny-kak-britaniia-khitrostiu-svalila-kitai (Дата обращения: 30.10.2020)
9. Священный союз. // URL: https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/sviashchiennyi-soiuz (Дата обращения: 17.08.2020)
10. Террейн Д. Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие. – М.: Центрполиграф, 2004. 254 с.
11. Троицкий Н.А. Александр I и Венский конгресс / Известия Саратовского университета, 2005 Т. 5 вып. 1/2. С. 3-10
12. Фархутдинов И.З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования

проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права. // URL: https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/sviashchiennyi-soiuz (Дата обращения: 17.09.2020)
13. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. – Смоленск: «Русич», 2000. 640 с.
14. Эпоха европейской стабильности. // URL: https://историк.рф/journal/эпоха-европейской-стабильности/ (Дата обращения: 17.08.2020)
15. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

Reference

1. Alekseev V.S. "The European Idea" and the Vienna Congress of 1814 // URL: https://history.wikireading.ru/278263 (17.08.2020)
2. Alekseev V.S. "The Holy Alliance" and its role in international politics. // URL: https://history.wikireading.ru/278264 (17.08.2020)
3. Spain in the second half of the 19th century. // URL: https://promotour.info/spain/history/history39.php (6.11.2020)
4. Spain in the first half of the 19th century // URL: https://promotour.info/spain/history/history36.php (6.11.2020)
5. History of the USSR. From ancient times to 1861. – Moscow: Prosveshchenie, 1983. 576 p.
6. Klyuchevsky V.O. Lectures on Russian History. Vol. 3. – Saint Petersburg: V.O. Kirshbaum Printing House, 1902. 539 p.
7. Levitsky N.A., Bykov P.D. Russo-Japanese War. – Moscow: Eksmo Publishing House, Izografus; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 672 p.
8. Portal History.RF. // URL: https://histrf.ru/biblioteka/b/opiumnyie-voiny-kak-britaniia-khitrostiu-svalila-kitai (10.30.2020)
9. Holy Alliance. // URL: https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/sviashchiennyi-soiuz (17.08.2020)
10. Terrain D. The Great War. The First World – Prerequisites and Development. – Moscow: Centropligraf, 2004. 254 p.
11. Troitsky N.A. Alexander I and the Congress of Vienna / Bulletin of the Saratov University, 2005 Vol. 5, issue 1/2. P. 3-10
12. Farkhutdinov I.Z. War and Peace in the Context of International Law. An Experience of Doctrinal Research into the Problems of Forming a Modern Model of International Relations in the Context of the Development of International Law. // URL: https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/sviashchiennyi-soiuz (17.09.2020)
13. Utkin A.I. Forgotten Tragedy. Russia in the First World War. – Smolensk: "Rusich", 2000. 640 p.
14. The Era of European Stability. // URL: https://историк.рф/journal/эпоха-евой-строительности/ (17.08.2020)
15. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

Кевинус Дженесис
Аспирант, кафедра истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. ORCID: 0009-0001-5137-0349

Возрождение России в геополитическом ландшафте Африки*

Аннотация. В последние годы Россия активно участвует в африканских делах. Это стало очевидно в начале 2023 года, когда министр иностранных дел России Сергей Лавров отправился в турне по 11 странам континента для проведения интенсивных переговоров. В ходе переговоров обсуждались политические и экономические вопросы, а также меры по противодействию международным вызовам и угрозам, и обсуждались новые геополитические реалии в регионе. Первый саммит Россия – Африка послужил катализатором сотрудничества и углубил связи между Россией и африканскими странами. Геополитический ландшафт претерпел полную трансформацию, и Африка приобрела важное значение во внешней политике и экономике России. Внешняя политика Москвы демонстрирует возросший интерес к Африке, прежде всего, в связи с большой численностью населения континента и устойчивым экономическим ростом. Цель данной статьи – оценить растущее значение Африки для глобальных интересов России и изучить наиболее важные факторы, влияющие на роль Африки в российской внешней политике. В статье поясняется, что политика России в Африке сосредоточена преимущественно на трёх основных темах: построении альтернативных экономических партнёрств, достижении геополитического влияния и продвижении многополярности.

Ключевые слова: Россия, Африка, внешняя политика, возрождение, многополярность, геополитика, торговые отношения, энергетическая дипломатия, Советский Союз, холодная война, стратегическое партнёрство, глобальный Запад.

Kevinus Genesis
Postgraduate Student, Department of History of International Relations and Foreign Policy. Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0009-0001-5137-0349

The resurgence of Russia in Africa's geopolitical landscape

* © Кевинус Дженесис, 2025.

Abstract. In recent years, Russia has been actively engaged in African affairs, this is evident at the start of 2023, the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov embarked on an 11- country tour of the continent for intense ne otiations. These talks covered political and economic matters, as well as efforts to counter international challenges and threats, and addressed the new geopolitical realities in the region. The first Russia-Africa Summit served as a catalyst for cooperation and deepened the ties between Russia and African nations. The geopolitical landscape has undergone a complete transformation, with Africa assuming significant importance in Russia's foreign policy and economy. Moscow's foreign policy has shown increased interest in Africa, primarily due to the continent's large population and sustainable economic growth. This article aims to evaluate the growing importance of Africa for Russia's global interests and study the most important factors affecting the role of Africa in Russian foreign policy. The article clarifies that Russia's African policy primarily focuses on three main themes: building alternative economic partnerships, pursuing geopolitical influence, and promoting multipolarity.

Key words: Russia, Africa, foreign policy, renaissance, multipolarity, geopolitics, trade relations, energy diplomacy, Soviet Union, Cold War, strategic partnership, global West.

Introduction

In the year 1723, Peter the Great dispatched two vessels from the Russian fleet, under the overall command of Vice Admiral Daniel Wilster, from Reval (present-day Tallinn) to Madagascar and potentiall to India. The objective was to establish contact with a pirate leader residing on the island and to seek the support of powerful European nations, notably mentioning Peter's European rival, the Swedish Ki g Charles. Unfortunately, a storm impeded the ships' departure from the Baltic Sea, resulting in the postponement of the expedition. "Russian scholars exhibited interest in African languages as early as the 18 h century. In one of Mikhail Lomonosov's manuscripts dedicated to linguistic studies, he references the Hottentot language and expresses interest in the Ethiopian writ ng system. The "Comparative Dictionary of All Languages and Dialects According to the Alphabetical Order" (St. Petersburg, 1790–1791) includes material on 33 African languages. The inception of African language instruction in Russia can be traced to the first half of the 19th century when B. A. Dorn (1805–1887) introduced a course on the Ancient Ethiopian Language, Geez, at the University of Kharkiv[1]". In the future, Ethiopian philological studies in St. Petersburg were further developed, led by such prominent academics as B. A. Turaev (1868–1920) and I.Y. Krachkovsky, "who played a significant role in the development of the academic community[2]".

1 *Желтов А.Ю.* (2012). Россия и Африка — история и современность. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, (4), 3-13.

2 *Desai R.* (1968). The Explosion of African Studies in the Soviet Union. African Studies Bulletin, 11(3), 248–258. // URL: https://doi.org/10.2307/523092

The renowned russian Hebraist and Semitologist P.K. Kokovtsov[3], started his career through the study of Ethiopian Language[4]. Russian science rightfully takes pride in the fields of Egyptology and Copt c studies. V.S. Golenishchev, a renowned professor at St. Petersburg University and member of the Russian Academy of Sciences, contributed imensely global s holarship. He began teaching Egyptology and the Coptic language in 1887 and one of his students is, B.A. Turaev, who headed the university that was established in Russia for the first time in 1918[5]. The works of these erudite scholars and others not only laid the groundwork for future research in Egyptology and African philology, but it also provided the basis for language studies and cultures from Tropical and South rn Africa. As a result, Russian African Studies, as well as European Studies in general, emerged from the depths of Classical Orient l Studies. It is worthy of note to mention Russian expeditions to Africa, especially in the northeastern regions, conducted by V.V. Junker, A.K. Bulatovich, and N.S. Gumilev, V.A. Dogel.

Quite a few Russian sailors and have left memories of the southern African port of Cape Town, which served as the main transit point through south rn Africa. That developed a special relationship between Russia and Ethiopian Christians. Diplomatic relations between the two countries were establish d in 1898. Russia also provided significant military assistance to Ethiopia and opened a Russian hospital in A dis Ababa. Shortly after the October Revolution in 1917, Soviet politicians and ideologists began paying attention to 'colonist countries' considering these countries as a potential for a "new wo ld order". Various institutions were established in Moscow and Leningrad, where topical political and socio-economic problems of Africa were studied, and training was conducted for countries of the east and Africa.

The USSR and Africa

The Soviet Union's involvement in sub-Saharan Africa came on the heels of African in ependence. During the Cold War, both the USSR and the United States engaged in an intense struggle for the "soul of Africa," vying to win over the newly independent Afric n nations. The Soviets offered Africans an alternative model of socio-economic development and hoped that its implementation would result in a closer geopolitical alliance and Africa's inevitable march toward

3 *Assefa D., Delamarter S., Jost G., Lee R., & Niccum C.* (2020). The Textual History of the Ethiopic Old Testament Project (THEOT): Goals and Initial Findings. Textus, 29(1), 80-110. // URL: https://doi.org/10.1163/2589255X-02901002

4 *Bulatovich A.* (2000). Ethiopia through Russian Eyes: Country in Transition. Translated by Richard Seltzer. Lawrenceville, NJ: The Red Sea Press.

5 *Jakobson Roman.* Roman Jakobson: A Bibliography of his Writings, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1971. // URL: https://doi.org/10.1515/9783110889604

socialism[6]. However, these early euphoric expectations were discouraged when it became clear that African countries oftenpursued their own pract cal goals. Even the regimes that officially committed to socialism used ideology and Cold War competition and sensitivity for their own political experience. In Angola, Somalia, Ethiopia, and South Africa, the Soviets had to fight regimes and political movements that often resisted their ex ectations. After the reforms of the Soviet Union's Mikhail Gorbachev, Soviet participation in Africa in the South of the Sahara significant y dropped. After the Cold War and the Soviet economy in shambles, the Soviet Union had little incentive to continue its presence in Africa until the Soviet collapse in 1991[7].

The Soviet Union came to Africa at the height of the Cold War and after the colonization of Africa, with a mission to Africa offers a combination of idealism and patient pragmatism. There is no reason to doubt the integrity of the Soviet Union in its knowledge of defense of Africa's in ependence. At the same time, Soviet concerns about Africa were inevitably linked to central concerns of the geopolitical competition of the Cold War. The changing Soviet attitudes towards African democracy reflected a change in the party's general line and the atmosphere of superpow r rivalry. The study of the cold war and the soviet support for african countries sturggle for self determination including sub-Saharan Africa, is often refer to its ideology, most post-Cold War studies emphasize the sometimes-hidden Soviet meaning of considering geopolitical and economic reality. In the early days of African independence, the Soviets, both as policymakers and as citizens, knew little ab ut Africa. Postrevolutionary Soviet ideologists haveconfidence in the vision of progress in Africa; this is believed to have been hindered by pervasive colonial rule and the backwardness in Africa's historical compass 7/5 (2009) and lowers the "proletarian consciousness" of African workers. The Comintern had almost no idea of what we now call the "African situation." Just like the band. Many Americans from the continent (Bankole Awuno Raina from British West Africa, or Jomo Kenyatta for short) visited Moscow before World War II on various occasions and even stu ied there. But the Comintern's "black issues" consisted mostly of African American or Afro Caribbean representatives who had never set foot in Africa. Ironically, the "real Americans" in the Comintern were mostly pure South African communists. elated to. As the tyrant consolidated his grip on power, the Soviet Union began to lose the luster of the old intern tionalism. Always suspicious of the Comintern's activities, Stalin began to strictly restrict the organization,

6 *Matusevich Maxim.* ""Revisiting the Soviet Moment in Sub-Saharan Africa"." History Compass 7, no. 5 (2009): 1259-1268. Accessed March 11, 2025. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00626.x.

7 *Matusevich Maxim.* ""Revisiting the Soviet Moment in Sub-Saharan Africa"." History Compass 7 (2009): 1259-1268.

effectively turning it into a subsidiary of the So iet state. Soviet scientists did not dare to become too interested in anything foreign for fear of being accused of dishonesty with the government. In fact, many important Africans were lost during the evacuation, and the survivors felt it was possible to direct their curiosity elsewhere. of n tionalism. Soviet society gradually became isolationist and even xenophobic. It accelerated with the experience of World War II of course, antiapartheid and anti liberalism continued unabated, but its tone and volume were exchanged to corresspond with the goals of the Soviet Union. It is widely beleived that the 1932 antiapartheid film "Black and White" was influenced by the relationship between the United States and the So et Union. Similarly, in early 1935, it was revealed that the Soviet Union was supplying food and oil to the rebels despite strong public opposition to Italy's attack on the Ethiopia monarchy. The signing of the 1939 Nazi-Soviet Pact did nothing to improve the Soviet Union's record on racism. Over the next decade, until the mid-1970s, Soviet efforts in sub-Saharan Africa were guided by much more pragmatic priorities. The Soviet Union consistently sought to expand its diplomatic ties with African nations, though expectations from these relations w re modest. Several African countries delayed formal ties with Moscow, with Nigeria only agreeing to an embassy after a humiliating Soviet diplomatic incident in Lagos, while Lesotho postponed relations until 1983. Swaziland and Malawi avoided ties altogether, fearing a backlash against South Africa's anti-communist aparth id regime. Soviet experts were unimpressed by the scientific socialism of leaders like Mathieu Kerekou in Benin and Marien Ngouab in Congo. Notably, until the early 1970s, most Soviet trade with sub-Saharan Africa involved nations that liberal Marxists would not classify as socialist. Despite continued efforts to promote its modernization model exemplified by grand, failed projects like Nigeria's Ajaokuta steel plant, the Soviet Union mainly engaged Africa through symbolic gestures, such as supporting the OAU, voting in the UN on anti-apartheid resolutions, and condemning Western imperialism.

The Soviet Union was less concerned to the appeal of Marxism-Leninism than with geopolitical weight, in its general approach to independent African states, but the prospects for economic cooperation, and willingness to side with Moscow, in the ongoing Cold War rivalry with the West. How else can one explain the Soviet Union's decision to support the Federalists during the Nigerian Civil War of 1967 to 1970? If there are forces in this conflict potentially sympathetic to Soviet ideology, they are most likely to be found among Biafran separatists, some of whom have received training in what is called "Revisiting the Soviet Era in Sub-Saharan Africa.

Post soviet period in Africa

The policies of the Soviet Union and modern Russia in Africa have under-

gone significant changes over time. During the Soviet era, the Soviet Union implemented a policy of ideological expansionism in Africa, providing military aid and economic support to socialist and anti-colonial movements (Campbell, 1972). In contrast, modern Russia has adopted a more pragmatic approach in its policies towards Africa, focusing on economic cooperation, investment, and strategic pa tnerships. This shift in policy reflects the changing global dynamics and Russia's own geopolitical i terests [8]. Furthermore, while the Soviet Union had a more dominant presence in Africa and played a significant role in supporting liberation movements and providing military assistance, modern Russia's focus is more on economic opportunities, diplomatic mediation, and counter-terrori m efforts. Source: The Comparative Analysis of Soviet and Modern Russian Policies in Africa While state actors are often driven by geopolitical considerations, Russian companies are more interested in economic opp rtunities. In today's rapidly changing world, the significance of accurate weather forecasts cannot be overstated[9]. This sentence seems to have been copied from a different source and does not relate directly to the topic of comparative analysis of Soviet and modern Russian policies in Africa A comparative analysis of Soviet and modern Russian policies in Africa reveals a shift from ideological expansionism to a more pragmatic approach focused on economic cooperation, investment, and strategic pa tnerships. During the Soviet era, the Soviet Union implemented a policy of ideological expansionism in Africa, providing military aid and economic support to socialist and anti-colonial movements.

In contrast, modern Russia has adopted a more pragmatic approach in its policies towards Africa, focusing on economic cooperation, investment, and strategic partnerships. Russia's strategic interests in Africa have evolved significantly since the post- oviet era. Initially, there was a decline in Russia-Africa relations following the Soviet collapse (Fidan & A as, 2010). However, under Putin's leadership, Russia has sought to regain its influence in Africa, driven by economic pragmatism and geopolitical ambitions (Yordanov, 2021; Fidan & A as, 2010). This renewed engagement focuses on three key areas: energy diplomacy, arms exports, and access to mineral resources (Neethl ng, 2020). Russia aims to compete with other global powers in Africa, including China, the EU, and the US (Yorda ov, 2021). While facing challenges such as political instability and economic constraints, Russia-Africa cooperation has shown positive trends in recent years (Borishpol ts, 2019). Moscow's strategy has shifted from primarily military and political engagement to more flexible economic interac-

8 *Gruzd S., Ramani S., & Clifford C.* (2022). Russia in Africa: Who is courting whom? South African Journal of International Affairs, 29(4), 401–405. // URL: https://doi.org/10.1080/10220461.2022.2146184

9 Emerging Trends in Sustainability: A Conceptual Exploration // URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-57456-6_2.

tions based on mutual interests (Yordanov, 2021), reflecting its desire to revive its great-power status on the global stage (Neethling, 2020).

A peculiar reflection of this missionary approach to African studies under Soviet conditions was the desire to find allies among the students - the struggle against imperialism and the promotion of Marxist-Leninist ideology (rather than trying to convey "the word of God" to the local population through missionaries), which also required knowledge of local languagesHowever, very superficial interactions with African realities, which mainly affected various levels of the local elite, sometimes led to the creation of superficial and highly ideologically influenced pu lications. It is also worth noting the positive aspects of ideological interest in Africa in the USSR in terms of science: scientific institutions were established, and specialists were traveling to Africa (although for practical rather than scientific purposes). At the same time, Soviet policies in Africa, in contrast to those of the West, were not aimed at obtaining economic benefits and were limited mainly by a desire for ideological influence. In the 1980s, about 100,000 African students had been trained in the Soviet Union, and about 700 candidates and doctors of science had also been trained.

The current state of Russia-Africa relations is characterized by a complex blend of factors and development tr jectories. Following the end of the Soviet era, there was a decline in Russia's attention to Africa, resulting in a decrease in its influence on the continent. For instance, nine of Russia's diplomatic missions in Africa were closed. Aside Russia's own socio-economic challenges, the primary reason for the reduction in its ties with Africa has been the poor economic performance of the populations of most African nations. By the year 2000, there were 53 African nations that accounted for 11% of the global population amounting to over 600 million people but accounted for only 5% of global production and 2.2 of trade[10]. According to the United Nations (UN) criteria, only 49 countries worldwide belong to the category of least-developed countries, with the highest relative external debt and the lowest proportion of educated or qualified people in the population, and 34 out of the 53 countries are in Africa, half of which live in dire conditions of absolute poverty with an income of less than $1 per day[11].

Although the average GDP per capita of Russia in 2008 was almost $16,000 in terms of purchasing power parity, and according to this indicator, Russia was closer to Poland $17,500 than to Bangladesh at $1400. Russia and African coun-

10 *Cicioğlu Ş., & Hafiz Ahmed İbrahim R.* (2023). Analysis of Foreign Trade Between Türkiye and Africa. Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi, 10(2), 75–102. // URL: https://doi.org/10.26513/tocd.1356970

11 *Obobisa E.S., Chen H., Ayamba E.C., & Nyarko Mensah C.* (2021). The Causal Relationship Between China-Africa Trade, China OFDI, and Economic Growth of African Countries. Sage Open, 11(4), 215824402110648. // URL: https://doi.org/10.1177/21582440211064899

tries have similar internal economic problems, coupled with over reliance on the minerals sector and an unfavorable social environment for economic activityIn 2007, Russia was ranked 83rd out of 141 countries in the Fraser Institute's Index of Economic Freedom[12]. This index evaluates economic freedom based on personal choices in voluntary exchange processes, market coordination, opportunities for market entry and competition, and the protection of individuals and property from aggression, Countries ahead of Russia included Kenya, Uganda, Namibia, and Ghana[13]. Africanist or orientalist, or any other scholars who studies languages, cultures, or societies, is necessary to not only locate natural resources like oil or diamonds in Africa, but also to decide which entities should ex ract them.

These scholars gain a unique multidimensional perspective through their awareness of different viewpoints or images of the world. Without enough individuals possessing this kind of thinking, a contemporary, innovative, post-industrial society can ot thrive. This is the deeper, rather than superficial, "practicality" of African studies and humanities. Additionally, integrating the various "images of the world" that exist on a multidimensional scale, such as religious and secular, Christian and Muslim, traditional and post-modern, and global and culturally specific, is crucial for humanity's survival in the modern, globalized information age.

The challenge associated with the notion of "universal human values" within contemporary scientific and political discourse does not lie in their nonexistence, but rather in their frequent conflation with values derived from a singular "worldview." The articulation and organization of these values within the multidimensional framework of all existing worldviews is notably intricate. Nevertheless, the complexity of this endeavor should not dissuade us from pursuing an appropriate resolution. In general, Russia's "withdrawal" from Africa in the economic and political domains has generated new opportunities in the cultural and scientific sectors.

Geopolitics

Russia's geopolitical endeavors in recent years have been marked by a concerted effort to bolster its influence across the African continent, leveraging a multifaceted approach encompassing diplomatic outreach, military cooperation, and support for African-led peacekeeping initiatives. Russia interest to establish strategic partnerships with African nations, positioning itself as a counterbalance to Western imperialism and an advocate for African interests on the internati nal stage. This diplomatic approach has produced concrete outcomes, enabling

12 Fraser Institute's Index of Economic Freedom // URL: https://www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom-world-2007-annual-report

13 Jingcheng Li and Sergey Pogodin 2020 IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 940 012029

Russia to obtain mining rights, business ventures, and diplomatic backing from African countries, particularly within the context of the United Nations, and diplomatic support from African nations, particularly in the realm of the United Nations, where the continent's 25% share of General Assembly votes holds significant sway (Paczynska, 2020)[14]. Russia's renewed push into Africa spans several key areas. Firstly, energy diplomacy has been a central focus, as Moscow seeks to leverage its expertise in the nuclear energy sector to establish footholds across the continent. (Neethling, 2020)[15], Secondly it has capitalized on its position as the second-largest global arms exporter, supplying military equipment and aid to African nations, often to authoritarian regimes, in exchange for political support and resou ce access. The continent's vast mineral wealth has become a significant draw for Russia, which has sought to secure mining rights and exploit the region's natural resources.

Key agreement and partnerships

- Russia Africa Summit: The first Russian Africa Summit in 2019 established a foundation to strengthen further solidified cooperation at the second Summit in July 2023. It focuses on trade, nuclear energy, and other joint ventures, along with the leaders of the country's search, such as Ethiopia and Egypt. The summit concludes with a final declaration and official plan for the implementation of the Partnership Forum for 2023 and 2026, highlighting Russia's commitment to deepening its commitment to the continent.

- Military Cooperation and Arms Pact: Russia has established itself as an important weapon in Africa and is a major part of the continent's military imports. In October 2024, Russian Defense Minister Andrei Belusov met with Moscow Prime Minister Burkina Faso's Joachim Cayerem de Tambella to discuss expanding military cooperation. The conference reflects Russia's continued efforts to improve defense relations with African countries, particularly those facing security challenges.

- Naval Bases in Sudan: In February 2025, the Sudanian Foreign Minister confirmed that Russia's plans, his first naval base on the Sudan coast of the Red Sea, will be after many years of shifts. The agreement originally signed in 2020 allows Russia to carry up to four naval vessels, including nuclear vessels, for 25 years. This development refers to Russia's strategic interest in improving its maritime presence in the region.

- Nuclear Cooperation Agreement: Russia has actively expanded its core en-

14 Paczyńska, Agnieszka, Briefing Paper (15/2020) // URL: https://doi.org/10.23661/bp15.2020

15 Assessing Russia's New Interaction with Africa: Energy Diplomacy, Arms Exports and Mineral Resource Markets. (2020). The Strategic Review for Southern Africa, 42(2), 15-42. // URL: https://doi.org/10.35293/srsa.v42i2.72

ergy capabilities for African countries. In 2023, Russia and Burundi signed an agreement on nuclear cooperation to develop Burundi's core energy skills. Such cooperation is part of Russia's broader strategy to address African countries in the high-tech sector and infrastructure development.

Security cooperation

Russia's military cooperation with African countries has expanded significantly between 2020 and 2025, mentioning the strategic changes in the state's foreign policy and global influence. This period has witnessed a multi-faceted approach in Russia and has strengthened its position on the African continent by combining sales of weapons, security contracts, and military training programs. Weapon trade was the cornerstone of this expanded c operation. Russia has significantly increased weapons exports to various African countries, and has become the main winner of Algeria, Egypt, a d Angola[16]. The influx of Russian military technology not only strengthened the protection of these countries but also increased the dependence on the maintenance and support of Russia. In addition to sales of weapons, Russia took strategic measures to create a constant military position Africa[17]. The creation of military bases in major places, especially in Sudan and Central Africa, greatly strengthened Russia's designated traces. This base provides several goals, including providing materials and technical support for Russian operations, promoting information assembly products, and platform services for power projects throughout the region. A significant factor in the Russian military expansion in Africa was the participation of the then Wagner Group, a private military company that was closely related to the Russian government before June 2023. The organization played an important role in expanding Russia's influence and provided security services and military training to several African governments. The Wagner Group Operation was particularly noticeable in areas that helped to fight the rebels and help protect political elites. This allowed Russia to influence these countries without participating directly in the state, guaranteeing a reliable level of rejection. The expanded military cooperation has provided several strategic advantages to Russia. This improves diplomatic relations with African countries, creating an ally network to support Russia's interests in the international forum. Access to resources not only provides economic advantages but also increases Russia's strategic global position. In addition, as the presence of Russia in Africa increases, it has a balanced effect of the Western influence on

16 "Russian Military Cooperation Deals." Africa Research Bulletin: Political, Social and Cultural Series 56, no. 10 (2019): 22494B-22494C. Accessed March 8, 2025. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1467-825X.2019.09148.x.

17 Russia in Africa: is great power competition returning to the continent? Paczyńska, Agnieszka Briefing Paper (15/2020) // URL: https://doi.org/10.23661/bp15.2020

the continent.[18] Russia has often become an alternative partner in African countries to diversify international relations by providing military support and cooperation without political conditions attached to Weste n support. This approach resonates with some African leaders who want to reduce their dependence on traditional Western allies. However, the rapid expansion of Russian military cooperation in Africa is still controversial. International observers expressed concern about the potential impact of this interaction on local stability. There is a fear that the influx of high-end weapons can worsen or cause new conflicts. Human rights groups also expressed anxiety about the violation of human rights in the activities of organizations such as WAGNER, especially in conflict areas. However, the long-term results of expanding military cooperation between African countries and Russia are still unclear. He has not doubted that he has introduced new difficulties in Africa's designated environment, despite the strengthening of Russia's global influence and providing economic opportunities. Since cooperation continues to develop, it will probably be the subject of intensive research and discussion in international relations.

Top 3 arms exporters to Africa 2020-2024.

Supplier	Share of African Arms Imports
Russia	21%
China	18%
USA	16%

Compiled by author:

Source: SIPRI Arms Transfers Database, Mar. 2025.

https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf

This table indicates that Russia, China, and the USA are the top three suppliers, accounting for 21%, 18%, and 16% of African imports of major arms, respectively.

Russia's economic interests in Africa are multifaceted, encompassing energy, mining, infrastructure development, and arms sales.

Most Russia's activities in Africa appear to be motivated by commercial interests, including the sale of weapons, investments in African oil and gas fields, and securing access to minerals essential for Russian industry[19]. While state-con-

18 Assessing Russia's New Interaction with Africa: Energy Diplomacy, Arms Exports and Mineral Resource Markets. (2020). The Strategic Review for Southern Africa, 42(2) // URL: https://doi.org/10.35293/srsa.v42i2.72

19 Russia in Africa: A new arena for geopolitical competition-Briefing 08-11-2019. // URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/642283/EPRS_BRI(2019)642283_EN.pdf

trolled companies such as Rosneft and Gazprom are often perceived as extensions of the Kremlin, prioritizing foreign policy objectives over profit (exemplified by Gazprom's reduction of gas prices for Armenia in exchange for not signing an association agreement with the EU), the intense competition among Russian companies including privately owned entities such as Lukoil for contracts in Africa suggests genuine commercial motivation. Beyond business interests, the overarching objective appears to be the advancement of Russian political influence in Africa.

Mining

Russia has made its most important investments in North Africa, particularly Algeria, Egypt and Libya. Sahel zone in Ethiopia, Somalia, Somaliland and Sudan. Angola has cars, Mozambia, Namibia, South Africa and Zimbabwe. Moscow also promoted nuclear technology, but until 2019 there was only one Egyptian nuclear power plant under construction. There are several large companies in Africa, including Alrosa, Gazprom, Lukoil and Rosatom. Rosatom, a core energy company, leads soft power activities in science and technology training programs. In contrast to Western companies, Russian companies are not plagued by restrictions on corruption practices such as the US Foreign Corruption Act or the Council of Europe's pursuit of US officials. But in some cases, African civil society organizations were pushed back against their corrupt government, like in South Africa, when the 2018 presidency collapsed after it was involved in an agreement that exceeded 76 billion US dollars.

Russian oil and gas firms like, Lukoil, Gazprom, and Rosneft are executing projects in African countries such as Algeria, Angola, Ghana, Egypt, Cameroon, Cote d'Ivoire, Nigeria, the Republic of the Congo, Sierra Leone Lukoil began establishing its presence in the African energy sector during the mid-1990s. Meanwhile, Rosatom is advancing the first nuclear power plant in Egypt, El Dabaa, consisting of four units, each with a 1,200-megawatt capacity, utilizing VVER-1200 reactors of the 3+ generation. Under the agreement, Rosatom is responsible for supplying Russian nuclear fuel throughout the plant's operational lifespan, training personnel, and assisting with maintenance and servicing during its initial decade of operation.

Rus Hydro is actively involved in 33 energy projects spanning 12 African nations, with an estimated total investment exceeding three billion rubles. In recent years, Russian energy firms have escalated their competition with counterparts from the EU, the US, and China in Africa's energy markets. They are striving to secure roles in large-scale geological explorations and alternative energy ventures. The importance of African markets as consumers of Russian oil and petroleum products has risen significantly, especially following Russia's strategic pivot eastward in energy policy and diplomacy. This shift, coupled with efforts to

counteract Western sanctions on its energy sector, has led to an increase in Russian oil exports to North African nations such as Morocco, Tunisia, Libya, Egypt, and Algeria. Additionally, South Africa has emerged as an increasingly attractive destination for Russian oil and petroleum products.

Energy cooperation

Russian federation is actively pursuing energy projects in Africa, particularly these sectors oil, gas and nuclear power. Russia's national nuclear authorities, Rosatom has agreed with countries such as Egypt, Rwanda and South Africa to develop nuclear energy infrastructure. Egypt's Eldaba Nuclear Power Plant, a $25 billion project, is a flagship initiative. In oil and gas, Lukoil and Gazprom have exploration and production, especially in Nigeria, Algeria and Libya.

El Dabaa site – Egypt

In 1983, the El Dabaa site, located on the Mediterranean coast 170 km west of Alexandria and Zafraana on the Gulf of Suez, was designated as the location for a nuclear power plant[20]. The reactors for El Dabaa were to be supplied by Germany's KWU, Framatome, and Westinghouse, while uranium was to be sourced from Australia and Niger. However, the project was discontinued following the Chernobyl accident in 1986. Between 1999 and 2001, the Nuclear Power Plants Authority (NPPA) conducted a feasibility study for a cogeneration plant intended for electricity and desalination, which was subsequently updated in 2003. New nuclear cooperation agreements were established with Russia in 2004 and 2008, thereby revitalizing Egypt's plans for a nuclear power and desalination plant, with support from Rosatom.

In April 2013, Egypt sought to renew its nuclear cooperation agreement with Russia, focusing on building a nuclear power plant at El Dabaa and jointly developing uranium resources. By October 2013, the Minister for Electricity & Energy had revived plans for El Dabaa, announcing an NPPA site there. In November 2013, the Russian Foreign Minister expressed Russia's willingness to finance an Egyptian nuclear facility. By January 2014, the ministry planned to issue a tender, with WorleyParsons as consultants. By mid-2014, the tender was scheduled for December 2014, with the stipulation that the winner would need to finance the plant. The tender was for two units, each ranging from 900 to 1650 MWe, on a turnkey basis. The El Dabaa site, located near El Alamein, is considered suitable for eight reactors. In February 2015, Rosatom and the Ministry of Electricity and Renewable Energy signed another agreement to "initiate detailed discussions on the prospective project," which involved constructing two 1200 MWe nuclear power units, with the possibility of two

20 Egypt's nuclear history 2017 // URL: https://www.egypttoday.com/Article/1/36436/Timeline-Egypt%E2%80%99s-nuclear-history

additional units. Specifically, Rosatom Overseas and the NPPA signed a project development agreement for a two-unit AES-2006 nuclear power plant with a desalination facility and 'by June 2015, Rosatom submitted a proposal to build four 1200 MWe reactors at El Dabaa'[21] ("El Dabaa Nuclear Power Plant (NPP), the first nuclear power plant in Egypt")[22].

November 2015, an intergovernmental agreement with Russia was signed to construct and operate the four reactors, including fuel supply, used fuel management, training, and regulatory infrastructure development world nuclear report 2024 [23]. ("World Nuclear Performance Report 2024 - cnnpn.cn") The government also directed preparations for the construction of the units to start in 2016. A financing agreement for a Russian state export loan was signed, covering 80% of the cost, with repayment over 22 years starting in 2029. In May 2016, the government announced that the loan amounted to $25 billion, covering 85% of the cost for four 1200 MWe units, with repayments beginning upon commissioning. In December 2017, contracts for the construction of the four units were signed[24]. ("El Dabaa Nuclear Power Plant (NPP), the first nuclear power plant in Egypt") Local content for the first unit is expected to be around 20%, increasing for subsequent units. In April 2019, the NPPA received a site approval permit for El Dabaa from the Egyptian Nuclear Regulation and Radiological Authority (ENRRA)[25]. In December 2019, the NPPA signed another contract with Worley Ltd (formerly WorleyParsons) to act as a consultant for the El Dabaa project until 2030, providing technical support for design review, project management, procurement, construction management, training, procedure development, quality assurance, and commissioning of the plant[26].

Infrastructure

Russia has been actively expanding its infrastructure footprint in Africa, particularly in the energy sector. A notable example is the Sanankoroba Solar Power

21 *Belyakov Nikolay.* "Development of Sustainable Nuclear Power Plant Project."Sustainable Power Generation(2018): 327-352. Accessed March 13, 2025. // URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-12-817012-0.00025-6.

22 El Dabaa Nuclear Power Plant (NPP), the first nuclear power plant in Egypt // URL: https://constructionreviewonline.com/construction-projects/el-dabaa-nuclear-power-plant-npp-project-updates/.

23 World nuclear report 2024 // URL: https://world-nuclear.org/images/articles/World-Nuclear-Performance-Report-2024.pdf

24 El Dabaa Nuclear Power Plant (NPP), the first nuclear power plant in Egypt // URL: https://constructionreviewonline.com/construction-projects/el-dabaa-nuclear-power-plant-npp-project-updates/.

25 D A Cauich-López et al 2019 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 337 01208110.1088/1755-1315/337/1/012081

26 Nuclear Power in Egypt - World Nuclear Association // URL: https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/egypt.

Station in Mali, a 200 MW solar power plant under construction by NovaWind, a subsidiary of Russia's state-owned nuclear conglomerate, Rosatom. Located near Sanankoroba, approximately 38 km south of Bamako, this project commenced in May 2024 with an investment of $217.2 million (€200 million) which is expected to be completed by May 2025. The facility will feature photovoltaic panels mounted on solar trackers and an integrated 20 MWh battery energy storage system to ensure power supply during non-sunny periods. This initiative is set to boost Mali's electricity generation capacity by 10%, marking a significant advancement in the country's renewable energy infrastructure[27].

Additionally, in September 2024, Russian and Malian officials discussed further collaboration on lithium and solar energy projects. A memorandum of understanding was signed in July between Mali's government and Uranium One Group, another Rosatom subsidiary, to develop a lithium project in Bougoula, southern Mali, with production anticipated to begin within 24 months. These developments underscore Russia's strategic engagement in enhancing Africa's infrastructure, particularly in the energy sector, through substantial investments and partnerships.

Two large Russian energy companies, Lukoil and Gazprom, have established the presence of Nigeria in the oil and gas sectors through intelligence and production activities (Etim et al., 2020). Lukoil has entered the Nigerian market, which acquired 45%of its share from Deep Block OML-140 in 2014, showing his promise to the expansion of international portfolio. Gazprom, on the other hand, has participated in Nigeria since 2008 and participated in Nigeria thanks to the subsidiary Gazprom Nigeria Limited. Such investments use the Nigerian widespread hydrocarbon resources and reflect the company's strategic interests in diversifying global operation. The participation of the Nigerian petroleum and gas industry A Russian Energy Giants not only contributes to the development of the national energy sector but also strengthens the economic relationship between Russia and Nigeria.

In conclusion, Russia's engagement with Africa has significantly evolved, it undergone distinct phases, beginning with its early involvement during the colonial and liberation struggles, as exemplified by its support for Nigeria's military government during the Biafran War. This was followed by a period of post-Soviet disengagement as Moscow reoriented its foreign policy towards the West. The resurgence under President Vladimir Putin, particularly post 2014, signifies a pragmatic re-entry driven by strategic, economic, and geopolitical interests. subsequently, Russia positions itself as an alternative partner for African nations, paralleling China's growing influence while challenging Western dominance. Its

27 Mali-Russia: three memorandums of understanding on nuclear energy signed. // URL: https://www.agenzianova.com/en/news/Mali-Russia-signed-three-memorandums-of-understanding-on-nuclear-energy/

renewed emphasis on energy cooperation, arms trade, infrastructure development, and market expansion aligns with Africa's developmental priorities and underscores Moscow's ambition to shape a multipolar international order. This evolving partnership indicates that Russia's return to Africa is both strategic and enduring, with the potential to reshape the continent's external alliances. lastly, the long-term sustainability of this involvement depends on political stability and global economic situation.

Библиографический список / Reference

1. Желтов А.Ю. Россия и Африка — история и современность. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2012. № 4. С. 3-13.
2. Assefa D., Delamarter S., Jost G., Lee R., & Niccum C. The Textual History of the Ethiopic Old Testament Project (THEOT): Goals and Initial Findings. Textus, 2020. № 29 (1). P. 80-110. // URL: https://doi.org/10.1163/2589255X-02901002
3. Bulatovich A. Ethiopia through Russian Eyes: Country in Transition. Translated by Richard Seltzer. Lawrenceville, NJ: The Red Sea Press. 2000.
4. Jakobson Roman. Roman Jakobson: A Bibliography of his Writings, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1971. // URL: https://doi.org/10.1515/9783110889604
5. Matusevich, Maxim. ""Revisiting the Soviet Moment in Sub-Saharan Africa"." History Compass 7. 2009. № 5. P. 1259-1268. March 11, 2025. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2009.00626.x.
6. Matusevich, Maxim. ""Revisiting the Soviet Moment in Sub Saharan Africa". " History Compass 7, 2009. 1259-1268.
7. McClellan, "Afrenamericans and Black Americans in the Comintern Schools, 1925–1934",The International Journal ofAfrican Historical Studies,26̸2. 1993. P. 371-390.
8. Davidson and I. Filatova, "African History: A View from Behind the Kremlin Wall", in M. Matusevich (ed.), Africa in Russia, Russia in Africa: Three Centuries of Encounters(Trenton, NJ: Africa World Press, 2006), P. 111-131.4
9. See L. Hughes,I Wonder as I Wander: An Autobiographical Journey(New York, NY: Hill & Wang, 1994). 5A.
10. Gruzd S., Ramani S., & Clifford C. Russia in Africa: Who is courting whom? South African Journal of International Affairs, 2022. № 29 (4). P. 401-405. // URL: https://doi.org/10.1080/10220461.2022.2146184
11. Jingcheng Li and Sergey Pogodin 2020 IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 940 012029
12. Global Values in the Context of Civilizational Dialogue, Aleshkovskii, Ivan; Gasprishvili, Alexander ; Smakotina, Natalia., Journal of Globalization Studies. Volume 11, Number 1 / May 2020 // URL: https://doi.org/10.30884/jogs/2020.01.05
13. Shewan, Molly. (2025). "Populism and Autocracy in the Gulf Countries." European Center for Populism Studies (ECPS).January 10, 2025. // URL: https://doi.org/10.55271/rp0094
14. Paczyńska, Agnieszka, Briefing Paper (15/2020) // URL: https://doi.org/10.23661/bp15.2020
15. Assessing Russia's New Interaction with Africa: Energy Diplomacy, Arms Exports and Mineral Resource Markets. The Strategic Review for Southern Africa, 2020. № 42 (2). P. 15-42. // URL: https://doi.org/10.35293/srsa.v42i2.72
16. "Russian Military Cooperation Deals." Africa Research Bulletin: Political, Social and Cultural Series 56. 2019. № 10 22494B-22494C. Accessed March 8, 2025. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1467-825X.2019.09148.x.
17. Russia in Africa: is great power competition returning to the continent? Paczyńska, Agnieszka Briefing Paper (15/2020) // URL: https://doi.org/10.23661/bp15.2020
18. Assessing Russia's New Interaction with Africa: Energy Diplomacy, Arms Exports and Mineral Resource Markets. The Strategic Review for Southern Africa, 2020. № 42 (2). // URL: https://doi.org/10.35293/srsa.v42i2.72
19. Russia in Africa: A new arena for geopolitical competition-Briefing 08-11-2019., // URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/642283/EPRS_BRI(2019)642283_EN.pdf
20. Russia in Africa: An atlas Anna Caprile and Eric Pichon February. 2024 // URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/757654/EPRS_BRI(2024)757654_EN.pdf
21. Egypt's nuclear history. 2017 // URL: https://www.egypttoday.com/Article/1/36436/Timeline-Egypt%E2%80%99s-nuclear-history
22. Belyakov, Nikolay. "Development of Sustainable Nuclear Power Plant Project." Sustainable Power Generation. 2018. P. 327-352. Accessed March 13, 2025. // URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-12-817012-0.00025-6.
23. D A Cauich-López et al 2019 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 337 012081 10.1088/1755-1315/337/1/012081
24. Mali-Russia: three memorandums of understanding on nuclear energy signed // URL: https://www.agenziano-va.com/en/news/Mali-Russia-signed-three-memorandums-of-understanding-on-nuclear-energy/

Губайдуллин Р.Р.
Аспирант, Казанский Приволжский Федеральный Университет, г. Казань.

Формирование «Сендеро Луминосо», её идеологические особенности и первые шаги революционной деятельности*

Аннотация. Статья посвящена формированию, идеологическому развитию и первоначальным этапам революционной деятельности леворадикальной маоистской организации «Сендеро Луминосо» в Перу. Рассматриваются условия, приведшие к появлению движения в Университете Сан-Кристобаль де Уаманга, роль Абимаэля Гусмана, влияние марксизма-ленинизма-маоизма и наследия Мариатеги. Подробно анализируются процесс радикализации, методы вербовки, адаптация маоистских концептов под перуанский контекст, становление народной войны 1980 года и реакция государства. Отдельное внимание уделяется тактическим особенностям и последствиям действий организации, включая насилие против населения, экономические диверсии и столкновение с плохо организованными контртеррористическими силами.

Ключевые слова: Сендеро Луминосо, Абимаэль Гусман, маоизм, Перу, марксизм-ленинизм-маоизм, Мариатеги, леворадикальные движения, народная война, университет Аякучо, политическое насилие.

Gubaidullin R.R.
Postgraduate Student, Kazan Federal University, Kazan.

The formation of Sendero Luminoso, its ideological characteristics and the first steps of revolutionary activity

Abstract. The article examines the formation, ideological evolution, and early revolutionary activities of the radical Maoist organization Shining Path (Sendero Luminoso) in Peru. It explores the social and political conditions that led to its emergence at the San Cristóbal de Huamanga University, the role of Abimael Guzmán, and the influence of Marxism-Leninism-Maoism and Mariátegui's ideas. The study addresses the process of radicalization, recruitment methods, the adaptation of Maoist principles to the Peruvian context, and the onset of the People's War in 1980, as well as the governmental response. Special attention is given to the organization's tactics, widespread violence, economic sab-

* © Губайдуллин Р.Р., 2025.

otage, and the inefficiency of state counterterrorism operations.

Key words: Sendero Luminoso, Abimael Guzmán, Maoism, Peru, Marxism-Leninism-Maoism, Mariátegui, left-wing movements, people's war, University of Ayacucho, political violence.

Регион Латинской Америки на протяжении длительного времени продолжает переживать на себе влияние различных идей социализма. Больший удар пришелся на Перу, именно здесь была зафиксирована наибольшая активность от леворадикального движения в виде военных революционеров в период с конца 1960-х по середину 1970-х годов. «Сендеро Луминосо» – одна из единственных успешных организаций, которой удалось осуществить ряд своих действий на территории Латинской Америки. Ослабленная в 1990-е годы, она, перегруппировав силы, смогла вписаться в современные условия [1, С. 147, 148].

Духовным и реальным альма-матер «Сендеро Луминосо» был Университет Сан-Кристобаль Уаманга (San Cristobal of Huamanga University), который базировался в Аякучо, Перу. В 1960-х гг., университет стал рассадником коммунистических организаций, предположительно из-за того, что университет, на тот момент был одним из беднейших в Перу. Скопление данного контингента (студентов и преподавателей), по всей вероятности дало толчок на определенные перемены в жизни людей. Как раз одним из таких людей был Абимаэль Гусман – преподаватель философии. А. Гусман сформировал «Сендеро Луминосо» в этом университете в 1962 г. Он был ярым приверженцем левонаправленных идей, также он был участником Перуанской коммунистической партии (ПКП).

Основной идеей создания «Сендеро Луминосо» А. Гусман считал проведение демократической революции, в программу которой входило свержение действующей власти и создания государства, которое будет учитывать интересы, в первую очередь, бедных и социально-незащищенных слоев населения.

В Комиссии по установлению истины и примирению были рассекречены и опубликованы основные тезисы из программы Демократической революции:

1. Уничтожение перуанского государства, диктатуры эксплуататоров во главе с крупной буржуазией, вооруженных сил и репрессивных сил, которые ее поддерживают, а также бюрократического аппарата;

2. Ликвидация империалистического гнета – американского империализма, советского социал-империализма и любой империалистической власти или страны. Всеобщая конфискация их монополий, предприятий,

банков и любой формы собственности, включая внешний долг;

3. Уничтожение бюрократического капитализма, как частного, так и государственного; конфискация всей его собственности, товаров и экономических прав в пользу нового государства, включая собственность, принадлежащую империализму;

4. Отмена всей феодальной собственности и всех существующих форм ее использования, путем конфискации и передачи земель крестьянам, применяя принцип «земля для тех, кто ее обрабатывает»;

5. Уважение собственности и прав национальной буржуазии, как в сельской местности, так и в городах;

6. Борьба за инаугурацию народной республики Перу как классового фронта, основанного на рабоче-крестьянском союзе, возглавляемом пролетариатом и коммунистической партией пролетариата, как воплощение новой демократии, которая установит новую экономику, новую политическую структуру и новую культуру;

7. Завершение формирования перуанской нации путем реального объединения;

8. Способствование развитию перуанского пролетариата как части международного рабочего класса; способствовать формированию и укреплению истинных коммунистических партий и их объединению в рамках нового международного коммунистического движения, руководимого марксизмом-ленинизмом-маоизмом, и все это для того, чтобы пролетариат мог выполнить свою великую историческую миссию как последний класс человечества;

9. Защита свобод, прав, преимуществ и завоеваний, достигнутых рабочим классом и массами ценой их собственной крови, признание их и гарантия их полной действительности в «заявлении о правах народа», в частности, уважение свободы вероисповедания. Кроме того, противодействие любому положению, наносящему ущерб интересам людей, особенно форме бесплатного труда или личного обременения, а также высоким налогам, взимаемым с масс;

10. Равенство женщин; лучшее будущее для молодежи; защита матерей и детей; уважение и поддержка пожилых людей;

11. Новая культура как оружие для достижения государственности;

12. Поддержка борьбы международного пролетариата, угнетенных наций и народов мира против сверхдержав;

13. Упорная и мужественная борьба за полную победу демократической революции вместе с международным пролетариатом, угнетенными нациями и народами мира посредством культурных революций, для того чтобы продолжить путь человечества к его конечной цели: коммунизму [2].

Со временем от философских учений, А. Гусман перешел к идее воо-

руженной борьбы против правящей власти, он вербовал на свою сторону преподавателей университета. Вдохновившись речами своего преподавателя, некоторые студенты зачастую ходили в сёла помогать нуждающимся крестьянам, тем самым студенты сыскали поддержку со стороны бедного населения. Медленными шагами создавались подпольные организации, которые послужили плацдармом для реализации идей А. Гусмана. Для только что завербованных кадров требовались знания в области кечуа – языка местного населения, а также базовой коммунистической теории. Всё это было необходимо для того, чтобы создать условия для ведения партизанской войны.

Обучая своих сподвижников, А. Гусман уделял большую часть времени в идеи «Светлого пути Мариатеги» («el luminoso Sendero de Mariategui»), соответственно отсюда и пошло название группировки. Всех, кто поддерживал данную идеологию, называли сендеристы.

С 1973 г. сендеристы брали под своё крыло студенческие советы некоторых университетов [3]. Однако спустя несколько провальных попыток победить на студенческих выборах, организация решила оставить идею принимать участия и вести активную гражданскую позицию на их территории.

В 1973 г. А. Гусман подверг открытой критике официальную линию Перуанской коммунистической партии. Руководство ПКП, несмотря на свои изначально маоистские убеждения, зачастую прибегало к теории Албанской коммунистической партии, в то время как сендеристы уже четко обозначили свою маоистскую направленность [5, С. 115].

Комиссия по установлению истины и примирению опубликовала основные принципы Перуанской коммунистической партии:

1. Противоречие, как единственный фундаментальный закон непрерывного преобразования вечной материи;
2. Массы являются творцами истории;
3. Классовая борьба, диктатура пролетариата и пролетарский интернационализм;
4. Необходимость марксистско-ленинско-маоистской коммунистической партии отстаивать собственную независимость и принимать автономные решения;
5. Бороться против империализма и ревизионизма, совместно и непреклонно;
6. Завоевывать и защищать власть посредством народной войны;
7. Милитаризация партии;
8. Прямая борьба как движущая сила развития партии;
9. Постоянная идеологическая трансформация;
10. Служение народу и глобальной пролетарской революции;
11. Абсолютное бескорыстие и правильный стиль работы [2].

Идеология «Сендеро Луминосо» включала в себя отдельные положения марксизма, ленинизма, маоизма [5, С. 212]. Однако по окончанию правления Мао Цзэдун, А. Гусман отказывается следовать по китайскому пути. На смену пришла другая администрация с другими планами и сотрудничеством, собственно, поэтому следование идеям «великого кормчего» [4] плавно сошло на нет.

В конце 1950-х годов в мире произошли два события, которые повлияли на радикализацию левых движений. Это советско-китайский раскол и кубинская революция. В ноябре 1960 г. Мао Цзэдун встретился с делегацией Кубы, на встрече обсуждались идеологические вопросы и китайский опыт. Было очевидно, что Китайская и Кубинская революции – это явления одного порядка, идеологически близкие, и поэтому китайский опыт может быть применен в Латинской Америке. В связи с этими событиями перуанские коммунисты начали разделяться на сторонников советской и китайской моделей развития партии.

Начало этому размежеванию положил семинар для латиноамериканских коммунистов, проходивший в Китае в 1959 г. Участники изучили работы Мао Цзэдуна и других китайских мыслителей. Практической частью семинара было посещение различных районов Китая.

Участники сформировали первоначальное понимание сущности Китайской революции, которая заключалась в ее отделенности от мирового пролетарского движения и независимости результата революции от итогов Второй мировой войны.

В 1961 г. внутрипартийный раскол в ПКП начался из-за книги Де ла Ривы «Где рождается рассвет». Он был сталинистом и противником хрущевского курса в СССР. В своей книге Де ла Рива изложил конкретные проблемы применения китайского опыта. Именно под его влиянием в 1958 г. в ПКП вступил Абимаэль Гусман.

В 1964 г. на IV съезде ПКП произошел раскол на просоветскую фракцию во главе с Хорхе дель Прадо и маоистскую фракцию во главе с Сатурниньо Паредесом. В 1964–1970 годах «Бандера Роха» во главе с Паредесом пыталась скопировать китайский опыт. Но из-за отсутствия теоретической подготовки и одностороннего понимания применения маоистского опыта она оказалась в политическом тупике.

Руководство «Бандера Роха» стремилось очистить ряды партии от критически настроенных активистов и других партийных образований. Одним из лидеров партии стал Абимаэль Гусман, который посещал кадровые школы в Китае. В 1970 г. из-за серьезных противоречий Гусман и его сторонники были исключены из «Бандера Роха».

Именно в 1970 г. можно считать рождением «Сендеро Луминосо» в фактическом смысле, потому что идеология организации еще не была окон-

чательно сформирована. К тому моменту, когда Гусман был исключен из партии, он уже имел серьезную поддержку среди интеллектуалов Аякучо благодаря тому, что после возвращения из второй стажировки в Китае сосредоточился на работе в университете Сан Кристобаль де Уаманга.

Как сотрудник университета, Гусман отвечал за формирование учебного плана базового курса и поэтому имел возможность ввести в преподавание общественных наук, включая курсы по историческому и диалектическому материализму. Другие профессора, которые симпатизировали «Сендеро Луминосо», например, агроном Антонио Диас Мартинес, занимали важные позиции в структуре университета и могли оказывать радикальное влияние на других профессоров и студентов. Однако первоначально число сторонников организации было невелико. Как говорил сам Гусман, в 1971 г. на втором собрании Центрального комитета «Сендеро Луминосо» в Аякучо присутствовало всего 12 человек, а во всем Перу их сторонников было около 50.

В этой связи следует отметить, что распространение социалистического влияния в университетах не ограничивалось действиями исключительно сендеристов или маоистов в целом – оно являлось частью общей тенденции по радикализации университетских кругов Перу в 1970-х гг., а университет Сан Кристобаль был одним из флагманов этой радикализации. Эта тенденция подкреплялась деятельностью правительства Веласко Альварадо, которое значительно расширило связи с социалистическими странами и усилило позиции левых сил.

В 1970-х гг. Гусман и его сторонники развернули широкую деятельность по привлечению университетской молодежи в Аякучо в свои ряды. Для этого было организовано студенческое крыло – «Революционный студенческий фронт Сияющего пути Мариатеги» (упоминание Мариатеги было отсылкой к его роли в создании ПКП), которое сотрудничало и с другими организациями сендеристов, не имеющими прямого отношения к университету – Движением бедных крестьян и Народным фронтом защиты. Большое внимание уделялось работе в сельской местности, чтобы завоевать доверие крестьян и повысить их грамотность, а также сформировать у самих сендеристов понимание того, что и как необходимо делать для революции. Для этого сендеристы отправлялись работать учителями в сельские школы. Поддержка населения росла, и к 1980 г. «Сендеро Луминосо» уже стала очень значимой силой.

В университете был создан центр по изучению работ Мариатеги, где студенты и преподаватели могли изучать и обсуждать его труды с маоистских позиций. Некоторые профессора, включая Диаса Мартинеса, были приглашены посетить Китай и помочь с переводом маоистских материалов.

Из Китая в Перу поступали пропагандистские материалы (журналы, видеофильмы), которые бесплатно распространялись в Аякучо, что уси-

ливало влияние маоистских идей. В 1970-х гг. количество этих материалов снизилось, но именно в этот период лидеры «Сендеро Луминосо» начали адаптировать идеологический фундамент маоизма к местным условиям.

Гусман и его сторонники обратились к творческому наследию Мариатеги, чтобы выяснить, можно ли сделать его частью идеологии новой партии. Еще до своего исключения из «Бандера Роха» на конференции в университете Сан-Кристобаль-де-Уаманга в 1968 г. Гусман говорил о важности идей Мариатеги и о том, что он и его сторонники являются законными продолжателями идей Мариатеги.

В своей речи 1975 г. «Давайте вернем Мариатеги и возродим его партию» Гусман уже интерпретирует Мариатеги в свете идей Мао и показывает сходство позиций обоих мыслителей по некоторым вопросам, давая свой синтез их взглядов. Он объясняет это сходство следующим образом: «Принимая непосредственное участие в классовой борьбе нашей страны, Мариатеги был способен развиваться как марксист и применять универсальные принципы в своем мышлении, отсюда и сходство многих его тезисов с тезисами Мао Цзэдуна».

Гусман заключает, что именно Мариатеги установил общую политическую линию перуанской революции. Цитируя программу Социалистической партии Перу, которую подготовил Мариатеги, он заявляет, что «это мастерски показанные проблемы, стоящие перед перуанской революцией, и два ее этапа: национально-демократический (или буржуазно-демократический, по мысли Мао Цзэдуна) и пролетарский». Говоря о характеристике Мариатеги вооруженных сил, возглавляемых коммунистами, Гусман тут же апеллирует к Мао: «…вот новый тип армии, которая порождается революцией и которая может возникнуть только под абсолютным контролем партии, как учит Мао Цзэдун».

По словам самого Гусмана, к седьмому пленуму партии, т.е. 1976–1977 гг., вопрос адаптации наследия Мариатеги к нуждам «Сендеро Луминосо» уже был практически решен, и программа партии с использованием идей Мариатеги была в целом готова.

Другой идеолог «Сендеро Луминосо» Диас Мартинес также был в определенном смысле близок к идеям Мариатеги, полагая, что попытка изменить быт перуанских крестьян извне, навязав им другие ценности, обречена на провал. Это только укрепляет у властей идею о том, что индейцев очень трудно интегрировать в современное общество. Диас Мартинес был уверен в том, что крестьянское общество может измениться, только если изменится все перуанское общество, для чего необходимо следовать по пути революции, во главе которой должны стоять маоистские ячейки рабочих и крестьян.

Он указывал, что революционные процессы в Гватемале, Мексике и Бо-

ливии потерпели неудачу, потому что их возглавили представители буржуазии, которым были чужды чаяния крестьян. После посещения Китая в 1974–1976 гг. Диас Мартинес издал книгу «Китай. Аграрная революция», в которой по-своему интерпретировал историю Китая с 1911 г. и заложил основу понятийного аппарата, используемого сендеристами в дальнейшем. Он также полагал, что после смерти Мао Цзэдуна именно в Перу должны принять на себя мировое лидерство в следовании маоистским принципам под руководством «Председателя Гонсало».

Идеология «Сендеро Луминосо» к моменту начала народной войны в 1980 г. стала обозначаться как марксизм-ленинизм-маоизм или «Мысль Гонсало». Это означало, что была проведена определенная адаптация универсальной идеологии марксизма-ленинизма-маоизма, в которую были внесены национальные дополнения. Возможно, использование наследия Мариатеги являлось этой адаптацией, чтобы сделать универсальную концепцию более легитимной в национальном контексте.

Процесс идейно-политической адаптации маоизма силами сендеристов в Перу происходил в ежедневной работе. Идеология организации постоянно эволюционировала, но фундамент маоизма и ленинизма оставался прежним. Об этом говорил Гусман, в том числе в большом интервью El Diario в 1988 году.

Таким образом, работы Мао Цзэдуна стали своего рода священными текстами не только для руководства ««Сендеро Луминосо»», но и для ее рядовых членов, которые использовали их как руководство к действию. Они руководили своими ячейками, основываясь на своем личном понимании марксизма-ленинизма-маоизма в приложении к конкретной ситуации или обстановке.

Что касается маоизма, к которому прибегали сендеристы, то было два важных момента в идеологии Мао Цзэдуна, которые отметил А. Гусман. Именно благодаря этим аспектам, он начал следовать идеям М. Цзэдуна. Как писал в своей работе Р.М. Магомедов – это были: «Во-первых, эксплуататорский характер империализма и феодальный характер земельных отношений, вынуждавшие крестьянство обретать форму главной движущей силы революции. Во-вторых, возможность организации блока между классами, несмотря на идеологическое превосходство рабочего класса» [1, С. 148].

Несмотря на то, что А. Гусману нравились не все аспекты идеологии маоизма, «Сендеро Луминосо» следовала своему политическому курсу, не отходя от пяти ключевых принципов данной идеологии:

1. Стратегия народной войны, т. е. стратегия массовой партизанской войны, опирающейся на эксплуатируемую социальную базу, ведущая к окружению более развитых областей, получающих прибыль от эксплуатации этой социальной базы;

2. Линия масс, включающая в себя четыре основных момента: а) учиться у народа, руководя им; б) служить народу, руководя им; в) опираться на народ, руководя им; и г) осуществлять руководство в основном при помощи указаний, а не команд;

3. Философский, стратегический и тактический подход, выявляющий главное текущее противоречие и главного врага в настоящий момент;

4. Новодемократическая революция и соответствующая стратегия блока четырёх классов, как путь к жизнеспособному социализму в странах с докапиталистическим способом производства;

5. Политические и культурные революции, сопровождающие пролетарскую революцию и происходящие по мере необходимости [4].

Порядка десяти лет организация «Сендеро Луминосо» наращивала свои силы. Сендеристы вербовали бедное коренное население, которое находилось в провинции. Именно эти бедняки, отчаявшиеся во власти своей страны, были рычагами давления на законную власть. Сендеристы и их лидер пытались создать рабочее-крестьянское государство.

Вот, что говорил сам лидер леворадикальной организации Абимаэль Гусман: «Массы должны опираться на убедительные факты. Вы должны внедрять в них свои идеи... Массы в Перу нуждаются в руководстве Коммунистической партии. Мы надеемся, что с более революционной теорией и практикой, с более активными вооруженными действиями, с более популярной войной, с большей властью мы сможем проникнуть в самое сердце класса и общества и по-настоящему расположить их к себе. Зачем? Служить им – вот чего мы хотим» [6, С. 155].

Начиная с 17 марта 1980 года активисты организации провели серию тайных собраний в горном Аякучо, сформировали военно-политический «революционный директорат» и отправили своих боевиков в стратегические районы провинций для организации «вооруженной борьбы». Была основана своя «первая военная школа» и организованы занятия по «критике и самокритике» маоистской практики по искоренению вредных привычек и анализу ошибок.

Первые громкие заявления от «Сендеро Луминосо» были на выборах в департаменте Аякучо в 1980 г., там активисты сожгли урны для голосования в провинциальном селе Чуши. В своей статье, В. Носов рассказывает о том, что сендеристы отметились в Лиме, закидывая на столбы электросети вдоль главного бульвара столицы дохлых собак с плакатами «фашистский пес Дэн Сяопин» и славословящими «банду четырех» [7]. После последовали мелкие преступления и провокации со стороны активистов. По ночам они совершали своеобразное «правосудие»: принудительное проведение политических бесед (тем самым сендеристам удавалось вербовать новых людей в стан своей организации), учинение народного правосудия над

местными хулиганами, скотокрадами и т.д. Многие крестьяне сообщали потом, что это первый вид социальных услуг, с которым они столкнулись в своей жизни. Уже в процессе повстанческой войны сендеристы в подконтрольных зонах расправлялись с наркоманами, наркоторговцами, проститутками и т.д. [4].

Особенностью сендеристов стала массовость и жестокость их акций, направленных зачастую не только против государственных, но и против общественных деятелей, в том числе, представителей левых движений. Парламентских левых сендеристы считали ревизионистами, защитниками существующего строя.

Были жесткие действия сендеристов, которые оставляли без света весь город Лима. Небольшая банда подорвала 4 пилона, которые в последствии отключили все электричество в столице. Данная диверсия произошла в середине августа 1982 года. Из статьи В. Носова можно добавить, что предпринимались также меры по разрушению экономики. Запрещено было выращивать больше, чем можешь съесть, продавать продукты, на руки полагалось 5 коров или 50 овец, остальное под нож или беднякам. Традиционные рынки, на которых индейцы могли обменять немногие свои избытки на то, чего у них нет, тоже были закрыты [8].

Что касается ответных действий со стороны властей, то в 1981 г. в Аякучо был делегирован батальон специалистов по контртеррористической борьбе, в котором никто не был знаком с местностью и не знал кечуа. Более того, данный батальон злоупотреблял властью. Идею задействовать в полную силу военную машину только что избранные демократические власти поначалу отклонили, опасаясь «грязной войны» в Аргентине. 29 декабря 1982 г. было введено ЧП (по закону только на 60 дней) и в район направили контингент в полторы тысячи военных, вполне оправдавших опасения насчет «грязной войны» [9].

Сендеристы начали уничтожать и разграблять своих же союзников, например компании, которые раннее были либо завербованы, либо самостоятельно присоединились в стан «Сендеро Луминосо». А те в своё время (союзники) начали высказывать свои недовольства по поводу того, что сендеристы сначала были союзниками и опекали их, а сейчас действуют в режиме безжалостной военщины и уничтожают, вместо того чтобы защищать.

Жесткие действия «Сендеро Луминосо» сравнивали даже с экстремистским националистическим политическим движением маоистской ориентации в далекой Камбодже – «красными кхмерами» [10, С. 111], [11, С. 311, 312]. Вероятно, можно было ожидать победу сендеристов, а за победой насильственную кампанию, которая повлечет за собой гибель не только политических деятелей, которые на тот момент стояли у власти, но и множества невинных жителей.

Организация по отпору сендеристов со стороны правительства была на упадническом уровне. Правительство оказалось абсолютно некомпетентным.

В статье В. Носов «Повстанческое движение «Сендеро Луминосо» в Перу» писал: «Начались внедрения в города, где сперва действовали команды местных жителей, обученные визитерами из сельской местности; были созданы целые отряды на местах, готовые к делу. В 1983 г. было 637 акций в Лиме, а в 1985 г. уже 1398. Список атакуемых объектов расширялся – туда вошли элитные школы, большие склады, офисные здания и магазины, а также посольства – девять раз американское, шесть раз китайское, три раза советское. Подходили в качестве целей гостиницы, бензозаправки, офисы авиакомпаний и всякое прочее зарубежного происхождения» [8].

Более того они истребили колоссальное количество животных. В испанском издании «Эль Диарио» социолог К. Тапия объяснил, что сендеристы убивали животных «потому что они говорили, что животные являются частью империалистической системы» [12]. «Они убивали родовой скот, кровный скот. Даже если это звучит как шутка, это не так. Например, если крупный рогатый скот пришел из Новой Зеландии, они говорили, что он является частью бюрократического капитализма» [12]. В ходе расследования, «Сендеро Луминосо» убила более двух миллионов животных во время войны, которую она развязала против перуанского государства в период с 1980 по 2000 года.

Подводя итоги, необходимо выделить несколько пунктов:

1. «Сендеро Луминосо» была создана при Университете Сан-Кристобаль Уаманга в Аякучо в 1970 г. Лидером являлся Абимаэль Гусман, он привнес в организацию идеологию маоизма. Главной целью организации являлось свержение действующей власти и создания новой, которая будет опираться на интересы, в первую, очередь бедных и незащищенных слоев населения;

2. Около десяти лет организация набирала в свой стан рекрутов, вербовала крестьян и молодых студентов. Главным рычагом давления на перуанскую власть было бедное население;

3. С начала 1980 г. активисты организации совершали провокационные действия, которые были направлены на политическую дестабилизацию в регионах Перу;

4. Плохо организованные контртеррористические операции и введенное ЧП спровоцировали активистов «Сендеро Луминосо» вести более жесткую политику по отношению к властям Перу и мирным жителям страны.

Библиографический список:

1. Degregori C.I. How Difficult It Is to Be God: Shining Path's Politics of War in Peru, 1980–1999. – University of Wisconsin Press, 2012. 155 p.

2. Jackson K.D. Cambodia, 1975–1978: Rendezvous with Death. – Princeton University Press, 1989. 111 p.
3. Kiernan B. The Pol Pot Regime: Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–1979. – Yale University Press, 2008. P. 311-312.
4. Магомедов Р.М. Особенности эволюции леворадикальной идеологии в Латинской Америке в 70-е гг. XX века (на примере «Сендеро Луминосо») // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 4. С. 147-148.
5. Шевелев В.Н. Мао Цзэдун – Великий Кормчий // Маоистская библиотека // URL: http://library.maoism.ru/Shevelev-GreatPilot.htm (Дата обращения: 10.10.2025).
6. Повстанческое движение «Сендеро Луминосо» в Перу // Конфликтолог // URL: http://conflictologist.org/povstancheskoye-dvijenije-sendero-luminoso-v-peru.htm (Дата обращения: 10.10.2025).
7. Rochlin J. F. Vanguard Revolutionaries in Latin America: Peru, Colombia, Mexico. – Lynne Rienner Publishers, 2003. 212 p.
8. Sendero Luminoso Mató Más de Dos Millones de Animales en Perú // Vanguardia. – 23.05.2014. // URL: http://vanguardia.com/mundo/sendero-luminoso-mato-mas-de-dos-millones-de-animales-en-peru-segun-informe-JFvl261459 (Дата обращения: 10.10.2025).
9. Sendero Luminoso publica programa general // Comisión de la Verdad y Reconciliación // URL: http://lum.cultura.pe/cdi/documento/sendero-luminoso-publishes-general-program-sendero-luminoso-publica-programa-general (Дата обращения: 10.10.2025).
10. Сендеро Луминосо (Partido Comunista del Perú – Sendero Luminoso) // Blogpost. – 31.08.2013 // URL: http://photographer-rc.blogspot.com/2013/08/partido-comunista-del-peru-sendero.html (Дата обращения: 10.10.2025).
11. Сендеро Луминосо: «Сияющий путь, залитый кровью» // Hasta Pronto. – 09.11.2016. // URL: http://hasta-pronto.ru/sendero-luminoso/ (Дата обращения: 10.10.2025).
12. Tangeman M. Che Guevara, Guerrilla Warfare, and the Sendero Luminoso in Peru. – Texas Tech University, 1983. 115 p.
13. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.

Reference

1. Degregori C.I. How Difficult It Is to Be God: Shining Path's Politics of War in Peru, 1980–1999. University of Wisconsin Press, 2012. 155 p.
2. Jackson K.D. Cambodia, 1975–1978: Rendezvous with Death. Princeton University Press, 1989. 111 p.
3. Kiernan B. The Pol Pot Regime: Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–1979. Yale University Press, 2008. pp. 311–312.
4. Magomedov R.M. Features of the Evolution of Left-Radical Ideology in Latin America in the 1970s (using Sendero Luminoso as an Example) // Bulletin of Dagestan State University. 2015. No. 4. P. 147-148.
5. Shevelev V.N. Mao Zedong – The Great Helmsman // Maoist Library // URL: http://library.maoism.ru/Shevelev-GreatPilot.htm (10.10.2025).
6. The Sendero Luminoso Rebel Movement in Peru // Conflictologist // URL: http://conflictologist.org/povstancheskoye-dvijenije-sendero-luminoso-v-peru.htm (10.10.2025).
7. Rochlin J.F. Vanguard Revolutionaries in Latin America: Peru, Colombia, Mexico. – Lynne Rienner Publishers, 2003. 212 p.
8. Sendero Luminoso Mató Más de Dos Millones de Animales en Perú // Vanguardia. – 05/23/2014. // URL: http://vanguardia.com/mundo/sendero-luminoso-mato-mas-de-dos-millones-de-animales-en-peru-segun-informe-JFvl261459 (10.10.2025).
9. Sendero Luminoso publica programa general // Comisión de la Verdad y Reconciliación // URL: http://lum.cultura.pe/cdi/documento/sendero-luminoso-publishes-general-program-sendero-luminoso-publica-programa-general (10.10.2025).
10. Sendero Luminoso (Partido Comunista del Perú – Sendero Luminoso) // Blogpost. – 31.08.2013 // URL: http://photographer-rc.blogspot.com/2013/08/partido-comunista-del-peru-sendero.html (10.10.2025).
11. Sendero Luminoso: "Shining Path, Drenched in Blood" // Hasta Pronto. – 09.11.2016. // URL: http://hasta-pronto.ru/sendero-luminoso/ (10.10.2025).
12. Tangeman M. Che Guevara, Guerrilla Warfare, and the Sendero Luminoso in Peru. – Texas Tech University, 1983. 115 p.
13. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a "political person" // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62-73.

Верховский И.А.
Аспирант. Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва.

Политика Российской империи в Адриатическом регионе накануне Первой мировой войны (1908-1914 гг.)*

Аннотация. Статья посвящена политике Российской империи в Адриатическом регионе накануне Первой мировой войны. Международные отношения в этом регионе рассматриваются в работе с точки зрения «Адриатического вопроса» (пересечение интересов Италии, Австро-Венгрии и национальных движений югославянских народов на почве территориальных и этнополитических споров), «Балканского вопроса» (борьба народов Балканского полуострова за территории бывшей Османской империи и пересечение интересов великих держав в регионе Балкан), а также глобального контекста, содержащего в себе как межблоковое противостояние (Антанты и Тройственного союза), так и противостояние между союзниками по Тройственному союзу (Австро-Венгрии и Италии). По результатам исследования делается вывод о том, что действия России в Адриатике в рассматриваемый период строились на основании стратегии лавирования, компенсаций и балансирования (стратегическое поражение в рамках Боснийского кризиса (соглашение в Бухлау, 1908 г.) и попытка его компенсации (соглашение в Раккониджи, 1909 г.), что было обусловлено как сложностью международных процессов в Европе, так и внутриполитическим состоянием Российской империи после русско-японской войны (1904-1905 гг.) и революции (1905-1907 гг.).

Ключевые слова: внешняя политика Российской империи, Боснийский кризис, Балканский вопрос, Адриатический вопрос, Балканские войны, Балканский союз.

Verkhovsky I.A.
Postgraduate Student. Russian State University for the Humanities, Moscow.

The policy of the Russian Empire in the Adriatic region on the eve of the First World War

Abstract. The article is devoted to the policy of the Russian Empire in the Adriatic region on the eve of the First World War. International relations in this region are con-

* © Верховский И.А., 2025.

sidered in the work from the point of view of the "Adriatic issue" (the intersection of the interests of Italy, Austria-Hungary and the national movements of the Yugoslav peoples on the basis of territorial and ethnopolitical disputes), the "Balkan issue" (the struggle of the peoples of the Balkan Peninsula for the territories of the former Ottoman Empire and the intersection of the interests of the great powers in the Balkans region), as well as the global context, which includes both the inter-bloc confrontation (the Entente and the Triple Alliance), So is the confrontation between the Triple Alliance allies (Austria-Hungary and Italy). Based on the results of the study, it is concluded that Russia's actions in the Adriatic during the period under review were based on a strategy of maneuvering, compensation and balancing (strategic defeat in the framework of the Bosnian crisis (the Buchlau agreement, 1908) and an attempt to compensate for it (the Racconigi agreement, 1909), which was due to both the complexity of international processes in Europe, and the internal political state of the Russian Empire after the Russo-Japanese War (1904-1905) and the revolution (1905-1907).

Key words: foreign policy of the Russian Empire, Bosnian crisis, Balkan question, Adriatic question, Balkan wars, Balkan Alliance.

Введение

Накануне Первой мировой войны Адриатический регион представлял собой одну из наиболее конфликтогенных зон европейской политики в рамках Венской системы международных отношений. В региональном аспекте в этой зоне наблюдалось пересечение интересов государств, расположенных непосредственно на побережье Адриатики – Италии, Австро-Венгрии, малых государств Балканского полуострова, а также национальных движений югославянских и балканских народов. В глобальном аспекте международные процессы в Адриатике в период с 1908 по 1914 гг. проходили как в контексте противостояния блоков Антанты и Тройственного союза, так и в контексте внутриблокового противостояния между союзниками альянсов (особенно Австро-Венгрия – Италия). **Цель** данной статьи состоит в проведении комплексного исследования внешней политики Российской империи в Адриатическом регионе, ее методов и результатов в период с начала эскалации Боснийского кризиса (1908 г.) и до Сараевского убийства 28 июня 1914 г. и начала Первой мировой войны.

Определение «Адриатического» и «Балканского» вопросов

В исследовании неоднократно упоминаются такие формулировки, как «Адриатический вопрос» и «Балканский вопрос», которые необходимо чётко определить и разграничить. Адриатический вопрос относится к спору о контроле над территориями, прилегающими к восточной части Адриатического моря от Монфальконе до Которского залива. Эти земли были предметом противоречий между словенским, хорватским и итальянским

населением в виду несоответствия государственных границ Италии и Австро-Венгрии границам этнических территорий. Балканский вопрос, в свою очередь, концентрируется вокруг борьбы государств и народов Балканского полуострова за освобождение от влияния Османской империи, а также соперничества великих держав в регионе Балкан.

Адриатический и Балканский вопросы тесно переплетаются друг с другом. Они имеют общее географическое измерение, в каждом из них ключевую роль играла Австро-Венгрия, чьи интересы напрямую сталкивались с интересами государств, этнических групп и национальных движений. Оба вопроса были предметами острого соперничества великих держав. В рамках Балканского вопроса происходило столкновение интересов Российской империи, выступавшей в защиту славянских этнических групп, и Австро-Венгрии (при поддержке Германии), стремившейся расширить свое влияние на Балканах, сдерживая Россию и славянский национализм. В рамках Адриатического вопроса принципиальную роль играла Италия, имевшая притязания на некоторые территории Австро-Венгрии, населенные итальянцами, словенцами, хорватами, что сопровождалось вовлеченностью стран Антанты, заинтересованных в привлечении Италии на сторону блока.

Интересы России в Адриатическом регионе в начале XX века

Применительно к внешней политике Российской империи в Адриатическом регионе, российский историк С.А. Романенко справедливо отмечает: «Соединились два вопроса – этнополитический – славянский, и в большей степени геополитический – адриатический» (Романенко 2014а, с. 214]).

С точки зрения геополитики, Адриатическое море расценивалось Россией как потенциальный транспортный коридор, обеспечивающий выход торгового и военно-морского флота в Средиземное море. При этом, контроль союзных империи славянских государств над портами восточного побережья (Бар, Дуррес) был важен для противодействия морской блокаде со стороны великих держав, усиления оперативной гибкости флота [Хлебникова 2011, с. 60]. Вспоминая о событиях в Адриатике, министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов в 1915 году писал: «Размежевание владений по Адриатическому побережью…должно было привести к столкновению, опасному для европейского мира…»[1]. Позиция Сазонова в данном случае демонстрирует признание Адриатики в качестве важнейшего геополитического пространства, на котором конструировалась общеевропейская система международных отношений.

Особенным образом выделяется этнополитический фактор. Культур-

1 Цит. по: Сазонов С.Д. Воспоминания / С.Д. Сазонов. – Мн.: Харвест, 2002. 25 с.

ная и этническая близость русских и славян Австро-Венгрии разбавлялись мировоззренческими, конфессиональными и даже религиозными различиями (православные, католики и боснийцы-мусульмане). Несмотря на солидарность с национальными движениями славянских народов на рубеже XIX-XX вв., к началу Первой мировой войны поддержка подобных формирований рассматривалась правящими кругами России с осторожностью, учитывая потенциальное ухудшение отношений с Австро-Венгрией [Романенко 2014b, с. 250].

Важно отметить, что в 1908-1914 гг. Российская империя сталкивалась с собственными ограничителями в области формирования внешней политики. Поражение в русско-японской войне (1904–1905 гг.) и Первая русская революция (1905–1907 гг.) существенно ослабили международные позиции и военную мощь империи. Санкт-Петербург осознавал необходимость избегать участие в международных конфликтах до завершения программы военных реформ, что накладывало сдерживающий отпечаток на внешнеполитическую активность [Гусева 2001, с. 155].

Стратегия сложных дипломатических комбинаций прослеживалась во внешнеполитическом курсе министра иностранных дел Российской империи (1906-1910 гг.) А.П. Извольского, выступавшего за урегулирование противоречий в Азии, на Дальнем Востоке и постепенный переход к выстраиванию гибких отношений с великими европейскими державами. В рамках данной стратегии в 1907 году было подписано русско-английское соглашение по разделению сфер влияния в Азии[2].

Боснийский кризис 1908 года и адриатическая политика России

К окончанию первого десятилетия XX века события в Адриатическом море характеризовались напряженностью. Австро-Венгрия, стремясь закрепить влияние в регионе, к 1908 году берет курс на аннексию Боснии и Герцеговины в нарушение Берлинского трактата 1878 года, определявшего статус-кво на Балканах, что вызвало протесты Османской империи (после Младотурецкой революции) и Сербии, считавшей эти земли своей исторической частью. [Вишняков 2011, с. 110].

Ключевая геополитическая задача Российской империи применительно к Балканскому вопросу, по мнению А.П. Извольского, состояла в открытии для русского флота Черноморских проливов Босфора и Дарданелл, что пересекалось с Австро-Венгерскими амбициями в регионе. 15 сентября 1908 года состоялись встреча А.П. Извольского и министра иностранных дел Австро-Венгрии А. фон Эренталя в замке Бухлау, по итогам которой была достигнута «джентельменская договорённость» (без подписания до-

2 *Ленин В.И.* Тетради по империализму / М.: 1939. 621 с.

кумента) о признании Россией аннексии Боснии и Герцеговины в обмен на поддержку Австро-Венгрией пересмотра режима проливов. Из донесений военного агента в Вене полковника Марченко генералу-лейтенанту Дубасову от 4 октября 1908 года следовало: «Эренталь уверил императора и наследника, что Россия дала своё согласие в Бухлау. Положение серьёзно»[3].

Для России соглашение в Бухлау ознаменовало тяжелое дипломатическое поражение, закреплённое принятием выдвинутых Германией в марте 1909 года предложений, содержавших фактически ультимативное требование согласиться с аннексией во избежание нападения Австро-Венгрии на Сербию. Об этих событиях Извольский вспоминал: «Кроме дипломатической лавировки, мне ничего не остается делать»[4].

Параллельно с обострением отношений между основными участниками кризиса (Австро-Венгрией и Сербией) противоречия возникли между Сербией, отстаивавшей своё историческое право на территорию Боснии и Герцеговины, и славянским национальным движением в Далмации, часть которого выступала за вхождение этой территории в славянский субъект при Габсбургской монархии. [Романенко 2014b, с. 119]. Австро-венгерская экспансия затрагивала интересы и итальянских ирредентистов (от ит. irridento – неосвобождённый), выступавших за присоединение к Италии территорий, на которых проживали этнические итальянцы (в частности, Истрия, Далмация). В период Боснийского кризиса российская дипломатия относилась к Адриатическому вопросу с особенным вниманием. В письмах Н.В. Муравьеву, послу России в Италии, Извольский интересовался: «не собирается ли Италия напасть на Австрию, чтобы отнять у нее населенные итальянцами области» [Зонова 1998, с. 60]. Министр иностранных дел Италии Томмазо Титтони, встречаясь с А.П. Извольским, выражал согласие с российским планом по урегулированию кризиса, обозначая при этом условие нейтралитета России в случае аннексии Италией турецких владений в Ливии. Результатом взаимодействия министров иностранных дел стало секретное соглашение в Раккониджи, достигнутое к 24 октября 1909 года, по которому стороны договаривались совместно отстаивать право балканских народов на самоопределение, блокируя установление иностранного господства в регионе. [Фэй 1934, с. 127].

Соглашение в Раккониджи представляло собой компенсацию дипломатического провала России в Боснийском кризисе, демонстрирующую механизм использования противоречий между государствами (Австро-Венгрией и Италией). В широком смысле оно положило начало процессу переориентации Италии на Антанту. В то же время Петербург, как и в 1908

3 Цит. по: АВПРИ, ф. 151 «Политархив», д. 3176 «Австрия на Балканах», Л. 90.

4 Цит. по: Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Мемуары. – М.: Воениздат, 1986. 350 с.

году, не мог быть уверенным в обеспечении ключевого требования по проливам, поскольку его реализация напрямую зависела от других великих держав. Примечательно, что в 1909 году, за год до отставки Извольского, свои полномочия завершил и министр иностранных дел Италии Титтони. Новый руководитель министерства маркиз Сан-Джулиано скептически отзывался о принципе «Балканы – балканским народам», провозглашённом в Раккониджи, полагая, что подобная стратегия усилит Сербию. С этого момента в российско-итальянских отношениях произошло заметное охлаждение [Зонова 1998, с. 62].

Балканские войны и внешняя политика России.

С окончанием Боснийского кризиса политическая ситуация в Адриатике претерпела некоторые изменения. Успех Италии в войне Турцией (1911-1912 гг.) способствовал созданию Балканского союза – формирования, состоящего из Сербии, Черногории, Болгарии и Греции, для которых ослабление Османской империи открывало возможность укрепления позиций в регионе посредством захвата Македонии, Фракии, Косово и Албании[5]. Российская сторона в лице министра иностранных дел С.Д. Сазонова оказала большую поддержку Балканскому союзу, способствуя подписанию фундаментального Сербско-болгарского соглашения (13 марта 1912 г.) [Кузьмичёва 2021, с 157]. В данном случае можно проследить несколько основных целей российской политики: ослабление Турции и, как следствие, усиление влияния на Балканах, создание барьера против экспансии Австро-Венгрии, предотвращение конфликтов между балканскими народами.

Выступая с поддержкой Балканского союза, Сазонов чётко оговаривал невмешательство в конфронтацию. С началом Первой балканской войны (сентябрь 1912 г.) Союза против Турции он писал: «Россия снимает с себя любую ответственность» [Терзич 2014, с. 100]. В результате сложного переговорного процесса по возникшему кризису великие державы, в том числе и Россия, поддержали создание независимой Албании, ставшей впоследствии новым узлом противоречий в Адриатике, учитывая пересечение в этой зоне интересов Сербии, Италии и Австро-Венгрии.

Первоначально Петербург поддерживал раздел албанских территорий между Сербией (северные области с выходом к Адриатическому морю через Дуррес) и Черногорией (порт Бар). Однако, учитывая потенциально обострение отношений с Австро-Венгрией и Италией, Россия была вынуждена отказаться от этих планов. Материалы архивных документов свиде-

5 Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и врем. правительств 1878-1917 гг. Серия 3. 1914-1917 гг. / Комис. при ЦИК СССР по изд. документов эпохи империализма под пред. М.Н. Покровского. – М.: Л: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931-1940. 52 с.

тельствуют о том, что российская дипломатия относилась к Албанскому вопросу с большим вниманием, но, при этом, крайней осторожностью, предпочитая переводить его обсуждение в плоскость переговоров держав. Беседуя с послами Австро-Венгрии, Италии, гофмейстер А.А. Нератов 6 августа 1911 года отмечал значение Албанского вопроса как специально, особенно интересующего всего три державы[6]. Вторая балканская война, начавшаяся в конце июня 1913 года, окончательно разрушила Балканский союз. Невозможность консенсуса о разделе турецкого территориального наследия при дипломатических усилиях Австро-Венгрии, заинтересованной в распаде Союза, привела к началу конфликта между Болгарией и коалиции из Сербии, Греции, Черногории и Румынии, завершившимся капитуляцией болгарского правительства 29 июля 1913 года[7].

Создание в 1913 году независимого государства Албания под протекторатом Международной продемонстрировало несоответствие интересов великих держав и малых государств. Показательна в данном случае реакция Вены на интервью премьер-министра Сербии Н. Пашича от 12 октября 1912 года, в котором он поставил вопрос об интересах Сербии в Адриатике[8]. В тот же день австрийский министр иностранных дел Л. Фон Берхтольд заявил: «на Балканах – жизненно важные интересы…отстаивать их при всяких обстоятельствах»[9]. Берхтольд напрямую заявлял сербскому посланнику о принятии самых решительных мер: ««в случае оставления хотя бы одного сербского солдата вне границы» [Цит. по: История Балкан (1878–1914 гг.) 2017. с. 312].

Противоречия Албанского кризиса были формально разрешены 17 декабря 1913 года с подписанием на территории Италии Флорентийского протокола, закрепившего границы Лондонской конференции послов великих держав с некоторыми оговорками. Ключевую дипломатическую роль в данном случае сыграл итальянский министр иностранных дел Антонио ди Сан-Джулиано, рассчитывавший на укрепление укрепление авторитета Италии. Однако границы Албании, очерченные по результатам протокола, не учитывали этнический состав территорий, что, в свою очередь, только усилило напряженность в регионе [**Becherelli, Carteny 2012, p. 79**].

С геополитической точки зрения Российская империя не смогла предотвратить силовое давление Австро-Венгрии на Сербию или эффектив-

6 АВПРИ, ф. 151, «Политархив», оп. 482, д. 3193 «О желательности обмена мнениями в вопросах Балканской политики межд. Представителями России, Австрии и Италии ввиду положительных результатов, достигнутых таким путем при решении Албанского кризиса», Л. 75.

7 *Ключников Ю.В., Собанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. – М.: 1925. Т. 1. 227 с.

8 Туцовић Д. Србија и Арбанија; Београд, 1914. 70 с.

9 Цит. по: Туцовић Д. Србија и Арбанија; Београд, 1914. 76 с.

но противостоять решению великих держав о создании независимой Албании, что ограничивало сербский, а значит, и российский доступ к морю. С этнополитической точки зрения Албанский кризис в значительной степени подрывал идею славянского политического проекта. Как показала практика, реальные ориентиры югославянских государств в значительной степени противоречили друг другу, а давление со стороны великих держав (в данном случае Австро-Венгрии и Италии) только усложняло ситуацию.

Очередная дипломатическая победа Австро-Венгрии активизировала бурный всплеск националистических настроений внутри Сербии. Наиболее показательным стало возникновение группировки «Чёрная рука», к которой примкнули, в частности, представители сербской военной элиты. Сотрудничало с организацией и другое формирование – «Млада Босна», членом которой был Гаврило Принцип, совершивший роковое убийство Франца Фердинанда 28 июня 1914 года, ставшее поводом к началу глобального конфликта.

К 1914 году Адриатическое измерение оказалось в центре генезиса будущего глобального конфликта. Попытки великих держав, в частности, Австро-Венгрии и Италии закрепить своё влияние в регионе сопровождались устремлениями балканских государств обеспечить как прочность собственных границ, так и, в случае Сербии, напрямую получить выход к морю. Российская внешняя политика в период Балканских войн демонстрировала своё невмешательство, несмотря на полную дипломатическую вовлеченность.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

Во-первых, внешняя политика политика Российской империи в Адриатике осуществлялась как в рамках глобального контекста противостояния блоков Антанты и Тройственного союза, так и в рамках регионального контекста, специфика которого сводилась к двум «вопросам» - Адриатическому и Балканскому, каждый из которых, несмотря на тесное взаимное переплетение, имел свою уникальную специфику и динамику.

Во-вторых, как глобальный, так и региональный контексты внешней политики России в Адриатике в рассматриваемый период соединяли в себе два фактора – геополитический и этнополитический. Задачи Российской империи по укреплению позиций в регионе и обеспечению выхода к Средиземному морю посредством контроля над проливами Босфор и Дарданелл сочетались с поддержкой югославянских народов, чьи интересы противоречили не только амбициям великих держав в регионе, но и друг другу (распад Балканского союза).

В-третьих, в силу специфики глобального и регионального контекста международных отношений в Адриатике в период с 1908 по 1914 гг., внешняя политика России ориентировалась на стратегию лавирования и невмешательства в конфронтацию, даже в случае прямого ущемления интересов близких к России государств (Сербии). Данный подход был также обусловлен ослаблением империи после поражения в русско-японской войне (1904-1905 гг.), внутриполитическими противоречиями.

Оценка эффективности действий России в Адриатике и на Балканах не может быть однозначной как в силу многообразия процессов внутри региона, так и в силу стратегии лавирования, выбранной Российской империей в качестве наиболее взвешенного варианта, если не укрепления, то во всяком случае удержания собственных позиций.

Библиографический список:

1. АВПРИ, ф. 151, «Политархив», оп. 482, д. 3176 «Австрия на Балканах», Л. 90.
2. АВПРИ, ф. 151, «Политархив», оп. 482, д. 3193 «О желательности обмена мнениями в вопросах Балканской политики межд. Представителями России, Австрии и Италии ввиду положительных результатов, достигнутых таким путем при решении Албанского кризиса», Л. 75.
3. Бекерелли А., Картени Б. Независимая Албания и итало-албанские отношения (1912-2012): Материалы конференции по случаю столетия независимости Албании – Сапиенца, 22 ноября 2012 г. / А. Бекерелли, Б. Картени. – Рим, 2012. С. 79.
4. Вишняков Я.В. Боснийский кризис 1908-1909 гг. и славянский вопрос // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1. С. 103-111.
5. Гусева А.Ю. А.П. Извольский (министр иностранных дел России 1906–1910 гг.) // Дипломатический вестник. 2001. № 10. 155 с.
6. Зонова Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений, Ч. 1 / Т. В. Зонова; МГИМО(У) МИД РФ, каф. дипломатии. – М.: 1998. 64 с.
7. История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) 2017 – История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 312 с.
8. Кузьмичева Л.В. Российские дипломаты Н.В. Чарыков и В.Н. Штрандтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1-2. С. 154-169.
9. Романенко С.А. Славяно-итальянские отношения и проблема будущего Австро-Венгрии в русской публицистике (февраль–октябрь 1917 г.) // Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны / Slovenica III. – М.: Институт славяноведения. РАН, 2014. С. 212-235.
10. Романенко С.А. Между пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX в. – 1991 г.). – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 1024 с.
11. Терзич С. Россия и Первая Балканская война // Слово.ру: Балтийский акцент. 2014. № 3-4. С. 95-104.
12. Фэй С. Происхождение Первой мировой войны, перевод с английского С. Соколова и А. Сперанского // Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. Т. 1. 388 с.
13. Хлебникова 2011 – Хлебникова В. Б. Черногория // Югославия в XX веке: очерки политической истории. – М.: 2011. С. 55-71.
14. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

Reference

1. AVPRI, f. 151, “Politarchiv”, op. 482, d. 3176 “Austria in the Balkans”, L. 90.
2. AVPRI, f. 151, “Politarchiv”, op. 482, d. 3193 “On the desirability of exchanging opinions on issues of Balkan policy between representatives of Russia, Austria and Italy in view of the positive results achieved in this way in resolving the Albanian crisis”, L. 75.

3. Bekerelli A., Karteni B. Independent Albania and Italian-Albanian relations (1912-2012): Proceedings of the conference on the occasion of the centenary of Albania's independence - Sapienza, November 22, 2012 / A. Bekerelli, B. Karteni. - Rome, 2012. P. 79.
4. Vishnyakov Ya.V. The Bosnian Crisis of 1908-1909 and the Slavic Question // Bulletin of MGIMO University. 2011. № 1. P. 103-111.
5. Guseva A.Yu. A.P. Izvolsky (Minister of Foreign Affairs of Russia 1906-1910) // Diplomatic Bulletin. 2001. № 10. 155 p.
6. Zonova T.V. Russia and Italy: History of Diplomatic Relations, Part 1 / T.V. Zonova; MGIMO(U) MFA of the Russian Federation, Dept. of Diplomacy. – Moscow: 1998. 64 p.
7. History of the Balkans. At the Turning Point of Eras (1878-1914) 2017 – History of the Balkans. At the Turning Point of Eras (1878-1914) / Responsible for Ed. K.V. Nikiforov. – Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2017. 312 p.
8. Kuzmicheva L.V. Russian diplomats N.V. Charykov and V.N. Shtrandtman on the reasons for the failure of the Russian plan to create a Balkan federation // The Slavic world in the third millennium. 2021. Vol. 16. № 1-2. P. 154-169.
9. Romanenko S.A. Slavic-Italian relations and the problem of the future of Austria-Hungary in Russian journalism (February–October 1917) // The First World War in the politics and culture of Russians and Slovenes. On the centenary of the beginning of the First World War / Slovenica III. – Moscow: Institute of Slavic Studies. RAS, 2014. P. 212-235.
10. Romanenko S.A. Between Proletarian Internationalism and Slavic Brotherhood: Russian-Yugoslav Relations in the Context of Ethnopolitical Conflicts in Central Europe (Early 20th Century – 1991). – Moscow: Novoye Literaturnoye Obozrenie, 2011. 1024 p.
11. Terzic S. Russia and the First Balkan War // Slovo.ru: Baltic Accent. 2014. № 3-4. P. 95-104.
12. Fay S. The Origins of the First World War, translated from English by S. Sokolov and A. Speransky // Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1934. Vol. 1. 388 p.
13. Khlebnikova 2011 – Khlebnikova V.B. Montenegro // Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History. – M.: 2011. P. 55-71.
14. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Алайчиев У.К.

Докторант, специального факультета, научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Киргизские религиозные общины во время войны (1941–1945 гг.): государственный контроль над религией, борьба с религиозной идеологией и духовная опора общества; вклад мусульман*

Аннотация. Статья, основанная на материалах Центрального государственного архива Кыргызской Республики, Российского государственного архива социально-политической истории и других архивных источников, анализирует период войны в Киргизской ССР. В этот период политика в отношении конфессий была жестко контролируемой, однако сохранялось пространство для идейно-воспитательной работы, включая обновлённые формы атеистической пропаганды. Наблюдается параллельное сокращение числа мечетей и рост духовно-нравственной активности общества: данные о закрытии мечетей в Нарынской области и полном отсутствии действующих мечетей Иссык-Кульской области к 1946 году подчёркивают принудительный характер изменений, но не исключают ожидания возрождения. Важным аспектом являются данные о взносах в фонд поддержки РККА и о помощи семьям участников войны, а также конкретные примеры сельскохозяйственных и гуманитарных действий общин. Автор показывает религиозно-нравственную опору как жизненную структуру общества, которая, несмотря на мобилизацию и партийный контроль, способствовала моральной устойчивости, солидарности и общему делу победы. В заключение автор обращается к личному смыслу периода: духовность без жесткой идеологической структуры может быть опорой народа в кризисные годы и иметь ценность для современного поколения как источник совести, доверия и социальной ответственности.

Ключевые слова: Киргизская ССР, Киргизия, мобилизация, религия, ислам, христианство, война, атеизм.

Alaychiev U.K.

Doctoral candidate, Special Faculty, Research Institute (Military History), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

* © Алайчиев У.К., 2025.

Kyrgyz municipal communities during the war (1941–1945): state control over religion, the struggle with religious ideology and the spiritual support of society; the contribution of Muslims

Abstract. The article, based on materials from the Central State Archives of the Kyrgyz Republic, the Russian State Archive of Socio-Political History and other archival sources, analyzes the war period in the Kirghiz SSR. During this period, policy towards religious denominations was strictly controlled, but space was retained for ideological and educational work, including updated forms of atheistic propaganda. A parallel decline in the number of mosques and an increase in the spiritual and moral activity of society are observed: data on the closure of mosques in the Naryn region and the complete absence of functioning mosques in the Issyk-Kul region by 1946 emphasize the forced nature of the changes, but do not exclude the expectation of a revival. An important aspect is the data on contributions to the Red Army support fund and on assistance to the families of war participants, as well as specific examples of agricultural and humanitarian actions by communities. The author shows the religious and moral support as a vital structure of society, which, despite mobilization and party control, contributed to moral stability, solidarity and the common cause of victory. In conclusion, the author addresses the personal meaning of the period: spirituality without a rigid ideological structure can be a support for the people during times of crisis and be valuable for the modern generation as a source of conscience, trust, and social responsibility.

Key words: Kirghiz SSR, Kyrgyzstan, mobilization, religion, Islam, Christianity, war, atheism.

Память о годах Великой Отечественной войны не сводится к перечню фактов о политике и репрессиях; прежде всего она отражает духовно-нравственный смысл, который народ осваивал на местах, в семьях и общинах. В военные годы политика в отношении религий изменилась: организации могли существовать и действовать, однако на крайне жестких условиях и под надзором, в первую очередь в рамках государственной партийной модели контроля [1. Л. 29].

В особенности это касалось мусульманского духовенства Средней Азии и Казахстана, в том числе киргизской территории. Во многом эта перемена была связана не столько с благожелательностью к вере, сколько с необходимостью найти новые опоры для фронта и сохранить моральный настрой общества в тяжёлые годы борьбы. Ещё до того, как война резко переформатировала общество, враждебная антиисламская пропаганда в СССР ощутимо ослабевала в силу материальных трудностей, а также кризиса экономики. Печатная база рушилась: бумаги не хватало, тиражи сокращались, выпуск значительной части периодических изданий стал практи-

чески немыслим. Такова суровая реальная база 1941-1942 годов: во время войны требовалось примерно 6,5 тонн газетной бумаги в месяц для нужд государства, а фактически выпускалось лишь около 4,1 тонны [2. Л. 282]. В таких условиях любые попытки системной антирелигиозной агитации становились второстепенными по отношению к насущному фронтовому делу. Это свидетельство того, как война пересматривает нашу идеологическую память: нужда опутывает всё, и идеи вынуждены идти в ногу с реальностью фронта и тыла. Тем не менее, исторические условия войны не сводятся к экономике и пропаганде. Глубокое перемещение настроений в обществе, кризисы веры и её возрождение - все это было налицо. По мере того как страна переходила на мобилизацию военного времени, в массовой идеологической работе всё же сохранялось место для идейно-воспитательная работа с обновленными формами атеистической пропаганды. При этом религиозное оживление сосуществовало с резким сокращением числа мечетей: во время войны мечети закрывались в Нарынской области и других местах Средней Азии [3. Л. 10]. К началу послевоенного 1946 года, из 92 действовавших мечетей Иссык-Кульской области, не осталось ни одной - словно исчезли голоса молитвы и страницы памяти, прежде которыми наполнялись дни местного сообщества [4. Л. 53]. Но если бы все это рассматривать лишь как потери, было бы слишком упрощенно: за этим периодом стоит и динамика веяний, и ожидание возрождения, которое позже, после войны, снова стало мощной силой в духовной жизни киргизского народа.

В Джалал-Абадской области в 1942 году по сравнению с 1941 годом число первичных организаций Союза воинствующих безбожников возросло на 17, а число их членов - на 392. В 1942 году лекции читались только членами ЦК СВБ республики - 1710 лекций, присутствовало 164 841 человек [5. Л. 3].

Осторожность в отношении религиозных общин сохранялась в работе партийных органов. Среди значимых документов - постановления: 11 октября 1943 года «О работе просветительных учреждений республики» (ЦК Коммунистической партии Киргизии и Совета Народных Комиссаров республики), 30 октября 1944 года «О пропаганде естественнонаучных знаний среди молодежи» (ЦК ЛКСМ Киргизии), 14 февраля 1945 года «Об улучшении мероприятий в партийных организациях Киргизии массово-политической и идеологической работы» и прочие. Такую позицию можно рассматривать как попытку сохранить нравственную основу общества, не позволяя религии стать источником раскола, а наоборот - объединяющим фактором в условиях общей мобилизации.

Немалый вклад в тыловую поддержку фронта носили и сами религиозные общины - в первую очередь мусульмане Киргизии. По архивным данным. В 1944 году мусульманская община Фрунзенской области аккуму-

лировала 545 864 рубля в фонд РККА. В первом полугодии 1945 года поступления составили 137 720 рублей, и совокупная сумма за анализируемый период достигла 683 584 рубля. Во втором квартале 1945 года еврейская община перечислила 4 040 рублей в фонд помощи семьям участников войны, а сведения о взносах евангельских христиан-баптистов - 23 890 рублей. В Ошской области верующие направили в фонд ГКО 103 000 рублей, 10 голов крупного рогатого скота и 30 овец. При мечетях организовывались пункты сбора вещей для фронта; одним из активистов, руководивших отправкой посылок, стал имам из Узгена Каримбек ажи. Жители колхоза «Ынтымак» Ошской области 30 000 рублей [6. Л. 4]. Эти данные иллюстрируют роль религиозных общин в мобилизационной поддержке фронта и координацию между духовными лидерами и государственными структурами.

Вклад мусульманских имамов и православных священников Киргизии превысил 1,5 миллиарда рублей и поступил в фонд Государственного комитета обороны. Значительная доля средств направлялась на формирование боевой мощи, в частности на строительство танковой колонны «Дмитрий Донской» [7. Л. 2], что иллюстрирует тесную координацию между религиозными общинами и государственными структурами в условиях войны. Но это не только деньги. Мужество и патриотизм народа проявлялись и через конкретные дела: мусульмане Фрунзенской области на свободных землях колхозов засеяно 43 гектара зерновых культур и частично масличных. В рамках мобилизационной поддержки населения в фонд перечислены 20

7 марта 1944 г. Красной армии передана танковая колонна «Димитрий Донской».

голов ягнят и козлят, 12 610 кг зерна и 135 182 рубля в фонд помощи семьям участников войны [8. Л. 7]. Вглядевшись в такие цифры, понимаешь: духовно-нравственная основа киргизской мусульманской общины была способна превратить веру в реальную, ощутимую помощь фронту и всем тем, кто был связан с его судьбой.

Эти факты показывают не только политическую схему, но и живую структуру общества, в которой верующие и духовенство действительно приняли участие в победе. Их вклад - не только в виде пожертвований и посевов, но и в форме моральной поддержки, готовности хранить и передавать патриотический дух, который помогал людям выстоять в тяготах войны. В этом смысле можно говорить о том, что религиозно-нравственная ориентация мусульман Киргизии стала одной из опор в общечеловеческом усилии по победе над врагом - опор, основанной на духовной дисциплине, взаимопомощи, милосердии и ответственности перед соседями и детьми.

Значение этого периода заключается в том, чтобы показать, что религиозная община может служить источником вдохновения и нравственного ориентира даже при сильной мобилизации и контроле. Война научила людей ценить не только силу оружия, но и опору совести, которая заставляла готовы помогать фронту и поддерживать друг друга. Эти факторы - духовно-нравственные устои, доверие между государственной властью и религиозными лидерами, участие простых людей в общественных делах - стали основой достойного вклада киргизского общества в общую победу.

По регионам разрушения молитвенных домов в данный период уступали темпам их возведения; таблица на 1 октября 1945 года содержит эти данные.

В совокупности данные свидетельствуют о том, что во время войны государственный контроль ограничивал развитие, но не парализовал религиозную жизнь: часть общин функционировала и регистрировалась, религиозные структуры сохраняли роль в общественной жизни.

Государство частично финансировало исламские духовные управления; муллы, избираемые внутри сообщества, мечети и школы содержались за счёт населения кочевых и оседлых инородцев [9. Л. 285].

Роль религиозных лидеров в антифашистской победе над Германией оказалась значимой: она вызывает заслуженное уважение и демонстрирует модель нравственной мобилизации, применимую к современности. Рассматривая судьбу духовно-нравственного общества мусульман Киргизии во времена войны, ответственность, патриотизм и человеческая солидарность выступают как основополагающие качества, благодаря которым вера становилась источником силы в условиях кризиса и когда государство находило общий язык с религиозной общиной ради победы и выживания

страны. Для сегодняшнего поколения это особенно важное послание: духовность, свободная от жестких идеологических форм, может стать той опорой, на которую опирается народ в трудные годы, помогая сохранить человеческое достоинство и веру в лучшее будущее. Эта работа подчеркивает значимость религиозной общности как движущей силы гражданской солидарности и этической ответственности, актуальной для политики, образования и межконфессионального диалога сегодня.

Таблица.

№	Район / Община	Сообщество	С какого времени действует	Количество	Время регистрации
1.	г. Фрунзе	мусульмане	1944	1	1945-06-02
2.	г. Фрунзе	иудеи	1944	1	1945-06-19
3.	г. Фрунзе	евангельские христиане баптисты	1944	1	1945-05-29
4.	г. Пржевальск	мусульмане	1945	1	не зарегистр.
5.	г. Токмак	мусульмане	1942	1	1945-05-29
6.	г. Нарын	мусульмане	1943	1	не зарегистр.
7.	Кочкорский	мусульмане	1944	1	не зарегистр.
8.	Покровский	мусульмане	1944		не зарегистр.
9.	г. Ош	мусульмане	1942	1	1945-06-24
10.	г. Ош	евангельские христиане баптисты	1945	1	не зарегистр.
11.	г. Кара-Суу	мусульмане	1945	1	не зарегистр.
12.	г. Узген	мусульмане	1945	1	не зарегистр.
13.	г. Джалал-Абад	мусульмане	1945	1	не зарегистр.
14.	Наукатский	мусульмане	1945	1	не зарегистр.

Библиографический список:

1. Ахмадуллин В.А. Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны. – М.: Исламская книга, 2015. 336 с.
2. Беркхоф К. Газеты и радио советского тыла // Советский тыл 1941-1945: повседневная жизнь в годы во-

йны. – М.: Политическая энциклопедия, 2019.
3. Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР). Ф. 2597. Оп. 2. Д.1.
4. ЦГА КР. Ф. 2597. Оп. 2. Д. 1.
5. Фукалов И.А. Религиозные конфессии Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Б.: Университет АДАМ – Бишкекская финансово-экономическая академия, 2023.
6. Российский государственный архив социально-политической истории Российской Федерации (РГАСПИ РФ). Ф. 628. Оп. 1. Д. 373.
7. Патриотическое служение религиозных организаций СССР в годы Великой Отечественной войны // Российская газета. 2020. 18 мая.
8. ЦГА КР. Ф. 2597. Оп. 1с. Д. 1.
9. Религиозные деноминации в Республике Алтай / Редколл.: к.и.н. Н.В. Екеев, к.и.н. Тадышева Н.О. (отв. ред.), к.полит.н. Г.Б. Эшматова; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. 480 с.
10. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.
11. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

Reference

1. Akhmadullin, V.A. “Patriotic Activities of Muslim Spiritual Directorates During the Great Patriotic War.” Moscow: Islamic Book, 2015. 336 p.
2. Berkhof, K. “Newspapers and Radio of the Soviet Rear.” The Soviet Rear 1941–1945: Everyday Life During the War. Moscow: Political Encyclopedia, 2019.
3. Central State Archives of the Kyrgyz Republic (CSA KR). Collection 2597, Inv. 2, D. 1.
4. CSA KR. Collection 2597, Inv. 2, D. 1.
5. Fukalov, I.A. “Religious Denominations of Kyrgyzstan During the Great Patriotic War (1941–1945). – B.: ADAM University – Bishkek Academy of Finance and Economics, 2023.
6. Russian State Archive of the Social and Political History of the Russian Federation (RGASPI RF). F. 628. Op. 1. D. 373.
7. Patriotic service of religious organizations of the USSR during the Great Patriotic War // Rossiyskaya Gazeta. 2020. May 18.
8. Central State Administration of the Kyrgyz Republic. F. 2597. Op. 1s. D. 1.
9. Religious denominations in the Altai Republic / Editorial: Ph.D. N.V. Ekeev, Ph.D. Tadysheva N.O. (responsible editor), Ph.D. G.B. Eshmatova; BNU RA “Research Institute of Altaic Studies named after. S.S. Surazakova” – Gorno-Altaisk: OOO Gorno-Altaisk Printing House, 2015. 480 p.
10. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.
11. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Хошев А.Ю.

Кандидат технических наук, магистр теологии, доцент кафедры церковной истории и церковного права Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Проблемы развития сербской национальной культуры в социалистической Хорватии и история создания в 1989 г. Сербского культурного общества «Зора»*

Аннотация. Послевоенная социалистическая Хорватия была задумана как республика с двумя равными государствообразующими народами (хорватским и сербским), чьи отношения гармонизировались бы на основе коммунистической идеологии «братства и единства». Однако по ряду причин этот амбициозный замысел реализован не был, и сербы в Хорватии не получили фактического языкового и культурного равноправия, а с начала 1970-х гг., под предлогом борьбы с национализмом, были постепенно лишены и права на собственные национальные культурные учреждения. Попытка создания в явочном порядке сербского культурного общества была предпринята в Книне в 1989 г. в атмосфере кризиса коммунистической идеологии, роста национальных настроений в Хорватии, Сербии и других республиках федеративной Югославии. В статье предпринят обзор истории проблемы национальных культурных учреждений в Хорватии, особенностей концепции Сербского культурного общества «Зора» и трудностей на пути реализации данной демократической инициативы. Использованы публикации, появлявшиеся в рамках медийной кампании в поддержку данного проекта, а также воспоминания и интервью участников событий.

Ключевые слова: Хорватия, Сербия, Югославия, культурные учреждения, межнациональные отношения, культурная политика.

Khoshev A.Yu.

Candidate of Technical Sciences, Master of Theology, Docent of Saints Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies.

Problems of development of Serbian national culture in socialist Croatia and the history of the creation of the Serbian Cultural Society “Zora” in 1989

* © Хошев А.Ю., 2025.

Abstract. Post-war socialist Croatia was conceived as a republic with two equal state-forming nations (Croatians and Serbs), whose relations would be harmonized based on the communist ideology of „The Brotherhood and Unity". However, for a number of reasons, this ambitious plan was not realized, and Serbs in Croatia did not receive de facto linguistic and cultural equality. Beginning in the early 1970s, under the pretext of combating nationalism, they were gradually deprived of the right to their own national cultural institutions. An attempt to create a Serbian cultural society „Zora" ("The Dawn") was made in Knin in 1989, amid a crisis of communist ideology and rising national sentiment in Croatia, Serbia, and other republics of the federal Yugoslavia. This article reviews the history of the problem of national cultural institutions in Croatia, the specifics of the concept of the Serbian Cultural Society „Zora" and the difficulties encountered in implementing this democratic initiative. The publications used were those that appeared as part of the media campaign in support of this project, as well as the recollections and interviews of participants in the events.

Key words: Croatia, Serbia, Yugoslavia, cultural institutions, interethnic relations, cultural policy.

Сербские культурные учреждения (школы, певческие общества, типографии, библиотеки и читальни, литературные клубы и др.) на территории современной Хорватии играли в период до 1918 г. важную роль в сохранении сербской национальной культуры и противодействии попыткам ассимиляции сербского населения Империи Габсбургов.

В усташеском «Независимом государстве Хорватия» (1941-1945 гг.) проводилась политика насильственного навязывания хорватской идентичности, массового изгнания и уничтожения сербского населения; сербский язык, этноним «серб» и производные от него были запрещены, а все сербские культурные учреждения – упразднены [12, С. 130].

В послевоенной федеративной Югославии Хорватия являлась одной из республик[1]; первым её высшим органом законодательной и судебной власти в 1944 г. был провозглашён местный народно-освободительный комитет ЗАВНОХ (ZAVNOH, *хрв* **Zemaljsko antifašističko vijeće narodnog oslobođenja Hrvatske** – Национальное вече народного освобождения Хорватии), в который вошли представители Коммунистической партии Хорватии (с 1937 г. – самостоятельной парторганизации в составе Коммунистической партии Югославии), Хорватской крестьянской партии, а также ряда других общественно-политических сил.

Выстраивая свою политику как антитезу усташескому шовинизму [10, С. 107], ЗАВНОХ строго следовало идеологии «братства и единства», равноправия народов и их языков [1, С. 30-31], не создавая препятствий про-

1 Официальное название Хорватии как республики в составе югославской федерации: в 1945-1963 гг. – Народная Республика Хорватия (НР Хорватия, НРХ); в 1963-1991 гг. – Социалистическая Республика Хорватия (СР Хорватия, СРХ).

цессу возрождения сербских культурных учреждений, стремясь, однако, по возможности взять этот процесс под собственный контроль.

В сентябре 1943 г. начался выпуск газеты на сербской кириллице «Српска ријеч» [16, С. 134]. 22 октября 1944 г. в Глине на руинах храма, сожжённого в 1941 г. с телами 1200 сербов, было воссоздано известное с начала XX в. Сербское певческое общество «Обилић» [9, С. 270; 24, С. 114]. 18 ноября 1944 г. было основано Сербское культурное общество (СКО) «Просвјета» [16, С. 135; 24, С. 113-114], основавшее по территории НРХ множество отделений [24, С. 116-123]. В составе СКО «Просвјета» в период с 1948 г. по 1953 г. существовала Центральная сербская библиотека. В 1946 г. был учреждён Музей, а в 1949 г. – также и Архив сербов в Хорватии [10, С. 107-108].

Сербы составляли в 1953 г. 15% населения НР Хорватии [3, С. 39] и не относились к числу национальных меньшинств, пользуясь государствообразующим статусом, аналогичным статусу хорватов. В 1944 г. ЗАВНОХ приравнял кириллицу к латинице, закрепив также за ней приоритет в школах с сербским большинством учащихся [12, С. 195].

Шаги навстречу сербской национальной культуре носили, впрочем, тактический, а подчас – сугубо декларативный характер. В деятельности секретарей ЦК КПХ А. Хебранга (1899-1949) и его преемника В. Бакарича (1912-1983) прослеживается установка на недопущение возрождения в Хорватии сербства в качестве организованной этнополитической силы.

Несмотря на лоббирование со стороны М. Пьяде в 1943 г. и 1946 г., а также рекомендации Комиссии по общественно-политической системе и межнациональным отношениям ЦК СКХ в 1971 г. [4, С. 215], сербскому народу в Хорватии так и не была предоставлена какая-либо форма автономии. По инициативе Хебранга в Конституции НРХ понятие «сербский народ» было заменено на неравнозначное «сербы в Хорватии». Вместо автономии в 1944 г. был учреждён Клуб сербских советников ЗАВНОХ [16, С. 134; 24, С. 113]. 29-30 сентября 1945 г. на Конгрессе сербов в Загребе был избран «Главный совет сербов», задуманный как политическое представительство сербов в Хорватии [12, С. 197]. Однако система сербских представительских органов, не получив достаточных условий для полноценной деятельности, была постепенно свёрнута.

В 1950 г. за критику фактического неравноправия сербского населения НР Хорватии были репрессированы трое сербов-министров, недавних видных партизанских командиров [4, С. 62-63; 26, С. 363-368].

Газета «Српска ријеч», превращенная было в официальный печатный орган Клуба сербских советников ЗАВНОХ, с его кризисом в середине 1950-х гг. начала выходить под названием «Просвјета». Уже в конце 1940-х гг. в атмосфере советско-югославского конфликта пошёл процесс вытеснения сербского языка и кириллицы из школы и публичного пространства

[26, С. 150, 227, 312, 334, 448; 16, С. 140]. Сербам в НРХ не удалось добиться ни равноправия языка, ни установки кирилличных табличек в местах численного преобладания [12, С. 197].

После войны обществам было предоставлено право обратиться за разрешением на возобновление деятельности – с предъявлением уставов, в которые вносились поправки с учётом требований нового законодательства. В 1946 г. таким путём получило разрешение основанное в 1874 г., но закрытое в 1941 г. Сербское певческое общество «Слога» из Дубровника. Однако в 1947 г. Отдел внутренних дел облисполкома Далмации это разрешение аннулировал, постановив хор упразднить, а его имущество передать СКО «Просвјета». Основанием для закрытия Сербского певческого общества «Слога» послужило утверждение, будто «в период до 6 апреля 1941 г. данное общество выступало носителем шовинизма в Дубровнике и очагом разжигания религиозной и национальной нетерпимости». Аргументация органов внутренних дел была оснащена также мелочной придиркой к уставу, хотя тот был приведён в соответствие с новыми требованиями и годом ранее получил одобрение со стороны областного руководства [26, С. 395-399].

Одним из инструментов сдерживания национальной культуры стало её растворение в югославизме. Так, Сербское певческое общество «Обилић» в 1949 г. было слито с хорватским «Vatroslav Lisinski» в единый хор под названием «Bratstvo-jedinstvo» [24, С. 114]. Сербский и хорватский литературные языки (как имеющие общую лингвистическую основу в виде штокавского наречия) Новосадским соглашением 1954 г. лингвистов были объявлены двумя диалектами единого «сербскохорватского/хорватскосербского языка», введённого в официальное употребление Конституцией СФРЮ 1963 г. [1, С. 33-34].

Не получили условий для развития и сербские культурные учреждения в НР Хорватии. В 1953 г. была упразднена Центральная сербская библиотека, чьи фонды были переданы другим учреждениям [10, С. 108]. Музей сербов в Хорватии, действовавший в 1946-1948 гг. и в 1952-1963 гг., дважды преобразовывался в отдел Исторического музея Хорватии, а в этом статусе был и окончательно упразднён в 1985 г. Лишь до 1953 г. существовал Архив сербов в Хорватии, чьи фонды, переданные Музею сербов в Хорватии, были раздроблены и утрачены [10, С. 108].

В 1967 г. в СРХ начинаются открытые выступления национальной интеллигенции в защиту культурной самобытности хорватского народа, которые, получив поддержку части партноменклатуры СКХ, переросли в 1969-1971 г. в т. н. «массовое движение» (*хрв* masovni pokret, сокращённо «маспок») под лозунгами повышения самостоятельности Хорватии. Важную роль в формировании идеологии «маспока» и его развёртывании сыграло Хорватское культурное общество (ХКО) «Matica hrvatska». «Маспок» сопровождался ростом шовинистических настроений и угроз в адрес серб-

ского населения [4, С. 210]; звучал тезис о неприемлемости равноправного положения сербов в Хорватии. В этих условиях за равноправие сербов в СРХ активно выступало СКО «Просвјета», вокруг которого сплотились сербская национально мыслящая интеллигенция и сербское население, напуганное возрождением хорватского шовинизма.

Поначалу глядя сквозь пальцы на происходящее в СРХ, И. Броз Тито в конце концов осознал опасность осуществлявшихся там реформ для собственной власти. В декабре 1971 г. «маспок» был подавлен, а его организаторы и активисты были привлечены к уголовной ответственности. ХКО «Matica hrvatska» в декабре 1971 г. было запрещено [4, С. 280-281]. В качестве симметричной меры в рамках кампании по борьбе с национализмом в 1972 г. было запрещено и СКО «Просвјета» [5, С. 121; 16, С. 206]. Однако если по сербской культуре в СРХ этим был нанесён тяжёлый удар, то развитие хорватской культуры планомерно продолжили профильные республиканские учреждения.

Окончательно СКО «Просвјта» было упразднено приказом Секретариата внутренних дел СР Хорватии от 23 мая 1980 г. [10, С. 107]

К середине 1980-х гг. в СРХ не осталось сербских культурных учреждений. В резолюции совещания ССРН[2] СРХ 2 октября 1980 г. прямо отмечалось, что «забота о комплексе культурных, исторических, жизненных и творческих вопросов хорватской или сербской нации в СРХ не может быть доверена никаким особым национальным обществам или организациям» и что, в отличие от «народностей» (нацменьшинств), представителям народов («сербов в Хорватии или хорватов в Хорватии»), «не видится оправданным» позволить создавать собственные «культурные учреждения или клубы».

В опубликованном в 1986 г. газетой «Вечерние новости» проекте программного документа, получившего известность как «Меморандум САНУ» (САНУ – *срб* Српска академија наука и уметности, Сербская академия наук и искусств) за авторством 16 членов САНУ подчёркивается, что «сербский народ в Хорватии подвержен утончённой и эффективной политике ассимиляции», составной частью которой является «запрет всех сербских объединений и культурных учреждений в Хорватии». Отмечено и «навязывание» сербам хорватского языка в качестве официального – после соответствующей декларации 1967 г. в канун «маспока» [1, С. 38-40; 16, С. 163-185] Хорватия вышла из Новосадского соглашения, отказавшись от проекта разработки общего языка, и в ст. 138 Конституции СРХ 1974 г. официальным именуется лишь «хорватский литературный язык», представленный как «стандартный вариант народного языка хорватов и сербов в Хорватии» и называется «хорватский или сербский» [25, С. 270]. Даже про-

2 ССРН – *србохорв* Социјалистички савез радног народа, Социалистический союз трудового народа – массовая общественно-политическая организация в Югославии в 1945-1991 гг.

должавшая выпускаться кириллическая версия официального издания СРХ «Narodni novine» набиралась не на сербском, сербскохорватском или хорватскосербском языках, но именно на хорватском литературном языке [16, С. 206].

М. Джилас (1911-1995), который в 1940-е гг. был непосредственным участником процессов создания федеративной Югославии, а на конец 1980-х гг. являлся космополитичным диссидентом-демократом, отмечал в 1989 г. в своём дневнике, что «положение сербов в Хорватии – фактическая ассимиляция и обезличивание – несправедливо» [20, С. 33].

Помимо вызревавшей демократической оппозиции и национально-ориентированной интеллигенции интерес к сербскому фактору в СРХ появился и у руководства СР Сербии. В 1986 г. С. Милошевич оценил «Меморандум САНУ» как «чернейший национализм», однако ряд высказанных в этом документе идей легли в основу начатых им в 1987 г. реформ, а сербский фактор в СР Хорватии превратился для него в один из рычагов во внутрипартийной и межреспубликанской полемике вокруг ситуации в Косова, экономических и политических реформ в федерации.

7 декабря 1988 г. Конституционный суд СФРЮ потребовал от Загреба устранения монополии хорватского литературного языка на статус официального [1, С. 46]. Хотя 20 июня 1989 г. поправки были отклонены Сабором СРХ [23, С. 6], данный эпизод свидетельствует о новых тенденциях в национальной политике на уровне федерации.

Напрашивается вывод, что в конце 1980-х гг. в кампании в защиту культурных прав сербов в СРХ националистическая сербская интеллигенция – впервые за 70 лет, – ощущала молчаливую поддержку со стороны сербского республиканского и партийного руководства.

Вопрос положения сербской культуры в Хорватии органически вписывался и в контекст отмечавшегося в 1989 гг. в Югославии 600-летия Косовской битвы. В СРХ центральные мероприятия по случаю этой памятной даты прошли 8-9 июля 1989 г. в монастырях Крка и Лазарица.

Торжества были элементом внутриюгославского и международного культурного престижа СР Хорватии, собрав несколько десятков тысяч гостей со всей СФРЮ и из-за рубежа. Их подготовкой занималась Далматинская епархия Сербской Православной Церкви, оставшейся единственной сербской национальной организацией в Хорватии, при поддержке общины и республиканских властей, а возглавил их министр просвещения и культуры СРХ М. Солар. Помимо богослужебной и официальной части с выступлениями и приёмом, программа торжеств включала концерт с номерами духовной, народной и эстрадной музыки.

Присутствие отдельных гостей и целых семей в ярких национальных костюмах, актёров в образе князя Лазаря и сербских витязей из только что вышедшего фильма «Битва на Косовом поле», портреты деятелей сербства

создали атмосферу «национального фестиваля» [13, С. 1, 3].

Доминировали, однако, настроения озабоченности и протеста. Гости несли портреты С. Милошевича и транспаранты с требованием языкового и конституционного равноправия сербов в СРХ, а концерт был сорван беспорядками. Накануне, 20 июня 1989 г., в Сабор СР Хорватии был внесен проект поправки об исключении упоминания о сербах из текста Конституции СРХ, т. е. лишения их статуса равноправного с хорватами государствообразующего народа. Поправка собрала 40 голосов, что было недостаточно для её принятия, но достаточно, чтобы продемострировать обозначившийся запрос на освобождение от идейного наследия ЗАВНОХ и низведение сербов до положения нацменьшинства [22, С. 6].

Значимым событием в контексте празднования 600-летия Косовской битвы стало учреждение Сербского культурного общества (СКО) «Зора».

Формальным инициатором его создания и главой соответствующего оргкомитета стал экономист предприятия «Агропрерада» (г. Книн) Йован Опачич (1945 г. р.), бывший студент-философ и антикоммунистический диссидент, выступивший в роли организатора митинга [14, С. 43-55; 21, С. 657] в Книне 28 февраля 1989 г. с требованием демократических перемен и избранный митингующими председателем комитета по передаче власти в общине (которую осуществить, впрочем, не удалось). Подобные митинги прошли и в 15 других городах республики, вызвав озабоченность Загреба, которой журналист С. Чурувия приписывает и обещания вложений в экономику региона, и беспрепятственное распространение кириллических афиш торжеств 600-летия Косовской битвы, как и появление новой автодороги к монастырю Крка [18, С. 3].

В своих мемуарах Й. Опачич подчёркивает, что идея создания сербского культурного общества ему подал весной 1989 г. журналист белградского издания «Политика-експрес» Йован Покраяц, сам уроженец Книна [14, С. 56]; отчасти провокационный характер этой идеи изначально не мог не приниматься во внимание обоими, учитывая позицию Загреба по теме национальных культурных учреждений в СРХ.

Сказанное позволяет предположить, что замысел создания СКО «Зора» возник не в Книне, а в Белграде, а упомянутый журналист выступал лишь в роли проводника данной идеи. Что же касается очевидных рисков негативной реакции хорватских властей, то они, по-видимому, составляли часть замысла, будучи нацелены на придание максимального резонанса проблеме культурного неравноправия сербов.

Несмотря на всю простоту и прозрачность идеи сохранения сербской культуры, создание Сербского культурного общества в СРХ 1980-х гг. было задачей непростой и даже в определённом смысле политической.

В посвящённой обдумыванию этого замысла части мемуаров Опачича

отражен процесс поиска политической аргументации: «У сербов в Хорватии должны быть все те же культурные институции, что и у всех остальных культурных европейских народов» [14, С. 56]; общество призвано стать символом «окончательного водворения свободы и демократии» [14, С. 56], т. е. катализатором политических перемен; выбрано было и говорящее название – «Зора» (*срб* заря) по словам «Заря занимается – день грядёт!» из стихотворения П. Прерадовича (1818-1872) [14, С. 58]. Сходное название – «Српска зора» – некогда носило также и Сербское просветительское общество, основанное в Дубровнике в 1902 г.

В числе перспективных направлений работы Й. Опачич указывает создание и «добротного любительского хора», и периодического издания, и этнографического музея [14, С. 56-57] – всего того, чем некогда располагали сербы в Хорватии и чего затем были лишены. Комплексный характер деятельности эксплицитно представлен и в Уставе СКО «Зора»: это «изучение жизни и истории, языка и письменности сербского народа» в СРХ, а также «организация и поддержка» работы в сфере науки и искусства, «организация лекций, выставок, культурных мероприятий», «издание журналов», книг и проч., «помощь в создании библиотек и читальных залов», «основание певческих, фольклорных групп» [2, С. 52].

В интервью журналисту белградского издания «Борба» С. Чурувии Й. Опачич ясно даёт понять, что задуманное им общество призвано заниматься проблематикой сербской культуры в СРХ «организованным, плановым, политическим, культурно-рациональным образом» [19, С. 3].

Инициаторы проекта явно исходили в его разработке вовсе не из наличных скудных запросов и возможностей сербов в Хорватии, а из гораздо более масштабной и притом концептуально оформленной идеи.

В вопросе территориального охвата Й. Опачич, по контрасту с общей широтой и детальностью замысла, напротив, изначально ориентировался на узко-региональный формат: «Для Далмации, Лики и Босанской Краины» [14, С. 56] (в интервью «Борбе» – «Буковицы, Равни Котари, Подинарья и Тромеджи» [19, С. 3], что – примерно то же самое, учитывая, что т. н. «Тромеджа» – это район на стыке Лики, Далмации и Боснии).

В Уставе СКО «Зора» в качестве его «целей и задач» обозначена «защита культурного наследия сербов в Социалистической Республике Хорватии, особенно на стыке Лики, Далмации и Боснии… в СР Хорватии, а по необходимости и шире», включая также «развитие культурных связей с организациями сербского народа вне СР Хорватии» [2, С. 52].

Указаны, таким образом, три сферы деятельности «Зоры»:

– ядро и приоритетный регион, со значительной долей сербского населения, – Тромеджа («на стыке Лики, Далмации и Боснии»);

– территория в границах СР Хорватии в целом;

– «организации сербского народа вне СР Хорватии», т. е. как звено в сети культурных контактов в других республиках СФРЮ и в диаспоре.

При всём концептуальном сходстве с СКО «Просвјета» (1944-1972), включая наличие задач в масштабах республики, «Зора», тем не менее, изначально строится с центром и приоритетом деятельности именно в «сербском» регионе СРХ, косвенно усваивая ему тем самым и некоторую субъектность (хотя он никак и не был выделен в структуре республики). Данное обстоятельство наводит на мысль о создании предпосылки для некой формы будущей автономии, тем более, что Й. Опачич усматривал в автономии оптимальный формат бытия сербов в Хорватии [19, С. 3].

Дополнительным аргументом в пользу «домашнего», регионального формата СКО «Зора» могло быть стремление его создателей держать в своих руках все нити управления учреждением, а также минимизировать риски его принудительного закрытия, связанные с контролем спецслужб и возможными провокациями, как это случалось с воссозданными было сербскими культурными учреждениями в Хорватии в 1940-е и 1950-е гг.

Характерно, что на вопрос С. Чурувии, зачем же нужна «Зора», если уже заговорили о воссоздании СКО «Просвјета», Й. Опачич заявляет, что ему об этой инициативе ничего неизвестно [19, С. 3]. Это представляется маловероятным, исходя из глубокой вовлечённости Опачича в жизнь сербского сообщества СРХ и его контактов с инициатором воссоздания СКО «Просвјета» в 1990 г. Душаном Старевичем [14, С. 103] – возникших, возможно, в период уже после учреждения «Зоры». Кроме варианта реального отсутствия информации, указанный ответ можно понимать как проявление решимости следовать разработанному сценарию как окончательному и имеющему стратегическое значение.

Учредительное (первое) собрание СКО «Зора» состоялось 8 июля 1989 г. в с. Кистанье недалёко от монастыря Крка, который принимал в тот день торжества по случаю 600-летия Косовской битвы.

В мемуарах Й. Опачич сетует, что лично для него период подготовки учредительных документов оказался весьма неудобен из-за сезонных сельхозработ [14, С. 58], в чём ощущается оттенок пассивности в выборе сроков – собрание было приурочено к июльским празднествам, которые, кроме темы, связанной с сербской культурой, давали уникальный повод естественно, без подозрений и препятствий, собрать вместе представительных гостей и учредителей, в т. ч. из Белграда.

Место для собрания искали непосредственно в сам день проведения. Община с. Кистанье в предоставлении зала отказала, из-за чего собрание прошло на местном стадионе, куда организаторам и гостям каким-то образом удалось проникнуть. Председатель общины лично явился на стадион с грубыми нападками на Й. Опачича и гостей. Не была одобрена и поданная

накануне заявка на проведение мероприятия, которое в итоге проходило как несанкционированное в присутствии отряда милиции, по воспоминаниям Опачича, – от 10 до 50 человек [14, С. 60-61].

Среди собравшихся были члены оргкомитета «Зоры» из местной сербской интеллигенции – писатель Йован Радулович (1951-2018), поэт Здравко Крстанович (1950-2024) и др., а также гости из Белграда – например, историк Петар Опачич (1927-2015) и профессор Богословского факультета СПЦ иеромонах Афанасий (Евтич, 1938-2021) [11].

В отношении лидера сербской национально-ориентированной интеллигенции в Хорватии академика Й. Рашковича (1929-1992) Опачич отмечает, что тот не присутствовал ни первом, ни на повторном учредительном собраниях СКО «Зора» [14, С. 59-61, 104], хоть и входил в состав оргкомитета общества. Находясь под наблюдением хорватской госбезопасности [5, С. 126], Рашкович получил негласный запрет на выступление 9 июля 1989 г. с трибуны торжеств в монастыре Лазарице, где вместо него по поручению единомышленников выступал Й. Опачич, о чём будет особо упомянуто ниже [14, С. 65].

Зазывали людей на собрание прямо в монастыре, где Й. Опачич заявил в интервью, что ожидает «несколько тысяч» гостей [19, С. 3], но в реальности их набралось 70-100 [14, С. 61], что тоже немало для собрания, проходившего на пике дневной жары на открытом объекте [14, С. 60-61].

9 июля 1989 г. в Лазарице активисты сорвали заключительный эстрадный концерт, предоставив Й. Опачичу произнести речь, в которой он выразил озабоченность положением сербов в СРХ, призвав их открыто называть свой язык не хорватским, а сербским литературным языком, и остро критиковал идеологию коммунизма, высказавшись за введение многопартийной системы, за что уже спустя два дня вместе с 30 другими участниками беспорядков был арестован. За попытку подрыва государственного строя и другие правонарушения обвинение просило для Й. Опачича наказание в виде лишения свободы сроком не менее 12 лет.

Развитие событий на этом этапе ещё более явно свидетельствует в пользу активного и весомого участия сербского национального движения в судьбе Й. Опачича и инициированного им проекта СКО «Зора».

На суде команда из шести опытных адвокатов из разных городов Югославии добилась снятия всех политических обвинений, и приговорен Й. Опачич был всего к 3 месяцам за срыв концерта [14, С. 88-91].

В СР Сербии в защиту Й. Опачича была также развёрнута медийная кампания с участием руководства Правления Союза писателей Сербии, Президиума Палаты адвокатов Сербии и ряда частных спикеров – в частности, иеромонаха Афанасия (Евтича). СПЦ публиковала заявления в поддержку подсудимого в своем официальном издании «Православље».

Вопросы сербской национальной культуры заняли в этой медийной

кампании центральное место. Утверждалось, что подлинными причинами ареста Й. Опачича были не его выпады против коммунизма, а иные:

- «требование языковой справедливости»: тех, «чей язык и письмо выкинуты из Конституции… бросают в тюрьму лишь за отрытое требование прекратить эту дискриминацию» [8, С. 2], преследуют тех, кто «отказался согласиться» с языковой дискриминацией [17, С. 7];

- учреждение Сербского культурного общества «Зора»: кампания в СМИ имела целью «расправу с теми… кто осмелился вслух потребовать обеспечения сербскому народу в СР Хорватии права на основание культурных институций» [15, С. 2-3]. Неоднократно подчёркивалось, что в Югославии «нет такого народа, кроме сербов в Хорватии, который не может свободно основывать свои культурные общества» [17, С. 7].

Правление Союза писателей Сербии заявило, что кампания против Й. Опачича имела целью отвлечь общественность от курса Загреба на искажение правды о роли сербов в истории Хорватии и подготовки к их низведению до фактического положения нацменьшинства [17, С. 7].

Президиум Палаты адвокатов Сербии писал, что под предлогом «защиты от некоего вымышленного эскалирующего сербского гегемонизма и национализма» в СРХ нарушаются элементарные права, которыми в СФРЮ пользуются все югославские народы и народности [15, С. 2-3] – права на язык и национальные культурные учреждения.

Не давая оценку фактической и правовой точности этих тезисов, стоит отметить, что данная аргументация показала остроту проблемы и внесла важный вклад в разблокирование проекта создания СКО «Зора» –замысла, оказавшегося абсолютным приоритетом и для самого Опачича, который вернулся к его реализации тотчас после своей победы в суде.

Второе (на сей раз легальное) учредительное собрание СКО «Зора» прошло 25 ноября 1989 г. на Тромеджи в школе горного села Плавно, где проживал Й. Опачич с семьёй. Из-за препятствий со стороны сербских функционеров-коммунистов, стремившихся показать себя противниками сербского национализма, его не удалось организовать в самом Книне.

Сведения об этом мероприятии содержатся в мемуарах Й. Опачича [14. С. 91-97], а также заметке иеромонаха Афанасия (Евтича) [7, С. 3], который придаёт событию особый символизм упоминанием о том, что в школе с. Плавно учительствовал Досифей Обрадович (1739-1811) и, будучи причастна истории сербского национального возрождения, ныне она вновь давала старт возрождению сербских культурных учреждений.

Количество собравшихся было как минимум на порядок выше, чем на первом учредительном собрании 8 июля: Опачич приводит оценку от нескольких сотен до тысячи [14, С. 95], а Евтич пишет о 2-3 тысячах. Поскольку здание школы не вмещало всех желающих, большая часть людей вынуж-

дены были провести всё время во дворе на холодном ветру.

Накануне, 24 ноября 1989 г., митрополит Загребско-Люблянский Иоанн, временно возглавлявший Синод СПЦ в связи с болезнью патриарха Сербского Павла, направил Й. Опачичу краткую телеграмму с просьбой «вместе со всеми участниками» собрания принять «поздравления и наилучшие пожелания счастливой и успешной работы» [6].

Легальное создание СКО «Зора» воспринималось как победа, как «экзистенциальная и цивилизационная потребность сербов с Тромеджи» [7, С. 3] (*срб* Тромеђа – стык Далмации, Лики и Боснии), но и как ощутимый долгосрочный результат в масштабах всего сербского национального движения, о чём свидетельствует и состав гостей, прибывших из Воеводины, Косова и других уголков страны, и детали выступлений. Так, В. Сукная (Влајко Сукнаја) из г. Шипово (СР Босния и Герцеговина) рассказал о проблемах положения боснийских сербов, выразив пожелание открыть у себя отделение «Зоры» [7, С. 3].

СКО «Зора», начиная с замысла о его создании, стало итогом взаимодействия сербских кругов в СР Хорватии с сербским национальным движением. Как это бывало и до 1918 г., успех сербского культурного учреждения был достигнут при поддержке сербского национального движения в общих рамках этнополитического проекта.

Оставаясь в тени масштабных, но однократных по своему характеру торжеств по случаю 600-летия Косовской битвы, учреждение СКО «Зора» видится на самом деле главной целью движения и организованной им кампании, а также его важнейшим долгосрочным результатом для развития национальной культуры сербского населения Хорватии и его консолидации в преддверии надвигавшихся политических перемен.

Библиографический список:

1. Багдасаров А.Р. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940-1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. – М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с. С. 30-49.
2. Из Устава Сербского культурного общества «Зора» // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990-1992) / Отв. редактор Е. Ю. Гуськова. – М.: Экспертинформ, 1992. 372 с. С. 52.
3. Пивоваренко А.А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М: Институт славяноведения РАН – СПб.: Нестор-История, 2018. 408 с.
4. Руднева И.В. Хорватское национальное движение в конце 1960-х – начале 1970-х годов. М.: Институт славяноведения РАН; – СПб.: Нестор-История, 2014. 332 с.
5. Смирнов А.В. Политический портрет Йована Рашковича в 1970-1976 гг. // Славянский альманах. 2023. № 3-4. С. 112-132.
6. Телеграмма митр. Загребско-Люблянского Иоанна Й. Опачичу в связи с проведением учредительного собрания СКО «Зора» // Архив Кабинета Патријарха српског. П. бр. 204-89 от 24.11.1989 г.
7. А.Ј. (Јевтић Атанасије, јеромонах). Осванула српска "Зора" у Далмацији // Православље. № 546. 15.12. 1989. С. 3.
8. Биговић Радован, ђакон. Поводом прославе 600-годишњице Косовске битке на далматинском Косову // Православље. 1989. № 537-538. 01-15.08.1989. С. 1-2.
9. Божић, Софија. Срби у Хрватској и Југословенска држава: 1918-1929. Београд: Службени гласник, 2015. 687 с.
10. Ђукић Б. Библиотечка грађа у Архиву Срба у Хрватској // Библиотекар. 2024. № 2. С. 107-117.
11. Јевтић Атанасије, јеромонах. Од Косова до Косова // Православље. 1989. № 537-538. С. 2.
12. Миљевић, М.; Суботић, Д. Српско-хрватски односи у XX веку – непрекидан ланац геноцида Хрвата над

Србима: 1914 – 1941 – 1991. Београд: ЗМ, 1997. 437 с.
13. Невоље су уједињавале народе // Борба. 10.07.1989. С. 1-3.
14. Опачић Ј. Трагедија крајишких Срба. Београд: Наша књига, 2012. 254 с.
15. Председништво адвокатске коморе Србије. Отварање простора // Православље. 1989. № 539, 01.09.1989. С. 2-3.
16. Стефановић С. Успон и пад Вукове ћирилице. Од Кримског рата до Кримског рата. Андрићград – Вишеград: Андрићев институт. 2023. 590 с.
17. Управа Удружења књижевника Србије. Наличје проглашено за лице // Православље. 1989, № 537-538, 01-15.08.1989. С. 7.
18. Ћурувија С. Напокон, догодио се Книн // Борба. 15-16.07.1989. С. 3.
19. Ћурувија С. Никога не мрзимо. За стварање културне аутономије Срба: Јово Опачић // Борба. 15-16.07.1989. С. 3.
20. Ђилас М. Raspad i rat. Dnevnik, 1989-1995. Beograd: Vukotić Media. 2022. 598 p.
21. Goldstein I. Hrvatska: 1918-2008. Zagreb: Europapress holding. Novi liber. 931 p.
22. Novi prijedlozi // Vjesnik, 21.06.1989. 6 p.
23. Odbačen »jezični amandman« // Vjesnik, 21.06.1989. 6 p.
24. Spehnjak K. Prilog istraživaju Srpskog kulturno-prosvijetog društva “Prosvijeta” 1945-1950. // Časopis za suvremenu povijest. 1990. Vol. 22. № 1-2. P. 111-129.
25. Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Ustav Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb: Pregled, 1974. 384 p.
26. Višnjić Č. Partizansko ljetovanje. Hrvatska i Srbi 1945-1950. Zagreb: SKD “Prosvjeta”, 2003. 487 p.

Reference

1. Bagdasarov A.R. History of the Development of Croatian-Serbian Ethnolinguistic Relations (1940-1990s) // Slavic Herald. Issue 2. – Moscow: MAKS Press, 2004. 608 p. P. 30-49.
2. From the Charter of the Serbian Cultural Society “Zora” // Yugoslavia in Fire: Documents, Facts, Comments (1990-1992) / Editor-in-Chief E. Yu. Guskova. – Moscow: Expertinform, 1992. 372 p. P. 52.
3. Pivovarenko A.A. Croatia: History, Politics, Ideology. Late 20th – Early 21st Century. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences – St. Petersburg: Nestor-History, 2018. 408 p.
4. Rudneva I.V. The Croatian National Movement in the Late 1960s – Early 1970s. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Nestor-History, 2014. 332 p.
5. Smirnov A.V. Political Portrait of Jovan Rašković in 1970-1976 // Slavic Almanac. 2023. № 3-4. P. 112-132.
6. Telegram of Metropolitan John of Zagreb and Ljubljana to Opacic in Connection with the Founding Assembly of the SKO “Zora” // Archives of the Office of the Patriarch of Serbia. P. br. 204-89 from 24.11.1989.
7. A.J. (Jevtih Atanasyje, Jeromonk). The Srpska “Zora” settled in Dalmatia // Orthodoxy. № 546. 15.12. 1989. P. 3.
8. Bigovh Radovan, ђkon. An occasion to glorify the 600th anniversary of the Kosovsk batka in Dalmatian Kosovo // Pravoslavie. 1989. № 537-538. 01-15.08.1989. P. 1-2.
9. Bozhih, Sophia. Srbi u Hrvatskoj and Jugoslovenska drzava: 1918-1929. Beograd: Sluzbeni Glasnik, 2015. 687 p.
10. Ђукић В. Library građa u Archivu Srba u Hrvatskoj // Librarian. 2024. № 2. P. 107-117.
11. Evtih Atanasyje, Jeromonk. From Kosovo to Kosovo // Pravoslavie. 1989. № 537-538. P. 2.
12. Mievih, M.; Subotih, D. Srpsko-Hrvatski odnosi u XX veku – neprekidan lanac genocida Hrvata nad Srbima: 1914 – 1941 – 1991. Beograd: ZM, 1997. 437 p.
13. Nevoље su uedinjavale narode // Borba. 07/10/1989. P. 1-3.
14. Opačiś J. The tragedy of the edges of Srba. Beograd: Nasha kiga, 2012. 254 p.
15. Presidency of the Advocacy Committee of Srbije. Brew of space // Orthodoxy. 1989. № 539, 01.09.1989. P. 2-3.
16. Stefanovic S. Uspon and the fall of Vukova Cyrillic. Od Krimskog rata to Krimskog rata. Andriђgrad – Visegrad: Andriђev Institute. 2023. 590 p.
17. Office of the Friendly Kizhevnik Srbije. The presence is announced behind the face // Orthodoxy. 1989, No. 537-538, 01-15.08.1989. P. 7.
18. Suruvija S. Napokon, dogodio se Knin // Borba. 07/15-16/1989. P. 3.
19. Suruvija S. Nobody is disgusting. For cultural autonomy of Srba: Jovo Opačiђ // Borba. 07/15-16/1989. P. 3.
20. Đilas M. Raspad i rat. Dnevnik, 1989-1995. Beograd: Vukotić Media. 2022. 598 p.
21. Goldstein I. Hrvatska: 1918-2008. Zagreb: Europapress holding. Novi liber. 931 p.
22. Novi prijedlozi // Vjesnik, 06/21/1989. 6 p.
23. Odbačen “jezični amandman” // Vjesnik, 06.21.1989. 6 p.m.
24. Spehnjak K. Prilog istraživaju Srpskog kulturno-prosvijetog društva “Prosvijeta” 1945-1950. // Časopis za suvremenu povijest. 1990. Vol. 22. № 1-2. P. 111-129.
25. Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Ustav Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb: Pregled, 1974. 384 p.
26. Višnjić Č. Partizansko ljetovanje. Hrvatska i Srbi 1945-1950. Zagreb: SKD “Prosvjeta”, 2003. 487 p.

Цао Ханьюань
Аспирантка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Кодекс власти и цивилизации в придворной музыке династии Мин и его влияние на местную религию*

Аннотация. Перед Залом Золотого трона в Запретном городе резонанс колокольчиков и нефритовых колокольчиков проникает на шестьсот лет назад, возвращая нас к династии, которая установила мировой порядок с помощью классической музыки. Когда император Тайцзу Чжу Юаньчжан взошел на престол, он издал императорский указ «пересмотреть древние системы и исправить ритуалы и музыку». Это было не просто движение возрождения музыки, а тщательно спланированное цивилизационное строительство. Придворная музыка династии Мин несла в себе цивилизационный код, выходящий далеко за рамки самой музыки. Это был акустический тотем ортодоксальности династии, ритуальное и музыкальное представление мирового порядка и культурная координата восточноазиатского цивилизационного круга.

Ключевые слова: придворная музыка династии Мин, власть и цивилизационный код, религиозное влияние.

Cao Hanyuan
Postgraduate student of Belarusian State University ,Minsk, Belarus.

The code of power and civilization in the court music of the Ming dynasty and its influence on local religion

Abstract. In front of the Golden Throne Hall in the Forbidden City, the resonance of chime bells and jade chimes penetrates six hundred years of time, bringing us back to the dynasty that established world order with classical music. When Emperor Taizu Zhu Yuanzhang ascended the throne, he issued an imperial decree to "review ancient systems and rectify rituals and music." This was not a simple music revival movement, but a carefully planned civilization construction. The court music of the Ming Dynasty carried a civilization code far beyond the music itself. It was an acoustic totem of the dynasty's orthodoxy, a ritual and music presentation of world order, and a cultural coordinate of the East Asian civilization circle.

Key words: court music of the Ming Dynasty, power and civilization code, religious influence.

* © Цао Ханьюань, 2025.

At the winter solstice ceremony in the third year of Hongwu, when the solemn melody of "Zhonghe Shao Music" sounded in front of the Fengtian Hall, the newly born Ming Dynasty completed the most important identity authentication ceremony. Zhu Yuanzhang ordered Confucian officials to examine the eight musical instruments and eliminate all the "Hu music" elements of the Yuan Dynasty. This "distinction between Chinese and barbarians" in music announced the return of Chinese orthodoxy more directly than words. In the Shenle Theater under the Taichang Temple, hundreds of Taoist children practiced classical music day and night. This practice of integrating Taoist elements into national ritual music cleverly realized the political narrative of the interaction between heaven and man [1].

In terms of the shape of musical instruments, Ming Dynasty court music presents a unique combination of retro and innovation. The Jiajing chime bells recast in 1539 were based on the Zhou Dynasty Yong bells, but the decoration incorporated royal elements such as the Twelve Chapters Pattern [2]. This selective retro style is essentially a political metaphor using instruments as carriers. The restoration of the music suspension system is even more interesting: the four sides of the palace suspension symbolize the emperor's power over the world,

Figure 1. Ming Dynasty court musical instruments.

Figure 2. Ming Yongle Bell.

and the three sides of the princes are metaphors for the vassal states' submission. This spatialized musical hierarchy transforms power relations into a perceptible acoustic order.

In the 19th year of Yongle, when Korean envoys listened to the "Dance of Peace and Peace" in the Forbidden City, they not only heard the majestic music of war, but also understood the political declaration of "common master of the world" behind the music. Ming Dynasty Yayue played a special role in the tribute system. Whenever vassal states paid tribute, the Honglu Temple would play "Goryeo Dance" and "Annan Dance" and other music and dances of the four barbarians. This seemingly inclusive courtesy is actually a civilized discipline that incorporates cultural differences into the framework of Chinese ritual and music. In 1430, the "Da Ming Ji Li" was promulgated to codify the Yayue system, and countries such as Korea and Ryukyu sent musicians to China to study. This cultural export strategy has achieved remarkable results: the "Confucian Temple Sacrifice Music" preserved in Seoul Sungkyunkwan can still identify the genes of Ming Dynasty Yayue. When the court of the Vietnamese Le Dynasty played "Tianbao Shengping", they imitated not only the rhythm of the music, but also the order template of Chinese civilization. During the Chenghua period, the musicians of the Jiaofangsi secretly added elements of northern music to the court banquets. This detail reflects the internal crisis of the Yayue system. With the development of the commercial economy, the folk songs depicted in "Jin Ping Mei" began to erode the solemnity of Yayue. Even Emperor Jiajing introduced Taoist music into the rituals of fasting and offering sacrifices. This fusion of elegance and vulgarity seems to be a departure from tradition, but in fact it is the self-adjustment of the ritual music system to adapt to the new era. During the Wanli period, Zhu Zaiyu completed the "Complete Book of Music and Temperament" and used mathematical methods to solve the problem of the twelve-tone equal temperament. This discovery, which should have revolutionized the Yayue system, was shelved by the Ministry of Rites[3]. This symbolic event suggests that the rigid ritual music system can no longer bear the vitality of reform. However, Yayue did not die out. When Emperor Qianlong ordered people to examine the Yayue of the Ming Dynasty and revise the "Lülü Zhengyi"[4], the musical heritage of the previous dynasty had become the cornerstone of a new civilization. The fusion of Ming Dynasty court music and Taoist music was not a simple artistic interaction, but a profound political and cultural integration. In the process of Emperor Hongwu's construction of the imperial ritual and music system, Taoist ritual music encountered an unprecedented transformation. This top-down cultural discipline not only reflects the strong intervention of imperial power in the religious field, but also reflects the ability of the Confucian ritual and music system to digest heterogeneous cultures. When we deeply interpret the sacrificial music in the

"Da Ming Ji Li" and analyze the court music elements in the Taoist rituals of Wudang Mountain, we can get a glimpse of the power will and spiritual landscape behind this cultural reconstruction. The Taichang Xukao promulgated in the sixth year of Hongwu (1373) clearly stipulated that "all music in Taoist temples must follow the Ya system". This imperial decree forced the twelve-tone system of court Ya music to be implemented in Taoist temples across the country, completely subverting the "Huangzhong as Gong" tradition of Taoist music that had been passed down for thousands of years. The establishment of Nanjing Shenle Temple became the hub of this cultural transformation. The musicians and dancers trained there carried court musical instruments such as chimes and special chimes and were stationed in temples across the country, forcibly incorporating the "Buxu sound" in Taoist rituals into the Ya music Xuangong system.

This violent transplantation of the musical system has created a strange hybrid phenomenon: the existing score of the Ming Dynasty "Xuantian Shangdi Qishenglu" in the Yuxu Palace of Wudang Mountain shows that the originally freely extended "Sanban Chanting" was regularized into a rhythm system written in Gongche notation. When the Taoists held the "Jinlu Dajiao", they had to strictly follow the structure of the "Jitong Yuezhang" issued by the Taichang Temple to perform, resulting in the complete deprivation of the unique space for improvisation of traditional Taoist music. [5] The carefully designed "leiyin pattern" on the caisson of the Wudang Mountain Golden Hall, which was built during the Yongle period, strongly echoes the "Zhonghe Shaoyue" in the Taimiao sacrificial music. This conspiracy between architecture and music is essentially a political performance by the Zhu Di regime to reconstruct the sacred order

Figure 3. Special Chime.

through a symbolic system. In the "Yuzhi Da Ming Xuanjiao Yuezhang", the traditional Taoist "Three Pure Ones" gods were replaced by "Huangdi Huangdi", and the original praise words full of immortal imagery were rewritten into a political text praising imperial power. This symbolic substitution reached its peak during the Jiajing reign: the "Hong En Lingji Palace Music" used in the Taoist temple of the Hall of Mental Cultivation transformed the "enlightenment" part of the Taoist ritual into an exclusive ritual for the emperor to prolong his life and pray for blessings. The writing of Qingci was upgraded from a religious ritual to a political art. Through the carefully crafted Qingci texts, Yan Song and other cabinet ministers built a secret passage to the core of power between the sacred and the secular. In the revised version of the "Daozang" promulgated in the 45th year of the Wanli reign (1617), three volumes of "Da Ming Yu Zhi Xuanjiao Music" were added, marking the completion of the institutionalization of the transformation of Taoist rituals by court music[6]. This kind of sound discipline produced special political effectiveness: the morning and evening recitations at the Baiyun Temple in Beijing must play the "Chao Tianzi" tune, transforming religious practice into daily worship of imperial power; the "Yan Xiang Music" used by the Maoshan Qianyuan Temple in the "Sanyuan Festival" ceremony incorporated folk belief activities into the national sacrificial system. This musical discipline created a unique auditory political space: when the melody of "Dance to Peace the World" echoed in the fasting and offering ceremony, the Taoist temples had essentially transformed into the nerve endings of the imperial ritual and music system. [7] The music and dance student system also cultivated a special group of people who had both the identities of Taoists and officials. Their image

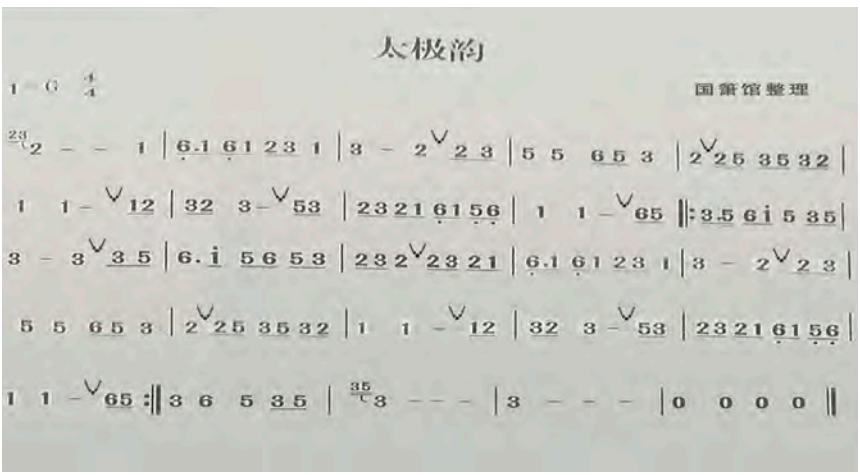

Figure 4. Tai Chi Rhythm.

of wearing Taoist robes and playing classical music became the best footnote to the integration of politics and religion in the Ming Dynasty. In this cultural integration that lasted for more than two centuries, the transformation of Taoism by Ming Dynasty court music went far beyond the artistic level. It was not only a political operation for the imperial power to reshape the religious form, but also a typical example of the Confucian ritual and music civilization digesting heterogeneous culture. This transformation left behind not only material remains such as "The Great Ming Imperial Xuanjiao Music", but more importantly, it established a classic paradigm for the regime to intervene in religious art. When we listen to the contemporary Taoists playing "Tai Chi Yun" in the Zixiao Palace of Wudang Mountain, we can still feel the profound echo of the cultural reconstruction six hundred years ago.

Conclusion

The music of Fengxian Hall came to an abrupt end in 1644, but its spiritual genes have been integrated into the blood of East Asian civilization. From the ritual music of the Seoul Jongmyo Shrine to the court music of Vietnam, from the Japanese Gagakuryo to the Ryukyu Imperial Music, these living fossils of music confirm the radiation of the ritual and music civilization of the Ming Dynasty. When we gaze at the Ming Dynasty musical instruments restored in the Taimiao, what we hear is not only the disappeared gong, shang, jue, zhi and yu, but also a picture of civilization constructed by the sound of an empire. This cultural wisdom of transforming political order into aesthetic expression is still revealing the deep logic of civilization inheritance.

Библиографический список / Reference

1. Continued Literature General Examination. Ming Wang Qi, Wanli 31st year, Wenhai Publishing House Co., Ltd., 1993 edition.
2. Ming History Volume 60, Records 37, Music, written by Zhang Tingyu et al., Qing Dynasty, Zhonghua Book Company, 1974 edition.
3. Entering Zhihua Temple, Approaching Music, Zhang Ming, Musical Instruments, Issue 2, 2006.
4. Wu Shaojing, Research on the Ryukyu and Music Culture of China under the "Enfeoffment System" of Ming and Qing Dynasties, Journal of Quanzhou Normal University, Issue 4, 2022, pp. 30-34, 5 pages in total
5. Sun Junyan, Exploration of the Pitch of Ancient Qin Strings: The Case of the Ming Dynasty Ritual and Music System, Taiwan Music Research, Special Issue 30 (2022/11) P. 1-19.
6. Ma Wencai, Research on Music in the Ming Dynasty, Peking University Press, 2006.
7. Wu Jieping, History of Ancient Chinese Music, Shanghai Conservatory of Music Press, 2005.

Платонова Н.М.

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права», Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Целлюлозно-бумажная промышленность Сахалинской области в исторической ретроспективе (1905 – начало 2000-х гг.)*

Аннотация. Автор обращается к проблеме, которая пока не нашла должного освещения в отечественной историографии. Отмечается, что помимо историков в той или иной мере к вопросам становления и развития российской целлюлозно-бумажной промышленности в целом и Сахалинской области в частности обращались специалисты в области экономики, архитектуры, урбанистики. Историческая ретроспектива охватывает период с 1905 по начало 2000-х гг. Исследовательское внимание акцентируется на этапе создания губернаторства Карафуто и формировании основы отраслевого производства; послевоенном восстановлении и реконструкции бумагоделательных предприятий; позднесоветском развитии целлюлозно-бумажного производства и его ликвидации. Подчёркивается, что с 1960 по 1985 г. на сахалинских отраслевых предприятиях была проведенная техническая модернизация, способствовавшая росту объёмов производства, однако её темпы были недостаточными. Раскрывается внешнеторговый аспект, связанный с поставками продукции и сырья зарубежным государствам. Обозначаются последствия политики нового мышления и приватизации. Обобщая итоги, автор резюмирует, что в условиях новейшего периода экономический сектор Сахалинской области утратил рынок по производству бумаги и варке целлюлозы.

Ключевые слова: Карафуто, остров Сахалин, Дальний Восток СССР, Сахалинская область, целлюлозно-бумажная промышленность, техническая модернизация, бумагоделательные машины.

* © Платонова Н.М., 2025.

Platonova N.M.
PhD in History, Assistant Professor, Professor of the Department «Theory and History of State and Law» Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

The cellulose and paper industry in the Sakhalin region in historical retrospective (1905 – early 2000s)

Abstract. The author addresses a problem that has not yet been adequately covered in Russian historiography. It is noted that, in addition to historians, specialists in economics, architecture, and urban studies have also addressed the issues of the formation and development of the Russian pulp and paper industry in general and the Sakhalin Region in particular. The historical retrospective covers the period from 1905 to the early 2000s. The research focuses on the establishment of the Karafuto Governorate and the formation of the industry's foundation, as well as the post-war reconstruction and modernization of paper mills, the late Soviet development of the pulp and paper industry, and its eventual closure. It is noted that from 1960 to 1985, the Sakhalin industry underwent technical modernization, which contributed to increased production volumes, but the pace of modernization was insufficient. The article also explores the foreign trade aspect related to the export of products and raw materials to foreign countries. The consequences of the new thinking and privatization policies are outlined. In summary, the author concludes that in the recent period, the economic sector of the Sakhalin Region has lost its market for paper production and pulp boiling. The consequences of the new thinking and privatization policies are outlined. In summary, the author concludes that in the recent period, the economic sector of the Sakhalin Region has lost its market for paper production and pulp boiling.

Key words: Karafuto, Sakhalin Island, USSR Far East, Sakhalin Region, pulp and paper industry, technical modernization, paper-making machines.

Отечественная целлюлозно-бумажная промышленность (ЦБП) является одним из ведущих структурных компонентов лесопромышленного кластера Российской Федерации и в настоящее время представлена предприятиями, сохранившимися после распада Советского Союза. Несмотря на сложности производственного процесса, связанного с механизированной обработкой лесосырья и его последующей химической переработкой, ЦБП остаётся важной стратегически и социально значимой отраслью государственного экономического сектора. По данным Ассоциации производителей машин и оборудования лесопромышленного комплекса на начало 2025 г. в стране функционировали 21 целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК). Ими было произведено 4,176 млн т целлюлозы; 5,316 млн т бумаги и картона [25; 41]. Учитывая тот факт, что Россия занимает лидирующие позиции в мировом рейтинге по площади лесов (46 % территории

государства) и запасам древесины (83 млрд м^3), тем не менее она находится лишь на 8 месте по объёмам производства целлюлозы и на 14 месте – по выпуску бумаги и картона [26, 64].

Бóльшая часть продукции ЦБП пользуется спросом и находит применение в пределах внутреннего рынка. На экспорт направляется, примерно, 2,1 млн т товарной целлюлозы. Импортирует её главным образом Китайская Народная Республика. Основное производство отрасли сконцентрировано в Архангельской и Иркутской областях, Республиках Коми и Карелия. На территории Дальневосточного федерального округа отдельные предприятия и объединения по производству гофрированной бумаги, картона, бумажной и картонной тары функционируют в таких городах, как Хабаровск, Амурск, Владивосток, Уссурийск. В целом состояние общегосударственной и региональной ЦБП находится в крайне удручающем состоянии. За последние 50 лет в стране не было построено ни одного отраслевого предприятия [24, 117; 26, 64]. Как отмечается в «Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года», принятой Правительством 20 сентября 2018 г., «…препятствием для развития целлюлозно-бумажной промышленности являются сравнительно высокие капитальные затраты и сроки строительства целлюлозно-бумажных комбинатов в России в сравнении с другими странами» [41]. О понимании глубины проблемы и необходимости её кардинального решения указывают запланированные государством мероприятия, направленные на «…существенное увеличение вклада лесного комплекса в экономику страны. В качестве основного направления рассматривается развитие, ориентированное на экспорт производства целлюлозы, рост выпуска 4-х тарного картона и санитарно-гигиенических изделий для внутреннего рынка, а также развитие, ориентированное примерно в равной степени на внутренний рынок и на экспорт производства пиломатериалов, фанерно-плитных производств, мебели, деревянного домостроения. Предусматривается развитие частных предприятий с глубокой переработкой древесины, в том числе химической и механической, которым при необходимости будут оказаны меры государственной поддержки» [41].

Рассматриваемая автором проблема в той или иной степени нашла отражение, прежде всего, в научных исследованиях экономистов [22; 23; 24; 26; 33]. Осуществляя глубокий анализ производства целлюлозно-бумажной продукции в разные годы начала XXI в., учёные указывали на то, что отрасль переживала состояние кризиса, была непривлекательной для инвесторов. Устаревшее, а нередко просто изношенное состояние технологического оборудования оказывало существенное влияние на снижение производительности труда. Не способствовали улучшению ситуации на индустриальных объектах отрасли рост стоимости энергоносителей, сы-

рья, химикатов, высокие финансовые затраты на логистические расчёты и последующую транспортировку готовой продукции. Имели место недостатки нормативно-правовой и законодательной базы в сфере лесной промышленности и лесопользования. В отдельных трудах экономистов нашли отражение статистические показатели, демонстрировавшие тенденции снижения количества предприятий. Например, со 165 ЦБП и 15 лесохимических предприятий в 2008 г. до 40 производителей в 2012 г. [1; 3]. Затрагивая проблемы государственной поддержки предприятий лесопромышленного кластера, авторы отмечали, что реализация мер по федеральному субсидированию отраслевых предприятий дальневосточной территории, участвовавших в приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов на основании постановления Правительства РФ от 5 декабря 2014 г., не была столь эффективна, как в европейских региона страны [40].

Исследовательский интерес представляют статьи авторов, работающих в области промышленной архитектуры и урбанистики. Специалисты раскрывают ведущую роль сахалинских ЦБП в процессе формирования населённых пунктов и городов периода губернаторства Карафуто (1905 – 1945 гг.), акцентируя особое внимание на градообразующих и градоформирующих факторах отраслевых предприятий для развития отдельного микро-региона, одновременно подчёркивая их историко-культурное и эстетическое значение для Южного Сахалина [38; 39].

К сожалению, отечественная историография истории дальневосточной ЦБП представлена крайне ограниченным количеством научных публикаций, охватывающих позднесоветский период с 1965 по 1985 г. В основном научное внимание историки сосредоточили на исследовании развития ЦБП Сахалинской области и частично Амурской области, изучении кадрового состава и аспектов социального управления на отраслевых предприятиях [31; 32; 35; 36]. Отдельные сведения о становлении и развитии дальневосточной ЦБП фрагментарно раскрываются в трудах, посвящённых истории юга Сахалина [2; 4; 19]. Автор публикации ориентируется на всестороннюю историческую ретроспективу, анализ становления и развития региональной ЦБП, расширяя хронологические границы с 1905 до начала 2000-х гг.

Сахалинские целлюлозно-бумажные комбинаты, построенные японцами в начале XX в. на Карафуто (Южный Сахалин), заложили базовый фундамент будущей советской ЦБП на территории Дальнего Востока СССР. Истоки этих событий уходят к началу переселенческого процесса на Карафуто. Незадолго до окончательного подписания мирного договора в Портсмуте (США, 5 сентября 1905 г.) по итогам русско-японской войны (1904 – 1905 гг.), уже 16 августа 1905 г. из порта Отару, расположенного на острове Хоккайдо, вышел пароход, который перевёз на Карафуто первых

гражданских переселенцев [2, 152]. Временная японская администрация вначале располагалась в Отомари (ныне г. Карсаков), но после сооружения на окраине небольшого русского села Владимировка японского поселения Тоёхара (ныне г. Южно-Сахалинск) летом 1908 г. сюда перебрались военная и гражданская администрации [34]. Несмотря на то, что колониальная администрация, возглавляемая губернатором, не обладала широким спектром прав, как, например, в Корее или на Тайване, тем не менее, она имела больше возможностей в сфере управления промышленностью, ведении вопросов развития сопутствующей ей инфраструктуры. Кроме того, она распоряжалась собственным бюджетом, финансируя жилищное и железнодорожное строительство, объекты связи, сельскохозяйственное освоение земель, организацию переселения [2, 152]. Однако, как отмечает ряд исследователей, после вывода военного гарнизона из Тоёхара в 1913 г., экономика города стала приходить в упадок. Лишь в 1920 г., когда военные вновь вернулись, положение постепенно стабилизировалось [30; 34].

Относительно Карафуто планы японского правительства ориентировались на цели, связанные с ускоренным социально-экономическим и транспортным развитием островной территории, поэтому последовавшая далее Первая мировая война (1914 – 1918 гг.) и иные политические катаклизмы в перспективе не стали препятствием. Выбранный вектор не изменялся и в течении длительного времени сохранял свой курс.Главным фактором инвестиционной привлекательности Карафуто было наличие богатых лесных ресурсов, объём которых составлял 834 млн м^3, из них только ель и пихта – около 80 % [20, 49]. Это был практически нетронутый источник лесосырья, формировавший уверенное основание в необходимости сооружения промышленных предприятий и последующего увеличениях их количества. Начиная с 1914 по 1936 г. японские компании стали активно вкладывать крупные денежные средства в строительство бумажных комбинатов на всей территории губернаторства Карафуто, что нашло отражение в данных таблицы 1 [7, 24 – 25; 48].

Целлюлозно-бумажное производство японская правящая элита и предпринимательские круги рассматривали как одно из важнейших и прибыльных проектов, так как именно объёмы производства и спрос продукции этой отрасли в годы Первой мировой войны резко возросли, а в условиях послевоенного периода она была в особом дефиците, поэтому её стоимость не понизилась. В этой связи, активизируя строительство ЦБП на Карафуто, коммерческие компании усиливали выпуск и наращивали поставки оборудования, машин, техники. Как правило, процесс обеспечивали такие технические компании как «Мицубиси», «Ринэ», «Toyo & Co», «Kokusaku Pulp Industry» [34].

Таблица 1.

Дата строительства отраслевого комбината	Город	Японская компания (фирма), осуществлявшая строительство
1914 г.	Отомари (Карсаков)	«Мицуи Буссан»
1915 г.	Томариору (Томари)	«Карафуто Когё»
1917 г.	Тоёхара (Южно-Сахалинск)	«Оодзи Сэйси»
1917 г.	Отиай (Долинск)	«Нихон Кагаку Сирё»
1919 г.	Маока (Холмск)	«Карафуто Когё»
1922 г.	Нода (Чехов)	«Оодзи Сэйси»
1925 г.	Эсутору (Углегорск)	«Карафуто Когё»
1927 г.	Сиритору (Макаров)	«Фудзи сэйси кайся»
1936 г.	Сикука (Поронайск)	«Оодзи Сэйси»

Составлено на основе: ГИАСО. Ф. Р – 735. Оп. 1. Д. 5. Л. 175; там же. Ф. Р – 1080. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

Немало важным условием роста поступательной динамики производства на предприятиях губернаторства Карафуто стала низкая стоимость их целлюлозно-бумажной продукции по сравнению с аналогичным товаром, который выпускали предприятия японских компаний «Фудзи Сэйси» и «Оодзи Сэйси», располагавшимися на островах Хоккайдо и Хонсю. Такое финансовое неравенство стало результатом распоряжения японского правительства. Именно оно во многом способствовало получению внушительной финансовой прибыли на Карафуто. В частности, если в 1915 г. стоимость заводского рулона бумаги составлял 2,7 иены; в марте 1917 г. – 5,5; в январе 1918 г – 8,5; то в 1919 г. – 10,5 иен. В результате отраслевые объекты губернаторства стали называть «долларовым ящиком» японской ЦБП, а Хэйдзабуро Окава, владельца компании «Карафуто Когё» – Бумажным Королём Японии. Несмотря на пожар, разрушивший в 1921 г. предприятия в Томариору и Маоке, он не только полностью восстановил их, но и ввёл в эксплуатацию новую, самую мощную фабрику в Эсутору (1925), выпускавшую ежегодно до 54 тыс т бумаги и целлюлозы. В целом доля предприятий ЦБП Карафуто составляла 25 % от общего объёма продукции в Японии и в последующие годы не утратила своей динамики, достигнув к 1925 г. – 50 %, к 1930 г. – 70 %, сохранив этот показатель и в 1941 г. [12, 26; 21; 34].

Бурное развитие отрасли оказало позитивное влияние на рост численности населения. Так, если в 1907 г. на Карафуто проживали 20 500 чел., в

1913 г. – 42 600; в 1915 г. – 60 660; в 1920 г. – 105 900; в 1925 г. – 189 036; в 1935 г. – 332 475, то в 1941 г. насчитывалось 406 557 жителей. Как правило, работу они находили на целлюлозно-бумажных фабриках, а также на электростанциях, железнодорожном транспорте, угледобывающих шахтах, то есть инфраструктурных объектах, в той или иной мере обеспечивавших и обслуживавших промышленный процесс бумагоделательного производства [27; 34; 37, 99].

Безусловно, мировой экономический кризис 1920-х гг. отразился на японской ЦБП Южного Сахалина. Особенно пострадал рынок целлюлозы. К этому времени восемь целлюлозно-бумажных заводов находились в управлении трёх индустриальных компаний «Фудзи Сэйси», «Карафуто Когё» и «Оодзи Сэйси», но значительные финансовые убытки и отсутствие стабильности привели к тому, что в 1933 г. последняя их объединила под своим началом. Пожалуй, важными результатами слияния стали выпуск искусственного волокна (вискозы) на фабриках в Томариору и Нода в 1934 г. и строительство новой фабрики по производству вискозы и целлюлозы в Сикука в 1935 г. События японо-китайская войны, начавшейся в 1937 г. и Второй мировой войны – 1939 г., оказали существенное влияние на развитие отраслевых предприятий Карафуто. Результатом милитаризации экономического сектора и переоборудования фабрик приоритетным стало производством боеприпасов [21]. Осенью 1945 г. после окончание Советско-японской войны и капитуляции Японии все предприятия на Южном Сахалине закрылись. Владельцы завода в Отомари демонтировали и вывезли его в Японию.

Подводя итоги 40-летнего существования губернаторства Карафуто на территории Южного Сахалина, следует отметить, что японцы создали многоотраслевой промышленно-экономический комплекс, построили транспортные коммуникации и инфраструктуру, активно развивали социальную сферу. Функционировали 9 целлюлозно-бумажных предприятия (см. табл. 1), ставшие градообразующими индустриальными объектами; 21 угледобывающая шахта с ежегодным объёмом производства 1,5 млн т угля; 3 морских порта в Маока, Отомари и Хонто (Холмск, Корсаков, Невельск), а также работало регулярное и круглогодичное паромное сообщение Отомари – Вакканай (между Корсаковым и японским городом Вакканай на острове Хокайдо), были построены 42 городских и сельских населённых пункта [49].

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне и разгром милитаристской Японии стали началом послевоенного периода в истории отраслевых региональных предприятий. Прежде всего, высшему советскому руководству предстояло решить вопросы структуризации и упорядочения деятельности, оставшихся на острове индустриальных объектов ЦБП.

Уже 24 сентября 1945 г. постановлением Совнаркома СССР и приказом наркомата целлюлозной и бумажной промышленности СССР № 854 от 28 сентября этого же года был создан трест ЦБП «Сахалинбумпром», располагавшийся в г. Южно-Сахалинске [7, 175; 14, 1]. Его состав сформировали национализированные предприятия. Главным назначением работы треста стали ремонт оборудования и техническая подготовка к возобновлению производственных процессов по выпуску бумаги и целлюлозы [7, 24; 12, 14, 26]. Затем в соответствии с приказом Министерства ЦБП СССР № 814 от 9 октября 1947 г. трест «Сахалинбумпром» был переименован в Главное управление целлюлозной и бумажной промышленности Сахалинской области «Главсахалинбумпром» [5, 6].

На этапе восстановления индустриально-экономического сектора (1946 – 1955 гг.) перед правительством страны реализация проекта по реконструкции, возобновлению работы и выхода предприятий ЦБП Сахалинской области на новые мощности рассматривалась как одна из приоритетных, поскольку это давало возможность для ускоренного освоения районов дальневосточной территории в целом и особенно Крайнего Севера в частности. Учитывая выгодное геостратегическое и географическое положение острова, открывалась внешнеторговая перспектива развития отрасли. Потенциальными покупателями её продукции становились Япония, Тайланд, Сингапур, Вьетнам и другие государства Юго-Восточной Азии. В марте 1953 г. в процессе многоотраслевой структурной реорганизации было создано Главное управление лесной и бумажной промышленности Сахалинской области «Главсахалинлесбумпром» [15, 2]. С целью сверхпланового строительства новых индустриальных объектов, ввода в эксплуатацию нового оборудования и роста объёмов выпускаемой товарной продукции государство выделило 265 млн руб., однако эти меры не снимали с повестки дня комплексные проблемы кадрового, материально-технического и ресурсного обеспечения предприятий. Партийным и хозяйственным руководителям приходилось решать их, так как крайне устаревшее оборудование, нехватка химикатов, леса, угля сдерживали динамику роста производительности труда и выполнение плановых показателей [5, 6].

В условиях позднесоветского периода (1960 – 1985 гг.) в целом государственная политика по отношению к дальневосточной территории была направлена на ускоренное развитие промышленно-гражданского кластера и транспортной отрасли. Продолжалась поддержка курса, ориентированного на активизацию поступательного решения ряда проблем ЦБП. При этом подчёркивалось определяющее значение отрасли в экономическом секторе Сахалинской области. Доля ЦБП составляла 12 – 13 % общей стоимости основных производственных фондов [35, 170; 44, 166]. Велось строительство леспромхозов, ежегодно увеличивался объём выпускаемой продукции, в

частности бумаги (см. таб. 2).

Таблица 2.

Показатели производства бумаги (тыс м³)	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Дальний Восток РСФСР, в том числе:	158,5	195,3	231,6	228,3
Хабаровский край	7,5	8,9	8,6	9,2
Амурская область	–	3,7	3,4	3,5
Сахалинская область	151	182,7	219,6	215,6

Составлено на основе: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегодник. М., 1977. С. 81 – 82; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 112 – 113.

Определяющим фактором развития ЦБП выступала сырьевая база. На 1 января 1966 г. лесной фонд Сахалина, находившийся в ведении лесопромышленных органов советского Дальнего Востока, составлял 641,82 тыс га или 62,1 % к общей площади области [46, 7]. Тем не менее, уровень механизации лесозаготовительных работ оставался недосточным, не хватало подъёмно-транспортного оборудования, специализированной лесовозной техники. Например, по этим причинам комбинат «Сахалинлес» в среднем ежегодно не мог поставлять предприятиям ЦБП до 89 тыс м³ древесины [43, 8]. Несмотря на то, что отечественные конструкторские организации и машиностроительные предприятия предлагали новые машины и приспособления для механизации лесозаготовительных работ, тем не менее проектирование и последующее производство занимали достаточно много времени, а готовая продукция нередко сильно отставала от научно-технического уровня того времени. Основным поставщиком технического парка бумагоделательных машин оставалась зарубежные фирмы, что осложняло эксплуатацию технологического оборудования [35, 150; 36, 124].

О понимании проблемы свидетельствует постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 478 «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности» от 7 апреля 1960 г., в котором отмечалось, что «…несмотря на наличие в стране больших сырьевых ресурсов, производство бумаги, картона, целлюлозы и изделий из них развито слабо и не обеспечивает растущих потребностей народного хозяйства. <…> Из-за недостатка тарного картона продукция упаковывается в деревянные ящики, что вызывает большой расход древесины, удорожает стоимость товаров и излишне загружает транспорт». Высшая партийная элита пришла к выводу, что «… отставание ЦБП в значительной степени объясняется

слабым развитием отечественного бумагоделательного машиностроения». В результате на Углегорском, Макаровском, Поронайском, Долинском, Холмском и Чеховском ЦБК с 1962 по 1965 г. начались мероприятия по реконструкции имевшихся бумагоделательных машин и механизмов, и производство бумаги выросло в 10 раз [27].

Следующим шагом в этом направлении стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 751 «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области» от 3 сентября 1964 г. Документ предусматривал меры по глубокой технической модернизации и расширению производства, в частности на Долинском и Поронайском комбинатах. В конечном итоге планировалось «увеличить к 1970 г. ежегодные мощности по производству целлюлозы до 500 – 600 тыс т, соответственно бумаги – до 250 – 300 и картона – до 80 – 90» [29]. Особое внимание уделялось качеству продукции, поступавшей на экспорт. Затем на основании постановления Совета Министров РСФСР № 272, принятого 23 февраля 1965 г. началась реконструкция фабрики по производству картонных ящиков в г. Корсакове [9; 27]. Наряду с этим, увеличивались объёмы централизованного финансирования предприятий «Сахалинбумпрома», на что указывают данные таблицы 3.

Таблица 3.

Период	Общий объём, установленного оборудования (ед.)	Общая стоимость, установленного оборудования (млн руб)
VIII пятилетка (1966 – 1970 гг.)	276	1,2
IX пятилетка (1971 – 1975 гг.)	3 706	13,1

Составлено на основе: Перекрестова Е.Г. Целлюлозно-бумажная промышленность Сахалина в 1960 – 1980-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 79.

Несмотря на принятые меры, кардинальной замены оборудование не последовало, и темпы развития отрасли снижались. Наряду с обновлёнными машинами, в эксплуатации находилась по-прежнему значительная часть физически и технически устаревшего оборудования, установленного ещё в 1920 – 1930-е гг. Другим фактором являлась высокая стоимость электроэнергии, деловой древесины и химических компонентов для производства. Именно поэтому на протяжении позднесоветского периода себестоимость целлюлозы и бумаги, выпускаемой сахалинскими отраслевыми предприятиями, оставалась высокой, а производство готовой продукции

убыточным. Если в 1965 г. на подобных общесоюзных ЦБК производственные затраты на один рубль товарной продукции примерно составляли 90 коп., то на южно-сахалинских – 128,9 коп. Нередко из-за частых поломок специализированных механизмов с целью выполнения плановых показателей руководители комбинатов вынуждены были давать разрешение на использование в производстве морской воды, что ещё больше снижало производительность и без того изношенного оборудования. Для директорского корпуса проблемы реконструкции производства и технической модернизации являлись первостепенными. Частично их удалось решить в 1975 г. [45, 29]. Тяжёлые условия труда, быта, низкая заработная плата, влияние природно-климатических факторов и др. становились результатом кадрового дефицита, который имел место на общем фоне снижения численности населения Сахалинской области, откуда только с 1960 по 1964 г. выехали 57 тыс чел. [13, 121].

Таблица 4.

Период установки бумагоделательных машин	**Общее количество бумагоделательных машин**		**Средний возраст бумагоделательных машин**	
	СССР	**Сахалинская область**	**СССР**	**Сахалинская область**
Показатель на 1 января 1965г., из них установлено:	335	25	47	36
до 1900 г.	76	-	-	-
1901 – 1920 г.	89	2	-	44
1921 – 1940 г.	144	23	-	35
1945 – 1963 г.	37	-	-	-
1963 – 1966 г.	-	-	-	-

Составлено на основе: Перекрестова Е.Г. Целлюлозно-бумажная промышленность Сахалина в 1960 – 1980-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 78.

К середине 1970-х гг. ЦБК Сахалинской области ежегодно выпускали 98 890 т бумаги различного ассортимента. На внешний рынок поставлялись лес, пиломатериалы, газетная и мешочная бумага, целлюлоза. Продукция пользовалась спросом внутри страны и экспортировалась как в страны социалистического лагеря (Германская демократическая республика,

Польша, Куба), так в капиталистические государства (Таиланд, Гонконг, Индия) [10, 105]. Особое место занимала Япония, которую Госплан СССР и правительство рассматривали в качестве крупного потребителя промышленного сырья и экспортёра готовых товаров [47, 30]. С нарастанием хозяйственного кризиса в стране усиливалась заинтересованность к предложениям японской стороны в вопросах развития ЦБП на Сахалине. На основании соглашений СССР и Японии (1970, 1974 г.), последняя, предоставляя кредит советской стороне, получала в качестве его уплаты сырьё для собственной целлюлозно-бумажной и химической промышленности, а также деловую древесину и пиломатериалы. Кроме того, на компенсационной основе в конце 1970 – начале 1980-х гг. японская сторона начала реконструкцию целлюлозно-бумажных предприятий в Сахалинской области. Жители острова получали возможность покупать высококачественные товары народного потребления [6, 116].

За 20 лет позднесоветского периода ЦБП расширялась. Выработка целлюлозы увеличилась на 2 215 тыс т, бумаги и картона соответственно на 1 533 тыс т, но, несмотря на достигнутые успехи, сдерживающим фактором оставались проблемы, связанные с эксплуатацией и ремонтом технического оборудования, технологической отсталостью, нехваткой складских помещений. Всё отчётливее намечалась, а в дальнейшем усиливалась тенденция замедления темпов производства. Только в 1976 г. из-за поломок, нарушений правил эксплуатации и плановых предупредительных ремонтных работ общие простои предприятий объединения «Сахалинбумпрома» составили 9 895 часов [11, 65]. Не терял своей актуальности вопрос стоимости электроэнергии. Так, начальник объединения «Сахалинбумпром» И.У. Хренов неоднократно обращался к партийному руководству Сахалинского обкома КПСС с просьбой, «…учитывая народнохозяйственную значимость развития целлюлозно-бумажной промышленности Сахалина необходимо, чтобы Госкомитет цен и Минэнерго РСФСР снизили тариф на электроэнергию, отпускаемую «Сахалинэнерго» предприятиям объединения, хотя бы до 43 руб. за 1000 кВтч» [42, 90].

Кроме того, особую озабоченность хозяйственных руководителей индустриальных объектов вызывал дефицит специализированной техники и сложности механизации некоторых процессов. В частности, ни на одном предприятии не было электропогрузчика с поворотно-клещевыми захватами. Именно с его помощью осуществлялось укладка готовой бумаги в несколько ярусов, позволяя рационально использовать пространство складских помещений. Многие из них представляли ветхие здания, крайне ограниченной вместимости. В результате на предприятиях, например, Углегорском и Томаринском ЦБК, Корсаковской фабрике картонных ящиков, имели место нарушения хранения готовой продукции. Ежегодно ра-

ботникам приходилось менять внешнюю упаковку более 6 тыс т бумаги, находившейся в зимне-весенний период под брезентом на открытых площадках, поскольку мест на складах не хватало [11, 172].

Со второй половины 1980-х – начале 1990-х гг. ситуация на мировом рынке ЦБП ухудшалась, цены на целлюлозу стали падать. Так и незавершенная глубокая техническая модернизация и кардинальное обновление средств производства, значительное сокращение сырьевой базы способствовали росту себестоимости продукции сахалинских предприятий. Дальнейшие внутриполитические изменения в стране лишь усугубляли положение дел на отраслевых предприятиях. Последовавшая череда структурных преобразование и переименований лишь на время отодвинули вопрос о жизнеспособности ЦБП на Сахалине. Так, после упразднения 1 сентября 1988 г. производственного лесопромышленного объединения «Сахалинлеспром» на основе хозяйственного расчёта было организовано территориальное производственное объединение (ТПО) с тем же наименованием. Однако, когда экономическая самостоятельность не дала результатов, летом 1993 г. ТПО «Сахалинлеспром» преобразовали в акционерное открытое общество. И, наконец, летом 2000 г. решением Арбитражного суда Сахалинской области организация была признана банкротом [16, 59; 17, 140; 18, 29].

Новейший период (1991 – по настоящее время) стал завершающим аккордом в истории ЦБП Сахалинской области. Отраслевые предприятия, выработав свой ресурс, не имея достаточных денежных средств, утратив бóльшую часть трудовых коллективов, закрывались:

Холмский ЦБЗ – 1993 г.

Углегорский ЦБЗ – 2005 г.

Макаровский ЦБЗ – 1997 г.

Долинский ЦБЗ – 2001 г. (осталась только ТЭЦ)

Чеховский ЦБЗ – 1996 г.

Поронайский ЦБЗ – 1999 г.

Томаринский ЦБЗ – 2001 г. (осталась только ТЭЦ)

Южно-Сахалинский ЦБК – 1957 г.

В целом ретроспективный обзор показал, что созданная ещё в начале XX в. ЦБП сформировала социально-экономические основы хозяйствования на Сахалине. В условиях послевоенного периода активно проходило восстановление отраслевых предприятий. В свою очередь позднесоветский период, несмотря на догоняющий характер советской модернизации, недочёты плановой экономической системы, недостаточные темпы обновления устаревшего оборудования, крайне медленное внедрение новых технологий стал для ЦБП Сахалинской области временем подъёма и достижений. Тем не менее, дальнейшая смена политического курса и приватизация при-

вели старейшую отрасль в экономике дальневосточной территории к упадку и свёртыванию.

Библиографический список:

1. Афонькин И.Г. Инвестиционная привлекательность целлюлозно-бумажной промышленности России // Лесной вестник. 2008. № 5. С. 53-55.
2. Баженова Ж.М. Карафуто в истории Японской колониальной империи // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 146-167.
3. Балов А.В. Перспективы развития целлюлозно-бумажной отрасли России / А.В. Балов, М.Н. Сироткина // Лесной вестник. 2012. № 5. С. 85-89.
4. Бурыкин А.Н. Политика японского правительства по формированию постоянного населения юга Сахалина (1905 – 1945 гг.) // Социология власти. 2010. № 6. С. 159-166.
5. Государственный архив документов по личному составу Сахалинской области (ГАДЛССО). Ф. Р – 29. Оп. 1. Д. 5.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А – 259. Оп. 48. Д. 1089.
7. Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. 735. Оп. 1. Д. 5.
8. ГИАСО. Ф. Р – 735. Оп. 1. Д. 8.
9. ГИАСО. Ф. Р – 735. Оп. 2. Д. 1.
10. ГИАСО. Ф. Р – 735. Оп. 2. Д. 99.
11. ГИАСО. Ф. Р – 735. Оп. 2. Д. 124.
12. ГИАСО. Ф. Р – 171. Оп. 1. Д. 4.
13. ГИАСО. Ф. Р – 53. Оп. 1. Д. 224.
14. ГИАСО. Ф. Р – 1080. Оп. 1. Д. 2.
15. ГИАСО. Ф. Р – 271. Оп. 1. Д. 133.
16. ГИАСО. Ф. Р – 271. Оп. 6. Д. 100.
17. ГИАСО. Ф. Р – 271. Оп. 5. Д. 382.
18. ГИАСО. Ф. Р – 271. Оп. 7. Д. 58.
19. Гришачёв С.В. Японское губернаторство Карафуто (1905 – 1945): история и социальная помять // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 272-286.
20. Дальне-Восточный край. Плановая комиссия. Бюро тихоокеанской конъюнктуры. Обзор хозяйства Японии и Китая. – Хабаровск: [б. и.], 1928. – 186 с.
21. Замок Бумажного Короля: Геокэшинг. // URL: http://geocaching.su›cache/34707/ (Дата обращения: 25.10.2025).
22. Кожемяко Н.П. Состояние развития и концентрация производства целлюлозно-бумажной промышленности Российской Федерации // Лесной вестник. 2008. № 4. С. 124-129.
23. Колесникова О.В. Развитие целлюлозно-бумажной промышленности в Сибирском и Дальневосточном Федеральных округах: динамика, тенденции, проблемы / О.В. Колесникова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 7. – С. 134-144.
24. Кравченко Р.В. Условиях и перспективы создания в Архангельской области лесного территориально-производственного кластера / Р.В. Кравченко, Н.Б. Пинягина // Лесной вестник. 2014. № 3. С. 111-117.
25. Лесопромышленный комплекс. // URL: https:// alestech.ru›bulletin/article/224 (Дата обращения: 10.10.2025).
26. Миронов А.В. Проблемы развития целлюлозно-бумажной промышленности в России / А.В. Миронов // Проблемы развития территории. 2015. Вып. 6 (80). С. 63-72.
27. Назад в Карафуто: как «гонка» компаний дала толчок открытию заводов на Сахалине. // URL: http:// sakhalinmedia.ru.news (Дата обращения: 23.10.2025).
28. О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности от 07 апреля 1960 // URL: http://docs.cntd.ru›document/765705266/titles/1SC08F (Дата обращения: 31.10.2025).
29. О мерах по ускорению развития производительных… // URL: http://docs.cntd.ru›document/568914900 (Дата обращения: 31.10.2025).
30. Осколки Тоёхары. – Режим доступа: https:// sakhizdat.ru›История›Осколки Тоёхары (Дата обращения: 16.10.2025).
31. Перекрестова Е.Г. У истоков бумажной промышленности Сахалина / Е.Г. Перекрестова // Первые краеведческие чтения: материалы научной конференции. – Южно-Сахалинск: ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей», 2018. С. 69-72.
32. Перекрестова Е.Г. Целлюлозно-бумажная промышленность Сахалина в 1960 – 1980-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 77-83.
33. Пинягина Н.Б. О приоритетных мерах государства по обеспечению модернизации целлюлозно-бумажного производства // Лесной вестник. 2010. № 2. С. 151-153.

34. План Чикаго: или как японцы застраивали Южный Сахалин. // URL: https://SakhalinMedia.ru›news/1393275/ (Дата обращения: 16.10.2025).
35. Платонова, Н.М. Промышленно-гражданский комплекс Дальнего Востока РСФСР (1965 – 1985 гг.). Опыт исторического развития / Н.М. Платонова. – Москва: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. 414 с.
36. Платонова Н.М. Условия и факторы технической модернизации предприятий промышленно-гражданского комплекса Дальнего Востока СССР (1965 – 1985 гг.) // Учёные записки КнАГУ. Сер.: Науки о человеке, обществе и культуре. 2025. № VI (86). С. 119-128.
37. Погребецкий А.И. Экономические очерки современной Японии / А.И. Погребецкий. – Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1927. 181 с.
38. Портнягина А.П. Роль целлюлозно-бумажных комбинатов в развитии градостроительства на о. Сахалине периода Карафуто / А.П. Портнягина, Л.В. Задвернюк // Архитектон: известия вуза. 2022. № 2(78). С. 1-16.
39. Портнягина, А.П. Целлюлозно-бумажные комбинаты периода Карафуто. Их роль в формировании городов / А.П. Портнягина, Л.В. Задвернюк // Новые идеи нового века – 2021: материалы XXI Международной научной конференции. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2021. В 3-х т. Т. 1. С 300-306.
40. Правительство РФ Постановление от 5 декабря 2014 г. № 1319 «Об утверждении Правил о предоставлении субсидий из федерального бюджета российским лесоперерабатывающим предприятиям ДВФО, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, на возмещение части затрат, осуществлённых в 2013 – 2014 гг. на реализацию таких проектов, в рамках подпрограммы «Лесопромышленный комплекс» государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности»». // URL: http://static.government.ru›media/acts/files/… (Дата обращения: 19.10.2025).
41. Правительство РФ. Распоряжение от 20 сентября 2018 г. № 1989-р «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // URL: http://static.government.ru›media/files/….pdf (Дата обращения: 10.10.2025).
42. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 145. Д. 1022.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 106. Д. 935.
44. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 1118.
45. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 442. Оп. 1. Д. 4145.
46. РГАЭ. Ф. 469. Оп. 3. Д. 1.
47. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1340.
48. Чёрное золото Карафуто часть 3. // URL: https://alexeysakh77.livejournal.com/4493.html (Дата обращения: 16.10.2025).
49. Южный Сахалин и Курилы в 1905 – 1945 гг. // URL: http://proza.ru›2024/01/05/1139 (Дата обращения: 27.10.2025).

Reference

1. Afon'kin I.G. Investment attractiveness of the pulp and paper industry in Russia // Forest Bulletin. 2008. № 5. P. 53-55.
2. Bazhenova ZH.M. Karafuto in the History of the Japanese Colonial Empire // Russia and Asia Pacific Region. 2021. №. 1. P. 146-167.
3. Balov A.V., Sirotkina A.N. Prospects for the development of the pulp and paper industry in Russia // Forest Bulletin. 2012. № 5. P. 85-89.
4. Burykin A.N. The policy of the Japanese government to form a permanent population in the south of Sakhalin (1905 – 1945) // Sociology of power. 2010. № 6. P. 159-166.
5. Gosudarstvennyi arkhiv dokumentov po lichnomu sostavu Sakhalinskoi oblasti (GADLS-SO). F. R – 29. Op. 1. D. 5.
6. The State Archive of the Russian Federation (SARF). F. A – 259. Op. 48. D. 1089.
7. The State Historical Archives of the Sakhalin Region (SHASR). F. 735. Op. 1. D. 5.
8. SHASR. F. R – 735. Op. 1. D. 8.
9. SHASR. F. R – 735. Op. 2. D. 1.
10. SHASR. F. R – 735. Op. 2. D. 99.
11. SHASR. F. R – 735. Op. 2. D. 124.
12. SHASR. F. R – 171. Op. 1. D. 4.
13. SHASR. F. R – 53. Op. 1. D. 224.
14. SHASR. F. R – 1080. Op. 1. D. 2.
15. SHASR. F. R – 271. Op. 1. D. 133.
16. SHASR. F. R – 271. Op. 6. D. 100.
17. SHASR. F. R – 271. Op. 5. D. 382.

18. SHASR. F. R – 271. Op. 7. D. 58.
19. Grishachev S.V. The Japanese Governorate of Karafuto (1905–1945): History and Social Memory // Yearbook of Japan. 2019. Vol. 48. P. 272-286.
20. Far Eastern Territory. Planning Commission. Bureau of Pacific Studies. Review of the Japanese and Chinese Economies. – Khabarovsk: [b. i.], 1928. 186 p.
21. Paper King's Castle: Geocaching. // URL: http://geocaching.su›cache/34707/ (25.10.2025).
22. Kozhemyako N.P. The state of development and concentration of production of the pulp and paper industry of the Russian Federation // Forest Bulletin. 2008. №. 4. P. 124-129.
23. Kolesnikova O.V. Development of the pulp and paper industry in the Siberian and Far Eastern Federal Districts: dynamics, trends, problems // Bulletin of the Transbaikal State University. 2017. Vol. 23. №. 7. P. 134-144.
24. Kravchenko R.V., Pinyagina N.B. Conditions and prospects for the creation of a forest territorial production cluster in the Arkhangelsk region // Forest Bulletin. 2014. №. 3. P. 111-117.
25. Forestry complex. // URL: https:// alestech.ru›bulletin/article/224 (10.10.2025).
26. Mironov A.V. Problems of development of the pulp and paper industry in Russia // Problems of development of the territory. 2015. Issue. 6 (80). P. 63-72.
27. Back to Karafuto: How a corporate race spurred the opening of factories on Sakhalin. // URL: http:// sakhalin-media.ru › news (23.10.2025).
28. On measures to eliminate the backlog of the pulp and paper industry, April 7, 1960 - docs.cntd.ru. // URL: http:// docs.cntd.ru›document/765705266/titles/1SC08F (31.10.2025).
29. On measures to accelerate the development of productive… // URL: http:// docs.cntd.ru›document/568914900 (31.10.2025).
30. Shards of Toyohara. // URL: http:// sakhizdat.ru›Istoriya›Oskolki Toekhary (16.10.2025).
31. Perekrestova E.G. At the origins of the Sakhalin paper industry // First local history readings: materials of the scientific conference. – Yuzhno-Sakhalinsk: State Budgetary Cultural Institution "Sakhalin Regional Museum of Local History", 2018. P. 69-72.
32. Perekrestova E.G. Pulp and paper industry of Sakhalin in the 1960s – 1980s // Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. 2015. №. 4. P. 77-83.
33. Pinyagina N.B. On priority measures of the state to ensure the modernization of pulp and paper production // Forest Bulletin. 2010. №. 2. P. 151-153.
34. Chicago Plan: How the Japanese Developed Southern Sakhalin. // URL: https://SakhalinMedia.ru›news/1393275/ (16.10.2025).
35. Platonova N.M. Industrial and civil complex of the Far East of the RSFSR (1965–1985). Experience of historical development. – Moscow: International Publishing Center «Ethnosocium», 2013. 414 p.
36. Platonova N.M. Conditions and factors of technical modernization of industrial and civil enterprises of the USSR Far East (1965–1985) // Scientific Notes of KnASU. Series: Sciences of Man, Society, and Culture. 2025. №. VI (86). P. 119-128.
37. Pogrebetskii A.I. Economic essays on modern Japan. Harbin: Society for the Study of the Manchurian Region, 1927. 181 p.
38. Portnyagina A.P., Zadvernyuk L.V. The role of pulp and paper mills in the development of urban development on Sakhalin Island during the Karafuto period // Arkhitekton: university news. 2022. №. 2 (78). P. 1-16.
39. Portnyagina A.P., Zadvernyuk L.V Pulp and paper mills of the Karafuto period. Their role in the formation of cities // New ideas of the new century - 2021: Proceedings of the XXI International scientific conference. Khabarovsk: Publishing house of Pacific National University, 2021. In 3 volumes. Vol. 1. P. 300-306.
40. Government of the Russian Federation Resolution of December 5, 2014 No. 1319 «On approval of the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to Russian timber processing enterprises in the Far Eastern Federal District participating in the implementation of priority investment projects in the field of forest development, to reimburse part of the costs incurred in 2013-2014 for the implementation of such projects, within the framework of the subprogram "Forest Industry Complex" of the state program of the Russian Federation "Development of Industry and Improving its Competitiveness"». // URL: http://static.government.ru›media/acts/files/… (19.10.2025).
41. Government of the Russian Federation. Order No. 1989-r of September 20, 2018, «Strategy for the Development of the Forestry Complex of the Russian Federation until 2030». // URL: http://static.government.ru›media/files/…. pdf (10.10.2025).
42. Russian State Archive of Socio-political History (RSASPH). F. 17. Op. 145. D. 1022.
43. RSASPH. F. 17. Op. 106. D. 935.
44. RSASPH. F. 17. Op. 150. D. 1118.
45. Russian State Archive of Economics (RSAE). F. 442. Op. 1. D. 4145.
46. RSAE. F. 469. Op. 3. D. 1.
47. RSAE. F. 399. Op. 3. T. 3. D. 1340.
48. Black Gold of Karafuto Part 3. // URL: https://alexeysakh77.livejournal.com/4493.html (16.10.2025).
49. Southern Sakhalin and the Kuril Islands in 1905–1945. // URL: http://proza.ru›2024/01/05/1139 (27.10.2025).

Карпенкова Т.В.

Доктор исторических наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин математики и информатики. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. SPIN-код: 6994-8730

К вопросу о тенденциях развития наций и народностей в постсоветский период (1991-2025 гг.)*

Аннотация. В статье проведено исследование этнических вопросов, возникших в ходе преобразований субъектов (республик) СССР в постсоветский период. Обобщен опыт политического урегулирования этнических конфликтов, их вспышек и создание уникального этнического климата и особенностей национального возрождения в ходе борьбы между старыми и новыми политическими элитами. Систематизированы мероприятия по формированию новых государств и попытки силой остановить дезинтеграционные тенденции. В статье обобщен опыт Российской Федерации по охране независимости и государственной целостности через патриотическое воспитание. В исследовании восстановление традиций трактуется как возобновление исторического преемства и показан опыт России, сумевшей преодолеть негативные тенденции и сохранить себя как многонациональное и многоконфессиональное государство, о чем свидетельствует тот факт, что в условии СВО общество объединилось вокруг идеи защиты национальных интересов и суверенитета.

Ключевые слова: национальное возрождение, многоконфессиональное общество, многонациональность, мультикультурализм, толерантность, многоконфессиональное государство, политкультурное воспитание, национально-культурные традиции, патриотическое воспитание.

Karpenkova T.V.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Socio-Economic Disciplines of Mathematics and Computer Science, Russian Federation, Russian Academy of National Economy and Public Administration. SPIN-code: 6994-8730

On the issue of trends in the development of nations and nationalities in the post-Soviet period (1991-2025)

Abstract. The article examines the ethnic issues that arose during the transforma-

* © Карпенкова Т.В., 2025.

tions of the subjects (republics) of the USSR in the post-Soviet period. The article summarizes the experience of political settlement of ethnic conflicts, their outbreaks and the creation of a unique ethnic climate and features of national revival during the struggle between the old and new political elites. The measures for the formation of new states and attempts to stop disintegrating tendencies by force are systematized. The article summarizes the experience of the Russian Federation in protecting independence and state integrity through patriotic education. The study interprets the restoration of traditions as the resumption of historical continuity and shows the experience of Russia, which has managed to overcome negative trends and preserve itself as a multinational and multi-religious state, as evidenced by the fact that society has united around the idea of protecting national interests and sovereignty.

Key words: national revival, multi-religious society, multinational society, multiculturalism, tolerance, multi-religious state, political and cultural education, national and cultural traditions, patriotic education.

В августе 2025 года исполнилось тридцать четыре года с момента начала распада единого союзного государства – Союза Советских Социалистических Республик, который юридически оформился в декабре 1991 года. Независимые государства, возникшие на территории бывшего СССР, прошли значительный путь национально-государственного строительства: в 1991–2025 годах они осуществили комплекс преобразований, который можно обозначить как «национальное возрождение».

Однако само понятие «национальное возрождение» не всегда точно передает суть событий и последствий распада прежнего государства. Можно поддержать точку зрения К.М. Цаголова о том, что демократический романтизм и митинговая стихия породили неясный и в конечном счете деструктивный лозунг «национального возрождения». Идея возрождения предполагает, что за спиной осталась эпоха расцвета наций, что на самом деле не соответствует истории: ни одна нация в ранние периоды не достигала более высокой ступени социального развития, следовательно, произошло замещение понятий. Так или иначе, термин «национальное возрождение» в качестве рабочего понятия остается удобным (в ряде республик применяются иные формулировки)

До сегодняшнего дня исследование этнических вопросов, возникших в ходе демократического перехода постсоветских государств, сохраняет актуальность: большинство из них остаются многонациональными образованиями (за исключением Армении) и будут таковыми в обозримом будущем. Опыт политического урегулирования этнических конфликтов, их вспышек, создания уникального этнического климата и особенностей национального возрождения за эти тридцать четыре года заслуживает глубокого и всестороннего изучения, сопоставительного анализа и оценки.

Очевиден факт: стремительный по историческим меркам и беспрецедентно катастрофический переход к иному государственному устройству и экономике сопровождался борьбой между старыми и новыми политическими элитами. В итоге он стал причиной того, что в многонациональном и многоконфессиональном обществе – как в советском, так и в постсоветском – противостояние приняло «этнополитическую окраску». Непоследовательные шаги по преобразованию государства в реальную федерацию и попытки силой остановить дезинтеграционные тенденции в республиках (тбилисские события 1989 года, бакинские 1990 года, вильнюсские 1991 года) усилили этнополитические конфликты, которые продолжались в последующие 90-е годы и во многих случаях не исчезли по сей день.

С осени 1991 года угроза раздвоения сознания, разделения знаний и воспоминаний воцарилась в ряде постсоветских государств, в том числе в России. Причинами распада могли стать скрытые популистские лозунги и чрезмерное использование права народов на самоопределение; стремительное «национальное возрождение», грубые ошибки центра в проведении политики, затрагивающей этническую принадлежность и культуру. Подобные процессы имели место по всему постсоветскому пространству, но с разной степенью интенсивности, набором факторов и в разное время.

Многие конфликты возникли ещё до распада СССР; это важный факт для понимания этнокультурных процессов, происходивших позднее – с 90-х годов до середины 2020-х годов. Например, карабахский межобщинный конфликт, имеющий давние исторические корни, был вновь искажённо инспирирован националистическими движениями и, вероятно, иностранными спецслужбами в годы перестройки (1988–1989), на фоне ослабления государственной власти и распада интернациональной идеологии в СССР. К концу 1988 года конфликт затронул большинство жителей обеих республик и превратился в открытую межнациональную конфронтацию. В конце 80-х в Молдавии подавляющая часть интеллигенции и руководства поддержала националистические настроения и тезис об идентичности молдавского и румынского языков, вплоть до призывов к объединению Молдавии и Румынии. Затем произошли известные этнические конфликты в Дубоссарах и Бендерах (ноябрь 1990 года).

В мае–июне 1989 года в Узбекистане вспыхнули острые межэтнические столкновения в Ферганской, Ташкентской и Андижанской областях, в результате которых тысячи турок-месхитинцев были насильственно изгнаны из Ферганской области. По официальной версии, экстремистские силы воспользовались существовавшей социально-экономической напряжённостью и спровоцировали массовые беспорядки, межнациональную рознь и столкновения. Летом 1990 года в Кыргызстане, в Ошской области, про-

изошёл межэтнический конфликт. Эти события, усугубившие процессы ускорившейся дезинтеграции Советского Союза, требуют беспристрастной оценки политологов и историков, объективного освещения в научных трудах и восстановления подлинной картины тех трагических дней.

За тридцать четыре года после распада Советского Союза в постсоветских государствах началась выработка новой истории. Однако свобода слова стала серьёзным испытанием для историков и политиков: граждане столкнулись с потоком исторических сочинений различного уровня качества. Обилие работ, созданных как профессионалами, так и любителями, свидетельствует о живом интересе к собственной истории, однако мифы и искажения присутствуют повсеместно. Так, например, в Казахстане этот процесс проявился в оценке роли Жангир-хана: в 2001 году отметили 200-летие Букеевского ханства, и во множестве публикаций Жангир-хан изображался как выдающийся реформатор и защитник народа, что не всегда соответствовало фактическим данным. Истина, как мы знаем, обычно где-то посередине. Особенно ярко эти явления национализации истории проявились в Украине, Латвии и Эстонии.

Если ранее национальная феодальная или буржуазная элита встречалась с критикой, то теперь многие элементы её идеализируются: даже лица, сотрудничавшие с нацистами, представляются как великие реформаторы и защитники интересов народа.

Процесс национального возрождения сопровождается не только возросшим интересом к истории своего народа, что понятно и оправдано, но и возрождением традиций и обрядов. Восстановление традиций трактуется как возобновление исторического преемства. В ряде стран произошёл возврат к старым идеям родоплеменного деления: у Кавказа и Сибири в России, в Азербайджане, в некоторых республиках Средней Азии. Понятие организации общества через призму значения своего племени, рода или этноса закрепилось в новой социальной и политической реальности и нередко вело к враждебности к другим группам. Возвращение к устаревшим родоплеменным институтам может привести к расколу наций,а не к объединению.

В первые годы после распада СССР активно шли репатриационные процессы. Сейчас миграционные потоки по национаьльному признаку выглядят иначе: репатриация частично перешла в формат рабочей миграции из менее благополучных частей бывшего СССР в более благополучные. Что касается сепаратизма и внутригосударственных беспорядков, главным источником опасности стала неконтролируемая миграция, а не коренные народы с сильной идентичностью.

В ходе национального возрождения в регионах России начали признавать, что многонациональность, мультикультурализм и толерантность

были присущи российскому государству с момента его образования. Вряд ли можно найти другую страну, где за столетия не исчезали ни один народ и ни одна меньшая культура, и где сохранялась этническая и культурная мозаика столь обширного государства. Некоторые политики и историки считают, что институтуализация этнокультурного фактора в России поражает воображение. В других странах по мере развития демократии эгоизм титульного этноса, по мнению некоторых, будет снижаться, и народы смогут решать вопросы социально-экономического характера в спокойной и дружественной атмосфере.

Сравнительный анализ показывает для всех постсоветских стран: наиболее ценен опыт России, сумевшей преодолеть негативные тенденции и сохранить себя как многонациональное и многоконфессиональное государство, включающее около 180 народов и этнических групп. Национальная политика постсоветских государств, по примеру России, должна быть направлена на сохранение единства и развитие народов внутри единого государства, независимо от их особенностей. По мнению А. Ивина, в современном фоне прослеживаются переплетения мотивов советской и евразийской концепций национальной политики – это уникальный стиль решения национального вопроса: он постоянно приносит новые вызовы и поиски путей их решения, но цель остаётся неизменной – сохранить единство, обеспечить свободу и поддерживать мир.

Очевидно, что национальная политика и межнациональные отношения остаются предметом внимания почти всех постсоветских государств (за исключением Украины, Грузии и прибалтийских стран, где допущены серьёзные нарушения правовых норм). Наблюдается постепенное смещение акцентов с территориальных на культурно-образовательные и культурно-просветительные направления.

Опыт постсоветских государств демонстрирует, что на формирование национальной политики влияют геополитика, этнополитика, социально-экономические и культурные факторы, конфессиональные особенности и другие. Мировое сообщество обращает внимание на защиту этнических меньшинств, прав на изучение родного языка и другие гражданские и культурные аспекты. Многие народы постсоветских государств относятся к национализму критически, считая его деструктивной силой, хотя это мнение спорно. По словам В.И. Лутовинова, обновлённый патриотизм может стать фактором консолидации и развития общества.

Россия, в свою очередь, нашла ответ на межнациональные вопросы через концепцию многонационального государства: 23 января 2012 года В.В. Путин в статье в «Независимой газете» поставил вопрос: Россия – многонациональное государство с равными правами для всех народов или русское государство, объединяющее множество этносов и защищающее их

существование? Сегодня власть объединяет широкие слои населения вокруг идеи многонационального Отечества, а политкультурное воспитание всё больше опирается на национально-культурные традиции, патриотическое воспитание.

24 февраля 2022 года началась Специальная военная операция (СВО), которая стала переломным моментом в современной истории России. В новых геополитических условиях патриотическая идея приобрела особую значимость, общество объединилось вокруг защиты национальных интересов и суверенитета. По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, проведённого в марте 2024г., патриотами себя считают 94% россиян [8]. Также патриотическое воспитание стало важной частью современной действительности.

Необходимо подчеркнуть, что ветераны СВО участвуют в различных мероприятиях, которые нацелены на патриотическое воспитание. На сегодняшний день уже более 3000 участников специальной военной операции общаются со школьниками, студентами колледжей и проводят «Разговоры о важном» [9]. Московский областной филиал РАНХ и ГС осуществляет сотрудничество с участниками СВО в области профессионального обучения, профессиональной переподготовки по более востребованным и новым профессиям, проводит совместные мероприятия. Привлечение героев СВО увеличивает доверие к полученной информации, так как она исходит от непосредственных участников событий, которые могут ещё и поделиться историями, произошедшими с ними. Таким образом, ветераны спецоперации передают понимание происходящих процессов, что влияет на воспитание гражданственности и патриотизма, готовности служить интересам родины, которая не может быть разделена.

Следует признать, что люди зачастую вкладывают в понятие «патриотизм» разные смыслы. Однако, для осмысления проходящих процессов необходимо определить систему классификации понимания патриотизма. Такую систему предложил И.М. Кузнецов в статье «Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО» 2024 года [10]. В статье патриотизм разделён на убеждённый и на умеренный Главное отличие в том, что убеждённый патриотизм более ориентирован на защиту своей родины, социально-культурных ценностей и национальных интересов. По данным опроса в 2020 году соотношение было 60 на 40 процентов в пользу умеренных патриотов, однако на 2024 год положение изменилось. В 2025 году соотношение 60 на 40 процентов, уже лидируют убеждённые патриоты. Это свидетельство того, что после начала СВО общество стало больше уделять внимания защите родины, её суверенитету и национальным интересам. Произошедшие события показали важность сплочения, для возможности дачи отпора геополитическим противникам Российской

Федерации. Проведенный мониторинг среди студентов РАНХиГС показал, что среди сторонников убеждённого патриотизма больше сторонников традиционных ценностей: жизнь, достоинство, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, крепкая семья. Таким образом, государство сделала правильный шаг, когда выдвинуло в приоритет своей поддержки именно их, это является важным критерием для получения поддержки убеждённых патриотов в условиях специальной военной операции.

Подтверждение такой государственной политики мы услышали на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, на котором Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал следующее: «Вы (Караганов) правы в том, что нужны объединительные идеи. И конечно, такой объединительной идеей – и сегодняшние события показывают это – может быть в самом хорошем, прямом, а не квасном смысле этого слова, патриотизм. И те люди, которые добровольно приходят и идут на фронт, не жалея своей жизни и здоровья, лучшее тому подтверждение, вот это патриотизм» [10]. Таким образом, патриотической идее отводится очень важная роль в деле объединения граждан. Патриотизм как идея медленно собирает вокруг себя традиционные, национальные идеи, которые вместе будут и должны сформировать новую идеологию. Однако, нам придется изменить статью Конституции РФ, где указано, что у нас нет ни государственной, ни обязательной идеологии.

Библиографический список:

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
2. Семенов В.В. Ислам и национальное татарское возрождение на рубеже тысячелетий // Влачсть. 2010. № 9. С. 108-112.
3. Зязиков М.М. Отражение традиций и новаций в народном этикете ингушей // URL: http://etnosocium.ru/mm-zyazikov-otrazhenie-tradicii-i-innovacii-v-narodnom-etikete-ingushei
4. Ибрагимов К.М. Этническая составляющая политических процессов в республике Дагестан в постсоветский период // Власть. 2013. № 2. С. 195-197.
5.Хамутаев В.А. Политика и национальное возрождение в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия) // Власть. 2009. № 8. С. 91-93.
6 Александр Ивин: Национальная политика в евразийстве. Теория и практика Доклад для круглого стола «Политическая программа евразийства в России 21-го века», прошедшего 7 марта 2015 года в Евразийском клубе МГУ им. М.В. Ломоносова (МОД «Молодая Евразия» и ОО «Евразийское Содружество»).
7. Иванова В.И., Лутовинов С.Ю. Современный российский патриотизмРоссийская акад. наук, Южный науч. центр, Ставропольский гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.
8. Аналитика О современном российском патриотизме // ВЦИОМ. Новости: сайт. 29.03.2024. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme.
9. Более 3000 ветеранов СВО занимаются патриотическим воспитанием подрастающего поколения // Электронное издание «МК.ru», 29 марта 2024 г. // URL: https://www.mk.ru/social/2024/03/29/bolee-3000-veteranov-svozanimayutsya-patrioticheskim-vospitaniem-podrastayushhego-pokoleniya.html.
10. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума от 7 июня 2024 года.
11. Конституция Республики Татарстан. – Казань, 1993. С. 3-9.
12. Крайсман Н.В. Формирование культурно-просветительского религиозного возрождения татар как феномен национальной культуры // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 11. Том 16. С. 282-285.
13. Цзэн Сыюань Музыкальная драматургия в хореографии: обзор концепций и подходов // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 60-67.

Reference

1. Putin V.V. Russia: the National Question // Nezavisimaya Gazeta. 2012. January 23.
2. Semenov V.V. Islam and the National Tatar Revival at the Turn of the Millennium // Vlast. 2010. № 9. P. 108-112.
3. Zyazikov M.M. Reflection of Traditions and Innovations in the Folk Etiquette of the Ingush // URL: http://etnosocium.ru/mm-zyazikov-otrazhenie-tradicii-i-innovacii-v-narodnom-etikete-ingushei
4. Ibragimov K.M. The Ethnic Component of Political Processes in the Republic of Dagestan in the Post-Soviet Period // Vlast. 2013. № 2. P. 195-197.
5. Khamutaev V.A. Politics and National Revival in the Post-Soviet Period (Based on Materials from the Republic of Buryatia) // Vlast. 2009. № 8. P. 91-93.
6. Alexander Ivin: National Policy in Eurasianism. Theory and Practice. Report for the roundtable "The Political Program of Eurasianism in Russia in the 21st Century", held on March 7, 2015, at the Eurasian Club of Moscow State University named after M.V. Lomonosov (IMO "Young Eurasia" and NGO "Eurasian Commonwealth").
7. Ivanova V.I., Lutovinov S.Yu. Modern Russian Patriotism. Russian Academy of Sciences, Southern Research Center, Stavropol State University. – Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008.
8. Analytics On modern Russian patriotism // VTsIOM. News: website. March 29, 2024. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme.
9. More than 3,000 veterans of the SVO are engaged in patriotic education of the younger generation // Electronic publication "MK.ru", March 29, 2024 // URL: https://www.mk.ru/social/2024/03/29/bolee-3000-veteranov-svoza-nimayutsya-patrioticheskim-vospitaniem-podrastayushhego-pokoleniya.html.
10. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum, June 7, 2024.
11. Constitution of the Republic of Tatarstan. Kazan, 1993. P. 3-9.
12. Kraisman, N.V. "Formation of the Cultural and Educational Religious Revival of the Tatars as a Phenomenon of National Culture" // Bulletin of the Kazan Technological University. 2013. № 11. Vol. 16. P. 282-285.
13. Jiang Siyuan Musical drama in choreography: overview of concepts and approaches // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 60-67.

Аккиева С.И.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарский научный центр РАН.

Теммоев И.Ю.

Кандидат политических наук, доцент. Кабардино-Балкарский аграрный университет имени В.М. Кокова.

Имперская и советская модернизация на Северном Кавказе*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы модернизации на Северном Кавказе в период имперской и советской власти, анализируются их цели, методы и последствия. Исследование фокусируется на трех ключевых аспектах: использование образования и науки в качестве инструментов государственной власти, развитие инфраструктуры и коммуникаций, и влияние модернизационных процессов на традиционные социальные структуры. Подчеркивается, что как Российская империя, так и Советское государство стремились к интеграции региона в общее политическое и экономическое пространство, однако подходы и результаты существенно различались. В имперский период акцент делался на адаптации местной элиты и распространении русской культуры, в то время как советская власть стремилась к формированию новой идентичности на основе коммунистической идеологии. Развитие инфраструктуры и коммуникаций способствовало экономическому росту, но часто игнорировало потребности местного населения и приводило к экологическим проблемам. Модернизация оказывала неоднозначное влияние на традиционные институты и социальные отношения, усиливая межэтнические противоречия и социальную напряженность. На основе анализа исторических источников и сравнительного подхода автор приходит к выводу о сложном и противоречивом характере модернизационных процессов на Северном Кавказе, требующем учета исторического опыта при реализации современных проектов развития региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, модернизация, Российская империя, Советский Союз, образование, наука, инфраструктура, коммуникации, социальные структуры, традиция.

Akkieva S.I.

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies, Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

* © Аккиева С.И., Теммоев И.Ю., 2025.

Temmoev I.Yu.
Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian Agrarian University named after V.M. Kokov.

Imperial and soviet modernization in the North Caucasus

Abstract. The article examines the processes of modernization in the North Caucasus during the period of imperial and Soviet rule, analyzing their goals, methods, and consequences. The study focuses on three key aspects: the use of education and science as tools of state power, the development of infrastructure and communications, and the impact of modernization processes on traditional social structures. It emphasizes that both the Russian Empire and the Soviet state sought to integrate the region into a common political and economic space, but their approaches and outcomes differed significantly. During the imperial period, the focus was on adapting the local elite and spreading Russian culture, while the Soviet government sought to create a new identity based on communist ideology. The development of infrastructure and communications contributed to economic growth, but it often ignored the needs of the local population and led to environmental problems. Modernization had a mixed impact on traditional institutions and social relations, exacerbating interethnic conflicts and social tensions. Based on an analysis of historical sources and a comparative approach, the author concludes that the modernization processes in the North Caucasus were complex and contradictory, requiring consideration of historical experiences in the implementation of modern development projects in the region.

Key words: North Caucasus, modernization, Russian Empire, Soviet Union, education, science, infrastructure, communications, social structures, tradition.

Введение

Северный Кавказ, расположенный на перекрестке цивилизаций и геополитических интересов, на протяжении длительного времени являлся ареной интенсивных процессов модернизации, инициированных как Российской империей, так и Советским государством. Этот регион, обладающий уникальным сочетанием этнокультурного разнообразия и сложной историей, представляет собой ценный объект для изучения механизмов и последствий модернизационных проектов, проводимых центральной властью. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления исторического опыта модернизации на Северном Кавказе, что позволит выявить как позитивные, так и негативные стороны данных процессов, их влияние на современные социально-политические и культурные реалии региона. Анализ этих процессов особенно важен в контексте современных вызовов, связанных с укреплением российской

идентичности, гармонизацией межэтнических отношений и устойчивым развитием региона.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ модернизационных процессов на Северном Кавказе в период имперской и советской власти, с акцентом на образовании и науке как инструментах власти, развитии инфраструктуры и коммуникаций, а также влиянии модернизации на традиционные социальные структуры.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению модернизационных процессов на Северном Кавказе, объединяющем анализ политики в области образования и науки, развития инфраструктуры и трансформации социальных структур.

Материалы и методы исследований

Для проведения исследования были использованы опубликованные источники (мемуары, публицистика, научные труды), а также материалы периодической печати. В качестве методологической основы исследования использованы принципы историзма, системности и сравнительного анализа. Применялись методы проблемно-хронологического анализа, статистического анализа и контент-анализа. Использование междисциплинарного подхода, включающего элементы социологии, политологии и культурологии, позволило комплексно оценить влияние модернизационных процессов на различные аспекты жизни северокавказского населения.

Результаты и обсуждения

1. Образование и наука как инструменты имперской и советской власти на Северном Кавказе

На протяжении всей своей истории Северный Кавказ являлся зоной столкновения геополитических интересов и объектом пристального внимания центральной власти. Как в период Российской империи, так и в советское время, образование и наука рассматривались как ключевые инструменты укрепления власти, интеграции региона в общее политическое и культурное пространство, а также формирования лояльного населения. Анализ политики в сфере образования и науки позволяет выявить общие закономерности и специфические черты имперского и советского подходов к модернизации Северного Кавказа.

В период правления Российской империи, образование и наука рассматривались в первую очередь как средства русификации и христианизации. Создание сети учебных заведений разных уровней – от начальных сельских школ до гимназий и реальных училищ – преследовало цель распространения русского языка и культуры среди кавказского населения, а также подготовки кадров для государственной службы и армии. Особое

внимание уделялось подготовке учителей из числа местных жителей, однако учебные программы и методики преподавания были ориентированы на общероссийские стандарты, что часто приводило к игнорированию местных особенностей и культурных традиций. В то же время, политика в области образования носила сословный характер: доступ к образованию имели в основном дети из лояльных слоев населения – казачьей элиты, горской аристократии, крестьян, принявших православие. Коренное население, сохранявшее приверженность исламу и традиционному укладу жизни, часто испытывало затруднения в получении образования, что усиливало социальное неравенство и способствовало росту недовольства. Развитие науки на Северном Кавказе в имперский период связано с деятельностью ученых-этнографов, географов, историков, которые изучали культуру, язык, историю и природные ресурсы региона [8, с. 1]. Результаты этих исследований использовались для обоснования российской политики на Кавказе, а также для формирования образа «благородного дикаря», нуждающегося в цивилизаторской миссии России.

Советская власть декларировала принцип всеобщего и бесплатного образования, что, казалось бы, открывало широкие возможности для жителей Северного Кавказа. Однако, целью советского образования было не просто распространение знаний, а формирование нового человека, идеологически преданного коммунистическим идеалам. В первые годы советской власти была развернута масштабная кампания по ликвидации неграмотности (ликбез), которая охватила широкие слои населения. Параллельно создавались национальные школы, в которых обучение велось на родных языках. Это способствовало развитию национальных культур и литературы, но в то же время создавало предпосылки для формирования национального самосознания, не всегда совпадавшего с советской идеологией. Наука также была поставлена на службу государству. Создавались научно-исследовательские институты, занимавшиеся изучением природных ресурсов, экономики, истории и культуры Северного Кавказа. Однако, научные исследования жестко контролировались партийными органами, которые определяли приоритеты и направления исследований. Ученые, не разделявшие марксистско-ленинские взгляды, подвергались преследованиям и репрессиям [11, с. 17]. В сталинский период была развернута кампания против «буржуазных националистов», в ходе которой многие представители интеллигенции Северного Кавказа были обвинены в антисоветской деятельности и подверглись репрессиям. В послевоенный период политика в области образования и науки стала более прагматичной, но идеологический контроль оставался жестким. Особое внимание уделялось подготовке кадров для промышленности и сельского хозяйства, а также развитию высшего образования.

Сравнительный анализ имперской и советской политики в области

образования и науки на Северном Кавказе позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия. В обоих случаях образование и наука использовались как инструменты укрепления власти и интеграции региона. Однако, цели и методы достижения этих целей были разными. В имперский период акцент делался на русификации и христианизации, в то время как советская власть стремилась к формированию нового человека на основе коммунистической идеологии. Если в имперский период доступ к образованию был ограничен сословными рамками, то советская система формально предоставляла равные возможности всем гражданам. Однако, идеологический контроль и репрессии ограничивали свободу научного творчества и выражения [7, с. 33]. В целом, и имперская, и советская политика в области образования и науки на Северном Кавказе носила противоречивый характер. С одной стороны, она способствовала существенному росту образовательного уровня населения, появлению кадров учителей и других специалистов, развитию культуры и науки, подготовке кадров для экономики и управления [1, с. 41]. С другой стороны, она приводила к игнорированию местных особенностей и культурных традиций, усилению социального неравенства и ограничению свободы мысли. Опыт имперской и советской модернизации Северного Кавказа в сфере образования и науки требует критического осмысления и учета при разработке современных стратегий развития региона. Необходимо сочетать общероссийские стандарты образования с учетом местных особенностей и потребностей, обеспечивать свободу научного творчества и выражения, а также создавать условия для развития национальных культур и языков.

2. Развитие инфраструктуры и коммуникаций: новые возможности и старые проблемы

Сквозь призму истории Северного Кавказа, развитие инфраструктуры и путей сообщения предстает не просто как технический прогресс, но как мощный фактор, повлиявший на социально-политическую и экономическую жизнь региона. Имперский и советский периоды стали эпохами активного строительства дорог, железнодорожных путей, средств связи, что открывало новые возможности, но одновременно обнажало и усугубляло старые проблемы, связанные с этнокультурным многообразием, геополитической напряженностью и экологической устойчивостью [6, с. 737]. Рассмотрение этих процессов в контексте их исторического развития позволяет выявить закономерности, противоречия и долгосрочные последствия для региона.

В Российской империи инфраструктурное развитие Северного Кавказа было прежде всего обусловлено военно-стратегическими соображениями. Покорение и удержание региона требовало оперативной переброски войск и грузов, что стимулировало строительство военных дорог, транскавказских магистралей и укрепленных пунктов. Военно-Грузинская дорога, начатая

еще в конце XVIII века и существенно модернизированная в XIX веке, стала символом имперского контроля и одновременно окном в Закавказье, обеспечивая связь с Грузией и другими территориями. Развитие сети железных дорог, в частности Владикавказской железной дороги, способствовало не только передвижению военных сил, но и развитию торговли и промышленности, особенно в сфере добычи и транспортировки нефти. Однако, несмотря на эти достижения, инфраструктурное развитие было неравномерным и часто игнорировало потребности местного населения [4, с. 122]. Строительство дорог и железных дорог нередко сопровождалось отчуждением земель, нарушением традиционного уклада жизни и усилением социальной напряженности. Развитие телеграфной связи также было ориентировано на нужды управления и контроля, а не на удовлетворение потребностей граждан.

Советская власть унаследовала от Российской империи развивающуюся, но все еще неравномерно распределенную и ориентированную на нужды центра инфраструктуру. В советский период инфраструктурное развитие получило новый импульс, обусловленный задачами индустриализации, коллективизации и идеологической консолидации. Возникали новые населенные пункты, строились ь новые заводы и фабрики, создавались колхозы и совхозы, что требовало развития транспортной сети и средств связи. Были построены новые железные дороги, автомобильные дороги, морские порты и аэропорты. Особое внимание уделялось развитию гидроэнергетики, что привело к строительству каскада гидроэлектростанций на реках Северного Кавказа. Система телефонной и телеграфной связи расширялась, обеспечивая связь между городами и селами. Радио и телевидение стали важными инструментами пропаганды и культурного просвещения. Однако, советская модель инфраструктурного развития также имела свои недостатки. Плановая экономика часто приводила к неэффективному распределению ресурсов и строительству объектов, не учитывающих местные потребности. Экологические последствия индустриализации и гидроэнергетического строительства часто игнорировались, что привело к загрязнению окружающей среды и ущербу для природы [3, с. 154]. Политика переселения народов и разрушения традиционных поселений также имела негативные последствия для культурного наследия и социальной стабильности.

Сравнительный анализ инфраструктурного развития Северного Кавказа в имперский и советский периоды выявляет общие черты и различия. В обоих случаях инфраструктура использовалась как инструмент укрепления власти и интеграции региона в общее экономическое и политическое пространство. Однако, цели и методы достижения этих целей различались. В имперский период акцент делался на военно-стратегические соображения и экономическую эксплуатацию ресурсов, в то время как советская власть стремилась к индустриализации, коллективизации и идеологиче-

ской консолидации. В обоих случаях инфраструктурное развитие приводило к противоречивым последствиям: с одной стороны, оно стимулировало экономический рост и улучшало связь региона с внешним миром, с другой стороны, оно сопровождалось социальной напряженностью, экологическими проблемами и разрушением культурного наследия.

Таким образом, развитие инфраструктуры и коммуникаций на Северном Кавказе является сложным и многогранным процессом, отражающим противоречия имперской и советской модернизации. Анализ этого процесса позволяет понять, как технический прогресс может одновременно создавать новые возможности и усугублять старые проблемы. Исторический опыт показывает, что инфраструктурное развитие должно быть не только экономически эффективным, но и социально ответственным, учитывающим интересы местного населения, культурное наследие и экологическую устойчивость региона.

3. Влияние модернизационных процессов на традиционные структуры власти и социальные отношения

В период Российской империи модернизационные процессы на Северном Кавказе были связаны, прежде всего, с установлением имперской администрации и распространением российского законодательства. Этот процесс сопровождался постепенной заменой традиционных форм власти, как советы старейшин, ханские и княжеские правления, шариатские суды, на органы управления, подчиненные центральной власти [3, с. 157; 2]. Вводилась система земского самоуправления, создавались суды по российскому образцу, внедрялась система налогообложения. Однако, российская политика часто проявляла непоследовательность, сочетая элементы централизации с попытками адаптации к местным условиям. Имперские власти стремились привлекать на свою сторону лояльную местную элиту, предоставляя ей возможности службы в армии, государственной администрации и получения образования [10, с. 75]. Вместе с тем российское законодательство адаптировалось к местным обычаям, признавая некоторые аспекты традиционного права (адаты) и религиозных норм. Такое сочетание создавало гибридную систему, в которой имперские институты сосуществовали с традиционными, формируя сложную и часто конфликтную динамику власти. В социальной сфере модернизация приводила к изменениям в системе землевладения, развитии торговли и промышленности, росту городов и распространению образования. Эти процессы способствовали разрушению традиционных общинных связей, усилению социального расслоения и изменению социальной структуры. Однако, традиционные ценности гостеприимства, уважения к старшим, родоплеменной солидарности и религиозной приверженности сохраняли свою значимость, формируя устойчивый культурный код.

Советский период характеризовался более радикальным и целенаправленным подходом к модернизации. Целью советской власти было полное уничтожение старых социальных структур и создание нового общества на основе коммунистической идеологии. Традиционные институты власти были упразднены, а их место заняли партийные и государственные органы, жестко контролируемые из центра. Коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, культурная революция, атеистическая пропаганда – все эти меры были направлены на разрушение традиционного уклада жизни и формирование нового «советского человека» [12, с. 99]. Однако, несмотря на жесткий идеологический контроль и репрессии, традиционные структуры и социальные отношения демонстрировали удивительную устойчивость. Родовые связи, клановые интересы, религиозные убеждения продолжали играть важную роль в жизни общества, часто проявляясь в скрытых формах сопротивления и адаптации к новым условиям. Советская модернизация, хотя и привела к значительным изменениям в социальной структуре, системе образования и культуре, не смогла полностью искоренить традиционные ценности и формы организации.

Сравнительный анализ показывает, что модернизационные процессы как в имперский, так и в советский периоды сопровождались сложным взаимодействием между внешним воздействием и внутренней устойчивостью. В обоих случаях модернизация осуществлялась сверху вниз, под контролем центральной власти, и преследовала цели интеграции региона в общую политическую и экономическую систему [9, с. 90]. Но если имперская политика часто вынуждена была учитывать местные условия и адаптироваться к ним, то советская модернизация была более радикальной и насильственной, направленной на полное разрушение старых структур и создание нового общества. В результате, модернизационные процессы приводили к противоречивым последствиям: с одной стороны, они способствовали развитию образования, экономики и инфраструктуры, а с другой – разрушали традиционное уклад жизни, вызывали социальную напряженность и этнические конфликты.

Анализ исторического опыта показывает, что модернизация не является однонаправленным и линейным процессом, а предполагает сложную адаптацию и трансформацию традиционных структур, сохранявших свою устойчивость даже в условиях жесткого внешнего воздействия. Понимание этих процессов имеет важное значение для разработки современных стратегий развития региона, учитывающих исторический опыт, культурное наследие и социальные потребности населения.

Выводы

Исследование позволило комплексно оценить характер и последствия

модернизационных процессов на Северном Кавказе в имперский и советский периоды. Анализ показал, что, несмотря на существенные различия в идеологических основаниях и политических целях, как Российская империя, так и Советское государство стремились к модернизации региона, используя для этого схожие инструменты.

Образование и наука выступали ключевыми механизмами интеграции Северного Кавказа в общероссийское пространство и формирования лояльности к центральной власти. В имперский период создание сети школ и училищ, ориентированных на подготовку кадров для государственной службы и распространение русской культуры, было направлено на слом традиционных форм образования и адаптацию представителей местной элиты к имперским стандартам. Советская власть, в свою очередь, использовала систему образования и науки для формирования нового человека, идеологически преданного коммунистическим идеалам. При этом, если в имперский период образование ограничивалось в основном детьми из лояльных слоев населения, то советская система формально предоставляла равные возможности всем гражданам, хотя и жестко контролировалась партийными органами.

Развитие инфраструктуры и коммуникаций, безусловно, привнесло новые возможности для экономического и социального развития региона. Строительство железных дорог, автомобильных дорог, развитие телеграфной и телефонной связи способствовали активизации торговли, развитию промышленности и повышению мобильности населения. Однако, эти процессы далеко не всегда приводили к улучшению жизни местного населения. Зачастую, инфраструктурные проекты реализовывались в интересах центральных регионов страны, а местные нужды игнорировались. Кроме того, модернизация инфраструктуры сопровождалась экологическими проблемами и разрушением традиционного образа жизни.

Влияние модернизационных процессов на традиционные структуры власти и социальные отношения оказалось неоднозначным. С одной стороны, имперская и советская модернизация способствовали демонтажу традиционных институтов власти, таких как родовые советы и религиозные общины, и формированию новых, ориентированных на центральную власть. С другой стороны, традиционные социальные связи продолжали играть важную роль, особенно в сельской местности, и оказывали влияние на политические и экономические процессы. Более того, модернизация нередко приводила к усилению межэтнических противоречий и социальной напряженности, что было обусловлено неравномерным распределением ресурсов и возможностей.

Таким образом, имперская и советская модернизация на Северном Кавказе представляла собой сложный и противоречивый процесс, сочетавший

в себе элементы прогресса и регресса. С одной стороны, она способствовала развитию образования, науки, инфраструктуры и коммуникаций, приблизив регион к общероссийским стандартам. С другой стороны, модернизация сопровождалась разрушением традиционных социальных структур, усилением межэтнических противоречий и экологическими проблемами.

Библиографический список:

1. Аккиева С.И. Советская политика в сфере образования в 20-е годы XX века на территории Северного Кавказа / Genesis: исторические исследования. 2023. № 1. С. 37-44.
2. Аккиева С.И., Магомедова Р.М. Трансформация общественных институтов народов Северного Кавказа в XIX веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1800-1816.
3. Велиханова Т.Т. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова в Дербенте // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 153-156.
4. Виноградов Б.В., Приймак Ю.В. Специфика российско-северокавказских взаимоотношений в начале - середине XVIII века // Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С.111-140.
5. Гатагова Л.С. Революция 1917 г. и этнополитическая ситуация на Кавказе // История народов России в исследованиях и документах. – М.: ИРИ РАН, 2004. С. 145-158.
6. Давыдова Т.Т. Значение армянской общины в вопросах самоуправления Дагестанской областью // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61). С. 736-740.
7. Давыдова Т.Т. Национальное самосознание и «матрешечная» идентичность лезгин // В сборнике: Феномены медиа: социокультурная и философская реальность. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Санкт-Петербург, 2024. С. 32-36.
8. Егоров А.М. Особенности взаимодействия отечественных спецслужб на северо-западе Российской империи в условиях Первой мировой войны / А.М. Егоров, И.А. Егоров // Метаморфозы истории. 2023. № 28. С. 1.
9. Илясова А.А., Гранкин Ю.Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII - первой половине XIX веков. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 224 с.
10. Клычников Ю.Ю. Модернизационный прорыв Северного Кавказа в имперский и советский период: от успеха к катастрофе // Гуманитарные и юридические исследования, 2017. С. 73-76.
11. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки)/ под ред. и с предисл. проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.

Reference

1. Akkieva S.I. Soviet Education Policy in the 1920s in the North Caucasus / Genesis: Historical Research. 2023. № 1. P. 37-44.
2. Akkieva S.I., Magomedova R.M. Transformation of Public Institutions of the Peoples of the North Caucasus in the 19th Century // Issues of National and Federal Relations. 2019. Vol. 9. № 11 (56). P. 1800-1816.
3. Velikhanova T.T. The Activities of M.T. Loris-Melikov in Derbent // Issues of History. 2009. № 5. P. 153-156.
4. Vinogradov B.V., Priymak Yu.V. Specifics of Russian-North Caucasian Relations in the Early to Mid-18th Century // The North Caucasus from Ancient Times to the Early Twentieth Century (Historical and Ethnographic Essays). Pyatigorsk: PGLU, 2010, P. 111-140.
5. Gatagova L.S. The 1917 Revolution and the Ethnopolitical Situation in the Caucasus // History of the Peoples of Russia in Research and Documents. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2004, P. 145-158.
6. Davydova T.T. The Importance of the Armenian Community in Self-Government in the Dagestan Region // Issues of National and Federal Relations. 2020. Vol. 10. № 4 (61). P. 736-740.
7. Davydova T.T. National Self-Awareness and the "Matryoshka Doll" Identity of the Lezgins // In the collection: Media Phenomena: Sociocultural and Philosophical Reality. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. – St. Petersburg, 2024. P. 32-36.
8. Egorov A.M. Features of the Interaction of Domestic Intelligence Services in the Northwest of the Russian Empire during the First World War / A.M. Egorov, I.A. Egorov // Metamorphoses of History. 2023. № 28. P. 1.
9. Ilyasova A.A., Grankin Yu.Yu. The Trade Factor in the System of Political and Economic Development of the North Caucasus in the 18th - First Half of the 19th Centuries. – Pyatigorsk: Publishing House of Perm State Linguistic University, 2013. 224 p.
10. Klychnikov Yu.Yu. The Modernization Breakthrough of the North Caucasus in the Imperial and Soviet Periods: From Success to Disaster // Humanitarian and Legal Studies, 2017. P. 73-76.
11. Klychnikov Yu.Yu. The North Caucasus: Old Problems in a New Dimension (Historical and Political Science Essays) / edited and with a foreword by prof. S.L. Dudarev. Pyatigorsk: PGLU, 2016. 99 p.

Макарова Д.Д.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванова Д.Е.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванов К.С.
Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Иванова А.С.
Магистрант, Школа образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Советский быт 1930-х годов через призму периодической печати и художественной литературы*

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование советского быта 1930-х годов через сравнительный анализ его репрезентации в двух типах источников: официальной периодической печати («Правда», «Известия», «Огонёк», «Работница») и художественной литературе эпохи (произведения М. Булгакова, М. Зощенко, А. Платонова, Е. Шварца и др.). Цель исследования: анализ репрезентации советского быта 1930-х годов в официальной периодической печати и художественной литературе для выявления диалектики между пропагандистским мифом и исторической реальностью повседневности. Методы исследования: изучение и анализ литературы, статистическая обработка полученных данных. Результаты и выводы исследования: Советский быт 1930-х годов существовал в двух параллельных реальностях: конструируемой официальной пропагандой и реальной, отраженной в художественных текстах. Художественная литература выполняла компенсаторную функцию, выступая формой сохранения исторической памяти. Противоречие между проектом «нового быта» и его практической реализацией стало системной характеристикой советской модернизации 1930-х годов.

Ключевые слова: повседневность, периодическая печать, художественная литература, пропагандистский миф, досуг, тоталитарный контроль.

* © Макарова Д.Д., Иванова Д.Е., Иванов К.С., Иванова А.С., 2025.

Makarova D.D.
Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Ivanova D.E.
Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Ivanov K.S.
Senior Lecturer of the Department of Humanities and Methods of Teaching Humanities, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Ivanova A.S.
Master's student, School of Education at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

Soviet life of the 1930s through the prism of periodicals and fiction

Abstract. The article is a comprehensive study of Soviet life in the 1930s based on a comparative analysis of its representation in two types of sources: the official periodical press (Pravda, Izvestia, Ogonek, Rabochaya) and the fiction of that era (works by M. Bulgakov, M. Zoshchenko, A. Platonov, E. Schwartz, etc.)..The purpose of the study is to analyze the representation of soviet life in the 1930s in the official periodical press and fiction in order to identify the dialectic between the propaganda myth and the historical reality of everyday life. Research methods: study and analysis of literature, statistical processing of the data obtained. Results and conclusions of the study: The Soviet way of life in the 1930s existed in two parallel realities: constructed by official propaganda and real, reflected in literary texts. Fiction performed a compensatory function, acting as a form of preserving historical memory. The contradiction between the New Life project and its practical implementation became a systemic characteristic of the soviet modernization of the 1930s.

Key words: everyday life, periodicals, fiction, propaganda myth, leisure, totalitarian control.

Введение

Эпоха 1930-х годов в СССР, ознаменованная индустриализацией, коллективизацией и утверждением тоталитарного режима, стала временем кардинальной ломки общественных и бытовых устоев. Повседневная жизнь советского человека оказалась на грани противоречий между гран-

диозными социальными проектами и суровой реальностью. В условиях формирования монолитной идеологической системы ключевую роль в конструировании образа этой реальности играли периодическая печать и художественная литература. Если первая создавала выверенный, «парадный» портрет советского быта, призванный мобилизовать население и демонстрировать успехи социалистического строительства, то вторая, даже в рамках цензурных ограничений, нередко становилась пространством для фиксации подлинных, зачастую драматичных черт эпохи [Фицпатрик, с. 15].

Массовая миграция в города в ходе индустриализации привела к острому жилищному кризису. Официальная пресса представляла эту проблему как временную трудность, с энтузиазмом преодолеваемую под руководством партии. Страницы газет и журналов были заполнены репортажами о строительстве новых соцгородов – Магнитогорска, Сталинграда, Комсомольска-на-Амуре. В статье «За новый быт» в «Правде» (1931, № 45)

Цена номера 5 коп.
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)
ПРАВДА
Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП (б)
Москва, 9, Тверская, 48.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:
НЕПРЕРЫВНО.
Воскресенье, 15 февраля 1931 г., № 45 (4850).
Оказем машинную помощь большевистскому севу.
СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОЙ ДОБЫЧИ ЗАВОЕВЫВАЕТ ЛАВУ ЗА ЛАВОЙ.
ОБ УКРЕПЛЕНИИ КАДРОВ СОЮЗРЫБЫ В СВЯЗИ С ПРЕДСТОЯЩЕЙ ВЕСЕННЕЙ ПУТИНОЙ.
ДОБЫЧА УГЛЯ В ДОНБАССЕ.
ВОЛЮЗКА УГЛЯ ИДЕТ ЛАВОЙ.
ПРИЛИВ В КОЛХОЗЫ ИДЕТ НАРАСТАЮЩИМ ТЕМПОМ.
ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОДЪЕМ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ТЕМПА ПОДГОТОВКИ К СЕВУ.
15 февраля.
СВОДКА ВКЗ СССР № 4 О ПОДГОТОВКЕ К ВЕСЕННЕМУ СЕВУ ИЗ ГОДА НА 10 ФЕВРАЛЯ ИЗ ГОДА.

Рис. 1. Газета «Правда» 1931г, с вырезкой про коммунальные квартиры.

коммунальная квартира провозглашалась «лабораторией нового коллективистского быта», где стираются пережитки буржуазного индивидуализма и рождается новая, советская общность людей. Журнал «Работница» публиковал материалы о том, как женщины-активистки налаживают быт в новых домах, организуя ясли и прачечные [Лебина, с. 133].

Однако художественная литература рисует иную, гораздо более мрачную картину. В романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» знаменитая «нехорошая квартира» № 50 по Садовой и коммуналка, где обитает буфетчик Соков, предстают не лабораториями, а символами абсурда и вырождения социальных отношений. Скученность, грязь, скандалы и доносы становятся нормой жизни [Булгаков, с. 78]. Евгений Шварц в пьесе «Дракон» (1944), являющейся притчей о тоталитаризме, изображает быт города, где приватность уничтожена, а жизнь человека проходит под постоянным контролем [Шварц, с. 215].

Питание было одним из самых болезненных вопросов советского быта 1930-х. Введенная в 1929 году карточная система официально трактовалась как вынужденная и временная мера, обеспечивающая справедливое распределение ресурсов в период реконструкции народного хозяйства. «Правда» в 1934 году, накануне отмены карточек, писала о «величайших успехах» в сельском хозяйстве, приведших к изобилию. После отмены карточек в 1935 году тон прессы стал триумфальным. Журнал «Огонёк» печатал фоторепортажи с ломящимися от яств прилавками Елисеевского магазина и Гастронома №1, представляя это как торжество социалистической экономики. Реклама в «Известиях» призывала покупать папиросы «Красная звезда»

Рис. 2. Фотография одного из прилавков магазина «Гастроном №1» 1935 г.

или конфеты «Мишка на Севере», создавая иллюзию процветающей потребительской культуры [Громов, с. 178].

Реальность, однако, была совсем другой. В романе Андрея Платонова «Котлован» (1930) тема голода и скудного питания становится лейтмотивом. Акцент на «пролетарском происхождении» колбасы или поиски «органов питания» для девочки Насти раскрывают абсурдность и трагизм ситуации [Платонов, с. 92]. Рассказы Михаила Зощенко («Баня», «Слабая тара») с юмором, граничащим с отчаянием, описывают бытовые трагедии, вызванные невозможностью достать элементарные товары [Зощенко, с. 122]. Особое место занимала сеть магазинов «Торгсин» (Торговля с иностранцами), где за валюту или ценности можно было купить дефицитные продукты. В повести Лидии Чуковской «Софья Петровна» (1939) поход в Торгсин становится унизительной процедурой, подчеркивающей социальное расслоение и связь относительного благополучия с возможностью сдать государству семейные ценности [Чуковская, с. 56].

В 1930-е годы отношение к моде и одежде было двойственным. С одной стороны, осуждалась «буржуазная» роскошь и индивидуализм, с другой – пропагандировался образ опрятного, культурно одетого советского гражданина. Журнал «Работница» и «Огонёк» играли ключевую роль в формировании новых эстетических норм. Они публиковали выкройки простых, функциональных платьев, пропагандировали «советское платье

ОБ'ЯСНЕНИЕ К ВЫКРОЙКЕ

К настоящему номеру дается выкройка простой английской юбки для костюма. Жакет костюма был в № 6 «Работницы» за 1930 год.

Исполнить юбку можно из любого материала, шерстяного и бумажного. Спереди две бантовые складки и небольшая кокетка. Складки с изнанки застрочены. Юбка кроится из двух полотнищ, потому что ширина ее не пройдет по материалу, и, кроме того, средина переда и зада должна быть цельной.

Выкройку юбки нужно положить на сгиб материала, чтобы средина переда и зада кроилась по прямой нитке. Чтобы перевести складки на материал, нужно проложить нитки по контурам (на выкройке складки прорезаны резцом). Складки можно сделать глубже, если позволит материал. Чтобы зад юбки и талия был гладкий, нужно застрочить выточки (выкройка дана с выточкой).

Сметанную юбку нужно примерить и посмотреть, как лежат складки, нужно ли убавить ширину в бедрах и т. д. Затем надо обравнять низ юбки по линейке или на глаз, отмечая желаемую длину булавками, а затем по этим булавкам подколоть низ юбки. Вверху юбку надо подшить другим материалом и продернуть резинку.

Материала на такую юбку идет 1¾ — 1½ метра, в зависимости от длины юбки.

Издание „Рабочей газеты". Ответственный редактор А. АРТЮХИНА.

Рис. 3. Журнал «Работница» выкройка для пошива юбки.

для работы и отдыха». В 1930-е же появляется фигура советской женщины-общественницы, которая должна быть не только труженицей, но и привлекательной (статьи «Красиво одеваться – долг каждой советской женщины» в «Работнице», 1936, №12). Однако эта привлекательность мыслилась в строгих рамках: скромность, аккуратность, гигиеничность [Лебина, с. 245].

Сатирический журнал «Крокодил» высмеивал как «пережитки прошлого» в виде мещанских шляпок и «нимфеток», так и неряшливость. В романе Юрия Олеши «Зависть» (1927), остававшемся актуальным и для 1930-х, противопоставлены старый, «мещанский» мир с его вниманием к деталям туалета и новый, аскетичный мир советского директора Бабичева [Олеша, с. 67]. Героиня рассказа Зощенко «Аристократка», страстно желающая модные атрибуты (гетры, фиксатуар), становится жертвой собственных иллюзий о «красивой жизни», недостижимой в условиях советской реальности [Зощенко, с. 88].

В начале 1930-х годов еще были сильны идеи революционного пе-

У работницы есть еще другое ярмо. Это — ее домашний быт. Хозяйство, к которому она прикована, которое пожирает каждую свободную ее минуту.

На фабрике им. Ногина — 2.000 рабочих. Большинство — женщины. Непрерывка введена здесь с 10 ноября.

— И этот день можно считать у нас началом краха всей культработы,— говорят в культкомиссии.

Не приспособились к новому распорядку.

Да как же не быть краху, когда производство на непрерывке, а в клубе сплошная «непрерывка»; воскресенье празднуют, т.-е. к воскресенью приурочивают всю клубную работу: и кино, и лекции, и постановки, и выступления кружков.

Спросить работниц фабрики им. Ногина, как они свой день отдыха проводят.

Расскажут каждая про себя:

— У корыта простояла, не разгибаясь.

— В очереди проторчала.

— Прибиралась. К вечеру ног под собой не чуяла, не раздетая спать брякнулась.

Заглянуть в казармы-общежития на «Трехгорку». Там еще только с 1 января пятидневка введена.

Кто это в сбитом набок платке стоит у общей плиты, запарившись, горшками и кастрюлями орудует? Отдыхающая.

Куда ни пойдете, увидите одно и то же. Завод «Паростроя» обслуживается клу-

Работницы завода „Динамо" и „Трехгорки" так проводят дни отдыха, потому что фабзавкомы не позаботились о культурно-бытовом обслуживании отдыхающих.

9

Рис. 4. Журнал «Работница», вырезка со страницы про тяжелую работу, домашний быт и материнство.

реустройства семьи как буржуазного пережитка. Однако к середине десятилетия, с принятием печально известного закона 1934 года о наказании за мужеложство и ужесточением семейного законодательства (в частности, запретом абортов в 1936 году), курс резко изменился. Официальная пропаганда начала активно воспевать «социалистическую семью» как ячейку общества, крепость и опору государства. «Правда» и «Известия» печатали материалы о многодетных матерях, награждаемых орденами, и счастливых браках, скрепленных общностью идеологических целей. Журнал «Работница» пропагандировал образ женщины-матери, работницы и общественницы, успевающей всё [Фицпатрик, с. 89].

Рис. 5. Обложка журнала «Огонёк» 1935 г.

Художественная литература этого периода отражает эту эволюцию, но зачастую с критическим подтекстом. Роман-эпопея Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» (закончен в 1960-е, но широко анализирующий 1930-е) показывает, как сталинский террор разрушает семьи, натравливая детей на родителей, супругов друг на друга [Гроссман, с. 401]. В «Повести о Зое и Шуре» Любови Космодемьянской создается канонический образ семьи-крепости, воспитывающей героев для самопожертвования [Космодемьянская, с. 120].

Организация досуга в 1930-е годы рассматривалась как важная государственная задача. Партия и комсомол предлагали целый набор санкционированных форм отдыха, направленных на физическое и идеологическое воспитание масс. Пресса активно освещала деятельность физкультурных обществ, парады физкультурников, развитие туризма, работу дворцов культуры и библиотек. Журнал «Огонёк» был полон фо-

тографиями улыбающихся молодых людей в театрах, на катках, в парках культуры. Пропагандировался «культурный поход» – массовое движение за повышение образовательного и культурного уровня трудящихся [Громов, с. 265].

В художественной литературе этот организованный, парадный досуг часто противопоставляется частной, интимной жизни. В «Мастере и Маргарите» единственным убежищем для творческой личности становится подвальчик Мастера, в то время как официальная культурная жизнь представлена шумным и пошлым миром МАССОЛИТа [Булгаков, с. 145]. В рассказах Зощенко досуг его героев – это поход в баню, очередь или выпивка в компании, что отражает реальные, а не предписанные формы отдыха большинства населения [Зощенко, с.134]. Даже в утопическом романе-очерке «Москва 1937» Лиона Фейхтвангера, проскальзывают нотки удивления по поводу тотальной организованности и запрограммированности советского досуга [Фейхтвангер, с. 78].

Заключение

Советский быт 1930-х годов, показанный через призму двух типов источников, предстает как поле напряженной борьбы между проектом и реальностью. Периодическая печать – «Правда», «Известия», «Огонёк», «Работница» – создавала целостный, оптимистичный миф о стремительном движении к изобилию, культурности и социальной гармонии. Этот миф был мощным воспитательным инструментом, призванным скрыть издержки форсированной модернизации, будь то жилищная катастрофа, дефицит или разрушение традиционных социальных связей [Жуков, с. 312].

Художественная литература, в свою очередь, выступала в роли «хранителя правды». Даже в условиях жесткой цензуры такие авторы, как Булгаков, Платонов, Зощенко, Чуковская и другие, сумели зафиксировать настоящие черты эпохи: бытовую неустроенность, психологическое напряжение, трагедию «маленького человека», оказавшегося между молотом государственных требований и наковальней повседневных трудностей [Лебина, с. 298]. Их произведения раскрывают драматизм и сложность процесса формирования «нового быта», который на деле обернулся не торжеством коллективистской утопии, а утверждением тоталитарного контроля над частной жизнью индивида [Фицпатрик, с. 205].

Таким образом, только комплексный анализ официальной прессы и художественных текстов позволяет преодолеть пропагандистские клише и увидеть за фасадом «счастливой советской действительности» сложную, противоречивую и многогранную картину повседневной жизни в СССР 1930-х годов.

Библиографический список:

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1973. С. 78.
2. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. – М.: Республика, 1998. С. 178-179.
3. Гроссман В.С. Жизнь и судьба. – М.: Книжная палата, 1988. С. 401-402.
4. Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933-1937 гг. – М.: Вагриус, 2003. 312 с.
5.Зощенко М.М. Избранные произведения. В 2-х т. – Л.: Художественная литература, 1968. С. 122.
6. Космодемьянская Л.Т. Повесть о Зое и Шуре. – М.: Детская литература, 1949. С. 120.
7. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. – СПб.: Нева-Ладога-Онега, 1999. С. 245-246.
8. Олеша Ю.К. Зависть. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. С. 67.
9. Платонов А.П. Котлован. – М.: Современник, 1989. С. 92.
10. Фейхтвангер Л. Москва 1937. – М.: Художественная литература, 1937. С. 78.
11. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 15-16.
12. Шварц Е.Л. Дракон // Пьесы. – Л.: Искусство, 1972. 215 с.
13. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.
14. Дмитриева Л.В. Политика развития малых городов: уроки зарубежного опыта для России // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 3 (135). С. 92-104.

Reference

1. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. – Moscow: Fiction, 1973. P. 78.
2. Gromov E.S. Stalin: power and art. – Moscow: Republic, 1998. P. 179.
3. Grossman V.S. Life and fate. – Moscow: Book Chamber, 1988. P. 401-402.
4. Zhukov Yu.N. Other Stalin Political reforms in the USSR in 1933-1937, – Moscow: Vagrius, 2003. 312 p.
5. Zoshchenko M.M. Selected works. In 2 volumes – L.: Fiction, 1968. P. 122.
6. Kosmodemyanskaya L.T. The Tale of Zoya and Shura. – M.: Children's Literature, 1949. P. 120.
7. Lebina N.B. Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. The years 1920-1930. – St. Petersburg: Neva-Ladoga-Onega, 1999. P. 245-246.
8. Olesha Yu.K. Envy. – L.: Publishing House of Writers in Leningrad, 1934. P. 67.
9. Platonov A.P. Excavation. – M.: Sovremennik, 1989. P. 92.
10. Feuchtwanger L. Moscow 1937. – M.: Fiction, 1937. P. 78.
11. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: the city. Moscow: ROSSPEN, 2008. P. 15-16.
12. Schwartz E.L. Dragon // Plays. – L.: Art, 1972. 215 p.
13. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.
14. Dmitrieva L.V. Small Towns Development Policy: Lessons from Foreign Experience for Russia // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2024. Vol. 21. № 3 (135). P. 92-104.

Бабенко О.В.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва.

Оперы М.И. Глинки в публикациях русской театральной периодики конца XIX – начала XX в.*

Аннотация. В статье рассматривается освещение значения и отдельных представлений опер М.И. Глинки в театральной периодике конца XIX – начала XX в. «Русская музыкальная газета», а также журналы «Артист», «Ежегодник императорских театров», «Театр и искусство» и «Рампа и жизнь» дают богатый материал на эту тему. Выявляются общие черты и различия публикаций об операх Глинки, создается их тематическая классификация. Делаются выводы о степени репрезентативности русской театральной периодики как исторического источника о произведениях Глинки.

Ключевые слова: опера, М.И. Глинка, «Иван Сусанин», «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», русская театральная периодика, конец XIX – начало XX века.

Babenko O.V.

PhD in History, senior researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Glinka's operas in the publications of the Russian theatrical periodicals of the late 19th–early 20th centuries

Abstract. The article examines the coverage of the significance and individual performances of Mikhail Glinka's operas in theatrical periodicals of the late 19th – early 20th century. The Russian Musical Newspaper, as well as the magazines Artist, Yearbook of the Imperial Theaters, Theatre and Art, and Ramp and Life, provide a wealth of material on this topic. The article identifies common features and differences in publications about Glinka's operas and creates a thematic classification of them. The article draws conclusions about the degree of representativeness of Russian theatrical periodicals as a historical source about Glinka's works.

Key words: opera, M.I. Glinka, "Ivan Susanin", "A Life for the Tsar", "Ruslan and Lyudmila", Russian theatre periodicals, late 19th – early 20th century.

* © Бабенко О.В., 2025.

Великий русский композитор Михаил Иванович Глинка (1804–1857) написал две романтические оперы – «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») и «Руслан и Людмила». Романтизм Глинки имел героическую и патриотическую направленность. Для него характерен интерес к героическим и трагическим страницам истории России, эпическому и фантастическому началам, к другим странам и культурам. В опере «Иван Сусанин» эпический размах объединен с русским и польским национальным колоритом, а особенности романтизма проявляются в патриотизме костромского крестьянина. В «Руслане и Людмиле» воспеваются героизм главного героя, благородство чувств, верность в любви. Патриотизм и героизм – вечные ценности, актуальность которых не нуждается в подтверждении.

Предметом исследования в нашей работе являются публикации «Русской музыкальной газеты» и русских театральных журналов конца XIX – начала XX в. («Артист», «Ежегодник императорских театров», «Театр и искусство», «Рампа и жизнь»). Авторы этих работ могли подписываться инициалами или псевдонимами, поэтому идентифицировать личность каждого из них не представляется возможным.

Основной метод работы – контент-анализ, позволивший проанализировать тексты публикаций театральных изданий и сделать выводы об особенностях освещения в них опер Глинки. Цель исследования – сравнительное рассмотрение вышеуказанных публикаций, выявление их общих черт и различий.

В научной литературе исследуются в основном отдельные аспекты существования наиболее известных газет и журналов. Дореволюционные периодические издания еще не подвергались обстоятельному, всестороннему анализу. История российской периодики конца XIX – начала XX в. анализировалась в той или иной степени в избранных коллективных монографиях [10; 15] и в трудах отдельных исследователей [2; 3; 4 и др.]. А рассмотрением характеристик опер Глинки в публикациях театральных изданий специально не занимался никто.

Значительный массив информации об операх Глинки дает «Русская музыкальная газета» (РМГ). Многие современники воспринимали ее как журнал: газета выходила ежемесячно, а не ежедневно. Кроме того, в ней публиковались журнальные материалы: источники (воспоминания и письма) и исследования. РМГ выходила в Санкт-Петербурге в 1894–1918 гг. В 1894 г. она имела вид небольшой тетрадки, а с 1895 г. издавалась как книжка. За первые пять лет существования объем газеты увеличился до 100 страниц. Это означает, эта РМГ была схожа с журналом и с точки зрения формата. Ее значение было высоко оценено современниками. Она была посвящена изучению русской музыки и музыкального развития в России. Большое внимание уделялось в ней русскому музыкальному те-

атру. Ее главным редактором был историк музыки и музыкальный критик Н.Ф. Финдейзен. В ней публиковались музыкальные деятели Ю. Курдюмов, И. Липаев, А. Оссовский, Е. Петровский, В. Чешихин и др. В РМГ существовал специальный раздел «Глинкиана», в котором размещались источники и статьи о Глинке. Наибольшее количество материалов было опубликовано в 1904 г. в связи со 100-летием со дня рождения композитора.

Другими источниками нашего исследования являются театральные журналы, которые также дают немаловажную информацию об операх Глинки. Необходимо отметить, что в дореволюционной России издавалось более 380 театральных журналов [1, с. 44]. С идейной точки зрения они были разными: одни выражали поддержку реализму и казенной сцене, другие демонстрировали симпатии новым идеям в искусстве. В отдельно взятой статье невозможно рассмотреть все эти журналы, поэтому мы ограничимся четырьмя наиболее значимыми с точки зрения отражения в них истории опер Глинки и их влияния на широкий круг читателей.

Журнал «Артист» издавался в Москве в 1889–1895 гг. Он, безусловно, относился к числу самых значимых театральных изданий. К его созданию были причастны многие известные деятели культуры: П.Д. Боборыкин, В.Г. Короленко, Вл.И. Немирович-Данченко, П.И. Чайковский, А.П. Чехов и др. Издателем журнала был театральный критик, драматург и переводчик Ф.А. Куманин. В нем публиковались совершенно разные материалы – от научных статей до нот музыкальных произведений.

Журнал «Ежегодник императорских театров» выходил в Санкт-Петербурге в 1892–1915 гг. Его редакторами были известные в мире театра люди: А.Е. Молчанов, С.П. Дягилев, П.П. Гнедич, Н.В. Остен-Дризен и др. Тематика журнала изначально предполагала публикацию отчетов театральной дирекции и справочную информацию, но она довольно быстро расширилась и включила в себя научные публикации, биографические очерки, мемуары и библиографические обзоры.

Журнал «Театр и искусство» издавался в Петербурге в 1897–1918 гг. Театральный критик А.Р. Кугель был его бессменным главным редактором. В нем освещалась театральная жизнь двух российских столиц и провинции. Среди его авторов были известные деятели культуры (А.В. Амфитеатров, П.П. Гнедич и др.).

Журнал «Рампа и жизнь» выходил в Москве в 1908–1918 гг. Его целью было освещение театральной жизни России. Редактором-издателем журнала являлся театральный деятель, драматург и публицист Л.Г. Мунштейн. В нем печатались театроведы и театральные критики (К.А. Тренёв, Ю.В. Соболев и др.).

Рассматриваемые нами публикации об операх Глинки делятся на три категории. К первой относятся статьи, в которых содержатся оценки самих

опер. Последние оценивались в театральной периодике достаточно высоко. Им нередко давались пафосные характеристики. Так, в журнале «Рампа и жизнь» (№ 1 за 1917 г.) опера «Жизнь за царя» именуется первым расцветом музы Глинки [7, с. 9]. А в публикации РМГ 1907 г. сказано, что эта опера оставила после себя «огромный след» [12, с. 65].

Музыкальный критик с инициалами И.К. в № 1 РМГ за 1894 г. назвал «Руслана» «бессмертным творением Глинки», пользующимся «всеобщим уважением» [5, с. 6]. В той же газете в № 1 за 1904 г. опера «Руслан и Людмила» названа «бесконечно гениальным» и «универсальным» произведением [9, с. 3–4]. В «Ежегоднике императорских театров» (книга за сезон 1891/1892 г.) сказано, что «опера "Руслан и Людмила" есть создание в высшей степени самобытное, оригинальное и самостоятельное» [14, с. 289]. Там же утверждается, что сюжет «Руслана» «гораздо богаче "Жизни за царя"» [там же, с. 291].

Ко второй категории публикаций относятся статьи, авторы которых оценивают конкретные представления опер, в основном, юбилейные. Так, в № 2 РМГ за 1894 г. приводится критика юбилейного, 300-го, представления оперы «Руслан и Людмила», состоявшегося в Мариинском театре 7 января 1894 г. В газете сказано, что опера шла в сокращенном виде, а артисты были крайне слабы, кроме исполнителя партии Финна Васильева [16, с. 42043].

В журнале «Театр и искусство» (№ 30 за 1897 г.) эта постановка тоже критикуется. Критике подверглись декорации «Руслана» – в «волшебном саду» фантастические цветы и плоды были изображены какими-то грубо намалеванными яркими кляксами [13, с. 531]. Критикуются также новые («с иголочки») костюмы действующих лиц в сценах, где эта новизна не уместна [там же, с. 532]. Критике подверглась и Голова, которая поражает своей лубочностью и производит смехотворное впечатление своей «картонностью» и фонарями вместо глаз [там же].

В № 1 РМГ за 1910 г. сказано, что в Народном доме в Петербурге 15 декабря 1909 г. прошла постановка «Руслана», которая «не была особенно блестящей, ансамбль – только удовлетворительным, а сама опера, как известно, довольно длинна и мало связна...» [11, с. 22]. Более того, было много серьезных погрешностей: неудачные темпы, «своевольство» певцов и т.д. При этом были «очень недурны декорации, костюмы и общая инсценировка» [там же]. Публика приняла оперу радушно, даже горячо, и сумела оценить те сцены, где нет «внешней эффектности» [там же, с. 21].

Большой интерес представляет статья музыкального критика Н. Кашкина в журнале «Артист» за 1895 г., в которой говорится о состоянии оперы «Жизнь за царя» после ее 60-летнего успешного существования на сцене. Он с иронией пишет, что в опере нет «недостатка в посторонних наростах

или местных повреждениях», поэтому нужно «удалить все излишнее» и залатать дыры [6, с. 50].

К третьей и самой малочисленной категории публикаций можно отнести статьи, отражающие восприятие опер Глинки или их отдельных составляющих иностранной публикой. Так, в книге первой журнала «Артист» за 1889 г. освещается мнение парижан об увертюре к «Руслану». Критик С. Кругликов пишет, что французы так и не поняли Глинку [8, с. 97]. По его мнению, лучше было бы исполнить в Париже одну из «испанских» увертюр композитора [там же, с. 91].

Следует отметить, что при анализе публикаций об операх Глинки возникает вопрос об их объективности. Безусловно, любая статья тенденциозна, поскольку автор выражает в ней свое, частное, мнение, которое может не совпадать с мнением большинства. Тем не менее публикации театральной периодики позволяют составить целостное представление о восприятии опер Глинки специалистами и любителями музыки конца XIX – начала XX в.

Таким образом, русская театральная периодика является ценным источником по истории опер Глинки. Она дает обширный и богатый материал, позволяющий узнать мнение специалистов и публики об этих произведениях, познакомиться с оценками юбилейных представлений опер великого композитора. Тем не менее изучение этого материала – дело будущего. Наше исследование лишь положило начало этому процессу и было апробировано на Международной научной конференции «Традиция в литературе и искусстве (Вторые Николюкинские чтения)» (г. Москва, ИНИОН РАН, 5 июня 2025 г.).

Библиографический список:

1. Бабенко О.В. Русский театральный журнал конца XIX – начала XX века: сравнительные характеристики и значение // Власть истории и история власти. 2024. Т. 10. № 4 (54). С. 43-51.
2. Борзенко В.В. Российская театральная журналистика 1808–1991 гг. Историко-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2008. 22 с.
3. Борзенко В. Театральные журналы в дореволюционной России // Научно-культурологический журнал. 2006. № 21 (143). // URL: www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3textid%D1311%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles (Дата обращения: 18.11.2025)
4. Жилина А.В. Библиографическая информация о театральном журнале «Артист» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 558-569.
5. И.К. Александр Сергеевич Даргомыжский (1813–1869) // Русская музыкальная газета. 1894. № 1. С. 5-10.
6. Кашкин Н. Оперы Глинки и их сценическое исполнение // Артист. 1895. № 45. С. 50-59.
7. К–р Ф. Музыкальные очерки (Силуэт грядущего) // Рампа и жизнь. 1917. № 1. С. 9-10.
8. Кругликов С. Два русских концерта на парижской выставке // Артист. 1889. Кн. 1. С. 90-98.
9. Курдюмов Ю. А.С. Даргомыжский как оперный композитор // Русская музыкальная газета. 1904. № 1. С. 3-7.
10. Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX – начало XX века / Под ред. А.Я. Альтшуллера. Ленинград : Искусство, 1979. 327 с.
11. П–в Гр. Опера и концерты // Русская музыкальная газета. 1910. № 1. С. 21-26.
12. П–ч Г. «Каменный гость» (по поводу его постановки на сцене Большого театра в Москве) // Русская музыкальная газета. 1907. № 2. С. 65-69.

13. Рос–в А. Об опере и оперных вкусах публики (Заметки профана) // Театр и искусство. 1897. № 30. С. 530-532.
14. Стасов В. «Руслан и Людмила» М.И. Глинки. К 50-летию этой оперы на сцене // Ежегодник императорских театров. Сезон 1891/1892 г. 1892. С. 289-343.
15. Театральная критика и современность: семинарий по театральной критике. Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации / Отв. ред. В.В. Иванова. Ленинград: ЛГИТМИК, 1982. 75 с.
16. L. Русская опера в Мариинском театре // Русская музыкальная газета. 1894. № 2. С. 42-44.

Reference

1. Babenko O.V. Russian Theatre Magazine of the Late 19th – Early 20th Century: Comparative Characteristics and Significance // The Power of History and the History of Power. 2024. Vol. 10. № 4 (54). P. 43-51.
2. Borzenko V.V. Russian Theatre Journalism 1808–1991. Historical and Typological Research: Abstract of a Cand. Sci. (Philological) Dissertation: 10.01.10 / Voronezh State University. Voronezh, 2008. 22 p.
3. Borzenko V. Theatre Magazines in Prerevolutionary Russia // Scientific and Cultural Journal. 2006. № 21 (143). // URL: www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3textid%D1311%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles (Accessed: 18.11.2025)
4. Zhilina A.V. Bibliographic information about the theater magazine "Artist" // Bulletin of RUDN. Series: Literary studies. Journalism. 2021. Vol. 26. № 3. P. 558-569.
5. I.K. Alexander Sergeevich Dargomyzhsky (1813-1869) // Russian Musical Newspaper. 1894. № 1. P. 5-10.
6. Kashkin N. Glinka's operas and their stage performance // Artist. 1895. № 45. P. 50-59.
7. K–r F. Musical Essays (Silhouette of the Future) // Footlights and Life. 1917. № 1. P. 9-10.
8. Kruglikov S. Two Russian Concerts at the Paris Exhibition // Artist. 1889. Book 1. P. 90-98.
9. Kurdyumov Yu. A.S. Dargomyzhsky as an Opera Composer // Russian Musical Newspaper. 1904. № 1. P. 3-7.
10. Essays on the History of Russian Theater Criticism. Late 19th – Early 20th Century / Ed. by A. Ya. Altshuller. Leningrad: Iskusstvo, 1979. 327 p.
11. P–v Gr. Opera and Concerts // Russian Musical Newspaper. 1910. № 1. P. 21-26.
12. P–ch G. "The Stone Guest" (on the occasion of its production on the stage of the Bolshoi Theater in Moscow) // Russian Musical Newspaper. 1907. № 2. P. 65-69.
13. Ros–v A. On Opera and the Public's Opera Tastes (Notes of a Layman) // Theater and Art. 1897. № 30. P. 530-532.
14. Stasov V. "Ruslan and Lyudmila" by M.I. Glinka. On the 50th Anniversary of This Opera on Stage // Yearbook of the Imperial Theaters. Season 1891/1892. 1892. P. 289-343.
15. Theatre Criticism and Modernity: Seminar on Theatre Criticism. A Textbook for Students of the Faculty of Advanced Training / Ed. by V.V. Ivanov. Leningrad: LGITMIK, 1982. 75 p.
16. L. Russian Opera at the Mariinsky Theatre // Russian Musical Newspaper. 1894. № 2. P. 42-44.

Билан О.А.
Кандидат философских наук, доцент. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 7467-2075

Фирсов А.Г.
Кандидат исторический наук, доцент. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 6586-1818

Этапы переселенческой политики России в конце XIX – начала XX вв. в отечественной историографии*

Аннотация. В современном мире в обществе наблюдается миграционная активность. Как показывает исторический опыт России, успешность политики миграционных процессов напрямую зависит от участия государственных институтов. Авторы данной статьи сосредоточили внимание на государственной политике переселения в царской России конца XIX – начала XX вв. В работе делается обзор историографического осмысления данной темы в российской научной литературе. Выделив этапы государственной переселенческой политики в указанное время, авторы обозначили их особенности и изменения в правительственных практиках в отношении крестьянских переселений. Рассмотрев экономические и политические факторы, повлиявшие на переселение в конце XIX – начале XX вв., авторы сделали вывод, что целью переселенческой политики являлось содействие стратегическому проекту национального характера.

Ключевые слова: национальный проект, государственная переселенческая политика российской империи, крестьянские переселения, столыпинская переселенческая политика, Сибирь, Дальний Восток.

Bilan O.A.
PhD in Philosophy, Associate Professor. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg. SPIN-code: 7467-2075

Firsov A.G.
PhD in Historical, Associate Professor. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg. SPIN-code: 6586-1818

* © Билан О.А., Фирсов А.Г., 2025.

Stages of Russia's resettlement policy in the late 19th – early 20th centuries in Russian historiography

Abstract. In the modern world, migration activity is observed in society. As the historical experience of Russia shows, the success of migration policy directly depends on the participation of state institutions. The authors of this article focused on the state policy of resettlement in tsarist Russia in the late 19th and early 20th centuries. The paper provides an overview of the historiographical understanding of this topic in the Russian scientific literature. Having identified the stages of the state resettlement policy at the specified time, the authors outlined their features and changes in government practices regarding peasant resettlement. Having considered the economic and political factors that influenced resettlement in the late 19th and early 20th centuries, the authors concluded that the purpose of resettlement policy was to promote a strategic project of a national nature.

Key words: national project, state resettlement policy of the Russian Empire, peasant resettlement, Stolypin resettlement policy, Siberia, Far East.

Миграционный процесс в современном мире приобрёл новое звучание. Одной из задач внутренней политики современной России является улучшение демографической ситуации Сибири и Дальнего Востока. При решении этой задачи востребованным может оказаться дореволюционный опыт деятельности царской России по освоению указанных регионов. Как отмечается в научных исследованиях, российская история имеет разносторонний опыт государственной переселенческой политики. В своей работе «А.В. Филимонов отмечает, что это политическое и экономическое явление соединило в рамках одной страны различные территории, народы, культуры и со временем приобрело первостепенное значение для государства, пропагандировавшего его в качестве «всенародного дела»» [1, С. 3].

В научной литературе изучение переселенческой политики России развивалось одновременно с самим этим процессом. Научные исследования по данной теме можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и современный.

Историографическое осмысление темы началось с составления библиографических обзоров [по 2]. Научные исследования дореволюционного периода о переселенческой политики России отличаются прикладным характером. В частности, работы Ф.Ф. Буссе, А.А. Кауфмана, А.В. Дурова рассматривали причины и организацию переселений в начале XX в. Участие государства в регулировании переселений рассматривается в работах А.И. Васильчикова, Н.М. Ядринцева, Ф.М. Уманец, Н.Г. Серповского, А.А. Исаева, И.А. Гурвича. Также в научной литературе рассматривается

деятельность Комитета Сибирской железной дороги. Труды А. М. Беркенгейма посвящены теме изучения зарубежного опыта, П.М. Головачев рассматривает значение колонизации Дальнего Востока. В.В. Кирьяков анализирует важность земских организаций в переселенческих мероприятиях.

На советскую историческую науку большое влияние оказали «работы В. И. Ленина об аграрном вопросе. Он писал, что только аграрный переворот в Европейской России <…> в состоянии действительно открыть новую эру колонизации» [3, С. 70]. Специалист по аграрной истории Л.М. Горюшкин рассматривал вопросы колонизации Сибири эпохи капитализма в советской литературе, дав качественный анализ этим исследованиям. Работа П.Н. Першина посвящена землепользованию в России. С.М. Дубровский рассматривал вопросы капитализации сельского хозяйства в XX веке. В.П. Вощинин рассматривает финансовый механизм крестьянского переселения. Ряд авторов, в частности Л. Чарнецкий, А.П. Георгиевский, А.Г. Коровин и П.А. Кобозев, анализирует колонизационный процесс на Дальнем Востоке, периодизацию заселения Приморья и его итоги. М.Г. Штейн в диссертационном исследовании рассмотрел вопрос переселенческой политики в годы столыпинских реформ, автор в своей работе делает вывод, что самодержавие не смогло выполнить задачу заселения Дальнего Востока.

В период 60 – 80 годов XX века стали появляться неопубликованные ранее источники из архивных фондов, появились научные труды обобщающего характера. В частности, это работы С.М. Дубровского, А.М. Анфимова, С.М. Сидельникова, которые посвящены столыпинской земельной реформе, крестьянскому хозяйству, аграрной политике самодержавия.

Во второй пол. XX века В.В. Покшишевский выделил черты колонизации Дальнего Востока. Л.Ф. Скляров на примере территории 4 сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) проанализировал процесс переселение и землеустройство в Сибири. Л.Б. Белявская рассмотрела социально-экономическое положение переселенцев, и недостатки в организации процесса крестьянского переселения. В.М. Кабузан, перечислив основанные крестьянами населённые пункты, также представил количественный анализ данных по десятилетиям. Работы А.Я. Авреха, И.В. Островского, И.Д. Ковальченко, П.Н. Зырянова посвящены переселенческой деятельности П.А. Столыпина. Все эти работы свидетельствует о важности вопроса переселения в царской России.

Научные исследования современного этапа обращаются к новой проблематике переселенческой политики в России. Так, М.К. Чуркин, автор многих работ по истории переселения в Сибирь, в миграционных исследованиях проанализировал традиции и новые подходы. Историки Н.С. Зуева, Ю.Н. Осипов, В.Т. Тютюнников рассматривают в своих работах историю миграционных процессов дальневосточного региона в годы столыпинских

реформ. А.М. Анфимов и М.А. Давыдов продолжили научный поиск по проблемам столыпинской аграрной реформы. В.С. Дякин, Н.А. Проскурякова изучали финансовую составляющую реформы. О.А. Петрова раскрывает вопрос государственной поддержки населения на Дальнем Востоке. Э.М. Щагин, Ю.Н. Осипов, А.П. Толочко выделили проблемы крестьянства на Дальнем Востоке. А.В. Ремнёв рассмотрел развитие административной политики правительства России в этом регионе. В трудах указанных авторов существуют различные оценки переселенческой политики царской России в конце XIX – начале XX вв. Так В.Г. Тюкавкин рассмотрев переселение за Урал, отверг вывод о провале переселенческой политики столыпинского правительства.

Каждый этап российской историографии важен для дальнейшего научного осмысления накопленных фактов. Накопленный в российской империи опыт переселенческой политики нуждается в современной интерпретации.

В настоящее время в отечественной историографии выделяются три основных этапа переселенческой политики конца XIX – начала XX вв. «Критериями выделения этапов стали цели и характер переселенческой политики Российского государства, которые достаточно чётко прослеживаются по законодательным актам, циркулярам и внутриведомственным делопроизводственным документам госучреждений Российской империи» [4, С. 5].

Первый этап государственной переселенческой политики приходится на временной период с 1861 года по 1889. В это время у царского правительства, как пишет в своей работе «Белянин Д.Н., не было единой концепции переселенческой политики, что повлекло за собой отсутствие единого законодательства о переселении. И в отношении крестьян-переселенцев проводилась противоречивая политическая практика» [по 5]. С одной стороны, «как отмечает Ф. Тернер, после аграрной реформы 1861 г. считалось, что свободные крестьяне должны сами решать свои проблемы, связанные с естественным приростом, за счёт интенсификации своих хозяйств, аренды или покупки земли» [6, С. 113-114]. С другой стороны, в правительстве считали, что массовое переселенчество вызовет недостаток рабочих рук в центральной части страны. Это привело к формированию устойчивого мнения правительства на перемещения между регионами как на несанкционированное действие. И поэтому наблюдалось полное запрещение переселений, за исключением разрешений на заселение крестьян в Алтайский край. Однако полностью игнорировать переселенческий вопрос правительство уже не могло.

Второй этап переселенческой политики проходит с 1889 по 1906 год. В конце XIX века правительство царской России, считаясь с кризисом кре-

стьянского хозяйства, было вынуждено переменить отношение к переселению крестьян. Так переселенческая политика в стране претерпевает изменения. «В своей работе А.В. Филимонов отмечает, что во второй половине XIX – начале XX вв. восточные окраины России начинают играть ведущую роль в переселенческом процессе» [7, С. 4]. С началом строительства и развитие Сибирской железной дороги, освоение прилегающих к ней территорий являлись важной задачей для экономического развития страны. Сибирь, занимая особое место в числе российских территорий, оказывает влияние на развитие страны. В связи со строительством железной дороги, Сибирь становится местом крестьянского переселения. «По мнению О.А. Дикаревой, крестьяне-переселенцы нужны были как для строительных работ, так и для заселения придорожной полосы» [8]. И правительство стало поощрять переселение в Сибирь и установило над этим контроль. Проблема заселения этой территории рассматривалась правительством царской России комплексно. Задачи по освоению территории Сибири были в ведении Комитета Сибирской железной дороги (далее в тексте используется сокращение КСЖД и понятие Комитет). Данный Комитет проводил реализацию задач от имени государственной власти страны. Он был создан по инициативе министра финансов С.Ю. Витте для преодоления ведомственной разобщённости в реализации национального проекта страны. «В своей статье С.К. Канн замечает, что вся деятельность КСЖД, его эволюция и особенности функционирования находились в прямой зависимости от императорской власти» [9]. В частности, Великий князь Николай Александрович был назначен председателем Комитета.

«Роль Комитета в истории переселения была весьма велика. Комитет впервые порвал с системой полицейского недоверия к переселенцам и исходил из стремления предоставить переселенцам возможную свободу» [10]. Его деятельность распространялась на освоение территорий Сибири, способствовала расширению государственных границ, обеспечивала национальную безопасность и сохранение территориальной целостности царской империи. Также Комитет реализовывал задачу по упорядочению переселенческого процесса. Работа Комитета делилась на два основных направления: мероприятия, которые относились к крестьянскому заселению Сибири и меры, которые были направленны на экономическое оживление территории.

В сферу компетенции КСЖД входили: изучение регионов, предназначенных для переселенцев; выделение земельных участков, проведение дорог; гидротехнические работы; оповещение крестьянства об условиях переезда; открытие складов для снабжения переселенцев сельскохозяйственными орудиями; предоставление материальной помощи переселенцам, привлечение рабочей силы (включая ссыльных и каторжников), строительство

школ и церквей; осуществление политики русификации. В частности, «организация ссудной помощи» [по 11] стала мерой, позволяющей Комитету улучшить положение переселенцев. Переселенческое движение было связано с развитием капитализма в земледелии. Н.П. Шевченко, анализируя переселенческую политику в Сибирь, утверждает, что «переселение пополняло трудовые ресурсы Сибири, расширяло товарно-денежные связи, способствовало распространению капитализма вширь, разрушению остатков старинной патриархально-натуральной замкнутости. По мере своих сил и средств переселенцы содействовали росту производительных сил на сибирских окраинах России» [12].

Однако длительная бюрократическая процедура, самовольная смена ходоками маршрута следования, недостаток земель и другие проблемы стройной на вид системы переселения не давали положительных результатов. Комитет принял решение отказаться от принудительных мер в отношении самовольных переселенцев, считая, что наилучшим средством для регулирования самовольного крестьянского переселения будет разъяснение о невыгодности переселений в обход закона. По утверждению Н.П. Шевченко, «постановлением 15 апреля 1896 года в качестве временной меры был упрощён порядок переселения крестьян в сибирские губернии, кроме Алтайского округа. Переселенцам предоставили льготный тариф и право отправлять ходоков для выбора мест в Сибири» [13]. Стоит отметить, что деятельность Комитета Сибирской железной дороги не решила всех переселенческих проблем того времени, однако способствовала увеличению масштабов миграции и хозяйственной адаптации переселенцев на новых территориях.

«Таким образом, в период деятельности КСЖД правительство перешло к политике развития крестьянских переселений в Сибирь, значительно улучшило общую постановку переселенческого дела, расширило масштабы помощи переселенцам. Помощь переселенцам стала носить комплексный характер и оказывалась по всем ключевым направлениям (медицинская, продовольственная, ссудная, налоговая и т.п.)» [14].

Работа Комитета с 1905 года была продолжена специально созданным учреждением - Переселенческим управлением. Его задачами стали осуществление государственных мероприятий в области переселенческой политики и объединение всех функции в своём ведомстве, связанных с усилением заселения Сибири и водворением переселенцев на Дальний Восток. В частности, были расширены налоговые льготы для переселенцев, установлена свобода переселений.

Третий этап переселенческой политики царской России начинается с 1906 года и продолжался до начала Первой мировой войны. Он ознаменовался изменениями в переселенческом вопросе в годы аграрной

реформы П.А. Столыпина. Этот вопрос был поднят П.А. Столыпиным в связи с проектом строительства Амурской железной дороги. Переселение крестьян на новые места на Дальнем Востоке преследовала три цели: уменьшить социальное напряжение в европейской части России, освоить незаселённые просторы и утвердить русское влияние на Дальнем Востоке. Поставленные Столыпиным задачи, хотя и не были реализованы в полном объёме, но за относительно короткий срок дали положительные результаты. Стало возможным продавать крестьянам надельную землю на прежнем месте жительства, для переселенцев была усилена продовольственная и агрономическая помощь, переселение способствовало плотному заселению Азиатской России, укрепила российскую государственность на этой территории.

Государственная переселенческая политика на каждом из выделенных этапов носила преемственный характер. Результатами этой политики стало закрепление России в Сибири и на Дальнем Востоке. Переселенческая политика царской России является примером взаимодействия государства и общества в процессе экономического, административного, культурного развития этих регионов.

Список литературы

1. Филимонов А.В. Финансирование переселенческого дела на восточных окраинах российской империи: государственная политика и практики второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Отечественная история. – ФГБОУ «Омский государственный педагогический университет», 2018. 270 с.
2. Зуева Н.С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Отечественная история. – МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. 395 с.
3. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 17. С. 70.
4. Белянин Д.Н. Этапы, задачи и итоги политики крестьянских переселений в Сибирь в 1861 – 1914 гг. // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе: сборник научных статей. Выпуск 2. Под редакцией С.А. Ковалевского. Кемерово, 2019. – Издательство: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (Кемерово). 2019. С. 3-44.
5. Белянин Д.Н. Этапы, задачи и итоги политики крестьянских переселений в Сибирь в 1861 – 1914 гг. // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе: сборник научных статей. Выпуск 2. Под редакцией С.А. Ковалевского. Кемерово, 2019. – Издательство: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (Кемерово). 2019. С. 3-44.
6. Тернер Ф. Государство и землевладение / Ф. Тернер. – Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. Ч. 2. 422 с.
7. Филимонов А.В. Финансирование переселенческого дела на восточных окраинах российской империи: государственная политика и практики второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Отечественная история. – ФГБОУ «Омский государственный педагогический университет», 2018. 270 с.
8. Дикарева О.А. Переселенческое управление в Российской империи (1896–1917 гг.) / О.А. Дикарева, М.Г. Касило, А.В. Хромых // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1151-1153. // URL: https://moluch.ru/archive/91/19866/.
9. Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892-1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С.129-131. // URL: https://prometeus.nsc.ru/works/comnapro.ssi (Дата обращения: 24.09.2025).
10. Кауфман А. Переселения крестьян в России // История, культура и традиции Рязанского края. // URL: https://62info.ru/history/node/1176 (Дата обращения: 24.09.2025).
11. Мырзахметова А.Ж. Переселенческий вопрос в деятельности Комитета Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX веков // Allbest. // URL: https://otherreferats.allbest.ru/history/c00874242.html (Дата обращения: 24.09.2025).

12. Шевченко Н.П. Переселенческая политика в Сибири после отмены крепостного права // История освоения и развития Сибири // URL: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/pril_H_pereselen.html (Дата обращения: 24.09.2025).
13. Шевченко Н.П. Переселенческая политика в Сибири после отмены крепостного права // История освоения и развития Сибири // URL: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/pril_H_pereselen.html (Дата обращения: 24.09.2025).
14. Белянин Д.Н. Этапы, задачи и итоги политики крестьянских переселений в Сибирь в 1861 – 1914 гг. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе : сборник научных статей. Выпуск 2. Под редакцией С.А. Ковалевского. Кемерово, 2019. – Издательство: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (Кемерово). 2019. С. 3-44.
15. Чиркова Е.А. Проблема ценностей в современных социальных теориях // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 121-125.

Reference

1. Filimonov A.V. Financing the resettlement issue on the eastern outskirts of the Russian empire: state policy and practices in the second half of the 19th – early 20th centuries: diss. ... candidate of historical sciences: 07.00.02. – Domestic history. – Omsk State Pedagogical University, 2018. 270 p.
2. Zueva N.S. The resettlement policy of the Russian government in the Far East during the Stolypin reforms: diss. ... candidate of historical sciences: 07.00.02. – Domestic history. – Lomonosov Moscow State University, 2016. 395 p.
3. Lenin V.I. The agrarian question in Russia by the end of the 19th century // Complete Works. Publ. 5. Vol. 17. P. 70.
4. Belyanin D.N. Stages, objectives, and results of the policy of peasant resettlement to Siberia in 1861–1914 // Current issues of fundamental sciences in a technical university: a collection of scientific articles. Issue 2. Edited by S.A. Kovalevsky. Kemerovo, 2019. – Publisher: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo). 2019. P. 3-44.
5. Belyanin D.N. Stages, objectives, and results of the policy of peasant resettlement to Siberia in 1861–1914 // Current issues of fundamental sciences in a technical university: a collection of scientific articles. Issue 2. Edited by S.A. Kovalevsky. Kemerovo, 2019. – Publisher: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo). 2019. P. 3-44.
6. Turner F. The State and Land Tenure / F. Turner. - St. Petersburg: Type. V.F. Kirshbaum, 1901. Part 2. 422 p.
7. Filimonov A.V. Financing the Resettlement Case on the Eastern Outskirts of the Russian Empire: State Policy and Practices of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Dis. ... Cand. Sciences (Hist.): 07.00.02. – Russian History. – Omsk State Pedagogical University, 2018. 270 p.
8. Dikareva O.A. Resettlement Administration in the Russian Empire (1896-1917) / O.A. Dikareva, M.G. Kasilo, A.V. Khromykh // Young Scientist. 2015. № 11 (91). P. 1151-1153. // URL: https://moluch.ru/archive/91/19866/.
9. Kann S.K. The Siberian Railway Committee (1892-1905) as a Governing Body for the National Project // Humanities in Siberia. 2008. № 3. P. 129-131. // URL: https://prometeus.nsc.ru/works/comnapro.ssi (24.09.2025).
10. Kaufman A. Peasant Migration in Russia // History, Culture, and Traditions of the Ryazan Region. // URL: https://62info.ru/history/node/1176 (24.09.2025).
11. Myrzakhmetova A.Zh. The resettlement issue in the activities of the Siberian Railway Committee in the late 19th – early 20th centuries // Allbest. // URL: https://otherreferats.allbest.ru/history/c00874242.html (24.09.2025).
12. Shevchenko N.P. Resettlement policy in Siberia after the abolition of serfdom // History of the exploration and development of Siberia // URL: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/pril_H_pereselen.html (24.09.2025).
13. Shevchenko N.P. Resettlement policy in Siberia after the abolition of serfdom // History of the exploration and development of Siberia // URL: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/pril_H_pereselen.html (09.24.2025).
14. Belyanin D.N. Stages, tasks and results of the policy of peasant resettlement to Siberia in 1861-1914. - Text: direct // Current issues of fundamental sciences in a technical university: a collection of scientific articles. Issue 2. Edited by S.A. Kovalevsky. Kemerovo, 2019. - Publisher: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo). 2019. P. 3-44.
15. Chirkova E.A. The problem of values in modern social theories // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 121-125.

Веселков И.Р.
Студент 2 курс, педиатрический факультет. Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск.

Денисюк К.В.
Студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Полтаракова К.М.
Студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Сергеева С.С.
Студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Шубина Е.И.
Студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Противоэпидемические мероприятия осенне-зимнего периода 1942-43 г. и план мероприятий на 1943-44 г. в Архангельской области*

Аннотация. Статья посвящена анализу санитарно-эпидемиологических мероприятий, проводимых в Архангельской области в 1942-1943 годах, а также разработкам планов на последующие годы во время Великой Отечественной Войны. В условиях военного времени и дефицита ресурсов, регион столкнулся с серьезными вызовами в области общественного здоровья, включая вспышки инфекционных заболеваний и ухудшение санитарно-гигиенической обстановки.

Ключевые слова: Архангельская область, АГМИ (Архангельский государственный медицинский институт), Великая Отечественная война, противоэпидемиологические мероприятия, санитарно-эпидемиологическая обстановка.

* © Веселков И.Р., Денисюк К.В., Полтаракова К.М., Сергеева С.С., Шубина Е.И., 2025.

Veselkov I.R.
2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Denisyuk K.V.
2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Poltarakova K.M.
2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Sergeeva S.S.
2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Shubina E.I.
2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Anti-epidemic measures in the autumn-winter period of 1942-43 and the plan of measures for 1943-44 in the Arkhangelsk region

Abstract. The article focuses on the analysis of sanitary and epidemiological measures implemented in the Arkhangelsk Region in 1942-1943, as well as the development of plans for the following years during the Great Patriotic War. In the context of wartime and resource scarcity, the region faced significant challenges in public health, including outbreaks of infectious diseases and deteriorating sanitary conditions.

Key words: Arkhangelsk Region, AGMI (Arkhangelsk State Medical Institute), Great Patriotic War, anti-epidemic measures, sanitary and epidemiological conditions.

Введение

Великая Отечественная война перед органами Здравоохранения Архангельской области выдвинула ответственные задачи. Одними из самых актуальных задач являлись: медико-санитарное обслуживание войсковой мобилизации, формирование эвакогоспиталей, улучшение их работы с тем, чтобы обеспечить наибольший возврат в строй раненых и больных бой-

цов и командиров героической Красной Армии и Военно-морского флота. С этой задачей, по мнению директивных органов, Архангельская область справилась неплохо. Обеспечить санитарное благополучие, предупредить возникновение и распространение эпидемий как в тылу, так и в Армии - являлись также важными задачами. С первых дней войны органы Здравоохранения Архангельской области с большим энтузиазмом включились в это большое государственное дело. И нужно сказать, что медицинские работники, с помощью партийных и советских органов, добились известных достижений и в этом направлении.

В результате сохранены тысячи рабочих дней как для производства, так и для сельского хозяйства, это несомненно отразилось благоприятно на выполнении народно-хозяйственных планов. Анализ архивных материалов и свидетельств современников позволили выявить эффективность принятых мер и их влияние на здоровье населения региона. Результаты исследования подчеркивают важность санитарно-эпидемиологических мероприятий в условиях кризиса и могут служить основой для дальнейших исследований в области истории медицины и эпидемиологии.

Цель исследования

Провести систематический обзор литературы и архивных данных, посвященных санитарно-эпидемиологических мероприятиям, проводимых в Архангельской области в 1942-1943 годах и планов мероприятий на 1943-1944 года с акцентом на оценку их эффективности и влияния на здоровье населения в условиях военного времени. Исследование направлено на выявление основных стратегий и методов, применяемых органами здравоохранения для предотвращения и контроля инфекционных заболеваний, а также на изучение роли местных властей, медицинских учреждений и гражданского общества в реализации этих мероприятий.

Материалы и методы

Было проведено исследование архивных материалов Государственного архива Архангельской области (ГААО), таких как отчеты санитарных служб, протоколы заседаний местных властей, медицинские записи и статистические данные о заболеваемости и смертности населения в Архангельской области в 1942-1943 годах, анализ публикаций в периодических изданиях того времени, обработка количественных данных о заболеваемости, смертности и других показателях здоровья населения Архангельской области. Метод исследования: сравнительный и библиографический.

Результаты и обсуждение

Когда говорят о значении Русского Севера в годы Великой Отечествен-

ной войны, чаще всего вспоминают Карельский фронт, Мурманск и «Ленд-лиз» [1]. Но совсем мало упоминают о тех областях, которые находились в тылу, но как и вся страна, жили по принципу «Всё для фронта! Всё для победы!». Как известно, Архангельская область не была местом сухопутных сражений в годы Великой Отечественной. Однако с первых дней и до самого конца войны жители Русского Севера стойко и мужественно переносили все тяготы трудного времени, став надёжным тылом для Красной Армии [3, 4].

В хозяйственном и культурном строительстве за 1942 год и в первом полугодии 1943 года Архангельская область, несмотря на условия войны и связанные с ней трудности, добилась некоторого улучшения работы в отдельных отраслях народного хозяйства. Так, например, план по выпуску валовой продукции лесопиления и деревообработки лесозаводами «Северолес» выполнен за 1942 год на 102%, а пятимесячный план 1943 года - на 113,4%. Лесозаготовки предприятиями области выполнены за сезон 1942-43 г. на 117 %, по вывозке – на 115% (ГААО. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 73. Л. 2).

Улучшила свою работу со второго полугодия 1942 г. рыбная промышленность. Пятимесячный план 1943 г. по улову рыбы перевыполнен почти вдвое [5].

Более организованно, чем в прошлом году, проведен весенний сев. На 25 дней раньше прошлого года проведен сев зерновых культур. Посевная площадь зерновых культур увеличилась, по сравнению с прошлым годом, на 4002 га.

Санитарно-противоэпидемические мероприятия по Архангельской области проводились на основе приказов Уполномоченного Государственного Комитета Обороны по противоэпидемическим мероприятиям, Народного Комиссара Здравоохранения товарища Митерева и с учетом местных условий.

Особенное значение имели директивные указания по санитарно-эпидемическим вопросам Заместителя Председателя СНК СССР товарища Молотова Вячеслава Михайловича.

Вторая военная зима для Архангельской области характеризовалась снижением ряда инфекционных заболеваний по сравнению с первой зимой, а по некоторым инфекциям даже с довоенным периодом.

Уменьшение количества некоторых инфекционных заболеваний, несмотря на продолжающие существовать трудности военного времени, является, несомненно, результатом комплексных законодательных, санитарных, противоэпидемических и лечебных мероприятий. За осенне-зимний период 1942-43 гг. Исполнительный Комитет Архангельского Областного Совета Депутатов трудящихся заслушал, обсудил и вынес соответствующее решение по девяти вопросам санитарно-эпидемического характера. В тоже время за прошлый осенне-зимний период 1941-42 г. были вынесены реше-

ния лишь по пяти вопросам.

В августе 1943 года был рассмотрен и утвержден комплексный план противоэпидемических мероприятий на осенне-зимний период 1943-44 гг.

Местные Советы депутатов трудящихся по примеру областных организаций санитарно-эпидемическим вопросам уделили внимания значительно больше, чем в прошлый осенне-зимний период.

В целом по области количество докладов на Президиумах Советов, на Секциях советов, на заседаниях Фабзавместномов по санитарно-эпидемическим вопросам возросло. Только по инициативе Государственной Санитарной инспекции обсуждено и приняты по ним соответствующие решения следующее количество вопросов: 1940 г. - 184, 1941 г. - 169, 1942 г. - 309, 1943 г.-377 за I полугодие.

Как видно из представленных цифр Госсанинспектора все чаще стали пользоваться помощью органов советской власти для реализации своих предложений и улучшения санитарно-эпидемического состояния своих районов.

ХАРАКТЕРИСТИКА САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Заболеваемость в Архангельской области по отдельным инфекциям за отчетный период, по сравнению с прошлым осенне-зимним периодом, представляется в следующем виде:

Табл. 1.

Название инфекции	**1941-1942 г. сентябрь-март**	**1942-1943 г. сентябрь-март**
Сыпной тиф	1478	282
Брюшной тиф	318	466
Дизентерия	3890	1527
Дизентерия у детей до 2-х лет	738	333
Токсическая диспепсия	1321	643
Корь	12505	644
Скарлатина	1391	596
Дифтерия	727	706
Цинга	4802	5743
Безбелковые отеки	Не учитывалось	3518
Грипп	71613	61607
Малярия	6324	1927

Как видно из представленного фактического материала (в абсолютных величинах) осенне-зимний период 1942- 43г.г. характеризовался снижением количества заболеваний по большинству инфекций. Количество сыпнотифозных заболеваний снизилось в 5 раз. По группе желудочно-кишечных заболеваний снижение в два с лишним раза за исключением брюшного типа, где налицо некоторое увеличение. По кори количество заболеваний уменьшилось в 20 раз, по скарлатине в 3 раза, лишь дифтерия осталась на уровне прошлой зимы. По цинге наблюдалось незначительное увеличение, по гриппу небольшое уменьшение.

Заболеваемость по отдельным видам инфекций по районам области протекала за осенне-зимний период 1942-43г.г. довольно неравномерно. Некоторые районы, как например, Ненецкий национальный округ, расположенный за Полярным кругом, на побережье Северного Ледовитого океана, совершенно не имели сыпного тифа, заболеваемость по другим инфекциям выражалась в единичных случаях. Ряд районов имели совершенно иную картину [6, 7].

СЫПНОЙ ТИФ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЕГО ЛИКВИДАЦИИ

Сыпной тиф в конце 1942 года имел еще распространение по всей области за исключением заполярных районов Ненецкого национального округа, Мезенского и Лешуконского районов. В первой половине 1943 года сыпной тиф совершенно отсутствовал уже в 14 районах области из 30-ти: Верхне-Тоемском, Вилегодском, Карпогорском, Котласском, Ленском, Мезенском, Пинежском, Плесецком, Приморском, Ровдинском, Устьянском, Шенкурском, Ненецком национальном округе, городе Молотовске.

В конце 1942 года наиболее крупные вспышки сыпного тифа были в Каргопольском районе (62 случая), в Черевковском районе (28 случаев), в Беломорском районе (77 случаев). В первой половине 1943 года вспышки сыпного тифа были: в Коношском районе (12 случаев), в Няндомском районе (16 случаев), в Красноборском районе (14 случаев). В остальных районах наблюдались лишь единичные случаи.

В числе причин, способствующих возникновению и распространению сыпного тифа, отмечалось следующие:

1. Занос инфекции из других областей. Например, в Няндомский район сыпной тиф был завезен рабочими, мобилизованными из Павлодарской области Казахской АССР, неблагополучно в отношении заболеваемости сыпным тифом. По приезде эшелона с рабочими в Няндомский район в местную больницу прямо из вагонов было госпитализировано 12 человек больных сыпным тифом. Все остальные рабочие 473 человека, прибывшие с этим поездом, имели зараженность педикулезом 100%.

2. Контакт с переболевшими бездомными и беспризорными. Напри-

мер, в Красноборском районе источником инфекции явилась женщина без определенного местожительства и определенного занятия, которая перенесла, сыпной тиф в амбулаторной форме без медицинского контроля. В Каргопольском районе источником инфекции явился мужчина без определенного местожительства, только что переболевший сыпным тифом, остановившийся ночевать в детском доме. В Коношском районе источником инфекции явилась группа кочующих цыган, переболевших сыпным тифом в амбулаторной форме на территории Слободского сельсовета, граничащего с Вологодской областью.

3. Недостаточная опытность врачей в вопросах диагностики сыпного тифа и в проведении противоэпидемических мероприятии, поздняя госпитализация, неправильная санитарная обработка, отсутствие постоянного медицинского контроля за температурящими. Например, в Беломорском районе источником инфекции явилась команда одного морского бота, переболевшая сытным тифом. Сыпной тиф своевременно и точно не был диагностирован, противоэпидемические мероприятия точно также своевременно не были проведены. Из семьи, где остановилась команда бота, сыпной тиф был занесен в общежитие призывников, а те, в свою очередь, разнесли инфекцию в ряд селений. В Черевсковском районе причиной вспышки сыпного тифа явилась несвоевременная диагностика, а, следовательно, несвоевременная госпитализация (участок в ведении Севводздравотдела).

4. Плохая работа банно-прачечного и дезинфекционного хозяйства, недостаток мыла. Подобное положение приводило к тому, что очаги обрабатывались несвоевременно и неполноценно.

5. Значительная бытовая завшивленность, имевшая место и в довоенное время и в прошлый зимний период, благоприятствовала, в отдельных случаях, быстрому распространению сыпного тифа.

Для устранения указанных и других причин, для ускорения ликвидации вспышек и единичных случаев, для предупреждения распространения сыпного тифа на специально созванном в марте 1943 года Областном Совещании, медицинских работников был дан подробный анализ санитарно-эпидемического состояния области и отдельных районов.

На этом совещании, проведенной при активном участии Представителя Наркомздрава РСФСР, Члена Коллегии, профессора Шхвацабая И.Я., были вскрыты ошибки отдельных руководителей и медицинских работников и намечены практические мероприятия по устранению этих ошибок. Большую помощь в устранении недочетов на местах принесло постановление Архангельской Областной Чрезвычайной Противоэпидемической Комиссии по борьбе и предупреждению сыпного тифа, вынесенное осенью 1942 года на основании приказов Уполномоченного ГКО товарищ Митере-

ва № 1, 7, 14. Комплексный план противоэпидемических мероприятий, утвержденный Областной Чрезвычайной Комиссией, лег в основу районных планов, составленных с учетом особенностей отдельных районов.

Большое внимание за осенне-зимний период 1942-43г. было обращено на борьбу с педикулезом. В этих целях значительно усилился санитарный надзор за общежитиями, детскими домами, интернатами, банями, прачечными, парикмахерскими. Только за 1-й квартал 1943 года общая посещаемость государственного санитарного надзора жилищно-коммунальных объектах превысила 31000, в то же время количество посещений сан.надзора за первый квартал 1942 года составляло, примерно, 1343.

Количество обслуженных объектов по сравнению с прошлым периодом, значительно возросло. Требования со стороны Госсанинспекции стали более строгие. Количество санкций заметно увеличилось. В первом квартале 1943 года за нарушение санитарного режима в общежитиях, интернатах и т.д. было наложено штрафов 140, в то же время в первом квартале 1942 г. санкции по этим объектам не применялись.

В сельской местности, в поселках на лесоразработках, на спец. работах проводились подворные обследования на педикулез медицинскими работниками совместно с общественным активом, депутатами местных советов санитарными инспекторами, уполномоченными, учащимися старших классов, школьными работниками. В ряде общежитий и поселков была введена регулярная санитарная обработка раз в десять дней до исчезновения педикулеза.

Были взяты под особое наблюдение по всей области бани. На 1-е мая 1943 г. имелось всего учтенных бань по области 26029, из них общественных 3894, ведомственных 326, индивидуальных 21809. Вновь выстроено бань за 1942-43 год 37.

Почти во всех районах области бани были обеспечены дровами. Исключение составляли наиболее важные объекты - города Архангельск, Молотовск, Нандома, Плесецкая. В этих городах в течение всей зимы были большие перебои в работе бань из-за отсутствия топлива. Например, в городе Молотовске центральная и почти единственная коммунальная баня нерегулярно работала всю зиму. Причина - отсутствие топлива [3].

Мылом область была обеспечена совершенно недостаточно. В течение всего 1942 года местной промышленностью выработано всего лишь 265,2 тонны мыла при годовой потребности приблизительно в 3600 тонн. Планом на 1943 год предусмотрено выработать для Архангельской области 530 тонн, что явно недостаточно.

Основной причиной, мешающей выработке мыла в достаточном количестве, являлось отсутствие сырья: жиров и кальцинированной соды. В настоящее время местные организации заняты вопросом изыскания и про-

паганды моющих средств из местного сырья. Довольно широко используются под названием "Жидкое мыло» щелока, отходы, сульфат-Целлюлозного Соломбальского завода. Повсеместно население пользуется древесной золой, щелоком для мытья и стирки белья. Лаборатория Архангельской городской санэпидстанции начала исследования моющих свойств некоторых местных глин и отходов лесохимической промышленности [5].

Но все эти начинания не удовлетворяли область. Работу по изысканию и применению моющих средств из местного сырья необходимо было решительно усилять. В этом отношении местные Архангельские организации идут инициативы и помощи, прежде всего, от своих местных ВУЗов – Медицинского и Лесотехнического Институтов.

Приказ НИЗ РОССР 1942 г. благоприятно отразился на улучшении работы дезинфекционного хозяйства Архангельской области. Приказ помог провести ряд мероприятий. Основное внимание было обращено на подготовку дезинфекционных кадров, строительство новых и ремонт существующих дез.камер, укрепление дез.станции в г. Архангельске, изыскание дез. средств из местного сырья.

В конце 1942 года было подготовлено 45 дезинфекторов. За первую половину 1943 года подготовлено 120 дезинфекторов и 28 дезинструкторов.

Для ремонта и монтажа дезкамер в первой половине 1943 года организована ремонтно-монтажная бригада: 10 слесарей и 2 столяра. Эта бригада прошла специальную подготовку течение двух месяцев.

За отчетный период вновь построено: дезкамер 32, санитарных пропускников 8; отремонтировано: дезкамер 18, санпропускников 2. Установлена одна камера Рубнера. В целях улучшения дез.дела в городе Архангельске во главе городской дез.станции поставлен врач инфекционист товарищ Трипецкая. До нее заведовали станцией люди мало сведущие в дезинфекционных вопросах ротный Фельдшер, медсестра и т.д. Дезхозяйство в целом по г. Архангельску с мая 1943 года возглавляется также врачом, товарищем Романовой, прошедшей месячную специальную подготовку в области дез. дела в Москве.

С целью увеличения дез.средств из местного сырья были начаты исследовательские работы в лабораториях Архангельской городской санэпидстанции, кафедр фармакологии общей химии, гигиены Архангельского Медицинского Института [3, 9].

В результате всех этих мероприятий профилактическая дезинфекция и дезинсекция сыпнотифозных очагов стала проводиться более эффективно.

На осенне-зимний период 1942-43 гг. было намечено развернуть 400 временных инфекционных коек в Дополнение к 1116 существующим постоянным койкам. Фактически временных коек по требовалось развернуть 405, в это число входят койки по всем инфекциям.

Недочеты в работе инфекционных больниц и отделений следующие: недостаточно мягкого инвентаря, помещения нуждаются в ремонте, текущий ремонт в большинстве случаев проводится силами самого персонала, снабжение мылом совершенно недостаточно, санитарная обработка в ряде больниц проводилась неудовлетворительно, в результате чего среди больных, находившихся в больницах, наблюдался педикулез: Каргопольская больница, Архангельская инфекционная больница и др, городские больницы в большинстве своем не были обеспечены топливом, что способствовало увеличению антисанитарных моментов [8].

Учитывая все это, летом 1943 года было обращено особенно внимание на заблаговременную заготовку дров, проведение ремонта помещений силами своего персонала, улучшение санитарной обработки поступающих больных.

Для усиления противоэпидемических мероприятий по сыпному тифу при Облздравотделе все время функционировал противоэпидемический отряд из 29 человек: фельдшеров и медсестер во главе с врачом-эпидемиологом товарищем Казаковой Н.Ф. Работа отряда протекала в очагах инфекции. За 1942 и 43 г. отрядом была выполнена следующая работа.

За 1942 год было сделано выездов 55, за полгода 1943 года 15. 3 1942 г. проведено осмотров на педикулез 142874, выявлено завшивленных 11685, обработано комплектов 41005. За 1942 год отрядом проведено 369 бесед на санитарно-противоэпидемические темы.

В июне 1943 года отряд был частично реорганизован. После реорганизации он стал состоять из 2 человек.

Каждая вспышка сыпного тифа подробно изучалась и анализировалась специальной посылаемой бригадой.

В Каргопольском районе за допущенную вспышку сыпного тифа в детском доме заведующая детского дома и медицинский работник детдома были привлечены к ответственности и приговорены Народным Судом к лишению свободы сроком от 2-х до 3-х лет.

ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫЕ ИНФЕКЦИИ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ИХ ЛИВИДАЦИИ

Желудочно-кишечные инфекционные заболевания: брюшной тиф, дизентерия, паратифы для Архангельской области не являются сезонными, а распределяются в течении всего года, давая в некоторые месяцы увеличение [6].

Наибольшее количество заболеваний брюшным тифом и дизентерией за отчетный период было в городах: Архангельск, Молотовск, Котлас.

Заболеваемость брюшным тифом и дизентерией на протяжении скольких десятилетий являлось одной из главнейших форм инфекционной за-

болеваемости города Архангельска. Город Архангельск по размерам заболеваемости и смертности от брюшного тифа занимал в 1926 году второе место среди других городов [7].

По брюшному тифу за отчетный период наблюдалось незначительное увеличение заболеваний по сравнению с прошлым периодом, по дизентерии уменьшение в два с лишним раза.

Анализ санитарного состояния и динамики заболеваемости (брюшной тиф и дизентерия) по Архангельску и Молотовску установил следующие причины:

1. Консервация незаконченных водоочистительных сооружений Молотовска вызывало такое положение, что очистка воды не проводилась, а из-за отсутствия хлора и хлорной извести не позволяла проводить систематическое хлорирование воды.

2. По заключению приемочной Комиссии состояние всей системы водопровода и канализации находилось в исключительно тяжелом состоянии и в любую минуту могло привести к аварии и выводу из строя.

3. Незаконченность строительства очистных сооружений, недостроенная станция перекачки с маломощными насосами приводили к такому положению, что фекальные массы поступали через сливные колодцы и сеть которые находились в состоянии подтока. Кроме того, одна треть домов города не имели канализационной сети, отсутствие ассенобоза систематически загрязняли город. Все указанные причины не могли дольше быть терпимы и Облздравотдел просил Наркомздрав войти с ходатайством перед Правительством о разрешении вопроса достройки водопроводной и канализационной системы в Молотовске. Кроме того;

I. Неполная госпитализация больных

II. Запоздалая диагностика

III. Недостаточное наблюдение за бациллоносителями и рековалесцентами, а в районах области отсутствует, т.к. нет лабораторий.

IV. Несвоевременное проведение прививок в течении 1942-1943г.г. из-за отсутствия бакпрепаратов. План выполнен на 77%.

В целях снижения заболеваемости по желудочно-кишечным инфекциям как весной 1942 года, так и весной 1943 года, на основе приказа Уполномоченного ГКО № 22, был составлен и утвержден Исполнительным Комитетом областного Совета подробный план борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями. Этот план лег в основу порайонных планов.

В весенний период 1943 года, также, как и весной 1942 года, была проведена массовая очистка от отбросов и нечистот всех населенных мест области. В этом мероприятии участвовало почти все трудоспособное население. По инициативе Госсанинспекции и кафедры гигиены Архангельского Медицинского Института был проведен ряд инструктивных совещаний о

более совершенных способах обезвреживания отбросов.

В частности – широко популяризировались почвенные методы обезвреживания. Также было преступлено к проверке эффективности обезвреживания отбросов почвенными способами в условиях Севера. Совместно с Облкомхозом намечено установить несколько опытных биотермических камер.

В числе отрицательных моментов отмечалось сезонность мероприятий по очистке, инертность коммунальных организаций в этом отношении со ссылкой на более важные мероприятия.

Для улучшения качества питьевой воды в Архангельске Госсанинспекцией был установлен более строгий контроль за коагулированием и хлорированием воды. Вообще усилился текущий санитарный надзор за источниками водоснабжения.

В целях изыскания заменителей хлора для обеззараживания воды в лаборатории Архангельской городской Санэпидстанции под руководством профессора Архангельского Медицинского Института Ведринского Д.П. начались работы по освоению новых методик обеззараживания воды [2].

Усилился санитарный надзор за пищевыми объедками. Общее количество всех посещений гос. сан. Надзора с 2069 (за первый квартал 1942 г.) возросло до 10685 (за первый квартал 1943 г.). Заметно усилился более квалифицированный врачебный надзор с 692 посещений врача за первый квартал 1942г. до 2819 врачебных посещений на 1й квартал 1943 г.

Недостаток противомушинных истребительных средств ослабил борьбу с мухами летом 1943 г.

Правила личной гигиены работники пищевых объектов, детских учреждений выполнялись плохо. План предохранительных прививок по Архангельской области на 1-6 августа 1943 года был выполнен по брюшному тифу - 88,8 %, по дизентерии 60,9 %. В числе причин, недовыполнения плана прививок отмечалось: несвоевременная поставка прививочного материала Молотовским ИЭМ, к которому прикреплена Архангельская область. Первая партия прививочного материала поступила лишь в мае 1943 года.

Для быстрейшей ликвидации желудочно-кишечных инфекционных заболеваний в Архангельской области было необходимо в корне изменить мнение о сезонности их и проводить профилактическую работу напряженно в течение всего года. В соответствии с этой установкой и составлен план предупредительных мероприятий на 1943-44 гг., утвержденный Исполнительным Комитетом Архангельского Областного Совета депутатов трудящихся.

ДЕТСКИЕ ОСТРЫЕ ИНФЕКЦИИ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ИХ

По детским острым инфекциям (по кори и скарлатине) за отчетный период наблюдалось уменьшение заболеваемости за исключением дифтерии, которая оставалась на том же уровне, как и зимой 1941-42 г. Но абсолютные цифры заболеваемости корью, скарлатиной и дифтерией продолжали оставаться высокими.

Наблюдающуюся высокую заболеваемость дифтерией объяснялось тем, что прививки против дифтерии в 1942-1943 гг. проводились неудовлетворительно. 1942 г. законченных прививок против дифтерии было выполнено 31,1 % годового плана вакцинация и ревакцинация. В 1943 году на 1-е августа план вакцинации по дифтерии был выполнен на 90,1 %, по ревакцинации 53,9%. Как в 1942 г., так и в 1945 г. особенно отставала ревакцинация.

К числу причин, способствующих распространению детских капельных инфекций отнесли: несвоевременное распознавание заболеваний, запоздалую изоляцию больных детей от здоровых, неудовлетворительное санитарное состояние некоторых детских учреждений, слабое участие воспитателей и учителей в проведении санитарно-профилактической работы.

Необходимо было обращать внимание медицинских работников на точное и неуклонное выполнение всех профилактических и лечебных мероприятий, предусмотренных медицинской наукой и четко изложенных в соответствующих инструктивных материалах. Кроме того, через Наркомпрос обязали работников всех детских учреждений принимать постоянное активное участие в санитарно-профилактической и санитарно-воспитательной работе. Нельзя было забывать также и о том, что без дифанатоксина крайне трудно выполнять какой бы то ни было план прививок против дифтерии, такте трудно проводить лечение дифтерии без сыворотки.

План практических мероприятий по предупреждению острых детских инфекций составлен на основе указаний Уполномоченного ГКО (приказ №28 от 22/УП-1943 г.)

ПЕРСПЕКТИВА ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ

Утвержденный в августе 1943 г. комплексный план предусматривал ряд противоэпидемических мероприятий. Точное выполнение всех намеченных мероприятий в срок несомненно, помогло бы довести инфекционные заболевания по области до минимума, но для того, чтобы успешно выполнить намеченный план, помимо напряженной работы местных медицинских работников, была необходима некоторая помощь.

Помощь Наркомздрава прежде всего в следующих вопросах:

1. Обеспечить бесперебойное снабжение области бакпрепаратами,

2. Оказать посильную поддержку по части технического оснащения сан. эпидстанции.

3. Укрепить, эпидемиологическую кафедру Архангельского Медицинского института, направив квалифицированного научного работника.

4. Увеличить издание руководящей литературы по санитарно-эпидемическим вопросам для работников гос.сан.инспекции, и эпидемиологов.

5. Увеличить для санитарно-эпидемических работников Архангельской области количество мост на курсах повышения квалификации.

6. Улучшить материально-бытовые условия санитарно-эпидемических работников, приравняв их по всем видам снабжения и питания к высшей категории.

Заключение

Несмотря на сложные условия войны, ограничения ресурсов и нехватку медицинского персонала, местные власти и санитарные службы смогли организовать ряд эффективных мероприятий, направленных на борьбу с эпидемиями. Результаты проведенного анализа показывают, что комплексный подход к противоэпидемическим мерам способствовал снижению заболеваемости и смертности среди населения. Однако, несмотря на достигнутые успехи, выявлены и значительные недостатки в организации работы, такие как недостаток медикаментов, ограниченный доступ к медицинским услугам и низкий уровень санитарной культуры среди населения. Также был разработан план мероприятий на 1943-1944 годы, который учитывал как положительный опыт предыдущего периода, так и существующие проблемы. Эффективность противоэпидемических мероприятий в Архангельской области в условиях войны зависит не только от организационных усилий, но и от активного участия всего общества в борьбе с эпидемиями. Важно продолжать изучение и анализ исторического опыта для разработки более эффективных стратегий санитарно-эпидемиологической безопасности в современных условиях.

Библиографический список:

1. Андреева А.В., Быков В.П., Глянцев С.П. Медицинское обеспечение Карельского фронта и его тыла в великую отечественную войну 1941-1945 гг. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. № 3. С. 186-190.

2. Андреева А.В., Глянцев С.П. Ученые Архангельского Медицинского Института – фронту (1941-1945гг.). – 1-изд. – Москва: Познание, 2011. С. 21-24.

3. Андреева А.В. Деятельность Архангельского медицинского института в годы великой отечественной войны. Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Материалы VII Всероссийской конференции с международным участием (Москва. 12 мая 2011 года). – Москва: МГМСУ, 2011. С. 11-12.

4. Емельянова Е.О. Повседневная жизнь в Архангельске во время Великой Отечественной войны (по материалам устной истории). Вестник МГПУ. 2019. № 2 (34). С. 69-78.

5. Хатанзейская Е.В. Архангельск в 1939–1945 гг.: милитаризация управленческих практик и городская

повседневность военного времени. Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2020. № 4 (2). С. 341-391.
6. О деятельности санитарно-эпидемиологической службы на территории Архангельской области в период Великой Отечественной войны 1941-9=1945 годов. Без формата // URL: https://arkhangelsk.bezformata.com/ (Дата обращения: 07.09.2025)
7. Санитарно-эпидемиологическая служба в период Великой Отечественной войны 1941-1945 года. Роспотребнадзор // URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/ (Дата обращения: 15.10.2025).
8. Архангельская область в годы Великой Отечественной войны. Правительство Архангельской области // URL: https://dvinaland.ru/region/1941-1945/ (Дата обращения: 28.10.2025).
9. Как предупреждали эпидемии в Поморье в годы войны? Архангельский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики // URL: https://zdorovie29.ru/ (Дата обращения: 01.11.2025).
10. Махмутова К.А. Межконфессиональное согласие в молодежной среде // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 127-131.

Reference

1. Andreeva A.V., Bykov V.P., Glyantsev S.P. Medical Support of the Karelian Front and Its Rear during the Great Patriotic War of 1941-1945. Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine. 2016. № 3. P. 186-190.
2. Andreeva A.V., Glyantsev S.P. Scientists of the Arkhangelsk Medical Institute - to the Front (1941-1945). – 1st ed. – Moscow: Poznanie, 2011. P. 21-24.
3. Andreeva A.V. Activities of the Arkhangelsk Medical Institute during the Great Patriotic War. Historical Experience of Medicine during the Great Patriotic War of 1941-1945. Proceedings of the VII All-Russian Conference with International Participation (Moscow. May 12, 2011). – Moscow: MGMSU, 2011. P. 11-12.
4. Emelyanova E.O. Everyday Life in Arkhangelsk During the Great Patriotic War (Based on Oral History Materials). Moscow State Pedagogical Univ. Bulletin. 2019. № 2 (34). P. 69-78.
5. Khatanzeyskaya E.V. Arkhangelsk in 1939–1945: Militarization of Management Practices and Urban Everyday Life during Wartime. Historia Provinciae – Journal of Regional History. 2020. № 4 (2). P. 341-391.
6. On the Activities of the Sanitary and Epidemiological Service in the Arkhangelsk Region During the Great Patriotic War of 1941–1945. Without format // URL: https://arkhangelsk.bezformata.com/ (September 7, 2025)
7. Sanitary and Epidemiological Service during the Great Patriotic War of 1941-1945. Rospotrebnadzor // URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/ (October 15, 2025).
8. Arkhangelsk Oblast during the Great Patriotic War. Government of the Arkhangelsk Oblast // URL: https://dvinaland.ru/region/1941-1945/ (October 28, 2025).
9. How were epidemics prevented in Pomorie during the war? Arkhangelsk Regional Center for Public Health and Medical Prevention // URL: https://zdorovie29.ru/ (November 1, 2025).
10. Makhmutova K.A. Inter-confessional agreement among youth // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 127-131.

Дарчиев А.В.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВНЦ РАН, г. Владикавказ. SPIN-код: 7095-1837

Осетинский культ грозового божества в рукописном наследии Е.Г. Пчелиной*

Аннотация. В статье рассматриваются рукописные материалы выдающегося кавказоведа Е.Г. Пчелиной (1895-1972) об осетинском культе грозового божества по имени Уацилла. Исследовательнице удалось выявить структурные взаимосвязи Уациллы с другими божествами осетинского пантеона, а также привести сведения о многих святилищах Уациллы, неизвестных по другим источникам. Пчелина высказала перспективное предположение о том, что в культе Уацилла могли отразиться древние контакты предков осетин с носителями иудаизма. Рукописные материалы Е.Г. Пчелиной существенно дополняют наши знания о культе грозового божества Уацилла, способствуя реконструкции архаичных пластов традиционной культуры осетин.

Ключевые слова: осетины, религиозный пантеон, грозовое божество, святилище, Уацилла, Сафа, иудаизм, аланы, Е.Г. Пчелина.

Darchiev A.V.

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher. V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz. SPIN-code: 7095-1837

Ossetian cult of the thunder deity in the manuscripts of E.G. Pchelina

Abstract. This article examines manuscripts by the eminent Caucasus scholar E.G. Pchelina (1895-1972) on the Ossetian cult of the thunder deity Uatsilla. The researcher identified structural connections between Uatsilla and other deities of the Ossetian pantheon and also provided information on many Uatsilla shrines unknown from other sources. Pchelina advanced the promising hypothesis that the cult of Uatsilla may have reflected ancient contacts between the ancestors of the Ossetians and the adherents of Judaism. E.G. Pchelina's manuscripts significantly expand our knowledge of the cult of the thunder deity Uatsilla, facilitating the reconstruction of archaic layers of traditional Ossetian culture.

* © Дарчиев А.В., 2025.

Key words: Ossetians, religious pantheon, thunder deity, sanctuary, Uatsilla, Safa, Judaism, Alans, E.G. Pchelina.

Евгения Георгиевна Пчелина (1895-1972) – выдающаяся исследовательница, внесшая значительный вклад в развитие этнографического осетиноведения. Большая часть ее научного наследия осталась в рукописях и лишь в последнее время начинает постепенно вводиться в научный оборот. В данной статье мы рассмотрим содержащиеся в рукописных материалах Е.Г. Пчелиной сведения о культе грозового божества Уацилла у осетин.

В незавершённой монографии о святилище Реком в Северной Осетии Пчелина верно определяет аграрный характер культа Уациллы, в то же время она даёт весьма неожиданную характеристику данного представителя осетинского пантеона: «В атрибуциях осетинского Уациллы видны два резко отличных момента: благожелательство, миролюбие и даже трусливость и с другой стороны гневливость, необузданность и губительность, выраженные в остром столкновении первого и второго. Облик осетинского Уациллы в фольклоре осетин расплывчат. Появляясь в сказаниях он выступает там только названием его имени, а не образом, не обрастая как другие осетинские божества четкими специфическими чертами, отличающими человеческие характеры. В тех сказаниях и песнях, где упоминается имя Уациллы, явно проглядывает бóльшая его слабость в сравнении с другими божествами. Это произошло, во-первых, потому, что благополучие и плодородие в хозяйстве осетин на протяжении многих веков зависело от множества губительных сил природы, против которых осетины были бессильны. Поэтому "не помогший" в этом деле Уацилла стал "младший среди божеств"»[1].

Е.Г. Пчелина не приводит данных, которые могли бы подтвердить ее тезис о том, что Уацилла занимал положение «младшего среди божеств». В то же время источники конца XVIII – XIX в. свидетельствуют о прямо противоположном. Л.Л. Штедер, перечисляя почитаемых осетинами святых, первым называет св. Илью и лишь после него — св. Николая и св. Георгия: «Elias, Nicolaus und Georg»[2]. Еще более определенно по этому поводу пишет Ю. Клапрот, согласно которому св. Илья — главный покровитель осетин: «Diese heiligen Stellen sind entweder dem Propheten Elias, der ihr Hauptpatron ist, oder den Heiligen George, Nikolai, und dem Erzengel Michael geweiht» / «Эти святые места посвящены либо пророку Илье, который является их главным покровителем, либо святым Георгию, Николаю и Ар-

1 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. Л. 277.

2 *Steder L.L.* Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Granzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden. St. Petersburg; Leipzig, 1797. P. 55.

хангелу Михаилу»[3]. К. Кох перечисление особо почитаемых осетинами божеств также начинает со св. Ильи (Уациллы): «Namentlich sind es Elias (Elia oder Ilia), Georg oder Gregor (Kerki oder Kirki) und Nikolaus (Nikolai), die sich einer besondern Verehrung erfreuen und desshalb das Prädicat Watsch, d. i. heilig führen» / «В частности, это Элиас (Елия или Илия), Георг или Грегор (Керки или Кирки) и Николаус (Николай), которые пользуются особым почитанием и поэтому имеют приставку Вач, то есть священный»[4]. Е. Зичи главным божеством осетин называет Хуыцау, после него — повелителя грома и молнии Уациллу, а третьим следует Уастырджи: «Le plus puissant dieu du paradis ossèthe est Khouzan... Ouatsilla gouverne le tonnerre et les éclairs... Ils représentent Ouastirdchi-Ouaskörgoui, c. à d. St Georges, sur un grand cheval blanc» / «Могущественнейшим божеством осетинского рая является Хузан(Хуыцау)... Уатсилла повелевает громом и молнией... Они представляют Уастирдчи- Уаскергуи, т. е. св. Георгия, на большом белом коне».[5] Все это свидетельствует о весьма высоком положении Уациллы в осетинском религиозном пантеоне.

Вывод о трусливости Уациллы Е.Г. Пчелина основывает на мотиве конфликта нарта Батраза с Уациллой и его высокомерных высказываниях в адрес последнего: «О слабости Уациллы, в сравнении с другими божествами и не любви к ним осетин очень ярко говорят слова нарта Батыраза,… подразумевающие Уациллу: “И где тут моя корова делась?”. Эпитет коровы в осетинском языке означает высшую степень презрения и является обращением к трусу»[6]. Однако здесь, как и в ряде других случаев, исследовательница излишне прямолинейно отождествляет фольклор и этнографические реалии, при этом данные нартовского эпоса используются ею выборочно и не вполне корректно. Следует иметь в виду, что нартовский Батраз выступает врагом едва ли не всех небожителей. Не выказывая никакого почтения, он уничтожает не только множество уациллата, но также и множество других небожителей: уастырджита, фалварата и мыкалгабырта[7]. Вряд ли из этого можно сделать вывод о слабости Уастырджи, Фалвары и Мыкалгабыра и нелюбви к ним со стороны осетин. Указанные мотивы характеризуют самого Батраза как безудержного в своей неистовой ярости амбивалентного героя, приносящего неисчислимые страдания не только небожителям, но и самим нартам. В то же время в эпосе есть вполне экс-

3 *Klaproth H.J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin, 1814. Bd. 2. P. 601.

4 *Koch K. H. E. von.* Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart-Tübingen, 1843. Vol. 2. P. 120.

5 *Zichy E. de.* Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race hongroise. Budapest, 1897. Vol. 1. P. 71.

6 СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. Л. 278.

7 Нарты. Осетинский героический эпос. – М.: 1989. Кн. 2. С. 46, 92, 341, 370, 379.

плицитные указания на высокое положение Уациллы[8]. Наиболее яркий пример обнаруживается в сказании, записанном в 1876 г. Г. Шанаевым. Желая похвалить юного Тотрадза, мать говорит ему: «Ты похож на Уацилла, который собою гремит по голубому небу»[9]. В примечании к этому месту Г. Шанаев поясняет: «Осетины каждого бойкого мужа называют Uacilla. По их понятию, он бог хлебов, у него сверхъестественная сила. Он восседает на небесах (на семи небах). Поражает громом и молнией sajtan'ов (нечистых сил), изгоняя их под семью землями. Этого святого осетины весьма высоко чтут празднеством»[10].

По мнению Пчелиной, к снижению ранга Уациллы в осетинском пантеоне могло привести то обстоятельство, что само имя Уацилла, происходящее от имени библейского пророка Илии, «проникло в среду алано-осетин значительно позднее, вместе с христианством»[11]. Данный аргумент вряд ли может быть принят во внимание, поскольку имя весьма высоко почитаемого осетинами небесного покровителя мужчин, воинов и путников Уастырджи / Уасгерги также происходит от имени христианского святого – великомученика и Победоносца Георгия. Кроме того, и сама Пчелина высказала предположение о том, что имя библейского пророка Ильи могло проникнуть в алано-осетинскую среду в дохристианский период: во время алано-хазарского объединения при проникновении к хазарам иудаизма в VIII-IX вв., или ещё раньше, поскольку «отдельные поселения евреев на Кавказе, по местным преданиям и грузинской летописи, относятся ко времени еще до Навуходоносора»[12]. В пользу данного предположения Е.Г. Пчелиной могут свидетельствовать недавно выявленные С.Г. Кцоевой в обрядовой практике, календарности праздника и в самом характере осетинского культа Уациллы черты, имеющие отношение к иудаизму[13]. В настоящее время уже установлено немалое количество религиозно-ритуальных элементов древнееврейского происхождения, которые связывают не только с хазарским влиянием, но, как это и предполагала Е.Г. Пчелина, с более ранними контактами предков осетин аланов и носителей иудаизма[14].

Несомненным достоинством исследования Пчелиной является её стремление выявить взаимосвязи Уациллы с другими божествами. Так, разновидностью грозового божества алано-осетин исследовательница считает

8 Нарты. Осетинский героический эпос. – М.: 1989. Кн. 2. С. 46, 92, 341, 370, 379.

9 Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания. Владикавказ, 1925. Вып.1. С. 102.

10 Там же. С. 106-107.

11 СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. Л. 278.

12 Там же. Л. 275.

13 *Кцоева С.Г.* Иудео-христианские параллели в образе и культе Уацилла (по данным нарративных источников конца XIX – начала XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2019. № 32 (71). С. 27-39.

14 *Туаллагов А.А.* Аланы и иудаизм // Nartamongæ. 2020. Т. 15. № 1-2. С. 308-309.

небесного кузнеца по имени Сафа: «При более пристальном рассмотрении свойства Сафа из глубины веков выступает его более древний облик божества грозового цикла с функциями кузнеца»[15]. Пчелина задаётся вопросом о происхождении теонима Сафа и приходит к выводу, «что искать это имя можно только в яфетических языках Кавказа и прежде всего в объяснении имени Абхазского грозового божества Афа»[16]. Необходимо отметить, что на сходство имен осет. Сафа и абхаз. Афы уже в статье 1928 г. указывал Б.А. Алборов [10, С. 59].[17] В настоящее время по поводу этимологии теонима Сафа единого мнения не существует. По предположению В. И. Абаева, «древний бог домашнего очага после христианизации стал называться Safa, т. е. Савва, гр. Σάββας, по имени святого Саввы Освященного»[18]. Т.А. Гуриев возводил Сафа к имени скифской богини очага Табити (*Тапати)[19]. Подробную историю вопроса и остальные этимологии см. в статье С.Г. Кцоевой[20]. Со своей стороны укажем на еще одно направление поисков: возможно, осет. Сафа следует сопоставить с фин.-уг. sepро «кузнец». Сеппо Ильмаринен (Seppo Ilmarinen) – божественный кузнец, один из главных персонажей финской и карельской мифологии[21].

В ходе многочисленных археолого-этнографических экспедиций Пчелина изучила практически все ущелья Северной и Южной Осетии, и не осталось ни одного даже самого глухого горного уголка, где бы ни побывала эта неутомимая исследовательница. Именно поэтому Пчелиной удалось собрать об осетинских святилищах в честь грозового божества Уациллы ценные сведения, в том числе и такие, которые отсутсвуют у других исследователей. «В Куртатинском ущелье, – пишет Пчелина, – на горе Гачин [*Гачъын*], выше селения Лац [*Лæц*] в местности Донисар [*Донысæр*] имеется Уацилла кувандон [*Уациллайы кувæндон*], носящий также название “Куртаты Шархаукувандон” [*Куыртататы Саргъау кувæндон*] – “Куртатинское святилище Шархау”. Здесь, около скалы, имеющей в сходстве с огромной головой человека, повернутой в профиль, со страдальчески сомкнутым ртом, стоит небольшой жертвенник кубической формы, с нишкой, выложенной из камней сухой кладкой. Это кувандон является покровителем

15 СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. Л. 297-298.

16 Там же. Л. 298.

17 *Алборов Б.А.* Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях). Владикавказ, 1928. С. 59.

18 *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. 3. С. 10.

19 *Гуриев Т.А.* Наследие скифов и алан: очерки о словах и именах. Владикавказ, 1991. С. 151-155.

20 *Кцоева С.Г.* Pro et contra: об исследовании Б.А. Алборова «Осетинское Сафа и еврейский Саваоф» // Научный диалог. 2020. № 3. С. 357-369.

21 Карельские эпические песни. – М.: Л., 1950. С. 51, 56, 89, 93, 128; Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – М.: 2004. С. 125-130.

пастухов всего Куртатинского ущелья»[22]. Вероятнее всего, Пчелина имеет в виду *Саргъауы дзуар* — «Седловидного (места) святилище», действительно находящееся в Куртатинском ущелье недалеко от селения Лац. В то же время следует отметить, что А.Д. Цагаева описывает его как посвященную св. Георгию (*Уастырджи*) заповедную ольховую рощу, где в первое воскресенье сентября совершалось праздничное моление о благополучном сборе урожая[23]. Последнее обстоятельство все-таки заставляет со вниманием отнестись к сообщению Пчелиной о том, что святилище принадлежало культу Уациллы, считавшегося, как известно, покровителем земледелия. Видимо, перед нами пример постепенной трансформации, поскольку уже Пчелина, видевшая святилище несколько раз, начиная с 1927 г., отметила в нише жертвенника икону Георгия Победоносца[24].

Ещё три неизвестных в научной литературе святилища, посвящённых Уацилле, Пчелина обнаружила в Архонском ответвлении Алагирского ущелья Северной Осетии: Цырты Нучы Уацилла «Памятник жёлоба Уацилла», Шартæ Уацилла «Долото Уацилла» и Шау Уацилла «Чёрный Уацилла»[25]. Компонент *нук* в названии первого святилища, вероятно, означает не «жёлоб», а «лощина, ложбина» и указывает на местонахождение святилища Уациллы в «Лощине памятника». Ср. близкие по способу образования топонимы: *Цырты рагъ* «Гребень памятника» – пастбищный хребет у селения Калак, где находилось святилище Аларды;[26] *Цырт* – святилище возле одинокого надгробия в ущелье Сахсат[27]. Памятник мог быть установлен на месте, где человека поразила молния, как, например, *Цырты уæлвæз* («Возвышенность с памятником») в ущелье Тапанкау,[28] тогда появление в этом же месте святилища в честь Уациллы становится вполне объяснимым.

Идентифицировать святилище Шартæ Уацилла «Долото Уацилла» и восстановить точную осетинскую форму его названия пока не удаётся. Если перевод Пчелиной («Долото Уацилла») верен, то святилище должно было бы называться *Уациллайы сарт*. Трудность, однако, состоит в том, что ни одно другое осетинское святилище, в названии которого фигурировало бы *сарт* («долото»), не известно. Возможно, компоненту «Шартæ» соответствует не *сарт* («долото»), а *сæртæ* («над, выше»), весьма часто встречающееся в осетинской топонимии[29]. В таком случае название могло принадлежать не самому святилищу, а местности рядом с ним: **Уацил-*

22 СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. Л. 279-280.
23 *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. 2. С. 117.
24 СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. Л. 280.
25 СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 768. Л. 101.
26 Цагаева А. Дз. Указ. соч. С. 276.
27 Там же. С. 289.
28 Там же. С. 276.
29 Там же. С. 45, 50, 67, 75, 77.

лайы сæртæ — «Над [святилищем] Уациллы». Ср. *Уациллайы бын* («Ниже Уацилла») — пастбище у сел. Гули, выше которого находилось святилище в честь Уациллы,[30] а также близкое по семантике название местности в Южной Осетии — *Дзуары сæртæ* («Выше святилища»)[31].

О третьем и, по мнению Пчелиной, наиболее древнем святилище *Сау Уацилла* «Чёрный Уацилла» никаких сведений в других источниках обнаружить не удалось. Правда, святилище с таким же названием исследователи фиксируют в другом месте, недалеко от селения Верхний Мизур[32].

Подведём итог.

Утверждение Пчелиной о том, что Уацилла занимал в осетинском пантеоне невысокое положение «младшего божества», отличался «трусливостью» и не был особенно любим осетинами, не находит подтверждений и основан на излишне прямолинейном отождествлении фольклорных материалов с этнографическими реалиями.

В то же время исследовательнице удалось, не замыкаясь в рамках одного грозового культа, показать связь Уациллы с другими божествами, в частности, с божественным кузнецом по имени Сафа. Подобный подход позволяет видеть в традиционных верованиях осетин не простую череду небесных покровителей, но религиозный пантеон с глубокими структурными взаимосвязями.

Исследовательница высказала перспективное предположение о том, что в культе Уацилла могли отразиться древние контакты предков осетин аланов с носителями иудаизма, что подтверждается современными исследованиями.

Рассматривая конкретные формы почитания Уациллы, Пчелина широко использует собственные экспедиционные материалы, приводя при этом сведения о многих святилищах этого божества, совершенно неизвестных по другим источникам.

Таким образом, рукописные материалы Е.Г. Пчелиной существенно дополняют наши знания о культе грозового божества Уацилла и способствуют более глубокому изучению осетинских религиозных представлений.

Библиографический список:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л.: Наука, 1979. Т. 3. 358 с.
2. Алборов Б.А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях). Владикавказ, 1928. 84 с.
3. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан: очерки о словах и именах. – Владикавказ: Ир, 1991. 173 с.
4. Карельские эпические песни / Пер., подг. текстов, коммент. В.Я. Евсеева. М.; – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 527 с.

30 Цагаева А. Дз. Указ. соч. С. 97.

31 *Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А.* Топонимия Южной Осетии. – М.: 2013. Т. 1. С. 128.

32 *Цагаева А. Дз.* Указ. соч. С. 186; *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. – М.: 2008. С. 464.

5. Кцоева С. Г. Pro et contra: об исследовании Б. А. Алборова «Осетинское Сафа и еврейский Саваоф» // Научный диалог. 2020. № 3. С. 357-369.
6. Кцоева С.Г. Иудео-христианские параллели в образе и культе Уацилла (по данным нарративных источников конца XIX – начала XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2019. № 32 (71). С. 27-39.
7. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. Изд. 2-е, испр. – М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
8. Нарты. Осетинский героический эпос. – М.: Наука, 1989. Кн. 2. 494 с.
9. Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания. Владикавказ: Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, 1925. Вып. 1. 123 с.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772.
11. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1017. Оп. 1. Д. 768.
12. Туаллагов А.А. Аланы и иудаизм // Nartamongæ. 2020. Т. 15. № 1-2. С. 301-336.
13. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1975. Ч. 2. 560 с.
14. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии. – М.: Наука, 2013. Т. 1. 599 с.
15. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.
16. Klaproth H.J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin: Weisenhaus, 1814. Bd. 2. 626 p.
17. Koch K.H. E. von. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart-Tübingen: J. G. Cotta, 1843. Vol. 2. 559 p.
18. Steder L.L. Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Granzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden / Hrsg. von P. S. Pallas. St. Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1797. 142 p.
19. Zichy E. de. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race hongroise. Budapest: Gustave Ranschburg, 1897. Vol. 1. 323 p.
20. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

Reference

1. Abaev V.I. Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. – Leningrad: Nauka, 1979. Vol. 3. 358 p.
2. Alborov B.A. Ingush “Galyerdy” and Ossetian “Alardy”. (On the Issue of Ossetian-Ingush Cultural Relations). Vladikavkaz, 1928. 84 p.
3. Guriev T.A. The Heritage of the Scythians and Alans: Essays on Words and Names. – Vladikavkaz: Ir, 1991. 173 p.
4. Karelian Epic Songs / Translated, prepared, commented by V.Ya. Evseeva. Moscow; – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 527 p.
5. Ktsoeva S.G. Pro et contra: On B. A. Alborov’s study “Ossetian Safa and Jewish Sabaoth” // Scientific Dialogue. 2020. № 3. P. 357-369.
6. Ktsoeva S.G. Judeo-Christian parallels in the image and cult of Wacilla (according to narrative sources of the late 19th – early 20th centuries) // Izvestia SOIGSI. 2019. № 32 (71). P. 27-39.
7. Meletinsky E.M. The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments. 2nd ed., corrected. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 462 p.
8. Narty. Ossetian heroic epic. – Moscow: Nauka, 1989. Book 2. 494 p.
9. Monuments of Ossetian Folk Art. Nart Folk Tales. Vladikavkaz: Ossetian Research Institute of Local History, 1925. Issue 1. 123 p.
10. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS). Fund 1017. Op. 1. D. 772.
11. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS). Fund 1017. Op. 1. D. 768.
12. Tuallagov A.A. Alans and Judaism // Nartamongæ. 2020. Vol. 15. № 1-2. P. 301-336.
13. Tsagaeva A. Dz. Toponymy of North Ossetia. Ordzhonikidze: Ir, 1975. Part 2. 560 p.
14. Tskhovrebova Z.D., Dzitsoty Yu.A. Toponymy of South Ossetia. Moscow: Nauka, 2013. Vol. 1. 599 p.
15. Chibirov L.A. Traditional Spiritual Culture of the Ossetians. Moscow: ROSSPEN, 2008. 711 p.
16. Klaproth H.J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin: Weisenhaus, 1814. Bd. 2. 626 p.
17. Koch K.H. E. von. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart-Tübingen: J. G. Cotta, 1843. Vol. 2. 559 p.
18. Steder L.L. Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Granzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden / Hrsg. von P. S. Pallas. St. Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1797. 142 p.
19. Zichy E. de. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race hongroise. Budapest: Gustave Ranschburg, 1897. Vol. 1. 323 p.
20. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Денисов А.А.
Магистр 1 курса исторического факультета. Российский государственный гуманитарный университет.

Быт дворян Пошехонского уезда Ярославской губернии в 1830-1870е годы через призму романа «Пошехонская старина» М.Е. Салтыкова-Щедрина*

Аннотация. В данной статье приведена попытка рассмотреть дворянский быт XIX века. Территориальными рамками исследования служит район располагающийся вокруг реки Шехонь. Основным источником исследования послужило произведение М.Е. Салтыкова-Щедрина. Исследование посвященные быту Пошехонья присутствуют в науке, при этом, в них часто, в качестве источников, используются литературные произведения.

В приведенном ниже исследовании приведены описания дворянских домов, рацион помещиков, а также показано как проходил их день. Приведен в статье и немаловажный момент воспитание и образование дворянских отпрысков. В статье прослеживается быт «Пошехонских помещиков в 1820-1870е годы.

В целом из представленных источником данных можно сделать вывод, что жители Пошехонья отличаются жизнерадостным характером, юмором и приоритетом семейных ценностей, трудолюбием, любовью к родному дому, духовной крепостью и стойкостью, стремление к образованию и саморазвитию.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, Пошехонье, дворянский быт, XIX век.

Denisov A.A.
Master of the 1st year of the Faculty of History. Russian State University for the Humanities.

The everyday life of the nobility of Poshekhonsky district of Yaroslavl province in the 1830s-1870s through the prism of the novel Poshekhonskaya starina by M.E. Saltykov-Shchedrin

Abstract. This article attempts to examine the lifestyle of the nobility in the 19th century. The study focuses on the area surrounding the Shekhon River. The main source of information is the work of Mikhail Saltykov-Shchedrin. Research on the lifestyle of

* © Денисов А.А., 2025.

Poshekhonye is present in the scientific community, and literary works are often used as sources.

The study provides descriptions of noble houses, the diet of landowners, and the daily routines of the nobility. The article also highlights the importance of upbringing and education for the children of the nobility. It provides insights into the daily lives of the "Poshekhonye landowners" during the 1820s to 1870s.

Based on the information provided, it can be concluded that the residents of Poshekhonye were known for their cheerful disposition, humor, and emphasis on family values, as well as their hard work, love for their homes, spiritual strength, and commitment to education and personal growth.

Key words: Saltykov-Shchedrin, Poshekhonye, noble life, 19th century.

В исторической науке есть множество письменных источников информации, которые можно использовать в исследованиях и научных работах. Одним из таких, на мой взгляд интересных и недооцененных источников являются произведения литературы. Ведь, если задуматься, то в произведениях великих писателей XVIII, XIX века содержится много ценной информации, которая помогает нам изнутри увидеть жизнь быт переживания и мысли людей той эпохи. Ведь в своих произведениях авторы опирались, а личный опыт, ранее увиденное или услышанное ими. Проблемы, на которых они акцентировали внимание в своих произведениях были актуальны для общества того периода.

В первую очередь стоит остановиться на том, кто же такие «Пошехонцы»? Где они жили и что из себя представляли? Пошехонская земля территориально представляла собой — самую северную часть Ярославской области, которая граничит с вологодскими землями[1].

Тема «Пошехонского быта», и то, как он отражался в произведениях Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина уже поднималась в науке ранее, однако в таких научных работах делался акцент на отдельных сферах быта «пошехонцев», общая картина быта представлена не была. В некоторых статьях пошехонский быт был представлен крайне поверхностно и сухо[2].

Начать описание быта хотелось бы с того, где же жили помещики той поры, и как выглядело их жилище. Помещичьи усадьбы, в описываемой автором местности располагались чаще всего в низине, строили их в основном из дерева в виде прямоугольника, и в большинстве своим были

1 *Фёдорова Е.А.* Кто такие «пошехоны»? (по материалам пошехонского фольклора) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3 (42). С. 332.

2 *Абушинова Д.В., Разумная С.Е., Таран К.П.* Изображение пошехонского быта в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2016. Т. 6. № 5. С. 474.

одноэтажными или двух этажными, зимой крыши усадеб утепляли с помощью соломы и жердей. К основному зданию примыкало несколько флигелей. Расположены усадьбы были посреди деревни. Вокруг усадьбы располагались хозяйственные постройки, а позади нее разбивали оранжереи и огород. Однако, некоторые усадьбы все же отличались. В «Пошехонской старине упоминается несколько подобных примеров, когда усадьбы были каменными, строились по столичной моде. А вокруг усадеб разбивались сады и парки. Однако подобная роскошь была исключением[3]. Встречались и небогатые имения, отличающиеся от старых почерневших дворянских гнезд. Так за некоторыми домами их владельцы ухаживали хорошо, следили за тем, чтобы стены дома были покрашены, полы не шатались и щели в них отсутствовали, своевременно производился ремонт и починка, сломанного[4]. Более того, в уезде было множество мелкопоместных дворян, и нередки были случаи, когда несколько семей одновременно владели одним селом и жили в одном доме.

Что же касается питания то питались дворяне умеренно. Основной их рацион состоял из того, что взращивали или производили в имении. В имениях производились овощи и фрукты, зерно, мясо, рыба, молоко, яйца, п даже просвиры для церкви изготавливали в поместье Остальное же, к примеру, сахар, чай, сухофрукты, и т.д. Считалось деликатесом и подавалось в дни приезда гостей или по большим праздникам и к приезду дорогих гостей. Более того, все покупные товары старались заменить товарами собственного производства. Так сахар заменяли вареньем, или медом с собственных пасек, владельцы тех же пасек лили дома свечи собственного производства.

При этом были примеры, когда небогатые помещики жили очень роскошно, питались вдоволь, и более того имели открытый стол, где кормили всех соседей и друзей.

Теперь стоит поговорить немного о том, как проходил день провинциальных дворян. В небогатых помещичьих усадьбах хозяйство чаще всего вели супруги помещиков[5]. Дворянки вставали очень рано, одновременно с дворней, давали распоряжения по хозяйству повару, ключнице и старостам. Позднее в дворянском гнезде происходил завтрак, и хозяйка возвращалась к хозяйственным делам. Проверялась переписка со старостами, писали необходимые распоряжения, отвечали на письма соседей, проверяли приходно-расходные книги. Так же мелкопоместные помещики не полагаясь на старост сами следили за сбором урожая, сами ходили в поле и следи-

3 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. – М.: Правда, 1984. С. 28.

4 Там же, С. 187.

5 Там же, С. 58.

ли за сенокосом, сбором хлеба овощей и фруктов, сами следили за дойкой коров и, сами, в случае серьезных проступков наказывали провинившихся. Но, при этом, главы семей старались минимизировать общение своих детей с крестьянской массой. Так, детей не пускали на деревенские гуляния и праздники, и редко посещали села. Но все же общение между дворянской и крестьянской прослойкой чаще всего сводилось к общению с дворней и управляющими и старостами. Так, ближе к вечеру хозяйственные помещики выслушивали доклады старост, и давали распоряжения на следующий день. Если своих сил помещику для обработки земель не хватало, то он призывал малоземельных экономических крестьян, которые за небольшое финансовое поощрение довольно быстро заканчивали те дела, которые не успевали собственные крестьяне помещика. День в провинциальной усадьбе заканчивался рано, как только темнело, в связи с тем, что свечи, необходимые для освещения помещений были дефицитом, и их берегли. Деньги считались редкостью, больших сумм на руках дворяне скопить не могли, в случае, если в руки помещика попадала существенная сумма денег он покупал необходимые товары, ткани, бакалею, одежду для семьи. Деньги помещики получали или в конце осени или весной, продавая откупщикам излишки урожая и сельскохозяйственной продукции.

Стоит так же просмотреть и еще одну составляющую дворянского быта – «пошехонское» гостеприимство. Аристократические семьи заранее готовилась к приезду дорогих гостей, дом приводили в порядок, производилась генеральная уборка, подготавливали комнаты для гостей, и приезжающей с ними прислуги. При этом гостеприимство и хлебосольность была яркой чертой той местности, даже если помещик был мелкопоместным, он старался показать свою щедрость и гостеприимство, даже если подобные траты превышали его доходы. В книге упоминается случаи, когда даже совсем бедные помещики, за которыми числилось не более 15 душ, принимали у себя гостей[6].

Дорогих гостей на крыльце дома встречал хозяин дома с семьей и домочадцами. К приезду гостей хозяева наряжались в лучшие свои наряды, к столу подавались лучшие яства, из кладовых доставали приготовленные специально для этого экзотические яства[7]. Так же хозяева устраивали и досуг для гостей, чаще всего он заключался в игре в карты, чаепитиях и беседах, пении и игре на фортепьяно, а осенью псовые охоты.

Еще одной важной составляющей быта многих дворянских семей было наличие «бедных родственников» (родственников хозяев имения, которые по тем или иным причинам не могли вести достойный дворян образ жизни.

6 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. – М.: Правда, 1984. С. 535.

7 Там же, С. 245.

Они были вынуждены жить в домах своих братьев или старших родственников, находясь в незавидном положении. В «Пошехонской старине» такими родственниками были тетеньки сестрицы)[8]. Конечно не везде к «бедным родственникам» было такое же отношение, как и в произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако, как и в произведении они полностью зависели от милости более удачливых родственников, предоставляющих им кров, еду и содержание(пенсию). Что интересно, любили постоянно ездить по гостям и мелкопоместные помещики, чьих доходов не хватало. Такие дворяне вместе с семьей и детьми находились в постоянных разъездах, играя роль приживалок, часто подобные приживалки играли роль управляющих, следили за бытом семьи где жили и за крепостными.

Упоминается в произведении Салтыкова-Щедрина и образовательный уровень уездного дворянства, который был очень низким. Помещиков, закончивших университет было крайне мало, чуть больше было дворян, получивших приличное образование на дому. Большинство дворян были недорослями, недоучками и офицерами нижних чинов. Газеты и журналы были большой редкостью в этой среде, читали мало, домашних библиотек не имели. Читали стихи известных поэтов и популярные рассказы, но доходили они до «пошехонья» с большим опозданием. Однако, все же, несмотря на скудную образовательную среду, уровень образования членов семьи Салтыковых был высок, а отец Михаила Евграфовича был высок, он был одним из самых образованных помещиков уезда, братья и сестры Салтыкова также получили хорошее образование. Стоит отметить, что для всех «пошехонских помещиков» образование их детей было очень важно, и даже самые небогатые дворяне держали одну гувернантку, которая учила детей всем необходимым предметам. Даже если дворяне-родители были совсем бедны они как могли выходили из положения, чтобы устроить будущее своих детей, нанимали гувернантку, которая работала за еду и кров. Или искали покровителей среди богатых соседей-аристократов, такие покровители помогали устроить детей «бедных родственников» в университет, и покровительствовали им при продвижении их по службе.

Стоит так же и упомянуть и о мечте многих провинциальных дворян-жизни в Москве. Так Москва была местом притяжения для дворян по нескольким причинам, для молодежи это было местом, где собиралась золотая молодежь и происходило множество светских мероприятий балов и приемов. Ценность представляла Москва и для родителей, желающих найти своим отпрыскам достойную и выгодную пару из хорошей семьи.

В Москве дворяне средней руки снимали меблированные квартиры в небольших деревянных или каменных домах, а кто был побогаче, снимал

8 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. – М.: Правда, 1984. С. 111.

небольшой особняк на 7-8 комнат[9]. Чаще всего подобные особняки были неудобными, обставленными старой потертой мебелью. В подобных условиях ютилась большая дворянская семья.

Провинциальные дворяне начинали с того, что приобретали достойную одежду для выхода в свет, покупали или доставали из шкатулок фамильные драгоценности. Затем начинались визиты по знакомым и соседям, где делились сплетнями и слухами, искали невест и женихов, а также заводили полезные знакомства, которые могли помочь провиниться вверх по карьерной лестнице. Поэтому еще с раннего вечера в съёмных квартирах начиналось движение и подготовка к грядущим празднествам.

При таких больших тратах небогатые провинциальные дворяне всеми силами старались экономить где могли. Так, к примеру, старались брать с собой в старую столицу возы с деревенской провизией, из которой готовили, в Москве продукты были дорогими, и поэтому экономные помещики старались свести к минимуму подобные покупки. Экономили представители провинциальной аристократии и на приемах, так, к примеру, мебель брали у знакомых и родственников, посуду брали напрокат, нанимали прислугу, покупали десерты, приглашали друзей и знакомых, и устраивали прием. К подобным ухищрениям прибегала не только семья Салтыковых, но и многие дворяне не только в провинции, но и в столице.

Усложнилось положение помещиков с началом проведения реформы по отмене крепостного права. Мировые посредники увольняли дворовых из имений, и это вынуждало дворян покидать свои родовые гнезда и искать себе новое место, где можно было устроиться. С учетом того, что у многих помещиков были большие долги, и большая часть из них заложила свои имения в опекунский совет, а после отмены крепостного права они лишились постоянных доходов с крестьян, их финансовое положение стало плачевным[10]. Часть аристократии поступала хитро, они вывозили самое ценное имущество в другие города, прятали его, а затем и сами сбегали, оставив в заимодавцев ни с чем. Часть из «дворян-пошехонцев» оставалась ни с чем, и вынуждена была нищенствовать и просить милостыню.

Таким представляется перед нами быт дворян Ярославской губернии 1820-1870х годов. В данной статье было рассказано о том, как жили и питались помещики и проходил их день

В целом из представленных источником данных можно сделать вывод, что жители Пошехонья отличаются жизнерадостным характером, юмором и приоритетом семейных ценностей, трудолюбием, любовью к родному дому, духовной крепостью и стойкостью, стремление к образованию и са-

9 Там же, С. 266.

10 *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. – М.: Правда, 1984. С.470.

моразвитию. «В качестве недостатков сами пошехонцы выделяют неумение организовать свою жизнь. В житиях святых и христианских легендах пошехонцев торжествуют такие ценности, как скромность, смиренномудрие, нестяжание, самоотверженность, богобоязненность, духовная крепость и стойкость»[11].

Библиографический список:

1. Абушинова Д.В., Разумная С.Е., Таран К.П. Изображение пошехонского быта в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2016. Т. 6. № 5.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. – М.: Правда, 1984.
3. Фёдорова Е.А. Кто такие «пошехоны»? (по материалам пошехонского фольклора) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3.
4. Байханов И.Б., Терновая Л.О. Педагогическая антропология лекции // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 97-109.
5. Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С. Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий // Культура Мира. 2025. Т. 14. № 85 (4). С. 103-109.

Reference

1. Abushinova D.V., Razumnaya S.E., Taran K.P. The depiction of Poshekhonsky life in the novel Poshekhonskaya Starina by M.E. Saltykov-Shchedrin // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2016. Vol. 6. № 5.
2. Saltykov-Shchedrin M.E. Poshekhonskaya Starina. – M.: Pravda, 1984.
3. Fyodorova E.A. Who are the Poshekhons? (Based on Poshekhonsky Folklore) // Scientific Notes of Novgorod State University. 2022. № 3.
4. Bayhanov I.B., Ternovaya L.O. Pedagogical anthropology of lecture // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 97-109.
5. Ivanov V.V., Kardashesckii Y.M., Akimova V.S. Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions // Cultural World. 2025. Vol. 14. № 85 (4). P. 103-109.

11 *Фёдорова Е.А.* Кто такие «пошехоны»? (по материалам пошехонского фольклора) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3 (42). С. 335.

Еремина-Соленикова Е.В.
Методист НМО «Школьный центр», кандидат искусствоведения. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж», г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 7359-7688 / Author ID: 77744

Петербургский танцмейстер Франц Иозеф Финцент: опыт восстановления биографии по делопроизводственным документам*

Аннотация. В статье представлена реконструкция биографии рядового танцмейстера третьей четверти XVIII века Франца Иозефа Финцента, работавшего в Санкт-Петербурге одновременно с Антонио Ринальди (Фузано) и Жаном-Батистом Ланде. Финцент приехал из Амстердама в 1740 году и преподавал бальные танцы в России вплоть до своей смерти в 1754 году. Архивные материалы этого танцмейстера, хранящиеся в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве, позволяют восстановить биографию танцмейстера, а также конкретизировать важные обстоятельства, связанные с преподаванием бальных танцев в Петербурге в XVIII веке: какова была в это время процедура приглашения танцмейстеров из-за рубежа, где и в каких условиях они жили и работали, насколько был насыщен рынок труда по данной специальности.

Ключевые слова: танцмейстер, Франц Иозеф Финцент, Сухопутный Шляхетный корпус, гимназия при Академии наук, танцы XVIII века, преподавание танцев, бальные танцы, немецкий танцмейстер.

Eremina-Solenikova E.V.
Methodologist of the SMD "School Center", PhD in Art history. The State Hermitage Museum Russia, St Petersburg. SPIN-code: 7359-7688 / Author ID: 77744

St. Petersburg dancing master Franz Joseff Vincent: an experience in restoring biography from office documents

Abstract. The article presents a reconstruction of the biography of Franz Joseff Vincent, an ordinary dancing master of the third quarter of the 18th century, who worked in St. Petersburg at the same time as Antonio Rinaldi (Fossano) and Jean-Baptiste Lande. Vincent arrived to St. Petersburg from Amsterdam in 1740 and taught ballroom dances

* © Лысикова И.В., 2025.

in Russia until his death in 1754. His documents are stored in the Russian State Military Historical Archive. Based on these materials we can reconstruct important circumstances related to the teaching of ballroom dancing in St. Petersburg in the 18th century. Such as: what was the procedure for inviting dance masters from abroad, where and in which conditions they lived and worked, how saturated was the labor market for this specialty.

Key words: dance master, Franz Joseff Vincent, Land Noble Corps, Academy of Science gymnasium, 18th century dances, dance teaching, ballroom dances, German dancing master.

Героем этой статьи является Франц Иозеф Финцент (или Вейсан), современник Жана-Батиста Ланде и Антонио Ринальди (Фузано), преподававший бальные танцы в Санкт-Петербурге во второй четверти XVIII века в период правления Елизаветы Петровны.

Документы, относящиеся к его биографии, сохранились в фонде Сухопутного Шляхетного корпуса, находящемся в Российском Государственном Военно-Историческом архиве (фонд 314), среди них есть многочисленные прошения Франца Йозефа Финцента, капитуляция, справки о работе танцмейстера в Сухопутном Шляхетном корпусе, обшит, выданный при увольнении, а также посмертные документы, такие как прошения вдовы танцмейстера и бухгалтерские расчеты, сколько денег ей необходимо выплатить. Ранее также существовали документы о работе Финцента в гимназии при Академии наук, но сейчас этих материалов в фонде гимназии в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН нет [1], и об их содержании мы можем судить только по краткому пересказу, помещенному В.Н. Всеволодским-Гернгроссом в книге, посвященной танцевальному образованию в России [2].

Франц Иозеф Финцент был родом из Эльзаса (в выданном ему в корпусе апшиде танцмейстер зовется «эльзаским уроженцем» [3, Л. 18]). По-видимому, именно с его происхождением связаны разночтения в его фамилии, так как Эльзас находится на границе Германии и Франции. Подписывался он как Franz Joseff Vincent dansmeistre [4, Л. 13-13об.], но канцеляристы разных институтов, где он служил, записывали его фамилию или на немецкий манер Финцент (в Сухопутном Шляхетном корпусе [3]), или на французский Вейзан (в гимназии при Академии наук [5, Док. 1248]). В этой статье я буду указывать его фамилию как Финцент, так как такое чтение встречается в документах чаще.

Данные о жизни и работе мастера до прибытия в Санкт-Петербург отрывочны, в настоящее время мы оперируем только теми, которые удается подчерпнуть в материалах российских архивов. Это большая проблема при изучении биографий людей, работавших в России в первой половине

XVIII века: документы об их деятельности до приезда в нашу страну если и сохранились, то находятся в архивах Западной Европы, и зачастую на Родине эти специалисты не привлекали внимание исследователей и остались никем незамеченными. Даже когда речь идет о Жане-Батисте Ланде, прославившемся не только в России, но и в Германии, Швеции, Дании, его подробную биографию было собрать непросто, а данные о рождении Ланде и его учебе во Франции до сих пор не обнаружены [6].

Финцент, подавая прошение об увольнении, говорил, что «желание имею ехать предбудущей зимой в мое отечество, то есть в Галандию» [3, Л. 1]. Скорее всего, в Голландии он жил и работал до приезда в Россию: прибыл в 1740 году из Амстердама [7, С. 341]. Известно также, что 30 сентября 1737 года Франц Иозеф Финцент обвенчался с Марией Анной Виттивец (Maria Anna Vincent Wittivec [8, Л. 11а об.]) в городе Цполе. На переведенной на русский язык копии свидетельства о венчании отмечено, что подлинник был выдан 29 августа 1741 года [8, Л. 7, 7об., 8]. Жена после смерти Финцента собиралась возвращаться обратно в Цполе. По русскому тексту сложно понять, что за город имеется в виду, но не исключено, что это находящееся под Амстердамом местечко Скипхол, известное по документам с 1447 года, его название писалось как Sciphol [9]. Вероятно, в Голландии у супругов родилась дочь Мария Терезия, так как в 1754 году, когда танцмейстер умер, она была уже замужем за купцом Проже [8, Л. 11а, 11а об., 12].

В Санкт-Петербург танцмейстер прибыл в 1740 году по рекомендации фехтмейстера Барбиера [7, С. 341]. Это распространенная практика в корпусе: в 1747 году, когда Финцент увольнялся из Сухопутного Шляхетного корпуса, в экстракте по его делу было написано: «между прочим предложено танцмейстера Франца Финцента уволить, а не его место другова выписать» [3, Л. 22]. В 1740-х годах в Санкт-Петербурге было еще мало свободных танцмейстеров. Сам преподаватель в документах утверждал, что «Весь “трудный, долгий, опасный и убытошный путь” в Петербург он проделал на свои средства - “На свой страх и риск”» [7, С. 341]. По приезду Финцент выдержал экзамен: «в присутствии директора корпуса и прочих офицеров и явился в том танцмейстерстве искусен» [7, С. 341]. Возможно, экзамен понадобился из-за того, что у преподавателя не оказалось с собой релевантных рекомендаций. Испытание Финцент выдержал, расходы на дорогу ему компенсировали, выплатив из казны корпуса 60 рублей [2, С. 213]. Это довольно большая сумма, к примеру, фор-танцмейстер в том же корпусе получал всего 150 рублей в год [10, Л. 6об.]. Позже вопрос о проверке умений танцмейстера через публичное испытание в документах корпуса упоминается всего один раз: при обсуждении, где искать нового преподавателя после смерти Финцента. Однако на его место устроился Николай Пелин, танцовщик из труппы Сереньи, предоставивший нужные рекомендации,

так что экзамен не понадобился [11].

С Финцентом был заключен контракт на жалование в 300 рублей и казенную квартиру [3, Л. 21, 22]. Скорее всего, ему назначили и иное довольствие, что было нормой в корпусе (в капитуляциях других танцмейстеров прописаны условия: «да сверх того казенная квартира и прочее довольствие какое танцмейстеры получали» [3, Л. 5об.] или «Для его при том корпусе жития дать ему казенную квартиру и во время какой-либо приключившейся ему болезни пользовать его казенными медикаментами» [12, Л. 5]). Условия работы Финцента были: «в неделе 4 дни пополудни, а именно в понедельник, вторник, четверг и пятницу 2-6 час., чтобы в свободной телесной диспозиции кадеты у него учились, минуэты и прочие во дворце обычные танцы, но против того позволения ему не дано на наставление в театральной танцовании» [2, С. 213]. Договор заключался на три года. По-видимому, в 1743 и 1746 годах договор продлевали, но капитуляции не сохранились (о том, что Финцент непрерывно работал в корпусе с 1740 года, говорится в его апшиде в 1747 году [3, Л. 18]).

К 1747 году в учебном заведении сложилась сложная ситуация в преподавании: танцмейстер Менк, который работал с основания Сухопутного Шляхетного корпуса умер, Безанкур и Лукс уволились, а Ланде перешел на работу во дворец [13]. Таким образом, Финцент остался преподавать танцы в одиночку, хотя по штату должно было быть четыре танцмейстера [3, Л. 22]. Не выдержав такой нагрузки, Финцент подал прошение об увольнении в нарушении капитуляции: она заключалась на три года, и по ее условиям об увольнении можно было сообщить только за полгода до истечения срока, причем это право было как у танцмейстера, так и у начальства корпуса (ср. [14, Л. 3, 3об., 4, 4об.]).

Финцент подал челобитную на высочайшее имя 10 июля 1747 года: «желание имею ехать предбудущей зимой в мое отечество, то есть в Галандию» [3, Л. 1об.]. Начальствовавший в корпусе генерал-фельдцейхмейстер Василий Аникитич Репнин велел «Танцмейстера Франца Иозефа Финцента уволить, а на его место другава выписать» (30 июля 1747 года [3, Л. 3]. Взамен Финцента пригласили преподавать кадетам и офицерам Фридриха Велмана. Сведений, что его выписали из-за границы нет, да и вряд ли возможно было выписать специалиста всего за месяц: челобитная Велмана на высочайшее имя датируется 4 сентября того же года [3, Л. 4, 4об.]. Однако в записке о положении дел в корпусе, составленной одновременно с челобитной, отмечено: «… за умножением в обучении танцованию кадетов одному танцмейстеру справитца почти невозможно, причем признаетца, что упомянутый прежний танцмейстер Финцент з немалою в том трудностию более службы … корпусе продолжать не пожелал», далее идет предложение просить Финцента остаться с уменьшением нагрузки. В той же записке го-

ворится и о распоряжении платить Велману 400 рублей в год (на четверть больше, чем Финценту). По-видимому, такое жалование назначили за статус и стаж: Велман был танцмейстером в Ганновере при королевском дворе и обучал там пажей [3, Л. 5, 5об.]. Вероятно, Финцент на самом деле не хотел увольняться, и вариант быть вторым танцмейстером в корпусе его вполне устраивал. Поэтому он 25 сентября написал новую челобитную, где указал, что он летом просил об увольнении, так как в дорогу надо выезжать в зимнее время, но потом в корпус взяли Велмана, а он, Финцент, намерение изменил и теперь желает остаться в должности и денежной прибавки [3, Л. 10, 10об.]. Однако В. А. Репнину не понравилось, что танцмейстер поменял решение, и он 5 октября в довольно резкой форме указал, что раз Финцент заявил, что ехать хочет, а на самом деле не хотел, то поэтому никакой прибавки ему не будет [3, Л. 13]. Еще через неделю, 12 октября, Репнин велел «танцмейстеру Финценту объявить, что прибавки жалования чинить ему недля чего, приказали о увольнении онога Финцента с кадетского корпуса учиня надлежащем абшит для подписания оправить ко его светлости» [3, Л. 14]. Абшид был выписан 23 октября с характеристикой танцмейстеру «при оном корпусе бытность … себя содержал так надо честному и доброму», получен танцмейстером 3 ноября [3, Л. 18]. Того же 3 ноября в корпус был принят Фридрих Велман [3, Л. 19]. К 16 ноября Финцент выехал из казенной квартиры, в деле есть записка об осмотре «в квартире, в которой жительство имел танцмейстер Франц Финцент по осмотру моему явилась вся в целости, токмо у двери замок железный обветшал, а одно стекло разбито ноября 16 дня 1747 года, которое стекло он Финцент вставил новое. Joh George Berhatt» [3, Л. 21]. В итоговом документе об увольнении Финцента подведен итог всей этой истории (даты, указанные в записке, отличаются от тех, что стоят в документах) и произведен полный денежный расчет: «и ежели повелено будет ему Финценту денежное жалование выдать по день исключения из корпуса, что имеет быть сентября с 1 по 22 число, из годового окладу 300 рублей полнаго на 21 день 14 рублей 50 копеек. В счету того: в медикамент по 1½ копейки от рубля 26½ копеек; в гошпиталь … 17½ копеек; итого 44 копейки. Затем вдачю 17 рублей 6 копеек» [3, Л. 22об., 23]. На этом танцмейстер из корпуса был уволен.

Где работал Финцент в 1747-1750 годах - неизвестно. Хоть ему и дали абшит, объявления в Санкт-Петербургских Ведомостях об его отъезде не было, скорее всего, он жил в столице и давал частные уроки, чем занимались и другие его коллеги: в правление Елизаветы спрос на танцмейстеров был очень высоким [13]. Велмана условия работы в корпусе не устроили, и в 1750 году он контракт продлевать не стал. На освободившееся место снова приняли Финцента с 7 августа на прежних условиях [4, Л. 14]. В этот раз Финцент проработал в корпусе до самой своей смерти в 1754 году.

Однако денег, которые он зарабатывал, было недостаточно, и в 1751 году Финцент устраивается работать в гимназию при Академии наук. Там преподавание велось два дня в неделю (средам и субботам) по три часа [1, С. 198] с жалованием в 150 рублей в год [5, Док. 1248]. Начальство гимназии понимало, что к ним работать пойдут танцмейстеры, работавшие по соседству, и поэтому расписание было согласовало с расписанием в Сухопутном Шляхетном корпусе. Финцент был не единственным преподавателем, сочетавшим работу в гимназии и корпусе: до него так работал Ланде, после - Нестеров. В документе от 13 ноября 1751 года написано: «…за нехождением танцмейстера Литрова, которой, как из репорта господина Крашенинникова видно, около полугода не обучает, от академической гимназии отрешить и жалованья ему на сию сентябрьскую треть не производить, ибо он ни однажды в то время при деле своем не был. А вместо ево принять для обучения танцованию предъявленного просителя Вейзана з жалованьем по сту по пятидесят рублев на год» [5, Док. 1248]. В академической гимназии Финцент не прижился, и менее чем через 2 года был оттуда уволен: «1753 году октября 25 дня. Недостаток успехов в танцевальном классе час от часу становится чувствителнее, так что некоторые из знатных господ детям своим ходить в оной не приказывают ... Чего ради, определено нынешняго танцмейстера Вейзана за неприлежность и худое обучение детей, которые жалобы приносят, отрешить, а на ево место представленнаго танцмейстера Андрея Нестерова для обучения учеников принять с жалованьем по сту по пятидесяти рублев на год» [5, Док. 1250]. Нестеров в гимназии проработал недолго, так что претензии к Финценту со стороны гимназического начальства, возможно, были не совсем обоснованы.

На работе в Корпусе это не отразилось. В пятидесятых годах XVIII века Финцент работал здесь не один, а с первым русским танцмейстером Андреем Нестеровым, так что нагрузка была меньше, чем в 1747 году. Замечаний к Финценту в корпусе не было.

8 апреля 1754 года Финцент умер в лазарете Сухопутного Шляхетного корпуса («одержим был тяжелой болезнью» [8, Л. 2]), на его место собирались искать нового преподавателя через Санкт-Петербургские Ведомости [8, Л. 4]. После смерти танцмейстера его жена обратилась за выплатой оставшегося жалования мужа, в прошении указывала, что после погребения денег не осталось, что она занимала средства у других людей и долгов не выплатила и просит выдать заработанное для погашения оных. В этом документе от 22 апреля она названа Мария Генриэтта Кристина Хунсарь [8, Л. 7, 7об., 8]. В другом случае она подписывается как Мария Анна Финцент [8, л. 11об.].

Дело о выплате жалования тянулось некоторое время: вдова подала

13 мая новое прошение, сразу на немецком и на французском языках [8, Л. 11]. Потом - доношение на русском языке, в котором Мария Анна Финцент жалуется, что у нее заперты вещи, которые она не может выкупить, и что жалование велено было разделить между нею и дочерью [8, Л. 11об.]. Из очередной промемории мы узнаем, что дочь звали Мария Терезия Вейсан и была она замужем за французским купцом Проже [8, Л. 12]. Наконец, 14 мая последовало распоряжение «… приказали заслуженное оным мужем ее денежное содержание из годового по штату оклада трехсот рублей генваря с. г. по день снять апреля по 8 число сего 754 года, итого на три месяца и семь дней по оного восемьдесят рублей восемьдесят три копейки … из этого медикамент по полоторы копейки с рубля одного рубля двадцати одной копейки сполошное, в гошпиталь по лечение осемдесять одной копейки. Того двух рублей двух копеек с полтиную, подлежащее вдове его семьдесят восемь рублей восемьдесят копеек с половиной … выдать» [8, Л. 16].

Как сложилась дальше судьба дочери и вдовы неизвестно. На освободившееся место Финцента в корпус был принят Николя Пелин.

Библиографический список:

1. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета XVIII в.: Обзор архивных документов / Сост. Е.М. Балашов, О.В. Иодко, Н.С. Прохоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 244 с.
2. Всеволодский (Гернгрос) В.Н. История театрального образования в России. Т. 1: (XVII и XVIII вв.). – СПб.: Издание Дирекции Императорских театров, 1913. 463 с.
3. Об увольнения из корпуса танцмейстера Франца Иозефа Финцента // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2113.
4. О увольнении танцмейстера шляхетного кадетного корпуса Фридриха Велмана // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2299.
5. Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Докум. хроника, 1751–1761 / Сост. Л.М. Старикова. Вып. 3. Кн. 1. – М.: Наука, 2011. 652 с.
6. Еремина-Соленикова Е. В. Новые данные к биографии Жана-Батиста Ланде, основателя русского балета // История отечественной культуры в архивных документах. – СПб.: Издательство РНБ, 2024. С. 216-225.
7. Материалы по истории русского балета: 200 лет Ленингр. гос. хореограф. училища. 1738–1938 / Сост. М. Борисоглебский. – Л.: Ленингр. гос. хореограф. училище, 1938–1939. Т. 1. 1938. 380 с.
8. О танцмейстере Финценте // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2619.
9. Документ от 11 сентября 1447 на продажу земли в Скипхоле, Inventaris van het Amsterdamsche Archief, beschreven door P. Scheltema, Vol. 1 Stads-Drukkerij, 1866. // URL: https://books.google.ru/books?id=Sow6AAAAcAAJ&pg=PA65&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Дата обращения: 25 июля 2025).
10. О прибавлении танцмейстеру Нестерову жалования // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2291.
11. Дело об определении в шляхетный кадетский корпус французского уроженца города Тура Николая Николаева Пелина танцмейстера по челобитной его // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2630.
12. О приеме бывшего при дворе ее императорского величества танцовщике Андрее Нестерове для обучения кадетов танцованию // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2193.
13. Еремина-Соленикова Е. В. Социальный портрет преподавателей бальных танцев в Санкт-Петербурге первой половины – середины XVIII века // История отечественной культуры в архивных документах. – СПб.: Издательство РНБ, 2025. В печати.
14. Об увольнении из корпуса танцмейстера Лукса // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 1767.

15. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПР // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 114-121.

Reference

1. Materials on the history of St. Petersburg University in the 18th century: A review of archival documents / Comp. E. M. Balashov, O. V. Iodko, N. S. Prokhorenko. - St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2001. 244 p.
2. Vsevolodsky (Gerngross) V. N. History of theatre education in Russia. Vol. 1: (17th and 18th centuries). - St. Petersburg: Published by the Directorate of the Imperial Theatres, 1913. 463 p.
3. On the dismissal of dance master Franz Joseph Finzent from the corps // Russian State Military Historical Archive. Fund 314. List 1. Unit 2113.
4. On the dismissal of dance master of the noble cadet corps Friedrich Wellman // Russian State Military Historical Archive. F. 314. Op. 1. Unit 2299.
5. Theatrical Life in Russia in the Era of Elizabeth Petrovna: Documentary Chronicle, 1751–1761 / Comp. L.M. Starikova. Issue 3. Book 1. – Moscow: Nauka, 2011. 652 p.
6. Eremina-Solenikova E.V. New Data on the Biography of Jean-Baptiste Landé, the Founder of Russian Ballet // History of Russian Culture in Archival Documents. – St. Petersburg: RNB Publishing House, 2024. P. 216-225.
7. Materials on the History of Russian Ballet: 200 Years of the Leningrad State Choreographic School. 1738–1938 / Comp. M. Borisoglebsky. – Leningrad: Leningrad State Choreographic School, 1938–1939. Vol. 1. 1938. 380 p.
8. About the Dance Master Finzent // Russian State Military Historical Archive. Fund 314. Op. 1. Unit 2619.
9. Document from September 11, 1447, on the sale of land in Schiphol, Inventaris van het Amsterdamsche Archief, beschreven door P. Scheltema, Vol. 1 Stads-Drukkerij, 1866. // URL: https://books.google.ru/books?id=Sow6AAAAcAAJ&pg=PA65&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (July 25, 2025).
10. On increasing the salary of dance master Nesterov // Russian State Military Historical Archive. F. 314. Op. 1. Item 2291.
11. Case on the appointment of Nikolai Nikolaev Pelin, a French native of the city of Tours, to the noble cadet corps as a dance master based on his petition // Russian State Military Historical Archive. F. 314. Op. 1. Item 2630.
12. On the admission of Andrei Nesterov, a former dancer at the court of Her Imperial Majesty, to teach cadets dancing // Russian State Military Historical Archive. F. 314. Op. 1. Item 2193.
13. Eremina-Solenikova E. V. Social portrait of ballroom dancing teachers in St. Petersburg in the first half – mid-18th century // History of Russian culture in archival documents. – St. Petersburg: RNB Publishing House, 2025. In print.
14. On the dismissal of dance master Luks from the corps // Russian State Military Historical Archive. Fund 314. List 1. Unit 1767.
15. Postnikova A.A. Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 114-121.

Ерошков К.Ю.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Попова М.Б.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Семёнова Э.Ю.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванов К.С.
Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Иванова А.С.
Магистрант. Школа образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти*

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию механизмов формирования и взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти о блокаде Ленинграда (1941–1944). В центре анализа находится ключевая проблема современной историографии: конфликт и диалог между непосредственным, часто травматичным опытом выживших, зафиксированным в частных свидетельствах, и официальными, идеологически обусловленными нарративами, конструируемыми государством и общественными институтами. Память о блокаде представляет собой не статичный памятник прошлому, а динамичное поле символической борьбы, где происходит постоянное переосмысление исторического события.

Ключевые слова: Блокада Ленинграда, историческая память, коллективная память, индивидуальная память, травматическое прошлое, эго-документы, устная история, политика памяти, коммеморация, нарратив.

* © Ерошков К.Ю., Попова М.Б., Семёнова Э.Ю., Иванов К.С., Иванова А.С., 2025.

Yeroshkov K.Yu.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov (branch) of Tyumen State University.

Popova M.B.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov (branch) of Tyumen State University.

Semyonova E.Yu.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov (branch) of Tyumen State University.

Ivanov K.S.
Senior Lecturer of the Department of Humanities and Methods of Teaching Humanities, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Ivanova A.S.
Master's student, School of Education at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

The siege of Leningrad in individual and collective memory

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the mechanisms of formation and interaction of individual and collective memory about the Siege of Leningrad (1941–1944). The analysis focuses on a key issue in modern historiography: the conflict and dialogue between the immediate, often traumatic experiences of survivors, as recorded in private testimonies, and the official, ideologically driven narratives constructed by the state and public institutions. The memory of the Siege is not a static monument to the past, but a dynamic field of symbolic struggle where the historical event is constantly reinterpreted.

Key words: Siege of Leningrad, historical memory, collective memory, individual memory, traumatic past, ego-documents, oral history, memory politics, commemoration, narrative.

Цель исследования: выявить и проанализировать конкретные механизмы, через которые личный опыт ассимилируется, маргинализируется или трансформируется в публичном пространстве. Для достижения этой цели в работе применяется междисциплинарный методологический подход, соче-

тающий историко-антропологический анализ эго-документов (дневников, писем, воспоминаний), методы устной истории (интервью с блокадниками и их потомками), а также критический дискурс-анализ современных музейных экспозиций, мемориальных практик и медиатекстов.

The purpose of the study: To identify and analyze the specific mechanisms through which personal experiences are assimilated, marginalized, or transformed in the public sphere. To achieve this goal, the study employs an interdisciplinary methodological approach that combines historical and anthropological analysis of ego-documents (diaries, letters, and memoirs), oral history methods (interviews with survivors and their descendants), and critical discourse analysis of contemporary museum exhibits, memorial practices, and media texts.

Методы исследования:

1. Историко-антропологический анализ эго-документов и нарративных источников. Данный метод является основным для реконструкции индивидуального опыта и механизмов приватной памяти. В исследовании проводится критический анализ:

Дневников и личных писем периода блокады, которые рассматриваются не только как источники фактологической информации, но и как феномены культуры, фиксирующие процесс осмысления катастрофы в режиме реального времени [5]. Анализ включает выявление языковых средств, рефлексии авторов о моральном выборе, а также тех смысловых лакун и умолчаний, которые указывают на давление коллективных представлений.

Мемуаров и поздних воспоминаний, изучаемых с учетом временной дистанции и влияния последующих официальных дискурсов. Особое внимание уделяется трансформации отдельных сюжетов в повторяющиеся мемориальные формулы.

Современных интервью и свидетельств (устная история), собранных в рамках проектов, подобных исследованию под редакцией М.В. Лоскутовой [1]. Этот метод позволяет зафиксировать живую традицию семейной памяти и ее взаимодействие с публичными нарративами в постсоветский период.

2. Дискурсивный и семиотический анализ коллективных репрезентаций. Этот блок методов направлен на изучение институциональных и публичных форм памяти:

Критический дискурс-анализ официальных текстов разного времени (постановлений, газетных публикаций, речей), музейных экспозиций и памятников. Цель – выявление доминирующих идеологических конструктов, ключевых метафор (например, «героическая оборона», «несгибаемый дух») и стратегий исключения маргинальных сюжетов [3], [6].

Семиотический анализ визуальных и пространственных объектов (мемориальных комплексов, фотографий, кинодокументов). Метод позволяет

интерпретировать, как средствами символов и архитектуры конструируется канонический образ прошлого, задающий определенный эмоциональный и ценностный режим восприятия.

Анализ политики памяти, рассматривающий государственные инициативы по коммеморации как инструмент формирования национальной идентичности и легитимации современного политического порядка [8].

3. Компаративный и контекстуальный анализ. Данный метод является интегрирующим и применяется на всех уровнях исследования:

Сравнение различных типов источников (дневник против газеты, интервью против музейная экспозиция) для выявления зон консенсуса и конфликта между частной и публичной памятью.

Контекстуализация конкретных нарративов в рамках более широких исторических и культурных процессов (эволюция советской идеологии, постсоветский поиск идентичности).

Сравнительно-исторический анализ для определения специфики памяти о блокаде Ленинграда на фоне коммеморации других травматических событий XX века.

Research methods:

1. Historical and anthropological analysis of ego-documents and narrative sources. This method is the main one for reconstructing individual experience and mechanisms of private memory. The study provides a critical analysis of:

Diaries and personal letters from the period of the blockade, which are considered not only as sources of factual information, but also as cultural phenomena that record the process of comprehending the catastrophe in real time [5]. The analysis includes identifying linguistic means, the authors' reflections on moral choices, as well as those semantic gaps and omissions that indicate the pressure of collective perceptions.

Memoirs and later recollections, studied in terms of temporal distance and the influence of subsequent official discourses. Special attention is paid to the transformation of individual plots into recurring memorial formulas.

Contemporary interviews and testimonies (oral history) collected as part of projects such as the study edited by M.V. Loskutova [1]. This method allows us to capture the living tradition of family memory and its interaction with public narratives in the post-Soviet period.

2. Discursive and semiotic analysis of collective representations. This block of methods is aimed at studying institutional and public forms of memory:

Critical discourse analysis of official texts from different periods (decrees, newspaper articles, speeches), museum exhibitions, and monuments. The goal is to identify dominant ideological constructs, key metaphors (such as «heroic defense« and «unyielding spirit«), and strategies for excluding marginalized narratives [3], [6].

Semiotic analysis of visual and spatial objects (memorial complexes, photo-

graphs, and film documents). This method allows us to interpret how symbols and architecture are used to construct a canonical image of the past, which sets a specific emotional and value-based mode of perception.

An analysis of memory politics that views state-sponsored commemorative initiatives as a tool for shaping national identity and legitimizing the current political order [8].

3. Comparative and contextual analysis. This method is an integrating one and is applied at all levels of research:

Comparison of different types of sources (diary vs newspaper, interview vs museum display) to identify areas of consensus and conflict between private and public memory.

Contextualization of specific narratives within broader historical and cultural processes (the evolution of Soviet ideology, the post-Soviet search for identity).

A comparative historical analysis to determine the specifics of the memory of the Siege of Leningrad in the context of commemorating other traumatic events of the 20th century.

Основные результаты работы заключаются в следующем. Во-первых, доказано, что индивидуальная память, отражённая в дневниках, изначально формировалась в диалоге с коллективными культурными кодами, что опровергает её понимание как «чистого» свидетельства [5]. Во-вторых, выявлен устойчивый конфликт между нарративом героической обороны и нарративом повседневного выживания и морального выбора («блокадной этикой»), где последний долгое время исключался из официального канона [3], [7]. В-третьих, установлено, что современная государственная политика памяти тяготеет к ритуализации и монументализации блокады, что зачастую приводит к вытеснению альтернативных, «неудобных» сюжетов (таких как тема голода, эвакуации или репрессий) в сферу приватной, семейной памяти [1], [6].

The main results of the work are as follows. First, it has been proven that the individual memory reflected in the diaries was initially formed in dialogue with collective cultural codes, which refutes the idea that this is a «pure» testimony [5]. Secondly, a persistent conflict has been identified between the narrative of heroic defense and the narrative of everyday survival and moral choices («the ethics of the blockade»), where the latter has long been excluded from the official canon [3], [7]. Thirdly, it has been established that contemporary state policies on the preservation of memory tend to ritualize and monumentalize the blockade, often leading to the displacement of alternative, «uncomfortable» narratives (such as those related to hunger, evacuation, or repression) into the realm of private, family memory [1], [6].

Значимые выводы статьи состоят в том, что память о блокаде является «трудным прошлым», требующим от общества и учёных не столько окон-

чательных оценок, сколько поддержания этически ответственного диалога между разными её версиями. Исследование демонстрирует, что для преодоления упрощённых трактовок необходим отказ от жёсткой оппозиции «правда против миф» в пользу анализа сложной семантики памяти, где сосуществуют травма, героика, скорбь и политическая инструментализация.

The article's significant findings suggest that the memory of the blockade is a «difficult past» that requires society and scholars to engage in an ethically responsible dialogue rather than making definitive judgments. The study demonstrates that overcoming simplistic interpretations requires moving away from the rigid dichotomy of «truth versus myth» and instead focusing on the complex semantics of memory, where trauma, heroism, sorrow, and political instrumentalization coexist.

Глава 1. Проблема памяти о блокаде Ленинграда: введение в методологию и историографию исследования

Блокада Ленинграда (1941–1944) остается одним из самых драматических эпизодов Второй мировой войны, пространством «трудного прошлого», которое продолжает оказывать влияние на коллективное самосознание и формировать историческую политику в современной России и за ее пределами [3]. Традиционные исторические нарративы, долгое время доминировавшие в изучении этого периода, были сфокусированы на военно-политической истории, героической обороны и роли государства. Однако в последние десятилетия исследовательский фокус сместился в сторону анализа самого субъекта исторической катастрофы — жителя осажденного города, его повседневного опыта, страданий, моральных выборов и, что особенно важно, механизмов осмысления и передачи пережитого [1], [7]. В центре современных научных дискуссий появляется взаимодействие и часто конфликт между индивидуальной (частной, семейной) памятью и памятью коллективной (официальной, публичной) [1], [3]. Изучение этой проблемы требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы исторической науки, социологии, психологии и культурологии.

Целью настоящей главы является теоретико-методологическое обоснование исследования блокады Ленинграда как феномена памяти. В задачи входит: 1) анализ эволюции историографии вопроса; 2) характеристика ключевых методов, в частности устной истории и работы с эго-документами; 3) постановка исследовательской проблемы о взаимодействии разных уровней памяти.

1.1 Эволюция историографии: от «большой истории» к истории повседневности и памяти

Историческое осмысление блокады Ленинграда прошло сложную эволюцию. В советский период доминировал героико-патриотический

нарратив, в рамках которого страдания и жертвы гражданского населения рассматривались как неизбежная и оправданная часть общей победы. Официальная историография была сфокусирована на «большой истории» — стратегических решениях, деятельности партийных и военных органов [1]. Личный опыт рядовых ленинградцев, зафиксированный в дневниках и воспоминаниях, часто воспринимался как второстепенный источник, страдающий субъективностью и неточностями, и редко становился предметом профессионального критического анализа [1].

Поворот к изучению повседневности, инициированный в 1990-е — 2000-е годы, радикально изменил ситуацию. Пионерские работы Сергея Ярова, посвященные «блокадной этике» и повседневной жизни в осажденном городе, заложили новую методологическую основу [7]. Яров, опираясь на сотни дневников и документов, показал, как в экстремальных условиях менялись нравственные нормы, представления о чести, милосердии и справедливости [7]. Этот этап можно обозначить как этико-антропологический. Следующий шаг, мемориальный или культурологический, связан с интересом к тому, как травматический опыт блокады рефлексировался, символизировался и передавался в культуре — в литературе, искусстве, музеях [3], [4]. Здесь на первый план выходит не только реконструкция факта, но и анализ образа блокады, формирующегося в общественном сознании [1]. Этот образ не статичен: он существует в напряженном поле между скорбным, «антигосударственным» переживанием трагедии, хранимым в семьях, и официальным нарративом о стойкости и победе [3]. Именно этот конфликт и является объектом исследования.

1.2 Методологический инструментарий: устная история и эго-документы

Ключевым методом для изучения индивидуальной и коллективной памяти стала устная история. В отличие от классического источниковедения, долгое время скептически относившегося к субъективности устных свидетельств, этот подход признает ценность личного опыта как исторического источника [1]. Как отмечается в материалах проекта Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» (2001–2003), устные рассказы несут в себе «огромный эмоциональный заряд, правду личного опыта свидетеля» [1].

Исследование, основанное на более чем 100 интервью с блокадниками и их потомками, показало, как формируется и трансформируется образ блокады в послевоенных поколениях, как частная память вступает в диалог (или конфликт) с публичными коммеморативными практиками [1]. Этот метод позволяет выявить пробелы и смещения в коллективной памяти. Например, масштабная эвакуация (около 1.8 млн человек) долгое время оставалась на периферии памяти о блокаде, словно история эвакуированных

«прекратилась в тот момент, когда они ступили на Большую землю» [7].

Другой незаменимый корпус источников — эго-документы: дневники, письма, воспоминания, созданные непосредственно во время блокады или вскоре после нее. Публикация и анализ таких текстов, таких как женские дневники или записи Алексея Фогта, позволяют услышать «ненаписанную историю» ленинградцев, историю, «сотканную из печалей и страхов, повседневных тягот и битвы за выживание» [7]. Эти документы фиксируют не только внешние обстоятельства, но и внутреннюю работу по осмыслению катастрофы. Как показывают исследования, блокадники в своих дневниках активно искали исторические аналогии (например, с обороной Севастополя в 1854 г. или блокадой Петрограда в 1919 г.), пытаясь через призму коллективного прошлого понять уникальность и беспрецедентность собственных страданий [2]. Таким образом, индивидуальная память оказывается тесно переплетена с культурными кодами и историческими образами, усвоенными обществом.

1.3 Индивидуальная травма и коллективные рамки памяти: постановка проблемы

Психологические исследования последствий блокады для детей, переживших ее, демонстрируют глубину индивидуальной травмы, которая сохраняется на протяжении всей жизни. Исследование М.А. Гулиной, сравнивавшее группу оставшихся в городе и группу эвакуированных, выявило качественные различия в их травматическом опыте. Для «блокадных детей» на первом месте стояли не абстрактные переживания о ходе войны, а непосредственные экзистенциальные угрозы: голод, бомбежки, постоянная видимость смерти, включая гибель родных [5]. Эта травма формировала особые психологические феномены, такие как «травматическая дезорганизация» привязанности, и влияла на взрослую жизнь, включая отношение к еде, себе и другим людям [5]. При этом многие выжившие десятилетиями не могли открыто говорить о своем опыте, что роднит их с узниками концлагерей [5]. Эта невыразимость травмы становится серьезным вызовом для коллективной памяти, стремящейся к ясным, ритуализированным формам коммеморации.

Коллективная память, в свою очередь, не является простой суммой индивидуальных воспоминаний. Она структурируется политическими и культурными институтами: государством, системой образования, музеями, средствами массовой информации. В случае с блокадой Ленинграда сегодня очевидно противостояние двух основных моделей: скорбно-траурной, фокусирующейся на жертвах и гуманитарной катастрофе (близкой к европейской «культуре памяти»), и победно-героической, акцентирующей стойкость, патриотизм и вклад в общую Победу [3]. Государственная политика памяти в современной России тяготеет ко второй модели, что,

как отмечает исследователь С. Чуйкина, зачастую приводит к маргинализации альтернативных, «антигосударственных» нарративов скорби, сохраняющихся в семьях [3]. Создание музеев и мемориалов становится полем символической борьбы за право определять, будут ли жители блокадного Ленинграда представлены прежде всего как жертвы, герои или обыватели, боровшиеся за выживание [3].

Таким образом, изучение блокады Ленинграда в ракурсе памяти позволяет выйти за рамки чисто исторической реконструкции и обратиться к анализу того, как общество конструирует смыслы травматического прошлого, как индивидуальный опыт, часто молчаливый и болезненный, инкорпорируется или отторгается публичным пространством. Дальнейшее исследование, представленное в следующих главах, будет посвящено конкретным механизмам этого взаимодействия на материале интервью с очевидцами, анализа музейных экспозиций и современных медиадискурсов, что позволит глубже понять природу и динамику формирования исторического сознания в постсоветском обществе.

Глава 2. Конструирование памяти: эго-документы как пространство диалога индивидуального опыта и коллективных нарративов

Если первая глава обозначила теоретическое поле исследования памяти о блокаде, то центральной задачей второй главы является анализ конкретных механизмов формирования и взаимодействия индивидуальных и коллективных воспоминаний. Эго-документы — дневники, письма, мемуары, созданные в осажденном городе, — становятся ключевым объектом такого анализа. Они представляют собой уникальное пространство, где непосредственно фиксируется личный опыт катастрофы, его эмоциональное переживание и первые попытки осмысления, которые уже в момент создания вступают в сложный диалог с существующими культурными и идеологическими шаблонами. Изучение этого корпуса текстов позволяет перейти от абстрактной оппозиции «частное против официального» к конкретным практикам выживания, письма и самопозиционирования, демонстрируя, как в экстремальных условиях формировались альтернативные официальным «тексты сопротивления» и «культуры выживания» [1].

2.1. Дневник как акт экзистенциального и исторического самоутверждения

В условиях блокады ведение дневника из частной практики превращалось в акт экзистенциальной и гражданской значимости. Для многих ленинградцев это был способ сохранить рассудок, структурировать распадающуюся реальность и утвердить себя в качестве свидетеля, чья индивидуальная правда должна быть сохранена вопреки всему. В этом смысле дневники выполняли психотерапевтическую функцию, позволяя автору оставаться субъектом, а не объектом истории. Однако, как показывает ана-

лиз записей, авторы дневников постоянно рефлексировали свою роль не просто как страдающих, но как историографов катастрофы [1]. Они осознанно собирали факты, вклеивали вырезки из газет, фиксировали слухи и цифры, стремясь создать достоверный документ для будущего. Эта установка на документирование свидетельствует о глубокой укорененности в культуре историзма: даже в момент глубочайшего личного кризиса человек пытался вписать свой опыт в более широкий исторический контекст, часто находя аналогии в прошлом (оборона Трои, Севастополя) [1].

Парадоксальным образом эта же установка делала дневник полем внутреннего конфликта. Авторское «я» часто раздваивалось между голосом страдающего индивида и голосом будущего историка или даже цензора. Например, в дневниках можно встретить не только описания ужасов голода, но и самоцензуру: сомнения в том, стоит ли фиксировать «непатриотичные» мысли, критические замечания в адрес властей или «негероические» подробности быта. Таким образом, коллективные нарративы (о героизме, единстве, руководящей роли партии) проникали в самое ядро индивидуального опыта, заставляя человека сверять свои переживания с внутренним представлением о «правильной» памяти. Это создавало сложный полифонический текст, где личная боль звучала в унисон или в диссонанс с общепринятыми сюжетами [1].

2.2. Конфликт нарративов в частных записях: выживание против героизма

Одним из ключевых открытий, сделанных при анализе эго-документов, является конфликт между нарративом выживания и нарративом героизма. Официальная пропаганда военного времени и последующая советская историография культивировали образ стойкого, самоотверженного ленинградца-борца. Однако дневники раскрывают иную, гораздо более противоречивую реальность, где на первый план выходила рутинная, жестокая борьба за биологическое существование [1]. Центральными категориями этой реальности были не «подвиг» и «долг», а «голод», «холод», «смерть», «пайка», «обмен». Авторы скрупулезно фиксировали физиологические и психологические изменения, вызванные дистрофией, что создавало «телесный текст» блокады, абсолютно чуждый героическому канону.

Особенно ярко это противоречие проявляется в теме морального выбора. В дневниках и позднейших воспоминаниях постоянно всплывают мучительные вопросы, исключенные из публичного поля: о справедливости распределения пищи, о падении нравов, о вынужденном каннибализме, о чувстве вины выжившего. Эти темы формировали то, что исследователь С. Яров назвал «блокадной этикой» — сложной системой моральных оценок, выработанной в условиях крайности. Эта этика выживания, с ее трагическими компромиссами, долгое время не могла быть интегрирована в лакиро-

ванный героический миф, что приводило к маргинализации целых пластов опыта. Например, опыт эвакуации, часто воспринимавшийся самими ленинградцами как спасение, но сопряженный с чувством стыда за оставленный город, также не вписывался в простую бинарную схему «герои-защитники».

2.3. Музей как поле борьбы и диалога памяти

Послевоенная институционализация памяти о блокаде наиболее концентрированно проявилась в деятельности музеев. Музей обороны и блокады Ленинграда, чья история (создание, разгром в 1949 году, воссоздание) сама по себе является ярким свидетельством политики памяти, выступает ключевым медиатором между индивидуальным и коллективным. Современные музеи стоят перед сложной дилеммой: как совместить функцию мемориала, отдающего дань страданию и жертвам, и функцию идеологического инструмента, воспитывающего патриотизм на примере стойкости.

Анализ экспозиций и, что особенно важно, фондовой работы показывает постепенную, но неполную трансформацию. Если в советское время экспозиция строилась вокруг оружия, знамен и портретов военачальников, то современные музеи все чаще пытаются интегрировать голос «маленького человека» [3]. Это проявляется в создании инсталляций, воспроизводящих интерьер блокадной комнаты, в демонстрации личных вещей — игрушек, посуды, дневников. Однако, как отмечает исследователь С. Чуйкина, этот процесс часто носит символический, а не содержательный характер: вещь экспонируется как реликвия, как трогательный артефакт, но ее подлинный историко-антропологический контекст, связь с трудными моральными выборами владельца, часто остаются за кадром. Официальный нарратив, акцентирующий единство народа и руководства, жертвенность во имя Победы, продолжает задавать главную сюжетную линию, в которую встраиваются частные истории.

Таким образом, вторая глава демонстрирует, что индивидуальная память, зафиксированная в эго-документах, никогда не была изолированной. Она формировалась в постоянном диалоге и напряжении с навязываемыми извне коллективными рамками. Дневник становился полем битвы за право на собственную, негероическую правду. Музей же, пытаясь включить частный опыт в национальный нарратив, зачастую лишает его критического потенциала, превращая в безопасный элемент патриотического мифа. Преодоление этого разрыва, поиск языка для выражения всего многообразия и противоречивости блокадного опыта остается одной из главных задач как для исследователей, так и для общества в целом.

Вывод

Проведенное исследование подтверждает, что память о блокаде Ленинграда представляет собой сложную, многоуровневую и динамичную систему, в которой происходит постоянное взаимодействие, а зачастую и напряжен-

ный диалог между индивидуальным опытом и коллективными формами его осмысления. Анализ показал, что этот диалог не сводится к простому противостоянию «правды» личного свидетельства и «мифа» официальной пропаганды, а является процессом активного конструирования смыслов в конкретных исторических, культурных и политических контекстах.

Основным выводом работы является доказательство того, что индивидуальная память свидетелей блокады служит не просто источником фактов, а фундаментальным, но внутренне противоречивым основанием для коллективных нарративов. С одной стороны, уникальный и глубоко травматичный личный опыт, зафиксированный в дневниках и интервью, образует тот неиссякаемый пласт «ненаписанной истории», который сопротивляется окончательной мифологизации и упрощению [2], [7]. «Блокадная этика», изученная С. Яровым, и психологические последствия детской травмы, выявленные М.А. Гулиной, демонстрируют моральную и экзистенциальную сложность этого опыта, лежащую за пределами героических клише [6], [7].

С другой стороны, как показало исследование, сама эта индивидуальная память формировалась и структурировалась в момент переживания через призму доступных коллективных смыслов. Блокадники, ведя дневники, инстинктивно искали исторические аналогии (с обороной Севастополя 1854–1855 гг. или блокадой Петрограда 1919 г.), пытаясь осмыслить беспрецедентность собственных страданий в знакомых культурных и исторических рамках [3]. Таким образом, индивидуальная рефлексия уже в момент катастрофы вступала в диалог с национальной исторической памятью, как она была усвоена ленинградцами.

Методологически исследование подтвердило критическую важность междисциплинарного подхода для изучения подобных феноменов исторической памяти. Применение методов устной истории, психологического анализа травмы, исторической антропологии и культурологии позволило преодолеть ограничения традиционной «большой истории» [2]. Работа с эгодокументами и интервью, долгое время считавшимися субъективными и ненадежными, раскрыла нарративы, которые не только дополняют, но и проблематизируют господствующие коллективные представления, внося в них темы эвакуации, повседневного выживания и морального выбора [6], [7].

В современных условиях память о блокаде становится полем символической борьбы и острой политизации, что представляет собой второй ключевой вывод. Как отмечают современные исследователи, блокадная тема превратилась в область «рискованной науки», где сталкиваются различные версии прошлого: скорбно-мемориальная, героико-патриотическая, критика государственной политики военных лет [8]. Официальный нарратив, акцентирующий жертвенность, стойкость и единство народа, вступает в сложные отношения с альтернативными или «антигосударственными»

воспоминаниями о голоде, несправедливости, репрессиях НКВД, которые сохраняются в семейной памяти [8]. Этот конфликт делает память о блокаде «трудным прошлым», работа с которым требует от общества и исследователей не только сохранения фактов, но и постоянного переосмысления этических и политических импликаций этой памяти [8].

Таким образом, блокада Ленинграда продолжает существовать не как законченный исторический эпизод, а как живой, развивающийся мемориальный комплекс. Его будущее зависит от способности общества поддерживать диалог между разными уровнями и формами памяти, избегая как полной ритуализации и политической инструментализации, так и забвения уникального, не поддающегося простым интерпретациям опыта сотен тысяч людей.

Библиографический список:

1. Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города: материалы и исследования / под ред. М.В. Лоскутовой. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 284 с.
2. Гулина М.А. Психологические последствия блокадного детства: опыт эмпирического исследования // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 70-87.
3. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда: офиц. сайт. // URL: https://blokadamus.ru (Дата обращения: 17.10.2023).
4. Паперно И.А. О семиотике поведения: дворянский дневник как особая форма исторического сознания // Паперно И.А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. С. 27-59.
5. Пянкевич В. Л. «Ненаписанная история»: дневники ленинградцев как исторический источник и феномен культуры // Неприкосновенный запас. – 2019. № 5. С. 77-96.
6. Чуйкина С.А. Блокада Ленинграда в семейной и официальной памяти: конфликт нарративов // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 104-132.
7. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 603 с.
8. Kirschenbaum L.A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 326 p.

Reference

1. The Siege of Leningrad in the Individual and Collective Memory of City Residents: Materials and Research / edited by M.V. Loskutova. – Saint Petersburg: Publishing House of the European University at Saint Petersburg, 2022. 284 p.
2. Gulina M.A. Psychological Consequences of Childhood During the Siege of Leningrad: An Empirical Study // Counseling Psychology and Psychotherapy. 2018. Vol. 26. № 3. P. 70-87.
3. State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad: official website. // URL: https://blokadamus.ru (17.10.2023).
4. Paperno I.A. On the Semiotics of Behavior: A Nobleman's Diary as a Special Form of Historical Consciousness // Paperno I.A. Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Era of Realism. – Moscow: Novoye Literatornoe Obozreniye, 1996. P. 27-59.
5. Pyankevich V.L. "Unwritten History": Leningraders' Diaries as a Historical Source and Cultural Phenomenon // Neprikosnovenny Zapas. – 2019. № 5. P. 77-96.
6. Chuykina S.A. The Siege of Leningrad in Family and Official Memory: A Conflict of Narratives // Anthropological Forum. 2020. № 46. P. 104-132.
7. Yarov S.V. Siege Ethics. Moral Concepts in Leningrad in 1941-1942. – St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2011. 603 p.
8. Kirschenbaum L.A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 326 p.

Фидарова К.К.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Калабекова С.В.
Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. ФГБОУ ВО Северо-Кавказская государственная академияв.

Кулова М.Л.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказского государственного института искусств.

Погосова К.Л.
Старший преподаватель кафедры общественных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Горский государственный аграрный университет».

Философские основания и современные вызовы образовательной инклюзии в высшей школе*

Аннотация. В статье рассматриваются философско-методологические основы инклюзивного образования в системе высшей школы в контексте цифровой трансформации общества. Анализируется эволюция понятия «инклюзия» от узкой трактовки, ориентированной на лиц с ограниченными возможностями здоровья, к широкой парадигме, нацеленной на создание универсальной образовательной среды для каждого обучающегося. Исследуются системные барьеры на пути реализации инклюзивной практики, включая архитектурную недоступность, несовершенство нормативной базы, недостаточную подготовку педагогических кадров. Особое внимание уделяется потенциалу цифровых технологий как инструмента персонализации образования и преодоления социально-психологических барьеров. Делается вывод о том, что инклюзия является не просто техническим приспособлением среды, но фундаментальным принципом, переопределяющим миссию университета в современном мире.

Ключевые слова: образовательная инклюзия, высшая школа, философия обра-

* © Фидарова К.К., Калабекова С.В., Кулова М.Л., Погосова К.Л., 2025.

зования, цифровая трансформация, безбарьерная среда, индивидуальный образовательный маршрут, ассистивные технологии, толерантность.

Fidarova K.K.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Kalabekova S.V.
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education North Caucasian State Academy.

Kulova M.L.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanities and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Institute of Arts.

Pogosova K.L.
Senior Lecturer at the Department of Social Sciences Federal State budgetary educational Institution of Higher Education "Gorsky State Agrarian University".

Philosophical foundations and modern challenges of educational inclusion in higher education

Abstract. The article examines the philosophical and methodological foundations of inclusive education in the higher education system in the context of the digital transformation of society. It analyzes the evolution of the concept of "inclusion" from a narrow interpretation focused on individuals with disabilities to a broad paradigm aimed at creating a universal educational environment for every student. The article explores systemic barriers to the implementation of inclusive practices, including architectural inaccessibility, imperfections in the regulatory framework, and insufficient training of teaching staff. Special attention is given to the potential of digital technologies as a tool for personalizing education and overcoming socio-psychological barriers. The article concludes that inclusion is not just a technical adaptation of the environment, but a fundamental principle that redefines the mission of universities in today's world.

Key words: educational inclusion, higher education, philosophy of education, digital transformation, barrier-free environment, individual educational route, assistive technologies, and tolerance.

Современное высшее образование переживает парадигмальный сдвиг, в рамках которого происходит переход от элитарной и селективной модели к модели инклюзивной и демократичной. Этот переход обусловлен как глобальными социокультурными процессами — утверждением идей равноправия и ценности человеческого достоинства, — так и внутренней логикой развития педагогической науки. Инклюзивное образование (от фр. inclusif — «включающий в себя») сегодня понимается как процесс развития общего образования, подразумевающий его доступность для всех в плане приспособления к различным нуждам всех обучающихся [1]. Однако за этим практическим определением скрывается глубокий философский подтекст: инклюзия бросает вызов традиционным представлениям о норме, качестве образования и самой цели университета как социального института.

Актуальность темы обусловлена динамикой цифровой трансформации общества, которая с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности для персонализации обучения, а с другой — создает новые риски образовательного неравенства. Цель данного исследования — проанализировать философские основания и системные противоречия развития инклюзивного высшего образования в современной России и мире. Достижению этой цели служит решение следующих задач: проследить эволюцию концепции инклюзии, выявить структурные барьеры на пути ее реализации и определить перспективы, связанные с интеграцией цифровых технологий в образовательный процесс.

Исторически внимание к инклюзивной стратегии в мировом образовании актуализировалось в 60–80-х гг. XX века, когда отношение к людям с особыми образовательными потребностями (ООП) вышло на новый уровень, а на смену институционализации пришли идеи интеграции в общество [1]. Изначально инклюзия отождествлялась главным образом с созданием условий для студентов с нозологически выраженными нарушениями (инвалидность, интеллектуальные нарушения). Как отмечается в систематическом обзоре зарубежных исследований, долгое время доминировал подход, направленный на «интеграцию студентов с нарушениями в регулярное образование вместо новой, более широкой концепции инклюзии «для каждого студента» [2]. Такой подход, по сути, являлся «щадящей» моделью, которая, хотя и решала тактические задачи доступа, не меняла системно образовательную среду [1].

Современная философия инклюзии предлагает более радикальный взгляд. Ее ядром является не приспособление отдельного студента к существующей, часто ригидной системе, а гибкая трансформация самой этой системы — ее методологии, содержания, форм оценки — под разнообра-

зие образовательных запросов и траекторий развития всех обучающихся. Это подразумевает переход от медицинской модели, фокусирующейся на диагнозе и ограничениях, к социально-конструктивистской модели. Согласно последней, проблема заключается не в студенте, который не может выполнить некое действие, а в том, как это действие организовано с педагогической точки зрения [1]. Таким образом, фокус смещается с коррекции индивидуума на проектирование универсальной образовательной среды, по своей сути являющейся гибкой, отзывчивой и разнообразной.

Реализация инклюзивного подхода в высшей школе наталкивается на комплекс взаимосвязанных проблем, которые можно классифицировать на несколько уровней.

1. Архитектурно-средовые барьеры. Несмотря на прогресс, архитектурная недоступность образовательных учреждений (кампусов, аудиторий, библиотек, общежитий) остается серьезным препятствием [5]. Однако понятие «безбарьерной среды» сегодня расширяется, включая не только физическое, но и информационное пространство. Неадаптированные веб-порталы, цифровые образовательные ресурсы, не учитывающие особых потребностей, создают новые формы исключения.

2. Нормативно-правовые и организационные барьеры. Исследователи констатируют несовершенство нормативной и законодательной базы, регулирующей инклюзивные процессы в вузах [5]. Зачастую отсутствуют механизмы преемственности между школой и вузом, в частности, не применяются отработанные в школьном образовании Индивидуальные Образовательные Планы (IEPs) [4]. Это приводит к тому, что студенты с ООП оказываются неподготовленными к академическим требованиям высшей школы, а поддержка их носит эпизодический, а не системный характер [4].

3. Социально-психологические барьеры. Ключевой проблемой является «неготовность университетского сообщества к принятию студентов с инвалидностью» [5]. Это проявляется в устойчивых стереотипах, недостатке толерантности со стороны условно здоровых студентов, а иногда и в скрытом сопротивлении профессорско-преподавательского состава. Инклюзивное обучение предъявляет повышенные требования ко всем субъектам образовательного процесса: от студентов с ООП оно требует мобилизации психологических и интеллектуальных ресурсов; от их сверстников — эмпатии, толерантности и готовности к кооперации; от преподавателей — не только специальных знаний, но и особых личностных качеств, готовности к сотрудничеству [1].

4. Кадровые барьеры. Многочисленные исследования указывают на то, что преподаватели высшей школы сталкиваются с внутренними (недостаток знаний, навыков, опыта и уверенности) и институциональными (нехватка ресурсов, поддержки, информации и тренингов) вызовами при

реализации инклюзивной практики [2]. Без целенаправленной работы по переквалификации педагогических кадров, а также без развития системы психолого-педагогического, медицинского и тьюторского сопровождения, инклюзия рискует остаться декларацией.

Для преодоления этих барьеров необходима разработка комплексной модели инклюзивного обучения, которая включала бы в себя не только адаптивные образовательные программы, но и целостную методическую систему, определяющую цели, содержание, формы, методы и средства обучения с учетом разнообразия контингента [1].

Цифровая трансформация общества создает принципиально новые условия для развития инклюзивного высшего образования. Цифровые технологии способствуют индивидуализации образовательных траекторий (71%), развитию адаптивных методик обучения (64%) и оптимизации поддержки студентов с особыми потребностями (58%) [6].

Ассистивные технологии (от программ-синтезаторов речи и экранных луп до сложных систем управления взглядом) ломают многие традиционные барьеры, открывая доступ к знаниям и коммуникации для студентов с самыми разными нозологиями. Системы электронного обучения и адаптированные дистанционные образовательные технологии позволяют выстраивать гибкие индивидуальные образовательные маршруты, что особенно важно для студентов, которые в силу физических ограничений не могут постоянно присутствовать в университете [1].

Однако здесь возникает философский вопрос о цифровом разрыве. Сами по себе технологии не являются панацеей. Их эффективность упирается в инфраструктурные ограничения и, что еще важнее, в уровень цифровой грамотности как студентов, так и преподавателей [4]. Преподаватель в новой цифровой реальности перестает быть единственным транслятором знания, но становится дизайнером образовательного опыта, архитектором learning environment, способного гибко настраиваться под запросы каждого. Это требует не просто технического обучения, но и глубокой перестройки педагогического сознания.

Философский анализ феномена образовательной инклюзии в высшей школе позволяет сделать вывод, что она представляет собой не узкопедагогическую или методическую задачу, а масштабный социокультурный проект, переопределяющий саму суть университета. От модели, ориентированной на отбор и подготовку академической и профессиональной элиты, университет движется к модели, нацеленной на выращивание человеческого потенциала во всем его разнообразии. Это движение сопряжено с системными противоречиями и вызовами, касающимися организации пространства, нормативного регулирования, подготовки кадров и преодоления стереотипов.

Перспективы развития инклюзивного высшего образования в контексте цифровой трансформации связаны с синергией технологических и гуманитарных стратегий. Цифровые технологии, выступая мощным инструментом персонализации и снятия барьеров, должны быть подчинены целям человеческого развития — личностного роста, профессионального самоопределения и социальной интеграции каждого студента. Успех этого проекта зависит от консолидированных усилий всех участников образовательного процесса — от государства и администраций вузов до каждого преподавателя и студента — и знаменует собой переход к новой, более зрелой и справедливой фазе в истории образования.

Библиографический список:

1. Санина Е.И. Жиганова О.М. Модель инклюзивного обучения в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2 // URL: https://science-education.ru/article/view?id=26239
2. Higher education teachers' understandings of and challenges for inclusion and inclusive learning environments: A systematic literature review // ScienceDirect. 2024. // URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1747938X24000149
3. Юдина Т.А., Алехина С.В. Исследования по проблемам социальной и образовательной инклюзии лиц с интеллектуальными нарушениями // Современная зарубежная психология. 2015. № 2. С. 40-46. // URL: https://psychlib.ru/mgppu/periodica/SZP022015/SZP-0401.htm
4. A Systematic Review of Inclusive Education Strategies for Students of Determination in Higher Education Institutions: Current Challenges and Future Directions // MDPI. 2025. // URL: https://www.mdpi.com/2227-7102/15/5/518
5. Проблемы инклюзии в высшем образовании: обзор современных гуманитарных исследований // Science and Education. // URL: https://science-education.ru/article/view?id=26954
6. Бурнаева Е.М. Перспективы развития инклюзивного высшего образования в контексте цифровой трансформации общества // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 12-2. С. 75-82. // URL: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/193
7. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

Reference

1. Sanina E.I., Zhiganova O.M., "A Model of Inclusive Education in Higher Education," in Modern Problems of Science and Education. 2017. № 2. // URL: https://science-education.ru/article/view?id=26239.
2. Higher Education Teachers' Understandings of and Challenges for Inclusion and Inclusive Learning Environments: A Systematic Literature Review. ScienceDirect. 2024 // URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1747938X24000149.
3. Yudina T.A., Alekhina S.V., "Research on the Problems of Social and Educational Inclusion of Persons with Intellectual Disabilities," in Modern Foreign Psychology. 2015. № 2. P. 40-46. // URL: https://psychlib.ru/mgppu/periodica/SZP022015/SZP-0401.htm
4. A Systematic Review of Inclusive Education Strategies for Students of Determination in Higher Education Institutions: Current Challenges and Future Directions // MDPI. 2025. // URL: https://www.mdpi.com/2227-7102/15/5/518
5. Problems of Inclusion in Higher Education: A Review of Modern Humanities Research // Science and Education. // URL: https://science-education.ru/article/view?id=26954
6. Burnaeva E.M. Prospects for the Development of Inclusive Higher Education in the Context of the Digital Transformation of Society // Education Management: Theory and Practice. 2024. Vol. 14. № 12-2. P. 75-82. // URL: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/193
7. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Куваева А.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп.

Кубова Р.А.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп.

Трансформация демографической политики в регионах России: вызовы и перспективы (на материалах Республики Адыгея) (2015–2025 гг.)*

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции демографической политики в Республике Адыгея в контексте общероссийских тенденций и новых вызовов. Исследование охватывает период с 2015 по 2024 год и включает прогнозные оценки на 2025 год. На основе статистических данных и нормативно-правового анализа выявлена динамика ключевых демографических показателей, оценена эффективность реализованных мер и определены системные проблемы. Особое внимание уделено адаптации региональной политики к условиям санкционного давления и задачам достижения национальных целей развития. В работе представлены аналитические таблицы, отражающие как ретроспективу, так и перспективу демографических процессов. Сформулирован вывод о необходимости перехода от компенсационной к проактивной демографической политике, интегрированной в социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: демографическая политика, Республика Адыгея, рождаемость, смертность, естественная убыль, национальные проекты, региональное развитие, прогнозирование, миграционные процессы, социокультурные традиции.

Kuvayeva A.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Law, Maykop State Technological University, Maykop.

Kubova R.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Law, Maykop State Technological University, Maykop.

* © Куваева А.А., Кубова Р.А., 2025.

Transformation of demographic policy in the regions of Russia: challenges and prospects (based on the materials of the Republic of Adygea) (2015–2025)

Abstract. This article analyzes the evolution of demographic policy in the Republic of Adygea in the context of all-Russian trends and new challenges. The study covers the period from 2015 to 2024 and includes forecast estimates for 2025. Based on statistical data and legal analysis, the dynamics of key demographic indicators are identified, the effectiveness of implemented measures is assessed, and systemic problems are determined. Special attention is paid to adapting regional policy to the conditions of sanctions pressure and the tasks of achieving national development goals. The paper presents analytical tables reflecting both the retrospective and prospective aspects of demographic processes. The conclusion is drawn that it is necessary to shift from a compensatory to a proactive demographic policy integrated into the socio-economic development of the region.

Key words: demographic policy, Republic of Adygea, birth rate, mortality rate, natural population decline, national projects, regional development, forecasting, migration processes, socio-cultural traditions.

Введение. Демографическая ситуация в Российской Федерации вступила в новую фазу, характеризующуюся углублением депопуляционных тенденций и необходимостью адаптации к изменившимся внешнеполитическим и социально-экономическим условиям. В этом контексте актуализируется потребность в оценке эффективности региональных аспектов демографической политики. Целью исследования является комплексный анализ трансформации демографической политики в Республике Адыгея за период 2015–2024 годов, выявление ключевых трендов и разработка прогнозно-аналитических рекомендаций на 2025 год.

Для современного периода развития России характерны кардинальные изменения социально-экономических отношений, функционирования населения. Роль демографической структуры определяется особенностями ее потенциала, проявлением и соотношением трех ведущих функций – лимитирующей, дифференцирующей и оптимизирующей [11].

Обзор исследований. Проблематика демографической политики и региональных особенностей воспроизводства населения находится в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Отечественная научная мысль сформировала комплексный подход к анализу демографических процессов. А.Г. Вишневский в своих фундаментальных работах обосновал концепцию демографической модернизации, в рамках которой снижение рождаемости рассматривается как необратимый

процесс, сопутствующий социально-экономическому развитию [7]. Его исследования показывают, что меры политики могут лишь корректировать, но не обращать вспять глубинные тренды. Н.М. Римашевская и ее школа акцентируют внимание на качестве человеческого потенциала, связывая демографическое неблагополучие с деградацией социальной среды и здоровья населения [8].

В региональном аспекте значительный вклад внесли исследования С.В. Рязанцева и И.А. Трофимовой, которые проанализировали дифференциацию демографического развития субъектов Юга России и влияние миграционных процессов [9]. В их работах подчёркивается, что унифицированные федеральные меры не всегда учитывают специфику регионов, таких как Республика Адыгея, с ее высокой долей сельского населения и особыми культурными традициями, что нашло отражение в Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея на период до 2030 года [4].

Современные авторы, такие как Н.С. Карпова, исследуют демографические вызовы в новых геополитических условиях, отмечая рост значимости миграционного компонента и необходимость усиления мер по адаптации мигрантов [10].

Важнейшим аспектом демографической политики является ее взаимодействие с социокультурными традициями. Как отмечается в исследованиях семьи, *«каждое поколение людей любой культуры, любого социума независимо от его желаний воспитывается на определенных традициях, с одной стороны, усваивая их тем или иным способом, а с другой, – осуществляя отбор традиций, которые оставит в наследство последующим поколениям»* [12]. Это в полной мере относится к институту семьи, который является *«определенной социокультурной ценностью..., признаваемой всеми индивидами на протяжении всей истории человечества в качестве необходимого условия человеческой самореализации и продолжения рода»* [12].

В зарубежной научной литературе сформировались различные теоретические подходы к демографической политике. Классическая работа Г. Беккера о экономике семьи [13] заложила основы анализа репродуктивного поведения как результата рационального выбора, взвешивания материальных и нематериальных затрат, и выгод. С этой точки зрения, ограниченная эффективность прямых денежных трансфертов (pure cash-transfers), таких как материнский капитал [5], становится объяснимой. Данные меры лишь частично компенсируют прямые финансовые затраты на ребенка, но не решают проблему совокупной стоимости детей, которая включает:

1. Альтернативные издержки, прежде всего для женщин, связанные с прерыванием карьеры, потерей профессиональных навыков и сокращени-

ем дохода в долгосрочной перспективе.

2. Высокие трансакционные издержки, обусловленные необходимостью совмещения профессиональных и семейных обязанностей в условиях недостаточной развитости инфраструктуры ухода за детьми.

3. Психологические и временные затраты на воспитание и образование в условиях растущих социальных требований к качеству человеческого капитала.

Таким образом, политика, не направленная на снижение этих комплексных издержек, имеет ограниченный и затухающий во времени пронаталистский эффект.

Сторонники «Второго демографического перехода» (Р. Лестех, Дик ван де Каа) [14] связывают низкую рождаемость с культурными сдвигами: ростом индивидуализма, секуляризации и ценностей самореализации. С этой точки зрения, политика, направленная лишь на материальную поддержку, не затрагивающая глубинные ценности и институциональные барьеры (например, гендерное неравенство в распределении домашнего труда), имеет ограниченный эффект.

Сравнительные исследования пронаталистских политик, например, в странах Восточной Европы (Т. Соботка) [15], демонстрируют, что успех достигается там, где меры носят комплексный и долгосрочный характер, сочетая финансовую поддержку, гибкие формы занятости, доступное жилье и развитую инфраструктуру ухода за детьми. Значительны различия демографических процессов не только на межрегиональном, региональном, но и на локальном уровне [11]. Таким образом, современная научная парадигма рассматривает демографическую политику как многомерный феномен, эффективность которого зависит от учета экономических, социокультурных и региональных факторов.

Материалы и методы. Исследование базируется на методологии системного анализа, статистических методах обработки данных (включая экстраполяцию и анализ временных рядов) и сравнительном подходе. Нормативную базу составили Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 [1], обновленная Концепция демографической политики РФ на период до 2030 года (проект) [2], Паспорт национального проекта «Демография» (актуальная версия на 2024 год) [3], а также региональные программы Республики Адыгея [4]. Эмпирическую основу сформировали данные Росстата [5], оперативные отчеты Минтруда РА [6], а также прогнозные оценки, построенные авторами на основе анализа текущих тенденций.

Результаты и их обсуждение. Анализ демографических показателей в региональном сравнении. Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что Республика Адыгея имеет один из самых низких показателей миграционного прироста в ЮФО, что усугубляет естественную убыль насе-

ления. При этом по уровню рождаемости республика отстает от соседнего Краснодарского края на 0,9 пункта.

Таблица 1. Сравнительный анализ демографических показателей Республики Адыгея с регионами ЮФО за 2023 год.

Показатель	Республика Адыгея	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Среднее по ЮФО
Коэффициент рождаемости (на 1000 чел.)	8,9	9,8	9,2	9,5	9,4
Коэффициент смертности (на 1000 чел.)	13,2	14,1	14,8	13,9	14,0
Естественный прирост/убыль (-)	-4,3	-4,3	-5,6	-4,4	-4,6
Суммарный коэффициент рождаемости	1,48	1,52	1,45	1,51	1,49
Миграционный прирост (на 10000 чел.)	-12,3	+45,2	+23,1	+18,7	+18,9

Источник: составлено авторами по данным [5, 9].

С учетом этого государственные органы в регионе принимают ряд мер, направленных на стабилизацию сложившейся демографической ситуации [16]:

- реализовать законы Республики Адыгея, регулирующие вопросы охраны здоровья населения, социальной защиты, материнства, детства, образования;
- разработать и внедрить целевые программы и мероприятия по профилактике социально обусловленных, онкологических, сердечно-сосудистых заболеваний, противодействию наркомании, дорожно-транспортному травматизму, по обеспечению жильем, улучшению условий и охраны труда, содействию занятости населения, организации отдыха и оздоровления детей;
- реализовать приоритетные национальные проекты;
- оказать различные виды государственной поддержки гражданам, имеющим детей.

Вместе с тем для дальнейшей стабилизации ситуации и создания предпосылок демографического роста необходим переход к более эффективным и финансово обеспеченным действиям.

Ряд федеральных законов, принятых в последнее десятилетие, направлен на улучшение материального положения женщин в период беременности и после рождения ребенка, на защиту интересов семьи и детей, а также детей группы риска – сирот и оставшихся без попечения родителей [16].

Эффективность мер демографической политики: количественная оценка. Данные таблицы 2 свидетельствуют о низкой эффективности изолированных денежных трансфертов. Наиболее результативной мерой оказалась льготная ипотека, однако ее охват ограничен в связи с низкими доходами населения республики.

Таблица 2. Оценка эффективности мер демографической политики в Республике Адыгея.

Мера поддержки	Бюджет (2020-2023 гг.) млн руб.	Количество получателей	Эффект на 1 руб. затрат (рождений)	Примечания
Материнский капитал	3450,2	8421	0,0034	Низкая эффективность в стимулировании вторых рождений
Ежемесячные выплаты на детей	1250,8	15620	0,0021	В основном выполняют социальную функцию
Льготная ипотека	890,3	1245	0,0089	Наиболее эффективная мера, но ограниченный охват
Развитие инфраструктуры ДОУ	2340,5	-	0,0067	Косвенный эффект через улучшение условий

Источник: расчеты авторов на основе данных [6].

Миграционные процессы и их влияние. За период 2020-2023 годов миграционная убыль населения Республики Адыгея составила 2 345 человек. Основные направления миграционного оттока:

– 68% – в Краснодарский край;
– 15% – в Москву и Московскую область;
– 9% – в Ростовскую область;
– 8% – в другие регионы.

Основные причины миграции (по данным опроса Минтруда РА):

– отсутствие рабочих мест с достойной оплатой труда (67%);
– ограниченные возможности профессионального роста (58%);
– неразвитость социальной инфраструктуры (42%).

Социокультурная специфика и ее учет в демографической политике.

Республика Адыгея характеризуется сохранением традиционных семейных ценностей, что подтверждается данными социологического исследования:

– 78% респондентов считают семью основной жизненной ценностью;

– 65% поддерживают многодетную модель семьи;

– 72% отмечают важность сохранения адыгских традиций воспитания.

Однако наблюдается противоречие между декларируемыми ценностями и реальными репродуктивными установками:

– среднее желаемое число детей – 2,8;

– планируемое число детей – 1,6;

– реальное число детей – 1,4.

Практические механизмы реализации предложенных мер:

1. Создание Регионального центра демографического развития с функциями:

– мониторинг демографической ситуации;

– координация межведомственного взаимодействия;

– разработка целевых программ поддержки молодых семей.

2. Введение «демографического бюджета» – целевого финансирования мер с доказанной эффективностью.

3. Разработка системы налоговых льгот для предприятий, создающих рабочие места для молодежи.

4. Создание миграционной программы по привлечению соотечественников из других регионов.

Критическое состояние демографической ситуации в Российской Федерации и ее регионах обусловило необходимость системного вмешательства государственных институтов в сферу воспроизводства населения. Законодательные и исполнительные органы власти были вынуждены разработать комплекс мер, направленных на преодоление устойчивой естественной убыли населения, улучшение здоровья граждан и сокращение смертности.

Особую актуальность эта проблема приобретает на региональном уровне, где универсальные федеральные подходы требуют адаптации к местным условиям. В Республике Адыгея, согласно данным анализа, сохраняется негативная демографическая динамика, характеризующаяся как естественной убылью населения, так и отрицательным миграционным балансом. Несмотря на реализацию масштабных национальных проектов, показатели рождаемости остаются ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения.

Исследование эффективности государственной поддержки свидетельствует о недостаточности исключительно финансовых мер стимулирования. Наиболее результативными оказываются комплексные решения,

сочетающие экономические инструменты с развитием социальной инфраструктуры и созданием благоприятных условий для семей с детьми.

Обоснование прогнозных показателей на 2025 год. Прогнозные значения, представленные в таблице 3, основаны на:

– анализе временных рядов за 2015–2023 годы;

– учете демографической волны (вхождение в репродуктивный возраст поколения 1990-х);

– оценке эффективности планируемых мер поддержки;

– экспертных оценках влияния экономических факторов.

Таблица 3. Прогноз демографических показателей на 2025 год.

Показатель	Базовый сценарий	Оптимистичный сценарий	Пессимистичный сценарий	Условия реализации
СКР	1,45	1,52	1,41	Реализация всех мер поддержки
Миграционный прирост	-8,2	+3,5	-15,8	Эффективность миграционных программ
Естественная убыль	-4,2	-3,1	-5,3	Успешность мер по снижению смертности

Источник: прогнозные расчеты авторов.

Заключение. Проведенный анализ демонстрирует, что демографическая политика в Республике Адыгея требует системной перезагрузки. Как показывают данные таблиц 1-3, существующие меры поддержки не позволяют преодолеть устойчивую тенденцию к депопуляции. Предложенные практические механизмы позволяют перейти от компенсационного к проактивному подходу в регулировании демографических процессов. Учет региональной социокультурной специфики и разработка целевых программ с доказанной эффективностью могут стать основой для стабилизации демографической ситуации в республике.

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2030 года (проект).
3. Паспорт национального проекта «Демография» (актуальная версия на 2024 год).
4. Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея на период до 2030 года.
5. Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) // URL: https://rosstat.gov.ru/ (Дата обращения: 15.05.2024).
6. Оперативные отчеты Министерства труда и социального развития Республики Адыгея.
7. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 4-28.
8. Римашевская Н.М. Качество потенциала населения России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 4-14.

9. Рязанцев С.В., Трофимова И.А. Демографическое развитие Юга России: тенденции и региональные различия // Юг России: условия и факторы развития. 2022. С. 45-67.
10. Карпова Н.С., Рязанцев С.В. Демографические вызовы России в новых геополитических условиях // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 1. С. 34-49.
11. Куница М.Н. Трансформация демографической структуры населения Центральной России // Вестник БГУ. 2014. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-demograficheskoy-struktury-naseleniya-tsentralnoy-ross (Дата обращения: 30.10.2025).
12. Козлова Н.Ш. Теоретический анализ места и роли семьи в социокультурной реальности: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Козлова Наталья Шумафовна. – Ростов-на-Дону, 2006. 22 с.
13. Becker G.S. A Treatise on the Family. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 424 p.
14. Lesthaeghe R., van de Kaa D.J. Twee demografische transities? // Bevolking: groei en krimp. 1986. P. 9-24.
15. Sobotka T., Šťastná A. Is the Demography of Eastern Europe Returning to Europe? A Review of Parenthood Trends // Demographic Research. 2023. Vol. 48. P. 855-886.
16. Кубова Р.А. Правовые основы демографических процессов в республике адыгея (90-е гг. XX в. - начало XXI в.). в сборнике: 65-я международная научная конференция астраханского государственного технического университета. материалы конференции. Астрахань, 2021. С. 969-971.
17. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

Reference

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 № 204 "On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the period until 2024".
2. Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period until 2030 (draft).
3. Passport of the national project "Demography" (current version for 2024).
4. Strategy of socio-economic development of the Republic of Adygea for the period until 2030.
5. Data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) // URL: https://rosstat.gov.ru/ (May 15, 2024).
6. Operational reports of the Ministry of Labor and Social Development of the Republic of Adygea.
7. Vishnevsky A.G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of the Homo sapiens species // Demographic Review. 2023. Vol. 10. № 1. P. 4-28.
8. Rimashevskaya N.M. The quality of the population potential of Russia // Population. 2019. № 2. P. 4-14.
9. Ryazantsev S.V., Trofimova I.A. Demographic development of Southern Russia: trends and regional differences // Southern Russia: conditions and factors of development. 2022. P. 45-67.
10. Karpova N.S., Ryazantsev S.V. Demographic challenges of Russia in new geopolitical conditions // Economics of the Region. 2024. Vol. 20. № 1. P. 34-49.
11. Kunitsa M.N. Transformation of the demographic structure of the population of Central Russia // Bulletin of BSU. 2014. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-demograficheskoy-struktury-naseleniya-tsentralnoy-ross (30.10.2025).
12. Kozlova N.Sh. Theoretical analysis of the place and role of the family in socio-cultural reality: specialty 24.00.01 "Theory and history of culture": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / Kozlova Natalia Shumafovna. – Rostov-on-Don, 2006. 22 p.
13. Becker G.S. A Treatise on the Family. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 424 p.
14. Lesthaeghe R., van de Kaa D.J. Twee demografische transities? // Bevolking: groei en krimp. 1986. P. 9-24.
15. Sobotka T., Šťastná A. Is the Demography of Eastern Europe Returning to Europe? A Review of Parenthood Trends // Demographic Research. 2023. Vol. 48. P. 855-886.
16. Kubova R.A. Legal foundations of demographic processes in the Republic of Adygea (1990s - early 21st century). In the collection: 65th International Scientific Conference of Astrakhan State Technical University. Conference materials. Astrakhan, 2021. P. 969-971.
17. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

Петряева А.В.
Аспирант кафедры конституционного права, юрисконсульт II категории правового центра, Юго-Западный государственный университет.

Пыхтин А.И.
Кандидат технических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, проректор по цифровой трансформации.

От объявлений в газете до ЭВМ: эволюция набора в советский вуз на примере Курского политехнического института*

Аннотация. Изучение работы приемных комиссий вузов, которые, с одной стороны, оперативно реагировали на изменение требований со стороны государства, а с другой – определяли качественный состав будущих специалистов и, следовательно, влияли на развитие науки и техники в целом заслуживает особого внимания.

Анализ документов и материалов приемной комиссии Курского политехнического института за период с 1964 по 1985 годы позволит изучить развитие и изменение механизмов работы приемной комиссии, методов и принципов организации ее работы в течение двадцати лет с момента основания Курского политехнического института, а также оценить влияние технической направленности института при планировании приемной кампании.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения опыта советских высших учебных заведений, поскольку многие подходы и методы, применявшиеся тогда, сохраняют свое значение и в современных условиях. Изучение практики работы приемных комиссий прошлых лет способствует выявлению эффективных моделей управления образовательным процессом, способствующих повышению качества профессиональной подготовки выпускников технических специальностей.

Результаты такого исследования способствуют лучшему пониманию исторической динамики социальной мобильности и распределения профессиональных ресурсов.

Цель исследования состоит в детальном изучении исторических изменений механизмов и процессов работы приемной комиссии Курского политехнического института в период с 1964 по 1985 годы.

Методология. Методологическую основу исследования составляют фундаментальные принципы объективности и историзма. В процессе решения исследовательских задач авторы использовали историко-системный, сравнительно-исторический, ретроспективный методы.

Ключевые слова: Курский политехнический институт, приемная комиссия, набор студентов, агитационная работа, профессиональная ориентация, привлечение абитуриентов.

* © Петряева А.В., Пыхтин А.И., 2025.

Petriaeva A.V.
Postgraduate Student of the Department of Constitution Law, Legal advisor of the II category, Southwest State University.

Pykhtin A.I.
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Digital Transformation, Southwest State University.

From newspaper ads to computers: the evolution of enrollment in a Soviet university using the example of the Kursk Polytechnic Institute

Abstract. The study of the work of university admissions committees, which, on the one hand, promptly responded to changes in government requirements, and on the other, determined the quality of future specialists and, consequently, influenced the development of science and technology in general, deserves special attention.

An analysis of the documents and materials of the admission committee of the Kursk Polytechnic Institute for the period from 1964 to 1985 will allow us to study the development and changes in the mechanisms of the admission committee, methods and principles of organizing its work over the twenty years since the founding of the Kursk Polytechnic Institute, as well as to assess the impact of the institute's technical orientation in planning the admission campaign.

The relevance of the research is due to the need to study the experience of Soviet higher education institutions, since many of the approaches and methods used then remain relevant in modern conditions. Studying the practice of the admissions committees of the past years helps to identify effective models of educational process management that contribute to improving the quality of professional training for graduates of technical specialties.

The results of such a study contribute to a better understanding of the historical dynamics of social mobility and the distribution of professional resources.

The purpose of the study is to study in detail the historical changes in the mechanisms and processes of the Kursk Polytechnic Institute Admissions Committee in the period from 1964 to 1985.

Methodology. The methodological basis of the research is based on the fundamental principles of objectivity and historicism. In the process of solving research problems, the authors used historical-systemic, comparative-historical, and retrospective methods.

Key words: Kursk Polytechnic Institute, admissions committee, student recruitment, campaigning, professional orientation, attracting applicants.

Курский политехнический институт (КПИ) был организован приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР 20 февраля 1964 года[1]. Одной из основных задач, стоявших перед новым ин-

1 Приказ Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 20

ститутом, было укомплектование штата преподавателей и организация набора студентов.

Основными трудностями в подготовке к приему студентов были: сжатые сроки для организации работы приемной и экзаменационной комиссий, обеспечение достаточного количества заявлений и качественного отбора поступающих.

Из-за отсутствия преподавателей в штате института до июня 1964 года приемная комиссия была организована только 11 июня в составе ректора, ассистента, заведующего кабинетом основ марксизма-ленинизма и технического секретаря, а также представителей обкома КПСС, обкома ВЛКСМ и областного совета профсоюзов. При этом большинство членов комиссии не имело опыта работы в приемных комиссиях, не было знакомо с приказами и инструкциями по приему. Большую помощь КПИ оказал 3-й учебно-инспекторский отдел, сотрудники которого систематически консультировали членов комиссии и содействовали в обеспечении необходимой документации.

Для привлечения абитуриентов и преподавателей из числа местных жителей в областных газетах были помещены статьи об организации института, его профиле, перспективах развития, а также о наборе студентов на первый курс.

В центральных газетах «Правда», «Известия» и «Советская Россия» были помещены заметки об открытии института, что должно было способствовать притоку иногородних абитуриентов, а также преподавателей, желающих работать в институте[2].

О приеме студентов было объявлено по радио, телевидению, дважды в областной газете «Курская правда», в заводских многотиражных газетах г. Курска. По городу расклеивались типографские объявления о приеме с описанием перспективы развития института, эти же объявления были разосланы всем заводам г. Курска, а также крупным заводам Курской области.

Со всеми промышленными предприятиями области была установлена связь для организации целевого направления работников и служащих на обучение в КПИ, что способствовало формированию устойчивого потока абитуриентов из числа работающего населения.

Преподаватели института и члены приемной комиссии выступили в 20 школах города[3].

Приемная комиссия обрабатывала письма с запросами об условиях приема в институт, ответы давались в течение 2-3 дней с момента поступления такого запроса.

февраля 1964 г. «Об организации в г. Курске Курского политехнического института» // Государственный архив Курской области. Ф. №Р-724. Оп. 1. Д.7.

2 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.16. Л. 20.

3 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.16. Л. 21.

Прием документов проводился как в дневное, так и в вечернее время, с 9 до 20 часов, специально для абитуриентов, работающих на предприятиях.

В соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 27/УІ-64 г. за №486 организация и проведение приемных экзаменов было возложено на Всесоюзный заочный политехнический институт (ВЗПИ)[4].

В состав экзаменационных комиссий входили преподаватели ВЗПИ, Курского педагогического института, преподаватели Курского медицинского института, учителя средних школ, а также инженеры предприятий города. Председателем экзаменационной комиссии был назначен заведующий Курским учебно-консультационным пунктом ВЗПИ Л.Н. Погорелов.

Экзаменационные билеты по письменным и устным экзаменам разрабатывались силами ВЗПИ. По результатам экзаменов проводился анализ знаний абитуриентов, выявлялись недостатки и пробелы в знаниях по различным предметам.

В 1965 году КПИ проводил второй набор студентов. Приемная комиссия начала свою работу с февраля 1965 года. Ею была проведена значительная работа по активному набору студентов с учетом опыта предыдущего набора.

Так, по результатам первого набора студентов отмечалось, что количество абитуриентов и качество сдачи экзаменов могло быть выше при наличии в институте подготовительных курсов для поступающих в вузы. В связи с чем в 1965 году при средних школах №4, №32, №39 г. Курска были организованы подготовительные курсы для абитуриентов. Аналогичные курсы были организованы в г. Щигры на Щигровском механическом заводе. Для поступающих на заочное отделение для восполнения пробелов в знаниях, вызванных значительным перерывом в обучении, были организованы консультации по профилирующим предметам.

Длительный перерыв в обучении у абитуриента сказывался на его уровне подготовки к вступительным экзаменам, что существенно снижало качество дальнейшего образования. Аналогичную ситуацию отмечали и в Иркутском политехническом институте в 1960-е годы[5].

23 мая 1965 года в КПИ был проведен день открытых дверей, на который были приглашены учащиеся школ города, а также работники предприятий г. Курска.[6]

На предприятия города и области были разосланы письма с предложе-

4 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.16. Л. 23.

5 *Скорикова Н.А.* «В борьбе за проведение приема, за успеваемость, за требовательность»: Деятельность Иркутского политехнического института в 1960-е годы // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21, № 3. С. 198.

6 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.55. Л. 2.

нием о направлении на учебу в КПИ наиболее достойных рабочих с производства. Также для привлечения работающей молодежи в заводских многотиражных газетах была напечатана статья ректора института, а в газете «Молодая гвардия» была напечатана специальная статья преподавателя кафедры начертательной геометрии и графики о профессии инженера-сварщика для популяризации специальности.

Кроме того, были организованы выступления ректора и преподавателей института по телевидению и радио. Преподаватели института посещали с выступлениями школы города. На открытом партийном собрании коммунистов института между преподавателями кафедр были распределены крупные предприятия г. Курска, на которых они проводили беседы с рабочей молодежью для агитации за обучение в КПИ. В городе и в помещении института использовалась наглядная агитация в виде плакатов о жизни и перспективах развития института.

Расширилась география публикаций объявлений о наборе студентов в газетах. Теперь объявления о приеме студентов в институт были опубликованы помимо областных газет Курской области, еще и в областных газетах Орловской, Белгородской и Брянской областей.

Работа приемной комиссии по-прежнему была организована в две смены: днем и вечером, для абитуриентов, работавших на предприятиях.

Организация и проведение вступительных экзаменов проводились силами КПИ. В предметные экзаменационные комиссии входили преподаватели КПИ, преподаватели и аспиранты Курского педагогического института, Курского сельскохозяйственного института, преподаватели училищ и техникумов, учителя средних школ, работники заводов г. Курска.

Экзаменационные билеты разрабатывались утвержденными экзаменационными комиссиями при активном обсуждении и утверждении на заседаниях соответствующих кафедр.

К 1970 году работа КПИ по набору студентов претерпела ряд изменений. Подготовительная работа начиналась еще с осени. Главное внимание теперь уделялось не только проведению агитационной работы, но и организации подготовительных курсов.

С октября 1969 года начали работать семимесячные подготовительные курсы на базе пяти школ г. Курска: №4, 39, 34, 15 и 29. Занятия проводили преподаватели КПИ и преподаватели школ г. Курска[7].

При самом КПИ с марта 1970 года работали трехмесячные курсы для рабочей молодежи с отрывом от производства, а с июля еще и месячные подготовительные курсы для молодежи, направленной с заводов, строек и колхозов. Помимо этого, с мая по воскресеньям проводились чтения лекций по математике и физике для абитуриентов.

7 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.368. Л. 2.

В августе для абитуриентов вечернего и заочного обучения по инициативе Горкома и Ленинского райкома партии были организованы трехнедельные курсы при институте и на предприятиях г. Курска для лиц, работающих на инженерно-технических должностях.

В рамках проведения агитационной работы основной целью было оказание помощи молодежи с ознакомлением со специальностями института для выбора будущей профессии.

Для этого представители КПИ посетили 30 школ города с агитационными беседами.

Также проводились беседы и лекции с рабочими заводов и предприятий г. Курска, а также выездные мероприятия в Щигровском, Золотухинском, Свободинском, Обоянском и Рыльском районах области.

В мае уже традиционно состоялся день открытых дверей, на котором выступали ректор, ведущие преподаватели института, студенты и представители промышленных предприятий.

На предприятия г. Курска и районов области были направлены информационные плакаты с анализом специальностей, по которым производился набор в институт. Эти же плакаты были расклеены по городу.

О наборе студентов давались объявления в газетах «Курская правда», «Белгородская правда», «Орловская правда», «Ленинское знамя» (г. Сумы), а также дважды по Курскому областному радио[8].

В состав предметных экзаменационных комиссий вошли преподаватели и ассистенты кафедр КПИ, КГУ, а также учителя школ. При этом в основном со стороны привлекались члены экзаменационной комиссии по русскому языку и литературе ввиду технического профиля института.

Существенную помощь в работе приемной комиссии оказал справочно-консультационный пункт, в котором дежурили преподаватели из состава приемной комиссии, а также преподаватели ведущих кафедр. В справочно-консультационном пункте абитуриенты могли познакомиться с программой вступительных экзаменов, вариантами контрольных работ и экзаменационными билетами за прошлый год.

В течение июля-августа 1970 года активно работала общественная приемная комиссия, в состав которой входили члены комитета ВЛКСМ, курсовых и факультетских бюро, лучшие студенты института. В задачи общественной приемной комиссии входило проведение бесед с поступающими для выявления их активности в общественной и комсомольской жизни до поступления в ВУЗ, оказание помощи в выборе специальности и консультации по вопросам вступительных экзаменов. На основе проведенных собеседований комиссия составляла рекомендательные списки достойных для поступления в институт абитуриентов.

8 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.368. Л. 4.

Как и прежде, работа приемной комиссии проводилась в две смены для охвата работающей молодежи.

Интересный случай произошел в 1970 году, когда в ректорат Курского политехнического института обратилась дирекция строящегося трикотажного комбината г. Астрахани с просьбой принять вступительные экзамены в Астраханском техническом институте рыбной промышленности у абитуриентов подготовительных курсов, организованных при этом институте.

В связи с отсутствием у КПИ собственного общежития, сдача вступительных экзаменов в Курске оказалась затруднительной. В виде исключения Министерство высшего и среднего специального образования разрешило КПИ провести прием вступительных экзаменов на трикотажном комбинате в г. Астрахани выездной экзаменационной комиссией института[9].

Для организации работы и проведения вступительных экзаменов были сформированы выездные предметные экзаменационные комиссии во главе с заместителем ответственного секретаря В.А. Мелентьевым. Работа приемной комиссии должна была начаться с 31 июля. Однако в связи с карантином и запретом на въезд и выезд, объявленными в г. Астрахань в период, когда было намечено проведение вступительных экзаменов, выехать на место смогли только В.А. Мелентьев и члены предметной комиссии по математике[10].

В связи с чем Мелентьеву В.А. пришлось организовывать под своим контролем прием вступительных экзаменов по физике, химии, русскому языку и литературе предметными комиссиями Астраханского технического института рыбной промышленности. Утвержденные варианты письменных работ и экзаменационных билетов были отправлены в г. Астрахань, дела всех абитуриентов были рассмотрены приемной комиссией в г. Курске и был решен вопрос об их допуске к экзаменам. В результате решением приемной комиссией КПИ было зачислено 33 абитуриента, сдавших экзамены в г. Астрахань.

В 1975 году в работе КПИ по организации нового набора главными направлениями все также оставались агитационная работа среди молодежи и организация подготовительных курсов.

Учебные занятия со слушателями подготовительных курсов были организованы с дифференцированным сроком обучения в несколько потоков с продолжительностью занятий от одного до девяти месяцев.

Курсы проводились как в дневное, так и в вечернее время.

В институте появилось подготовительное отделение, по плану было принято 150 человек. 72 человека были направлены предприятиями в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 18 сентября

9 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.368. Л. 14.

10 *Шацкая Е.П.* Организация борьбы с эпидемией холеры в г. Астрахани и Астраханской области в 1970 г. / Е.П. Шацкая, А.А. Курапов // История и архивы. 2022. № 1. С. 29.

1959 года. Остальные слушатели получали государственную стипендию[11].

Для проведения агитационных работ среди учащихся, рабочей и сельской молодежи, все районы Курской области, заводы и предприятия г. Курска, а также школы и средние специальные учебные заведения Курской области были распределены между факультетами института. В КПИ на тот момент действовало 4 факультета, на каждый из них в среднем приходилось 7-8 районов, 6-7 заводов, около 18 школ и 1-2 техникума.

Агитационная работа включала в себя распространение плакатов и буклетов, проспектов об институте, проведение лекций и бесед. Всего были охвачены 21 завод и предприятие г. Курска, 51 школа, 19 техникумов и технических училищ.

В период зимних и летних каникул к агитационной работе привлекались иногородние студенты и студенты из сельской местности, выезжавшие по месту жительства. А в течение учебного года студенты заочного и вечернего отделений вели на своих предприятиях работу по привлечению рабочей молодежи в институт.

Большую помощь в профориентировании оказывали студенческие строительные отряды, а также члены общественной приемной комиссии.

В 1975 году день открытых дверей проводился уже дважды. В его проведении были задействованы ректорат, все деканы факультетов, ведущие ученые института и активисты из числа студентов.

Для определения талантливой молодежи по ряду предметов была проведена Олимпиада «Абитуриент – 75». Олимпиада проводилась в дни школьных каникул одновременно в г. Курске и в г. Железногорске Курской области.

Рекламе специальностей института был посвящен специальный выпуск институтской газеты «Политехник». В многотиражных заводских изданиях выходили статьи ученых и преподавателей, рассказывающие о специальностях института.

Объявления о специальностях и новом наборе в институт были даны в центральных и областных газетах «Комсомольская правда», «Курская правда», «Молодая гвардия» г. Курск, «Ленинское знамя» г. Липецк, «Орловская правда», «Белгородская правда», а также в четырнадцати районных газетах Курской области.

В плане работы приемной комиссии на 1975 год было запланировано дать объявления о новом наборе в областных газетах гг. Курска, Орла, Липецка, Воронежа, Сум, Белгорода, Брянска, Смоленска, Донецка, Ворошиловограда[12].

В целях расширения целевой аудитории потенциальных абитуриентов

11 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.859. Л. 2.

12 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.859. Л. 9.

был реализован комплекс информационно-просветительских мероприятий, направленный на привлечение военнослужащих, увольняющихся в запас из Вооруженных Сил. В рамках данной инициативы в воинские части была проведена рассылка методических рекомендаций и рекламных материалов, содержащих исчерпывающие сведения о порядке поступления и условиях обучения.

Прием документов теперь осуществляли пять факультетских приемных комиссий. Как и в предыдущие годы, комитетом ВЛКСМ была создана студенческая общественная приемная комиссия, члены которой оказывали всестороннюю помощь абитуриентам.

С 1974 года в КПИ ввели в эксплуатацию подсистему АСУ ВУЗ «Абитуриент» на базе ЭВМ БЭСМ-4М[13]. Подсистема существенно облегчила работу приемной комиссии по статистической обработке документов, подготовке документации к вступительным экзаменам и данных к зачислению абитуриентов в институт. С ее помощью формировались, например, списки абитуриентов по различным основаниям (стаж работы, служба в Советской Армии, наличие медалей и т.п.), статистические данные о количественном и качественном составе абитуриентов по специальностям или факультетам и другие.

В состав предметных экзаменационных комиссий, как и прежде, входили преподаватели и ассистенты КПИ, а также учителя школ. Примечательно, что работники предприятий, ранее принимавшие участие в предметных экзаменационных комиссиях, теперь в них отсутствовали.

Помимо предметных экзаменационных комиссий была сформирована апелляционная комиссия, которая рассматривала заявления абитуриентов, связанные с ходом вступительных экзаменов.

В 1980 году в своей работе ректорат, кафедры, комсомольская и профсоюзная организации института руководствовались требованиями XXV съезда КПСС и социальной политикой партии, чтобы обеспечить прием в институт молодых рабочих, колхозников и демобилизованных из рядов Советской Армии, а также наиболее подготовленных выпускников средних школ и средних специальных учебных заведений.

При наборе студентов ректорат и партийная организация института уделяли большое внимание развертыванию работы по профориентации и организации подготовительных курсов и подготовительного отделения в г. Курске и г. Железногорске.

Работа по привлечению передовой и сельской молодежи на подготовительное отделение проводилась постоянно в течение года. Подготовительное отделение работало в г. Курске на базе института и в г. Железногорске на базе Михайловского горно-обогатительного комбината.

13 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.859. Л. 13.

Отличительной чертой работы института по привлечению абитуриентов можно выделить сотрудничество с основными предприятиями города и области. Если ранее в рамках приемной кампании проводилась только информационно-агитационная работа в виде организации бесед преподавателей и студентов с рабочей молодежью и рассылки информационных писем и буклетов, то теперь с профильными предприятиями заключались договоры о направлении передовых рабочих на подготовительное отделение.

Так, в 1980 году такие договоры были заключены с крупными предприятиями г. Курска, такими как завод «Счетмаш», ПКО «Прибор», трикотажный комбинат, завод «Аккумулятор», ГПЗ-20, г. Железногорска (Михайловский ГОК, трест «Курсктрудстрой»), с управлением строительства Курской АЭС[14].

В соответствии с утвержденным Министерством текстильной промышленности РСФСР «Перспективным планом направления работающей молодежи на подготовительное отделение КПИ на 1979-1985 годы» была установлена связь с предприятиями текстильной промышленности.

В 1979-1980 учебном году в институте работали курсы по подготовке молодежи для поступления в ВУЗ продолжительностью от одного до девяти месяцев. Проводились курсы как в Курске на базе института и трикотажного комбината, так и в г. Железногорске на базе Михайловского горно-обогатительного комбината, Щиграх, п. Курчатове. На подготовительных курсах работали как преподаватели и ассистенты кафедр КПИ, так и преподаватели школ, а также инженерные работники предприятий.

В рамках агитационной работы за факультетами также были закреплены районы, заводы, техникумы и школы города и области.

Кроме того, механико-технологическим факультетом проводилась агитационная работа по новому набору в Смоленске, Рязани, Орле и Харькове.

В агитационной работе использовался рекламный материал в виде плакатов, буклетов, проспектов, а также специальные выпуски многотиражной газеты «Политехник».

Помимо традиционного дня открытых дверей для абитуриентов, в апреле был проведен день открытых дверей для родителей абитуриентов, на котором выступали деканы и преподаватели факультетов.

В марте также была проведена олимпиада «Абитуриент-80» по математике, химии и физике. Проводилась она одновременно в г. Курске, Железногорске, Льгове, Рыльске, Обояни и п. Золотухино.

Вновь наблюдается изменение географии поиска абитуриентов. Объявления о приеме студентов давались в областных газетах Курска, Белгорода, Липецка, Рязани, Воронежа, Сум, Харькова, Орла, Смоленска, Брянска, в заводских многотиражках и районных газетах.

14 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.1454. Л. 4-5.

Прекратила свою работу общественная приемная комиссия, ранее оказывающая помощь в работе основной приемной комиссии. По сути, ее роль теперь исполняли факультетские приемные комиссии, взявшие на себя большую часть работы. Центральная приемная комиссия координировала их деятельность, выборочно проверяя правильность оформления документов.

В работе приемной комиссии по-прежнему использовалась подсистема АСУ ВУЗ «Абитуриент» на базе ЭВМ БЭСМ-4М, которая выполняла статистическую обработку документов, подготавливала документацию к вступительным экзаменам и к зачислению абитуриентов в институт.

В организации вступительных экзаменов существенных изменений не наблюдалось. Предметные комиссии формировались из числа преподавателей кафедр института и учителей школ г. Курска и Курской области.

При планировании работы по набору студентов в 1985 году были учтены «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы»[15]. В частности, был сделан упор на профориентационную ориентировку специалистов с высшим образованием из числа выпускников средних специальных учебных заведений и выпускников школ, а не рабочей молодежи, как это было ранее.

Профориентационная и агитационно-массовая работа с населением проводилась круглогодично. С сентября 1984 года была развернута работа по профориентации среди рабочей и сельской молодежи, школьников города и области, а также других областей, в вузах которых нет специальностей, имеющихся в КПИ. Согласно уже сложившемуся опыту, все эти организации и предприятия были поделены и закреплены за факультетами и кафедрами института.

Профработой охватили 46 школ, три УПК города, ПТУ, средние школы 30-ти районов и районных центров области, предприятия города и области, а также профработа осуществлялась в других областях на предприятиях, в ПТУ, техникумах и школах.

Так как основной акцент делался на привлечение школьников, им рассказывалось о рабочих профессиях на предприятиях г. Курска в связке с профессиями, которые они получали в межшкольных УПК и специальностями, по которым велась подготовка в КПИ.

Для школьников также организовывались экскурсии на предприятия города. Также для школьников и молодых рабочих силами преподавателей выпускающих кафедр проводились экскурсии в институте.

Расширялась география работы выпускающих кафедр. Для этого был

15 Постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 г. №13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 15. Ч. 1. 1983 г. май 1984 г. – М.: Политиздат, 1985.

выполнен детальный количественный анализ мест распределения выпускников вуза с целью заключения долгосрочных договоров с этими предприятиями о направлении рабочей молодежи на учебу. Так, выпускающая кафедра «Вычислительной техники» заключила договор с заводом «Счетмаш», машиностроительный факультет с п/о «Электроагрегат», а выпускающими кафедрами строительного факультета установлена связь со строительным управлением Орловской области, управлением сельского хозяйства Курской области[16].

Выпускающие кафедры строительного факультета провели работу по комплектованию специальности СХС направленцами колхозов и совхозов области и ближайших областей, в вузах которых не ведется подготовка кадров по этому профилю (Орловская область, Липецкая, Белгородская).

В Курской области была проведена работа в исполкомах 29 районов Курской области с целью направления на учебу сельской молодежи. Из 12 районов на остродефицитную специальность СХС по направлениям колхозов было зачислено по результатам экзаменов 17 абитуриентов.

В 1985 году насчитывался 21 договор, заключенный с ранее упоминаемыми ключевыми предприятиями города и области, к ним добавились договоры с Назранской трикотажной фабрикой, Бакинским производственным объединением, Швейно-трикотажной фабрикой г. Тольятти, Глушковской суконной фабрикой.

Для проведения профориентационной работы был выпущен традиционный специальный номер газеты «Политехник», также публиковались в заводских периодических газетах материалы по подготовке кадров без отрыва от производства.

Продолжалось ежегодное проведение олимпиад школьников. Олимпиада «Абитуриент-85» была проведена в Курске, Курчатове и Железногорске. Итогом олимпиады стал традиционный День открытых дверей, на котором победителям олимпиады были вручены дипломы. Кроме того, появился формат малых дней открытых дверей, в рамках которых проводились факультетские дни открытых дверей.

Получила распространение форма профориентационной работы в виде связи с воинскими частями, в которых проходят или проходили службу студенты вуза, а также жители города Курска.

С целью учебы и обмена опытом в части профориентационной работы ответственный секретарь ПК принял участие в консультационном семинаре, проводимом Советом ректоров вузов г. Москвы в апреле 1985 года, а также в семинаре-совещании по вопросам набора в 1985 г. в г. Курске.

Продолжали свою работу подготовительные курсы. Срок подготовки увеличился, теперь продолжительность курсов варьировалась от одного

16 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.2012а. Л. 14.

месяца до полутора лет[17].

Курсы проводились в г. Курске при институте, в г. Железногорске при Михайловском горно-металлургическом техникуме, в г. Рыльске при средней школе №4, в г. Льгове при школе рабочей молодежи, в г. Курчатове при учебно-консультационном пункте Всесоюзного заочного электромеханического техникума, в Щиграх при производственном объединении «Геомаш».

Подготовка к комплектованию подготовительного отделения началась задолго до начала приема документов. Был разослан справочный материал на промышленные предприятия г. Курска и других городов, воинские части, райкомы ВЛКСМ Курской области.

Осенью преподаватели выезжали на предприятия г. Курска и других городов, в воинские части Курского гарнизона, где рассказывали о работе подготовительного отделения, обучении в вузе.

В рамках работы по формированию контингента подготовительного отделения КПИ проводились встречи и беседы с руководством цехов и служб предприятий по вопросу направления на ПО КПИ передовой рабочей молодежи, на досках объявлений фабрик и заводов размещались агитационные материалы, направлялись письма и справочные материалы в адреса предприятий, на которые распределялись выпускники КПИ.

В своей пропагандистской работе институт использовал Курское областное радио, областные и районные газеты Курской области, многотиражные заводские газеты, областные газеты гг. Орла, Брянска, Сум, Белгорода, Липецка.

С основными промышленными предприятиями Курской области и г. Курска были заключены долгосрочные договоры о социалистическом сотрудничестве, обязывающие предприятия направлять рабочую молодежь в КПИ для комплектования подготовительного отделения. ПО «Прибор», Курский трикотажный комбинат, ГПЗ-20, Завод «Счетмаш», ПО «Электроагрегат», Трест «Курскстроймеханизация», завод «Маяк», ПО «Химволокно».

По просьбе и на основании договоров с Михайловским ГОКом и Курской АЭС были сформированы группы вечернего подготовительного отделения в гг. Железногорске и Курчатове.

Особо отмечалась работа кафедр механико-технологического факультета по комплектованию контингента слушателей ПО, в результате которой на ПО было направлено 17 передовых рабочих иногородних предприятий[18].

Особенностью комплектования ПО КПИ в 1984-1985 учебном году стало открытие групп слушателей с сокращенным сроком обучения, сформированных из числа военнослужащих, уволенных в запас из рядов Советской Армии. Для этого преподаватели института были командированы в 24

17 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.2012а. Л. 17.

18 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.2012а. Л. 19-20.

военные части Москвы и Московской области, 5 военных частей Ленинграда и Калининграда, 3 военных части Таллина, а также 4 дивизии.

В 176 военных частей были направлены письма с информацией о приеме на подготовительное отделение КПИ в группы с сокращенным сроком обучения.

Для приема документов, проведения собеседования и оформления личных дел абитуриентов в 1985 году были утверждены составы отборочных комиссий по факультетам. При обработке документов использовалась подсистема АСУ ВУЗ «Абитуриент» на базе ЭВМ ВС-1022.

Предметные экзаменационные комиссии включали в себя преподавателей и ассистентов кафедр КПИ, учителей школ. Продолжался эксперимент по приему вступительных экзаменов с применением ЭВМ, в частности подсистемы «Прием» по предметам: математика, физика, химия. В связи с этим состав экзаменационных комиссий по этим предметам был значительно сокращен и институт не привлекал учителей школ[19].

Таким образом, на примере приемной комиссии Курского политехнического института прослеживаются характерные черты формирования нового вуза: от стороннего участия более опытных коллег из ВЗПИ в 1964 году до обретения полной организационной и методической самостоятельности к середине 1980-х годов. Это отражает общую тенденцию развития и укрепления региональных вузов как полноценных самостоятельных единиц системы высшего технического образования.

Из проведенного анализа архивных документов КПИ четко прослеживается изменение приоритетов социальной политики со стороны партийно-государственного руководства страны. Если в 1960-е – 1970-е гг. приоритетом было привлечение рабочей молодежи, то к середине 1980-х гг., в рамках реформы школы, фокус сместился на выпускников средних школ и техникумов. Деятельность приемной комиссии была прямым инструментом реализации этой политики.

При этом нельзя сказать, что для привлечения рабочей молодежи во второй десятилетке ничего не предпринималось. Подготовительные курсы и подготовительные отделения (ПО) выступали важнейшим социальным лифтом, позволявшим лицам с перерывом в образовании (рабочим, сельской молодежи, военнослужащим) конкурировать с выпускниками школ. Их деятельность была мощным фактором повышения образовательного уровня и профессиональной квалификации широких слоев населения.

В ходе исследования также было установлено, что деятельность приемной комиссии КПИ не ограничивалась Курской областью. В силу своего географического положения и технической направленности, КПИ играл

19 ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.2012а. Л. 9.

роль важного межрегионального центра подготовки специалистов по ряду дефицитных специальностей, например таких как строительство и сельское хозяйство, что обусловило обширную географию набора – области Центрально-черноземного региона, Украинской ССР.

Исследование выявляет ключевой механизм взаимодействия института и промышленности – систему долгосрочных договоров с предприятиями на подготовку кадров. Это был не просто набор абитуриентов, а элемент плановой экономики, обеспечивавший целевое распределение человеческих ресурсов и связь образования с конкретными производствами.

Работа комсомольских и общественных организаций в рамках приемной комиссии, агитационная работа на партийных собраниях и предприятиях подчеркивает, что прием в вуз был не только образовательным, но и идеологическим и общественно-политическим процессом, направленным на формирование лояльной советской технической интеллигенции.

Эволюция работы приемной комиссии КПИ отражает общую тенденцию бюрократизации и попыток внедрения научного управления в позднем СССР. Внедрение подсистемы АСУ ВУЗ «Абитуриент» и эксперименты с компьютерной сдачей экзаменов – яркие примеры «технократического подхода» в управлении образованием, стремления к оптимизации и формализации процессов.

В целом, исследование деятельности приемной комиссии КПИ позволяет рассматривать ее как микромодель советской системы высшего образования, в которой переплетались задачи идеологии, плановой экономики, социальной политики и технологического развития. Эволюция ее механизмов наглядно отражает изменение государственных приоритетов и адаптацию образовательной системы к социально-экономическим изменениям позднесоветского периода.

Библиографический список / Reference

1. Приказ Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 20 февраля 1964 г. «Об организации в г. Курске Курского политехнического института» // Государственный архив Курской области. – Ф. №Р-724. – Оп. 1. – Д.7.
2. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.16. Л. 20-21, 23.
3. Скорикова, Н. А. «В борьбе за проведение приема, за успеваемость, за требовательность»: Деятельность Иркутского политехнического института в 1960-е годы / Н. А. Скорикова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 196–205.
4. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.55. Л. 2.
5. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.368. Л. 2, 4, 14.
6. Шацкая, Е. П. Организация борьбы с эпидемией холеры в г. Астрахани и Астраханской области в 1970 г. / Е. П. Шацкая, А. А. Курапов // История и архивы. – 2022. – № 1. – С. 26–43.
7. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.859. Л. 2, 9, 13.
8. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.1454. Л. 4-5.
9. Постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 г. №13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 15. Ч. 1. 1983 г. – май 1984 г. – М.: Политиздат, 1985.
10. ГАКО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д.2012а. Л. 9, 14, 17, 19-20.

Синицын О.В.
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань. ORCID: 0000-0002-3728-5949 / Researcher ID: O-3365-2016

О процессах цифровизации в исторической науке и историческом образовании в России (по материалам периодической печати)*

Аннотация. Цифровизация это неотъемлемая составная часть современной науки и образования в средней и высшей школе. Цифровая история (Digital History) – сравнительно новая черта исторической науки и исторического образования в России. В статье представлен аналитический анализ публикаций российских исследователей о тенденциях, проблемах, поисках и решений в области применения цифровых технологий в научно-образовательной сфере. В России сложились ведущие центры цифровой гуманитаристики: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Пермский национально-исследовательский, университет, Томский государственный университет, Алтайский государственный университет, на соответствующих кафедрах которых сложился положительный опыт в практике использования цифровых технологий как в исторических исследованиях, так и в образовательной сфере. Это нашло отражение в научных журналах, специализирущихся в области цифровой истории и цифровой гуманитаристики. Особое место уделяется публикациям в научном журнале «Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании», который издается с 2012 года (главный редактор: Бородкин Леонид Иосифович, член-корр. РАН, доктор исторических наук, зав. кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ). В этом электронном журнале 18 основных рубрик, из них приоритетными по предмету рассмотрения статьи являются: новые методы и технологии обработки исторических источников; цифровая история; информативные технологии в историческом образовании. Публикуемые материалы отражают опыт оцифровки исторических источников и их компьютеризованного анализа, функционирования исторической науки и образования в новой цифровой среде в современной России.

Ключевые слова: цифровая история, историческое образование, историческая информатика, исторический источник, российские вузы, гуманитаристика, научный журнал.

Sinitzyn O.V.
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan. ORCID: 0000-0002-3728-5949 / Researcher ID: O-3365-2016

* © Синицын О.В., 2025.

On the processes of digitalization in historical science and historical education in Russia (based on materials from the periodical press)

Abstract. Digitalization is an integral part of modern science and education in secondary and higher education. Digital history is a relatively new feature of historical science and historical education in Russia. This article presents an analytical analysis of publications by Russian researchers on the trends, problems, searches, and solutions in the application of digital technologies in research and education. Leading centers of digital humanities have emerged in Russia: Lomonosov Moscow State University, Perm National Research University, Tomsk State University, and Altai State University, whose departments have accumulated positive experience in the use of digital technologies in both historical research and education. This is reflected in academic journals specializing in digital history and digital humanities. Particular attention is given to publications in the academic journal "Historical Informatics." Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research and Education, which has been published since 2012 (Editor-in-Chief: Leonid Iosifovich Borodkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, and Head of the Department of Historical Informatics at the Faculty of History of Moscow State University). This electronic journal has 18 main sections, with articles focusing on the following topics: new methods and technologies for processing historical sources; digital history; and information technologies in historical education. The published materials reflect the experience of digitizing historical sources and their computerized analysis, as well as the functioning of historical science and education in the new digital environment in contemporary Russia.

Key words: digital history, historical education, historical informatics, historical source, Russian universities, humanities, scientific journal.

Дигитализация в исторической науке и историческом образовании - новое научное направление и новая методологическая платформа со своими особенностями, концептуальными основами и технологиями. В научной литературе и периодической печати эти явления получили название «цифровая история» [*Володин*, 2012]. «Цифровой поворот» в исторической науке связывают чаще всего с массовой оцифровкой исторических источников в течение последних десятилетий и с расширенным онлайн доступом к ним в дополнение к традиционным письменным и вещественным первоисточникам.

В России данные процессы в сфере исторической науки и исторического образования находят отражение на научно-практических конференциях и на страницах периодической печати, в первую очередь в специальных научных журналах – «Историческая информатика», «Гуманитарная информатика», «Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер» и др. В центре их внимания оказываются вопросы массовой

цифровизации исторических источников и ее возможного влияния на методологию и принципы профессионального исторического исследования, а также соотношения исторической информатики, сложившейся за четверть века междисциплинарного направления исторической науки, и «цифровой истории» – сравнительно новой области цифровых гуманитарных наук. В России историческая информатика генетически связана с квантитативной историей; это предопределило направленность ее развития в период первого десятилетия XXI века, когда на Западе «исторический компьютинг» вошел в полосу кризисных явлений. Впервые феномен «цифрового поворота» логично структурирован на методологическом уровне как комплекс взаимосвязанных проблем с их национальной спецификой. Историческая информатика развивалась у нас в эти годы вполне успешно, и поэтому «цифровой поворот» не оказался для российских историков таким вызовом, как для историков других стран. Вызов коснулся, скорее, соотношения исторической информатики и возникшей за рубежом «цифровой истории», выявления тех новых аспектов, которые может привнести «цифра». И главным здесь является вопрос о том, в какой мере «цифровой поворот» может оказать влияние на профессию историка, методологию его исследовательской работы – с учетом того опыта, который был накоплен исторической информатикой за четверть века своего развития [*Бородкин, Владимиров*, 2019, с. 2].

Сформировались и ведущие научно-образовательные центры, и ученые, специализирующиеся на цифровой истории и ее применении в обучении. Это кафедра исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, центр цифровой гуманитаристики Пермского национально-исследовательского университета, Ассоциация «История и компьютер (АИК). Признанным авторитетом и лидером этого направления является зав. кафедрой исторической информатики МГУ Л.И. Бородкин.

Следует выделить и электронный научный журнал «Историческая информатика» в качестве основного центра публикационной активности в данном направлении. Журнал выходит с 2012 года и на сегодняшний день выпущено 42 номера, в которых опубликовано более 300 статей и рецензий. Связующими звеньями всех тех публикаций, которые анализируются автором, стали вызовы, возможности, перспективы и конкретный опыт различных исторических практик – источниковедения, историописания и преподавания истории.

Л.И. Бородкин отмечает, что « сам термин Digital History родился не в среде историков (исследователей и преподавателей), а в среде «прикладников», занимающихся IT-приложениями в музеях, архивах, других учреж-

дениях сохранения историко-культурного наследия, где решаются практические задачи оцифровки соответствующих материалов и обеспечения доступа к ним. Если обратиться к более ранним работам, упоминаемым в контексте Digital History, то ссылаются, как правило, на разработку электронных текстов, оптических дисков (CD-ROM), интерактивных карт, онлайновых презентаций учебного материала, виртуальных реконструкций, а также на проекты оцифровки архивных, музейных и библиотечных фондов, организации виртуальных выставок. В публикациях последних лет Digital History связывают иногда с разработками совместных проектов, онлайновых сообществ и социальных (профессионально-ориентированных) сетей, основанных на инновационных технологиях Web 2.0.» [*Бородкин*, 2012, с. 17].

В последние годы появились статьи ряда авторов, которые вошли в поле Digital History на основе своего опыта работы с компьютерными технологиями, цифровыми медиа в различных междисциплинарных проектах гуманитарного профиля, в сфере сохранения культурного наследия (включая музеи, архивы, библиотеки), в проектах по созданию масштабных электронных ресурсов. В этих статьях Digital History определяется как широкая область прикладных разработок, призванных усовершенствовать работу историков — исследователей и преподавателей — на основе компьютерных («цифровых») технологий, облегчить доступ пользователей к оцифрованным историческим ресурсам, повысить степень их наглядности и визуальной репрезентации[*Владимиров*, 2019].

Активно публикуется по этой проблематике доцент кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ, координатор дистанционных программ на этом факультете А.Ю. Володин. В своих работах он затрагивает и вопросы цифровизации в исторических исследованиях, и преподавания истории в вузах и школе [*Володин,* 2012, 2014, 2020].

Он утверждает о прямой практической пользе от «цифрового перехода». Во-первых, это проектный подход к решению научных проблем, предполагающий в качестве итога исследовательского труда конкретный информационный цифровой продукт, например, электронный онлайн-ресурс. В каком-то смысле возможности электронной публикации и сетевого доступа начинают играть роль «дополненной реальности», когда классические формы научного творчества (статьи, монографии) дополняются электронными ресурсами, содержащими цифровые приложения, часто имеющие самостоятельное научное значение.

Во-вторых, цифровые гуманитарные науки можно рассматривать как привлекательное для студентов направление обучения. При этом дисциплины, преподаваемые в циклах по цифровой гуманитаристике, имеют существенный технологический уклон, не теряя очевидной возможности

включения гуманитарных знаний и исследований в актуальную мультимедийную среду. тимедийную среду.

И, наконец, с третьей стороны, DH – это полезный для профессионального сообщества бренд, позволяющий ему обращаться за финансированием и административной поддержкой, предлагая инновационные решения для вполне классических гуманитарных дисциплин. Наблюдается значительный общественный интерес к результатам реализации проектов в области DH, прежде всего по той причине, что присутствие такого рода проектов в Интернете делает их более доступными любопытствующей публике. Вместе с тем онлайн-публикация результатов исследований способствует широкой международной дискуссии [*Володин*, 2014 (2), с. 6].

Оцифровка документов и памятников прошлого и настоящего воспринимается специалистами по-разному. Ученые в оцифровке видят прежде всего облегчение доступа к нужным для исследований документам. Архивисты спорят о том, должны ли быть цифровые копии фондом пользования или сохранным фондом. Библиотекари часто видят в оцифровке возможность привлечь внимание к редким и любопытным коллекциям. Специалисты в области информационных технологий в оцифровке усматривают возможности и ограничения технических средств оцифровки и форматов сохранения результатов. Вероятно, эти разные точки зрения объединяет необходимость сохранности историко-культурного наследия в цифровом формате, актуальная для направления DH.

Эти же идеи развивает И.М. Гарскова: «Привлекательность «цифрового поворота» для историков заключается в том, что он работает на совершенствование инфраструктуры и повышение информационного обеспечения исторических исследований, расширяя круг источников и литературы, доступных онлайн, а современная глобальная сетевая среда стимулирует спрос на такие ресурсы, в том числе и со стороны непрофессионалов. Этот этап отличается не только повышением интереса «широкой публики» к истории, но и вовлечением ее в создание масштабных цифровых ресурсов путем краудсорсинга, ростом попу*лярности Public History (публичной цифровой истории)*» [*Гарскова И.М.*, 2019, с. 58]. «Цифровой поворот», в отличие от других поворотов, сосредоточен не на характере информации источника, а на способе ее фиксации при хранении и передаче, это прежде всего ускоряющийся процесс накопления информационных ресурсов. Этот процесс идет давно, он начался еще в эпоху квантитативной истории, прошел такие этапы, как ввод информации в память компьютеров с клавиатуры, на перфокартах, перфолентах, магнитных лентах (это еще не называлось оцифровкой), сканирование и распознавание документов. Поэтому, в принципе, термин «цифровой поворот» мог появится и в эпоху «больших ЭВМ», и во время микрокомпьютерной революции, и вместе с появлением

Интернета [*Гарскова,* 2019, с. 59]. Как полагает Л.И. Бородкин «в русском языке, видимо, за этой областью останется название «историческая информатика» имея в виду среду профессиональных историков. Ведь речь идет не только о названии, но и о содержании. В среде же профессиональных IT-специалистов, ориентированных на прикладные разработки по «индустриальной» оцифровке больших массивов источников (включая мультимедийные репрезентации) и их пользователей, доминировать будет, возможно, термин «цифровая история» (менее удачный, чем Digital history)» [*Бородкин*, 2012, с. 20].

Впрочем, главный вопрос заключается в том, как сделать усилия по применению в исторических исследованиях современных информационных технологий и компьютеризованных методов более эффективными, как достичь на их основе более значимых результатов в исследовательской и образовательной деятельности историков. Думается, это потребует разумного сочетания процессов интеграции и дифференциации гуманитарных наук — процессов, идущих в XXI в. параллельными курсами.

Для нашей темы важной является рубрика журнала «Информационные технологии в историческом образовании». В центре внимания авторов статей стоят: новые термины и дефиниции в этой области, роль дигитализации как ключевой тенденции развития образования в виртуализирующемся обществе, роль «образования 2.0» как современной модели образования, соотношение цифровых и аналоговых баз данных, обучение виртуальной реконструкции историко-культурного наследия, стратегии, риски и перспективы цифровых образовательных систем (Л.И. Бородкин., В.Н. Владимиров, А.Ю. Володин, И.М. Гарскова, Л.Н. Мазур, Ю.Ю. Юмашева и др.).

Проблемы исторического образования в контексте цифрового поворота обсуждаются с опорой на конкретный практический опыт реализации образовательных программ в российских вузах, например, по образовательным линейкам бакалавр-магистр-аспирант (Л.И. Бородкин), по взаимодействию двух систем образования: компьютеризированной и традиционной (А.В. Бочаров, В.М. Мучник), по реализации проектов электронного обучения: онлайн курсов, онлайн экзаменов, анимации, комбинированного (смешанного) обучения (Г.В. Можаева, С.И. Корниенко)., использования историко-ориентированных информационных порталов в учебном процессе (Д.А. Гагарина).

Одной из ведущих тенденций современного образовательного процесса в вузах России становится электронное обучение (electronic learning, e-learning). Электронное обучение, как правило, осуществляется с использованием автоматизированной системы дистанционного обучения — управления учебным процессом (например, «Электрон-

ный университет», Moodle, «Прометей», WebTutor и др.), позволяющей организовать доступ к информационному и учебно-методическому обеспечению программ (специализированным базам данных, электронным учебным пособиям, аудио- и видеоматериалам, тестирующим системам), осуществить опосредованные коммуникации, используя различные информационные технологии для обеспечения непрерывной интернет-поддержки учебного процесса. При этом в условиях расширения электронного обучения в университете можно и нужно развивать различные программные платформы, востребованные преподавателями, обеспечивая интеграцию этих электронных сред.

Как отмечала директор Института дистанционного образования Национального исследовательского Томского государственного университета Г.В. Можаева «наиболее перспективным направлением в развитии ЭО в последние годы стало комбинированное (смешанное — blended learning) обучение, основанное на сочетании принципов и технологий ЭО и традиционных аудиторных занятий. При этом комбинированное обучение также становится все более разнообразным, предполагая проведение одновременных занятий для распределенной аудитории, когда часть студентов находится в обычной аудитории с преподавателем, часть подключается к занятию в режиме on-line (вебинар, видеоконференция, скайп) с домашних компьютеров или из удаленной аудитории. Более того, часть студентов, которая по разным причинам не смогла участвовать в занятии on-line, при таком обучении получает возможность изучить материал с помощью технологий offline — через систему дистанционного обучения, получив доступ к учебным материалам, видеозаписи вебинара, практическим заданиям и др. Смешанное обучение предполагает организацию самостоятельной работы студентов через массовое использование электронных курсов, разработанных в различных средах, виртуальных и удаленных лабораторных комплексов, систем дистанционного обучения, социальных сетей и сервисов Веб 2.0 и др., частичное перенесение отдельных видов занятий в виртуальную электронную среду, организацию в ней проектной деятельности» [*Можаева,* 2013, с. 94].

Смешанное обучение имеет серьезные перспективы в организации гуманитарного образования, в частности обучения по историческим дисциплинам, которые, на первый взгляд, легко переводятся в режим так называемого полнообъемного электронного обучения, но при серьезном подходе к учебному процессу требуют существенной доли аудиторных занятий, связанных с источниковедческой, методологической и другой подготовкой. Вместе с тем ряд занятий, направленных на изучение теоретического материала, отработку некоторых умений (например, в археологии и др.) на тренажерах, организацию текущего контроля, в историческом образова-

нии максимально эффективно может быть реализован в концепте смешанного обучения.

Положительный опыт такого направления в образовательных технологиях имеет Казанский (Приволжский) федеральный университет. С 2020 г. с начала пандемии Covid-2019 для организации занятий в КФУ в режиме онлайн сразу была выбрана платформа Microsoft Teams, которая активно применяется и сейчас наряду с нашей собственной платформой онлайн-курсов на базе среды Moodle. Во всех институтах были созданы группы поддержки для преподавателей, впервые столкнувшихся с работой в онлайн-командах. В апреле-мае 2020 года ежедневно в режиме онлайн в КФУ проходило около 4 000 занятий, более 95 процентов из них - в Microsoft Teams. В мае 2020 года совместно с Microsoft был организован первый в истории по таким масштабам международный онлайн-форум по педагогическому образованию virtual IFTE-2020 с участием около 900 экспертов и почти 5,5 тысячи посетителей из разных уголков планеты. Важным уроком стало понимание того факта, что физическое присутствие студентов в кампусе университета является необходимым существенным моментом организации образовательной деятельности. Ведь образование - это не только передача информации от профессора ученику. Овладение знаниями, умениями, навыками происходит в процессе их совместной работы, общения, а также в процессе взаимодействия студентов между собой. Цифровые технологии не в состоянии обеспечить необходимый уровень коммуникации, несмотря на бурный рост числа программных средств в последнее время.

С другой стороны, цифровые технологии облегчают документальное сопровождение образовательного процесса, во многом освобождая преподавателей от рутинной работы. Студентам электронные образовательные ресурсы позволяют экономить время, получать знания в любой точке мира, не заботясь о расстояниях, и охватывать максимальное для себя количество необходимых дисциплин. Уроком стало осознание недостаточных темпов цифровизации этой деятельности, а также необходимости перехода к индивидуализации обучения, внедрения всех элементов смарт-университета.

Но, в целом практически все авторы солидарны в том, что при получении как первого, базового высшего образования, так второго и третьего (магистратура-аспирантура) в современном университете должно присутствовать сочетание как современных цифровых технологий, так и прямого общения обучающихся с преподавателями, экспертами, учеными.

Библиографический список:

1. Бородкин Л.И. Digital History: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного насле-

дия? // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 14-21.
2. Бородкин Л.И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3-4. С. 56-67.
3. Бородкин Л.И. Инварианты исторической информатики в изменяющемся мире // Историческая информатика. 2019. № 1. С. 1-7.
4. Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // Историческая информатика. 2019. № 3. С.1-5.
5. Владимиров В.Н. За цифровым поворотом: история продолжается // Историческая информатика. 2019. №3. С. 31-42.
6. Володин А.Ю. История в цифровую эпоху: своевременные мысли // Историческая информатика. 2012. Вып. 2. С. 88-91.
7. Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 3 (26). С. 5-12.
8. Володин А.Ю. Цифровая история (digital history): виртуальная реальность или исследовательская практика // Стены и мосты II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. – М.: 2014. С. 140-147.
9. Володин А.Ю. История онлайн: о применении электронных ресурсов в обучении истории // Преподавание отечественной истории: исторические факты и их интерпретации. – М.: Экон-информ, 2014. С. 68-75.
10. Володин А. Ю. Цифровая трансформация истории? Данные, стандарты, подходы // История 2020. Выпуск 3 (89) // URL: https://history.jes.su/S207987840009746-9-1 (Дата обращения: 09.06.2022).
11. Гарскова И.М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С.57-75.
12. Можаева Г.В. Комплексный подход в реализации проектов электронного обучения в вузе // Историческая информатика. 2013. № 4. С.91-98.
13. Беляева Н.Н. К вопросу организации индивидуальных занятий в классе баяна и аккордеона в ВУЗе // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 48-54.

Reference

1. Borodkin L.I. Digital History: the application of digital media in the preservation of historical and cultural heritage? // Historical Informatics. 2012. № 1. P. 14-21.
2. Borodkin L.I. The “digital turn” in discussions at the XXII International Congress of Historical Sciences (China, 2015) // Historical Informatics. 2015. № 3-4. P. 56-67.
3. Borodkin L.I. Invariants of historical informatics in a changing world // Historical Informatics. 2019. № 1. P. 1-7.
4. Borodkin L.I., Vladimirov V.N. Historical research in the context of the “digital turn”: new challenges, new answers // Historical Informatics. 2019. № 3. P. 1-5.
5. Vladimirov V.N. Beyond the digital turn: history continues // Historical Informatics. 2019. № 3. P. 31-42.
6. Volodin A.Yu. History in the digital age: timely thoughts // Historical Informatics. 2012. Issue 2. P. 88-91.
7. Volodin A.Yu. Digital Humanities: in search of self-definition // Bulletin of Perm University. Series “History”. 2014. № 3 (26). P. 5-12.
8. Volodin A.Yu. Digital history: virtual reality or research practice // Walls and Bridges II: Interdisciplinary and multidisciplinary studies in history. – Moscow: 2014. P. 140-147.
9. Volodin A.Yu. History online: on the application of electronic resources in history teaching // Teaching of national history: historical facts and their interpretations. – Moscow: Econ-inform, 2014. P. 68-75.
10. Volodin A. Yu. Digital transformation of history? Data, standards, approaches // History 2020. Issue 3 (89) // URL: https://history.jes.su/S207987840009746-9-1 (09.06.2022).
11. Garskova I.M. “Digital turn” in historical research: long-term trends // Historical Informatics. 2019. № 3. P. 57-75.
12. Mozhaeva G.V. A comprehensive approach to the implementation of e-learning projects in a university // Historical Informatics. 2013. № 4. P. 91-98.
13. Belyaeva N.N. On the issue of organizing individual lessons in the bayan and accordion class at a university // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 48-54.

Суслова А.А.
Магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

«Подрывная литература»: революционные брошюры в отчётах Главного управления по делам печати МВД России (1909 г.)*

Аннотация. В статье анализируются революционные брошюры, рассматриваемые в отчетах I отделения канцелярии Главного управления по делам печати МВД Российской империи в 1909 г. Дана характеристика историографии проблемы. На основе материалов Российского государственного исторического архива (ф.776) исследуется восприятие властью «подрывной литературы» как инструмента политической агитации. Рассматриваются методы цензуры и оценки, применяемые к революционным изданиям в Российской империи начала XX в. Приводятся наиболее характерные примеры подпольных брошюр (критика императора, Государственной думы, армии, полиции, аграрной реформы П.А. Столыпина, публикация материалов секретных правительственных совещаний). Отдельно обращается внимание на подпольную публикацию художественных произведений с революционной агитацией, в частности, «сказок» Ф.Ф. Волховского. Делается вывод об эффективности разнообразных форм текстовой агитации революционных организаций.

Ключевые слова: революционное движение, террор, 1909 год, Главное управление по делам печати МВД, революционные прокламации, политическая полиция, подпольная печать, брошюры, типография, пропаганда.

Suslova A.A.
Master's student. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

"Subversive literature": revolutionary pamphlets in the reports of the main directorate for press affairs of the Russian ministry of internal affairs (1909)

Abstract. The article analyzes the revolutionary pamphlets considered in the reports of the First Department of the Chancellery of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1909. The characteristic of the historiography of the problem is given. Based on the materials of the Russian State Histor-

* © Суслова А.А., 2025.

ical Archive (f.776), the author examines the perception of "subversive literature" by the authorities as an instrument of political agitation. The methods of censorship and evaluation applied to revolutionary publications in the Russian Empire at the beginning of the XX century are considered. The most typical examples of clandestine pamphlets are given (criticism of the Emperor, the State Duma, the army, the police, P.A. Stolypin's agrarian reform, publication of materials from secret government meetings). Special attention is paid to the clandestine publication of artistic works with revolutionary agitation, in particular, "fairy tales" by F.F. Volkhovsky. The conclusion is made about the effectiveness of various forms of textual agitation of revolutionary organizations.

Key words: the revolutionary movement, terror, 1909, the Main Press Department of the Ministry of Internal Affairs, revolutionary proclamations, political police, underground press, pamphlets, printing house, propaganda.

Период после Первой русской революции 1905–1907 годов и учреждения Государственной Думы стал для Российской империи временем обманчивой стабильности, скрывавшей под собой глубокие и неразрешенные противоречия. Как справедливо отметил классик отечественной историографии революционного движения С.В. Тютюкин, «революция началась потому, что с каждым годом становился все более очевидным анахронизм самодержавной системы, ее кричащее несоответствие вызовам времени и желаниям миллионов россиян. Исторически закономерным оказался и ее финал. Власть была еще достаточно сильна, чтобы не дать свалить себя, а ее противники не смогли соединить свои усилия и найти оптимальную равнодействующую своих разнородных интересов для того, чтобы победить» [14, С. 582].

Основной революционный накал был пройден, однако дарованные политические свободы и создание представительного органа – Государственной Думы – многие восприняли как недостаточные уступки, неспособные решить коренные социально-экономические и политические проблемы страны. Сохранение самодержавной власти в руках императора, ограниченный характер реформ, вкупе с нерешенным аграрным вопросом, тяжелым положением рабочих, национальным гнётом, притеснением окраин и антисемитизмом вызывали лишь большее недовольство в обществе.

Разочарование в парламентском пути развития, проявлявшееся в роспуске первых двух Дум, подталкивало радикальные элементы к насильственным методам борьбы, в то время как репрессивная политика правительства лишь подливала масла в огонь. Активизация революционных и контрреволюционных сил, эскалация политического террора и атмосфера всеобщего страха создавали ощущение надвигающейся катастрофы. Неспособность правительства предложить эффективные решения и растущее социальное напряжение делали неизбежным новый взрыв, предчувствие которого витало в воздухе, предвещая грядущие потрясения, которые ра-

дикально изменят облик такой разной Российской империи.

Крестьянам обещали землю, рабочим – улучшение условий труда и повышение заработной платы, национальным меньшинствам – относительные равноправие и автономию. Агитация велась как легальными, так и нелегальными методами: через газеты, брошюры, листовки, митинги, стачки и другие формы протеста. Революционеры стремились не только распространять свои идеи, но и организовывать народные массы, готовить их к новым революционным выступлениям. Они верили, что только массовое народное движение способно свергнуть самодержавие и установить новый, более справедливый социальный порядок. Л.Д. Троцкий, выступая в 1905 г., отмечал: «Необходимо возможно более использовать эти условия для самой широкой агитации и организации в рядах пролетариата» [17, С. 291]. В условиях политической нестабильности и социального напряжения агитация революционеров находила все больше откликов в обществе, что делало их деятельность все более опасной для правящего режима

Революционная пропаганда часто распространялась в виде анонимных брошюр, напечатанных нелегально «кустарным методом» (например, на гектографах или с помощью примитивных печатных станков). Это делалось для конспирации и защиты от ареста. Анонимность затрудняет достоверную атрибуцию авторства и отслеживание происхождения этих материалов.

Власти активно боролись с распространением революционной литературы. Многие обнаруженные брошюры конфисковывались и уничтожались по решению суда. Это приводило к физическому исчезновению важных источников, что делает их изучение крайне сложным, поэтому в этом вопросе исследователю могут помочь материалы Министерства внутренних дел, а именно отчёты Главного управления по делам печати МВД. Данные отчёты помогут узнать не только новую информацию относительно утерянных для нас революционных материалов, но и проследить настоящую, живую реакцию властей на уже известные исследователю страницы. Анализ правительственных документов помогает понять, как власти оценивали степень революционной угрозы, какие меры они предпринимали для ее нейтрализации, насколько эффективными были эти меры.

Источниковую базу для данного исследования составили отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) отчёты I отделения канцелярии Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел за 1909 г. Этот год является весьма показательным для изучения общественных и революционных настроений и веяний Российской империи. Уже прошла Первая русская революция, закончилась русско-японская война и образована Государственная Дума – эти события имели огромное влияние на жизнь в империи, они ярко отражены в

различных источниках того периода. Прошло и определенное время с этих событий, общество и подпольные революционные/террористические организации их отрефлексировали и высказали своё мнение в брошюрах и прочих печатных изданиях. Материалы РГИА позволяют более чем полно раскрыть тему о революционных брошюрах. Архивное наследие позволяет не только проследить эволюцию идей революционеров и реконструировать картину революционной пропаганды, но и понять механизмы взаимодействия между революционерами и властью, а также проследить динамику развития политической борьбы в Российской империи в преддверии новых революционных потрясений. Изучение же дел за 1909 г., в свою очередь, позволяет углубиться в конкретные примеры и выявить особенности пропагандистской деятельности революционеров в данный период времени.

В историографии изучение революционной печати и реакции официальной власти на неё в Российской империи занимает определённое место. Ранние исследования, начиная с работ советских историков 1920–1930-х годов, например, многие статьи в журнале «Историк-марксист», издаваемом с 1926 по 1941 гг., акцентировали внимание на роли брошюр и листовок как средств пропаганды и мобилизации революционных масс, рассматривая их преимущественно через призму классовой борьбы. Впоследствии, начиная с 1960–1970-х годов, историки стали уделять большее внимание поэтапному, хронологическому развитию бумажной политической агитации. Можно отметить работы Ю.З. Полевого [16], А.И. Меркулова, А.В. Манько [4], Б.И. Есина [2]. С 1990-х годов российские учёные, занимающиеся историей подпольной журналистики в дореволюционной России – Г.В. Жирков [3], А.В. Шевцов [19] и другие – предлагают комплексный подход, соединяющий анализ содержания брошюр, методы контроля и практику архивного учёта, что позволяет увидеть многогранное взаимодействие революционного движения и государственных структур.

Необходимо отметить, что критика властей, их действий, властных структур велась очень активно и осуждались абсолютно все политические решения императора и Государственной Думы. Революционеры «проходились» и по армии, и по церковным властям, и по многим другим социальным институтам того времени.

Характерный отрывок касательно призывной политики и военных мятежей содержится в отчёте МВД, а именно Канцелярии Главного управления по делам печати: «Автор брошюры не только относится сочувственно к революционным волнениям, имевшим место в некоторых частях нашей армии и крепостях Свеаборг и Кронштадт, но и начинает ряд пожеланий, программу для будущих революционных волнений в армии, говоря, что главною их целью должно быть свержение правительства» [5, С. 4]. В этом же отчёте, как пишет цензор, автор цитирует классиков отечественного ле-

вого движения: «Вспоминая события 1905 года автор цитирует Хрусталёва, Кропоткина, Плеханова» [5, С. 4] и выдвигает тезис о том, что царская власть держится лишь на военном контингенте: «Обращает внимание несдержанностью следующая фраза: "соображения о необходимости обеспечить существование умирающего режима силой одних только штыков"» [5, С. 5], «самодержавное правительство особо охраняет казарму» [5, С. 5].

Одним из методов просвещения и агитационной борьбы, который использовали революционеры, была публикация стенограмм важных правительственных заседаний. Власти не желали распространения этих сведений, например, касательно будущей призывной политики, а революционеры активно всё подпольно публиковали: «Приведены речи наибольшего значения, заседания были закрытыми, а посему оглашение даже выдержек из стенографического отчёта — преступное деяние» [5, С. 5]. В данном случае в печать попал «Законопроект о контингенте новобранцев» 1907 г. Анонимный автор брошюры выражает своё ярое отторжение по отношению к действующему режиму и исполнителям царской воли: «Совет министров — безответственный военно-полевой комитет Столыпина», «каждый офицер достоин имени палача», «преступное царское правительство» [5, С. 4].

Яркие и негативно окрашенные предложения относительно властей Российской империи встречаются в подобных брошюрах и литературе крайне часто: «В интересах самозащиты кровавое самодержавие прибегает к усиленному угнетению покорённых национальностей, парализуя их духовное возрождение и общественное развитие» [5, С. 5], «Пока существует самодержавие со всеми своими опорами – деревню будут сечь не взирая ни на какие манифесты, одни отменённые платежи будут заменяться другими. Голод, бесправие, экзекуции, тюрьмы воспитали деревню» [6, С. 5], «Безвластная Дума» [7, С. 4]. Даже уже только по трём этим предложениям из разных дел, рассматриваемых МВД, исследователь может сделать вывод о многообразии претензий к верховной власти от леворадикальных групп населения: от проблемы необходимости предоставления больше свобод национальным меньшинствам и окраинам до неудавшейся аграрной реформы.

В подпольных брошюрах публиковались программы и уставы партий левого толка. «Единственные защитники народных интересов – левые партии» [5, С. 6]. Они призывали рабочих и крестьян к свержению власти, насилию против вышестоящих слоев населения, что тоже отслеживалось властями: «Названная брошюра заключает в себе возбуждение классовой борьбы между крестьянством и помещиками в целях совершить перемещение из рук одного класса в руки другого поземельных имуществ, причём средствами борьбы избираются: пропаганда в крестьянстве, организация крестьян для классовой за имущество борьбы»[5, С. 5], «Существование са-

модержавия становится в непримиримое противоречие с ростом страны. Его низвержение является не только ближайшей и неотложной задачей социально-революционных партий, но и важным фактором международного прогресса» [10, С. 4]. Стоит отметить, что слово «низвержение» подчеркивает следующее: противоречие между самодержавием и ростом страны является абсолютно нерешаемым и не может быть разрешено путем компромиссов или постепенных реформ. Это слово является одним из ключевых элементов революционной риторики и отражает радикальные взгляды автора.

Но не только насилие предлагают народным массам издатели такой литературы. Во многих делах МВД о подобных брошюрах читатель может найти неоднократное упоминание необходимости созыва Учредительного собрания или нового состава Думы для решения всех важных вопросов и определения дальнейшего пути страны: «содействие созыву Думы с учредительными и с составом, определяемым выборами прямыми, тайными и всеобщими. Эта дума имеет право ввести строй парламентарный с правительством, подчинённым Думе» [7, С. 5], «Через своих истинных избранников решит дело в интересах крестьянской бедноты всенародное учредительное собрание» [6, С. 6]. Таким образом, в революционной пропаганде того времени призывы к насилию соседствовали с идеями созыва Учредительного собрания. С одной стороны, революционеры были готовы применить силу для свержения самодержавия. С другой стороны, борцы понимали, что будущая власть должна быть легитимной и опираться на представительный орган, выбранный народом. По этим причинам они стремились привлечь на свою сторону как можно больше людей, обещая им решение насущных проблем и установление более справедливого общественного строя. Сочетание радикальных и умеренных целей, ориентации на насилие и демократию делали революционное движение в России крайне противоречивым и сложным явлением.

Примечательно, как, по мнению левых авторов, Дума может неожиданно повлиять на настроения населения империи, став одним из этапов борьбы. Уместно вспомнить слова деятеля леворадикального революционного движения, одного из основателей и руководителей Партии социалистов-революционеров и её Боевой организации, Григория Андреевича Гершуни: «Вооруженное восстание необходимо, но ввиду неподготовленности народных масс следует ожидать того времени, когда Дума воспитает своей деятельностью народное сознание и окажет на народ своё организующее и революционное влияние. Дума в сознании народном теперь только один из этапов революционного движения» [11, С. 5]. Конечно, выражение таких смелых высказываний было крайне чревато и в то время влекло за собой ответственность для авторов и издателей подобной литературы, что мы и встречаем в приговоре в этом же деле: «На основании изложенного Санкт-

петербургский комитет постановил: 1) Привлечь к законной ответственности по силе ст.103 и п.п.1 и 4 ст.129 Уголовного уложения. 2) Наложить на неё арест на основании ст. 3 IV отд.» [11, С. 5].

Еще одной из центральных тем подобной агитационной литературы является аграрная реформа П. А. Столыпина. Возможно, Столыпинская реформа была последней реальной возможностью для России избежать революции. Однако, к сожалению, по ряду причин реформа была проведена достаточно непоследовательно, а главное, слишком поздно. Данный комплекс преобразований привёл к ещё большему имущественному расслоению в деревне, на что указывали эсеры и марксисты: «Крайне тенденциозно и фальшиво освещая смысл и значение мероприятий русского Правительства, направленных на разрешение, так называемого, аграрного вопроса, автор социал-демократ видит в них «способы ограбления народа» и «закабаления населения». Называя наше Правительство ничтожным, подкупающим население, способным «с удовольствием придушить всех протестующих против её политики и утопить в крови возмущение народа», пишет автор» [8, С. 4]. А вот какие меры предлагает анонимный социал-демократ в этой же брошюре: «По убеждению автора, только с крушением современного строя можно будет коренным образом перестроить Крестьянский банк, в управлении которым должны принять участие и представители местных самоуправлений, основанного на начале всеобщего, равного, тайного голосования» [8, С. 4].

Отдельной группой среди отчётов Управления по печати того периода идут отчёты о художественных произведениях с заложенных в них недвусмысленной революционной агитацией.

Почему такая проза вообще существовала? Она позволяла донести революционные идеи и ценности до широких масс в более понятной и эмоционально привлекательной форме, чем сухие политические трактаты и брошюры. Литературные произведения могли ярко и наглядно изображать страдания угнетенных, несправедливость существующего строя, героизм борцов за свободу и привлекательность будущего, которое обещала революция. В этом отношении показательно дело №1756 «О брошюре “Как мужик у всех в долгу остался. Ф. Волховский”» [1]. Процитируем часть данного отчёта Управления по делам печати МВД дабы просмотреть примерное содержание произведение и реакцию центрального государственного органа на него: «В сказке этой рассказывается как мужик, живший с бабой и чортом был обездолен чортом через выдуманных им кулака, барина и царя. Сказка представляет царя в комичном виде и оскорбительных выражениях, автор приписывает ему жестокие меры» [1, С. 6]. МВД приводит также и очень недвусмысленную ироничную и жуткую цитату из этой «сказки»: «P.S. О том, как мужик скинул все эти долги со своего горба будет особая

сказка» [1, С. 6]. Разумеется, речь идёт о революции. По мнению автора отчёта: «Цель автора: оказать Царской власти дерзостное неуважение и порицание существующему у нас образу правления, а также возбуждение неприязни крестьянского населения к прочим сословиям» [1, С. 6] и подобный вывод, как мне кажется, вовсе неудивителен, если принимать во внимание биографию автора произведения.

Феликс Вадимович Волховский (1846–1914) – известный эсер, журналист и писатель. Волховский (настоящая фамилия Волкенштейн) был заметной фигурой в российском революционном движении второй половины XIX века, народником, эмигрантом и писателем, известным, в частности, своими «революционными сказками». «Революционные сказки» Волховского были созданы с целью пропаганды революционных идей среди детей и неграмотных крестьян. Он стремился сделать сложные политические концепции понятными и доступными для широкой аудитории. Одной из самых известных его «революционных сказок» является «Сказка о том, как мужик царя искал» [9]. Как уже можно догадаться, сказка заканчивается призывом к мужикам объединиться и свергнуть царя, чтобы установить справедливый для простого люда порядок.

Особого внимания заслуживает ещё одно художественное произведение, разобранное в отчёте Министерства внутренних дел, брошюра на эстонском языке «Сон под Первое мая». «В означенной брошюре говорится о фабричном рабочем Фёдоре, который состоит членом тайного союза рабочих. В разговоре с женой он высказывает свои мысли: «Нам нужно добиться многого. Можно добиться того, что и хозяев над нами не будет, сами все дела вести будем и огромную прибыль перестанем в их карманы горою сваливать. Все работать должны. Не должно быть хозяев у фабрик и заводов. Все рабочие сообща ими владеть будут, и будут все равны, и тогда только все люди добьются счастья!»» [13, С. 5]. Мы видим, что через уста главного героя анонимный автор озвучивает чаянья и надежды пролетариата. Далее же идёт ещё более интересный сюжетный ход: «В трактире Фёдор встречает рабочего бельгийца, который говорит: «Мы празднуем первое мая открыто для того чтобы показать буржуазии свою силу, силу своей армии. Армии рабочих десятками тысяч проходят по улицам и заставляют содрогнуться всех угнетателей и врагов трудового люда. Наши товарищи идут гордо и спокойно, ни полиция, никто другой не могут помешать им праздновать великий день открыто: это наше право, это завоевали мы борьбой!». Речь бельгийца о том, как боролись рабочие бельгийцы рабочие слушают, не проронив ни слова» [13, С. 6]. Речь бельгийского рабочего акцентирует внимание на «силе своей армии», то есть на организованной силе рабочего класса. Это свидетельствует о вере в то, что, по мнению автора, именно рабочий класс является главной движущей силой революции

и способен изменить существующий миропорядок, читатель, а именно простой рабочий, вдохновится речами бельгийского товарища и изменит окружающую его социальную реальность.

Анализ революционной пропаганды начала XX века в Российской империи выявляет многоаспектный характер критики царского режима и разнообразные формы агитации, использовавшиеся леворадикальными силами для воздействия на общественное мнение. Критика самодержавия охватывала широкий спектр проблем: от неэффективности военной организации до дискриминационной национальной политики и неразрешенности аграрного вопроса, усугублявшего и так нелегкое положение крестьянства. Революционеры умело использовали эти проблемы, представляя их как прямое следствие некомпетентности и несправедливости царской власти.

Таким образом, для распространения своих идей революционные организации прибегали к самым разным формам текстовой агитации. Наряду с программными документами партий, предлагавшими конкретные пути решения наболевших проблем, широко использовались речи с собраний, отражающие текущие события и настроения в обществе. Особое распространение получили художественные произведения, например, «революционные сказки», которые в доступной и эмоциональной форме доносили революционные идеи до широких масс, в том числе до неграмотного крестьянства и рабочих.

Царские власти, осознавая опасность революционной пропаганды, активно боролись с ней. Министерство внутренних дел, и в частности, Управление по делам печати, осуществляли жесткий контроль над печатными изданиями, выявляя любые проявления «неуважения к власти» и «подстрекательства к свержению Императора». Против авторов и распространителей революционной литературы возбуждались уголовные дела по статьям 103 и 129 Уголовного уложения 1903 г. [18], предусматривавшим суровые наказания за государственные преступления и участие в антиправительственных организациях. Однако, несмотря на репрессии, революционная пропаганда продолжала распространяться, находя все больше откликов в обществе, что свидетельствовало о глубоком кризисе самодержавной системы и нарастании революционных настроений в России. Борьба между революционерами и властями за умы народа стала важным фактором, предопределившим дальнейшее развитие событий и в конечном итоге приведшим к падению царского режима.

Библиографический список:

1. Волховский Ф. Как мужик у всех в долгу остался : сказка / Ф. Волховский. – СПб.: [б. и.], 1906. 22 с.
2. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета / Б. И. Есин. – М.: МГУ, 1971. 86 с.

3. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учебное пособие / Г.В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
4. Меркулов А.И., Манько А.В. Большевистская подпольная печать в годы реакции / А.И. Меркулов, А.В. Манько. – М.: Высшая школа, 1980. 160 с.
5. О брошюре «Народная армия №4-5. Всероссийский офицерский союз» // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776 Оп. 9 Д.1901. Л. 4.
6. О брошюре «А.Дивильковский. Какие есть права у крестьян» // РГИА. Ф.776 Оп.9 Д.1882. Л. 6.
7. О брошюре «Б.В. Как правительство решает аграрный вопрос» // РГИА. Ф. 776 Оп.9 Д.1827. Л. 4.
8. О брошюре «В.Б. Как правительство решает аграрный вопрос» // РГИА. Ф. 776 Оп. 9 Д.1828. Л.5.
9. О брошюре «Как мужик у всех в долгу остался. Ф.В.Волховский» // РГИА. Ф. 776 Оп.9 Д. 1756. Л. 6.
10. О брошюре «Программа и устав крестьянских партий» // РГИА. Ф. 776. Оп.9 Д. 1900. Л. 5.
11. О Брошюре «Речь Гершуни, произнесённая на экстренном съезде партии-социалистов революционеров» // РГИА. Ф. 776. Оп.9. Д.1754. Л. 5.
12. О брошюре «Сборник программ политических партий» // РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д.1825. Л.4.
13. О брошюре на эстонском языке «Сон под Первое мая» // РГИА. Ф. 776. Оп.9. Д. 1829. Л.6.
14. Первая революция в России: взгляд через столетие. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
15. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории / Г.В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. – М.: Госполитиздат, 1956. Т. II. С. 282-319.
16. Полевой Ю.З. Из истории рабочей печати / Ю.З. Полевой. – М. Политиздат, 1962. 262 с.
17. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Наша первая революция. Ч. 1 / Л.Д. Троцкий. – М.-Л.: Госиздат, 1925. 648 с.
18. Уголовное уложение Российской империи 1903 г.: состоящее из исправленных и дополненных законов. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1903. 546 с.
19. Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века / А.В. Шевцов. – СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997. 316 с.
20. Чапкин Н.С. Информационно-коммуникационные технологии в организации электронного бакалавриата // Альманах «Крым». 2021. № 24. С. 102-112.

Reference

1. Volkhovsky F. How a peasant ended up in debt to everyone: a fairy tale / F. Volkhovsky. – St. Petersburg: [n.p.], 1906. 22 p.
2. Esin B. I. Russian pre-revolutionary newspaper / B. I. Esin. – Moscow: Moscow State University, 1971. 86 p.
3. Zhirkov G. V. History of censorship in Russia in the 19th–20th centuries: a textbook / G.V. Zhirkov. – Moscow: Aspect Press, 2001. 368 p.
4. Merkulov A.I., Manko A.V. Bolshevik underground press during the years of reaction / A.I. Merkulov, A.V. Manko. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1980. 160 p.
5. On the brochure "People's Army No. 4-5. All-Russian Officers' Union" // Russian State Historical Archive (hereinafter – RGIA). Fund 776 Op. 9 Case 1901. Sheet 4.
6. On the brochure "A. Divilkovsky. What rights do peasants have" // RGIA. Fund 776 Op. 9 Case 1882. Sheet 6.
7. On the brochure "B.V. How the government solves the agrarian question" // RGIA. Fund 776 Op. 9 Case 1827. Sheet 4.
8. On the brochure "V.B. How the government solves the agrarian question" // RGIA. Fund 776 Op. 9 Case 1828. Sheet 5.
9. On the brochure "How a peasant ended up in debt to everyone. F.V. Volkhovsky" // RGIA. F. 776 Op. 9 D. 1756. L. 6.
10. On the brochure "Program and Charter of Peasant Parties" // RGIA. F. 776. Op. 9 D. 1900. L. 5.
11. On the brochure "Gershuni's Speech Delivered at the Extraordinary Congress of the Socialist-Revolutionary Party" // RGIA. F. 776. Op. 9. D. 1754. L. 5.
12. On the brochure "Collection of Programs of Political Parties" // RGIA. F. 776. Op. 9. D. 1825. L. 4.
13. On the brochure in Estonian "A Dream on May Day" // RGIA. F. 776. Op. 9. D. 1829. L. 6.
14. The First Revolution in Russia: A View Through a Century. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 2005. 602 p.
15. Plekhanov G.V. On the Question of the Role of the Individual in History / G.V. Plekhanov // Selected Philosophical Works: in 5 vols. – Moscow: Gospolitizdat, 1956. Vol. II. pp. 282-319.
16. Polevoy Yu.Z. From the History of the Workers' Press / Yu.Z. Polevoy. – Moscow: Politizdat, 1962. 262 p.
17. Trotsky L.D. Works. Vol. 2. Our First Revolution. Part 1 / L.D. Trotsky. – Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1925. 648 p.
18. Criminal Code of the Russian Empire of 1903: consisting of amended and supplemented laws. – St. Petersburg: Printing House. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1903. 546 p.
19. Shevtsov A.V. Publishing activities of Russian non-socialist parties at the beginning of the 20th century / A.V. Shevtsov. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian National Library, 1997. 316 p.
20. Chapkin N.S. Information and communication technologies in the organization of electronic bachelor's degree // Almanac "Crimea". 2021. № 24. P. 102-112.

Салихов Р.Т.
Кандидат исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 1382-2780

Гали Б.Т.
Доктор исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 5400-4697

Галиуллин Р.Р.
Кандидат филологических наук, доцент. Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны. SPIN-код: 7370-7624

Гатауллина Л.Н.
Доктор исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 2027-3278

История и особенности формирования суфийских тарикатов: от всеобщего единства к региональному многообразию*

Аннотация. Статья посвящена анализу многообразия суфийских братств (тарикатов), их исторической эволюции и адаптации к различным культурным и социальным контекстам. Центральное внимание уделяется противостоянию двух методологических подходов — «опьянённого» суфизма (на примере Мевлеви), использующего музыку и танец, и «трезвого» суфизма (на примере Накшбандии), делающего акцент на тихом зикре и самоконтроле. На примерах из истории Османской империи, Северного Кавказа и Поволжья показано, как эти традиции формировали разные социальные и политические модели. Особое внимание уделяется современной ситуации в Татарстане, где в постсоветский период происходит сложный процесс реставрации суфизма, характеризующийся проникновением зарубежных течений, поиском местной идентичности и осторожным отношением со стороны общества и государства.

Ключевые слова: суфизм, тарикат, Мевлеви, Накшбандия, Кадирия, сама', зикр, дервиши, «опьянённый» суфизм, «трезвый» суфизм, Джалаладдин Руми, Северный Кавказ, Поволжье, Татарстан, постсоветский период.

* © Салихов Р.Т., Гали Б.Т., Галиуллин Р.Р., Гатауллина Л.Н., 2025.

Salikhov R.T.
PhD in History, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 1382-2780

Gali B.T.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 5400-4697

Galiullin R.R.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny. SPIN-code: 7370-7624

Gataullina L.N.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 2027-3278

History and specifics of the formation of Sufi Tariqas: from universal unity to regional diversity

Abstract. The article analyzes the diversity of Sufi brotherhoods (tariqas), their historical evolution, and their adaptation to various cultural and social contexts. Central focus is placed on the contrast between two methodological approaches: "ecstatic" Sufism (exemplified by the Mevlevi), which utilizes music and dance, and "sober" Sufism (exemplified by the Naqshbandi), which emphasizes silent dhikr and self-control. Using examples from the history of the Ottoman Empire, the North Caucasus, and the Volga region, the article demonstrates how these traditions formed different social and political models. Particular attention is paid to the modern situation in Tatarstan, where a complex process of Sufism's restoration is underway in the post-Soviet period, characterized by the influence of foreign movements, the search for local identity, and a cautious attitude from both society and the state.

Key words: Sufism, tariqa, Mevlevi, Naqshbandi, Qadiri, sama', dhikr, dervishes, "ecstatic" Sufism, "sober" Sufism, Jalal ad-Din Rumi, North Caucasus, Volga region, Tatarstan, post-Soviet period.

Изучая особенности исламского мистицизма, нельзя не обратить внимание на казалось бы парадоксальное противоречие которое таит в себе суфизма как явление. При казалось бы наличии ондного оъбекта, все тарикаты стремятся к познанию Аллаха и мистическому слиянию с Ним. Они используют для достиженмия своего результата методами противореча-

щими друг другу. В центре этого многовекового спора стоит отношение к практике *сама'* — то есть использованию музыки, поэзии и танца в качестве духовного инструмента. Этот спор не был сугубо теоретическим; он определял социальную организацию братств, их роль в политике и культуре и, в конечном счете, их удивительную способность адаптироваться к самым разным культурным ландшафтам — от османских дворцов до горных аулов Кавказа и в конечном счете релегиозно теоритическое основание.

Различие в подходах не является случайным. Оно уходит корнями в раннюю историю суфизма, в VIII–IX века, когда в среде мусульманских аскетов Багдада и Хорасана зародилась дискуссия о допустимости экстатических состояний.

Представители опьяненного суфизма, видели в *сама'* божественный дар, способный пробудить спящее сердце и возжечь в нём огонь любви к Творцу [2]. Наглядной иллюстрацией пути «опьянения» стал орден Мевлеви, сложившийся вокруг учения великого поэта-мистика Джалаладдина Руми в XIII веке в Малой Азии. Для последователей Руми церемония *сама'*, известная как танец вращающихся дервишей.

Как-то на базаре Руми услышал стук молоточков ювелиров, которые обрабатывали золото. В нем он расслышал слова свидетельства и принялся кружиться. По некоторым данным, это кружение Руми ассоциировал с совершением Хаджа, поскольку благодаря ему можно было очистить душу и приблизиться к религиозному идеалу.

Вращение дервиша с раскрытыми руками — аллегорично олицетворяла модель вселенной. Правая ладонь, обращённая к небу, принимает божественную благодать, левая, опущенная к земле, передаёт её миру. Это танец-молитва, танец-медитация, где физическое движение становится языком общения с Божественным [3]. Расцвет Мевлеви пришелся на эпоху Османской империи, где братство заняло уникальное положение, приближенное к султанскому двору. Их обитель в стамбульском районе Галата стала не только духовным, но и культурным центром, что демонстрирует, как мистическая практика может быть институционализирована и вписана в социальную иерархию [7]. Сейчас в турецком городе Кония есть мавзолей Джалаладдина Руми и прилегающий к нему музейный комплекс, который является главным духовным центром братства Мевлеви. Мавзолей Руми был построен в XIII веке и стал местом паломничества последователей, а после упразднения суфийских орденов в Турции в 1925 году комплекс был превращен в музей, но продолжает оставаться местом духовного притяжения. Сегодня в Конии проводится фестиваль дервишей, собирающий тысячи зрителей со всего мира. А ритуал исполняемый вращающимися дервишами, признан ЮНЕСКО шедевром нематериального культурного наследия. И несмотря на официальный запрет суфийских братств в Тур-

ции, традиция Мевлеви сохраняется благодаря культурным и туристическим проектам. Это демонстрирует, как мистическая практика, утратив государственную поддержку, трансформировалась в элемент культурного наследия и объект мирового интереса

Другую, «трезвую» методологию предлагает один из самых влиятельных и крупных тарикатов — Накшбандия. Он с подозрением относится к внешним проявлениям экстаза, видя в них потенциальную ловушку для эго (нафс). Вместо громких песен и танцев Накшбандия сделала упор в своих практиках на «зикр сердца» или по другому «зикр-и хафи» — безмолвное поминание Аллаха, совершаемое в глубине души. Ключевой принцип «трезвости» (*сахв*) подразумевал постоянный самоконтроль, когда мистик сохраняет ясность сознания и неотрывно следует нормам шариата [4].

Если Мевлеви можно назвать суфизмом сердца, то Накшбандия — это суфизм осознанного присутствия. Между этими двумя полюсами расположился тарикат Кадирия. Основанный на учении Абдул-Кадира аль-Джилани. В разных уголках мусульманского мира Кадирия практикует как громкий, так и тихий зикр. Однако её визитной карточкой, безусловно, является коллективный громкий зикр (*джахрийа*), достигающий порой невероятной интенсивности. Эта адаптивность позволила Кадирии органично вписаться в самые разные общества, от Северной Африки до Индонезии [1]. Более того, внутри самого братства существовала градация: громкий зикр часто рассматривался как подготовительная ступень для новичков, помогающая очистить сердце, в то время как продвинутые адепты могли перейти к внутренней, сокровенной практике поминания.

Очень ярко разница в методах суфизма проявилась у нас на Северном Кавказе. В Дагестане, доминируюшим тарикатом является Накшбандия, принесённая шейхом Мухаммадом-Ярагским, где суфийская практика приняла строгую, дисциплинарную и иерархическую форму, стала основой духовно-религиозного и национального сопротивления в период имамата Шамиля. И где идеал «трезвости» и внутренней собранности идеально соответствовал задачам военно-религиозного государства.

То совершенно иную картину мы наблюдаем в Чечне, где широкое распространение получила Кадирия в интерпретации шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Здесь суфизм имел ярко выраженный общинный и экстатический характер. Громкие зикры, сопровождающиеся ритмичными движениями, хлопками и радениями, собирали сотни и тысячи людей, становясь мощным инструментом социальной консолидации и публичного исповедания веры в условиях внешнего давления. И если в дагестанской модели авторитет шейха часто был связан с формальной цепью преемственности, то в чеченских вирдах он в большей степени основывался на личной святости и духовной харизме и авторитета лидера [5]. Это различие породило и раз-

ные социальные структуры: более централизованную в Дагестане и более сетевую, общинную в Чечне.

Ну и затронув Северный Кавказ, нельзя обойти стороной ещё один уникальный вариант развития суфизма, который сложился в Поволжье, среди татар и башкир. Здесь под влиянием Накшбандии, сформировалась особая, «интеллектуальная» модель. Суфизм в Волго-Уральском регионе был тесно интегрирован в систему мусульманского образования. Ведущие богословы и просветители, такие как Шигабутдин Марджани, были связаны с суфийской традицией, которая рассматривалась ими не как путь экстатического транса, а как метод этического и интеллектуального самосовершенствования [8]. Этот «книжный», реформаторский суфизм, ставший идейной основой джадидизма, резко контрастировал с народными и экстатическими формами, преобладавшими на Кавказе. [6].

Таким образом, многообразие суфийских братств — это не хаотичное нагромождение разных практик, а закономерное проявление универсальной религиозной традиции, отвечающей на конкретные исторические, социальные и культурные вызовы. От османских салонов, где вращение дервишей Мевлеви стало утончённым искусством, до суровых гор Кавказа, где зикр сплачивал общины в сопротивлении, и до просветительских медресе Поволжья — суфизм каждый раз демонстрировал свою удивительную способность сохранять суть, меняя форму. И спор между «опьянением» и «трезвостью» оказывается не спором об истине, а дискуссией о путях её достижения.

Особую актуальность этот многовековой спор приобретает при анализе современной ситуации в Татарстане. Для постсоветского периода здесь характерно, что последователи суфизма стараются открыто не афишировать свою принадлежность к нему, не позиционировать себя публично в качестве суфиев. Как отмечается в исследовании, «татарское большинство может настороженно отнестись к принадлежности части духовенства, включая и двух последних муфтиев Татарстана, к суфизму. религиозная практика суфизма, включающая совершение громких зикров, нередко принимающих вид танцев, громкого топанья ногами и хлопанья в ладоши, у человека, который первый раз наблюдает подобное, может вызвать непонимание и напряжение» [7].

С одной стороны, власти и официальное духовенство видят в «традиционном суфизме» альтернативу салафитскому радикализму. С другой, стремительная реставрация тасаввуфа, поддерживаемая нынешним муфтием Камилем Самигуллиным, несет в себе риски внутренних конфликтов в умме, подобных суфийско-салафитскому противостоянию в соседнем Башкортостане. Будущее суфизма в регионе будет зависеть от того, сумеет ли эта многовековая традиция найти органичную и мирную форму существо-

вания в сложном поликонфессиональном и светском пространстве современного Татарстана, не раскалывая местную умму и не вызывая излишней подозрительности государственных органов.

Библиографический список:

1. Аверьянов Ю.А. Танец дервишей ордена Маулавийа: мистическая церемония или благочестивая практика? // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 1. С. 85-101.
2. Жуковский В.А. Зикр в практике суфийского братства Накшбандийа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 45-58.
3. Кемпер М. Суфизм и джадидизм в Татарстане: Ишми-Ишан и его школа «Хусаиния» // Гасырлар авазы - Эхо веков. 2005. № 1. С. 124-141.
4. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: Краткая история. – СПб.: Диля, 2004. 464 с.
5. Кныш А.Д. Споры о допустимости сама' в средневековом суфизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2009. № 2. С. 162-175.
6. Кочкин А.Ю. Суфийские братства в социально-политической жизни Османской империи (на примере Мевлеви и Накшбанди) // Исламоведение. 2016. № 4. С. 43-52.
7. Сулейманов Р.Р. Суфизм в Татарстане в постсоветский период: разнообразие групп, распространение, влияние на умму региона. С. 36.
8. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане: исторические корни и современные дискурсы // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 4. С. 56-70.
9. Ярлыкапов А.А. Суфийские братства на Северном Кавказе: история и современность // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 114-128.
10. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
11. Старостина Н.А. Особенности и примеры донского гутара // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 171-179.

Reference

1. Averyanov Yu. A. Dance of the Mawlawiyya Dervishes: Mystical Ceremony or Pious Practice? // Islamic Studies. 2017. Vol. 8. № 1. P. 85-101.
2. Zhukovsky V. A. Zikr in the Practice of the Naqshbandiyya Sufi Brotherhood // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2015. Vol. 16. № 2. P. 45-58.
3. Kemper M. Sufism and Jadidism in Tatarstan: Ishmi-Ishan and His School "Khusainia" // Gasyrlar avazy - Echo of the Centuries. 2005. № 1. P. 124-141.
4. Knysh A. D. Muslim Mysticism: A Brief History. – St. Petersburg: Dilya, 2004. 464 p.
5. Knysh A.D. Disputes on the Permissibility of Sama' in Medieval Sufism // Bulletin of St. Petersburg University. Series 13: Oriental Studies. African Studies. 2009. № 2. P. 162-175.
6. Kochkin A.Yu. Sufi Brotherhoods in the Socio-Political Life of the Ottoman Empire (using the Mevlevi and Naqshbandi Muslims as an Example) // Islamic Studies. 2016. № 4. P. 43-52.
7. Suleimanov R.R. Sufism in Tatarstan in the Post-Soviet Period: Diversity of Groups, Spread, and Influence on the Regional Ummah. p. 36.
8. Yunusova A.B. Islam in Bashkortostan: Historical Roots and Modern Discourses // Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies. 2017. № 4. P. 56-70.
9. Yarlykapov A.A. Sufi Brotherhoods in the North Caucasus: History and Modernity // Ethnographic Review. 2012. № 3. P. 114-128.
10. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
11. Starostina N.A. Features and examples of Don gutar // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 171-179.

Аннотации

Артаев С.Н.
Каминова К.Ю.
Сангаджи-Горяева Г.С.
Джиоева Р.Р.

Мимика и жесты в коммуникации

Статья посвящена исследованию невербальных средств коммуникации в калмыцкой лингвокультуре. Они представляют собой жесты, мимику, позы, интонацию, тембр, темп. Мимика является одним из важных элементов невербального коммуникативного поведения, характеризующая менталитет, особенности характера калмыцкого народа. Среди мимических жестов особое внимание занимает улыбка. В калмыцком языке имеются лексемы, которые могут обозначать различные по качеству и степени интенсивности жесты-улыбки. В невербальном поведении калмыков выражение некоторых эмоций связано с состоянием лица, с его отдельными частями (смущение, нерешительность, недовольство, мнительность, пренебрежение, досада и др.). Взгляд также является средством установления контакта между собеседниками. У разных народов различная характеристика взгляда, связанная с его направленностью. Монгольские народы с помощью взглядов передают значительно больше информации, чем европейцы. У них широко используются мимические проявления, связанные с «оттенком» взгляда, выражением глаз.

Ключевые слова: жесты, коммуникативное поведение, мимика, взгляд, калмыцкий язык.

Ачаева М.С.
Поспелова Н.В.
Кормильцева Д.А.
Даурова А.Б.

Лингвострановедческий подход к художественному тексту (на материале имен собственных в романе Г. Свифта «Свет дня»)

В данной статье представлен анализ имен собственных на материале романа Г. Свифта «Свет дня» в лингвострановедческом ключе. Целью статьи является выявление национально-культурной специфики имён собственных в романе Г. Свифта. Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, систематизация, классификация, контекстологический анализ, семантическтй анализ и метод семантизации. Кроме того, авторы статьи уделяют внимание ключевому слову и символу романа, light. Далее представлены результаты этимологического, семантического анализа и лингвострановедческой интерпретация названий улиц, имена литературных персонажей, выявлена их национально-культурное своеобразие. Данный подход к анализу текста раскрывает содержательные глубины произведения «Свет дня».

Ключевые слова: Г. Свифт, «Свет дня», имя собственное, семантизация, лингвострановедческая интерпретация, национально - культурное своеобразие.

Губин А.Ю.

Влияние биографического контекста на понимание писателем роли и задач литературы: на примере Федора Гладкова

Статья анализирует влияние биографического опыта Федора Гладкова (1883 – 1958) на его понимание роли литературы как инструмента социальной трансформации и созидания новой реальности. На основе архивных материалов и исторического контекста прослеживается эволюция взглядов писателя от натуралистического изображения народных низов до классики социалистического реализма. Это развернутая аннотация подчеркивает ключевые

этапы жизни Гладкова и их отражение в творчестве. Биография писателя предстает навигационной картой эпохи революций, Гражданской войны и советского строительства, определяя задачи литературы как отражение и изменение реальности. Детство в крестьянской семье, революционная деятельность, ссылка, участие в восстановлении заводов и война формируют приверженность «правде факта», героике труда и коллективной энергии. Анализ романов «Цемент» и «Энергия», автобиографической трилогии показывает, как личный опыт диктует художественные решения и редакции текстов для доступности рабочему читателю. Гладков следует горьковской традиции «инженеров душ», упрощая форму для массы, реагируя на критику (диспут 1926 г.), борясь с пьянством коллег и влияя на грамматику русского языка. Его этика — смелое высказывание позиции, где общественная функция превалирует над формой. Заключение подчеркивает биографию как смыслообразующую структуру мифа о советском созидателе.

Ключевые слова: Федор Гладков, жанр биографии, биографический контекст, социалистический реализм, роман «Цемент», роль литературы, героика труда, автобиографическая трилогия, этика писателя, РГАЛИ.

Ермолова К.А.

Восприятие театра в критических работах: диахронический и языковой аспекты

Статья посвящена рассмотрению особенностей восприятия театра в советской и современной критике в сопоставительном диахроническом аспекте. В работе представлены семантические аспекты, отражающие смысловые доминанты в интерпретации театра и театрального искусства советского и современного периода, а также рассмотрены языковые средства их вербализации с учетом принципов лексической сочетаемости русского языка.

Ключевые слова: театр, восприятие, искусство, работа, диахронический аспект, языковой аспект, анализ.

Ильясов В.С.

Искажение коранической картины мира в переводах Корана XVIII века на русский язык

В статье дается характеристика коранической картины мира в призме религиозной картины мира. В работе дается определения и анализ переводов Корана XVIII века на русский язык. Анализируется внутренняя форма переводов, которая позволяет сделать некоторые выводы об коранической языковой картины мира (ЯКМ), связанной с отражением религиозной картины мира (РКМ) и принципов идеологических, языковых и культурологических аспектов.

Ключевые слова: Коран, перевод Корана, арабский язык, языковая картина мира, кораническое мировоззрение, религиозная картина мира, история перевода Корана.

Науменко М.Г.
Стратийчук Е.Ю.

Косвенные речевые акты в англоязычном медиадискурсе

В данной статье рассматривается природа косвенных речевых актов (смешанных (переходных) коммуникативных типов предложения), в ней анализируются случаи использования конвенциональных и неконвенциональных косвенных речевых актов в межличностном общении в современном англоязычном медиадискурсе. Необходимость исследования определяется соотнесением его темы с одним из ведущих в современном языкознании направлением – прагмалингвистическим, суть которого заключается в изучении языковых явлений в аспекте человеческой деятельности. Косвенный речевой акт – это способ выражения значения высказывания косвенно, используя дополнительную семантику, подразумеваемую кон-

текстом общения. Говорящий намеренно формулирует предложение таким образом, чтобы слушатель воспринял скрытый смысл помимо буквального содержания сказанного. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью целостного подхода в выявлении особенностей употребления косвенных речевых актов в современном англоязычном медиадискурсе с учетом контекста.

Ключевые слова: речевой акт, косвенный речевой акт, смешанные коммуникативные типы предложений, прагматический смысл, иллокутивная цель, конвенциональные речевые акты, неконвенциональные (окказиональные) речевые акты, медиадискурс.

Пакус В.О.

Авто-образ США в военном конфликте с Афганистаном в президентском дискурсе

Актуальность данной статьи заключается в необходимости исследования способов формирования различных авто-образов государства в политическом дискурсе на фоне одной и той же проблематики представителями разных идеологий. В данном исследовании рассматривается изменения авто-образ Америки в президентском дискурсе в ситуации военного конфликта с Афганистаном. Проводится сравнительный анализ двух авто-образов, формируемых Дж. Бушом, представителем республиканской партии, и демократом Б. Обамой во время их нахождения на посту президента. В связи с разностью идеологической ориентации и отношением к проблематике Афганистана данных президентов, формируются два авто-образа государства, ориентирующиеся на интенции и политические действия каждого автора. Проводится сравнительный анализ этих образов с учётом политической обстановки и идеологической составляющей каждого политика. Также описываются языковые средства, участвующие в их формировании.

Ключевые слова: политика, военный конфликт, партия власти, политический дискурс, президентский дискурс, авто-образ государства, политическая модализация, саморепрезентация.

Рашидова А.Д.
Иманалиева Г.А.

Выявление отношения студентов филологического факультета к использованию повествовательного текста на занятиях английского языка

Резюме. Цель. Целью данного исследования является выявление отношения студентов филологического факультета ДГПУ им. Р. Гамзатова к использованию повествовательного текста на уроках английского языка. Целью этого исследования является описание и анализ ряда видов деятельности, которые используются во время преподавания с использованием повествовательного текста и которые позволяют студенту быть в центре обучения благодаря его вовлечению в разнообразные виды деятельности в более естественном и семейном контексте, где интерес студентов к использованию иностранного языка обеспечивается использованием аутентичных текстов стимулируется. Методы. Используемые методы заключаются в следующем: изучение соответствующей литературы. Информация, которая была использована для этого исследования, включает научные исследования в различных публикациях, в Интернете, экспериментальные исследования, применяемые в средних школах, публикации различных зарубежных и отечественных авторов о влиянии повествовательного текста на лучшее и эффективное овладение английским языком во время занятий. Результат. В настоящее время цель преподавания состоит в том, чтобы вооружить студентов методами обучения, поощряя их быть максимально активными и находиться в центре урока. Это исследование направлено на изучение мотивации, вклада и создания позитивного отношения к изучению иностранного языка, реализуемого с помощью повествовательного текста при изучении иностранного языка. Была проанализирована научная литература по этому вопросу. Были опре-

делены объекты исследования, образцы, методы исследования, инструменты исследования, процедура сбора и анализа данных. Инструменты проведения исследования. Анкета включает выборку из 30 студентов, ни позволили собрать количественные данные. Вывод. В настоящее время преподаватели иностранных языков используют ряд методик для более эффективного овладения языком. Одним из методов, который оказывается очень эффективным, является использование повествовательного текста.

Ключевые слова: повествовательный текст, иностранный язык, овладение языком, метод, анкета, английский язык, текст, исследования, мотивация, позитивное отношение, Интернет, анализ, аутентичный текст.

Содикова Р.А.

Формальная эквивалентность и безэквивалентность грамматических единиц в английском и таджикском языках (на примере предлогов)

В данной статье рассматривается сопоставительный анализ предлогов в английском и таджикском языках в рамках теории эквивалентности. Исследование проводится в контексте сравнительного языкознания и переводоведения, где точная передача грамматических отношений так же важна, как и перевод лексического значения. Основная цель — выявить и систематизировать явления формальной эквивалентности и неэквивалентности предлогов, определить причины неэквивалентности и наметить стратегии их адекватного перевода. В статье рассматриваются простые, сложные и составные предлоги, давая подробное сравнение их употребления с примерами из литературных источников. Анализ показывает, что, хотя основные предлоги часто имеют прямые формальные эквиваленты (например, from – az, with – bo), во многих случаях наблюдается частичная эквивалентность или полная неэквивалентность в силу структурных, семантических и контекстуальных факторов. Результаты исследования имеют значительную теоретическую ценность для сравнительного языкознания и практическое значение для практики перевода, лексикографии и языковой педагогики, подчеркивая необходимость приоритета функциональной и коммуникативной адекватности над формальным соответствием.

Ключевые слова: лингвистика, сопоставительный анализ, эквивалентность, безэквивалентность, предлоги, теория перевода, английский и таджикский языки, грамматические единицы, формальное соответствие, грамматические связи.

Усмонова М.Н.

Семантико-функциональные особенности некоторых таджикских заимствованных междометий и их английских эквивалентов

В данной статье представлен сопоставительный анализ семантических и функциональных особенностей ряда заимствованных междометий в таджикском языке и их английских эквивалентах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения влияния межъязыкового заимствования на семантическую и прагматическую структуру данного класса языковых единиц. Для достижения поставленных целей и задач были применены следующие методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный и функциональный метод. Эмпирическим материалом послужил роман С. Айни «Гуломон». Используя описательный, сравнительно-сопоставительный и функциональный методы, автор анализирует, как заимствованные таджикским языком (преимущественно из арабского и персидского) междометия адаптируются к его нормам и приобретают новые культурно обусловленные коннотации. Результаты исследования показывают, что, несмотря на универсальность некоторых эмоциональных реакций, заимствованные в таджикском языке междометия часто имеют дополнительные коннотации, обусловленные культурно-историческим контекстом, что отличает их от прямых английских эквивалентов.

Ключевые слова: семантические и функциональные особенности, сравнительный анализ, заимствованные междометия, таджикские междометия, английские эквиваленты, английский и таджикский языки, дополнительные и обусловленные коннотации, описательные, сравнительные и функциональные методы, культурно-исторический контекст, семантическая и прагматическая структура.

Артаев С.Н.
Каминова К.Ю.
Сангаджи-Горяева Г.С.
Джиоева Р.Р.

Вежливость в коммуникативном поведении

В соблюдении речевого этикета большую роль играют лексические и грамматические средства вежливости. К лексическим средствам относят слова и выражения, используемые для того, чтобы показать свою деликатность в обхождении с людьми почтенного возраста и высокого социального ранга, в обращении со старшими употребляют изысканно-почтительные слова из высокого стиля. Почтительное и вежливое отношение у калмыков также может быть выражено не только лексическим способом, но и средствами грамматики, а именно с помощью форм глагольного наклонения.

Ключевые слова: речевой этикет, лексические и грамматические средства языка, вежливость, глагольное наклонение.

Смирнов А.В.

Формирование новой стратегии изоляционизма правительством США. Дискуссии в конгрессе по вопросу нейтрального статуса СССР в европейском военном конфликте

В данной статье рассматривается процесс формирования новой политики нейтралитета правительства США. В связи с началом Второй Мировой войны на специальной сессии 76-го Конгресса США в октябре-ноябре 1939 года состоялось длительное обсуждение предлагаемых сенаторами от обеих партий политических преобразований. Особая роль в дискуссии американских сенаторов отводилась позиции Советского Союза. Стоит рассмотреть оценки различных политических группировок Демократической и Республиканской партий нейтральной позиции СССР на начальном этапе Второй Мировой войны как с точки зрения изоляционистских, так и интернационалистских позиций в американском обществе.

Ключевые слова: Конгресс США, специальная сессия Конгресса, Вторая Мировая война, Закон о нейтралитете, Рузвельт Ф.Д., Демократическая партия, Республиканская партия, Советский Союз, изоляционисты, интернационалисты.

Кевинус Дженесис

Взаимодействие между суверенитетом государства и международным обязательством по законам о беженцах: перспектива внешней политики

Государства часто используют иммиграционные и миграционные соглашения как мощные инструменты в сложной сфере международных отношений, используя их как разменную монету для продвижения различных стратегических целей, включая дипломатию, помощь в развитии и даже введение санкций. Растущий поток мигрантов, вызванный пересечением экономических императивов, политической нестабильности и экологической деградации, создал сложные вызовы, связанные с управлением границами, защитой прав человека и содействием социальной интеграции, что потребовало активного дипломатического взаимодействия между странами. Миграция, вместо того чтобы быть исключительно гуманитарной

проблемой, стала тесно связана с национальными интересами и вопросами безопасности, что даёт государствам рычаги влияния в переговорах. Цель данной статьи — оценить стратегические маневры государств в миграционной политике как инструмент внешней политики, чтобы получить геополитические преимущества, способствовать экономическим партнёрствам или оказывать влияние на внутренние дела других стран. Разрыв между развитыми и менее развитыми странами, с вопросами прав человека и миграции, также выявляет слабости международных норм, обязывающих государства соблюдать эти нормы, поскольку они часто упускаются из виду по ряду причин, таких как суверенитет и анархический характер международной системы. В статье отмечается, что международные правовые рамки обычно уважаются государствами, когда понятия суверенитета и самоопределения нереалистичны для менее могущественных стран. Государства часто используют миграционную и правозащитную политику как инструмент внешней политики для развития сближения с целевой аудиторией, стратегически смягчая визовые требования для укрепления доброй воли и улучшения экономического и культурного обмена. Автор использует качественный метод научного анализа, который оценивает начисленные данные для объяснения смысла и нюансов, раскрывающих мотивацию государств в их подходе к формулировке внешней политики и стратегиям. Данные берутся из национальных и международных документов, институтов, включая договоры и конвенции.

Ключевые слова: право беженцев, внешняя политика, суверенитет, миграция, геополитика, международная приверженность, права человека, мировые войны, убежище.

Хакк Ш.А.

Эволюция внешней политики республики Индонезия в отношении Туркменистана (1992-2024 гг.)

Работа посвящена исследованию эволюции внешней политики Республики Индонезия в отношении Туркменистана. Статья подробно рассматривает ключевые этапы истории двусторонних отношений, а также основные направления сотрудничества между двумя странами. Особое внимание уделяется официальным межгосударственным соглашениям.

В ходе исследования применяются методы анализа документов государственных органов Республики Индонезия и Туркменистана. Статистические данные демонстрируют тенденцию роста в экономическом сотрудничестве между рассматриваемыми странами. Исследование выдвигает тезис о том, что индонезийско-туркменские отношения можно разделить на три ключевых периода: период установления дипломатических отношений, период застоя и замораживания сотрудничества, а также период возрождения и расширения сотрудничества.

Отмечается, что политическое сотрудничество между Индонезией и Туркменистаном значительно опережает экономическое и гуманитарное сотрудничество. При этом взаимодействие рядовых граждан остаётся крайне ограниченным.

Ключевые слова: соглашения, дипломатия, торговля, туризм, спорт, образование, Центральная Азия.

Осипов Е.А.

Советско-Ливийские отношения в 1969-1976 гг.: взгляд из Франции

В статье на основе материалов из Архива МИД Франции представлен взгляд французских дипломатов на развитие советско-ливийских отношений в первые годы после прихода к власти в Ливии Муаммара Каддафи. На начальном этапе в Париже скептически оценивали перспективы сближения между Москвой и Триполи. Однако, начиная с 1974-1975 гг. на фоне сближения соседнего с Ливией Египта с США и отказа западных стран от продажи оружия Ливии произошла интенсификация советско-ливийских контактов.

В основе советско-ливийских отношений лежало сотрудничество в военной сфере, масштаб которого оценивался французами как весьма значительный. В экономической же сфере СССР не мог конкурировать за ливийский рынок с западными странами, изначально имевшими гораздо более сильные позиции в стране. В целом, советская политика на ливийском направлении оценивалась как осторожная и прагматичная. Не тратя значительных ресурсов, Москва умело пользовалась слабостями и ошибками западных стран и расширяла зону своего влияния там, где это было возможно.

Ключевые слова: СССР, Ливия, Франция, Каддафи, Холодная война, Африка, Арабский мир, Магриб.

Мелик-Багдасаров А.С.

Обострение территориального спора Венесуэлы и Гайаны по Эссекибо

В работе рассматривается обострение во взаимоотношениях Боливарианской Республики Венесуэлы и Кооперативной Республики Гайаны в связи с освоением Гайаной спорных территорий и прилегающего к ним морского шельфа. Отдельное внимание уделено анализу, проведенному в 2023 г. в Венесуэле общенародного референдума, вызвавшего международный резонанс. Проанализирован его смысл и значение в контексте проводимой внешней политики родины Боливара.

Ключевые слова: Венесуэла, Гайана, территориальный спор, Эссекибо, Стабрук, Женевское соглашение, референдум, Боливарианская Республика, Кооперативная Республика.

Коломыц О.Г.
Коломыц Д.М.
Галеева М.А.

Война как закономерность развития капитализма: Россия в межимпериалистическом соперничестве XIX-XX веков

В исторической и публицистической литературе часто встречается мнение, что в 1914 году никто не хотел войны, но по причинам безответственного поведения политиков, она началась. И остановить её оказалось уже невозможно. Это мнение ошибочно. Европейские элиты того времени, за исключением российской, стремились к войне. Она стала итогом столетнего пути, пройденного Европой со времени Венского конгресса. Дальнейшее развитие европейского империализма показало, что войны стали неотъемлемой частью существования мирового капитализма вплоть до XXI века. Россия оставалась единственной страной, стремящейся к миру, и предотвращению войн. Со времён Венского конгресса это стремление России было постоянным и открытым.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, Российская империя, Россия, СССР, Венский конгресс, Крымская война, колониальные войны, империализм, капитализм.

Кевинус Дженесис

Возрождение России в геополитическом ландшафте Африки

В последние годы Россия активно участвует в африканских делах. Это стало очевидно в начале 2023 года, когда министр иностранных дел России Сергей Лавров отправился в турне по 11 странам континента для проведения интенсивных переговоров. В ходе переговоров обсуждались политические и экономические вопросы, а также меры по противодействию международным вызовам и угрозам, и обсуждались новые геополитические реалии в регионе. Первый саммит Россия – Африка послужил катализатором сотрудничества и углубил связи между Россией и африканскими странами. Геополитический ландшафт претерпел полную трансформацию, и Африка приобрела важное значение во внешней политике и экономике

России. Внешняя политика Москвы демонстрирует возросший интерес к Африке, прежде всего, в связи с большой численностью населения континента и устойчивым экономическим ростом. Цель данной статьи – оценить растущее значение Африки для глобальных интересов России и изучить наиболее важные факторы, влияющие на роль Африки в российской внешней политике. В статье поясняется, что политика России в Африке сосредоточена преимущественно на трёх основных темах: построении альтернативных экономических партнёрств, достижении геополитического влияния и продвижении многополярности.

Ключевые слова: Россия, Африка, внешняя политика, возрождение, многополярность, геополитика, торговые отношения, энергетическая дипломатия, Советский Союз, холодная война, стратегическое партнёрство, глобальный Запад.

Губайдуллин Р.Р.

Формирование «Сендеро Луминосо», её идеологические особенности и первые шаги революционной деятельности

Статья посвящена формированию, идеологическому развитию и первоначальным этапам революционной деятельности леворадикальной маоистской организации «Сендеро Луминосо» в Перу. Рассматриваются условия, приведшие к появлению движения в Университете Сан-Кристобаль де Уаманга, роль Абимаэля Гусмана, влияние марксизма-ленинизма-маоизма и наследия Мариатеги. Подробно анализируются процесс радикализации, методы вербовки, адаптация маоистских концептов под перуанский контекст, становление народной войны 1980 года и реакция государства. Отдельное внимание уделяется тактическим особенностям и последствиям действий организации, включая насилие против населения, экономические диверсии и столкновение с плохо организованными контртеррористическими силами.

Ключевые слова: Сендеро Луминосо, Абимаэль Гусман, маоизм, Перу, марксизм-ленинизм-маоизм, Мариатеги, леворадикальные движения, народная война, университет Аякучо, политическое насилие.

Верховский И.А.

Политика Российской империи в Адриатическом регионе накануне Первой мировой войны (1908-1914 гг.)

Статья посвящена политике Российской империи в Адриатическом регионе накануне Первой мировой войны. Международные отношения в этом регионе рассматриваются в работе с точки зрения «Адриатического вопроса» (пересечение интересов Италии, Австро-Венгрии и национальных движений югославянских народов на почве территориальных и этнополитических споров), «Балканского вопроса» (борьба народов Балканского полуострова за территории бывшей Османской империи и пересечение интересов великих держав в регионе Балкан), а также глобального контекста, содержащего в себе как межблоковое противостояние (Антанты и Тройственного союза), так и противостояние между союзниками по Тройственному союзу (Австро-Венгрии и Италии). По результатам исследования делается вывод о том, что действия России в Адриатике в рассматриваемый период строились на основании стратегии лавирования, компенсаций и балансирования (стратегическое поражение в рамках Боснийского кризиса (соглашение в Бухлау, 1908 г.) и попытка его компенсации (соглашение в Раккониджи, 1909 г.), что было обусловлено как сложностью международных процессов в Европе, так и внутриполитическим состоянием Российской империи после русско-японской войны (1904-1905 гг.) и революции (1905-1907 гг.).

Ключевые слова: внешняя политика Российской империи, Боснийский кризис, Балканский вопрос, Адриатический вопрос, Балканские войны, Балканский союз.

Алайчиев У.К.

Киргизские религиозные общины во время войны (1941–1945 гг.): государственный контроль над религией, борьба с религиозной идеологией и духовная опора общества; вклад мусульман

Статья, основанная на материалах Центрального государственного архива Кыргызской Республики, Российского государственного архива социально-политической истории и других архивных источников, анализирует период войны в Киргизской ССР. В этот период политика в отношении конфессий была жестко контролируемой, однако сохранялось пространство для идейно-воспитательной работы, включая обновлённые формы атеистической пропаганды. Наблюдается параллельное сокращение числа мечетей и рост духовно-нравственной активности общества: данные о закрытии мечетей в Нарынской области и полном отсутствии действующих мечетей Иссык-Кульской области к 1946 году подчёркивают принудительный характер изменений, но не исключают ожидания возрождения. Важным аспектом являются данные о взносах в фонд поддержки РККА и о помощи семьям участников войны, а также конкретные примеры сельскохозяйственных и гуманитарных действий общин. Автор показывает религиозно-нравственную опору как жизненную структуру общества, которая, несмотря на мобилизацию и партийный контроль, способствовала моральной устойчивости, солидарности и общему делу победы. В заключение автор обращается к личному смыслу периода: духовность без жесткой идеологической структуры может быть опорой народа в кризисные годы и иметь ценность для современного поколения как источник совести, доверия и социальной ответственности.

Ключевые слова: Киргизская ССР, Киргизия, мобилизация, религия, ислам, христианство, война, атеизм.

Хошев А.Ю.

Проблемы развития сербской национальной культуры в социалистической Хорватии и история создания в 1989 г. Сербского культурного общества «Зора»

Послевоенная социалистическая Хорватия была задумана как республика с двумя равными государствообразующими народами (хорватским и сербским), чьи отношения гармонизировались бы на основе коммунистической идеологии «братства и единства». Однако по ряду причин этот амбициозный замысел реализован не был, и сербы в Хорватии не получили фактического языкового и культурного равноправия, а с начала 1970-х гг., под предлогом борьбы с национализмом, были постепенно лишены и права на собственные национальные культурные учреждения. Попытка создания в явочном порядке сербского культурного общества была предпринята в Книне в 1989 г. в атмосфере кризиса коммунистической идеологии, роста национальных настроений в Хорватии, Сербии и других республиках федеративной Югославии. В статье предпринят обзор истории проблемы национальных культурных учреждений в Хорватии, особенностей концепции Сербского культурного общества «Зора» и трудностей на пути реализации данной демократической инициативы. Использованы публикации, появлявшиеся в рамках медийной кампании в поддержку данного проекта, а также воспоминания и интервью участников событий.

Ключевые слова: Хорватия, Сербия, Югославия, культурные учреждения, межнациональные отношения, культурная политика.

Цао Ханьюань

Кодекс власти и цивилизации в придворной музыке династии Мин и его влияние на местную религию

Перед Залом Золотого трона в Запретном городе резонанс колокольчиков и нефритовых колокольчиков проникает на шестьсот лет назад, возвращая нас к династии, которая установила мировой порядок с помощью классической музыки. Когда император Тайцзу Чжу Юань-

чжан взошел на престол, он издал императорский указ «пересмотреть древние системы и исправить ритуалы и музыку». Это было не просто движение возрождения музыки, а тщательно спланированное цивилизационное строительство. Придворная музыка династии Мин несла в себе цивилизационный код, выходящий далеко за рамки самой музыки. Это был акустический тотем ортодоксальности династии, ритуальное и музыкальное представление мирового порядка и культурная координата восточноазиатского цивилизационного круга.

Ключевые слова: придворная музыка династии Мин, власть и цивилизационный код, религиозное влияние.

Платонова Н.М.

Целлюлозно-бумажная промышленность Сахалинской области в исторической ретроспективе (1905 – начало 2000-х гг.)

Автор обращается к проблеме, которая пока не нашла должного освещения в отечественной историографии. Отмечается, что помимо историков в той или иной мере к вопросам становления и развития российской целлюлозно-бумажной промышленности в целом и Сахалинской области в частности обращались специалисты в области экономики, архитектуры, урбанистики. Историческая ретроспектива охватывает период с 1905 по начало 2000-х гг. Исследовательское внимание акцентируется на этапе создания губернаторства Карафуто и формировании основы отраслевого производства; послевоенном восстановлении и реконструкции бумагоделательных предприятий; позднесоветском развитии целлюлозно-бумажного производства и его ликвидации. Подчёркивается, что с 1960 по 1985 г. на сахалинских отраслевых предприятиях была проведенная техническая модернизация, способствовавшая росту объёмов производства, однако её темпы были недостаточными. Раскрывается внешнеторговый аспект, связанный с поставками продукции и сырья зарубежным государствам. Обозначаются последствия политики нового мышления и приватизации. Обобщая итоги, автор резюмирует, что в условиях новейшего периода экономический сектор Сахалинской области утратил рынок по производству бумаги и варке целлюлозы.

Ключевые слова: Карафуто, остров Сахалин, Дальний Восток СССР, Сахалинская область, целлюлозно-бумажная промышленность, техническая модернизация, бумагоделательные машины.

Карпенкова Т.В.

К вопросу о тенденциях развития наций и народностей в постсоветский период (1991-2025 гг.)

В статье проведено исследование этнических вопросов, возникших в ходе преобразований субъектов (республик) СССР в постсоветский период. Обобщен опыт политического урегулирования этнических конфликтов, их вспышек и создание уникального этнического климата и особенностей национального возрождения в ходе борьбы между старыми и новыми политическими элитами. Систематизированы мероприятия по формированию новых государств и попытки силой остановить дезинтеграционные тенденции. В статье обобщен опыт Российской Федерации по охране независимости и государственной целостности через патриотическое воспитание. В исследовании восстановление традиций трактуется как возобновление исторического преемства и показан опыт России, сумевшей преодолеть негативные тенденции и сохранить себя как многонациональное и многоконфессиональное государство, о чем свидетельствует тот факт, что в условии СВО общество объединилось вокруг идеи защиты национальных интересов и суверенитета.

Ключевые слова: национальное возрождение, многоконфессиональное общество, многонациональность, мультикультурализм, толерантность, многоконфессиональное государство, политкультурное воспитание, национально-культурные традиции, патриотическое воспитание.

Аккиева С.И.
Темmоев И.Ю.

Имперская и советская модернизация на Северном Кавказе

В статье рассматриваются процессы модернизации на Северном Кавказе в период имперской и советской власти, анализируются их цели, методы и последствия. Исследование фокусируется на трех ключевых аспектах: использование образования и науки в качестве инструментов государственной власти, развитие инфраструктуры и коммуникаций, и влияние модернизационных процессов на традиционные социальные структуры. Подчеркивается, что как Российская империя, так и Советское государство стремились к интеграции региона в общее политическое и экономическое пространство, однако подходы и результаты существенно различались. В имперский период акцент делался на адаптации местной элиты и распространении русской культуры, в то время как советская власть стремилась к формированию новой идентичности на основе коммунистической идеологии. Развитие инфраструктуры и коммуникаций способствовало экономическому росту, но часто игнорировало потребности местного населения и приводило к экологическим проблемам. Модернизация оказывала неоднозначное влияние на традиционные институты и социальные отношения, усиливая межэтнические противоречия и социальную напряженность. На основе анализа исторических источников и сравнительного подхода автор приходит к выводу о сложном и противоречивом характере модернизационных процессов на Северном Кавказе, требующем учета исторического опыта при реализации современных проектов развития региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, модернизация, Российская империя, Советский Союз, образование, наука, инфраструктура, коммуникации, социальные структуры, традиция.

Макарова Д.Д.
Иванова Д.Е.
Иванов К.С.
Иванова А.С.

Советский быт 1930-х годов через призму периодической печати и художественной литературы

Статья представляет собой комплексное исследование советского быта 1930-х годов через сравнительный анализ его репрезентации в двух типах источников: официальной периодической печати («Правда», «Известия», «Огонёк», «Работница») и художественной литературе эпохи (произведения М. Булгакова, М. Зощенко, А. Платонова, Е. Шварца и др.). Цель исследования: анализ репрезентации советского быта 1930-х годов в официальной периодической печати и художественной литературе для выявления диалектики между пропагандистским мифом и исторической реальностью повседневности. Методы исследования: изучение и анализ литературы, статистическая обработка полученных данных. Результаты и выводы исследования: Советский быт 1930-х годов существовал в двух параллельных реальностях: конструируемой официальной пропагандой и реальной, отраженной в художественных текстах. Художественная литература выполняла компенсаторную функцию, выступая формой сохранения исторической памяти. Противоречие между проектом «нового быта» и его практической реализацией стало системной характеристикой советской модернизации 1930-х годов.

Ключевые слова: повседневность, периодическая печать, художественная литература, пропагандистский миф, досуг, тоталитарный контроль.

Бабенко О.В.

Оперы М.И. Глинки в публикациях русской театральной периодики конца XIX – начала XX в.

В статье рассматривается освещение значения и отдельных представлений опер М.И. Глинки

в театральной периодике конца XIX – начала XX в. «Русская музыкальная газета», а также журналы «Артист», «Ежегодник императорских театров», «Театр и искусство» и «Рампа и жизнь» дают богатый материал на эту тему. Выявляются общие черты и различия публикаций об операх Глинки, создается их тематическая классификация. Делаются выводы о степени репрезентативности русской театральной периодики как исторического источника о произведениях Глинки.

Ключевые слова: опера, М.И. Глинка, «Иван Сусанин», «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», русская театральная периодика, конец XIX – начало XX века.

Билан О.А.
Фирсов А.Г.

Этапы переселенческой политики России в конце XIX – начала XX вв. в отечественной историографии

В современном мире в обществе наблюдается миграционная активность. Как показывает исторический опыт России, успешность политики миграционных процессов напрямую зависит от участия государственных институтов. Авторы данной статьи сосредоточили внимание на государственной политике переселения в царской России конца XIX – начала XX вв. В работе делается обзор историографического осмысления данной темы в российской научной литературе. Выделив этапы государственной переселенческой политики в указанное время, авторы обозначили их особенности и изменения в правительственных практиках в отношении крестьянских переселений. Рассмотрев экономические и политические факторы, повлиявшие на переселение в конце XIX – начале XX вв., авторы сделали вывод, что целью переселенческой политики являлось содействие стратегическому проекту национального характера.

Ключевые слова: национальный проект, государственная переселенческая политика российской империи, крестьянские переселения, столыпинская переселенческая политика, Сибирь, Дальний Восток.

Веселков И.Р.
Денисюк К.В.
Полтаракова К.М.
Сергеева С.С.
Шубина Е.И.

Противоэпидемические мероприятия осенне-зимнего периода 1942-43 г. и план мероприятий на 1943-44 г. в Архангельской области

Статья посвящена анализу санитарно-эпидемиологических мероприятий, проводимых в Архангельской области в 1942-1943 годах, а также разработкам планов на последующие годы во время Великой Отечественной Войны. В условиях военного времени и дефицита ресурсов, регион столкнулся с серьезными вызовами в области общественного здоровья, включая вспышки инфекционных заболеваний и ухудшение санитарно-гигиенической обстановки.

Ключевые слова: Архангельская область, АГМИ (Архангельский государственный медицинский институт), Великая Отечественная война, противоэпидемиологические мероприятия, санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Дарчиев А.В.

Осетинский культ грозового божества в рукописном наследии Е.Г. Пчелиной

В статье рассматриваются рукописные материалы выдающегося кавказоведа Е.Г. Пчелиной (1895-1972) об осетинском культе грозового божества по имени Уацилла. Исследовательнице удалось выявить структурные взаимосвязи Уациллы с другими божествами осетинского пантеона, а также привести сведения о многих святилищах Уациллы, неизвестных по другим источникам. Пчелина высказала перспективное предположение о том, что в культе Уацилла

могли отразиться древние контакты предков осетин с носителями иудаизма. Рукописные материалы Е.Г. Пчелиной существенно дополняют наши знания о культе грозового божества Уацилла, способствуя реконструкции архаичных пластов традиционной культуры осетин.

Ключевые слова: осетины, религиозный пантеон, грозовое божество, святилище, Уацилла, Сафа, иудаизм, аланы, Е.Г. Пчелина.

Денисов А.А.

Быт дворян Пошехонского уезда Ярославской губернии в 1830-1870е годы через призму романа «Пошехонская старина» М.Е. Салтыкова-Щедрина

В данной статье приведена попытка рассмотреть дворянский быт XIX века. Территориальными рамками исследования служит район располагающийся вокруг реки Шехонь. Основным источником исследования послужило произведение М.Е. Салтыкова-Щедрина. Исследование посвященные быту Пошехонья присутствуют в науке, при этом, в них часто, в качестве источников, используются литературные произведения.

В приведенном ниже исследовании приведены описания дворянских домов, рацион помещиков, а также показано как проходил их день. Приведен в статье и немаловажный момент воспитание и образование дворянских отпрысков. В статье прослеживается быт «Пошехонских помещиков в 1820-1870е годы.

В целом из представленных источником данных можно сделать вывод, что жители Пошехонья отличаются жизнерадостным характером, юмором и приоритетом семейных ценностей, трудолюбием, любовью к родному дому, духовной крепостью и стойкостью, стремление к образованию и саморазвитию.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, Пошехонье, дворянский быт, XIX век.

Еремина-Соленикова Е.В.

Петербургский танцмейстер Франц Иозеф Финцент: опыт восстановления биографии по делопроизводственным документам

В статье представлена реконструкция биографии рядового танцмейстера третьей четверти XVIII века Франца Иозефа Финцента, работавшего в Санкт-Петербурге одновременно с Антонио Ринальди (Фузано) и Жаном-Батистом Ланде. Финцент приехал из Амстердама в 1740 году и преподавал бальные танцы в России вплоть до своей смерти в 1754 году. Архивные материалы этого танцмейстера, хранящиеся в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве, позволяют восстановить биографию танцмейстера, а также конкретизировать важные обстоятельства, связанные с преподаванием бальных танцев в Петербурге в XVIII веке: какова была в это время процедура приглашения танцмейстеров из-за рубежа, где и в каких условиях они жили и работали, насколько был насыщен рынок труда по данной специальности.

Ключевые слова: танцмейстер, Франц Иозеф Финцент, Сухопутный Шляхетный корпус, гимназия при Академии наук, танцы XVIII века, преподавание танцев, бальные танцы, немецкий танцмейстер.

Ерошков К.Ю.
Попова М.Б.
Семёнова Э.Ю.
Иванов К.С.
Иванова А.С.

Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию механизмов формирования и взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти о блокаде Ленинграда (1941–1944). В центре анализа находится ключевая проблема современной историографии: конфликт и ди-

алог между непосредственным, часто травматичным опытом выживших, зафиксированным в частных свидетельствах, и официальными, идеологически обусловленными нарративами, конструируемыми государством и общественными институтами. Память о блокаде представляет собой не статичный памятник прошлому, а динамичное поле символической борьбы, где происходит постоянное переосмысление исторического события.

Ключевые слова: Блокада Ленинграда, историческая память, коллективная память, индивидуальная память, травматическое прошлое, эго-документы, устная история, политика памяти, коммеморация, нарратив.

Фидарова К.К.
Калабекова С.В.
Кулова М.Л.
Погосова К.Л.

Философские основания и современные вызовы образовательной инклюзии в высшей школе

В статье рассматриваются философско-методологические основы инклюзивного образования в системе высшей школы в контексте цифровой трансформации общества. Анализируется эволюция понятия «инклюзия» от узкой трактовки, ориентированной на лиц с ограниченными возможностями здоровья, к широкой парадигме, нацеленной на создание универсальной образовательной среды для каждого обучающегося. Исследуются системные барьеры на пути реализации инклюзивной практики, включая архитектурную недоступность, несовершенство нормативной базы, недостаточную подготовку педагогических кадров. Особое внимание уделяется потенциалу цифровых технологий как инструмента персонализации образования и преодоления социально-психологических барьеров. Делается вывод о том, что инклюзия является не просто техническим приспособлением среды, но фундаментальным принципом, переопределяющим миссию университета в современном мире.

Ключевые слова: образовательная инклюзия, высшая школа, философия образования, цифровая трансформация, безбарьерная среда, индивидуальный образовательный маршрут, ассистивные технологии, толерантность.

Куваева А.А.
Кубова Р.А.

Трансформация демографической политики в регионах России: вызовы и перспективы (на материалах Республики Адыгея) (2015–2025 гг.)

Статья посвящена анализу эволюции демографической политики в Республике Адыгея в контексте общероссийских тенденций и новых вызовов. Исследование охватывает период с 2015 по 2024 год и включает прогнозные оценки на 2025 год. На основе статистических данных и нормативно-правового анализа выявлена динамика ключевых демографических показателей, оценена эффективность реализованных мер и определены системные проблемы. Особое внимание уделено адаптации региональной политики к условиям санкционного давления и задачам достижения национальных целей развития. В работе представлены аналитические таблицы, отражающие как ретроспективу, так и перспективу демографических процессов. Сформулирован вывод о необходимости перехода от компенсационной к проактивной демографической политике, интегрированной в социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: демографическая политика, Республика Адыгея, рождаемость, смертность, естественная убыль, национальные проекты, региональное развитие, прогнозирование, миграционные процессы, социокультурные традиции.

Петряева А.В.
Пыхтин А.И.

От объявлений в газете до ЭВМ: эволюция набора в советский вуз на примере Курского политехнического института

Изучение работы приемных комиссий вузов, которые, с одной стороны, оперативно реагировали на изменение требований со стороны государства, а с другой – определяли качественный состав будущих специалистов и, следовательно, влияли на развитие науки и техники в целом заслуживает особого внимания.

Анализ документов и материалов приемной комиссии Курского политехнического института за период с 1964 по 1985 годы позволит изучить развитие и изменение механизмов работы приемной комиссии, методов и принципов организации ее работы в течение двадцати лет с момента основания Курского политехнического института, а также оценить влияние технической направленности института при планировании приемной кампании.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения опыта советских высших учебных заведений, поскольку многие подходы и методы, применявшиеся тогда, сохраняют свое значение и в современных условиях. Изучение практики работы приемных комиссий прошлых лет способствует выявлению эффективных моделей управления образовательным процессом, способствующих повышению качества профессиональной подготовки выпускников технических специальностей.

Результаты такого исследования способствуют лучшему пониманию исторической динамики социальной мобильности и распределения профессиональных ресурсов.

Цель исследования состоит в детальном изучении исторических изменений механизмов и процессов работы приемной комиссии Курского политехнического института в период с 1964 по 1985 годы.

Методология. Методологическую основу исследования составляют фундаментальные принципы объективности и историзма. В процессе решения исследовательских задач авторы использовали историко-системный, сравнительно-исторический, ретроспективный методы.

Ключевые слова: Курский политехнический институт, приемная комиссия, набор студентов, агитационная работа, профессиональная ориентация, привлечение абитуриентов.

Синицын О.В.

О процессах цифровизации в исторической науке и историческом образовании в России (по материалам периодической печати)

Цифровизация это неотъемлемая составная часть современной науки и образования в средней и высшей школе. Цифровая история (Digital History) – сравнительно новая черта исторической науки и исторического образования в России. В статье представлен аналитический анализ публикаций российских исследователей о тенденциях, проблемах, поисках и решений в области применения цифровых технологий в научно-образовательной сфере. В России сложились ведущие центры цифровой гуманитаристики: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Пермский национально-исследовательский, университет, Томский государственный университет, Алтайский государственный университет, на соответствующих кафедрах которых сложился положительный опыт в практике использования цифровых технологий как в исторических исследованиях, так и в образовательной сфере. Это нашло отражение в научных журналах, специализирущихся в области цифровой истории и цифровой гуманитаристики. Особое место уделяется публикациям в научном журнале «Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании», который издается с 2012 года (главный редактор: Бородкин Леонид Иосифович, член-корр. РАН, доктор исторических наук, зав. кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ). В этом электронном журнале

18 основных рубрик, из них приоритетными по предмету рассмотрения статьи являются: новые методы и технологии обработки исторических источников; цифровая история; информативные технологии в историческом образовании. Публикуемые материалы отражают опыт оцифровки исторических источников и их компьютеризованного анализа, функционирования исторической науки и образования в новой цифровой среде в современной России.

Ключевые слова: цифровая история, историческое образование, историческая информатика, исторический источник, российские вузы, гуманитаристика, научный журнал.

Суслова А.А.

«Подрывная литература»: революционные брошюры в отчётах Главного управления по делам печати МВД России (1909 г.)

В статье анализируются революционные брошюры, рассматриваемые в отчетах I отделения канцелярии Главного управления по делам печати МВД Российской империи в 1909 г. Дана характеристика историографии проблемы. На основе материалов Российского государственного исторического архива (ф.776) исследуется восприятие властью «подрывной литературы» как инструмента политической агитации. Рассматриваются методы цензуры и оценки, применяемые к революционным изданиям в Российской империи начала XX в. Приводятся наиболее характерные примеры подпольных брошюр (критика императора, Государственной думы, армии, полиции, аграрной реформы П.А. Столыпина, публикация материалов секретных правительственных совещаний). Отдельно обращается внимание на подпольную публикацию художественных произведений с революционной агитацией, в частности, «сказок» Ф.Ф. Волховского. Делается вывод об эффективности разнообразных форм текстовой агитации революционных организаций.

Ключевые слова: революционное движение, террор, 1909 год, Главное управление по делам печати МВД, революционные прокламации, политическая полиция, подпольная печать, брошюры, типография, пропаганда.

Салихов Р.Т.
Гали Б.Т.
Галиуллин Р.Р.
Гатауллина Л.Н.

История и особенности формирования суфийских тарикатов: от всеобщего единства к региональному многообразию

Статья посвящена анализу многообразия суфийских братств (тарикатов), их исторической эволюции и адаптации к различным культурным и социальным контекстам. Центральное внимание уделяется противостоянию двух методологических подходов — «опьянённого» суфизма (на примере Мевлеви), использующего музыку и танец, и «трезвого» суфизма (на примере Накшбандии), делающего акцент на тихом зикре и самоконтроле. На примерах из истории Османской империи, Северного Кавказа и Поволжья показано, как эти традиции формировали разные социальные и политические модели. Особое внимание уделяется современной ситуации в Татарстане, где в постсоветский период происходит сложный процесс реставрации суфизма, характеризующийся проникновением зарубежных течений, поиском местной идентичности и осторожным отношением со стороны общества и государства.

Ключевые слова: суфизм, тарикат, Мевлеви, Накшбандия, Кадирия, сама', зикр, дервиши, «опьянённый» суфизм, «трезвый» суфизм, Джалаладдин Руми, Северный Кавказ, Поволжье, Татарстан, постсоветский период.

Abstracts

Artaev S.N.
Kaminova K.Yu.
Sangadzhi-Goryaeva G.S.
Dzhioeva R.R.

The role of mimic gestures in the communication of the Kalmyks

The article is devoted to the study of non-verbal means of communication in Kalmyk linguistic culture. They are gestures, facial expressions, postures, intonation, timbre, tempo. Mimicry is one of the important elements of nonverbal communicative behavior, characterizing the mentality, character traits of the Kalmyk people. Among the mimic gestures, a smile occupies a special place. The Kalmyk language has lexemes that can denote different in quality and degree of intensity of smile gestures. In nonverbal behavior of the Kalmyks, the expression of some emotions is connected with the state of the face, with its separate parts (embarrassment, indecision, dissatisfaction, mistrust, disdain, annoyance, etc.). The gaze is also a means of establishing contact between interlocutors. Different peoples have different characteristics of a gaze related to its direction. Mongolian peoples with the help of looks transfer much more information than Europeans. They widely use facial expressions associated with the "shade" of the gaze, the expression of the eyes.

Key words: gestures, communicative behavior, facial expressions, gaze, Kalmyk language.

Achaeva M.S.
Pospelova N.V.
Kormiltseva D.A.
Daurova A.B.

A cross-cultural approach to a literary text (based on proper names in H. Swift's "The Light of Day")

This article presents an analysis of proper names in Henry Swift's novel "The Light of Day" from a linguocultural perspective. The article aims to identify the national and cultural specifics of proper names in Swift's novel. The research methods include analysis, synthesis, generalization, systematization, classification, contextual analysis, semantic analysis, and semantization. The authors also focus on the novel's keyword and symbol, "light." The article also presents the results of an etymological, semantic analysis, and a cross cultural study interpretation of street names and the names of literary characters, revealing their national and cultural uniqueness. This approach to textual analysis reveals the substantive depths of "The Light of Day".

Key words: H. Swift, "The Light of Day", proper name, semantization, linguistic and regional interpretation, national and cultural identity.

Gubin A.Yu.

The influence of biographical context on a writer's understanding of the role and purposes of literature: the case of Fyodor Gladkov

This article analyzes the influence of Fyodor Gladkov's (1883–1958) biographical experience on his understanding of the role of literature as a tool for social transformation and the creation of a new reality. Using archival materials and historical context, this article traces the evolution of the writer's views from a naturalistic depiction of the lower classes to the classics of socialist realism. This detailed annotation highlights the key stages of Gladkov's life and their reflection in his work. The writer's biography serves as a navigational map of the era of revolutions, the Civil War, and Soviet construction, defining the tasks of literature as reflecting and transforming reality. Childhood in a peasant family, revolutionary activity, exile, participation in the restoration of factories, and

the war shaped a commitment to the "truth of fact," the heroism of labor, and collective energy. An analysis of the novels "Cement" and "Energy," an autobiographical trilogy, demonstrates how personal experience dictates artistic decisions and textual revisions to make them accessible to working-class readers. Gladkov follows Gorky's tradition of "engineers of souls," simplifying form for the masses, responding to criticism (the 1926 debate), combating the drunkenness of colleagues, and influencing Russian grammar. His ethic is a bold statement of a position where social function prevails over form. The conclusion emphasizes biography as the meaning-forming structure of the myth of the Soviet creator.

Key words: Fyodor Gladkov, biography genre, biographical context, socialist realism, novel "Cement," role of literature, heroism of labor, autobiographical trilogy, writer's ethics, Russian State Archive of Literature and Art.

Ermolova K.A.

Perception of theatre in critical works: diachronic and linguistic aspects

This article examines the specifics of theater perception in Soviet and contemporary criticism from a comparative diachronic perspective. The work presents semantic aspects reflecting the semantic dominants in the interpretation of theater and theatrical art of the Soviet and contemporary periods, and also examines the linguistic means of their verbalization, taking into account the principles of lexical compatibility in the Russian language.

Key words: theatre, perception, art, work, diachronic aspect, linguistic aspect, analysis.

Ilyasov V.S.

Distortion of the Quranic worldview in 18th-century Russian translations of the Qur'an

The article provides a description of the Quranic worldview in the light of the religious worldview. The work provides definitions and analysis of the 18th century translations of the Quranic worldview into Russian. The internal form of the translations is analyzed, which allows us to draw some conclusions about the Quranic YKM associated with the reflection of the RCM and the principles of ideological, linguistic and cultural aspects.

Key words: Quranic worldview, translation of the Quranic worldview, Arabic language, linguistic worldview, Quran, religious worldview, history of the translation of the Quranic worldview.

Naumenko M.G.
Stratiychuk E.Y.

Indirect speech acts in English-language media discourse

This article examines the nature of indirect speech acts (mixed (transitional) communicative sentence types), and analyzes the use of conventional and non-conventional indirect speech acts in interpersonal communication in modern English-language media discourse. The need for research is determined by the correlation of its topic with one of the leading trends in modern linguistics – pragmalinguistics, the essence of which is the study of linguistic phenomena in the aspect of human activity. An indirect speech act is a way of expressing the meaning of an utterance indirectly, using additional semantics implied by the context of communication. The speaker intentionally formulates the sentence in such a way that the listener perceives the hidden meaning in addition to the literal content of what was said. The relevance of this study is due to the need for a holistic approach in identifying the features of the use of indirect speech acts in modern English-language media discourse, taking into account the context.

Key words: speech act, indirect speech act, intermediary (mixed) communicative types of sentences, pragmatic meaning, illocutionary goal, conventional speech acts, unconventional (occasional) speech acts, media discourse.

Pakus V.O.

Auto-images of America in military conflict in Afghanistan in the presidential discourse

The relevance of this article lies in the need to study the ways of forming different auto-images of the state in political discourse against the background of the same problem by representatives of different ideologies. This study examines the changes in America's auto-image in presidential discourse in the context of the military conflict with Afghanistan. A comparative analysis of two auto-images formed by George W. Bush, a representative of the Republican Party, and Democrat Barack Obama during their time as president is carried out. Due to the difference in ideological orientation and attitude to the problems of Afghanistan of these presidents, two auto-images of the state are being formed, focusing on the intentions and political actions of each author. A comparative analysis of these images is carried out, taking into account the political situation and the ideological component of each politician. The language tools involved in their formation are also described.

Key words: politics, military conflict, party of power, political discourse, presidential discourse, auto-image of the state, political modalization, self-representation.

Rashidova A.D.
Imanalieva G.A.

Identification of the attitude of students of the faculty of philology to the use of narrative text in English classes

Resume. Goal. The purpose of this study is to identify the attitude of students of the Philological Faculty of the D. Gamzatov State Pedagogical University to the use of narrative text in English lessons. The purpose of this study is to describe and analyze a number of activities that are used during teaching using narrative text and that allow the student to be at the center of learning through his involvement in a variety of activities in a more natural and family context, where students' interest in using a foreign language is ensured by the use of authentic texts is stimulated. Methods. The methods used are as follows: study of relevant literature. The information that was used for this study includes scientific research in various publications, on the Internet, experimental studies used in secondary schools, publications by various foreign and domestic authors on the influence of narrative text on better and effective English language acquisition during classes. Result. Currently, the purpose of teaching is to equip students with learning methods, encouraging them to be as active as possible and to be at the center of the lesson. This research aims to explore the motivation, contribution, and creation of a positive attitude towards learning a foreign language, realized through narrative text when learning a foreign language. The scientific literature on this issue was analyzed. The objects of research, samples, research methods, research tools, and the procedure for data collection and analysis were identified. Research tools. The questionnaire includes a sample of 30 students, which allowed us to collect quantitative data. Conclusion. Currently, foreign language teachers use a number of techniques to master the language more effectively. One of the methods that proves to be very effective is the use of narrative text.

Key words: narrative text, foreign language, language acquisition, method, questionnaire, English, text, research, motivation, positive attitude, Internet, analysis, authentic text.

Sodiqova R.A.

Formal equivalence and non-equivalence of grammatical units in English and Tajik languages (on the example of prepositions)

The given article dwells on the comparative analysis of prepositions in English and Tajik within the framework of the theory of equivalence. The study is situated in the context of comparative linguistics and translation studies, where the accurate rendering of grammatical relationships is as crucial as translating lexical meaning. The primary objective is to identify and systematize the phenomena of formal equivalence and non-equivalence of prepositions, determine the causes of

non-equivalence, and outline strategies for their adequate translation. The article examines simple, complex, and compound prepositions, providing a detailed comparison of their usage with examples from literary sources. The analysis reveals that while core prepositions often have direct formal equivalents (e.g., from – az, with – bo), many cases exhibit partial equivalence or complete non-equivalence due to structural, semantic, and contextual factors. The findings have significant theoretical value for comparative linguistics and practical implications for translation practice, lexicography, and language pedagogy, highlighting the necessity of prioritizing functional and communicative adequacy over formal correspondence.

Key words: linguistics, comparative analysis, equivalence, non-equivalence, prepositions, translation theory, English and Tajik languages, grammatical units, formal correspondence, grammatical relationships.

Usmonova M.N.

Semantico-functional features of some Tajik borrowed interjections and their English equivalents

The given article presents a comparative analysis of the semantic and functional features of several borrowed interjections in the Tajik language and their English equivalents. The relevance of the study stems from the need to examine the influence of interlingual borrowing on the semantic and pragmatic structure of this class of linguistic units. To achieve the stated goals and objectives, the following research methods were used: descriptive, comparative, contextual, and functional. S. Aini's novel "Gulomon" served as empirical material. Using descriptive, comparative, and functional methods, the author analyzes how interjections borrowed by the Tajik language (primarily from Arabic and Persian) adapt to its norms and acquire new culturally conditioned connotations. The results of the study show that, despite the universality of some emotional reactions, interjections borrowed into the Tajik language often have additional connotations due to the cultural and historical context, which distinguishes them from their direct English equivalents.

Key words: semantic and functional features, comparative analysis, borrowed interjections, Tajik interjections, English equivalents, English and Tajik, additional and conditioned connotations, descriptive, comparative and functional methods, cultural and historical context, semantic and pragmatic structure.

Artaev S.N.
Kaminova K.Yu.
Sangadzhi-Goryaeva G.S.
Dzhioeva R.R.

Politeness in communicative behavior

Lexical and grammatical means of politeness play a major role in speech etiquette. These include words and expressions used to demonstrate delicacy when dealing with people of advanced age and social rank; when addressing elders, refined and respectful words of high style are used. Respectful and polite attitudes among Kalmyks can also be expressed not only lexically but also grammatically, specifically through verb mood.

Key words: speech etiquette, lexical and grammatical means of language, politeness, verb mood.

Smirnov A.V.

The US government's development of a new isolationist strategy. Congressional debates on the issue of the USSR's neutral status in the European military conflict

This article examines the process of forming a new policy of neutrality of the U.S. government. Due to the outbreak of World War II, a special session of the 76th U.S. Congress in October-November 1939 held a lengthy discussion of the political reforms proposed by senators from both parties.

A special role in the discussion of the American senators was assigned to the position of the Soviet Union. It is worth considering the assessments of various political groups of the Democratic and Republican parties of the neutral position of the USSR at the initial stage of World War II, both from the point of view of isolationist and internationalist positions in American society.

Key words: US Congress, special session of Congress, World War II, Neutrality Act, F.D. Roosevelt, Democratic Party, Republican Party, Soviet Union, isolationists, internationalists.

Kevinus Genesis

The interplay between state sovereignty and international obligation on refugee laws: a foreign policy perspective

States frequently wield immigration and migration agreements as potent instruments in the intricate arena of international relations, leveraging them as bargaining chips to advance diverse strategic objectives encompassing diplomacy, development aid, and even the imposition of sanctions. The escalating flows of migrants, driven by a confluence of economic imperatives, political instability, and environmental degradation, have presented intricate challenges related to border management, the protection of human rights, and the facilitation of social integration, thereby necessitating robust diplomatic engagement among nations. Migration, rather than being solely a humanitarian concern, has become deeply intertwined with national interests and security considerations, thus providing states with leverage in negotiations. This paper aims to evaluate states' strategic maneuvering in migration policies as a foreign policy tool, to attain geopolitical advantages, foster economic partnerships, or exert influence on the domestic affairs of other nations. The gap between developed and less developed countries, with issues concerning human rights and migration, also reveals the weaknesses of international norms that obligate states to commit to these norms, as they are often overlooked due to several reasons, such as sovereignty and the anarchic nature of the international system. The paper finds that international legal frameworks are usually respected by states when the concepts of sovereignty and self-determination are not realistic for less powerful countries. States frequently employ migration and human rights policies as a foreign policy tool to cultivate rapprochement with target countries, strategically relaxing visa requirements to foster goodwill and facilitate enhanced economic and cultural exchange. The author employs a qualitative method of scientific analysis, which assesses non-numerical data to explain the meaning and nuances that reveal states' motivations in their approach to foreign policy formulation and strategies. The data are sourced from national and international documents, an institution including, treaties, and conventions.

Key words: refugee law, foreign policy, sovereignty, migration, geopolitics, international commitment, human rights, world wars, asylum.

Haqq S.A.

Evolution of foreign policy of the republic of Indonesia towards Turkmenistan (1992-2024)

The work is dedicated to the study of the evolution of Indonesia's foreign policy towards Turkmenistan. The article examines in detail the key stages of the history of bilateral relations, as well as the main areas of cooperation between the two countries. Special attention is given to official intergovernmental agreements.

The research employs document analysis methods from the governmental bodies of Indonesia and Turkmenistan. Statistical data demonstrate a growing trend in economic cooperation between the two countries. The study posits that Indonesian-Turkmen relations can be divided into three key periods: the period of establishing diplomatic relations, the period of stagnation and freezing of cooperation, and the period of revival and expansion of cooperation.

It is noted that political cooperation between Indonesia and Turkmenistan significantly outpaces economic and humanitarian cooperation. Meanwhile, interactions between ordinary citizens remain

extremely limited.

Key words: agreements, diplomacy, trade, tourism, sports, education, Central Asia.

Osipov E.A.

Soviet-Libyan relations in 1969-1976: a view from France

This article, based on materials from the French Foreign Ministry Archives, presents French diplomats' views on the development of Soviet-Libyan relations in the first years after Muammar Gaddafi's rise to power in Libya. Initially, Paris was skeptical about the prospects for rapprochement between Moscow and Tripoli. However, beginning in 1974-1975, amidst Libya's neighboring Egypt's rapprochement with the United States and Western countries' refusal to sell arms to Libya, Soviet-Libyan contacts intensified.

Soviet-Libyan relations were based on military cooperation, the scale of which was assessed by the French as quite significant. In the economic sphere, however, the USSR was unable to compete for the Libyan market with Western countries, which initially enjoyed a much stronger position in the country. Overall, Soviet policy toward Libya was assessed as cautious and pragmatic. Without spending significant resources, Moscow skillfully took advantage of the weaknesses and mistakes of Western countries and expanded its sphere of influence where possible.

Key words: USSR, Libya, France, Gaddafi, Cold War, Africa, Arab world, Maghreb.

Melik-Bagdasarov A.S.

Exacerbation of the territorial dispute between Venezuela and Guyana over Essequibo

The study examines the aggravation in the relations between the Bolivarian Republic of Venezuela and the Cooperative Republic of Guyana in connection with Guyana's explotation of disputed territories and the adjacent offshore shelf. Special attention is paid to the analysis of the national referendum held in Venezuela in 2023, which caused an international outcry. The article examines its meaning and significance in the context of the foreign policy pursued by the homeland of Bolívar.

Key words: Venezuela, Guyana, territorial dispute, Essequibo, Stabroek, Geneva Agreement, referendum, Bolivarian Republic, Cooperative Republic.

Kolomyts O.G.
Kolomyts D.M.
Galeeva M.A.

War as a pattern of capitalist development: Russia in inter-imperialist rivalry (19th-20th centuries)

In historical and publicist literature it is often found that in 1914 no one wanted war, but for reasons of irresponsible behavior of politicians, the was is started. And it was already impossible to stop her. This opinion is erroneous. The European elites of that time, with the exception of the Russian one, were eager for war. It was the result of a century-long journey taken by Europe since the Congress of Vienna.

Key words: World War I, World War II, Russian Empire, Russia, USSR, Congress of Vienna, Crimean War, colonial Wars, imperialism, capitalism.

Kevinus Genesis

The resurgence of Russia in Africa's geopolitical landscape

In recent years, Russia has been actively engaged in African affairs, this is evident at the start of 2023, the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov embarked on an 11- country tour of the continent for intense ne otiations. These talks covered political and economic matters, as well as efforts to counter international challenges and threats, and addressed the new geopolitical realities in the

region. The first Russia-Africa Summit served as a catalyst for cooperation and deepened the ties between Russia and African nations. The geopolitical landscape has undergone a complete transformation, with Africa assuming significant importance in Russia's foreign policy and economy. Moscow's foreign policy has shown increased interest in Africa, primarily due to the continent's large population and sustainable economic growth. This article aims to evaluate the growing importance of Africa for Russia's global interests and study the most important factors affecting the role of Africa in Russian foreign policy. The article clarifies that Russia's African policy primarily focuses on three main themes: building alternative economic partnerships, pursuing geopolitical influence, and promoting multipolarity.

Key words: Russia, Africa, foreign policy, renaissance, multipolarity, geopolitics, trade relations, energy diplomacy, Soviet Union, Cold War, strategic partnership, global West.

Gubaidullin R.R.

The formation of Sendero Luminoso, its ideological characteristics and the first steps of revolutionary activity

The article examines the formation, ideological evolution, and early revolutionary activities of the radical Maoist organization Shining Path (Sendero Luminoso) in Peru. It explores the social and political conditions that led to its emergence at the San Cristóbal de Huamanga University, the role of Abimael Guzmán, and the influence of Marxism-Leninism-Maoism and Mariátegui's ideas. The study addresses the process of radicalization, recruitment methods, the adaptation of Maoist principles to the Peruvian context, and the onset of the People's War in 1980, as well as the governmental response. Special attention is given to the organization's tactics, widespread violence, economic sabotage, and the inefficiency of state counterterrorism operations.

Key words: Sendero Luminoso, Abimael Guzmán, Maoism, Peru, Marxism-Leninism-Maoism, Mariátegui, left-wing movements, people's war, University of Ayacucho, political violence.

Verkhovsky I.A.

The policy of the Russian Empire in the Adriatic region on the eve of the First World War

The article is devoted to the policy of the Russian Empire in the Adriatic region on the eve of the First World War. International relations in this region are considered in the work from the point of view of the "Adriatic issue" (the intersection of the interests of Italy, Austria-Hungary and the national movements of the Yugoslav peoples on the basis of territorial and ethnopolitical disputes), the "Balkan issue" (the struggle of the peoples of the Balkan Peninsula for the territories of the former Ottoman Empire and the intersection of the interests of the great powers in the Balkans region), as well as the global context, which includes both the inter-bloc confrontation (the Entente and the Triple Alliance), So is the confrontation between the Triple Alliance allies (Austria-Hungary and Italy). Based on the results of the study, it is concluded that Russia's actions in the Adriatic during the period under review were based on a strategy of maneuvering, compensation and balancing (strategic defeat in the framework of the Bosnian crisis (the Buchlau agreement, 1908) and an attempt to compensate for it (the Racconigi agreement, 1909), which was due to both the complexity of international processes in Europe, and the internal political state of the Russian Empire after the Russo-Japanese War (1904-1905) and the revolution (1905-1907).

Key words: foreign policy of the Russian Empire, Bosnian crisis, Balkan question, Adriatic question, Balkan wars, Balkan Alliance.

Alaychiev U.K.

Kyrgyz municipal communities during the war (1941–1945): state control over religion, the struggle with religious ideology and the spiritual support of society; the contribution of Muslims

The article, based on materials from the Central State Archives of the Kyrgyz Republic, the Russian State Archive of Socio-Political History and other archival sources, analyzes the war period in the Kirghiz SSR. During this period, policy towards religious denominations was strictly controlled, but space was retained for ideological and educational work, including updated forms of atheistic propaganda. A parallel decline in the number of mosques and an increase in the spiritual and moral activity of society are observed: data on the closure of mosques in the Naryn region and the complete absence of functioning mosques in the Issyk-Kul region by 1946 emphasize the forced nature of the changes, but do not exclude the expectation of a revival. An important aspect is the data on contributions to the Red Army support fund and on assistance to the families of war participants, as well as specific examples of agricultural and humanitarian actions by communities. The author shows the religious and moral support as a vital structure of society, which, despite mobilization and party control, contributed to moral stability, solidarity and the common cause of victory. In conclusion, the author addresses the personal meaning of the period: spirituality without a rigid ideological structure can be a support for the people during times of crisis and be valuable for the modern generation as a source of conscience, trust, and social responsibility.

Key words: Kirghiz SSR, Kyrgyzstan, mobilization, religion, Islam, Christianity, war, atheism.

Khoshev A.Yu.

Problems of development of Serbian national culture in socialist Croatia and the history of the creation of the Serbian Cultural Society "Zora" in 1989

Post-war socialist Croatia was conceived as a republic with two equal state-forming nations (Croatians and Serbs), whose relations would be harmonized based on the communist ideology of „The Brotherhood and Unity". However, for a number of reasons, this ambitious plan was not realized, and Serbs in Croatia did not receive de facto linguistic and cultural equality. Beginning in the early 1970s, under the pretext of combating nationalism, they were gradually deprived of the right to their own national cultural institutions. An attempt to create a Serbian cultural society „Zora" ("The Dawn") was made in Knin in 1989, amid a crisis of communist ideology and rising national sentiment in Croatia, Serbia, and other republics of the federal Yugoslavia. This article reviews the history of the problem of national cultural institutions in Croatia, the specifics of the concept of the Serbian Cultural Society „Zora" and the difficulties encountered in implementing this democratic initiative. The publications used were those that appeared as part of the media campaign in support of this project, as well as the recollections and interviews of participants in the events.

Key words: Croatia, Serbia, Yugoslavia, cultural institutions, interethnic relations, cultural policy.

Cao Hanyuan

The code of power and civilization in the court music of the Ming dynasty and its influence on local religion

In front of the Golden Throne Hall in the Forbidden City, the resonance of chime bells and jade chimes penetrates six hundred years of time, bringing us back to the dynasty that established world order with classical music. When Emperor Taizu Zhu Yuanzhang ascended the throne, he issued an imperial decree to "review ancient systems and rectify rituals and music." This was not a simple music revival movement, but a carefully planned civilization construction. The court music of the Ming Dynasty carried a civilization code far beyond the music itself. It was an acoustic totem of the dynasty's orthodoxy, a ritual and music presentation of world order, and a cultural coordinate of the East Asian civilization circle.

Key words: court music of the Ming Dynasty, power and civilization code, religious influence.

Platonova N.M.

The cellulose and paper industry in the Sakhalin region in historical retrospective (1905 – early 2000s)

The author addresses a problem that has not yet been adequately covered in Russian historiography. It is noted that, in addition to historians, specialists in economics, architecture, and urban studies have also addressed the issues of the formation and development of the Russian pulp and paper industry in general and the Sakhalin Region in particular. The historical retrospective covers the period from 1905 to the early 2000s. The research focuses on the establishment of the Karafuto Governorate and the formation of the industry's foundation, as well as the post-war reconstruction and modernization of paper mills, the late Soviet development of the pulp and paper industry, and its eventual closure. It is noted that from 1960 to 1985, the Sakhalin industry underwent technical modernization, which contributed to increased production volumes, but the pace of modernization was insufficient. The article also explores the foreign trade aspect related to the export of products and raw materials to foreign countries. The consequences of the new thinking and privatization policies are outlined. In summary, the author concludes that in the recent period, the economic sector of the Sakhalin Region has lost its market for paper production and pulp boiling. The consequences of the new thinking and privatization policies are outlined. In summary, the author concludes that in the recent period, the economic sector of the Sakhalin Region has lost its market for paper production and pulp boiling.

Key words: Karafuto, Sakhalin Island, USSR Far East, Sakhalin Region, pulp and paper industry, technical modernization, paper-making machines.

Karpenkova T.V.

On the issue of trends in the development of nations and nationalities in the post-Soviet period (1991-2025)

The article examines the ethnic issues that arose during the transformations of the subjects (republics) of the USSR in the post-Soviet period. The article summarizes the experience of political settlement of ethnic conflicts, their outbreaks and the creation of a unique ethnic climate and features of national revival during the struggle between the old and new political elites. The measures for the formation of new states and attempts to stop disintegrating tendencies by force are systematized. The article summarizes the experience of the Russian Federation in protecting independence and state integrity through patriotic education. The study interprets the restoration of traditions as the resumption of historical continuity and shows the experience of Russia, which has managed to overcome negative trends and preserve itself as a multinational and multi-religious state, as evidenced by the fact that society has united around the idea of protecting national interests and sovereignty.

Key words: national revival, multi-religious society, multinational society, multiculturalism, tolerance, multi-religious state, political and cultural education, national and cultural traditions, patriotic education.

Akkieva S.I.
Temmoev I.Yu.

Imperial and soviet modernization in the North Caucasus

The article examines the processes of modernization in the North Caucasus during the period of imperial and Soviet rule, analyzing their goals, methods, and consequences. The study focuses on three key aspects: the use of education and science as tools of state power, the development of infrastructure and communications, and the impact of modernization processes on traditional social structures. It emphasizes that both the Russian Empire and the Soviet state sought to integrate the region into a common political and economic space, but their approaches and outcomes differed

significantly. During the imperial period, the focus was on adapting the local elite and spreading Russian culture, while the Soviet government sought to create a new identity based on communist ideology. The development of infrastructure and communications contributed to economic growth, but it often ignored the needs of the local population and led to environmental problems. Modernization had a mixed impact on traditional institutions and social relations, exacerbating interethnic conflicts and social tensions. Based on an analysis of historical sources and a comparative approach, the author concludes that the modernization processes in the North Caucasus were complex and contradictory, requiring consideration of historical experiences in the implementation of modern development projects in the region.

Key words: North Caucasus, modernization, Russian Empire, Soviet Union, education, science, infrastructure, communications, social structures, tradition.

Makarova D.D.
Ivanova D.E.
Ivanov K.S.
Ivanova A.S.

Soviet life of the 1930s through the prism of periodicals and fiction

The article is a comprehensive study of Soviet life in the 1930s based on a comparative analysis of its representation in two types of sources: the official periodical press (Pravda, Izvestia, Ogonek, Rabochaya) and the fiction of that era (works by M. Bulgakov, M. Zoshchenko, A. Platonov, E. Schwartz, etc.)..The purpose of the study is to analyze the representation of soviet life in the 1930s in the official periodical press and fiction in order to identify the dialectic between the propaganda myth and the historical reality of everyday life. Research methods: study and analysis of literature, statistical processing of the data obtained. Results and conclusions of the study: The Soviet way of life in the 1930s existed in two parallel realities: constructed by official propaganda and real, reflected in literary texts. Fiction performed a compensatory function, acting as a form of preserving historical memory. The contradiction between the New Life project and its practical implementation became a systemic characteristic of the soviet modernization of the 1930s.

Key words: everyday life, periodicals, fiction, propaganda myth, leisure, totalitarian control.

Babenko O.V.

Glinka's operas in the publications of the Russian theatrical periodicals of the late 19th–early 20th centuries

The article examines the coverage of the significance and individual performances of Mikhail Glinka's operas in theatrical periodicals of the late 19th – early 20th century. The Russian Musical Newspaper, as well as the magazines Artist, Yearbook of the Imperial Theaters, Theatre and Art, and Ramp and Life, provide a wealth of material on this topic. The article identifies common features and differences in publications about Glinka's operas and creates a thematic classification of them. The article draws conclusions about the degree of representativeness of Russian theatrical periodicals as a historical source about Glinka's works.

Key words: opera, M.I. Glinka, "Ivan Susanin", "A Life for the Tsar", "Ruslan and Lyudmila", Russian theatre periodicals, late 19th – early 20th century.

Bilan O.A.
Firsov A.G.

Stages of Russia's resettlement policy in the late 19th – early 20th centuries in Russian historiography

In the modern world, migration activity is observed in society. As the historical experience of Russia shows, the success of migration policy directly depends on the participation of state institu-

tions. The authors of this article focused on the state policy of resettlement in tsarist Russia in the late 19th and early 20th centuries. The paper provides an overview of the historiographical understanding of this topic in the Russian scientific literature. Having identified the stages of the state resettlement policy at the specified time, the authors outlined their features and changes in government practices regarding peasant resettlement. Having considered the economic and political factors that influenced resettlement in the late 19th and early 20th centuries, the authors concluded that the purpose of resettlement policy was to promote a strategic project of a national nature.

Key words: national project, state resettlement policy of the Russian Empire, peasant resettlement, Stolypin resettlement policy, Siberia, Far East.

Veselkov I.R.
Denisyuk K.V.
Poltarakova K.M.
Sergeeva S.S.
Shubina E.I.

Anti-epidemic measures in the autumn-winter period of 1942-43 and the plan of measures for 1943-44 in the Arkhangelsk region

The article focuses on the analysis of sanitary and epidemiological measures implemented in the Arkhangelsk Region in 1942-1943, as well as the development of plans for the following years during the Great Patriotic War. In the context of wartime and resource scarcity, the region faced significant challenges in public health, including outbreaks of infectious diseases and deteriorating sanitary conditions.

Key words: Arkhangelsk Region, AGMI (Arkhangelsk State Medical Institute), Great Patriotic War, anti-epidemic measures, sanitary and epidemiological conditions.

Darchiev A.V.

Ossetian cult of the thunder deity in the manuscripts of E.G. Pchelina

This article examines manuscripts by the eminent Caucasus scholar E.G. Pchelina (1895-1972) on the Ossetian cult of the thunder deity Uatsilla. The researcher identified structural connections between Uatsilla and other deities of the Ossetian pantheon and also provided information on many Uatsilla shrines unknown from other sources. Pchelina advanced the promising hypothesis that the cult of Uatsilla may have reflected ancient contacts between the ancestors of the Ossetians and the adherents of Judaism. E.G. Pchelina's manuscripts significantly expand our knowledge of the cult of the thunder deity Uatsilla, facilitating the reconstruction of archaic layers of traditional Ossetian culture.

Key words: Ossetians, religious pantheon, thunder deity, sanctuary, Uatsilla, Safa, Judaism, Alans, E.G. Pchelina.

Denisov A.A.

The everyday life of the nobility of Poshekhonsky district of Yaroslavl province in the 1830s-1870s through the prism of the novel Poshekhonskaya starina by M.E. Saltykov-Shchedrin

This article attempts to examine the lifestyle of the nobility in the 19th century. The study focuses on the area surrounding the Shekhon River. The main source of information is the work of Mikhail Saltykov-Shchedrin. Research on the lifestyle of Poshekhonye is present in the scientific community, and literary works are often used as sources.

The study provides descriptions of noble houses, the diet of landowners, and the daily routines of the nobility. The article also highlights the importance of upbringing and education for the children of the nobility. It provides insights into the daily lives of the "Poshekhonye landowners" during the 1820s to 1870s.

Based on the information provided, it can be concluded that the residents of Poshekhonye were known for their cheerful disposition, humor, and emphasis on family values, as well as their hard work, love for their homes, spiritual strength, and commitment to education and personal growth.

Key words: Saltykov-Shchedrin, Poshekhonye, noble life, 19th century.

Eremina-Solenikova E.V.

St. Petersburg dancing master Franz Joseff Vincent: an experience in re-storing biography from office documents

The article presents a reconstruction of the biography of Franz Joseff Vincent, an ordinary dancing master of the third quarter of the 18th century, who worked in St. Petersburg at the same time as Antonio Rinaldi (Fossano) and Jean-Baptiste Lande. Vincent arrived to St. Petersburg from Amsterdam in 1740 and taught ballroom dances in Russia until his death in 1754. His documents are stored in the Russian State Military Historical Archive. Based on these materials we can reconstruct important circumstances related to the teaching of ballroom dancing in St. Petersburg in the 18th century. Such as: what was the procedure for inviting dance masters from abroad, where and in which conditions they lived and worked, how saturated was the labor market for this specialty.

Key words: dance master, Franz Joseff Vincent, Land Noble Corps, Academy of Science gymnasium, 18th century dances, dance teaching, ballroom dances, German dancing master.

Yeroshkov K.Yu.
Popova M.B.
Semyonova E.Yu.
Ivanov K.S.
Ivanova A.S.

The siege of Leningrad in individual and collective memory

This article is devoted to a comprehensive study of the mechanisms of formation and interaction of individual and collective memory about the Siege of Leningrad (1941–1944). The analysis focuses on a key issue in modern historiography: the conflict and dialogue between the immediate, often traumatic experiences of survivors, as recorded in private testimonies, and the official, ideologically driven narratives constructed by the state and public institutions. The memory of the Siege is not a static monument to the past, but a dynamic field of symbolic struggle where the historical event is constantly reinterpreted.

Key words: Siege of Leningrad, historical memory, collective memory, individual memory, traumatic past, ego-documents, oral history, memory politics, commemoration, narrative.

Fidarova K.K.
Kalabekova S.V.
Kulova M.L.
Pogosova K.L.

Philosophical foundations and modern challenges of educational inclusion in higher education

The article examines the philosophical and methodological foundations of inclusive education in the higher education system in the context of the digital transformation of society. It analyzes the evolution of the concept of "inclusion" from a narrow interpretation focused on individuals with disabilities to a broad paradigm aimed at creating a universal educational environment for every student. The article explores systemic barriers to the implementation of inclusive practices, including architectural inaccessibility, imperfections in the regulatory framework, and insufficient training of

teaching staff. Special attention is given to the potential of digital technologies as a tool for personalizing education and overcoming socio-psychological barriers. The article concludes that inclusion is not just a technical adaptation of the environment, but a fundamental principle that redefines the mission of universities in today's world.

Key words: educational inclusion, higher education, philosophy of education, digital transformation, barrier-free environment, individual educational route, assistive technologies, and tolerance.

Kuvayeva A.A.
Kubova R.A.

Transformation of demographic policy in the regions of Russia: challenges and prospects (based on the materials of the Republic of Adygea) (2015–2025)

This article analyzes the evolution of demographic policy in the Republic of Adygea in the context of all-Russian trends and new challenges. The study covers the period from 2015 to 2024 and includes forecast estimates for 2025. Based on statistical data and legal analysis, the dynamics of key demographic indicators are identified, the effectiveness of implemented measures is assessed, and systemic problems are determined. Special attention is paid to adapting regional policy to the conditions of sanctions pressure and the tasks of achieving national development goals. The paper presents analytical tables reflecting both the retrospective and prospective aspects of demographic processes. The conclusion is drawn that it is necessary to shift from a compensatory to a proactive demographic policy integrated into the socio-economic development of the region.

Key words: demographic policy, Republic of Adygea, birth rate, mortality rate, natural population decline, national projects, regional development, forecasting, migration processes, socio-cultural traditions.

Petriaeva A.V.
Pykhtin A.I.

From newspaper ads to computers: the evolution of enrollment in a Soviet university using the example of the Kursk Polytechnic Institute

The study of the work of university admissions committees, which, on the one hand, promptly responded to changes in government requirements, and on the other, determined the quality of future specialists and, consequently, influenced the development of science and technology in general, deserves special attention.

An analysis of the documents and materials of the admission committee of the Kursk Polytechnic Institute for the period from 1964 to 1985 will allow us to study the development and changes in the mechanisms of the admission committee, methods and principles of organizing its work over the twenty years since the founding of the Kursk Polytechnic Institute, as well as to assess the impact of the institute's technical orientation in planning the admission campaign.

The relevance of the research is due to the need to study the experience of Soviet higher education institutions, since many of the approaches and methods used then remain relevant in modern conditions. Studying the practice of the admissions committees of the past years helps to identify effective models of educational process management that contribute to improving the quality of professional training for graduates of technical specialties.

The results of such a study contribute to a better understanding of the historical dynamics of social mobility and the distribution of professional resources.

The purpose of the study is to study in detail the historical changes in the mechanisms and processes of the Kursk Polytechnic Institute Admissions Committee in the period from 1964 to 1985.

Methodology. The methodological basis of the research is based on the fundamental principles

of objectivity and historicism. In the process of solving research problems, the authors used historical-systemic, comparative-historical, and retrospective methods.

Key words: Kursk Polytechnic Institute, admissions committee, student recruitment, campaigning, professional orientation, attracting applicants.

Sinitzyn O.V.

On the processes of digitalization in historical science and historical education in Russia (based on materials from the periodical press)

Digitalization is an integral part of modern science and education in secondary and higher education. Digital history is a relatively new feature of historical science and historical education in Russia. This article presents an analytical analysis of publications by Russian researchers on the trends, problems, searches, and solutions in the application of digital technologies in research and education. Leading centers of digital humanities have emerged in Russia: Lomonosov Moscow State University, Perm National Research University, Tomsk State University, and Altai State University, whose departments have accumulated positive experience in the use of digital technologies in both historical research and education. This is reflected in academic journals specializing in digital history and digital humanities. Particular attention is given to publications in the academic journal "Historical Informatics." Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research and Education, which has been published since 2012 (Editor-in-Chief: Leonid Iosifovich Borodkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, and Head of the Department of Historical Informatics at the Faculty of History of Moscow State University). This electronic journal has 18 main sections, with articles focusing on the following topics: new methods and technologies for processing historical sources; digital history; and information technologies in historical education. The published materials reflect the experience of digitizing historical sources and their computerized analysis, as well as the functioning of historical science and education in the new digital environment in contemporary Russia.

Key words: digital history, historical education, historical informatics, historical source, Russian universities, humanities, scientific journal.

Suslova A.A.

"Subversive literature": revolutionary pamphlets in the reports of the main directorate for press affairs of the Russian ministry of internal affairs (1909)

The article analyzes the revolutionary pamphlets considered in the reports of the First Department of the Chancellery of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1909. The characteristic of the historiography of the problem is given. Based on the materials of the Russian State Historical Archive (f.776), the author examines the perception of "subversive literature" by the authorities as an instrument of political agitation. The methods of censorship and evaluation applied to revolutionary publications in the Russian Empire at the beginning of the XX century are considered. The most typical examples of clandestine pamphlets are given (criticism of the Emperor, the State Duma, the army, the police, P.A. Stolypin's agrarian reform, publication of materials from secret government meetings). Special attention is paid to the clandestine publication of artistic works with revolutionary agitation, in particular, "fairy tales" by F.F. Volkhovsky. The conclusion is made about the effectiveness of various forms of textual agitation of revolutionary organizations.

Key words: the revolutionary movement, terror, 1909, the Main Press Department of the Ministry of Internal Affairs, revolutionary proclamations, political police, underground press, pamphlets, printing house, propaganda.

Salikhov R.T.
Gali B.T.
Galiullin R.R.
Gataullina L.N.

History and specifics of the formation of Sufi Tariqas: from universal unity to regional diversity

The article analyzes the diversity of Sufi brotherhoods (tariqas), their historical evolution, and their adaptation to various cultural and social contexts. Central focus is placed on the contrast between two methodological approaches: "ecstatic" Sufism (exemplified by the Mevlevi), which utilizes music and dance, and "sober" Sufism (exemplified by the Naqshbandi), which emphasizes silent dhikr and self-control. Using examples from the history of the Ottoman Empire, the North Caucasus, and the Volga region, the article demonstrates how these traditions formed different social and political models. Particular attention is paid to the modern situation in Tatarstan, where a complex process of Sufism's restoration is underway in the post-Soviet period, characterized by the influence of foreign movements, the search for local identity, and a cautious attitude from both society and the state.

Key words: Sufism, tariqa, Mevlevi, Naqshbandi, Qadiri, sama', dhikr, dervishes, "ecstatic" Sufism, "sober" Sufism, Jalal ad-Din Rumi, North Caucasus, Volga region, Tatarstan, post-Soviet period.

Авторы

Аккиева С.И. - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарский научный центр РАН.

Алайчиев У.К. - докторант, специального факультета, научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Артаев С.Н. - доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия.

Ачаева М.С. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации. Елабужский институт Казанского федерального университета.

Бабенко О.В. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва.

Билан О.А. - кандидат философских наук, доцент. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 7467-2075

Верховский И.А. - аспирант. Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва.

Веселков И.Р. - студент 2 курс, педиатрический факультет. Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск.

Галеева М.А. - Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гали Б.Т. - доктор исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 5400-4697

Галиуллин Р.Р. - кандидат филологических наук, доцент. Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны. SPIN-код: 7370-7624

Гатауллина Л.Н. - доктор исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 2027-3278

Губайдуллин Р.Р. - аспирант, Казанский Приволжский Федеральный Университет, г. Казань.

Губин А.Ю. - аспирант, Литературный институт имени А.М. Горького.

Дарчиев А.В. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВНЦ РАН, г. Владикавказ. SPIN-код: 7095-1837

Даурова А.Б. - кандидат филологических наук, доцент кафедры «Межкультурная коммуникация», Северо-Кавказской государственной академии.

Денисов А.А. - магистр 1 курса исторического факультета. Российский государственный гуманитарный университет.

Денисюк К.В. - студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Джиоева Р.Р. - студент направления филология, профиль зарубежная филология, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия.

Еремина-Соленикова Е.В. - методист НМО «Школьный центр», кандидат искусствоведения. Феде-ральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государ-ственный Эрмитаж», г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 7359-7688 / Author ID: 77744

Ермолова К.А. - аспирант. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения». AuthorID: 1273373 / SPIN-код: 3716-4554 / ORCID: 0009-0005-8938-0103

Ерошков К.Ю. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Иванова А.С. - магистрант, Школа образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Иванова Д.Е. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (фили-

ал) Тюменского государственного университета.

Иванов К.С. - старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Ильясов В.С. - докторант Болгарской исламской академии. Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия».

Иманалиева Г.А. - кандидат педагогических наук. Доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. ФГБОУ ВО Северо-Кавказская государственная академия.

Каминова К.Ю. - магистрант направления филология, профиль русский язык и литература, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия.

Карпенкова Т.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин математики и информатики. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. SPIN-код: 6994-8730

Кевинус Дженесис - аспирант, кафедра истории международных отношений и внешней политики. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. ORCID: 0009-0001-5137-0349

Коломыц Д.М. - Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Коломыц О.Г. - Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кормильцева Д.А. - студент Высшей школы филологии и педагогики. Елабужский институт Казанского федерального университета.

Кубова Р.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп.

Куваева А.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп.

Кулова М.Л. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказского государственного института искусств.

Макарова Д.Д. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Мелик-Багдасаров А.С. - аспирант факультета гуманитарных и социальных наук. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Науменко М.Г. - кандидат филологических наук, доцент. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 8711-7610

Осипов Е.А. - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Пакус В.О. - кандидат филологических наук, ассистент. Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 7273-2269

Петряева А.В. - аспирант кафедры конституционного права, юрисконсульт II категории правового центра, Юго-Западный государственный университет.

Платонова Н.М. - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права», Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Погосова К.Л. - старший преподаватель кафедры общественных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Горский государственный аграрный университет».

Полтаракова К.М. - студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государ-

ственный медицинский университет, г. Архангельск.

Попова М.Б. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Поспелова Н.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации. Елабужский институт Казанского федерального университета.

Пыхтин А.И. - кандидат технических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, проректор по цифровой трансформации.

Рашидова А.Д. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Салихов Р.Т. - кандидат исторических наук, доцент. Казанский государственный аграрный университет, г. Казань. SPIN-код: 1382-2780

Сангаджи-Горяева Г.С. - студент направления филология, профиль зарубежная филология, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия.

Семёнова Э.Ю. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Сергеева С.С. - студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Синицын О.В. - Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань. ORCID: 0000-0002-3728-5949 / Researcher ID: O-3365-2016

Смирнов А.В. - магистр. Новосибирский Национально-Исследовательский Государственный Университет.

Содикова Р.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Стратийчук Е.Ю. - кандидат филологических наук, доцент. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону. SPIN-код: 6311-5839

Суслова А.А. - магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Теммоев И.Ю. - кандидат политических наук, доцент. Кабардино-Балкарский аграрный университет имени В.М. Кокова.

Усмонова М.Н. - кандидат философских наук, доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Фидарова К.К. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Фирсов А.Г. - кандидат исторический наук, доцент. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 6586-1818

Хакк Ш.А. - аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Хошев А.Ю. - кандидат технических наук, магистр теологии, доцент кафедры церковной истории и церковного права Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Цао Ханьюань - аспирантка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Шубина Е.И. - студентка 2 курс, педиатрический факультет. Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск.

Authors

Achaeva M.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Yelabuga Institute, Kazan Federal University.

Akkieva S.I., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies, Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Alaychiev U.K., Doctoral candidate, Special Faculty, Research Institute (Military History), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation.

Artaev S.N., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia, Russia.

Babenko O.V., PhD in History, senior researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Bilan O.A., PhD in Philosophy, Associate Professor. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg. SPIN-code: 7467-2075

Cao Hanyuan, Postgraduate student of Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Eremina-Solenikova E.V., Methodologist of the SMD "School Center", PhD in Art history. The State Hermitage Museum Russia, St Petersburg. SPIN-code: 7359-7688 / Author ID: 77744

Fidarova K.K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Galeeva M.A., Institute of International Relations, History and Orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Gali B.T., Doctor of Historical, Associate Professor. Sciences Kazan State AgrarianUniversity, Kazan. SPIN code: 5400-4697

Galiullin R.R., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny. SPIN code: 7370-7624

Gataullina L.N., Doctor of Historical, Associate Professor. Sciences Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN code: 2027-3278

Gubaidullin R.R., Postgraduate Student, Kazan Federal University, Kazan.

Gubin A.Yu., Postgraduate student, A.M. Gorky Literary Institute.

Darchiev A.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher. V. I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz. SPIN-code: 7095-1837

Daurova A.B., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, North Caucasus State Academy.

Denisov A.A., Master of the 1st year of the Faculty of History. Russian State University for the Humanities.

Denisyuk K.V., 2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Dzhioeva R.R., Student student in philology, majoring in Foreign Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia, Russia.

Ermolova K.A., Postgraduate student. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education". AuthorID: 1273373 / SPIN-код: 3716-4554 / ORCID: 0009-0005-8938-0103

Haqq S.A., PhD student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg.

Ilyasov V.S., Doctoral candidate at the Bulgarian Islamic Academy. Muslim religious organization, spiritual educational organization of higher education "Bulgarian Islamic Academy".

Imanalieva G.A., Candidate of Pedagogical Sciences. Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching them, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala.

Ivanova A.S., Master's student, School of Education at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

Ivanova D.E., Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Ivanov K.S., Senior Lecturer of the Department of Humanities and Methods of Teaching Humanities, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Firsov A.G., PhD in Historical, Associate Professor. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg. SPIN-code: 6586-1818

Kaminova K.Yu., Master's student in philology, majoring in Russian language and literature of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia, Russia.

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education North Caucasian State Academy.

Karpenkova T.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Socio-Economic Disciplines of Mathematics and Computer Science, Russian Federation, Russian Academy of National Economy and Public Administration. SPIN-code: 6994-8730

Kevinus Genesis, Postgraduate Student, Department of History of International Relations and Foreign Policy. Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0009-0001-5137-0349

Khoshev A.Yu., Candidate of Technical Sciences, Master of Theology, Docent of Saints Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies.

Kolomyts D.M., Institute of International Relations, History and Orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Kolomyts O.G., Institute of International Relations, History and Orient Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan.

Kormiltseva D.A., Student, Higher School of Philology and Pedagogy, Yelabuga Institute, Kazan Federal University.

Kubova R.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Law, Maykop State Technological University, Maykop.

Kulova M.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanities and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Institute of Arts.

Kuvayeva A.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Law, Maykop State Technological University, Maykop.

Makarova D.D., Student of P.P. Ershov Ishim State University (branch) Tyumen State University.

Melik-Bagdasarov A.S., Graduate student of the Faculty of Humanities and Social Sciences at the Peoples' Friendship University of Russia.

Naumenko M.G., PhD in Philology, Associate Professor. Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 8711-7610

Osipov E.A., PhD in History, Institute of World History of RAS.

Pakus V.O., Candidate of Philological Sciences, Assistant. Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 7273-2269

Petriaeva A.V., Postgraduate Student of the Department of Constitution Law, Legal advisor of

the II category, Southwest State University.

Pogosova K.L., Senior Lecturer at the Department of Social Sciences Federal State budgetary educational Institution of Higher Education "Gorsky State Agrarian University".

Poltarakova K.M., 2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Popova M.B., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov (branch) of Tyumen State University.

Pospelova N.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Yelabuga Institute, Kazan Federal University.

Platonova N.M., PhD in History, Assistant Professor, Professor of the Department «Theory and History of State and Law» Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

Pykhtin A.I., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Digital Transformation, Southwest State University.

Rashidova A.D., Candidate of Philological Sciences. Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching them, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala.

Salikhov R.T., PhD in History, Associate Professor. Kazan State Agrarian University, Kazan. SPIN-code: 1382-2780

Sangadzhi-Goryaeva G.S., Student student in philology, majoring in Foreign Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Republic of Kalmykia, Russia.

Semyonova E.Yu., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov (branch) of Tyumen State University.

Sergeeva S.S., 2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Shubina E.I., 2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Sinitzyn O.V., Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan. ORCID: 0000-0002-3728-5949 / Researcher ID: O-3365-2016

Smirnov A.V., Master's degree from Novosibirsk National Research State University.

Sodiqova R.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan Republic.

Stratiychuk E.Y., PhD in Philology, Associate Professor. Southern Federal University, Rostov-on-Don. SPIN-code: 6311-5839

Suslova A.A., Master's student. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

Temmoev I.Yu., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian Agrarian University named after V.M. Kokov.

Usmonova M.N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Khujand, Tajikistan Republic. ORCID: 0009-0001-9453-3830

Verkhovsky I.A., Postgraduate Student. Russian State University for the Humanities, Moscow.

Veselkov I.R., 2nd year student, Faculty of Pediatrics. Northern State Medical University, Arkhangelsk.

Yeroshkov K.Yu., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Yershov (branch) of Tyumen State University.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура» входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка (литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru